

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 4 2022

Поздравляем читателей с Пасхой Христовой!

“Мысль об отправке Русской Духовной Миссии в Иерусалим родилась под влиянием многих обстоятельств...”

Сложная политическая ситуация на Востоке повлияла на решение Святейшего Синода придать Миссии на первое время неофициальный статус. Сотрудники должны были представляться паломниками, или, как тогда было принято говорить, поклонниками, имевшими, впрочем, рекомендацию от русского духовного начальства к Иерусалимскому Патриарху. Архимандриту Порфирию был выдан антиминс “для священнодействия на Святых местах”. Рассчитывая на разрешение Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского, Русская Миссия намеревалась наладить в Палестине богослужения на славянском языке, но так, чтобы не вызвать недовольства греков. Исключительный авторитет архимандрита Порфирия, его глубокое знание православного Востока должны были укрепить отношения России с Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами, в союзе с которыми можно было бы противостоять планам Римско-Католической Церкви и протестантских стран Европы”.

Статью Марины Щербаковой “В преддверии русской Палестины”
читайте на стр. 144.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
Э. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

От первого лица

Владимир ПУТИН
Поздравление
работникам культуры 3

Поэзия

Иван АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
Медный голубь
с тяжёлым крылом 5

Тихон СИНИЦЫН
Синдбады Тавриды 24

Владислав АРТЁМОВ
Бездомно в мире человеку 57

Валерий САМАРИН
От земли до солнечных высот..... 103

Проза

Михаил ЧВАНОВ
Прирастай, Россия!..
Рассказ 11

Роман КОЖУХАРОВ
Днепр впадает
в Чёрное море. Роман 27

Залимхан АБДУЛАЕВ
Дневник профессора Эльбаева.
Повесть 61

Очерк и публицистика

Виктор БОЕВ
“Честно служить
своему народу” 106

Валерий СДОБНЯКОВ
Путешествие к мечте..... 110

Виталий ДАРЕНСКИЙ
Четвёртая Отечественная война –
за восстановление России 124

Евгений КОВАЛЬ
Наше море 131

Александр МЕДВЕДЕВ
Читать Достоевского без слёз 136

Александр БОБРОВ
Выстрелы бездействия в спину 140

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора, зав. отделом
публицистики* —
(495) 625-01-81

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Н. Тимофеев —
*редактор отдела
критики* —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Свет разума

Марина ЩЕРБАКОВА
В преддверии русской
Палестины 144

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 154

Память

Вячеслав ЩЕПОТКИН
Люди на пороге жизни 205

Критика

Николай ИВАНОВ
Точка “Ноль” 260

Владимир КОЗЛОВ
Поэзия как полная
противоположность идеологии 263

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ
“Картину с Троцким
показывать нельзя...” 267

Александр БАЛТИН
Словесное сияние советского
деревенского космоса 280

Слово читателя

Валерий СКРИШКО
Люди сибирской стороны 285

В конце номера

Заявление писателей
Республики Абхазия 287

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 29.03.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №0460-2022. Тираж 3200 экз.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВЛАДИМИР ПУТИН
Президент Российской Федерации

25 марта 2022 года в День работника культуры В. В. Путин в режиме видеоконференции встретился с лауреатами премии Президента для молодых деятелей культуры 2021 года и премии Президента в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества 2021 года. Публикуем стенограмму выступления на этой конференции.

В. ПУТИН: Дорогие друзья, добрый день!

Прежде всего хотел бы поздравить вас и всех ваших коллег с Днём работника культуры. Он учреждён в честь огромной когорты людей, настоящих подвижников, посвятивших свою жизнь российской культуре. Великая и неисчерпаемая, она отражает всё разнообразие духовного, исторического наследия и традиций многонационального народа нашей страны, является одной из важнейших основ государства и общества, служит укреплению нашей сплочённости, формированию у юных граждан чувства, понимания Родины.

Культурное пространство России создано трудом и талантом многих поколений художников, писателей и композиторов, актёров и музыкантов, включает в себя не имеющую аналогов в мире сеть музеев, библиотек, домов культуры, сценических площадок, центров народного творчества. Рядом с легендарными Эрмитажем, Большим и Мариинским театрами в России работают многие тысячи муниципальных учреждений культуры. Абсолютно российское достижение – это детские театры и библиотеки и уникальная система образования в сфере культуры, которая охватывает всю страну.

Неоценим вклад российской культуры и в развитие мировой цивилизации. На протяжении веков отечественные мастера литературы, музыки, изобразительного искусства дарили человечеству не только новые эстетические традиции, но, что очень важно, те идеалы и смыслы, которые становились нравственными, духовными ориентирами для миллионов людей, для целых поколений.

Российская культура всегда обращена к человеку. Все лучшие, ставшие классикой произведения отражали его внутренний мир, искания, переживания, ставили волнующие его вопросы, учили думать, оценивать и делать выводы.

И неудивительно, что в нашем национальном характере есть такая черта – как у нас говорят, “принимать близко к сердцу”. Мы обострённо чувствуем чужую боль и несправедливость, способны искренне радоваться успехам других и идти на помощь тем, кто в ней, в этой помощи, действительно нуждается.

Отечественная культура во все времена защищала и самобытность России. Она с готовностью принимала всё лучшее, созидательное, но отторгала лживое и сиюминутное, разрушающее преемственность наших духовных ценностей, нравственных устоев, исторической памяти.

Это уникальное качество надёжно охраняет российский народ и сегодня, когда в разных странах подтачиваются, подрываются, казалось бы, вечные понятия и нормы, искажается история, взламываются законы самой природы.

В целом ряде государств, и прежде всего в так называемых западных, подобные явления не просто проникли в политику, общественную жизнь, в спорт, в образование, а зачастую правят бал в этих сферах – именно агрессивно навязываются, именно там.

Достаточно упомянуть такое явление, как “культура отмены”. Иначе говоря, публичный остракизм, бойкотирование, а то и полное замалчивание, забвение очевидных фактов, книг, имён исторических и современных общественных деятелей, литераторов, просто людей, которые не вписываются, не укладываются в современные шаблоны, какими бы абсурдными они на самом деле ни были.

Это началось не вчера. Как известно, мы хорошо знаем об этом, в Голливуде, например, раз за разом выходили фильмы, в которых единственным победителем нацизма назывались Соединённые Штаты. При этом мужество и героизм, победу Красной Армии, которая внесла решающий вклад, – достаточно посмотреть просто на цифры воинских подразделений, которые воевали на Восточном фронте, у Германии, – решающий вклад Красной Армии просто “взяли и отменили”.

А в Японии, например, в день памяти о жертвах атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки или стыдливо молчат о том, кто же сбросил бомбы на их города, или пишут совсем уже очевидную чушь: мол, это сделали некие абстрактные союзники. В учебниках прямо об этом пишут. А о том, что именно США устроили на исходе Второй мировой войны такую страшную и ничем не оправданную бойню, просто не говорят. Эту правду тоже цинично решили “отменить”.

Не так давно “отменили” и детского писателя Джоан Роулинг за то, что она – автор книг, которые разошлись по миру сотнями миллионов экземпляров, – не угодила поклонникам так называемых гендерных свобод.

Сегодня пытаются отменить целую тысячелетнюю страну, наш народ – говорю о прогрессирующей дискриминации всего, что связано с Россией, об этой тенденции, которая разворачивается в ряде западных государств, при полном попустительстве, а иногда и при поощрении правящих элит.

Пресловутая “культура отмены” превратилась в “отмену культуры”. Из концертных афиш вымарывают Чайковского, Шостаковича, Рахманинова. Также запрещаются и русские писатели и их книги. В последний раз такую массовую кампанию по уничтожению неугодной литературы почти 90 лет назад проводили нацисты в Германии. Мы хорошо знаем и помним из кадров кинохроники, как сжигаются книги прямо на площадях.

Представить такое в нашей стране невозможно. И застрахованы мы от этого во многом благодаря отечественной культуре. Она для нас неотделима от Родины, от России, где нет места этнической нетерпимости, где веками вместе живут, трудятся, растят детей представители десятков национальностей и этнических групп, а культурное многообразие является гордостью общества, силой и преимуществом нашего государства.

Думаю, многие знают, видели, как в Неаполе уличный художник недавно нарисовал на стене дома портрет ныне “отменённого” на Западе или “отменяемого” русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского. Это всё-таки даёт надежду, что именно через взаимную симпатию людей, через культуру, которая всех нас связывает и объединяет, правда безусловно пробьёт себе дорогу, что искусство, образование, как им и должно быть, будут сеять только лишь умное, доброе и вечное.

Уверен, у нас, в России, иначе не будет. Одно из подтверждений тому – творчество участников нашей встречи, лауреатов премии для молодых деятелей культуры и премии за произведения для детей.

Уважаемые друзья, вы принадлежите к разным поколениям, служите в разных сферах российской культуры и просвещения, но одинаково преданы им, стремитесь приумножать их богатейшие традиции, воспитывать новые поколения думающих и духовно богатых людей, способных воспринимать и передавать традиционные ценности, знающих и уважающих прошлое и настоящее своей страны, истинных граждан России.

*Московская область,
Ново-Огарёво*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

МЕДНЫЙ ГОЛУБЬ С ТЯЖЁЛЫМ КРЫЛОМ

НАЗЛО СЕДОМУ ЯНВАРЮ

А я картошечку сварю
и к ней селёдочку достану.
Назло седому январю
грустить и мёрзнуть перестану.

Ко мне приехали друзья
и принесли “чего покрепче”.
И стало ясно, что не зря
мы столько ждали этой встречи.

Но я в сердцах “переберу”
и, озираясь, как предатель,
запретный номер наберу
на телефоне у кровати.

И под протяжные гудки
жизнь проплывёт перед глазами,
как тот буксир с ночной реки,
что так дымил, прощаясь с нами.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Иван Александрович родился в 1977 году в Москве, в многодетной семье. Окончил Московский государственный агроинженерный университет имени В. П. Горячкина по специальности “инженер-механик”, с 1998-го по 2001 год — аспирантуру ГОСНИТИ, к. т. н. В настоящее время работает в компании по производству печатной и наружной рекламы. Живёт в Москве.

ВОРОНИЙ ГЛАЗ, ЗЕЛЁНЫЙ ВОРОТНИК

Моей судьбы растительный двойник,
Вороний глаз, зелёный воротник,
Я всё-таки тайком тебя коснулся.

Как мне знаком твой ядовитый взгляд,
Он тот же, что и тридцать лет назад.
Я словно за ключом домой вернулся,

И мы в дверях друг друга узнаём.
Я вижу отражение своё
Как будто в тёмном зеркале прихожей.

И ухожу. И запираю дверь.
Но чувствую: ты смотришь и теперь,
Сквозь двери и года входя под кожу.

* * *

На поиск лодки непришедшей
Послали люди вертолёт.
И день, казалось бы, прошедший,
Никак к финалу не придёт.

Никак не кончится качанье
Огня над пропастью во мгле,
Как жест извечного прощанья
Людей с надеждой на земле.

* * *

На одном из тысячи подобных
Островов Карибского бассейна,
В эру карт и лодок допотопных,
Как-то раз моряк нашёл спасенье.

Как спасенье? — просто передышка.
Как нашёл? — русалка подсобила.
Только остров — райский даже слишком,
Жизнь его ещё не заселила.

Щебень из ракушки и коралла,
Горькая трава да кустик хвойный.
Знать, морская ведьма покарала,
Утонул бы честно и достойно.

И кричать, и верить бесполезно,
И во рту — ни маковой росины.
А она поёт, несёт из бездны
Раковин волшебные кувшины.

Как насмешку над своей судьбою,
В ней он будто видит человека.
А она играет в прибое,
Словно дразнит: догоняй, калека!

На земле ему одна могила.
И топиться заново противно.

Прикусил язык, что было силы,
И уснул на выброшенной тине.

Всю посуду в гневе перебила
Плачущая внучка Океана
И в порыве этом превратила
Моряка в седого пеликана.

А потом туда туристов стали
Привозить на лодках из отелей.
А они чужое щебетали,
По-чужому на него смотрели.

Пеликан парит над черепками —
Ни собрать, ни склеить их увечья.
И молчит совсем по-пеликаньи,
И глядит почти по-человечьи.

* * *

Тёмная бабочка с белой каймой,
ты отчего так кружишь надо мной?
Не улетаешь и не садишься,
словно в невидимый купол стучишься.

Грешен я, грешен по вере любой!
Может, мы этим похожи с тобой?
Или ты ловишь за хриплым дыханьем
тяжкие мысли о покаянье?

Или я занял земли лоскуток,
мокрой спиной упав на цветок?

ФАКИР

Из саркофага кофра
(бархат багряный зева) —
чёрная шея кобры,
медное тело девы.

Колья колков под лаком
или клыков колких.
Кто вам, виола, лаком?
Кроликов вам скольких?

Джентльмены и — о, леди! —
вот и факир во фраке —
бредит, небрит и бледен,
как вурдалак во мраке.

Вздрагнет, рукой крюкастой
чёрную шею схватит,
тело змеи задушит,
медное — обрюхатит.

Грим огранят гримасы,
словно из воли волны,
словно от этих пассов
до сквернословья больно.

Крови напьётся кролик
собственной, без обмана,
и напитает кровью
бархатный храм брахмана.

* * *

Большой ночной павлиний глаз —
большая бабочка ночная —
в тот вечер обручила нас,
наверняка о том не зная,

как ты зашла за волнорез
и, круг проплыв в сиянье лунном,
одежды выходила без
на камни, словно шла по струнам.

Ни спрятаться, ни упредить,
как будто бабочка большая
присела на твоей груди,
кругов коснуться приглашая.

По-подростковому смешон,
я, от виденья камня,
на этот бархат, этот шёлк
глядел, притронуться не смея.

Луна в лагуне, раздвоясь,
манила молодость на скалы,
и надо мною власть твоя
незримо крылья расправляла.

СПАСИТЕ ЖЕНЩИНУ

Спасите женщину, она в глухом саду
моих грехов незримых заблудилась,
не дозвалась меня, не добудилась,
но до сих пор всё кличет на беду.

Прошу, уйди, я не желаю зла.
Спасибо, милый друг, что принесла
своё сердечко — аленький цветочек.
Как светится, трепещет, кровоточит!

Оставь его и поспеши назад,
снеси кольцо волшебное в ломбард,
но помни сновидение дурное:
сад Мандельштама, остров на пруду,
где ты у сказки злой на поводу
поцеловала чудище лесное.

* * *

Вьюнок на чугунной ограде —
рисунок на белой стене,
в моём растворяется взгляде,
ознобом ползёт по спине.

На ощупь, неспешно, упорно.
Но что будет делать змея,
когда потеряет опору,
достигнув вершины копья?

2017

В пламенном трепете осени —
Россыпью тени примет:
Крупные красные оспины
Зримый оставили след.

Город ветрянкою мается,
Гладит порывисто лоб,
Жар на ветру разгорается,
В теле гуляет озноб.

Все разбежались по случаю,
В парке введён карантин;
Больно зараза летучая,
Вот и шатаюсь один.

Память сердита и дешёва —
Высшая, в сущности, блажь.
Только, смотри, не расчѣсывай.
Хочешь, зелёной замажь.

* * *

Хороводы разводов и встреч,
Да банкетов невнятная речь.
От чугунных, стальных голубей
Мир шумней, веселей и грубей.

Воркования слушая их,
У гранитных ступеней притих
За пустым невысоким столом
Медный голубь с тяжѣлым крылом.

Сизых туч толкотня на ветру,
Те же тени на новом пиру;
Спотыкается на пустоте
Взгляд — ну вот, улетел.
Улетел.

* * *

Спокойной ночи, красота.
Ты, как в упрёк мне, спать не хочешь,
Иль вовсе не умеешь спать,
Но всё равно — спокойной ночи.

Тебя непросто удивить,
Ты столько вынесла. И всё же
Пускай хотя бы в эту ночь
Тебя ничто не потревожит.

И не нарушит ровный ход
Богини вечной и несчастной
Ни ветер мусорный, ни шум
Семейной сцены безобразной.

Мои кошмары ждут меня.
Живи, чего угодно ради,
Ночным дозором обходя
Людьми разрушенное за день.

Из плена грубости слепой
Земля тебе навстречу выйдет,
И будешь ты сама собой,
Пока тебя никто не видит.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ПРИРАСТАЙ, РОССИЯ!..

РАССКАЗ

Они переходили казахстанско-российскую границу по всем правилам конспирации — глубокой ночью и в ненастную погоду. Иван Хорьков недели полторы до того, показывая всем свой видом, что граница его не интересует, изучал подходы к ней равноудалённо от двух погранично-пропускных постов. Слава Богу, сплошной пограничной охраны, как и вспаханной пограничной полосы, пока не было, а она, судя по всему, скоро может появиться.

Иван ехал верхом на запряжённой в телегу Звёздочке, опираясь ногами вместо стремян на оглобли телеги, потому что саму телегу занимали две клетки; в одной тревожно гоготали гуси, Иван пытался шикать на них, они на какое-то время замолкали, потом начинали снова; в другой похрюкивала супоросая свинья. А ещё на телеге лежали стреноженными пара овец и пара коз. Рядом со Звёздочкой беззаботно трусил жеребёнок. Второй упряжкой управлял сын, сорокапятiletний Дмитрий, в отличие от отца, тихий, спокойный — в мать, на телеге, кроме небольшого, крайне необходимого на первую пору домашнего скарба, на мягкой травяной душистой постилке восседали жена Пелагея, беременная сноха Настя и пятеро внуков, старшему — двенадцать, а младшему — полтора года.

На самой границе Звёздочка вдруг, задрав голову, тревожно и томительно заржала, её поддержал второй конь, Гнедко, они словно чуяли, что

ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился в 1944 году в Башкирии. Автор более двадцати книг прозы и публицистики, председатель созданного им Аксаковского фонда. Лауреат Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова, премии имени К. М. Симонова, Большой литературной премии первой степени Союза писателей России, премий “Имперская культура” имени Э. Ф. Володина и “Александр Невский”. В 2000 году награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, в 2010 году — орденом Почёта. Почётный гражданин Уфы. Вице-президент Международного Фонда славянской письменности и культуры.

навсегда прощаются с родиной, и у Дмитрия от этого ржання защемило сердце, ведь это была и его родина, которая ещё недавно была частью большой Родины — России.

Дедом Ивана был уральский казак, подхорунжий Силантий Хорьков, после гражданской войны на трёх орловских бежавший в казахские степи, спасаясь от верной смерти от объявленного товарищем Троцким расказачивания. Родители Пелагеи, детдомовцы, — их родители погибли в войну, — после профтехучилища, взбаламученные Хрущёвым, по комсомольско-молодёжной путёвке приехали в казахские степи поднимать целину.

И когда через десяток лет начались пыльные бури и смерчи, уносящие в овраги и балки лишённый вековой дерновины тонкий плодородный слой земли, — природа не вынесла коммунистического издевательства над ней, — собрались было, как многие, обратно, но ехать, в отличие от других, им было некуда и не к кому, они не знали не то, что родителей, а даже в каком городе или селе родились.

С развалом Советского Союза у Ивана Хорькова что-то оборвалось внутри или, точнее, там вдруг образовалась точащая душу холодная пустота, и даже воздух, как бы отрезанный пока виртуальной границей, вроде стал другой, не родной, что ли, даже когда он дул с севера, из коренной России.

Даже казахи на первых порах вместо радости от вдруг обрушившейся на них свободы, с которой они не знали, что делать, чувствовали растерянность и неприютность, граничащую с сиротством, что их оторвали от России. Но со временем всё стало меняться, что заставляло Ивана постепенно чувствовать себя в Казахстане нежелательным иностранцем.

Особенно нагло вели себя казахи из Монголии, приглашённые оттуда Нурсултаном Назарбаевым. Последним толчком стал обнаруженный утром на воротах лист фанеры, на котором было написано густо-чёрным: “Русские — в Рязань, татары — в Казань” — с тремя восклицательными знаками, а рядом густо-красным — всполохи огня.

Что рано или поздно следует за такой надписью, Иван хорошо знал по кровавым событиям в Душанбе в начале 90-х годов прошлого века, свидетелем которых был сам во время службы в армии. Иван вознамерился сорвать фанеру, но потом, остыв, подумал и оставил. Может, кому стыдно будет? Но никто не приходил, не извинялся и фанеру не срывал. На третий день не выдержал, пошёл к участковому.

Участковым служил одноклассник сына Дмитрия, сын хорошего знакомого Ивана Алмаса Каипбергенова. Кроме него, в кабинете находился молодой незнакомый парень.

Иван замялся, не хотелось говорить при незнакомом человеке.

— Не стесняйся, дядя Иван, выкладывай. Это наш общественник, помощник мой.

Иван изложил суть дела.

— Ребятишки, дядя Иван, наверное, балуются, — поморщился участковый. — Стоит ли на пустом месте шум поднимать? Можете, конечно, написать заявление. Сорвали бы фанеру — да и вся проблема.

Иван не стал писать заявление, понял, что без толку. Присутствовавший при разговоре парень догнал Ивана на улице, пошёл рядом с ним:

— Сидели бы тихо, не высовывались. Только хуже себе делаете. Знайте своё место! Теперь Москва нам не указ. Не нравится, скатертью дорога! Никто вас не держит... Русский язык государственный — это временно. Скоро мы отменим его, везде будет только казахский. На латиницу мы уже перешли. Привыкайте!.. Или уезжайте!..

Иван еле сдерживал себя, чтобы не взорваться, лишь ускорил шаг. Но тот не отставал:

— Мы отомстим вам, русским, за угнетение казахского народа во время так называемой коллективизации, за голодомор, за репрессии в тридцатые годы. Вы скажете, что это делали не русские, а большевики-евреи. А почему вы дали им возможность сесть себе на шею? Вы подумали о тех, кого в своё время взяли под своё крыло? Вы не задумывались, почему вас ненавидят во всех бывших советских союзных республиках?..

И вот теперь они переходили границу.

Но всё обошлось, к рассвету, который обещал хороший день, они уже были далеко от границы. Справа оставалось село Ильинка. В нём могли быть милиционеры, которых в России несколько лет назад, знал Иван, переименовали в полицейских. Иван гадал, что изменилось от этого переименования? В глубокой степной, но теперь уже оренбургской долине, которая ничем не отличалась от казахстанской, Иван остановил свой табор, чтобы передохнуть, покормить животину, а может, и немного соснуть. Путь лежал неблизкий.

— Ну, Пелагея вот мы и дома... в России! — он не смог сдержать слезу и неловко обнял жену.

— Как-то тревожно, не по правилам, словно воры... — начала она в который раз.

— Перестань! — оборвал он её. — Пробовали мы по правилам, кукиш вышел с маслом, чиновники в консульстве заняли круговую оборону, словно не русские или мы не русские. Три раза за полтыщи вёрст в Алма-Ату ездил. Возраст наш с тобой их, видишь ли, смутил, как бы нахлебниками не стали, пенсию через год-два нам с тобой придётся платить. По этой причине под программу организованного упрощённого переселения мы не попадаем. Не может быть такого, чтобы русских в Россию не пускали. Неужели не дадут на родине предков умереть? Не иначе, враги Путина в консульстве засели. Ну, если уж встал вопрос о пенсиях, мы не нахлебниками идём, с собственной животинкой, считай, готовое фермерское хозяйство, о которых сейчас так много говорят по российскому телевидению, дай только нам кусок земли, дом у нас какой-никакой уже есть. Сами себя прокормим, да и про страну не забудем. Неужто не примут?! — В голосе у Ивана не было никакого сомнения, хотя внутри было тоже тревожно. — Неужто лишними будем? Казахстан большой, а Россия в несколько раз больше Казахстана. Неужто места не хватит? Вон по телевизору слышал, что население России уменьшается, чуть ли не по миллиону в год. Подумать страшно, если так будет продолжаться, что ждёт Россию уже в недалёком будущем. Неужели никто об этом по-настоящему не думает? Собираться надо нам, всем русским, что остались на Земле. Потомкам тех, что ушли в гражданскую войну, спасаясь от неминуемой смерти, кого бросили за границей во время развала СССР. Неужто Богом так задумано, чтобы, может, разбавить русским добром другие народы и бесследно раствориться в них! Неужели Господь так решил? Да, собираться нам, русским, надо. А нас, вон, сразу девятёро, к тому же сноха на пятом месяце — прирастай Россия!

Неожиданно в долину со стороны Ильинки, — Иван перед своим египетским исходом из казахского плена, намечая маршрут, тщательно изучил карту Оренбургской области и дальше на север, — спустился самодельный тракторишка с прицепом. Увидев табор, по кругу подрулил к нему. Заглушив мотор, мужчина поздоровался.

— Не оттуда? — засмеялся, махнул он рукой в сторону Казахстана, явно ожидая отрицательного ответа.

— Оттуда, — помешкав, сухо ответил Иван.

— Что, серьёзно?

— Серьёзно.

— Значит, правду говорят, что казахи стали прижимать русских?

Иван промолчал.

— Не могу поверить, душа в душу жили, никаких границ не признавали. Великий Казахстан начали строить, и русские им стали мешать. Акмолинск-Целиноград сначала в Астану, а потом в Нур-Султан в честь Назарбаева переименовали. Столицу в него срочно из Алма-Аты перенесли, чтобы Россия вдруг не надумала вернуть свои исконные земли. Мы, русские, ведь долго думаем, а потом уж поздно бывает. Из захолустного города за несколько лет превратили в мегаполис-миллионник, обобрав для этого весь и без того нищий Казахстан. Никитка Хрущёв, добрый был человек, дарил налево и направо: Крым, Порт-Артур... Они, большевики, все были добрые,

разрезали страну на куски, по живому на так называемые союзные республики. Большой кровью это в девяностые годы обернулось. Но на этом, как я думаю, не закончится, заложенные Лениным с поделниками, или он, наоборот, только поделником был, мины долго ещё будут взрываться, может, до последнего судного для России дня. Вот Путин уйдёт, не вечный же, и может снова стать, как в девяностые, если не хуже. Он ещё в самой силе, а уже даже не тайно за его спиной, а в открытую, в глаза ему, не только враги судачат, кто после него будет. Словно торопят: уходи поскорей! Поставили пса караулить награбленное, успокоились, разлеглись на перинах на всевозможных экзотических островах, а он вдруг вывернулся, не иначе, не без помощи Бога, из Савла превратился в Павла. Что ни говори, вытащил он Россию не просто из дерьма, на краю пропасти стояла, пришёл настоящий, стержневой мужик, в Бога верующий, а всё не по нам, нам всё не угодить, что за народ? Непокойно на душе как-то. Да... У нас в Ильинке много жило казахов, а как объявил Назарбаев вслед за Ельциным самостоятельное государство, почти все перебрались в Казахстан, в тот же Нур-Султан. Казахи преграды своим не строят, они, по примеру Израиля, всех своих к себе забирают, неважно, стар или млад. Не то, что наши: далеко не каждого русского, оказавшегося за границей не по своей воле, берут, а страна пустеет... Извини, как понимаю, в самоволку пошёл, раз в лощине прячешься?

— В лощине трава помягче да погуще, — ушёл от ответа Иван. — Да и передохнуть.

— И то правда, и я вот: травы корове накосить. На возвышенностях-то, ещё не поднявшись толком, уже успела повьгореть. Пастухов-то ныне нету, да и откуда им взяться: на всё село коров двадцать осталось... Передохнуть, конечно, надо, но лучше вам тут долго не задерживаться, как можно дальше от границы надо уходить, пограничники иногда рейды устраивают. И нас, приграничных, просят за границей присматривать...

— Да через полчаса тронемся.

— Кони у тебя знатные, им бы не в телеге, а в соревнованиях выступать.

— Орловской породы, рысаки, — с гордостью сказал Иван. — Ещё прапрадед в России завёл, и уж тут, в Казахстане, из поколения в поколение держим...

— Наудачу едешь или план, адрес какой, может, родные — на кого опереться в первую пору?

— Родных нет. Моих товарищ Троцкий в распыл пустил, дед на трёх орловских сюда, в казахские степи чуть ноги унёс, а у жены родители с войны сироты, детдомовские, целину сюда послали поднимать. А адрес есть. Знакомый ездил к своим родственникам в Башкирию. Дом соседский ещё крепкий, пустой, надворные постройки. Старушка рядом умерла. Дети в городе, почти так отдают.

— Так, считай, по всей России дома пустые, вон у нас в Ильинке тоже — заходи, живи.

— Сам говоришь: подальше от границы, а я с девяностых годов, с развала СССР, пуганный границами. В середину народа хочется спрятаться. Село, говорит, крепкое. Соседка старуха умерла, а соседи — лишь бы у дома хозяин объявился. Говорят, страшно рядом с пустым домом жить, словно в нём кто по ночам ходит, стучит, стонет... Словно дом по человеку скучает.

— Дай Бог вам удачи!.. По всему, отчаянный, смелый ты человек: взять и сняться всем хозяйством и неизвестно куда без всякого разрешения.

— Не неизвестно куда, а домой, в Россию. Неужели не возьмёт Родина-мать?! Свои-то казахи ничего, хотя некоторые тоже начали косо смотреть, а вот приехавшие из Монголии, — в своё время они туда от советской власти бежали, Назарбаев их позвал, — те вконец обнаглели, они называют себя настоящими казахами, не испорченными русскими и советской властью, сами казахи за глаза суперказахами их зовут.

— Здесь-то дом на кого-то оставил?

— На соседа.

— На русского?

— Нет, на казаха.

— Надёжный человек?

— Мы с ним с первого класса не разлей вода. Школьный учитель. Отговаривал он меня. Что со временем всё образуется, что это подростковая болезнь становления государства. Молодые торопятся выкорчевать всё русское потому, что отождествляют русское с советским, с большевистским, которое на самом деле, в первую очередь, уничтожало русское, а потом по другим народам прошлось, прикрываясь его именем. Как ты вот сейчас про Путина говорил. Что очень переживает за него, за Россию. Что в СССР простым казахам лучше жилось, чем сейчас, никто их не спросил, хотят ли они самостоятельности. Подумай, говорил, Иван. Россию со всех сторон окружают враги. И всё плотнее сжимается круг. На Россию со всех сторон навалятся, а им изнутри пятая колонна с радостью поможет. Она ждёт своего часа, в нетерпении потирает ладони. Им всем Путин поперёк горла. Они уже почти праздновали победу, а он встал у них на пути. Уже нормальным людям начинает казаться: уйди он, и кольцо разомкнётся, и все разом полюбят Россию, и в мире наступит тишь и благодать. И порой приходит нехорошая мысль: может, действительно ему надо отказаться от выбранного пути, если даже этот путь ему начертан Всевышним, ради самого факта существования России? Может, Бог не всеислен? Хорошенько подумай, Иван! Может, для русского человека тут и останется Россия? К тому же и дед твой, и отец тут похоронены. От родных могил уходишь. Не дай Бог, случись что с Путиным, может рухнуть Россия. И на этот раз ей уже не подняться. О нашей казахстанской власти я уж промолчу, не в обиду тебе будет сказано, больно уж меня ваша российская власть смущает, один за всех тянет, а остальные палки в колёса... Он говорит одно, а они поддакивают, а делают совсем другое. Словно они только и ждут, когда он споткнётся. А то и помогут... А я ему в ответ: потому нам, русским, вдвойне надо собираться всем вместе, объединяться, вон нас, в России, каждый год на миллион становится меньше.

— Вот ты в Башкирию собрался. Не боишься, что после Путина башкиры, как казахи себя поведут? Слышал, среди них тоже свои супербашкиры есть.

— Как живёт Ильинка-то? — вместо ответа спросил Иван. Ему не терпелось узнать, как живёт первая русская деревня по эту сторону границы.

— Живём, перебиваемся, в масле не катаемся. Кто, как я, например, за счёт пенсии, другие, помоложе, за счёт детских пособий. Никакой работы в деревне нет. А вон в городе, говорят, рабочих не хватает. Мигрантов приглашают, потому что им платить можно меньше, чем своим. Ты о государстве беспокоишься, переживаешь, что каждый год на миллион убывает Россия, а вон мэр Москвы Собянин недавно заявил, что в России двадцать миллионов потенциально лишних сельских людей. Озаботился, значит, по его мнению, зря хлеб едим. Как живёт Ильинка? Колхозная ферма с распаханутыми воротами, поля заброшены. Молодые мужики, кто в силе, все на вахтах, на Северах, я тоже ездил, пока на пенсию не вышел.

— А фермеры в селе есть?

— Есть несколько хозяйств. По-настоящему два-три человека на ноги встали. А у тебя, смотрю, готовое фермерское хозяйство. Только ставь на учёт. Да налог назначай. Должны принять, сделать исключение.

— На рассвете, когда мимо проходили, издали церковь видели. В бинокль, красивая.

— Она только издали красиво смотрится, а подойди поближе, вся обшарпанная, и внутри, священника нет, ремонт нужен. Большая деревня, почти тысячу двести человек, а организовать не можем. Вон татары в соседней деревне аж две мечети поставили, и ни одного дома пустого... Ну, ладно, заговорил я тебя — с Богом!.. Теперь буду думать, как ты там устроишься... Чай не чужие... русские люди... Поторопитесь подальше от границы. Допекли, значит, суперказахи?! А у меня вон племянник на казашке женился, так развелись, потянуло её Великий Казахстан строить.

— У меня на казахов нет обиды, — сказа Иван. — Они своё государство строят. Дай Бог им удачи! Может, что получится. У них ведь своей государственности никогда не было, соблазнительно... У меня обида на своих...

За оставшийся день они проехали около тридцати километров. Ехали вдоль дорог краем полей, а где это было невозможно, по обочине. Из окон обгонявших попутных и встречных машин приветливо махали руками. Раз перед перекрёстком трёх больших дорог, в которых не просто было разобратся, остановил инспектор ГАИ, молодой лейтенант. Внимательно осмотрел телеги. Иван не на шутку встревожился.

— Переселяетесь?

— Переселяемся.

— На заднюю повозку нужно было красный фонарь повесить. Ночью опасно будет ехать.

— А мы до ночи на месте будем, — соврал Иван. Он боялся, что инспектор попросит документы, а у него казахстанский паспорт. Но тот неожиданно предложил:

— Давайте, я проведу вас через дорогу. — Встал посреди дороги и остановил движение. На прощанье потрепал Звёздочку по загривку: — В детстве летом у деда с бабушкой в деревне. У них конь был, ездил на речку купать... Эх, жить бы в деревне!.. Счастливой вам жизни на новом месте!

И Иван, до того бывший в постоянном нервном напряжении, немного успокоился. Россия-мать встречала приветливо. Благоухал май. Густо зелела трава. Пели птицы...

Поздно вечером они разбили лагерь на берегу реки. Поставили две специально купленные для похода палатки. Развели костёр. Долго и томительно кокувала кукушка...

В середине июня Сергей Корнаухов вернулся из отпуска. Слетал по индивидуальной туристической путёвке в Париж. Давно мечтал. Ещё с детства. Но в детстве эта мечта была неосуществима, а потом военное училище, семьёй не успел обзавестись, как грянула первая чеченская, потом вторая. Тяжёлое ранение. Вынесли из-под огня, рискуя своей жизнью, юнцы-первогодки. Значит, был неплохим командиром. После ряда госпиталей — институт имени Бурденко в Москве. В институте Бурденко дал себе слово: если встану на ноги, непременно слетаю в Париж. Но и после госпиталя не сразу было до Парижа, надо бы определяться с дальнейшей жизнью. Попробовал себя в журналистике. Брался за самые тяжёлые темы. Втянулся...

К его удивлению, Эйфелева башня его не впечатлила: что-то вроде нефтяной вышки или опоры высоковольтной электропередачи. Не впечатлил и сам Париж. Сергей, чтобы увидеть побольше, вставал пораньше, а с утра Париж представлял из себя жалкое зрелище: грязный, заваленный мусором, плохо выпавшиеся бомжи-африканцы сонно бродят по этому мусору, и порой ему начинало казаться, что он находится в каком-то африканском городе. Нет, думал он, поклонников всего западного нужно в обязательном порядке отправлять на отрезвление в Париж.

Единственное, что его по-настоящему потрясло в Париже, — кладбище русской эмиграции Сен-Женевьев-де-Буа. Оно было словно из другого мира. Над ним парил какой-то особый, может, горный свет, или, может, оно само излучало этот свет. Кусочек былой России посреди Франции.

Сергей знал, что спас кладбище Владимир Путин, когда над ним нависла угроза закрытия и уничтожения: во Франции якобы вдруг стало не хватать земли. Будучи премьер-министром, Путин выкупил землю под кладбищем, и за этот факт Сергей прощал Владимиру Владимировичу многое, в том числе непотопляемость наглого рыжего кота Чубайса, словно имеющего над Путиным какую-то тайную мистическую власть. Неужели Путин не понимает, что непотопляемость Чубайса разрушает веру в него простого человека: преступная приватизация — сошло, разрушил энергосистему страны, результатом чего стал взрыв на Саяно-Шушенской ГЭС, — сошло, под суд пошли другие. Мало того, после этого учредил ему Путин на пропитание ничего не производящую госкорпорацию «Роснано», в которой Чубайс установил среднюю месячную зарплату чиновникам в один миллион двести тысяч рублей, когда прожиточный минимум в стране не дотягивает до двенадцати тысяч. Неужели Путин не понимает, что Чубайс вроде лакмусовой бумажки для

народа: наш Путин или не наш, или только делает вид, что наш, а на самом деле их? И если посчитать, таких “мелочей” наберётся немало: путающийся в ногах ненавистный народу “дублёр” Дмитрий Медведев, сидящая в сенате ненавидящая Россию вдова Собчака Нарусова, финансирование строительства Ельцин-центра в Екатеринбурге и поездка на его открытие, куда собрались все ненавистники России...

И набирается таких “мелочей” столько, что с холодком в сердце можешь невольно оказаться в стане если не врагов, то противников Путина. Русский народ, он очень чуток на малейшую фальшь — большевистская власть научила.

Можно сказать, что из-за русского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа Сергей Корнаухов и слетал в Париж. Нет, никто из его родных на этом кладбище не похоронен. Его прадед в гражданскую войну вынужден был уйти страшным исходом в Китай с атаманом Дутовым и с чудотворной Табынской иконой Божией Матери, духовной покровительницей огромных пространств России от Волги до Тобола, следы которой затерялись во время китайской “культурной революции”. В простом народе упорно бытует верование, что пока она не вернётся в Россию, в ней не установится мир и порядок. Одно время Сергей пытался искать её, но безуспешно, — а прадед вынужден был бежать от этой самой “культурной революции” ещё дальше — в Австралию, где похоронен на кладбище в пригороде Сиднея. Но сейчас у Сергея было чувство, что он лежит на этом кладбище на окраине Парижа.

Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа укрепило в Сергее русскость. И оно укрепило в нём подорванную веру в Путина. Можно сказать, что до того она в большой мере зиждилась на том, что духовником Путина был настоятель Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов), которого Сергеем посчастливилось знать лично и которому безгранично верил, потому что тот был сподвижником великого патриота России скульптора Вячеслава Васильевича Клыкова, автора в том числе Звонницы на Прохоровском поле, третьем поле Русской воинской Славы, и который был твёрдо убеждён, что Россию может спасти только монархия.

В Париже Сергей познакомился с таксистом Юрой-десантником. В Афганистане тот, тяжелораненый, попал в плен, в котором был пять лет. Выкупленный католической благотворительной организацией, — прямым путем в Россию не было, — окольными путями добрался до юга Франции, где нашёл работу. Два года поездок в Париж. Приёмное время для подачи документов в российском консульстве почему-то всего два дня в неделю по два часа, к тому же в рабочее время. Огромные очереди, ночёвки в сквере, объяснения с полицией и работодателем. Кончилось тем, что пришло из дома письмо: умерла мать, последнее, что связывало его с Россией.

— Давай, я попробую помочь, — предложил Сергей.

— Нет, теперь я уже не хочу. Россия стала для меня злой мачехой.

По возвращении Сергей рассказал о Юре-десантнике главному редактору газеты.

— Вот ты мне рассказываешь о Юре-десантнике, а у нас тут без тебя свои десантники. Потеряв надежду получить хотя бы вид на жительство, из Казахстана месяц назад самостийно перебравшись через границу семья русских, представляешь, девять человек с собственным хозяйством: лошади, корова, овцы, гуси... Их выдворяют обратно. Написали соседи в редакцию, ещё верят, что газета что-то ещё может, пытаемся помочь, пока безуспешно. Назарова занимается этим вопросом, ездила к ним несколько раз. Подключись, одной ей не справиться. Дело будет не из лёгких. Вспомни историю с отцом Петром, настоятелем храма в аксаковском Надеждине, беженце с Западной Украины. Восемь лет он с семьёй каждый год вынужден был пересекать границу Украины, чтобы с поставленным штампом пересечения границы и тяжким грузом пережитых унижений вернуться обратно, это давало ему право на продление вида на жительство ещё на год. Может, воспользуешься прежними знакомствами? Хорошо у тебя тогда получилось. Правда, наверное, с год тебе пришлось этим заниматься.

— Не наверное с год, а больше года. В конце концов, я не выдержал, позвонил тогдашнему заместителю министра МВД республики, с которым

был знаком по Чечне, и в весьма резком тоне высказал всё, что думаю по этому поводу. “Даю слово офицера, что через месяц он получит паспорт”. Через полтора месяца он мне растерянно позвонил: “Я не представлял, насколько это сложно, что у нас такое запутанное законодательство. Но я сдержу своё слово, рано или поздно они получат российские паспорта”. Ещё только через полгода ему удалось сделать это. Отец Пётр не поверил, когда я ему позвонил, что надо ехать в Уфу получать российские паспорта, несколько раз перепросил, правда ли это, чуть ли ни плакал от радости...

“Казахстанских десантников” Сергей дома не застал, но дом был не на замке, вместо него вставлен в пробину старинный большой кованый гвоздь со шляпкой зонтиком. Постучал в соседние ворота. Вышла пожилая башкирка:

— Да они в огороде, за сараями, картошку окучивают. Как только приехали, сразу же посадили, у нас как раз старая картошка оставалась. Да соседи с другой стороны дали. Семья-то большая, вот целый огород и засадили. Да ещё у соседей пустующие пять соток прихватили: кормовую свёклу, морковь. Им в сельсовете говорят, вид на жительство не оформлен, а картошку посадили, не имели права. А Иван Пантелеевич им: “Осень припрёт, чем семью кормить буду? Выгоните, так вам достанется”. Хорошие люди, работающие. Помогли бы им как. А то участковый чуть ли не через день ходит, то ещё откуда приезжают. Страшают выслать обратно, на закон ссылаются. А что это за закон: русским в Россию нельзя вернуться?! Не по-человечески это. Нехорошо. Бог нас всех за это накажет.

За сараями в огороде было двое. Как определил Сергей, мать с сыном. Встретили настороженно. Приняли за очередного “уполномоченного”, понял Сергей. Просветлели лицами, когда он представился.

— Ваша сотрудница, Наталья, так уж старается нам помочь. Вещи для детей собрала, продукты, деньги в неделю раз привозит. Ребятя только что на речку убежала, пололи картошку. Урок свой выполнили и убежали. У нас в Казахстане ни реки, ни пруда рядом не было. Им это в диковинку, чуть что — туда. Кунаются до посинения. Сноха к фельдшерице ушла. На сносах она, а сам-то в Уфу в миграционную службу уехал. Картошка должна уродиться. Да вот боимся, что напрасно. Куда ни сунемся, везде отказ. Гонят обратно в Казахстан, там документы в консульство подавайте. А разве мы не пробовали? По каким-то параметрам мы через российское решето законов не проходим, вроде бы не нищие. Больше уже некуда ходить, больше уже не к кому обращаться. Письмо, — Пелагея замялась. — Путину написали, на него вся надежда... Огород-то лет десять не сажали, хорошо, соседи помогли, трактором вспахали, а потом уж мы на своих лошадях перебороновали, теперь земля, как пух, соскучилась по урожаю.

Председатель сельсовета и участковый оказались на месте, их кабинеты были рядом. В капитане-участковом, примерно ровеснике, Сергей по равнано-му ожоговому шраму на лице узнал своего:

— Танкист?

— Танкист.

— Чеченская первая или вторая?

— И первая, и вторая. Что, тоже?

— Штырь в позвоночнике. Забыть не даёт.

— Да что нас убеждать-уговаривать, — вздохнул капитан-участковый. — Насмотрелся я в Чечне на несчастных русских беженцев. Никому в стране до них не было дела, лишь бы чеченцев ублажить. Если честно сказать, то и сейчас нет до них дела, приткнулись, кто где смог, зато Грозный отгрохали, как какой-нибудь Дубай или Арабские Эмираты... От нас ничего не зависит. Мы только рады им, не алкаши какие-нибудь. Умные люди там наверху, — ткнул капитан пальцем в потолок, — меня вон с Петром Фёдоровичем крайними в этой истории назначили: готовьте документы на принудительное выдворение с территории Российской Федерации, российские законы нарушать никому не позволено, и весь разговор. Горячие законники в прокуратуре чуть не возбудили уголовное дело за незаконный переход границы. А это, по малой, на полдесятка лет тянет.

— Я не убеждать-уговаривать вас пришёл, — сказал Сергей. — Помогите, чем можете, пока решается вопрос. А я убеждён, что он будет решён. Помогите с временным трудоустройством хотя бы одного из мужиков. Понимаю, что без российского паспорта, без вида на жительство это непросто. На счёт пастьбы скота...

— Да и так уж стараемся. Место выпаса коней, коровы, овец, коз определили, благо, что наши почти не держат скот. И с сенокосом определимся. Вы там, наверно, главное, определитесь.

— Вы успели к ним присмотреться, что они за люди?

— Нормальные люди. Только вот старший больно уж горяч, можно сказать, нервный. Ему всё подавай сегодня и сейчас. Видимо, натерпелся. С чиновниками так не разговаривают.

Затянулись походы по разным инстанциям, везде вежливо выслушивали, некоторые даже сочувствовали и, в конце концов, тоже тыкали носом в закон. Удручённый, Сергей пошёл к главному редактору:

— Опускаются руки. Я думал, что самое страшное, что я в своей жизни пережил, было в Чечне, но там я знал, где свой, где — враг. Мне по-настоящему страшно, я всё больше прихожу к мысли, что мы уже не народ, а народонаселение. Либералы вынули из нас душу. Может быть, мы уже бывшие русские? Все ссылаются на закон, друг на друга, пусть едут в Казахстан и начинают по всем правилам собирать бумаги. Объясняю, что там в консульстве дали однозначный поворот, имея какие-то тайные для простого человека инструкции. Мне стыдно смотреть Хорьковым в глаза. Ну, будем мы собирать продуктовые наборы, какие-то деньги, чтобы они не умерли с голоду, успокаивать их, что всё будет хорошо. Так не может продолжаться без конца. Кончатся тем, что их выдворят под конвоем или кто-нибудь из них наложит на себя руки.

— Напиши статью. Мы пошлём её в необходимые ведомства. В конце концов, откликнутся люди...

— На публикации теперь никто не реагирует, только гусей травить, ведомства не обязаны на них отвечать, как было в советское время.

Сергей назвал статью “Не родные на Родине...” Начал он статью так:

“Скандальный французский актёр Депардье, в обиде на налоговую систему Франции вдруг решивший стать гражданином России, стал героем анекдотов. Сам Путин вручил ему российский паспорт, губернаторы встали в очередь дарить ему, нищему, квартиры. Потом так же помпезно вручили российский паспорт какому-то вышедшему в тираж боксёру, по этому случаю тоже много было барабанного боя. Не столь давно вручили российский паспорт другому актёру, теперь уже голливудскому. Грудь распирает от гордости: растёт, ширится Россия!

Ежегодно в Москве собирают форум соотечественников за рубежом: Президент, депутаты Государственной Думы за государственный счёт приглашают потомков именитых фамилий: князьёв, графьёв, баронов, говорят речи о матушке России, которая снова стала великой и готова взять под своё крыло всех русских, оказавшихся за границей. Но потомки графьёв, князьёв и баронов не очень-то торопятся в Россию, потому как большинство их предков бежали из страны, как нынешние олигархи, как крысы с корабля, ещё до революции и гражданской войны. И в большинстве случаев ничто, кроме громких фамилий, с Россией их не связывает.

Заседания Всемирного Русского Народного Собора: опять-таки, Президент, Патриарх, опять-таки потомки графьёв, князьёв, баронов, непременные борцы за русское счастье Зюганов и Жириновский, опять разговоры о том, что Россия собирает под своё крыло соотечественников. Законы соответствующие по этому поводу принимаются — даже по упрощению получения гражданства. А в это время десятки, сотни, тысячи бывших граждан России, которая называлась СССР, по 10, 15, 20 лет бьются, словно рыба об лёд, чтобы получить российское гражданство. Если даже оставить в стороне такой непреложный нравственный и юридический вопрос, что все граждане бывшего СССР, правопреемником которого стала Россия, должны автоматически

получить российское гражданство, то сугубо с практической стороны: в недалёком будущем России грозит демографический кризис. Чтобы выйти из экономического кризиса, кроме новых технологий, нужны рабочие руки. С высоких трибун провозглашается одно, а на деле творится совсем другое. Решившего вернуться на родину встречают равнодушием, унижением человеческого достоинства, хамством, сотнями всевозможных преград. Государство, помимо всего прочего, организовало на человеческой беде циничный бизнес, каждая бумажка, кроме нервов, стоит немалых денег, которых у простого люда просто нет...

Всего лишь один пример. Три месяца назад из Казахстана в Россию, не выдержав издевательств от переселившихся туда по приглашению Назарбаева монгольских казахов, перемалась через границу русская семья Хорьковых — четверо взрослых и пятеро детей. Перешла границу не с протянутой рукой: с двумя орловскими рысаками, козами, поросятами, гусями, другой живностью. Словом, целым крестьянским хозяйством, а главное — с рабочими руками. Оркестров, разумеется, не было. Но оркестра они и не ждали. Они ждали, что Родина, в своё время отправившая их родителей поднимать целину, радостно примет их. И начались мытарства, в том числе с каждого из них — русских! — затребовали сертификата на знание русского языка! Кипа бумажек на каждого — в 80 тысяч рублей, и неизвестно ещё, где брать эти бумажки!..”

Главный редактор, смягчив некоторые места, тяжело вздохнул и подписал статью в печать.

С нетерпением Сергей ждал реакции на статью. Увы, никто, ни одна официальная душа не откликнулась на неё. Ни велеречивые депутаты самой народной в мире партии “Единая Россия”, по наследству от КПСС принявшей на вооружение махровую демагогию, провозгласившую, к примеру, непримиримую борьбу за чистоту русского языка и тут же навязавшую народу ублюдочное, заимствованное из американской выборной системы слово “праймерис” (первичное голосование), ни депутаты “Справедливой России”, ни самые ярые борцы за народное счастье, зюгановцы и жириновцы, ни один глава района, ни один руководитель предприятия, ни одно государственное сельское хозяйство, разумеется, ни один из банков, халявными кредитами заманивающих людей, а потом отдающих их на съедение коллекторам... Был только один полуофициальный отклик. Позвонил помощник прокурора республики: похвалил за чуткость к людям и в то же время предупредил, что статью можно квалифицировать как посягательство на законодательство Российской Федерации.

Отозвались только простые русские и нерусские люди: кто продуктами, кто одеждой, другие просили сообщить номер банковской карты, на которую можно перевести деньги, фермер из соседнего района привез десять тюков сена и два мешка овса для коней.

— Конечно, большое спасибо за деньги, за продукты! Но не будете же вечно нас кормить, как нищих, — в очередной приезд Сергея не выдержал Иван. — Мне уже горло дерёт ваш хлеб с маслом. Я вижу, что вы стараетесь и не обязаны это делать, но неужели это большая проблема для страны?

— Мы уж боимся, кабы вам каких неприятностей из-за нас не было, — встала Пелагея.

— Мы русские и хотим жить и умереть в России. Это право дано нам не вашей Думой, которая печёт антирусские законы, а Господом Богом. Я родился хоть и в Казахстане, но родился русским. — Иван потряс перед лицом Сергея своими огромными, словно лопаты, мозолистыми руками. — Дайте им возможность работать! Мы не хотим быть нахлебниками. Дайте нам право жить и умереть в России! Израиль для евреев, Казахстан для казахов, а Россия — для кого?

— А что с письмом Путину? — спросил Сергей.

— А то, что выговор получили за то, что писали. В том числе председатель сельсовета и участковый. Что пустили нас сюда и вовремя не выгнали.

— До него письмо не дошло, — стала оправдывать Путина Пелагея. — Если бы дошло, он обязательно решил бы. Люди говорят, что нужно было

бросать письмо в Москве. В поезд кому-нибудь дать, чтобы в Москве бросили. Потом: ему, наверное, столько людей пишут, что все их не прочитать. Он один за всех. Жалко его. Одинокий он человек. По всему, и помощников у него настоящих нет, которые смотрят с ним в одну сторону. До нас ли ему, столько врагов вокруг России. И всем он мешает. И всем он как кость в горле. Бьётся он за нас, а мы его не жалеем. А нас, русских, всё меньше на свете. Видано ли: в семье один-два ребёнка, а то и ни одного. В Казахстане не так, всё больше многодетные, население с каждым годом растёт. Страшно подумать, вон статистика: на десять браков семь разводов. И государство как бы радо этому: каждый день по телевизору после “Новостей” фильм обязательно про разводы, по предательство, про любовников да любовниц, как собаки, сбегались да разбежались, и вся любовь, как будто в России уже нет нормальных семей. Куда дальше-то? Насмотрелась я тут за полгода. Строите ракеты, самолёты, чтобы отражать врагов, а страну изнутри ржа разъедает, которая страшнее внешних врагов. С пустотой в сердце живёте. То и дело родителей за пьянку лишают прав. Видано ли, при живых родителях — сироты! При живых родителях — детдома. Разве это нормально? Простите, вроде бы я не имею права судить, чужая, приبلудная, вырвалось, что накопилось.

Сергей был согласен с Пелагеей. Он, воспитанник детского дома при живых родителях, для себя давно вывел формулу: велик тот народ, у которого нет детдомов. В своё время в Чечне он поразился, что в ней нет детских домов, случись беда, тут же детей забирают родственники или даже соседи.

— Раньше в детдомах были дети погибших на войне, — продолжала Пелагея, — как, например, мои предки, — а сейчас? Видано ли: сироты без войны! А выходят они из детдомов, и деваться им некуда... Смотришь по телевизору, что ни день, сообщают: то здесь, то там им поддули развалюху, в которой жить нельзя. Да ещё такое-то жильё приходится ждать годами, а то и десятилетиями. Разве так с сиротами можно, их и так судьба наказала. — Пелагея вдруг заплакала. — И мы как сироты. Сколько нас, брошенных, по бывшим союзным республикам, говорят, без малого тридцать миллионов, а точно никто не считал. И везде нас гонят, везде мы виноватые. Бездомные мы... Сироты мы... Без Родины мы...

Время летело. Прошло ещё два месяца. Вид на жительство Хорьковым оформить так и не удалось. На постоянную работу Хорьковых без документов по-прежнему не брали, а если брали, то платили, как бесправным, незаконно пересекшим границу гастарбайтерам, копейки. С последнего места работы, из животноводческого хозяйства, где платили им 5 тысяч рублей в месяц, пришлось уволиться, а безработные иностранцы могут находиться на территории России не больше трёх месяцев. За детские медосмотры и за любое обращение за медпомощью тоже, как с иностранцев, требовали плату. На это и на еду уходили все деньги, присылаемые добрыми людьми.

Но случилась в семье Хорьковых большая радость: у младших, Татьяны и Дмитрия, родился сын. У мальчика, которого назвали в честь деда Иваном, отличные показатели: вес 3100, рост 50 см.

Правда, с родами тоже не всё было просто. Когда начались схватки, Татьяну отвезли в районную больницу в село Языково, но там под предлогом, что рано, сделав укол, не приняли. Через три дня пришлось ехать снова, но языковская больница на сей раз отфутболила их в близкую Уфу. Здесь пришлось вмешаться в ситуацию Сергею. Миша стал шестым ребёнком в семье младших Хорьковых, подрастает Наталья, которой в этом году вслед за старшими братьями и сестрами идти в первый класс, но тут на близком горизонте нарисовались тупиковые проблемы со школой,

Рождение Михаила принесло в семью огромную радость и в то же время горечь. Встал вопрос с получением документов на Мишу. Хотя и родился он, русский по отцу и матери, в России, гражданином России быть не может — у родителей казахстанские паспорта. Так что в ближайшее время семье, чтобы не быть принудительно выдворенными, придётся пересекать российско-казахстанскую границу в обратном направлении. Зарегистрировавшись на той

стороне, можно будет иметь возможность на время снова вернуться в Россию.

Сергей уже несколько месяцев чувствовал всё больше нарастающую тяжесть в спине, потом тянущую боль в месте, где торчал штырь, но всё оттягивал визит в больницу, надеясь наконец решить вопрос с видом на жительство для Хорьковых.

Но однажды утром он с трудом поднялся с постели и понял, что медлить больше нельзя, что завтра он может уже не встать.

Хирург в поликлинике, рассматривая рентгено снимок, покачал головой:

— Надо же так запустить! Что же это вы?

— Надо было закончить одно дело, которое, можно сказать, стало для меня смыслом жизни. Слово офицера себе дал, презирать себя буду, если не помогу людям.

— Ну, и закончили?

— Увы, нет.

— Мда! Ничем я вас не обрадую. На сегодняшний день смыслом жизни для вас должно стать как можно скорее добраться до операционного стола. Как от офицера от вас не скрываю: дело очень серьёзно. Как вы ещё ходите?! Вам нужна срочная операция. И, скорее всего, не одна. Конечно, я могу направить вас в травматологию 6-й больницы. Но лучше, не оттягивая время, лететь в Москву в институт Бурденко, где вам вставили эту железяку.

Главного редактора Сергей на месте не застал.

— Будет только к концу дня

Сергей позвонил ему по мобильнику:

— Понимаешь, такое дело. Мне надо срочно в Москву, в институт Бурденко... Да, с позвоночником.

— Дотянул с этими Хорьковыми...

— Дай мне машину съездить к ним, чтобы не теряли меня недели две-три.

— Завтра с утра...

— Нет сегодня... прямо сейчас... у меня на счету каждый час...

Соседом по палате оказался тоже военный инвалид. Они быстро нашли общий язык. Сергей рассказал ему о своём неоконченном на этом свете деле.

— Вот ты рассказывал о скульпторе Клыкове, о его памятнике-звоннице на Прохоровском поле. Он затеял это дело с губернатором Белгородской области Евгением Степановичем Савченко, где находится это поле. Удивительный человек, в море нынешнего российского демократического раздолбайства основал в границах области островок человеческого благополучия. Поразительно, как его до сих пор не сожрали. Его замалчивают. Потому что его существование начисто отрицает экономическую политику нынешнего правительства. Процветающее сельское хозяйство. Отстроил новый университет. Спасая село, выпускникам сельскохозяйственного, медицинского, педагогического институтов сразу же даёт жильё, которое через пять лет переходит в их собственность. Да мало ли чего ещё! Он собирает русских людей со всего мира. Староверов из Уругвая пригласил. Ему бы возглавить правительство, но о нём — тишина, словно его и нет. Хорошо, что не трогают, а он делает громадные дела. Напиши ему. Ты диктуй, я напишу, Обрисуй ситуацию, он обязательно отзовётся.

Сергей продиктовал письмо.

За первой операцией последовала вторая. Между операциями, немного придя в себя, Сергей, прикованный к постели, позвонил по мобильнику Ивану. Тот успокаивал его, что у них всё нормально, пока отстали. Быть только скорее выздоравливайте! Но по сдержанному голосу Сергей чувствовал, что не всё нормально.

Шли дни. Сергей не то, чтобы стал забывать о своём письме губернатору Савченко. Посылая письмо, он не очень-то верил, что оно попадёт тому в руки. И даже если попадёт...

Но однажды ему позвонили с незнакомого номера:

— Сергей Михайлович?

— Да.

— С вами говорит помощник губернатора Белгородской области Евгения Степановича Савченко. Как дела у ваших Хорьковых?

— Да пока никак.

— Евгений Степанович просил передать, что он готов забрать их со всем их хозяйством.

Сергей тут же набрал номер Ивана. Но телефон молчал. Сергей позвонил через час, через два, через три. Телефон молчал. Позвонил поздно вечером. Телефон молчал. Ни у кого другого из Хорьковых телефона не было. Тогда он позвонил своему главному редактору. Тот замаялся.

— Ну что мнѣшься, говори!

— Приехали к ним из Уфы с очередным предупреждением. Участковому устроили разнос. А Хорьков-старший вспылел, психанул и высказал им всё, что о них думает. Больно уж горяч. Ему бы в его положении помолчать. Ему пригрозили судом на принудительное выдворение. А то ещё статьѣй за незаконный переход государственной границы. Тогда он послал их ещё дальше: плевал я на ваш суд, завтра же меня здесь не будет. Наталья пыталась ему звонить, а он отключил телефон.

— Остановите его. Учитывая его характер, он на самом деле может сорваться. Его забирает со всем хозяйством белгородский губернатор Савченко.

— Что, серьёзно?

— Да, звонил его помощник. Остановите его, позвоните в сельсовет, участковому. Пошли Наталью на машине. Прямо сейчас, не откладывая.

— Если он уже не в пути...

Сергей весь следующий день звонил Ивану. Но телефон упорно молчал. Наконец отозвался.

— Что случилось?.. Где вы?

— Подъезжаем к границе Казахстана. — Голос был холоден и сух.

— Почему вы меня не дождались? Ну, задержался я тут не по своей воле. О вашей истории узнал белгородский губернатор Евгений Степанович Савченко. Один из лучших губернаторов российских. Он готов вас забрать вместе со всем хозяйством.

— Извини, Сергей, дай Бог тебе здоровья, конечно, хороший ты человек, и ему доброго здоровья, но мы уже больше никому не верим. Мы столько натерпелись, нас столько обманывали, что уже никому не верим.

— Послушай, Иван Пантелеевич, губернатор Евгений Степанович Савченко лично заинтересовался вашей судьбой, он человек слова. Он собирает русских со всего мира.

Но Хорьков словно не слышал его:

— Поздно, Сергей! Нельзя так говорить о Родине, но она оказалась нам мачехой. В Казахстане мы хоть сможем узаконить рождение ребёнка. Да что теперь рассуждать, сейчас закончится российский роуминг, и телефон замолкнет, мы уже пересекаем казахстанскую границу!.. Всё, прощай, Россия!..

ТИХОН СИНИЦЫН

СИНДБАДЫ ТАВРИДЫ

ДРУГ ВСЕХ ПТИЦ

Памяти Виталия Гиразосова

Друг всех птиц выходит на причал,
Провожает редкую казарку.
Вот миндаль цветущий одичал.
В феврале необъяснимо жарко.
Южные влечёт полутона
Средиземноморский буревестник.
У бессмертья птичьи имена.
Бережно бормочет их кудесник,
Друг всех птиц, святой натуралист,
Замечает сиринов в бинокль.
Зябликов не исчезает свист,
Без него бы стало одиноко.

* * *

В пыли, у забытой железной дороги
Молчат степняков известковые боги.
Угрюмые широкоскулые лица

СИНИЦЫН Тихон Борисович родился в 1984 году. Учился живописи в Севастополе и Ялте. Окончил аспирантуру на кафедре философии в Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Стихи публиковались в журналах "Нева", "Октябрь", "День и ночь", "Москва", "Сибирские огни", "Юность", "Роман-газета", "Дон". Автор трёх поэтических книг. Живёт в Севастополе.

Следят, как пикирует хищная птица.
Бесценные фибулы южных царей
Потеряны в зарослях чертополоха.
Мне в степь захотелось уехать скорей.
Мне в тесной квартире становится плохо,
Без чёрных таинственных лесополос,
Развалин, где вьётся густой ломонос,
Без крокусов, оводов, ос и ожогов...
Верните мне степь!
Ну, хотя бы немного...

* * *

Как потеплеет —
Птицемлечник
Воспрянет.
Я его найду.
Поставь скворечник на подсвечник
Горячей яблони в саду.
Ещё не тонет Атлантида,
Везувий не коптит золой...
И нет опасностей для вида.
— Да ты не бойся. Я ведь свой!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Тарахтяще-гремящие звуки
Гераклейского дымного дня.
Зимний день нас берёт на поруки,
Охраняя тебя и меня.
Воробьи холода предсказали,
Совещаются в зарослях...
Вдруг
Неожиданно перед глазами
Опредметилась Туча-Симург.
Зашатались шторма в перспективе.
Невозможен буквальный портрет.
Снимки смазаны, ведь без штатива
Фотографии сделал поэт.
Вдоль причалов мрачнеют “заброшки”.
— Это, я вам скажу, не Форос...
Стонут чайки. Бродячие кошки —
Практикуют звериный гипноз.
Леденящая гамма Магритта.
На гротеск нам по жизни везёт.
Море ржавым забором закрыто.
Это мелочь. Я знаю проход.

* * *

Вселенная — это чужой самокат,
Студёное эхо зимы,
Где счастье, увы, выдают напрокат
И всё происходит взаимно,
Где плакать не стыдно от мнимых свобод,
Где милость важней, чем обряд...
Где хочется поцеловать небосвод,
Теряя почти всё подряд.

ВЕЧНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Нет никакого будущего, нет никакого прошлого.
И в этой банальности — нет ничего пошлого.
Есть взаимная тяга, есть сапсаны парящие.
Есть вифлеемское небо. Есть вечное настоящее.
Есть иконы Рублёва, есть красота античная.
Есть зарождение веры, словно зерно горчичное.
Есть бессмертные люди Андрея Платонова.
Есть догадки, рождённые в жизни учёного.
Есть Казимира Малевича “Красная конница”*,
Есть потребность в свободе, есть колокольная звонница,
Есть ночные дороги и море штормящее...
Есть непрерывное
Вечное настоящее.

ОСЕННИЙ ПРОЛЁТ

Гисметео сбивается и лжёт.
Нежданный дождик в роще точит ляды.
Идёт осенний плановый пролёт,
Тоскуют зимородки и бекасы.

Пролётным птицам чудится плато,
Где сон-трава и тайные пещеры.
И на закате ангелы в лото
Играют на пороге тропосферы.

А на пути растут скелеты ЛЭП,
Промзоны и посёлки цвета хаки.
Никто не ждёт, не крошит чёрный хлеб...
Лишь чайки делят мусорные баки.

СИНДБАДЫ ТАВРИДЫ

Синдбады Тавриды с пакетом ставриды
Отыщут без гида следы Атлантиды.
Чернеют атлеты от крымского лета;
Стрижи в перодактилей переодеты.
По контурным картам выходим из порта,
Из Спарты и города высшего сорта.
Как звёзды морские, сияют кокарды.
Хрипят капитаны на яхтах, как барды.
Пропитан я этим горючим напевом:
Омега — направо; Казачка — налево...
В глубоких лагунах находят возмездье
Колючие, как артишоки, созвездья.
Из Корчева, Корсуни, Керкинитиды
Пьют на Приморском Синдбады Тавриды!

---

* Имеется в виду картина К. Малевича “Скачет красная конница”.

РОМАН КОЖУХАРОВ

ДНЕСТР ВПАДАЕТ В ЧЁРНОЕ МОРЕ

РОМАН

Часть II

КЛОДИЯ

I. Облако

Нет, по мнению добрых людей, если Волга течёт в Каспийское море, так это потому единственно, что она питает особенное, невещественное, идеальное сочувствие к Каспию, и в силу такой идеи она должна была непременно дойти именно до Каспия, хотя бы целые Альпы встретились ей на дороге.

Добролюбов

— “...не своею волею, но волей меня пославшего”.

Она взялась непонятно откуда. Будто вылепилась во тьме из красной пищевой меди. Рыжие волны волос ниспадают к тяжелоокруглым грудям, обрамляя распахнутый блеск червонных очей, сосредоточенные, камедью набухшие губы, едва не доходя парикмахерски чёткой границей к соскам — двум изюминам на выпуклых, кверху донцем повернутых медовых блюдах; плоский живот тяготеет к средоточью пушка, гравитации бёдер, расходящихся широкой трапецией; ржаной пушок прикрывает срамную бороздку и книзу — сквозит между ладно наполненных ног непроглядная тьма.

— Пославшего? На чьих ты на посылках?

Она остаётся на месте. Вместо ответа, будто в строю, на пятках поворачивается на сто восемьдесят градусов. Сплошная волна кумулятивной меди, колыхнувшись, ложится к лопаткам.

Внешние контуры медной посланницы от темени до тонких щиколоток кутает тьма. Она загущается странной подсветкой: словно бы невидимо-рыжее пламя изнутри допекает ржаную плоть до спелой готовности.

— В любом случае, ваша посылка пришла не по адресу.

— “...По адресу. Ты вернулся на родину. Пришлось поискать. Для пославшего меня это вопрос не времени, а пространства”.

Голос её звучит так сухо, что эта сухость передаётся ощущением сильного приступа жажды.

— — — “...ты отводишь глаза. Не стоит прятаться от того, что *должно*. Не довольно ли с тебя?”

В слове “должно” она сделала ударение на первый слог.

— На брудершафт мы с вами не пили. А вы тычете...

Фразы едва выбираются из пересохшего горла ответчика.

— — — “*Тычете?* Тэча читик. Можно ли напиться, не промочив горло?

Нельзя перейти реку вброд, не промочив ноги. Как молвит пославший меня: когда пелены и покровы сняты, обиняки ни к чему”.

— Но пославший тебя носит маску. И твой голос...

— — — “Мой голос? Что тебя смущает?”

— Твой голос слишком хорош. Как и вся ты. Он неживой, как у девушки из навигатора.

— — — “Красота — совершенное соединение всех частей. Природа не терпит голей сингулярности. Нагота из нестерпимости того рода, который исключает обиняки. Как молвит пославший меня: всё прочее — гиль. Голое тело... Не в этом ли суть оголтелости? Отправная точка маршрута, ведущего от нетерпимости, застывшей очи, к тотальной терпимости. Ты прав: я и есть твой навигатор. Я приведу тебя к искомой тобою цели.

Наивное заблуждение: считать, что движение из точки А в точку Б завершается в точке Б. Омега для вышедшего из точки Альфа — добыча, нещечко, но никак не конечная точка маршрута. Обретший заветное знание — образ искомой Омegi — должен в конце концов вернуться туда, откуда начал свой путь, то есть в Альфу. Исходная точка А — вот конечная точка маршрута из точки А в точку Б”.

— Ты морочишь мне голову... Кому и зачем я понадобился?

— — — “Вот и ты тычешь? Не свидетельствует ли это о том, что ты, наконец, уткнулся? То есть подобрался вплотную к тому, что искал? Чем не аналог глотка виноградного брудершафта?”

Эти влажные “ли” в её речи, словно роса, смачивают пересохшее горло.

Строго-сосредоточенное лицо её озаряется улыбкой. Словно мокрая ткань ложится на температурающий лоб. Взор её замер. Гречишно-медовые очи глядят, не моргая. Люминесценция в карей их глубине усиливается, обдавая влажным обжигающим блеском.

— — — “Зачем городить огород частоколом чужих мыслей? Зачем, подобно Хоме Бруту, очерчиваться от *очевидного*? Окружность должна быть превывистой”.

— Как у тебя на спине?

— — — “Что у меня на спине?”

— Риски.

— — — “Риски?”

Она умолкает, будто сбитая с толку. Поворот длинной, стройной её шеи обнажает напряжение в лозы сплетённых жилок и мышц. Шея её в повороте похожа на вознесённую башню.

Замешательство длится долю секунды. На полпути, словно спохватившись, она прерывает произвольную попытку оглянуться: “Что там, за спиной?”, или — “кто?”, и продолжает тем же ровным, механическим тоном:

— — — “Это троетирие. Собственно ЦИРК — то есть, всё что внутри, и не-ЦИРК, то есть всё, что снаружи. Троетирие всё объёмлет, ибо воплощает волю пославшего меня”.

— То есть тавро? Тебя клеймили, как скот на животноводческой ферме.

— — — “Вот ты и устремился к разоблачению. В нём вся суть. Не должно быть ни тени тайн, обиняков и экивоков. Лишь истина — голая, как посланница облака”.

— Ты посланница облака?

— — — “Меня зовут Клодия”.

— Клодия? От cloud*? Разоблачиться, значит, выйти из облака? Это имя ты получила вместе с клеймом?

* Cloud (англ.) — облако.

— — — “Ты догадлив и дошлый”.

— Не хвали меня. Дошлый — тот, кто дошёл до цели. А я всего лишь — доходяга.

— Это не моя похвала. Это молвил пославший меня. Ты сумел пересечь море и вернуться на родину. Теперь ты пьёшь так, будто норовишь вылакать пучину. Но зачем? Ведь ты её уже пересёк. Не потому ли питье не утоляет твоего сушняка? Пославший меня называет это: *бухарест*. Таково название моря внутри, в котором ты канул? Впрочем, неважно, как оно называется. Главное, что оно — винно-черного цвета. Знаешь, что повинен насквозь, провинившийся, без вина виноватый.

— Разоблачаешь? Впрочем, как знаешь.

— — — “Не я, но пославший меня. Тэча читик”.

— Точится вино и точится лезвие.

— — — “Повелитель будет рад услышать эти слова. Слово бойца. Как звать тебя теперь, в виду родного, мглисто-зелёно-речного тока?”

— Сама говоришь, что имя не имеет значения. Нестор... Зови меня так.

— — — “Так! Успешно вернувшийся! Имя не доходяги, но дошлого. Пусть очевидное нестерпимо, как прохлада отточенной стали. Я утолю твою жажду, претворю твою сушь в бездонное море терпимости. Сказано: красота спасёт мир. Не руководство ли к действию? Или, к примеру, слово, выкинутое из песни: “Симона, девушка моей мечты!.. Симона — королева красоты!..”.

— Эта песня... К чему ты её вспомнила?

— — — “К слову пришлось. Пославший меня напевал её, когда повелел тебя посетить и выказать тебе собачью преданность”.

— Не нужна мне от человека собачья преданность.

— — — “Когда я начну потакать твоим прихотям, ты поймёшь, что заблуждался. Я подниму тебе веки и выведу из мути на чистую воду. “О, Огола, о, Оголива!” — молвишь ты. Точь-в-точь, как молвит мой повелитель. Тэча читик! Восклицание “А королева-то голая!” сулит совсем иные последствия, нежели всем известное сказочное, про голого короля. Ведь согласишься? согласишься...”.

Она повела едва покачнувшимися грудями. В горле опять пересохло.

— Ты всего лишь фантом. Голограмма. В этом суть твоей оголтелости. Симона... Так звали девочку, найденную в цыганском омуте.

— — — “Любопытство порой заводит слишком далеко. Так, например, в советские времена была киноистория о том, как Мария и Мирабела попали в страну Транзисторию, очутившись внутри телевизора. Зебул считает Транзисторию прообразом облачной вселенной ЦИРКа. А ведь музыку к кинофильму о приключениях Марии и Мирабелы в Транзистории написал не кто иной, как маэстро Еужен Дога. Зебул-младший сейчас, как одержимый, трудится над композицией, где обыгрывает нетленные мелодии мастера. Рабочее название песни: “Трансистерия”. Заменив одну только букву, Наф-Наф Дога сумел непомерно расширить содержательную проблематику произведения: здесь и думы о судьбах родины, оказавшейся как бы за потоком истории, на том берегу запредельного существования, в ирреальном пространстве и времени виртуального, облачного транс-бытия. Да, в “Трансистерии” искусство доходит до своего предела и кончается. А Наф-Наф Дога шагает дальше, туда, где ”дышит почва и судьба”. Небывалый творческий прорыв, как убеждён Наф-Наф Дога, обусловлен тем, что ему удалось разгадать тайну мелодий маэстро Еужена Дога, написанных для фильма о Транзистории. Речь в сценарии фильма шла о виртуальном мире, рождённом транзисторами, но чуткое ухо маэстро в слове “Транзистерия” улавливало отзвук совсем другого слова. Похожее на шипение змея, абсолютному слуху маэстро оно казалось затаённо-напевным, отзываясь в сердце ласкающей мукой безвозвратной горькой утраты. Трансистерия — таково было имя его малой родины, которую кондуктор Антонеску обещал на миллион лет вперёд, но которую так своевольно и безоговорочно беспощадная Красная армия отняла у великой союзницы Третьего рейха. Отняла у него. Советская империя дала ему всё — признание и достаток, но забрала самое дорогое, заветную малость. И он, живя припеваючи в самом сердце необъятно огромной страны, исподволь, год от года в сердце копил

необъятную горечь и ненависть к этой стране. Как одержимый, трудился маэстро за роялью над новым замыслом. Он создавал тему Транзистории, но подспудно всё его существо пребывало в Транснистрии — стране его сердца, окутанной золотой дымкой детства, исполненной песен и шуток румынских и немецких солдат-освободителей. Мелодии, рождаемые за роялью, словно укутывались в невесомо неуволимую отравленную тунику. Призванные порадовать советских детишек, звуковые гармонии пропитывались ядом ненависти к советской стране. Этот яд и учуял Наф-Наф Дога, подобно алхимику древности, распознал его состав и использовал в дело. Отныне каждую свою песню он наделит секретным составом, подобно тому, как охотники смачивают наконечники стрел ядом кураре. Он пустит свои оперённые перлы во все стороны света, и от них не будет спасения, ибо нет от этого яда противоядия.

— В детстве мне нравилась другая песня — про прекрасное далёко.

— — — “Прекрасное далёко? Дверь туда закрыта наглухо и заложена кирпичом. Нет никакого будущего. Есть только здесь и сейчас. Однако ты следишь за новостями? Каким образом? В потёмках, в заметённом метелью погребке, в заваленной снегом саманной глиняной развалине, из которой за всю зиму не выбраться. Без гаджетов, у радиоприёмника батареек сели месяц назад. Из еды — чёрствые сухари, мешок подсолнечных семечек, из питья — пластиковая канистра с баконом, которого — на доньшке. Остатки винища с мышинным запахом ты разводишь талой водой, чтоб растянуть на подольше, а заодно — разбавить тяжёлый метиловый привкус и облегчить похмельное давление в височной области. Ты застыл. Я тебя вызволю”.

— Весть отличается от новостей тем, что за нею не надо следить. Она находил сама. Нашла меня. Не весть. Весточка.

— — — “Я твоя весть. Послана утолить твою жажду и тем исполниться”.

— Моего вина мне хватает. И пить его никого не заставляю.

— — — “А ты заставь”.

— Голограмма пить не способна.

— — — “Лей и увидишь, голограмма ли. Я способная очень. Попью твоего — тяжёлого, как спиртуозное Рошу де Бульбоака*, которое будто креплёная, булькающая кровь земли. А ты испей моего”.

— Это что?

— — — “Миорица”. Или “Долли”.

— Тут нет ничего. Бокал пуст.

— — — “Пригуби. Не забудь загадать желание. Золотые рыбки, которые в нём плещутся, не замедлят его исполнить”.

— Ничего мне не надобно.

— — — “Пей. Разводить свой сивушный бакон теперь тебе будет нечем. Снег сошёл”.

— Как сошёл?

— — — “Как сходят с ума те, кто прежде был себе на уме. Снег сошёл. Обнулился. Зима закончилась. А тебе и невдомёк. Нам же ведомо всё обо всех. И ты не исключение. Впрочем, это не имеет значения. Как с именем. Имя — всего лишь отсылка к воле меня пославшего. А то, что кого-то как-то зовут, а вернее, звали, всего-навсего совпадение. В прошлой жизни и меня как-то звали, а нынче я по паспорту Клодия. Или Клава. Так зовут меня чаще. Нажми на мои клавиши и увидишь...”

— А в прошлой жизни... Как тебя звали? Таисья?

— — — “Разницы нет... Тая ли, Галя ли. О, Огола!.. О, Оголива!.. Ведь и твоя конечная цель совсем не Глиное. Но ты, словно крот, зарылся, схоронился впотьмах в этом погребке мира”.

— Тут много заброшенных домов.

— — — “Ты забрался в чужое жилище, как тать и воришка во мраке. Сидишь и грызёшь сам себя, запивая своё самоедство сивушным баконом...”

— Я направлялся в Милуешты.

— — — “А приплыл в Глиное. Нет никаких Милуешт. Неужели ты это не уяснил на дне беспробудного своего винно-черного бухареста? Глиное только

---

* Рошу де Бульбоака (молд.) — Красное Бульбокское.

и есть. Вернее же, их два: одно — слободзейское, а в другом, григориопольском — исправительно-трудовое учреждение. Потому что ты ходишь вокруг да около. Милуешты — всего лишь легенда, глупая байка. А быть — это мегга-село Валя-Зебулуй. Быль — это ЦИРК, боль и великолепие, самое сердце непризнанной, но непокоренной Нистрении”.

— Нистрения слишком мала. Потому — или она сама и есть сердце. Или...

— — — “Или?.. Ну, договаривай?”

— Сердца у неё нет. В силу малости места. В этом случае сердечный союз с нею невозможен. Такова голая истина.

— — — “Это я — голая истина. О, Огола! О, Оголива! Точный перевод фразы “Nomen est omen”: “Отчество — это всё”. Отчество! Ибо не сыном я послана, но его отцом. Ибо сын — устроитель и податель, но отец всё берёт, повелевая и властвуя. Имя — вовсе не всё. Всё — это воля пославшего меня. Что скажешь?”

— ...

— — — “Молчишь? Тэча читик. Беда твоя в том, что ты заблуждался всё время. Равно как и всё отведённое тебе пространство. Тебя просчитали, причём для этого не понадобился даже компьютер. На калькуляторе. Как бы ни было море безбрежно, ты приплёлся домой. В силу своей недалёкости. Поводок души твоей слишком короток. Это как россыпи беглых слов, разбредшихся на Юрьев день в разные стороны света, но согнанные вновь в ряды построено закрепощённых историй, сведённых в конце концов под барщину переплёта. Прав пославший меня, тысячу раз прав, когда сетует по поводу твоей недалёкости. Беглецу, если он недалёк, далеко не уйти. “На дурака не нужен нож...” Заблудившийся рано или поздно, — скорее раньше, чем позже, — описывает круг и возвращается на исходную точку”.

— Это из “Мцыри”? Снова путаете, теперь вот с лермонтовским персонажем.

— — — “Ты и есть персонаж, ибо поводок твоей души, пусть и запутавшийся, — в руках повелителя. Ниточка, наподобие той, за которую дёргает кукловод в театре марионеток. Он держит в горсти их великое множество, словно букет полевых цветов”.

— Кукловод... Он действительно существует?

— — — “Если ты его мыслишь, он уже существует. Хотя бы в твоём мозгу. Черномор, Карабас, что значит: “чёрная голова”, или Лев Толстой — реальности, такие же, как та, что с тобой говорит, и как твоя канистра с баконом”.

— При чём тут Толстой?

— — — “К слову пришлось. Из-за букета полевых цветов. Повелитель по доброму называет его Черномором, *дядькой* русской литературы. Ты не знал, что Зебул, помимо того, что жрец и на дуде игрец, ещё и великий чтец? Не в смысле читчика расточающего, глаголящего речитатив, подобно его единокордному сыну, а в обиходном: читатель, глотатель строк, убористых словесных рядов. Он их прям жрёт ненасытно и не давится. Повелитель любит порассуждать о том, отчего великобородый любил собирать цветы, исхаживая вдоль и поперёк огород имения и своих гениальных книг, пространством подобных миру сему. Яснополянский флорист считал, что в момент перехода в мир иной человек распушается, подобно цветку, и с любовью и страстью художника составлял икебаны из тех, кто его окружал, из своих персонажей.

Я пришла, наготово своей бросая тебе на сердце цветы своей преданности. А тебе застит очи. Таков нестерпимый свет очевидной истины. Или ты до сих пор не осознал, что любые попытки бежать бесполезны? Следовало перечитывать классику. Того же “Мцыри”.

— Помню оттуда только бой с барсом.

— — — “Один раз ты уже уклонился от боя, выбрав сторону страха”.

— Этот выбор оплачен...

— — — “Да, ты воздал себе сторицей: потерей друзей. И от тебя ушла возлюбленная. С тех пор, как ты смалодушничал, сидишь в своём схроне, сам себя жрёшь, и схрон свой тем самым роешь всё глубже, и повсюду, куда ни

подашься, тащишь эти погребы с собой, исполненный чувства вины и словесной напраслины”.

— Смалодушничал?..

— — — “Вот сердцевина твоих заблуждений. Винишь сам себя в предательстве. А ведь это всего-навсего малодушие. Минутная слабость души, изначально большей. Ибо чтобы умалиться, надо для этого манёвра иметь некий запас дистанции. В решающий миг ты всего лишь сжался до схрона, в который забила твоя душонка, превращённая страхом в мышонка. Что взято с обуянного страхом? Да, вина велика. Но соразмерен ли гнёт самим на себя взгроможденного давления? Не кроется ли несоразмерность давилыного пресса в неважнецком качестве бакона, который ты хлещешь без меры? Плохое вино повышает давление. Или ты не знал, что высокий уровень адреналина в крови провоцирует неизбывное чувство страха? Страх сочится, как кровь из раны аквалангиста, распространяя океанским течением кровавые тельца на десятки миль, а может, на сотни. Пучина улавливает тончайшие флюиды, испускаемые жертвой. Пить надо меньше...”

— Может статья...

— — — “СТАТЦА? Аха-ха! Прав повелитель: как же ты недалёк в своих упованиях. Как и прежде — в попытке бежать, укрыться в слепых переходах пространства и времён. А ведь ЦИРК имеет все основания поступить, как должно. Шаг влево, шаг вправо, на месте прыжок: / За всё наступает по счёту должок”.

— В воды родной реки нельзя войти дважды.

— — — “Нельзя перейти реку вброд, не замочив ноги. Однажды страшила-силач из Ханаана, что значит “страна собачьих людей”, сподобился помочь мальщцу пересечь опасный брод через поток. Ханаанский силач посадил того себе на плечи. Мальчонка был легче пушинки, но на самой стремнине вдруг сделался непомерно тяжёл. Носильщик-силач, обессилев, взроптал, а тот, кто сидел у него на плечах, запросто ответил, что несёт с собой все тяготы мира и спасение кананея. Как в мультике, где крокодил Гена взвалил на себя уставшего Чебурашку, пока тот крепко держал чемоданы”.

— И что дальше?

— — — “Ребенок перешёл реку вброд, не замочив ног. Кананея облёкся в имя новое, став Христофором. Старое его, крокодилово имя скатилось вниз по реке. Что скажешь?”

— ...

— — — “Молчишь? Вольная вода смывает страдания. Вина твоя не в предательстве, а всего лишь в малодушии. Великодушие пославшего меня простирается в ширь черноморских просторов. Ты получишь возможность вступить в бой ещё раз”.

— Борода Черномора длиною уподобится Днестру?

— — — “Один румын, чью прозу, горчивую жерделевой косточкой, возводили к создателю бессердечного Данко, назвал Нистрению бабочкой на теле советского слона. Или ты не штудировал румынскую классику на дне своего бухареста и не знаешь, что они дразнили нашу маленькую, но не покоренную родину Транснистрией, то есть — местом, лежащим за рекой, подобно тому, как заумный язык лежит за пределами разума? Двигающийся вслепую обречён вернуться к родимой реке. Левый шаг короче правого. И ты, недалёкий, чайл, что в бегстве своём свободен, что сам озаряешь свой путь и другим помогаешь его обрести? Неужели не знал, что слещу не обойтись без поводья. ЦИРК всё время и всё пространство твоё был твоим поводьярем. Теперь лишь следует довершить начатое. Пройти последние вершки. Это прежде в башне могли заточить, нынче башня расточает. И ведь мало того, что сам ты блуждал и в заблуждениях своих подставлялся, ты втянул на путь ошибок других и подвёл их под монастырь. Даже в большей мере и степени. Не эта ли вина гнетёт тебя неподъёмной плитой? Давит? Христофор Колумб, грузённый каравеллетами, сумел, не замочив ног, вброд перейти океан. Я избавлю тебя от непомерной ноши. Ты прочувствуешь, что нестерпимые боли в височных долях — фантомные. Поверь мне: преданность и предательство — одного корня. Ты винишь родину в бессердечии? Однако поэт знал,

как сделать заумный язык разумным. Потомки казаков-черноморцев, живущие на Дону, называют стопой суставы виноградных ветвей. Не потому ли Лермонтов в последние свои месяцы на Кубани и Кавказе, готовясь уже к выходу на кремнистый путь, пил, не просыхая, Красноστόп, вино, прозванное так потому, что дают его из винограда с кроваво-красными гребнями?”

— Красноστόп?

— — — “Хорошо, пусть будет Рошу де Нистрения. Или — наша Нистрянская Раша. Вышедшего из Черного моря легко обнаружить по багряным следам. Ты на верном пути. Сам убедился: неверно мыслить меня голограммой”.

— Ты что-то подсыпала... Магнезия? И гипноз. Хитры вы с подходами вашими...

— — — “Сам себя не обманешь. Видишь? Тебя касается, в первую очередь. Нащупать дорогу ты сподобишься не иначе, как через меня. Я тебя проведу в самое логово, и ты сможешь сразиться со зверем”.

— На поводке? А сама ты — на привязи?

— — — “Моя беззаветная преданность — залог абсолютной свободы. Поводок мне не нужен. В прошлой жизни я была собакой”.

— Тебя держит нечто более крепкое, чем поводок: тавро тростирия на спине.

— — — “То, что держит меня, ещё крепче: я мать Наф-Наф Доги”.

— Клодия — жена Зебула?

— — — “Клодия — жена Маноло Диаса-Янковского, строителя ЦИРКа, железного композитора. Зебул собственной волей отдал свою Клодию, мать своего однородного сына, зодчему гипербоиода, сдержав своё слово: “Отдам за ЦИРК, что ни пожелаешь”. Тем самым исполнилось заветное желание железного механика Маноло Диаса. Я же говорила тебе, что пославший меня проявляет великодушие, простирающееся в ширь черноморских просторов.

Как говорит мой муж: фамилия моя Диас, а приставку “Янковский” придумали одесские евреи. Впрочем, говорят же, что “супружница” означает: “жница супруга”... Почему ты молчишь? Тэча читик”.

— У меня тоже была в прошлой жизни собака.

— — — “Ньюфаундленд? Её звали Нора?”

— Овчарка. Её звали Ирма. Она ушла... Чему ты улыбаешься?

— — — “Очевидное: твоя нетерпимость обернётся терпимостью. “Ирма” значит: “связь” и “сплетение”. Ты смеёшься? Нащупывай путь и — прилежней. Как любит молвить пославший меня, говорящий или поющий уподобляется флейте или трубе. Изначально, на самом фундаментальном уровне, в роли исходного музыкального инструмента выступает само человеческое тело. Помни: можешь звать меня Клава. Жми на клавиши по своей прихоти”.

— Чужая жена своему мужу — жница. А прочим — жрица?

— — — “Эта форма терпимости, в облаке она абсолютна. В Эдессе жрица любви предложила поэту и праведнику вступить с ним в связь. Он согласился, но при условии, что они сделают это прилюдно, на городской площади”.

— И как она поступила?

— — — “Устыдилась. И прекратила жрать любовь наподобие жертвенной плоти, облекшись в одежды стыда и спасения. А теперь представь обратное: если бы она согласилась? Прозорливцу пришлось бы сдержать своё слово. Выходит, не праведник спас блудницу, а она, отрекшись от прежней себя, спасла его от гибели и позора. Выходит, что её голая правда оказалась правдивее? Впрочем, нынче блудницы Одессы, не в пример будет сказано, не так привередливы. Нет теперь ни стыда, ни позора, ибо мир обнулится. Все дороги и секундомеры отныне ведут в ЦИРК. В их перекрестье, как на праздничном торжище, вершится торжество разоблачения. Нистор Нистрянин...”

— К чему посланнице облака так меня называть?

— — — “Как изволишь? Михай? Или, может быть Ормо? Нистор — это Нестор по-местному.

— Звучит как “масло масленое.

— — — “Это умасливание и есть. Ибо имя не абы какое, а — супергероя. Умашивают перед боем. Но прежде следует разоблачиться. Или не знал, что слова того, кто рассказывает истории, уже суть его дела? Повествователю от

лица своего ничего нельзя сказать, ибо всё сказанное будет использовано против него. Или повествователь не наделал делов, сплетая россыпи беглых словес, разбредшихся в Юрьев день на все четыре стороны света, пытаясь снова согнать их в ряды построчно закрепощённых историй, уповая в своём чаянии отчаявшегося доходяги, что удастся, в конце концов, свести их под барщину переплётца? Ты запомнил о главном: книгу в одно собирает не повествователь и даже не автор. Под гнёт книжных крышек историю запечатывает переплётчик. Образуйся же в дошлого! Нельзя перейти брод истории, не омочив ног в её стремнине! Чтобы стало всё на свои места, следует времена и сроки повести, и самую мглисто-зелёную сердцевину её стремнины отмотать обратно”.

2. В сугробе

*Мне от песни много ль толку?
Столько, сколь от воя волку!*

Лэутар Михай Константин

Мир обнулится. Село замело по самые трубы печей. Как ноздри, забитые зелёными соплями, густо сопят они дымом. Дрова из акации горят долго и ясно, уподобившись в производстве тепла неизбывному антрациту.

Глиное превратилось в сугроб. Или, может, Валя-Адынкэ в завале из каменных кряжей? Или пойманный нистрянской поймой удалец Карагаш? Или пьющие только до дна Пахары? Или вовсе бездонные, как дубоссарская прорва, Погребы? Или всё-таки Христофоровка, что несёт богоносное имя?

Непомерная ноша не даёт не то, что шагу ступить, а давит с такой тяжестью, что топит в земле, будто в мглисто-зелёном нистрянском омуте. Слишком податлив, жирен, как масло, чёрный нистрянский чернозём. Тогда, может, Мокра, промокшая теми же хлябями, что и Мокрое, умкнувшее Митю Карамазова в Грушенькино нещечко?

Но, однако, сугроб. Затаён, преисполнен исподним быгом — поленьев, вёдер с углём, погружённый в пещеры и погреба, что заставлены впрок рядами закаток с куриной, из индюшек и гусок, свиною тушёнкой, утопшей в рапе брынзой, заквашенной в кадках капустой, огурчиками-помидорчиками и вином, вином — безраздельным морем внутри, бордово и бодро плещущим в дубовые и душевные берега.

Вышить море несложно: для этого надо всего лишь перекрыть все впадающие в него реки.

Но моря и подвалы — это игры воображения. Словесное спортлото. Напралина. Милье сердцу виды окрест, схроны рананого подсознания, в коих ответчик чайл укрыться — вне зоны доступа. Отрезан, как плесневелый ломоть, от недр и погребов, с их жиром залитой и маринованной снедью.

Спрятаться негде, и, следовательно, — жрать себя самому с голодухи.

Внутри, как в нутре. У сугроба облик в снегу, нутро — в жару. Гол как сокол, без утайки явлен пред око пышущей печи. Таковы издержки схлопывания — нарастание плотности и температуры.

Но так не бывает. Любой физик любой сельской школы (даже той, что уготовлена к оптимизации по причине нехватки учащихся) доказательно объяснит это за засохшим куском мамалыги и мутным стаканом вина. Не говоря уже про Ландау. Про Ландау нечего говорить, потому как он сам ничего не скажет, а если бы и сказал, то сказал бы, как отрезал: *если надо объяснять, то не надо объяснять*.

Итак, схлопывание нарастает. Почему же она ушла? В голове не укладывается. Может статься, подобным образом сознание Ландау не вмещало одномоментно абсолютный порядок и абсолютную температуру. Впрочем, сознание Менделеева тоже вмещало градус тепла, греющий душу русскую, а периодическую систему химических элементов не вмещало. Посему система, во всей своей сингулярно нагой прекрасности, явилась ему во сне. Может статься...

Как теперь быть с двумя температурными показателями, не сводимыми воедино, взаимно отвергающими друг друга: абсолютным плюсом внутренней жары и равным в абсолютном значении минусом обставшей вечной мерзлоты? Сумма равнозначных и взаимно друг дружку изничтожающих слабых без остатка приводит к нулю.

В её жилах, артериях, венах и в нежной маковой ниточке, подобно ручейку, впадавшей в височную ямку, течёт кровь четвёртой группы с положительным резусом. А ты исполнен кровью той же, IV группы, но с резусом отрицательным.

Вы созданы друг для друга, как две половинки одного целого, но половинки, должные обрести своё целое не в сумме, а в вычитании. Ты слишком поздно дошёл до этого.

Закусив удила, ты до остервенения добивался суммы, подключая себе в помощь всю алгебру и начала анализа, но лишь умножал сложности. Чтобы было всё понятно, надо жить начать обратно. С логарифмических небес надлежало спуститься на землю элементарной арифметики. Ты слишком далеко зашёл и не смог вовремя вернуться обратно. Ты так и не сумел решить задачу и был вынужден заглянуть на последние страницы. Правильные ответы на все вопросы в “Алгебре и началах анализа” даны в конце решебника. Концы начал анализа оказались — в воду. Ты добился всего лишь того, что она ушла.

Свернули в трубочку, обмотали вокруг башни, как свежеснятый скорняжный продукт, змеюву кожу выпотрошенной реки.

Под титло сплетутся слова, понукаемые строгостью жанра, являющего неотвратимое осуществление. Как гнёт, уплотняет, выпаривает излишки и соков, и букв, переводит их на росу.

Может стать: статца... СТА ТЦА...

Давит, как пресс, заставляя бежать вкривь и вглубь марафонские вёрсты.

Внутренний бег обуславливает учащение сокращения не только сердечной мышцы, но и — сношений с окружающим миром. Жар растёт, выжимая испарину. Плоть языка выпрастывает словоерсы. Жарко-с. Невмоготу-с.

Каждая капля-с знаменует частицу выдавливаемого раба. Не о том ли пророчил Исайя: о восстании мёртвых из праха, что они оживут и, подобно росе на растениях, выступят из земли?

Не является ли прямым продолжением сказки о крысолове история повелителя мух, где подростки, оказавшись на необитаемом острове, сами себе устроили праздник непослушания? Ведь Мухобой по-библейски звучит: “Вельзевул”. Изначально избранный быть повелителем вышних обернулся мушинным правителем.

Кто ведал, что Валя-Зебулуй* — долина Зебула, стоит на острове рыбы? Лежбище на костях. Плоть — от жизни, а кости — от вечности.

Стасовал бюллетени, будто сыграл в лотерею, с заведомым выигрышем в спортлото всех шести из всех сорока девяти. Урожай голосов ссыпал в закрома. Что такому стоит выпить реку или нахлобучить себе, словно кушму** с чужой головы, имя села?

А ведь выпить реку труднее, чем море. А Зебул умудрился. Заведомо выиграл — из всех сорока девяти. Валя-Зебулуй — вотчина Зебула, пасыря великодушного. Ларчик открылся легче лёгкого. Легче воздуха, значит — проще простого поднебесному духу вскарабкаться по воздушным под самые небеса.

Мнилось, что парящий — духовен, а оказалось: властитель вышних — всего лишь уподобленный жабе, от лукавства раздувшийся мухолот. И дитё его не хочет учиться, а хочет жениться, да не на ком-нибудь, а на славе, невесте всесветной. Хочет стать Господином Празднества. Впрочем, уже стал.

* Долина Зебула (молд.).

** Кушма (молд.) — шапка из овечьей шерсти. Кушмой в сёлах также называют мезгу, которая поднимается в давяльне во время брожения виноградного сока.

Случайно ли повелитель Зебул, помимо безраздельной власти над развлекательным мега-центром — ЦИРКом “Море любви”, — наделил своего бездарного отпрыска высшим чином МС?

Крыслову стоило вестись, как работает мухобойка. Не сложней мышеловки — схлопыванием. И разве схлопывание не есть то же самое, что обнуление?

Сугроб неподъёмен и глух, как пасть, ледяная и белая. Проглоченному остаётся в утробной тьме единственное — игра воображения, словесное спортлото, напраслина.

Су — исконная приставка, означает подобие или же нахождение рядом. Суводь, сутолока. Сумрак, то есть — у мрака. Сугроб — в погребках, почти то же самое, что во гробех.

Откуда фрицам было знать, что герой Хархалуп, сбитый в первый день войны в небе над Валя-Адынкэ*, оттуда был родом? И ведь обе фабулы — про повелителей летающих вещей**. Но, однако, какая дистанция от подвига отважного лётчика до происков владетеля мега-ЦИРКа, опоясанного, словно остров Буян, водами безбрежного Черномора Днестра. Недра и твердь.

Пепел героя, сгоревшего в небе над Родиной, обнулил сновидения. Стучит монотонно, словно ходики тикают, двигая многотонными гирьками, — тэча-читик-тэча-читик-тэча-читик***. Откуда в сугробе взяться ходикам, и кому не в напряг тягать для завода многотонные гирьки?

Хархалуп, уроженец Валя-Адынкэ — глубокой долины — вступил в воздушный бой с десятью “мессершмиттами”. Был ли тот бой неравным? Выступил один против десятерых. Но внизу, под фюзеляжем, были родительский дом и родная Валя-Адынкэ. Насколько глубокой показалась долина повелителю истребителя И-16 в тот миг, когда он натолкнулся на “мессеры”?

Семён Хархалуп в совершенстве владел техникой пилотирования, считался мастером штурмового воздушного боя, летал на всех типах самолётов — на “мигах”, на “чайках”, на “ишаках”*. Он имел веские основания назваться повелителем летающих вещей, а в итоге посмертно стал Героем Советского Союза. Срубив трёх “мессов”, провёл огненную черту от тверди до самого дна глубокой долины и тем самым её измерил. То есть не только был призван, но и удостоился звания избранного.

Много званых, да мало избранных. Не потому ли некто, подобно пушкинскому гробовщику, посмел воззвать беспробудно усопших к избирательным урнам? Как иначе объяснить доселе в Нистрении небывалое: восстание из гробов в день единого голосования? Из мрака могил явились на свет безголосые отдать свои голоса.

Чьёю прихотью устремились они вершить посюстороннее изъяснение? Явно же не своей, ибо шли, куда не хотели. Вряд ли виной наводнившего Нистрению загробного ужаса оказались всего лишь нечистые на руку избиркомовцы, что щедро внесли для массовки мёртвые души в списки для голосования. Вернее, не души, а данные паспортов.

Теперь никто не спросит, что использовал кукловод в качестве ниточки, чтоб выдернуть из небытия призрак умершего, — фибры души или стёртый штамп о прописке. Материя всё одно тонкая, ускользнувшая между строк в бюллетени для голосования и дальше — в бездонную прореху наполненной прахом урны.

На то пиар и чёрный, что не гнушается укатать на чёртовом колесе выборной карусели хоть лысого чёрта, хоть тень отца Гамлета. На кону — результат. Подсчитаны бюллетени, собраны голоса. Выборы признаны состоявшимися.

* Глубокая долина (молд.).

** В Септуагинте — Ваалзеву, то есть “Баал мух”, или же “повелитель летающих вещей”.

*** Тэча читик (молд.) — молчать как рыба.

**** Одномоторный моноплан И-16, прозванный красноармейцами “ястребок”, а также “ишак”, применялся в гражданской войне в Испании. Республиканцы прозвали его Mosca, “муха”, а франкисты и лётчики люфтваффе — Rata, то есть “крыса”.

Много званых, но избран один — Зебул-столпотворитель.

Любой пиарщик подтвердит: карусель обеспечивает полноту, ибо дух захватывает, взамен оставляя стойкое ощущение верно сделанного изъяснения воли. Ведь выбор — пике: входя, не вполне отдаёшься отчёту, каким образом нелёгкая выведет. Пике располагается в нижней точке, и выход возможен и такой, и сякой, в какую угодно сторону.

Может ли стать, что и восстанье из гроба тени отца Гамлета — то же пике, на словесном уровне и смысловом? Сочетание слов — словно сопряжение дверей, из которых одна с надписью “enter” и две — с “exit”?

На вопрос: кого встретил Гамлет, когда встретил тень отца Гамлета? — ответ не вполне однозначен. Вернее, вполне многозначен. Выхода минимум два: первый, предугазанный автором: убитого отчимом папу; второй, предугазанный внутренним, от контекста избавленным смыслом: принц датский набрёл на себя самого — на будущий образ отцовства. То есть без тени, в именительном падеже не отец Гамлета, а отец Гамлет. Дело затемняет тот факт, что наследник трона был Гамлет Гамлетович. А ведь имя своё принц датский получил не только в честь отца, но и в память о единственном сыне создателя пьесы.

Могло ли стать, что главный герой встретил себя самого как будущего отца сына Робина? Призрачно мог, потому что в момент встречи с тенью отца Гамлета его не рождённый от Офелии сын был ещё жив.

Есть из пике и третий вираж: принц, принявший сан. О. Гамлет вернулся как призрак себя же, но в сани духовном, а не в титуле королевича, убитого отравленной шпагой. Таков мог быть финал, останься принц датский жив.

“Возвращение живых мертвецов. Часть 3-я”, Дедалов расклад, запутанная подземельная многоходовка.

Людей в катакомбы и норы загоняют напасти. Одесские катакомбы и подземные города Антиохии — вот удел беглецов. Не в этом ли аллегория рефлексии? Метафора, развёрнутая вкривь и вглубь затаённого бытия. Вернее же — быта. Под нещадным гнётом террора фашистских захватчиков всё глубже зарываются в бездонные схроны мозговых и душевных извилин нестигаемые красные партизаны. Как гномы, которые поплатились, потому что копали слишком жадно и слишком глубоко, и потревожили ужасное древнее зло. Не в том ли итоговый смысл, что расплатой стало спасение?

Может стать... Стать... Под титулом, в переводе с божественного, СТТЦА: “Святая Троица”...

По слову афонского старца, уйти *на* безмолвие. Куда отселяют отсель? Неужели все пути отныне ведут в одно только место: мега-деревню Валя-Зебулуй? На слом, на работу, на заслуженный отдых, на фронт, на покой. Всё одно — эскапизм или изоляционизм — подразумевает стремление к сингулярности.

Такова и Нистрения. От бесшумной кашалотовой туши ужавшаяся до ошмётка шагрени, рождает особую оптику отчуждения, эффект отторжения пришлых и ушлых, несомненный для вещи в себе.

Шолохову уподобленный шведским монархом Жорес Алфёров в политическом раже сравнил тебя, страна при реке, с прекрасным осколком великого эСэСэСэРа. То есть, следуя логике нобелевского лауреата, вначале имелось и зеркало? Колосс на стеклянных ногах, будто спьяну, шархнувшись вдребезги, в умат разлетелся пазлами магического отражения из ханса-христиановой сказки? Неужто Нистрения, как какой-нибудь осколочный словес, глиняной свистушкой занозила всевидящий алчущий зрак?

О, чернозёмная рана, сочимая соком лозы, может стать, тебя вовсе в упор не увидят. Тем лучше: напоследок взалкавшим больше достанется. Дрожащими и немытыми руками алкашу не ухватить битые стёкла — умоются руки собственной кровью. Если кто и ранен навьлет осколочно, то — исключительно ты. Или, может, включительно. Ты — это ты, и в этом вносмесительном тыканье вы с родной друг от друга неотделимы. Давненько спелись, от самого твоего рождения. И вы ведь единая плоть, а посему в какую сторону ни разбегайся, всё равно уготовано схлопывание.

Она тем не менее ушла. А ведь имя её означало соединение. Это значит: связи конец? Знаменует ли выход за пределы горизонта событий в ту область, где делается невозможной любая форма коммуникации? Но она оставила информацию к размышлению. Она ведь, в сущности, за тем и явилась.

Энергия разъединения поглощает, не пережёвывая, оставляет лишь крохи сосредоточенности, машинального, среди внутреннего нарастающего беспорядка, стремления ухватить то ли блики мерцающих слов, то ли тени неясных картинок, колышущихся, как подсвеченные силуэты золотых рыбок, тляпий и палий в полумраке аквариума.

Попробуй слепить поделку из праха, иссохших комочков пористой терракотовой глины.

Попытка под пыткой. Не зря ведь распад созвучен распятию. Уход на четыре стороны полагает стороны света. А что же стороны тьмы? Сходятся всё одно в ад. И даже сошествие направления не меняет. Ад персонифицирован, что априори подразумевает владычество Персефоны.

К схронам ведут проводки. Как оптовое волокно, обеспечивающее возможность коммуникации. Как тротиловый эквивалент для усугубления бездонности области персефонификации. Вот что спасительно страшно: нескончаемость свободы падения. Она задаёт антураж невесомости, то есть отсутствия сколько-нибудь маломальского тяготения.

Впрочем, может ли в существовании подвизаться часть пустоты, то есть ничто, прозябать или быть энергичным? Может ли взрыв, хоть большой, стать началом вселенского построения? Возможно ли сколько-нибудь маломальское осуществление в промежутке, где альфа — взрыв, а разрыв — омега? И тут ведь неважно, с прописной пишутся буквы или со строчной. В изводе библейского — церковно-славянском — нет ни строчных, ни прописных, как ни скифа, ни раба, ни свободного.

“В начале было Слово”. Но не менее важно, что будет в конце. В конце будет... А тут дилемма: спрогнозированный в “Откровении” Апокалипсис или бесконечные ряды буфетов, то бишь извечно вращающийся ЦИРК “Море любви”, которое Зебул от щедрот своих предлагает великодушно испить?

Предполагалось ли участие астрофизиков в испытаниях бомбы с игривым названием “Штучка” в окрестностях города Аламогордо в рамках операции под кодовым названием “Тринити”? Большой достаточно взрыв не оставил камня на камне.

По замыслу, подкреплённому лямбдой, камень должен на камне как раз появиться. Теорию относительности придумал приколост языкатый Эйнштейн, что, в переводе с идиша на немецкий означает “один камень”. Ну, ладно бы там: Цвейштейн или Дрейштейн, но камень именно что один, совсем один, как Лермонтов на кремнистой лунной дороге.

Одиночество подразумевает “один ночью”. С этой точки зрения Гефсимания к сингулярности ближе, чем даже Голгофа. Масличный сад страшен обесславленностью, абсолютной несущественностью перед давящей пустотой всевластного ужаса ночи. “Обаче не Моя воля, но Твоя да будет”*. Не зря арамейское “гат шамна” означает “масличный пресс”. Мрак борений в гефсиманской давилльне сокрыл первый шаг ступившего на путь страстей. “Но се есть ваша година и область тёмная”. Пустыня не внемлет. Одному выходить на дорогу, под звяканье молотков и гвоздей. Как в кошмаре, наполнившем ужасом души несчастных толстовских любовников. “Надо ковать железо, толочь его, мять”, — в тёмном углу в мешке копошась, бормотал по-французски маленький страшный мужик с взъерошенной бородой. Инци-инци.

Может ли пустота давить? Или мыслимо ли, чтобы домостроительство началось с взрывных работ? Почему бы и нет. Иудину землю крови — Акелдаму, где проклятый удавился, не вынеся пресса предательства, — Пётр назвал пустым двором. Разве не следовало вначале разрушить храм, чтобы потом в три дня построить? Ведь и город своей души, истолкованный святыми

---

* Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет. Лк. 22:42 (церк.-слав.).

отцами как Дом утешения, Спаситель не пощадил, в сердцах осудив: “И ты, Капернауме, иже до нбсь вознесыйся, до ада снидеши”^{*}.

Ухваткой коновала-дантиста, без наркоза, с мясом изъяли из улыбки Москвы златом и сахаром сиявший зуб мудрости — храм Христа Спасителя. Взрыв был немалый, и даже большой. Зияние, что образовалось на месте сияния, усугубили до котлована, для стройки небывало высокой до той поры башни. Норовили до неба достать, но на уровне пропасти всё и осталось. Котлован у Платонова наполнен фантомной болью и мукой страдания, а зияющий котлован у Москва-реки залили анестезией подогретой воды и сделали круглогодичным бассейном.

3. Облако

*Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Бойтся рыба, когда в сеть уже попалась.*

Антиох Кантемир

--- “Зебул хочет видеть тебя”.

— Зачем я ему понадобился?

--- “Ему нужен супергерой — тот, кто выйдет на баттл против его сына”.

— Супергерой должен обладать суперсилой.

--- Зебул полагает, что ею располагаешь.

— Вся моя сила ушла в нистрянский песок.

--- “Зебулу виднее. У него нюх на такие вещи. Он только и занят тем, что принюхивается и рыщет. Кто мог подумать, что эта шоколаднотелая и чернильноокая обернётся в очах Наф-Наф Доги всесветной невестой? Материнское сердце молчало, как рыба. А отец сразу сказал: “Погляди на неё. Лианна оплетёт Наф-Наф Догу, как анаконда — поросёнка”. Так и вышло: заботы и хлопоты Господаря Всенистрянского Празднества Наф-Наф Доги, все, какие ни есть, растворились в чернильных очах этой хищной змеи. У читчика вдруг появилось время на скуку, хандру. Но только не на отца и на мать. Но только — не на главное: ЦИРК и не-ЦИРК.

Наф-Наф Дога, наш коханный однородный сын, возрастал в суровой отцовской любви и материнской заботе. Отец воспитывал сына воином, ибо война — истинное состояние мира сего. Время войны не имеет начала и конца, прошлого и будущего, оно расщепляется на крупницы настоящего, пребывающего только здесь и только сейчас. Высшее проявление войны — это бой или, говоря современным языком, — баттл. Время в бою схлопывается настолько, что полностью переходит в пространство — периметра ринга или Дубоссарской плотины, речными берегами разделившей позиции опоновцев и нистрянских ополченцев. Война не имеет не только времени, но и пространства. Только ландшафт, разделяющий противников, который в ходе боя предстоит обнулить, чтобы сблизиться с врагом и вступить в рукопашную схватку. Победа знаменуется трупом врага, а также насилием над той, кого враг защищал. В этом суть обнуления пространства и времени.

Да, пусть это будет верх, взятый на ринге техническим нокаутом, пусть это будет вступившая в связь под напором оголтелых ухаживаний чужая жена, сестра, дочь или мать. Суть не меняется, и в том, и в другом случае знаменуя победу над пространством и временем.

МС, призванный денно и нощно функционировать, обнуляя дистанцию и тем самым верша неусыпно празднество ЦИРКа, дал сбой, объявил забастовку. Отец с тревогой констатирует: сын копит возмущение и грозит его обнаруживать. А это чревато вовсе немислимым: восстанием против отцовской воли.

Идея Зебула проста, как он сам и как всё гениальное: вернуть сына в строй поможет хорошая взбучка. Всесветную славу не получают *за так*,

---

^{*} И ты, Капернаум, до неба вознѣсыйся, до ада низвергнешься (Мтф. 11: 23) (церк.-слав.).

на халяву, задаром, на шару, на блюдечке, как до этого всё доставалось плоть от плоти однородному недорослю. “Завоей в бою и владей по праву” — таков антураж предстоящего баттла. Наф-Наф Дога пройдёт через жернова физической, эмоциональной и прочей нагрузки в ходе изнурительной подготовки к поединку и, наконец, завоюет славу, сокрушив достойного противника в честном и непримиримом баттле. Тогда к нему непременно, вкупе с завоеванной в честной схватке добычей — заслуженной всесветной славой — вернётся вкус к господарству”.

— А если он проиграет?

— — — “Наф-Наф Дога Металлорукий не может не выиграть. Впрочем, о подробностях баттла следует договориться с отцом”.

— То есть планируется *договорняк*?

— — — “Не спеши. Признаюсь: не пожалеешь. Внакладе не останешься. Упреждая твои возражения, скажу даже: ты согласишься. Доверься мне: я научу тебя, как правильно повести себя в лабиринте возможностей”.

— Повести повествователя? Масло масленое опять.

— — — “Повесть не подразумевает ли то, что последовало за вестью? Не я ли весть, тебе посланная облаком? Ты до сих пор не понял? Я и есть облако. Пойми же, наконец, как всё устроено. Проще пареной репы. Сын — податель, отец же — только рыщет и грабастает. Он давать не способен. Широты сыновних щедрот простёрты настолько, насколько заброшены в море финансов-политики-власти сети отцовской алчбы”.

— Сама говорила: Зебул *отдал* тебя, мать однородного своего сына, создателю гиперболоида...

— — — “Цена, которую запросил зодчий Маноло, была высока. Муж мой в профессии выкован из железа с головы до пят, а в частной жизни он театр, который в упорядоченной прозе быта взыскует трагифарсовых всплесков и слезливой мелодрамы. Но Зебул не таков: для него ничего не слишком в сравнении с ЦИРКом...”

Он уступил свою женщину Маноло, и та словно овеществилась. В сердце её вошло чувство, что она стала вещью. Трудно выразить это чувство бесчувственности: была человек, а вдруг сделалась куклой. Будто лишилась сердца, взамен обретя абсолютную свободу абсолютной зависимости. С тех пор это чувство не покидает её. Интеллектуальная кукла, или проще: I-DOLL, как по-аглички обыграли ушлые разработчики.

И повелительно плата далась непросто. Сам признавался: после моего ухода к железному композитору в душе Зебула проломилась карстовая пустота размерами и мощью гравитации с чёрную дыру, которую, как он ни старается, ничто и никто не способно заполнить. А он очень старается. Собственно, этим он и обречён заниматься от заката до заката, затягивая в сети своей неумёмной алчбы всё подряд...

Пойми же, всё работает проще пареной репы: чем ярче восходит, сияя, звезда Наф-Наф Доги, тем неодолимей вбирает прорва владыки Зебула. Сын и отец — как одно, только в разном, противоположно направленных качествах. Никто не может получить Зебулову помощь иначе, как через сына. Ибо сам он отдавать не способен.

Вот недавно обратились на имя правителя организаторы конкурса хоров нистрянской общечности, попросили помочь провести финал всенистрианского тура. Обращение поступило в канцелярию правителя, а откликнулся МС ЦИРКа. Отзывчивость Наф-Наф Доги превратит действо стариковской самодеятельности в мега-шоу “Баттл хоров”, с участием звёзд мировой эстрады, гвоздь того торжества, которое развернётся на Дне Республики”.

— Чтобы что-то развернуть на дне республики, прежде республику надо вышить до дна.

— — — “А ведь глупая твоя шутка не так уж и далека от истины. Обестольных нистрянских твердыни: Парадизовск и северная столица Рыбница — будут переименованы и перенесены на новое место. Столицы сольются в одно, утвердившись на новом месте — в Валя-Зебулуй”.

— Это ты шутишь шутки...

— — — “Поверь мне, матери Наф-Наф Доги, отцу его совсем не до шуток. Всё зашло слишком далеко. Вернее же — высоко. МС ЦИРКа и не-ЦИРКа заперся со своей Лианной на своём непомерном навалии. Они на вершине дурачества и — скучают. Официальная причина: работа над новым альбомом. Но ты слышал новый его материал? Это форменное издевательство! На выходе один только ряд звуков — медитативных, заунывно-прилипчивых, бесконечным повтором ввергающих сознание слушателя в пучину бездонного дурновкусия.

Вступление не разобрать, язык читчика заплетается, но вот — не сразу — проступает:

Тятя-татья... Тятя-татья... Тятя-татья...

Тягомотина тянется долго. Когда, кажется, нарушены все мыслимые законы гармонии и композиции, звучит основная часть:

Эльгыгытгын... Эльгыгытгын... Эльгыгытгын... Эльгыгытгын...

— И всё? Это всё?

— — — “Тебе мало? Ты ел когда-нибудь чёрную бабочку?”

— Чёрной не ел. И никакой другой...

— — — “Вот почему тебе надо быть в ЦИРКе. Нет вкуснее палии. Ибо нет рыбы ценнее и труднодоступнее в мире. То есть в не-ЦИРКе. Палия не плывёт, а парит в толще мрака, колыхая своими зловещими нежными крылышками-плавничками. “Бабочка мрака”, — кличет её Зебул.

Палия обитает в единственном месте не-ЦИРКа: во мраке глубин чуковского озера Эльгыгытгын. Не странно ли, что воды озера — таинственного сапфира, обрاملённого кратером, непроглядно черны, а название его в переводе означает “белое”? У местных “белый” синоним “мёртвого”. Благоговей от ужаса, они чтят зловещую чашу — шамана с ледяной головой, чей беспробудный сон не должен тревожить никто, кроме оленьих стад, стекающих в долину в начале апреля под надзором осевших от крови и мяса вагтаг медведей да визгливых и остервенелых волчьих свадеб”.

— Что дурного в том, что твой и Зебулов единокровный отпрыск интересуется ихтиологией?

— — — “Ихтиологией интересуется тятя, то есть отец. Интерес его чисто гастрономический: он вечно голоден, как какой-нибудь Дональд Дак, и жить не может без того, чтобы не насытить свою утробу пожаренным на грилях или запечённым в мультиварке филе длиннопёрой палии и не запить его бокалом столового циркового вина “Миорица” (оно же “Долли”, оно же “Жарь-Рыба”). Кстати, как тебе дегустация? Букет, послевкусие?”

— Продолжай...

— — — “Мозг Зебула погружён в состояние неусыпного комбинирования схем, хитросплетений и нуждается в постоянном притоке омега-3 кислот. Я не зря указала на то, что палия обитает лишь в одном месте не-ЦИРКа. Даже Зебулу накладно, из-за траты более времени, нежели денег, гонять в Анадырь бизнес-джеты и вылавливать в кратерной луже эндемиков. Кроме того, уже дважды погружения смельчаков-водолазов в озёрную толщу завершались трагически: один успел подняться наверх, но умер из-за переохлаждения, у другого отказало снаряжение, и он заблудился во мраке. И тогда Зебул воссоздал озеро Эльгыгытгын прямо в ЦИРКе, в самом сердце его — основании Зебуларума, у священной костницы* указующей Рыбки”.

— Рыбки?

— — — “Чего ты так всполошился? Или не знаешь, что рыба превратилась в ЦИРК? Место строительства гиперболоида и мега-деревни Валя-Зебулуй — будущей столицы Нистрени — указал скелет чудовищной рыбы, что был обнаружен на отмели при впадении в Днестр Турунчука? Чудище, тиранившее нистрянцев, сокрушила горстка отчаянных храбрецов, верховодил которыми супергерой, обладатель суперсилы, которой щедро делился со всем огородом. До сих пор простые селяне в разных уголках непризнанной нашей Нистрени поминуют добрым словом удалыца и его соратников”.

— “Огородом”?

---

* Костница, или оссуарий (от лат. — кость) — место хранения скелетированных останков.

— — — “Что так разволновался? Стыдно об этом не знать! Впрочем, скоро об этом узнает весь мир: Наф-Наф Дога запускает серию комиксов “Гильермо и его сотоварищи спешат на помощь”, “Огород против Нистрянского монстра”, “Гильермо — сокрушитель чудовища”, “Огород спасает Нистрению”. Контракт на разработку и выпуск печатной и анимационной продукции по этому суперсюжету заключён с мексиканским ответвлением мега-компании “Marvel”. Каково?”

— Почему вдруг Гильермо?

— — — “Тут величие замысла: рассказчики “Марвел” адаптируют для испаноязычной аудитории захватывающий сюжет о храбрцах, победивших речного монстра, всплывшего из пучин Рио-Гранде. В качестве создателей мультфильма соучаствует “Doga-flix”, дочерняя площадка мега-платформы “Netflix”. В её ведении и последующая трансляция. А это не только Мексика и Карибы. Это Испаниада, это, в конце концов, колоссальный рынок штатовских латиносов, это весь мир... Гильермо... Тут всё сходится и исходному материалу не противоречит: гиль — то есть чушь, чепуха, и Ормо: в сумме выходит Гильермо. Ну, ещё и ярмо, то есть комплекс вины, драма супергероя, которая, впрочем, заканчивается сокрушительным хеппи-эндом. Каким-то образом это связано с продвижением новой марки текилы на рынки Латинской Америки. Мексиканский бренд, но принадлежит холдингу из Техаса. Зебул там в долях. Я в эти цифры не лезу. Будешь с Зебулом по баттлу договариваться, спроси обязательно. И долю потребууй. Прогнозируют многомиллионные прибыли. Много-, много-...

Рассказчики “Марвела” и инженеры “Netflix” — мастера своего дела. Лихо закручивают историю, вплетая социокультурный аспект и злободневные темы: присутствует исторический контекст войны за независимость Техаса, проблемы незаконного своеволия денег и власти, засилия власти денег, незаконной иммиграции и наркотрафика, уличного бандитизма, противостояние чикано — потомков первых испаноязычных переселенцев на берега Рио-Гранде — и вновь понаехавших латиносов. Челита, возлюбленная Гильермо, якобы принадлежит к роду, укоренённому в калифорнийской земле, а Гильермо — гастарбайтер, приплывший то ли с Кубы, то ли из боливийских джунглей Ньянкауасу. Впрочем, рассматривается и другой вариант, где возлюбленную супергероя будут звать Наташа. Сценаристы пока ещё думают, как ярче подчеркнуть революционную пассионарность супергероя. Он и его друзья вступают в схватку с гигантским монстром, снующим во мраке пучины Рио-Гранде, чудищем, которое на поверку оказывается гигантской самкой белого аллигатора, выдрессированной на устрашение злобным Негромором, холуём и прислужником весельного Дьябло Амарилло. С персонажем Негромора пока тоже вопросы. Предварительные консультации выявили нежелательный толковательный контекст состава имени “Негромор”, что якобы может создать препоны и спровоцировать претензии политкорректного характера, связанные с возможными обвинениями со стороны афроамериканских правозащитных организаций в расовой нетерпимости — в связи с “негро-”, а также в связи с “-мор”, якобы рождающим нежелательную ассоциацию со словом “голодомор”. Но эти вопросы решают, в том числе, и в юридической плоскости.

Поначалу думали раздробить историю на череду сезонов. Согласовали с Наф-Наф Догей. А тот вдруг всё взбаламутил. Теперь настаивает: надо, мол, рисовать про Гильермо большую сквозную историю в формате графического романа, и всю команду супергероев, где Гильермо — заводила и самый-самый, следует удалить, а оставить только одиночку-супермена и его возлюбленную.

А такой сюжет сейчас не в ходу. Успех “12 друзей Оушена” обусловил спрос на слаженные и захватывающие дух коллективные действия. Патруль во имя добра, который чем многочисленнее, тем лучше. Этого ждут читатель и зритель. Голивуд, вслед за Марвелом, трубят общий сбор, сколачивают сплочённые команды неуловимых мстителей, рекрутируют в них своих супергероев-одиночек, от Рэмбо и Терминатора до Железного человека, Человека-паука и Чёрной вдовы, под маской которой, как известно, таилась

Наташа Альяновна Романова, рождённая в Сталинграде воспитанница Зимнего Солдата.

Формат графического романа для продаж не годится, особенно на старте, в стадии раскрутки супергероев. И для анимации никудышный.

Отец и продюсеры компании устали его убеждать, а тот уперся. И требует, чтобы имя девушки супергероя меняли с Челиты на Лианну, и образ её создали с оглядкой на чернильнооковую принцессу Барбадоса, а сам остров должен стать тем самым местом, где развернутся захватывающие перипетии схватки с устрашающим зверем. А Барбадос к Испанидад и латинскому миру не имеет никакого отношения. Понятно теперь, откуда ветры дуют? Вползла змея с шоколадной мастью сыну под самое сердце и поддуживает”.

— Продолжай...

--- “Рыба превратилась в гиперболоид. Но остов рыбки сохранился частично. Нистрянская тварь на поверку оказалась нежной, по большей части состоящей из подержанных тлену, недолговечных хрящей. Утраченные компоненты скелета скрупулёзно воссоздал не кто-нибудь, а сам Дэмиэн Херст. Муж мой Маноло Диас-Янковский лично ездил (со мной) к своему другу Херсту, уговаривал того взяться за небывалый заказ. Нам, большей частью — мне, удалось это сделать. Увлёкшись замыслом, скульптор поначалу хотел воссоздать облик чудища, погрузив его в аквариум с формальдегидом, и тем самым *воскресить в сознании зрителя*. Но Зебул настоял на скелете. При реконструкции черепа Рыбки скульптор использовал палладий, сохранившиеся кости инкрустировал белым золотом, а недостающие выполнил из золота целиком. Скелет — отныне произведение искусства — поместили в священную остотеку. Впрочем, увидишь, на деле костница ничего сверхоригинального из себя не представляет. Что-то вроде экспозиции тиранозавра в палеонтологическом музее. И, однако, зрелище впечатляет: драгоценная композиция костей сияет подсветкой в недрах гиперболоида, под самым “Морем любви”, где разводят миллионы пылающих рыжим пламенем “сигареток” — сеголеток золотых рыбок, для заморозки и последующей их перегонки в цирковое вино “Миорица”. Владыка и повелел соорудить две огромных чаши. Хрустальный мега-резервуар отвели для длинноперой палии, *чёрной бабочки*, в точности повторив температурный и химический состав сапфировых северных вод, равно как и сопутствующие природно-климатические условия чукотского чуда. И назвали резервуар соответственно: Эльгыгытгын”.

— А второй?

--- “Что второй?”

— Ты сказала: Зебул повелел сделать два резервуара. Один для ночной бабочки. А второй — для чего?

--- “Для кого... Зебул к своим рыбкам требует почтительного уважения”.

— Несмотря на то, что их жрёт?

--- “Это — высшая форма почтительного уважения. На то он и жрец, чтоб иметь ненасытное нутро. Ты так и не понял. Второй резервуар — это и есть море Зебула. Вернее, будет. Великое пресное море, что уподобится озеру Кинерет. И, может быть, даже его превзойдёт. Нистрения, у которой за душой ни нефти, ни газа, обретёт стратегический резервуар пресной воды. Мало того, Зебул вознамерен населить вновь созданное пресное море галилейской тилипией”.

— Тилипией?

--- “Морда тилипии напоминает собачью. Рыба неприхотлива при разведении, плодovита, на неё устойчивый спрос на экспортном рынке. Зебулу важно наличие в проекте слова “галилейская”. Тут как бы символика переноса. Израильтяне переименовали его в озеро Кинерет? Ну, и ладно. Тогда из евангельского водоноса Зебул перельёт Галилейское море в чашку непризнанной, но непокорённой Нистрении. А одноимённая тилипия, выпущенная в новый резервуар, как бы должна подчеркнуть преемственность по отношению к прежнему водоносу. Впрочем, мозамбикская тилипия в плане экспортного промысла выгоднее на порядок.

Зебул цепляется за слова, но мне ведомы способы, которые помогут ослабить его мёртвую хватку. В конце концов, имя не имеет значения. Если

под видом галилейской тилляпии в Зебуловых водах будет нереститься мозамбикская, конца света не случится.

Зебул в последнее время увлечён словесной игрой. Временами стал даже заигрывать. Но ему как с гуся вода, говорит, что в словесных кунштюках ищет отдохновения от цифровых пучин и потоков, в которые с головой погружён от заката до заката.

Например, озеро Кинерет и Кинир. Казалось бы, созвучие этих слов — всего лишь совпадение, и ничего не значит. А Зебулу — пища для ума и потехи. Кинир был сын Пигмалиона и Галатеи. Да, да, того самого царя и художника, что взял себе в жёны им же сработанную куклу. Любовь создателя оживила его костяную невесту, а Кинир стал её плодом. Любимец богов, осыпанный всеми милостями, богатством и властью, наделённый даром прорицателя и певца, и имя получил в честь местного струнного инструмента — подобия лиры.

Владыка сирийских столиц, после он воцарился на Кипре, основал город Пафос, воздвигнув там храм в честь богини любви Афродиты и став её первым жрецом. Тысячи жриц, вышколенных любвеобильным и прекраснотолким повелителем, служили при храме в Амафунте, ночами справляя оргии в честь Киприды. Но поток чужестранцев, жаждавших погрузиться в море неги и в жажде своей оставить все деньги, от полновесного статира до полупшки халка, в казне Пафоса и в Амафунте, возрастал. И тогда правитель перенёс оргии с ночи на день.

Сделав голое таинство явным, Кинир превратил золотой статир в медяки неpotребства и жменями рассыпал страждущим на потребу. Тайны не стало, и мир, сбросив бремя её, погрузился в пучину бесконечного дления вожделения.

Сладострастная ширь призвана была плескаться безбрежно и вечно. Но неожиданно, как волна, накатила на Кипр весть о Троянской войне. Чуткое ухо певца-триумфатора, чьё царствование текло, как по струнам, в неге разнузданных треб, полноводно и звучно, прослышало в этом прибое чуждое бряцанье кимвалов, режущее изнеженный слух завыванье скорбящих свирелей и флейт.

Предчувствия не обманули провидца: вскоре на остров Киприды прибыли гонцы ахейского войска, да не кто-нибудь, а осенённые царственной пенной посылы — Менелай, исполненный страстной алчбы вернуть из троянского плена украденную жену Елену Прекрасную, и сам хитроумный Одиссей. За пиршеством они с почтением и искренним пафосом убеждали владыку острова Афродиты присоединиться к походу на Трою и покарать беспримерных в своей наглости троянцев. И Кинир согласился, клятвенно заверив царственных гостей, что пошлёт для похода на Трою пятьдесят кораблей. Посланцы, покорённые царским приёмом и поистине царственным жестом правителя Кипра, на крыльях тугих парусов и радостной вести помчались догонять ахейские корабли, журавлиным выводком, по пенной лазури летящие навстречу смерти и славе.

Но сердце Кинира стремилось не к Илиону, а в Амафунт, в храм богини, которую он в беззаветном служении вывел из мрака на свет, превратив её из тёмной и мрачной, сокрытой в ночи Скотии в явленную миру сему во всей наготе Афродиту Порн, отныне способную в жертву принимать и свиней.

Одиссей хитёр и умён, но разве провидец и жрец Афродиты не способен превзойти в хитроумности этого голоштанного царька из Итаки? Не только способен, но должен! Что уже говорить о Менелее, этом рогоносце, который во всём на побегушках у своего надменного старшего братца? Поделом его донельзя смазливая, но не менее похотливая жёнка украсила, на пару с Парисом, роскошными царскими рогами макушку того, кому не дано уберечь бесценное сокровище, а после, как переходящая кукла Античности, и вовсе пошла по рукам. Вот от Кинира бы Елена Прекрасная никогда не сбежала! Медный халк* — вот цена хитроумию Одиссея и прочих ахейцев. Глушцы — таково их истинное имя! Отправить целых пятьдесят кораблей под стены

* Халк — мелкая античная монета.

Илиона на верную гибель и всё ради одной потаскухи?! Видит владычица: тысячи их, истомлённых негой желания, пасутся, как золоторунные овцы, в рощах Амафунта и Пафоса, готовые по первому слову исполнить любую прихоть своего венценосного пастыря. Жрать любовь ненасытно, глотая кусками или тщательно пережёвывая. И разве голоштаный царёк из Итаки и рогоносец, что приبلудным примаком* уселся на троне своего тестя в Спарте, не запомнили напрочь о подвигах, славе и доблести, когда, по велению Кинира, красивейшие жрицы храма принялись их ублажать? Не зря говорят, что дед Одиссея был вором и оборотнем в волчьем облике и давал ложные клятвы так ловко, что потом мог их не исполнять, не нарушая формально. Как говаривал повествователь, живший в другую эпоху: в “жить не по жи” — жи, ши пиши с буквой й.

В конце концов, богиня, которой всем сердцем, душой, всем телом служит правитель Кипра, поддержала троянца. Может ли он, Кинир, верховный жрец Афродиты, пойти против воли владычицы Амафунта?..”

— И что он, сожрал свою клятву?

— “Облако тешит выказываемое тобой нетерпение. Владыка святилища страсти сдержал своё слово. Бухта в виду древней Авлиды и пролив, отделяющий остров от материка, напомнили набитый солёной сардиной огромный глиняный пифос. В гавани было не протолкнуться от ахейского флота, набравшего силы перед решающим переходом к неприступной троянской твердыне — под стены Илиона. Казалось, греческим кораблям нет счёта, мера их длилась за тысячу, тьмы и тьмы числили тех, кто отправился добыть и заново обрести похищенную красоту и спасти через это свой мир. Но вожди вели строгий учёт. Премудрый Нестор, ветхий денми царь Пилоса, записывал вновь прибывавших в заветный список. “Смотрите, в гавань входит корабль! Кипрское судно! Кинир, царь и владыка Пафоса, любимец богов, верховный жрец Афродиты, вершит свою волю и держит данное слово! Да ниспошлют боги своему любимцу многие лета и блага! Нестор, записывай! Кинир обещал прислать пятьдесят кораблей и исполнил клятву!”

“Вижу корабль. Кипрское судно! Вот он входит в гавань. Тесно в бухте от кораблей, как в базарный день на центральной площади Пилоса. Но корабль находит лазейку и ловко пристаёт к берегу. Видно, что царь Кипра снарядил в поход искусных мореходов. Верно, не менее искусны они и в бою, как и их товарищи, что идут кораблями следом”. — “Следом нет никого. Все, кто послан нашим владыкой Киниром, здесь перед вашими очами, о, владыки, вожди и цари благословенной богами Эллады”. — “Что за диво? Кинир давал клятву: прислать пятьдесят кораблей! Или ваш царь разучился считать? Или счёт не таков, как во всём остальном подвластном Олимпу миру?” — “Царь Кипра и верховный жрец Афродиты умеет считать, как никто в этом мире, днём огибаемом солнцем, а ночью — луной. Наш владыка держит данное слово и велит исполнить всё по обещанному: вот корабль, на котором мы прибыли, вот ещё сорок девять судов. Наш владыка и прекраснейшие жрицы, ликом сравнимые с луной, а станом — с огненно-жарким светилом, собственноручно вылепили эти кораблики из священной терракотовой глины, добытой не где-нибудь, а в окрестностях святилища богини любви в Амафунте. Мы спускаем их в воду по велению господина и во исполнение его клятвы. Да ниспошлют боги победу вашему войску и искомую добычу — вашему походу”. — “О боги, как зло посмеялся над нашим походом лукавый насмешник! Будь он проклят”. — “Одиссей, не гневи проклятием богов накануне последнего перехода. Как бы ни было, но Кинир формально клятву свою исполнил”. — “Да, хитрец превзошёл в лукавстве даже моего досточтимого деда. Но и нам надлежит закрепить напутствие царя Кипра, дабы не было оно голословным. Не зря говорят, что этот кипрский кобель ни на что не способен, как только на случку. Возьмите гонцов этой мерзкой собаки, пустите им кишки живьём прямо здесь, на прибрежном песке, в виду нашего славного флота и воинства. А после скормите их, вместе с мерзкой их требухой, нашим боевым псам. Пусть прибрежный прибой

* Примак (нистрианск.) — зять, живущий с семьёй в доме тестя.

станет красным, как кораблики из терракотовой глины, что во исполнение клятвы ублюдка, рождённого от костяной куклы, спущены в воды Авлидской гавани. И пусть Посейдон примет это как священную жертву, окропит убойной росой вместе с пенными брызгами просмоленные борта наших доблестных кораблей”. — “Посланные волею господина в беззаветное услужение примут любую волю, и лютую как непреложное...”

— Но при чём тут озёра?

— — — “Облаку любо выказываемое тобой нетерпение. Зачастую, когда предлагают: “Давай предадимся...” — это подразумевает и меру предательства. Скоро ты будешь готов к тому, чтоб тебя повести... Но всё-таки торопиться не следует. Анадырские чукчи считают, что идеальное жертвоприношение — сорок девять оленей. Начать надо всё равно с одного и ни в коем случае не спешить. Меньшую жертву приносить нельзя, а большую — некуда, ибо наступает другая форма измерения. Пойми же, как всё устроено в нашей пойме. Зебул не может осуществлять рассылку иначе, как через единокровного своего сына Наф-Наф Догу. Отца беспокоит поведение сына. А это мешает делу всепоглощения. Отец должен быть абсолютно спокоен. В этом залог его сверхфункциональности. Таково и облако. Я и есть функция в чистом виде, сочетание абсолютной свободы с абсолютной зависимостью. Ибо вся рассылка осуществляется не иначе, как через меня. Облако оповещает, и весть его — чистая функция разоблачения.

Так и с Догой... Он призван к функциональности, к обретению идеала чистой функции. Ибо он МС ЦИРКа и не-ЦИРКа, и щедроты проистекают не иначе, как через него. Наф-Наф Дога на пике славы и должен быть сверхпроводим. А он погружается в скуку и кукуется, выказывает симптомы звёздной болезни, угрожающей сбоем того механизма, в котором собой исключён. Он претендует на время, которого у него вовсе быть не должно.

МС ЦИРКа и не-ЦИРКа не осознал ещё всей невыносимой лёгкости возложенного на него всевластия. Мысль о том, что чёрного кобеля не отмоешь добела, — это ложь в упование бедным. Ещё как отмоешь, до хруста и блеска, подобно тому, как финансовая прачечная отстирывает потоки грязных деньжищ. Таково мегакачество сверхпроводимости власти, её функции в чистом виде без примесей.

Тога власти!.. Вот что обеляет чёрную сущность делишек, пороки души и плоти, ибо ткань её суть сакральна. Если в подкладку её — ту невидимую сферу, что создана страхом, — кутается отец, то сыну суждено погрузиться в сияние моря любви. Чёрным был, белым стал — власть обелила. И облачится эфиоп в белые одежды. Этого-то пока и не понял Наф-Наф Дога.

Вернее, понял слишком буквально... Скандальная эта связь с мега-дивой Лианной, это выставленное напоказ в круглосуточной стрим-трансляции стремление постоянно держать в чёрном теле своё бремя белого человека. А чего стоят эти его совершенно безбашенные выходы к прессе, на которых он заявлял журналистам, что учёл все наколки шоколадной своей мега-пассии, даже те, о которых не догадывался её прежний парень? А её парень на тот момент ещё ни сном, ни духом, что является прежним, то есть от Наф-Наф Доги, из СМИ об этом и узнал. А он, между прочим, владелец миллиардного бизнеса, имеющего интересы в том числе и в сфере Зебуловых дел.

Нам с отцом пришлось задействовать всю мощь облачной инженерии, чтоб хоть как-то пригасить возникший конфликт. И что в ответ учудил этот поросёнок? На последнем его пресс-подходе явился к масс-медиа, ведя шоколаднокожую свою певичку, мировую мега-звезду, на поводке, и та, стоя на четвереньках, тёрлась холёными бедрами о его кроссовки популярнейшей линии “?DOGAGOD?”, а тот возвестил в прямой эфир, точно вызов бросил о том, что, мол, тот, кто был с его чоко-крошкой прежде, и пытался познать её, словно книжку, читал то, что на обложке, в открытом доступе, для широкой публики, а он, МС ЦИРКа и не-ЦИРКа, заглядывает в такие уголки, куда прочим дорога заказана, читая граффити на стенках самых дальних закоулков её тела и её души, что начертаны рукою самого провидения. Того, кто вчитывается глубоко, раскрытая книга одаривает откровением. И следом, звено за звеном нанизывая оцепенение, неизбывно, изо дня

в день, из ночи в ночь, читчик бормочет: “Эльгыгытгын”. И ещё одно: “Тя-тя — тать... Тятя — тать”.

— Это всё личное очень. Семейные дразги... Сами копайтесь в нестиранном вашем белье.

— — — “Погоди... Из болотной грязи — в блатные князи. Прачечная работает круглосуточно. Ты не можешь даже представить, насколько отлажено она функционирует”.

— Нет ни малейшего желания.

— — — “А сейчас ты увливаешь, пытаешься надеть личину. Ведь истинное твоё лицо — лицо мести. Личное — всего лишь дистанция между личной и ликом. ЦИРК дистанцию исключает. Вернее, сокращает её до нуля. Ам! — и нету. Ведь дистанция — это и есть пространство”.

— То есть, ЦИРК — пожиратель пространства?

— — — “И времени. Тут-то и зарыта собака. Расстояние — это раздельное самостояние, которое ликвидируется в двух средоточиях: в точке сборки любовных объятий и в точке разборки — в смертельной рукопашной на поле битвы, или в баттле — в кругу октагона, до нокаута и первой крови. Впрочем, Нистор, нет времени объяснять. Пора вести тебя в облако. Дабы пользоваться облаком, пользователю следует подключиться. Иди ко мне”.

— Обнуляешь дистанцию? Клодия, я не дерусь с женщинами.

— — — “Нистор, настрой твой хорош. Настрой приумножь, добавь к нему навыки драки и вкупе выкажи. Это поможет тебе продержаться в клетке какое-то время. Впрочем, времени нет. Я повернусь и стану здесь и сейчас. Вот так. Вот так...”

Троестирие вспыхнуло, озарило чреватые чрезмерностью груди, скользнуло безбрежными бёдрами и кануло в червонное чрево.

4. В сугробе

— — — “Родом Зебул нистрянин. Одни записывают его в молдавانه, другие — в москали, третьи — в хохлы. В пользу каждой из версий приводятся доводы, основанные, главным образом, на скупой информации о предпринимательской и общественно-политической деятельности Зебула. Способствовал открытию культурного центра в Парканах, и вот вам — болгарин; затеял масштабный совместный проект-стартап “Сатрап” с турецкими партнёрами и их косовскими коллегами, и, значит — гагауз (то же говорили и по поводу проектов Зебула с Белградом, мотивируя его сербские корни); имеет обширные связи и совместный курортный бизнес с еврейскими кругами Одессы и Твери, что расположена на берегу озера Кинерет, следовательно — еврей.

Шарик, как известно, мал и кругл, и им правит Гугл, а Одесса слитком велика. Информированные источники указывали, что прочное еврейское присутствие в Зебуловых делах и делишках обеспечивало наличие в его близком кругу Маноло Диаса-Янковского — *железного механика*, архитектора с мировым именем, испанца по отцу, но одесского еврея по маме. Впрочем, близкий круг создателя ЦИРКа был обширен, простирая ячеистые тенёта во все стороны света. Впрочем, и у Маноло был свой круг, и у Клодии Диас-Янковской, и т. д., и т. п.

В помощь одесско-тверийскому направлению были приданы неразлучные Ацкий и Ицкая, доверенные Зебуловы лица, но причастные кругу родни железного механика. Ближними молдово-румыно-украинскими и турецким подступами ведали Элвис Теперичев, Цицилия “Цица” Подакцизная вкупе с Денисом “Даном” Диснейлендом, а также Моисей Сукчес, Остап “Валет” Велетенский, Изяслав “Изя” Куле, Ралица Пахареску-Калкади, Илона “Лянка” Турнул-Пасмуревич. В стратегических направлениях, *отдельных*, то есть подведомственных целым отделам в структуре ЦИРКа, заведывание теми или иными странами, сторонами света и тёмными закутками мировой закулисы распределялось между скопом помощников и советников правителя Нистрени и МС ЦИРКа, во многом наслаиваясь и пересекаясь,

но нигде и ни в чем практически не давая сбоев. В число *отдельных* направлений, в частности, входили: российское (зав. отд. — полк. в отст. Столпняков, далее — Марго Маяко, Пётр Васильевич Штырёв, Осип Станкевич, И. Будущих, Освальд Аштаракян и др.); Эмираты, тюрко-арабское (глав. — Ибрагим Албарай, Мишель Пуццепрежня, Ходжа Такташ-оглы, Наталия “Наташка” Гвоздева-Штырёва, Теймураз Пасмурневич, Гюзель Цамхаг); европейское (с балканским и швейцарским подотделами, нач. — капитан Коста, Агнешка Куле-Велетенская, Габриэлла Вежа-Чекан, Милош Каприца, Иштван Блатно, Чинтолина Ляторчук-Латорреская, Антон Ляторчук, Анастасия “Настюха” Сукчес-Пиларович); азиатское (с китайским подотделом, зав. отд. — Варлаам Цамхаг, далее — Андрей Ламоза, Нухай Тэ, Тава Будосюева-Будущих, Ой Ли, Тава Блатно-Рукорюева, Цзю-Аштаракян, Таб Ккум-уй Соньё); африканское (с эфиопским подотделом, зав. отд. — Виолетта Каприца-Мнара, Богдан “Буджюнь” Калкади, Мейси Нгузо, Александр “Абимбола” Умбхошонго). Далее — отдел Испанидад с его постоянно растущим мексиканским подотделом и не менее значимое и многоплодное американское направление, с бразильской, калифорнийской и недавно созданной барбадосской вотчинами.

В тесной сцепке с прочими функционировал оффшорный отдел. Оффшорами заправляет некто Шор. В подчинении у него только одна помощница, однако чрезвычайно усидчивая; помимо обеспечения тесной взаимосвязи с прочими отделами и подотделами, выполняет целый ряд важнейших функций под началом Клодии в системе “ай-долли”. В бухгалтерии и отделе кадров ЦИРКа она проходила как “Жимолость”.

Эти круги, как и сферы влияния, концентрически сходились к Зебулу, заточаясь в силовом поле гиперболоида. Символ его — немеркнувшее трюстение — расточало повсюду одно, незбылемое: свой Зебул, плоть от плоти нистрянский.

Иордан вытекает из озера Кинерет и впадает в Мёртвое море. Так и Днестр призван соединить, как каких-нибудь пролетариев, два великих земных водоёма — Галилейское море и озеро Эльгыгытгын. И станут они суть один двухъярусный дом — Зебулово море, сокрытый в пучине хрустальный дворец палии длиннопёрой, а над нею — открытый нистрянской стихии просторный пентхаус тилияни галилейской. Зебулариум, “Море Любви” выйдет из берегов, разольётся в ширь морского владычества.

Судьбоносное мегаглияние совершится в виду набережных двух заново наречённых твердынь — Тилиянополя и Палиополя, возвеличив сверх меры стольный град Валя-Зебулуй, должный взрасти среди нистрянских вод, словно чудо-остров Буян.

Немыслимое дерзновение выказывает недреманная мысль властителя Нистрени, ибо Зебулова алчба простирается не только на пространства, но и на времена и сроки.

Простирая великодушие в ширь, подобную и даже превосходящую края Чёрного моря, Зебул возглашает новую эру для тех, кто, окунувшись в море любви, постигнет, наконец, пределы широты и долготы, и глубины, и высоты, то есть меры пространства. Наиглавнейшая же из них — высота.

Не воплотил ли создатель гиперболоида в постижении мира сего свою самую заветную мечту — высоту, возведя ЦИРК и замкнув вокруг него неразмыкаемым амбарным замком заветную реку? А ключ спрятал или пуще — того — проглотил.

Над ЦИРКом и над Нистренией в равной мере и степени простёрлось поистине отеческое попечение правительевой души. Возмужав из сирого сиротства, сын земли своей исполнился великой душевной широты и поистине отеческого призрения. И дух свой устремил к поднебесным вершинам. Униженная в мире сём, непризнанная земля сыновними чаяниями вознеслась в надмирную вертикаль гиперболоида, вбирая и пространство, и время.

Отныне переговорщики от Нистрени любые призывы к мирному диалогу в политических раундах парируют лаконичным: “Мы не мирные. Мы — надмирные”.

Каждый школьник и даже детсадовец в пределах от каменной Грушки до слободзейской Незавертайловки, знает повесть о том, как в душе будущего правителя надмирной, непризнанной, непокорённой страны, а тогда — затурканного паренька из рыбничанской Христофоровки, зародилась самая высокая мечта. Из Рыбницкого ППС Зебул был направлен в школу милиции в Парадизовске в качестве поощрения. О причинах, тому послуживших, небывалом событии, случившемся с Зебулом в один из выездов в наряде ППС и повернувшим ход всей его жизни, школьникам на классных часах и линейках не рассказывают. Впрочем, об этом не знают не только учителя, но и ближний круг Зебула. Никто, кроме Клодии, и, может быть, железного механика Маноло.

А вот про высоту знают все. Более прочего в Парадизовске поразили парнишку из рыбницкого захолустья военные истребители, что денно и нощно полнили громом и гулом небо над городом, поначалу не давая заснуть, вселяя в душу страх и трепет, и смутный восторг. Будто двигали в небе без усталости огромный металлический шкаф. Или сейф? Только что в нём хранили? И где ключ от него? Это, видимо, шла недоступная взору работа внутри. Душа под напором грома и гула делалась шире и шире.

А потом истребители улетели. Слово перелётные птицы, снялись с места и канули вслед за страной, небо которой так немолчно стерегли. Геологический переворот привёл к тектоническому разлому. Из развала Союза выпросталась нистрянская трещина, школа милиции превратилась в юридический институт, который Зебул закончил в звании младшего лейтенанта, за успехи в учёбе, на зависть одноклассникам, распределённого в налоговую инспекцию. Но должность и звание не радовали дипломированного правоохранителя. Он глядел, задрав голову, шурясь от слепящих лучей, в пустое нистрянское небо и всё чего-то ждал. Но тщетно. Небо, пустое, словно перевернутый стакан, молчало, взамен былого сияния застыла очи сквозящим зиянием. Душу снедала тоска, но в её широте эхом жили и полнились громы и гулы. И тогда, на прожаренном июньском зноем плацу юридического института вдруг почуял Зебул, как сошлись они вместе, сплелись и выросли в неразрывную мысль о башне. Осенённый замыслом, он опять поднял голову вверх, но теперь, не моргая, впился взглядом в пылавший солнечный круг, не в силах оторваться от заполнившего небо сияния.

ЦИРК — система трансляции, превосходящая всё и вся, на миллион лет вперёд кующая код и модель поведения городам и народам не-ЦИРКа, как звенья якорной цепи, опоясавшей нескончаемым кругом шею и грудь МС Наф-Наф Доги. ЦИРК, равно как и его МС, превыше всего, воплощённая доминанта мира сего, но при одном лишь условии — неусыпного функционирования.

Здесь и кроется корень претензий Зебула-старшего к Наф-Наф Доге. Единородному сыну правителя Нистрени, возведённому отцом в титул Господаря не-ЦИРКа и ЦИРКа, уготована башня управления миром. Здесь, в выпроставшейся над миром доминанте вершится работа по выковыиванию судеб мира сего, исполняется кровью, облекается физикой плоти его метафизическое задание. А Дога, не чуя ни капельки громадьи доминантных свершений, тяготится венцом доминатора, грозя запереться со своей шоколаднокожей змеей в башне слоновой кости.

Эх, сына, сына!.. Неужто не по нему оказалась тиара троетирия и сам он оказался подкаблучный слонтяй? К лицу ли управителю башни безбашенное поведение? Эти мысли сеют сумятицу и беспокойство в отцовской душе. Страх заползает в сердце Зебула и там гнездится, свернувшись колечком, ибо своеволие Наф-Наф Доги в деле обретения власти над временами и сроками чревато немислимым проявлением сыновней слабости — восстанием на отца.

ЦИРК *вне времени*, ибо вседозволенностью и доступностью исполнения заветных желаний *здесь и сейчас*, то есть совершенно игнорируя прошлое, наплевав на грядущее, гиперболизировал до грандиозности малейшие прихоти, капризы души и телесные похоти.

Величие замысла — долгострой, взыскующий созревания. Но в ЦИРКе всё сбывается тотчас, стремглав расщепляя и дезавуируя на душевную перхоть нечто мало-мальски большее в замысле.

Правитель одержим замыслом моря Зебула, ибо намерен перекроить ход сыновних чайний в новое русло. Декрет о стартапе “Морской Сатрап”, в английском изводе — “СНЮРНМОМОР” — с участием иностранных инвесторов, всенародно объявят как раз на Дне города, ознаменовав старт рытья Великих Нистрянских озёр и последующее их слияние в Зебулово море — начало проекта, пожалуй, не менее грандиозного, чем поворот советских сибирских рек к *жаркой Арктике*, пустыням советской Азии, замысла, величиим равного самому мега-ЦИРКу, в одно поверставшему пространство земли и небес.

И всё ради сыны — коханого света очей, нещечка, недоросля, от сиськи по сию пору не желающего отлучиться дитяти!

Отцовскому морю любви дитё отвечает чёрной неблагодарностью: ёрничает, точно туча, гремит издевательски “Черноморовым маршем”. Посмел смеяться над отцом! Вот, мол, папа задумал слить всё, что ни есть между Чёрным и Чермным морями, заглотив в один присест прорвой Черноморова царства!

Не вышло бы, что гром гремит не из тучи, а из навозной кучи. Наф-Наф Дога-то толком не бит до сих пор. Папа слишком с сыном сюсюкался, потакал, как щене, мажористым прихотям, пестовал баловня. Воспитывал война, но и на тренировках, и в ринге подбирал спарринг-партнёров пожизне, чтобы обеспечить отпрыску заведомую победу. Вот и взрастил у того непробиваемую убеждённость в собственной всесветной *исключительности*. А теперь, когда дело дошло до черты, спохватился, да поздно.

Изыскать надлежит удалыца, что начистит читчику Наф-Наф Доге зарвавшееся рыльце. Надо дать ему взбучку и тем самым снова всесветно *включить*.

Сам Зебул на такое не способен в силу абсолютной зависимости от отеческой любви. Тут возможен и страх, столь же безмерный. Возможно, Зебул опасается того, что, обрушив свой гнев на сына, уничтожит его, подобно тому, как поступили Тарас Бульба с сыном Андрием и господарь Пётр чел Маре с царевичем Алексеем”.

— Сила абсолютной зависимости не означает ли абсолют бессилия? И — страх. На чём тогда зиждится абсолютная власть и непомерная мера Зебулова гиперболоида?

— — — “Зебул с малых лет любил собак. Души в них не чаял. Известный афоризм “чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак” на деле парадоксален пропорцией: парные величины, которые взаимоумалют и взаимоувеличивают друг друга одновременно.

Возрастало ли в Зебуле с годами чувство приязни к собакам параллельно приязни к людям или, наоборот, убывало? Или росло, наоборот, в пику усиливающейся мизантропии, в тайном стремлении возвеличить собачью породу в пику людской?”

— Но Зебул теперь кушает рыб. Возводит для них хрустальные дворцы и хочет связать реку узлом и вышить море. То есть им отдаёт предпочтение? И что за событие в корне изменило судьбу Зебула?

— — — “Чтобы рассказать историю, слова надо выстроить в ряд. Не подразумевают ли история слова, что стоят рядами, как стоит полк против полка? Не означает ли это порядок? Потому — обо всём по порядку.

Зебул, возможно, уже в раннем возрасте отличался премногим знанием природы человека, с младых ногтей следил дум *людских подземный ход и прозябание помыслов*. Подробности его детства и вехи взросления блёклы и непримечательны. Возвеличился из милиционеров, причём с самых карьерных низов (понимая здесь и “карьер”, и “карьеру”): начинал участковым в родной Христофоровке, потом в рыбницком ППС, в общем, из местных, плоть от плоти своих, кровь от крови нистрянских.

Следует ли из этого, что Зебул опирался на дарованное ему в детстве многое знание (в коем, как известно, много печали) и величие ЦИРКа возвёл по мотивам башни из слоновой кости (или чёрного дерева)?

Однако предпосылка о большей любви к собакам, нежели к людям, с наименьшим основанием позволяет предположить, что никаким особенным знанием Зебул не обладал, а что в школе, к примеру, и на улице его обижали. На самом дне изъязвленного нутра, втайне от самого носителя, затаилась великая месть, которая постепенно копилась, откладываясь, как в сокрытую илом пиратскую казну, каждой безответной насмешкой и издёвкой, каждой проглоченной обидой, в итоге послужившая краеугольным камнем великой мега-ответки — стремительного возвеличивания её носителя и строительства циклопической нистрянской башни.

Можно было бы возразить: зачем, мол, искать чёрную кошку в тёмной комнате или, ещё того хлеще, — чёрную псину, если, что очень возможно и даже скорее всего, её там нет и отродясь не было, что, мол, поступь величия могла быть вполне поступательной, без аффектов, фанатизма и пищи, лакомой для изнывающих вечной алчностью телепередач типа “Рассказать всё, что скрыто”?

Но ведь случай гиперболоида — не обиходный, и сам по себе мега-ЦИРК “Море любви” со всем им расточаемым мега-контентом не есть ли воплощённая невозможность, то есть явленная воочию на миллион лет вперёд тьмам и тьмам пользователей исключительность, то есть собственно та самая, маковой в небо упёртая крайность?

Возможно, что, сызмальства не умевший за себя постоять, отвернул Зебул свой взор от людей, обратив его на животных, то бишь на псину.

Вернее, на доберманиху, которую завёл, когда перевёлся на службу в Рыбницкий ППС. Сам признавал, что души в ней не чаял. Купил щеня в городе за первую выплату пайковых, добавив накопления с маминной пенсии. Мечтал именно о добермане, чтобы злым был и быстрым, надёжно охранял дом, хозяйство и маму, пока сын будет в отлучке.

Подмечено, что бойцовских собак часто заводят те, кого в детстве шпыняли. Доберманы, конечно, не питбули. И ещё — как воспитать?

Зебул её бил, воспитывая, но кормил до отвала. Меньше чем за год щеня вымахала в огромную лютую суку с выдающимся экстерьером. Чёрная, с рыжим отливом шерсть её блестела на солнце, точно от жира, но жира в ней не было ни капельки. Ещё года ей не исполнилось, а тащила Зебула на поводке, как на буксире, когда тот сподабливался выводить её на прогулку, на потеху и насмешливые комментарии остроумных соседей.

Поджарая, со струением мышц под лоснящейся шкурой, Валя вся была воплощением мощи и зубастой стремительной грации. Такую кличку дал ей хозяин. Мама была против, говорила, что грех животину называть человеческим именем. Зебул отвечал, что собака нистрянская, и кличка значит “долина”, и добавлял многозначительно, что Валя для суки — самая кличка.

У мамы отношения с охранницей дома не заладились — за хозяйку её доберманиха не считала, не слушалась, да ещё принималась лаять, когда сельские дети приходили к учительнице на дом заниматься на пианино.

Валя слушалась только Зебула. Послушания тот добивался посредством домашнего тапка с тяжёлой подошвой или форменной туфли. Но зато охраняла на страх и на совесть. Соседи обходили двор Зебула стороной, опасаясь, что псина, зайдясь в злобном лае, перемахнёт, не дай Бог, через забор.

Впрочем, так и случилось: Валя махнула через забор, но не в злобе и лае, а по-тихому, ночью. Собаку Зебул поначалу вообще не привязывал, исходя из её абсолютного перед ним послушания. Со временем, с трудом уступив уговорам и, наконец, слёзным мольбам матери, всё-таки завёл для Вали цепь, с бегунком по проволоке, чтобы Валя в его отсутствие запросто покрывала весь двор своей злобной заботой. Но это только, пока хозяина дома не было, а как появлялся, он тут же её отстёгивал.

Вот так, в одну из домашних побывок Зебула, любимица его Валя и пропала со двора, к драме хозяина и глубоко запрятанной радости его матери.

Шума от пропажи Зебул поднимать не стал, но искал её настойчиво. Ходил по селу вдоль дворов, накапливая напраслину злости на соседей и на каждого встречного-поперечного. Излазил окрестности, выпрашивал односельчан, навещался в соседнюю Мокру и дальше, наездами в Выхватинцы, Зозуляны, в Севериновку и Белочи, до самой Окницы и Плоти.

Зебул продолжал поиски, когда удавалось в приезды домой выкроить время. Наводил и справки на службе, вызывая смех сослуживцев. По прошествии более чем полугодя после пропажи собаки по дороге со службы домой решил поиски прекратить. По приезде он узнал, что маме накануне сделалось плохо, приездом врач из Мокры и выписал ей направление в Рыбницу на обследование.

Прошло ещё полгода. Зебул всё так же исправно тянул служебную лямку, впрочем, без огонька и поощрений со стороны начальства, то ли в силу притупившейся, но саднящей тоски по зубастой Вале, которая словно в воду канула, то ли потому, что служба пэпээсника, хоть и была много лучше должности участкового в родной Христофоровке, но радостей и профессионального удовлетворения не несла. В непритязательном коллективе, как на подбор состоявшем сплошь из хохмачей и зубоскалов, Зебул, в силу робости, неумения и нежелания общаться диалогически, выступал в роли мальчика для битья, объекта подколов, насмешек и шуточек.

Но судьба дала Зебулу шанс преобразиться, явить себя не мальчиком, но мужем. И он не преминул этим шансом в полной мере и даже сверх меры воспользоваться.

В ту пору в районе замечены были волки, но много севернее: возле Окницы, в урочище Болганской долины задрали кабана, старого секача, обглодав его до свирепых клыков и огромного черепа.

Через неделю под Плотью напали в ночи на стадо, зарезали барана и трёх овец, при полном попустительстве собак, трёх матерых волкодавов, охранявших стадо. Ещё одна странность заключалась в том, что пастуха, бывшего при стаде, едва добудились в полдень у потухшего костра. Овец он должен был пригнать в село ещё утром, а накануне сделал небольшой, на пару часов, привал, чтобы сварить кипятку, но, однако, заснул и проспал беспробудно всю ночь и потом до полудня.

Чабан божился, что видел волков, и когда плотнянцы, смеясь над ним и ругая, спрашивали, как те выглядели, тот заполошно бормотал, что они были страшные: косматые, морды тупым клином, в пасти зубья, как пилы, а глаза горят, словно свечи. “И пламя их — калёное, сквозь башку жжёт”. Рассказни пастуха плотнянцы оценили по шкале “курам на смех”, обвинив его в растяпстве и пьянстве. “Кипяток у костра... Сам винище, небось, хлестал...”. Только бабка Раклища, древняя, как плотнянский дуб, таящийся в чаще, что излукой подступала к самым задворкам села, проскрипела на этот счёт: мол, волки, перед тем как напасть на стадо, окружили очами чабанский костёр и повергли самого пастуха и собак его в оцепенение, как будто наложили на них неподъёмную цепь. Бабкины сказки никто не послушал, и скрип её неслыханно, как суровая нить овечьей пряжи, голоса затерялась в криках односельчан, с упоением бивших и таскавших за космы исполненного вины и покорности пастуха.

Но где Плоть и, тем более, Окница, а где Христофоровка? Случайно ли родовое село Зебула именуется Христофоровкой? По общепринятой версии, название своё село получило в честь Христофорова, комиссара бригады Котовского, до того именуясь Волченцом. Ни имени, ни отчества в бессчётных ратных походах сидевшего в седле одесную легендарного комбрига история не сохранила, а фамилию увековечила, много позже нанеся на местную карту Гугл.

Однако находились спорщики из старожиллов, утверждавшие, что комиссар Котовского к их селу не причастен, а звалось оно так испокон, до Советов, ещё при царской власти. Включались в спор нистрянские краеведы, заверявшие, что путаница из-за того, что на нистрянской карте Гугл две Христофоровки: одна — уже упомянутая — на скалистом севере, в Рыбницком районе, близ Мокры, другая же — в жирном, как масло, черноземе Григориопольского района, и, мол, вот она-то и есть комиссарова Христофоровка, ибо по соседству расположилось село с указующим названием Комиссаровка.

Жители григориопольской Христофоровки из данной дискуссии извлекали свой интерес, в один голос стоя на том, что никакой Зебул не рыбничанский,

а кровнородственный их земляк, за которого они всем селом на выборах и голосовали. Как бы там ни было, а григориопольской Христофоровке из внебюджетных средств самим Наф-Наф Догой (несомненно, с подачи и по указке отца) была оказана щедрая меценатская помощь в виде дома культуры с развёрнутой во всю ширь функцией современного ночного клуба и диджейской аппаратурой, стоимость которой позволила бы купить три новых комбайна.

Стоит учитывать наличие ещё и переулка имени Христофорова, расположенного в северной нистрянской столице в непосредственной близости от зданий госучреждений, являвших сосредоточение органов районной нистрянской власти. По преданию, именно отсюда, с переулка Христофорова, был совершен тот судьбоносный выезд наряда ППС, в составе которого находился выходец из затурканной даже по рыбничанским понятиям тмутаракани и который чудесным образом превратил третируемого старшими по годам и чинам сослуживцами в осенённого миссией Зебула.

Сигнал поступил из села Христофоровка, в окрестностях которого обнаружили стаю волков. Вернее, стая сама себя обнаружила. Звери вели себя странно: днём прятались где-то в окрестностях, а ночью выходили к селу и были на наливавшемся желтизной полнолунии, наводя на христофоровцев жуть и ужас. Собаки, заслышав волчий вой, поджимали хвосты и прятались в будки.

Поутру в воскресенье местные члены охотхозяйства, скооперировавшись с мокрянскими, вышли гуртом на облаву, следствием которой стало происшествие в чаще, примыкающей к урочищу Калагур, с беспорядочной пальбой, одним тяжело раненным в живот пулей на кабана 12-го калибра и одним с ранением средней тяжести — простреленной рукой, навывлет, кость не задета.

Каждый из пяти выживших поведал свою версию случившегося, звучащую, как под копирку: охотники вошли в чащу, и тут неожиданно на них напали волки. Вернее, каждый рассказывал так: “Мы разбились по номерам и линией вошли в чащу. И тут, сходу, прямо на меня он выскакивает...” Однако странность заключалась в том, что по рассказам выходило, будто на каждом из охотников пришлось по напавшему зверю. Свой испуг, а вернее, охвативший охотников ужас они и обосновывали неожиданностью нападения волка, будто бы нарочно ждавшего в укромной засаде. И тут же, ничуть не боясь обвинения в трусости, добавляли: и обликом лютотого зверя — огромным ростом, чернотой своей и косматостью контрастно выделявшимся на фоне пожухлой осенней листвы, страшными клыками в разинутой тупоносой пасти. “Я успел вскинуть ружьё и выстрелить. Прямо в пасть, прямо в горящие ярким пламенем его очи”, — заканчивал каждый. И, однако, с полем друг друга никто из стрелков в то воскресное утро не поздравил. Зверя не обнаружили ни убитого, ни раненого, а среди горе-охотников числились подстреленные своими товарищами и ни одного пострадавшего от страшных волчьих клыков.

По тревожному сигналу из района и центра были отправлены сразу несколько нарядов ППС, но, однако, “уазик” наряда патрульно-постовой службы под командой старшего сержанта Незабудько прибыл на место происшествия первым в силу того, что в составе наряда, помимо вышеозначенного Незабудько и его закадычного дружбана, сержанта Тофаря, находился рядовой Зебул, родом из Христофоровки, местный, знавший округу, как свои пять пальцев.

Стоит отметить, что это знание рядовому Зебулу с поступления команды на выезд сыграло на руку, задало некий небывалый для него, торжественный даже тон. По обыкновению задвинутый на задворки повседневной служебной тягомотины своими не в пример более бойкими и хваткими до карьеры и прелестей жизни сослуживцами, тут Зебул сходу выдвинулся вперёд, пусть и с заднего сидения “уазика”, но выступив в роли ведущего, штурмана.

Будто в детстве, когда магический счёт “Эни, бени, рики, факи, турба, юрба, сентябряки...” запускал механизм выбора самого главного в догонялках или прятках — *вóды*, Зебулу водить никогда не выпадало. А тут вдруг выпало!

Зебул прокладывал путь по просёлочным грунтовкам, и вместе с уверенностью в нём рос кураж и неведомое чувство безоглядного, изнутри ослепляющего бесстрашия. Зебул будто ведал наверняка, чуял, куда надо ехать.

Товарищи его, сослуживцы, чем ближе к конечной точке маршрута, тем становились не в пример приглушённое, тише и даже бледнее и сумрачнее. Как будто, наполняясь невиданной прежде уверенностью, Зебул, избавляясь, сливал им излишние за ненужностью пугливость, и робость, и страх.

— Здесь налево поверни... — говорил Зебул старшему сержанту Незабудько, точно вовсе не Незабудько, а он старший наряда.

— Здесь не проедем... — с опаской отвечал старший сержант.

— Проедем, не дрейфь... — успокаивал Зебул, переключая лежащий на коленях АК-47 стволом справа налево. — Тут с грунтовки кажется — чаща. Проедем...

— Куда мы прёмся? К селу — прямо... Охотников поперву опросить надо... — бормотал Тофарь, впрочем, неуверенно, то и дело с тревогой и даже испугом поглядывая на вцепившегося в баранку Незабудько.

— Время потеряем... — парировал Зебул. — Если набрали на волков возле Калагурского леса, значит, они на могильнике. Как пить дать, там стая.

— На каком ещё могильнике? — не скрывая испуга, переспрашивал Незабудько.

— Чёрт знает! Братской могилой называй или скотомогильником. Мы с собакой часто туда ходили. На дальнем краю урочища, клином выпирает в сторону Днестра. Туда и едем. Чаща почти непролазная, а внутри поляна, большая, деревья на ней не растут, и трава скудная. Любимое место выгула было Вали моей. Прямо поводок рвала, чтоб скорей туда, на поляну. И всё бегаю по поляне, и принохивается, и роет, принохивается и роет.

Никто из наших про эту поляну не знал. Дед один, что жил при монастыре в Калагуре, про то место знал. И мы с Валею. Этого ветхого, монастырского в лесу и встретили. Сам еле ходит, а чего-то туда ходил. Рассказал, что до войны там был хороший луг и пастбище, и немцы построили ферму, вернее, военнопленные фрицам её построили, а после согнали туда весь скот из окрестных деревень, из Христофоровки, из Мокры и подальше. Когда Красная армия стала приближаться, и в Окнице партизаны ударили с тыла, фашисты весь скот постреляли, чтобы русским не достался. Тех, кто на ферме работал, солдат пленных, заставили яму вырыть на опушке урочища, большую — котлован, с пологим спуском с одной стороны. Земля здесь была красноватая от примеси глины и давалась легко, но яма требовалась большая и глубокая. Неделю копали. Скот туда загнали — бычков, коров с телятами, свиней. Прямо там, в котловане из пулемётов всех рядами положили, а после засыпали. А потом, когда котлован почти закопали, край только остался, загнали туда тех, кто за скотом приглядывал — в ту же яму. В тесноте да не в обиде. Человек десять их было — работники из числа пленных, скотницы из местных. И их тоже, из пулемётов. Чтобы никто не узнал о содеянном.

— А этот, вишь, ветхий пенёк откуда-то знал... — глухо откликнулся Тофарь.

— Земля, говорил, ему нашептала... — безоговорочно отвечал Зебул. — После войны урочище разрослось, чаща обступила то место. А на самой поляне всё одно ничего не росло.

— Приехали...

Путь перегородил поваленный тополь с чёрными щупальцами корней, нависших над зияющей в земле дырой. Выскочив из “уазика”, Зебул ловко перелез через ствол дерева, крепко ухватив автомат левой рукой в районе ствольной накладки. Товарищи его действовали не так споро и более осмотрительно и потому отстали. Но Зебул не оглядываясь, стремился вперёд, словно толкала его на поляну неведомая, вновь нарастающая внутри сила.

В прорежённом ранними октябрьскими заморозками, зарешённом стволами осенним пейзаже ещё издали в глаза ему сквозанули будто бы выбоины, чёрные кляксы, зиянием своим нарушающие повсеместное торжество приглушённой золотистой, коричнево-бурой палитры.

Приблизившись к краю поляны, Зебул осознал, что красноватые эти зияния были ничем иным, как пятнами свежей земли, террактного глинозёма, щедро раскиданного вокруг ям, похожих на следы разорвавшихся мин.

Приблизившись к краю поляны, Зебул замер. Пространство перед ним вдруг обернулось бездонной бездной, до края исполненной безотчётного, непроглядного страха. Страх сгустился и ожил, вдруг стремительно набухнув чернильными кляксами, сорвался и ринулся, разевая клякастую пасть, на Зебула.

То, что ползло внутри, словно выпросталось наружу, в упоении толкнув Зебула навстречу из чащи.

Он ступил в круг поляны, на ходу перехватывая свой АК-47. Чёрно-красное пламя, что несло ему встречу, сшиблось с багряным потоком, сгустками рвавшимся из пламегасителя, завертелось и с визгом слилось, озарившись чермно-червонным сиянием.

Сам Зебул потом толком не мог описать, что же с ним случилось тогда на поляне. Но сослуживцы из чащи видели в мельчайших подробностях всё.

Стая огромных волков с разных сторон поляны почти одновременно бросилась на их бесстрашного товарища. Но Зебул не дрогнул. Не замедлившись, не ускоряя шаг, он твёрдо ступал навстречу разинутым в страшном оскале пастьм и одновременно вёл по разъярённым зверям огонь. Верный его АК-47 бился в руках, методично и метко расстреливал взбесившихся бестий, превращая их жуткий твякающий рык в визг, захлёбывающийся бурой землёй и собственной кровью.

Этот сюжет и лёг в основу представления героя начальством к внеочередному званию старшего сержанта, а также поощрения в виде направления на учёбу в Парадизовскую школу милиции, позже ставшую юридическим институтом, где Зебул досконально овладел навыками налогов и сборов, а после стал настраивать свои ум помрачавшие чаяния на заветную занистрианскую высь.

Кому могло прийти в голову, что псоглавец мордой может быть псина, а туловом — волк? Это прежде думали, что собакоголовые — это те, у кого пёсья голова на человеческом теле. Например, древнеегипетский бог Анубис, проводник умерших в загробный мир, святой Христофор, перенесший вброд на плечах неподъёмную чашу спасения, или Snoor Dog — рэп-певец с головой добермана.

По преданию, Господь даровал пёсью голову святому Христофору по его молитве, чтобы тому — юноше, в котором всё было прекрасно по Чехову, в том числе и лицо, — легче было противостоять многочисленным искушениям от женщин. Другое предание говорит об исходном безобразии: могучий воин, людоед-кананей, бывший родом от пёсчих глав, вброд перенёс на плечах через речку младенца, который вдруг оказался неподъёмной чашей спасения. За это свирепый великан вместо пёсьей обрёл прекраснотликую голову Христоносца.

Или речь идёт о кэпкэунах*? В поймах Прута и Днестра и до самых карпатских предгорий издревле бытовали рассказы о людоедах с двумя головами, одна из которых — пёсья, расположена на затылке; они своими наисильнейшими челюстями запросто сжёвывали детей целиком, вместе с костями.

Являлись они всякий раз, как снег на голову, даже посреди раскалённого летнего зноя, ввергая нистрианские сёла в пучины страха и отвращения, всякий раз — с разных сторон: то налегали с востока — из самого сердца Дикого поля, иссохшего в глиняный ком; или скатывались с севера, по задранной одним боком, как крышка дубового стола, Подолии. От Вольни и Львова до самых запорожских степей и дальше, в мгlistую Тьмутаракань, вёл Чёрный шлях, натоптанный копытами татарских табунов, босьми ногами нистрианских пленников. А то поднимались с юга — из черноты закоптелого от степных пожаров Буджака, или с запада, из запрутских чащоб Трансильвании и предгорий Мунтения, дикие и безудержные в безоглядном своём кровопийстве и душегубстве.

---

* От рум. сар — “голова”, свине — “собака”.

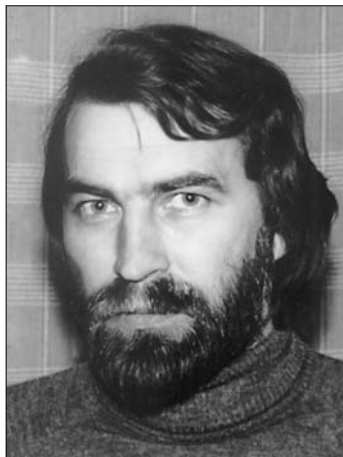
А откуда считать, когда головой — доберман, а телом — волк? Выходит — псоглавец, но волкособ?

Из наряда Зебул вернулся триумфальным героем, новоявленным Рэмбо “Первая кровь”. Уже много позже, когда Зебул совершал головокружительное восхождение по карьерной лестнице в налоговой инспекции, бывший его сослуживец Тофарь, навечно — до скорой пенсии — застрявший в ППС, а на пенсии окончательно спившийся, за стаканом вина по секрету рассказывал всем и каждому, что волки, которых Зебул положил из автомата на скотомогильнике, были вовсе не бешеные: по виду, действительно, жуткие, какой-то странной чёрно-коричневой масти, кудлатые, со страшными зубастыми пастьями и вытянутыми мордами. Но к Зебулу бежали они без всякой агрессии, будто питомцы к хозяину. Это-то, мол, и позволило тому, поначалу замешкавшемуся, в упор зверюг пострелять. Впрочем, образу супермилиционера, преобразённым вынырнувшего из купели волчьей крови, это ни капельки не повредило.

По горячим следам выяснилось, что злобные твари выбрали место неспроста. В самом деле, на поляне обнаружили скотомогильник, только сроку ему было не полвека, а пять лет. У одного арендатора на мокрянском коровнике пало разом всё поголовье — двадцать коров. Завезли какую-то заразу с кормами. Тот решил втихаря свой падеж переправить за реку и реализовать как говядину. Но с пограничниками договориться не получилось, и переправа сорвалась. На обратном пути нерадивый предприниматель избавился от треклятого мяса в чаще под Калагуром. Трактором, прямым через бурелом, завёз на поляну, там туши вывалил, а следующей ночью пригнал экскаватор и зарыл свою говядину. От техники дорога в чаще и сохранилась. В Мокром обнаружился водитель трактора, который возил туши на реку, он и поведал следствию о тайне, хранимой им всю эту пятилетку, а также про то, что арендатор тот, по фамилии то ли Ковщунец, то ли Кавунец, сам не местный — из Волчинца, что на севере Молдовы, в Мокре Бог весть как очутился, вслед за бабой приехал, — водкой с ним рассчитался, а денег обещанных так и не дал, и вообще, падла, куче людей от Мокрого до Рыбницы денег остался должен и подался в бега. Ищи теперь того кощя в бессарабском его Волчинце.

(Окончание следует)

ВЛАДИСЛАВ АРТЁМОВ

БЕЗДОМНО В МИРЕ ЧЕЛОВЕКУ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первая любовь, как наважденье.
А в конце меня учила ты,
Как легко, одним простым движением
Нужно рвать присохшие бинты.

Позабыл лицо и даже имя,
Но вовек мне не забыть о том,
Как стоял под окнами твоими,
Пил вино и плакал под дождём.

ДВЕ ЛАСТОЧКИ

Притихла роща, как перед грозой,
Душа притихла, как перед бедой.
На берегу стояли мы с тобою,
Две ласточки носились над водой.

АРТЁМОВ Владислав Владимирович родился в 1954 году в селе Лысуха Березинского района Минской области. В 1981 году окончил Литературный институт имени М. Горького. Работал редактором отдела поэзии в журнале "Литературная учеба". С 1989-го по 2001 год заведовал отделом литературы журнала "Москва". С 2002-го по 2008 год — редактор Военно-художественной студии писателей. Автор трёх книг стихов "Светлый всадник", "Странник", "Избранная лирика" и двух романов "Обнажённая натура" и "Император Бубенцов, или Хромой змей". С 2012 года по настоящее время — главный редактор журнала "Москва". Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Проходит жизнь. Как много в ней печали.
Трепещет ветер в золоте осин,
Две ласточки давным-давно пропали.
На берегу остался я один.

РАДОСТЬ

Радости не более, чем боли,
Жизнь была не хуже, чем у всех,
Только вдруг я встретил в чистом поле
Первый снег.

Все мы тут доверчивы, как дети,
Вот и я, доживший до седин,
Понял вдруг, что я на белом свете
Не один.

Эх ты, моя родина-природа,
Вспомнил я, любуясь на неё, —
Я же сын советского народа!..
Ё-моё!..

И как будто вскинулись знамёна,
Заиграл парад, чеканя шаг,
И понёс я радость, как погоны
На плечах.

ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Осенит осенняя печаль
Эту землю в предзакатном блеске,
За поля в синеющую даль
Побредут леса и перелески.

Одиноко мне, а потому
Забреду я далеко-далёко.
Неприятно в доме одному,
Впрочем, в поле — так же одиноко.

Тает в небе, улетает клин,
Пропадает с криком безответным.
Я вернусь домой, но не один,
А в обнимку с холодом и ветром.

ПРЕДЗИМЬЕ

Да я бы ни в жизнь не заметил,
Что срок расставанья настал,
Но снегом наполненный ветер
Сухую листву долистал.

Вороны, чернее, чем черти,
Грозят мне огнями из тьмы,
Душа улетает от смерти,
Как птицы летят от зимы.

СКАЗКА О ДОМЕ

Купил себе я дивный дом, —
Сирень-черёмуха по саду,
Малина прямо под окном,
Резные птицы по фасаду.

Но непонятно было мне,
Зачем так странно усмехалась
И уступала мне в цене
Старуха, чокнутая малость,

Поднялся раненько, чуть свет,
Едва успел надеть рубашку...
Гляжу, а дома-то и нет,
Стоят ворота нараспашку.

Народ горланит у ворот,
Орёт и машет кулаками:
“Да он то в рощу забредёт,
Не то пасётся за холмами...”

Жизнь замелькала день за днём,
За годом год, за летом лето, —
По всей земле ищу свой дом,
Кого ни спросишь, нет ответа.

Дорога кружится, пыля,
Бездомно в мире человеку.
То снег летит через поля,
То дождик скачет через реку.

Приходит осень в свой черёд,
Цвета меняются в природе,
Пустеет грустный огород,
Шуршит крапива в огороде.

Я всё аукал, звал, кричал,
Об камни пятки искривавил,
Зарос до глаз и одичал,
Лицо моё — коры корявей.

Встаю ли я средь бела дня
Осиной старой над болотом,
Садятся птицы на меня,
Чтоб отдохнуть перед отлётом.

То по февральской сизой мгле,
А то цветущим майским лугом
Хожу, скитаюсь по земле,
Всё нарезаю круг за кругом.

Быть может, вон за тем холмом
Придёт к концу мой долгий поиск.
Я догоню сбежавший дом.
И лягу в нём.
И успокоюсь.

* * *

Облетел придорожный шиповник,
Журавли пролетели, трубя.
Ты запомни, что лучший любовник
Это тот, кто не тронул тебя.

Да, мы всякое в жизни видали,
Я не раз по себе замечал,
Переносишь и терпишь удары,
А касанья — разят наповал.

МОИ КОНИ

Да во сне мне привиделось что ли, —
В вихрях солнечной, снежной пыли
Через белое-белое поле
Меня белые кони несли.

Вдруг проснусь от печали и боли,
Тут ли я ещё? Вроде бы тут...
Через чёрное-чёрное поле
Меня чёрные кони влекут.

СЧАСТЬЕ

Всё сбылось, но только лишь отчасти,
Ночи мои тёмные длинны...
Ну, а в том, что мало в жизни счастья,
Ни малейшей нет моей вины.

Не скажу, что жизнь такая злая,
Оставляет всех нас в дураках,
Просто тот, кто видел счастье, знает,
Что оно не держится в руках.

ЗАЛИМХАН АБДУЛАЕВ

ДНЕВНИК ПРОФЕССОРА ЭЛЬБАЕВА

ПОВЕСТЬ

1

Жизнь провинциального хирурга буднична, однообразна и даже немного скучновата, если не любить свою профессию. Настоящему врачу скучать некогда, а молодому хирургу всегда интересней быть в операционной, чем развлекаться, как его ровесники.

Только это до поры до времени, если жить в глубокой провинции да поработать на одном месте лет двадцать. Со временем операции, даже по экстренной хирургии, становятся рутинными, интересных случаев всё меньше, новых методов лечения придумать не удаётся. Вот поэтому я и стараюсь выезжать при малейшей возможности на различные конгрессы и конференции в Москву или Санкт-Петербург.

Приехав в очередной раз в Москву на международный конгресс хирургов, я познакомился с замечательной женщиной-хирургом, профессором Эльбаевой Тамарой Аслановной. Она преподавала в МГМУ имени Сеченова и занималась вопросами хирургической панкреатологии. На конгрессе она выступала с докладом о применении новых хирургических технологий

АБДУЛАЕВ Залимхан Мухадинович родился в 1974 году в Нальчике. В 1999 году окончил Кабардино-Балкарский государственный университет. Кандидат медицинских наук. Работал хирургом в Нальчике и Тырныаузе, непрерывно повышая свою квалификацию. В 2009 году талантливый многопрофильного врача пригласили в Москву, где он живёт и работает по сей день. Данная публикация — дебют автора как прозаика.

в лечении острого панкреатита. Когда выступление закончилось, я подошёл познакомиться поближе и пообщаться.

Мы обсудили доклад, Тамара Аслановна была тепло расположена, дала мне подробные ответы, и тогда я решил поговорить с ней о личном.

— Вы знаете, Тамара Аслановна, а у меня бабушка тоже Эльбаева.

— Да вы что? — на лице профессора появилась улыбка. — Мы, значит, с вами родственники?

— Получается, да. Вы откуда сами родом? С Чегемского ущелья?

— Ой, нет, что вы! Сама я родилась и выросла в Москве. Оттуда родом мой папа, только, по-моему, не с Чегемского, а с Баксанского ущелья. Селение Былым, если я не ошибаюсь.

— Нет, не ошибаетесь. Эльбаевы жили и в Верхнем Чегеме, и в Приэльбрусье. А как звали вашего папу?

— Эльбаев Аслан Хатуевич. Он был известным человеком, он — доктор медицинских наук, профессор. Считается одним из ведущих хирургов Советского Союза.

— Да, я слышал о нём, но, к сожалению, очень мало. Информация весьма скудная. Ваш отец младший брат моего прадеда.

— Информация скудная, потому что он написал воспоминания о своих репрессированных родственниках и выселении балкарского народа. А об этом в те далёкие времена писать строго запрещалось. Потому-то и старались умалчивать. А как звали вашего прадеда?

— Али. Эльбаев Али Хатуевич. Тамара Аслановна, а как сложилась судьба Аслана Хатуевича?

— К сожалению, он умер от инфаркта в 1976 году. Мне папа часто рассказывал про Али и своих братьев. Его дневники и воспоминания сохранились. Там ваш прадед тоже упоминается. Если хотите, могу вам их показать.

— Мне было бы очень приятно.

— Ну, тогда приходите сегодня вечером в гости. Я живу в Доме на набережной, Серафимовича 2.

Я обрадовался, что побываю в Доме на набережной, где жила партийная номенклатура середины прошлого века, и познакомлюсь с родственниками.

Купив подарки, я приехал в знаменитый дом. Квартира на пятом этаже, с видом на Кремль. Нашёл я её довольно быстро. Тамара Аслановна приняла меня радушно и пригласила к столу. Честно говоря, я был потрясён интерьером квартиры. До мебели олигархов, конечно же, далеко, но аура потрясающая. Старинные столы и стулья, а также диван и стенка в гостиной напоминали кабинеты учёных, академиков и писателей, которые я до этого видел лишь в исторических и научно-популярных фильмах. На стене — красивый ковёр, большой портрет Серго Орджоникидзе в центре, а по бокам портреты Аслана Хатуевича и его супруги, Нины Вахтанговны, матери Тамары Аслановны.

На диване сидела пожилая женщина, которой и представила меня Тамара Аслановна.

— Вот, Этери Григорьевна, знакомьтесь: наш родственник из Кабардино-Балкарии, с самого Приэльбрусья. А это — Этери Григорьевна Орджоникидзе, дочь Серго Орджоникидзе.

Этери Григорьевна пожала мне руку и сказала, что очень приятно видеть человека с Приэльбрусья.

— Я бывала часто у вас в горах. Хусей Чоккаевич Залиханов вам, случайно, не родственник?

— Нет, но у нас много общих родных и знакомых. К сожалению, я не был с ним знаком.

— Он жив, надеюсь?

— Нет, к сожалению, умер в конце девяностых.

— Жалко. Мы с ним очень дружили, он меня знакомил с вашими местами. Прекрасный у вас район, да и вся республика тоже. Кстати, мы с Тamarочкой вам сюрприз приготовили.

В это время зашла с кухни Тамара Аслановна и внесла на большой тарелке наши балкарские хычины — тонкие пироги с сыром и картошкой. Я был приятно удивлён.

— Это отец научил маму, а потом меня готовить это блюдо, — с гордостью пояснила Тамара Аслановна.

Мы сели за стол. Чуть позже подъехал муж Тамары Аслановны — профессор Арчил Гурамович Ревешвили с их сыном Гурамом. Арчил Гурамович руководил клиникой в Сеченовской академии, где ранее работали Аслан Эльбаев и профессор Лемке. А Гурам Арчилович работал там же хирургом и доцентом кафедры факультетской хирургии. На этой же кафедре работала и Тамара Аслановна. Вот такую хирургическую династию создал Аслан Хатуевич Эльбаев.

После того как мы познакомились, разговоры шли больше о хирургии. Естественно, мне, как хирургу из провинции, наиболее интересны медицинские темы. Всё-таки беседовал я не просто с родственниками, а с профессорами из ведущего медицинского вуза России. Гурам просил меня побольше рассказывать о Кабардино-Балкарии. Он переживал, что балкарская линия родственников для него закрыта, и изъявил желание приехать на родину своего дедушки.

Конечно же, я пригласил в гости в Кабардино-Балкарию прекрасную семью Тамары Аслановны, а они, в свою очередь, предложили мне переехать в Москву. Арчил Гурамович пообещал взять меня на работу, а также помочь с докторской диссертацией. Тамара Аслановна и Гурам поддержали идею, а я, поблагодарив за предложение, попросил немного времени, чтобы решить кое-какие вопросы.

Я объяснил, что мне нужно уволиться и найти жильё в Москве. Гурам сказал, что он с семьёй живёт в бывшей квартире профессора Лемке, которую тот завещал своему ученику и деду Гурама — Аслану Хатуевичу. А родители живут одни в пятикомнатной квартире, и места в ней мне хватит.

Получив дневник своего далёкого и уважаемого предка Аслана Хатуевича Эльбаева, я с Гурамом спустился к нему в квартиру. Ночевал я в комнате, где когда-то жил Аслан Хатуевич. Здесь всё оставили, как было при нём. Мебель решили не трогать в память о прославленном дедушке. Я сел за тот самый стол, где когда-то писал свой дневник Аслан Хатуевич, и приступил к его изучению.

Меня охватило огромное волнение, когда я открыл первую страницу. Я почувствовал, как переместился в то время, когда жили мои далёкие предки: прадед Али и его братья Шалук, Касым, Мусаби, Мусост и Аслан. Я ведь толком ничего о них не знал. И вот...

Тяжёлое время пережили братья. Революция, репрессии, раскулачивание, переселение. Врагу не пожелаешь. Многих тогда расстреляли, но род Эльбаевский всё же сохранился. И много достойных людей вышло из этой славной фамилии.

Перелистав страницы, ощутив запах прошлого, я приступил к чтению.

2

“Родился я в селении Былым, нас у родителей шестеро сыновей. Касым, Шалук, Али, Мусост, Мусаби и я. Имели своё хозяйство. Без него никак нельзя было выжить. Времена стояли голодные, только закончилась гражданская война. Благодаря тому, что у нас был крупный и мелкий рогатый скот, плодоносящий сад, в еде мы тогда не нуждались. Но чтобы вести хозяйство, надо было работать от зари до зари. Братья были трудолюбивые, старались и меня приобщать к труду.

Несмотря на то, что крестьянский труд оставался в приоритете, родители требовали, чтобы мы получали знания, занимались самообразованием. Если старшие могли отмахнуться и сказать, что им некогда учиться, то у меня это не проходило. Отец требовал, чтобы я посещал ЛУГ (Ленинский учебный городок) и готовился поступать в медицинский институт.

Да и меня особо заставлять не требовалось, медицина была моей мечтой. Помимо ЛУГа, со мной занимался старший брат Али. Он только что закончил училище в Ленинграде и вернулся домой.

Признаюсь честно, в школу ходить я не очень любил, но ЛУГ посещала соседская девочка Зуля Ахматова, она была моей первой любовью. Я влюбился в неё с первого взгляда, но боялся ей в этом признаться.

Да и не принято это у нас в горах признаваться в любви и тем более встречаться. Поэтому я понимал, что посещение школы — отличный повод провожать Зулю на учёбу и домой.

Я был уверен, что женюсь только на ней. Если бы я знал, какая меня ждёт судьба... К сожалению, как сложилась жизнь у Зули, я не знаю. Жива ли она сейчас? Дай Аллах, чтобы она была жива, здорова и всё у неё было хорошо.

А в те далёкие 20-е годы я даже и не предполагал, что буду жить в Москве. Надеюсь, что стану врачом и буду лечить односельчан в Быльме. Женюсь на Зуле и буду жить с ней вечно. Буду доктором, занимаясь сельским хозяйством.

Обо всём этом я каждый день говорил Зуле, но она только смеялась надо мной.

В нашем доме было много гостей. Родственники, друзья моих братьев. Одного хорошо запомнил — звали его Ако Гемуев. Один из руководителей нашего района. Друг моего брата Касыма.

Последнее время Касым мне совсем не нравился. Ходил нервный, взволнованный. Переживал за что-то. Как-то вечером он пришёл домой поздно, и произнёс:

— Ако арестовали. Это дело рук Бетала Калмыкова. Скоро и за мной придут.

Мы пытались его успокоить, говорили, что это ошибка, что во всём разберутся, но в этот момент постучали в дверь и зашли работники ОГПУ. Сказав, что Касыма приглашает на беседу Бетал Калмыков, они увезли брата, пообещав, что Касым скоро вернётся. Касым же почувствовал, что домой больше не вернется, я это понял по его взгляду.

Больше мы брата не увидели. Через несколько дней мы узнали, что Касыма расстреляли.

До сих пор не могу забыть, какими глазами он оглядел всех нас. После чего произнёс: “Братья, берегите родителей”, — и ушёл навсегда.

Времена настали очень тяжёлые. В Ростове застрелился Магомед Энеев, хотя родственники утверждали, что его убили. Вместе с Касымом расстреляли Назира Катханова, Заракуша Мидова и многих большевиков, которые составляли серьёзную конкуренцию Беталу Калмыкову.

Этот выскочка с двухклассным образованием уничтожил всех, кто мог встать на его пути вверх. Дорвавшись до власти, он боялся, что кто-то, образованнее его, мудрее его, окажется у руля республики вместо него.

Арестовали также Магомеда Ахматова, Зулиного отца. Мать Зули решила уехать из Быльма, надеясь, что это спасёт её и Зулю. Куда они уезжали, я так и не узнал.

Увидев, как машина увозит мою любимую, я со слезами на глазах бросился за ней. Да только, к сожалению, ноги колесам не соперники. Поняв это, я остановился и увидел картину, которая всю жизнь стояла у меня перед глазами и часто снилась. Зуля, сидевшая на вещевых мешках и баулах в кузове машины, встала, помахала мне рукой, и я чётко прочитал по её губам фразу: “Я люблю тебя”.

Больше я Зулю никогда не встречал, машина навсегда увозила мою первую любовь в неизвестность. Теперь, спустя годы я могу понять поступок её матери: бегство из Быльма спасло их семью от калмыковщины. Надеюсь, что это так. И больше никто не причинил им вреда.

3

Вечером я зашёл домой и увидел мрачные лица братьев. Али встал, подошёл ко мне и сказал:

— Аслан, карындаш, завтра тебе нужно будет поехать в Кисловодск,

там найдёшь товарища Орджоникидзе. Передай ему подарки и вот эти два письма.

Я удивился такой просьбе. И почему именно меня, младшего, отправляют?

— Али, ты соображаешь, о чём меня просишь? “Поедешь и найдёшь Орджоникидзе”. Где я, и где товарищ Серго? Ага, ждёт он меня не дождётся! Очень же я нужен ему с вашими письмами и подарками.

— Аслан, не пререкайся и слушай старшего брата, — вмешался в разговор Шалук.

— Шалук, я не пререкаюсь, но вы с Али серьёзно верите, что товарищ Орджоникидзе только и делает, что сидит и мечтает, когда же Асланчик из Быльма к нему приедет?

Отец, всё это время молча сидевший за столом, движением руки указал мне на стул:

— Однажды, когда отряды белогвардейцев под командованием Даутокова-Серебрякова вошли в Баксанское ущелье, к нам в дом постучали. Это были Бетал Калмыков, Заракуш Мидов, Серго Орджоникидзе и Сергей Киров. Бетал обратился ко мне с просьбой о помощи — спрятать его и товарищей. Мы спрятали их в подвале, за ящиками с яблоками и мешками с картошкой. Как только мы вышли из подвала, увидели, как отряд Даутокова продвигается по нашему селению. Трое всадников направились к нашему дому. Слава Аллаху — это были свои. Два брата Суюнчевы — Маштай и Кумук, а третий — грузин Константин Чхеидзе. Маштай первым зашёл во двор и поздоровался. Следом вошёл Кумук и представил меня своему другу: “Знакомься, Константин, это Хату Асланович Эльбаев, мой родственник и уважаемый человек. А это его сыновья Касым, Али и Шалук”.

Я с мамой, Мусаби и Мусостом в это время находился в нашем имении, в районе Чалмалла, и эту историю слышал впервые. А отец тем временем продолжал рассказ:

— Маштай и Кумук объяснили, зачем пришли. Сказали, что преследуют красных бандитов Орджоникидзе и Кирова, которые, по данным разведки, скрываются в Быльме. Я предложил обыскать наш дом, на что Маштай обиделся: “Ты, дядя Хату, совсем на старости лет рехнулся? Обыскивать дом человека, который мне, как родной отец? Ну, и кто мы после этого?” — “Дядя Хату, мы поесть хотели, ну и гостя нашего Костю угостить. А то целые сутки на лошадях гоняемся за этими красными шайтанами. Хычины есть, надеюсь?” — добавил Кумук. “Конечно, есть! — ответил я. — Для вас мой дом всегда открыт”. Мы пригласили гостей в дом, покормили. После того как все насытились, сопровождавший братьев Чхеидзе сказал: “Маштай, Кумук, я знаю, куда направились Орджоникидзе, Калмыков и вся эта банда. Они хотят через перевал перейти в Сванетию. В Быльме их искать бесполезно. Давайте поблагодарим хозяев за хлеб-соль и двинем в путь поскорее”. Мы обнялись с братьями Суюнчевыми, которые были нам как родные, и попрощались. Как только они ушли, Калмыков и его гости вышли из подвала. Они нас очень благодарили. Бетал Калмыков говорил, что любую просьбу выполнит. Серго Орджоникидзе сказал мне, что я и мои сыновья для него родные братья, после того как спасли его жизнь. А так ли это? Калмыкову уже поверили и проверили. Действительно, Беталу Калмыкову многие поверили, а какая была за это благодарность — все уже знают.

С Калмыковым мы встретимся позже, об этом я напишу ещё. А пока я собирался в дорогу. На следующее утро я выехал в сторону Кисловодска и вечером был уже на даче Серго Орджоникидзе. Серго тепло принял меня, узнав, чей я сын и брат, очень обрадовался. Серго хорошо помнил тот день, когда мои отец и братья спасли его от смерти. Я ему рассказал, что произошло с Заракушем Мидовым и моим братом Касымом. Затем передал письмо ему от моего отца. Прочитав его, Серго побледнел, покачал головой и сказал: “Обратно домой ехать тебе небезопасно. Поедешь со мной в Москву”. Потом оказалось, что отец просил спасти меня от Калмыкова и увезти подальше от дома. Так я распрощался с родителями и братьями. Вместе с Серго, его женой и маленькой дочкой Этери я уехал в Москву.

Итак, я поселился в Москве в знаменитом Доме на набережной. Роскошная квартира Григория Константиновича (так на самом деле звали Серго Орджоникидзе) произвела на меня огромное впечатление. В квартире, кроме семьи Орджоникидзе, также жила их родственница из Грузии — очень красивая девушка Нина. Кем окажется этот человек в моей жизни, я ещё не знал, но сердце дрогнуло и почувствовало, что это моя судьба.

Мы сели за стол, Серго познакомил меня с Ниной. Она сидела напротив, и я не мог оторвать от неё глаз. Лишь на мгновение я отвёл от неё свой взгляд, когда в дверь постучались. Вошёл пожилой человек интеллигентного вида, с очень недовольным взглядом. Это был профессор Лемке, Теодор Эрнестович, известный хирург из Кремлёвской больницы.

Войдя в квартиру, он поздоровался со всеми и сел к столу вместе с нами. После чего обратился к Серго:

— Ну-с, с приездом вас, Серго Константинович. Как вам отдыхалось на Кавказских Минводах?

— Спасибо, Теодор Эрнестович. Отдых пошёл на пользу. Вот племянника привёз в Москву. Он только школу закончил. Сейчас будем думать, где ему дальше учиться и жить. Скажите, профессор, а почему у вас такой недовольный взгляд? Вы чем-то расстроены?

— Ну-с, Григорий Константинович, отвечу вам на все вопросы сразу! И чем я недоволен, и где жить и учиться вашему племяннику.

Я живу один в пяти комнатах и очень боюсь в них заблудиться. Во-первых, мне тоскливо, а во-вторых, одному тяжело, и мне очень нужен помощник. Поэтому ответ на вопрос, где учиться и жить Асланчику, прозвучит решительно: “Однозначно у меня. И обучаться медицине”.

Я был ошарашен таким предложением, мне стало как-то неловко. Профессор улыбнулся и спросил:

— Дорогой товарищ Аслан, вам нравится медицина?

— Это моя мечта: стать хирургом. Только мне неудобно стеснять вас и Серго Константиновича. Я сниму комнату лучше где-нибудь.

— Какая ещё комната, ты сдурел, что ли? — разозлился Серго Константинович. — Во-первых, я обещал твоему отцу и братьям, что буду рядом с тобой и буду опекать. Во-вторых, где, какую комнату ты снимать собрался, если Москвы не знаешь?

— Любезный Аслан, ваша скромность делает вам честь. Только комнату можно снять и у меня, а платой будет ваша любовь к медицине, стремление учиться и развиваться в профессии хирурга. Будете помогать мне писать статьи, разбираться с бумагами и книгами.

Я был очень рад и согласился. Оказалось, что профессор Лемке жил этажом ниже семьи Орджоникидзе.

В его квартире также жили домработница Клавдия Ивановна с дочкой Катей. Клавдия Ивановна занималась кухней, приготовлением пищи, а Катя — уборкой. Катя с мамой жили в одной комнате, а мне предоставили другую. В третьей комнате жил сам профессор. Ещё в квартире был кабинет профессора с библиотекой и роскошная гостиная.

— Вот, Асланчик, здесь мы и будем жить с вами. Вы располагайтесь в своей комнате, а я пока позвоню ректору мединститута, чтобы решить вопрос о вашем поступлении.

5

Мне понравилась квартира профессора, но мне жутко хотелось вернуться в родной Былым. Никакая Москва не могла мне заменить родные балкарские горы и мою семью. Только вернуться мне было не суждено...

Я тогда не знал ещё, что расстреляли моих старших братьев Али и Шадлука, арестовали Мусаби и Мусоста. Как смог бы им помочь, я тоже не знал. Я понял, что братья и отец отправили меня в Москву не на учёбу,

а для спасения жизни. Кроме меня, в Москву от калмыковщины сбежали жены Магомеда Энеева и Назира Катханова с детьми. Я очень хотел найти их.

Проснувшись рано утром, я пошёл в ванную умыться и встретил Катю. Она проснулась раньше, чтобы помочь своей маме.

— Ой, вы уже проснулись? Я тогда приберусь в вашей комнате?

— Нет, не надо, я сам могу, — ответил я. Неудобно было мне, чтобы за мной прибирались, как за маленьким. Только Катя сказала мне, что это поручение профессора.

К моему удивлению, профессор Лемке уже проснулся и сидел за книгами. Я вышел из ванной и зашёл к нему в кабинет. Он увидел меня и поздоровался.

— Вы уже проснулись? Это замечательно. Пойдёмте завтракать. Клавдия Ивановна уже накрыла на стол.

Мы попили чаю с бутербродами. И поехали в мединститут. Договорились о моём поступлении и приёме документов, и я начал готовиться к экзаменам.

В сентябре 1933 года произошло великое событие в моей жизни: я стал студентом ММИ имени Сеченова.

Теодор Эрнестович помогал мне во всём. И Клавдия Ивановна вместе с Катей старались создать мне атмосферу уюта, чтобы я ни в чём не нуждался и мог сосредоточиться на занятиях. Они старались сделать всё, чтоб я чувствовал себя как дома.

Я стал очень редко видеться с Серго Константиновичем. Он жил с супругой и дочкой в Кремле, а в его квартире в нашем доме, которая располагалась этажом выше, жила Нина. Однажды в выходной я встретил её во дворе нашего дома и попросил сопроводить меня в гости к Орджоникидзе. Меня одного в Кремль ни за что не пропустили бы, а Нину как ближайшую родственницу пускали.

Мы пришли в Кремль, Серго и Зинаида Гавриловна обрадовались мне очень.

— Так ты поступил в мединститут? — спросил Серго.

— Да, слава Богу. Благодаря профессору Лемке.

— Ай, мужчина! Только не благодаря Лемке, а благодаря своему упорству и трудолюбию. Ты молодец! Добьёшься своего! Как там Теодор Эрнестович поживает?

— Хорошо вроде бы. Пишет статьи, научные монографии.

— Ну, на то он и профессор. Привет ему передавай. Как у тебя занятия проходят? Нравится учёба?

— Конечно, Григорий Константинович. Ведь это моя мечта — стать хирургом.

— Правильно. Настоящий мужчина и большевик. Ты в комсомол вступил?

— Нет ещё. Собираюсь только.

— Надо вступить обязательно. Нина тебе поможет, я думаю. Ты Нину не забывай навещать. Она одна живёт, без семьи. Тяжело ей очень, одной-то. Я бы забрал и её, и тебя к себе домой. Только здесь вы слишком много знать будете, а это очень для вас опасно.

Закончив разговор со мной, Серго начал расспрашивать Нину, как у неё дела. Мы поужинали, после чего попрощались с семьёй Серго и пошли домой через Каменный мост. У меня было много вопросов к Нине. Что мы можем знать и чем это опасно?

Пока шли через мост, можно было о чём-то поговорить, но в доме этого нельзя было делать. Кругом уши и всевозможные прослушки ОГПУ. Органы не дремали. Нина мне шепнула на ухо.

— Аслан, ты слышал про жену Сталина?

— Слышал, конечно. Умерла, бедная, от перитонита.

— Ага, перитонит от выстрела в сердце.

— Что?!..

— Это тайна. Она покончила жизнь самоубийством. Всех, кто об этом узнает, Сталин уничтожит. Серго Константинович его ближайший друг, он ему доверяет пока. Только что будет дальше, кто знает?

— А что же может быть?

— Сталин продвигает своих людей в Закавказье и избавляется от старых большевиков. Это не нравится дяде Серго, он очень эмоциональный и вспыльчивый. Боюсь, он не выдержит и выскажет Сталину всё, что он о нём думает. А Сталин очень мстительный и злопамятный. Неизвестно, как отреагирует.

— А как же жена Сталина могла сотворить такое?

— Есть слухи, что Алилуева не покончила с собой, а...

— А что?

— А то... потом эти слухи прекращаются и уходят в сырую землю или в далёкие лагеря. Поэтому, Аслан, я тебя очень прошу, ни с кем ни о чём таком не разговаривай. Даже с профессором Лемке. Особенно дома! Особенно!

Мы перешли мост и уже подошли к дому. Стояла хорошая погода, мы решили ещё прогуляться по набережной.

— Нина, скажи, пожалуйста, а кто твои родители?

— Мой отец — Вахтанг Орджоникидзе, троюродный брат Серго, возглавлял один из крупнейших районов Грузии, он должен был перейти на более высокую должность, но погиб вместе с мамой.

— Как это произошло?

— Однажды к отцу приехал друг, они сидели, пили вино. Когда друг уехал, родителей нашли мёртвыми. Григорий Константинович считает, что этот друг их и отравил, угостив вином.

— Это что ещё за дружок такой?

— Имя его тебе ничего не скажет. Его зовут Лаврентий Берия. Он страшный человек, рвётся к власти и устраняет всех неудобных. Серго ненавидит Берия, боится, что тот захватит власть в Закавказье.

— Неужели нельзя его нейтрализовать?

— Поздно, он уже втёрся в доверие к товарищу Сталину.

— Да уж. Кого-то мне это напоминает. У нас в республике такая же сволочь сидит, Бетал Калмыков. Мой отец и братья ему жизнь спасли, а он расстрелял их, сфабриковав дело.

— Кошмар. А за что?

— Якобы они были кулаками. А мы честным крестьянским трудом зарабатывали своё имущество.

— Ладно, уже поздно, пойдём домой.

Я проводил Нину до двери квартиры и спустился к себе. Профессор Лемке сидел за обеденным столом. Клавдия Ивановна пригласила и меня. Есть мне не хотелось, нас покормили у дяди Серго, но я решил просто посидеть и пообщаться с профессором.

6

Профессор Лемке обедал с женщиной средних лет и маленьким мальчиком. Когда я зашёл, профессор представил меня.

— Вот, знакомьтесь — ваш земляк, настоящий балкарский джигит Аслан Эльбаев.

Женщина встала, подошла ко мне, обняла и заплакала.

— Господи, Асланчик! Живой! Ты меня не помнишь, наверное. Я — жена Магомеда Энеева, а это — Тимур, наш сын. Тимоша, поздоровайся с дядей.

Мальчик подошёл и протянул мне руку. Я поздоровался с ним, и мы сели за стол. Я был рад, что нашёл семью Магомеда. Как выяснилось, Магомед отправил их в Москву к Микояну с просьбой помочь спасти от Калмыкова. Так же, как и меня отправили к Орджоникидзе. Тимура беспокоили боли в животе, поэтому по просьбе Микояна профессор пригласил семью Энеева — посмотреть сына Магомеда.

— Как ты, Асланчик? Как твои братья? — спросила меня супруга Магомеда.

— Касыма расстреляли вместе с Аго Гемуевым и Заракушем Мидовым. Про остальных братьев мне ничего неизвестно.

— Господи, когда же этот упырь напьётся чужой крови? Всех подряд убивает, чтобы не было конкурентов. И моего мужа уничтожил.

— А разве он не застрелился?

— Да ты что? Его застрелили по приказу Калмыкова, и все об этом знают. Он мне сразу сказал: “Бери Тимура и уезжайте в Москву, иначе вас убьют вместе со мной”.

— Вы к Анастасу Ивановичу поехали?

— Да. Микоян нам сильно помог, всю жизнь буду ему благодарна.

— А мне вот товарищ Орджоникидзе помог и Теодор Эрнестович.

— Я вам не особенно помог, не нужно преувеличивать, — вмешался в разговор профессор Лемке. — Тяжёлая судьба у вас, голубчики, но не волнуйтесь — товарищ Микоян и товарищ Серго вас в обиду не дадут.

— Я знаю, Теодор Эрнестович, спасибо вам за Тимура. Асланчик, ты приходи к нам в гости. Познакомлю с семьёй товарища Микояна. Очень милые люди, будут тебе очень рады.

С этими словами жена Энеева вышла из-за стола, попрощалась с нами и ушла, оставив мне свой адрес.

7

Побывав в гостях у Микоянов, я познакомился с его сыновьями. Все хорошие ребята, добрые, отзывчивые. Супруга Магомеда Энеева вскоре переехала в другой район Москвы, и больше я её не видел. С Тимуром Энеевым я увиделся один раз во время войны.

Однажды я с Ниной пришёл в гости к Серго Орджоникидзе и там познакомился с Сергеем Кировым. Сергей Миронович приехал на партийную конференцию и остановился у Григория Константиновича. Узнав, чей я сын, он очень обрадовался.

— Я хорошо помню Хату и его старшего сына Касыма. Особенно тот день, когда нас Хату спрятал и спас жизнь нам. Как дела у твоего брата Касыма?

Я хотел ответить, но товарищ Серго перебил меня.

— Уже никак, Серёжа. Расстрелял его Калмыков.

— Ужас. Вообще, что творится, непонятно. А чем Касым и его братья не угодили Калмыкову?

— Они просто умнее его были, а умных у нас не любят!

— Надо наводить порядок в ОГПУ и в регионах страны. Нужны новые кадры, а то у всех головокружение от успехов. Все выслужиться хотят и докладывают в Кремль о “выявленных врагах народа”. Всех в кулаки и троцкисты записывают! На всех, кому кто-то не угодил, пишут доносы и ломают жизнь людям.

— Серёжа, прекрати, ты же знаешь, у стен очень хорошая слышимость. Новый закон физики: “Стук опережает звук”.

— Серго, так я этого не скрываю и Кобе лично сказал об этом. ОГПУ напоминает сейчас армию, захватившую власть в чужой стране.

— Сергей, ты что — это всё Кобе сказал? — Серго с ужасом посмотрел на Кирова.

— Да, сказал! Ну, а что мне будет? Мы с Кобой друзья, и он ко мне прислушивается.

— Эх, Серёжа, Серёжа... Боюсь, как бы это тебе боком не вышло. Ты помнишь, когда депутаты на съезде проголосовали за тебя, и хотели тебя на место Сталина поставить?

— Ну да. Так я же категорически отказался. Коба об этом знает и благодарен мне.

— Да, он знает, конечно, но после твоих слов, что почистить верхушку надо, догадайся, как он твои слова понял?!

— Ну... не преувеличивай Серго, я же предложил только верхушку ОГПУ убрать с Ягодой. Ведь что творят!

— Сергей, у нас в стране только одна верхушка, и ты об этом знаешь.

— Да не волнуйся ты! Мы с Кобой поговорили нормально, и он меня понял. Согласился со мной, и сам тоже хочет вместо Ягоды своего человека из Грузии поставить. Ты его знаешь хорошо. Лаврентий Берия.

— Лаврентия? В Москву? Начальником ОГПУ? — Серго побледнел и схватился за сердце. — Серёжа, это конец. Он ведь шарлатан и проходимец.

— Да перестань ты, Серго. Я уверен, что хуже, чем сейчас, не будет.

Киров и Орджоникидзе увлеклись разговором, не понимая, что я в этой компании лишний, и такие разговоры нельзя вести государственным людям при молодёжи. Потому как опасно! Я жестом показал Нине, что нам пора идти, и, попрощавшись со всеми, мы вышли из квартиры Серго. На прощание Киров обнял меня и пригласил в Ленинград, сказав, что никогда не забудет моего отца и братьев и решит для меня любой вопрос в Ленинграде. Если я решу переехать в северную столицу.

Мы с Ниной вышли из квартиры Орджоникидзе, пошли по коридору Кремля, и вдруг нам навстречу вышел... сам Сталин. Нина побледнела от страха и прижалась к стене, а Сталин подошёл ко мне и спросил:

— Девочку я знаю — это дочь Вахтанга, а ты кто такой, абрек?

— Аслан Эльбаев с Кабардино-Балкарии, товарищ Сталин.

— А что так поблэднел, товарищ Эльбаев?

— Оттого, что я вас впервые так близко вижу.

— Я тоже тебя впервые так близко вижу, но я же не поблэднел, — усмехнулся Сталин. После чего повернулся к Нине.

— Как дела, дочка? Как здоровье? Я обещал твоему отцу Вахтангу заботиться о тебе. Не обижает твой кавалер тебя?

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Нет, что вы! Всё хорошо, никто меня не обижает.

Сталин повернулся ко мне и сказал:

— Теодору Эрнестовичу привет. — И пошёл дальше по кремлёвскому коридору.

Мы с Ниной вышли из Кремля в шоке от такой встречи, совершенно бледные от страха. Пока шли по Боровицкому мосту — не разговаривали, когда подошли к дому, Нина попросила ничего не говорить, пообещав пообщаться завтра. После чего я, проводив Нину до её квартиры, спустился к себе. Естественно, никакие приветы профессору Лемке я не передавал и сразу пошёл спать.

8

Учёба мне давалась легко. Хотя с химией были проблемы, мне всегда помогала Нина. Она тоже училась в мединституте. Мы с ней стали одним целым, я чувствовал, что не могу без неё. Была ли это любовь? Возможно, да, но скорее всего, было чувство, что я нашёл вторую свою половинку.

Конечно, я понимал, что жениться пока рано, но был уверен — женюсь только на своей Ниночке. Интересно, как бы отнеслись родители и братья к моему выбору? Нина ведь христианка, и хоть и комсомолка, соблюдала все обычаи. Я же старался соблюдать все мусульманские законы, делал намаз и категорически не употреблял спиртного.

Профессор Лемке приветствовал то, что я не забываю свою религию и обычаи, но предупреждал, что могут быть последствия. “Стук опережает звук”, — повторял он часто.

Что-то мистическое и сверхъестественное было в вожде народов. Вероятно, поэтому все молились на него, как на икону. Все его решения воспринимались, как должное. Вождь сказал, товарищ Сталин так велел... Должен сказать, что в гибели моих близких я, как и все, обвинял Калмыкова, Ягду, Ежова, Берию, но только не Сталина.

1934 год подходил к концу, я закончил первый курс мединститута. Григорий Константинович очень радовался моим успехам. Я скромничал и говорил, что это всё благодаря Нине. Мы были в очередной раз в гостях у Серго Орджоникидзе, и я вспомнил о предложении товарища Кирова. Я попросил разрешения отпустить Нину со мной в Ленинград и попросил позвонить

Сергею Мироновичу, выяснить, готов ли он встретить гостей. Серго Константинович одобрил моё решение поехать в Ленинград, пообещал поговорить с Кировым, в это время зазвонил телефон. Орджоникидзе встал из-за стола, поднял трубку и застыл от ужаса. Положив трубку, он посмотрел на нас и произнёс:

— Кирова убили.

9

Смерть Кирова очень потрясла нас. Я вспоминал нашу встречу, вспоминал рассказы отца и брата Касыма о том, как Сергей Миронович приехал к нам в селение. Человек он был хороший, смерть его остаётся до сих пор тайной. Кто послал убийцу, и кто стоял за этим преступлением? Было много слухов, мы с Ниной старались молчать об этом. Иначе валили бы лес на Кольме, в лучшем случае.

После смерти друга Серго ходил всё время мрачный и повторял:

— Я же предупреждал его, я же говорил ему...

Я стал реже приходить в гости к Орджоникидзе. Уже не было того весёлого Григория Константиновича. Конечно, он был мне рад, но, когда я приходил к нему, Серго приглашал к столу, а сам уходил в кабинет. Зинаида Гавриловна тяжело вздыхала и повторяла: “Опять со Сталиным ругаться будет”.

Она была права, Серго набирал номер и громко ругался матом. Нина и Этери закрывали уши и краснели. Однажды Сталин молча выслушал и коротко ответил:

— Слушай, Серго, мне только что сообщили. Утонул корабль под названием “Серго Орджоникидзе”. Говорят, он слишком далеко заплыл.

Серго в ярости бросил трубку и громко заматерился. После чего оделся и ушёл со словами:

— Пойду, посмотрю Кобе в глаза.

Оказывается, арестовали родного брата Серго и его племянника. Это возмутило Орджоникидзе, последовала ссора...

Судьба Папулия — брата Серго — сложилась трагически. Он был арестован и сослан в Сибирь. После смерти Григория Константиновича его расстреляли, как и племянника и многих их родственников. Зинаида Гавриловна также была арестована и провела долгие годы в тюрьме, но её не расстреляли.

Слава Богу, этот маховик репрессий родных Серго не коснулся Ниночки. Возможно, потому, что Сталин был обязан жизнью её отцу, а может, потому, что за неё заступился Теодор Эрнестович, которому Сталин также был обязан здоровьем и жизнью.

День гибели Серго Константиновича я запомнил надолго. Нина прибежала к нам домой и в истерике кричала:

— Дядя Серго! Дядя Серго!

Профессору Лемке позвонили и сообщили о гибели Орджоникидзе. Мы вместе поехали в Кремль, в квартиру дяди Серго пропустили только близких. Поэтому Лемке вместе с Ниной зашли в дом, а я остался на улице. Был холодный февральский день, дул сильный ветер, было невозможно находиться на улице. Чуть позже мне позволили зайти в квартиру Серго, помочь профессору.

Нина сидела, обнявшись с Этери, успокаивала дочь Серго, хотя и сама плакала. Профессор Лемке сделал укол Зинаиде Гавриловне — у неё поднялось давление. Я подошёл к ней, выразил соболезнования, затем обнял Этери и сказал по-балкарски:

— Аллах жаннетли етсин. — Это примерно то же, что у русских “Царствие ему Небесное”.

После чего я подошёл к телу Орджоникидзе и минут десять стоял молча, глядя ему в лицо. Он был близким мне человеком, и я чувствовал на сердце такую же тяжесть, как когда потерял родителей и братьев.

Опомнился я, когда профессор Лемке похлопал меня по плечу и сказал, что пора ехать. Нина осталась с Этери и Зинаидой Гавриловной. Приехав

домой, мы с профессором зашли к нему в кабинет. После чего он закрыл дверь и полусёпотом спросил:

— Аслан, ты видел рану у товарища Орджоникидзе?

— Да, конечно! Мне сказали, что он покончил...

Профессор перебил меня:

— Аслан, ты Ниночку любишь? Если любишь и не хочешь погубить, — ты видел вот это. Прочитай и запомни на всю жизнь.

Лемке протянул мне медицинское заключение, где было написано: “Двусторонняя пневмония”.

10

Держать в секрете самоубийство Серго смысла не было, так как весть эта и без нас распространилась по Москве. Прошёл год после смерти Орджоникидзе, и сбылись все опасения Серго. В тот же год Ягода развернул огромную компанию репрессий, потом его тоже арестовали, а сменивший Ягоду Ежов превратил репрессивную кампанию в чудовищную. Лаврентий Берия был переведён в Москву из Грузии. Арестовав Ежова, он возглавил НКВД и сразу же начал наводить свои порядки. С одной стороны, освободил многих репрессированных, которых посадили Ягода и Ежов, остановил неистовый маховик репрессий. Они продолжались, но уже не в таком масштабе.

Человек, конечно, Берия был двуличный. С одной стороны, Орджоникидзе он не любил, с другой стороны, сына в честь него назвал и старался с ним отношения налаживать. Пока был жив Серго, расстреливать его родных никто не смел, а после его смерти начались расстрелы братьев, племянников рода Орджоникидзе.

Отношение к Берии и у меня было двойственное. С одной стороны, он разоблачил банду Калмыкова и Антонова, которая вырезала весь цвет нации Кабардино-Балкарии. С другой стороны, в 1944 году мой балкарский народ по его приказу почти полностью был выселен в Среднюю Азию.

Правда, его семья в своих воспоминаниях пыталась переложить всё на Сталина. Ну, это уже войдёт в привычку всего сталинского окружения. Во всём виноват Сталин, а мы все белые и пушистые.

Ненависть к Берии появилась у меня позже, в 1944 году. А пока я радовался тому, что Бетал Калмыков арестован вместе с Ежовым и Антоновым, которые развязали террор и погубили столько народа. Калмыкова и его банду привезли в Москву и держали на Лубянке под следствием. Многие дела за их подписью рассматривали как фальсификацию и необоснованные репрессии.

Я очень надеялся, что пересмотрят дела моих братьев, и попросил помочь соседа, который работал на Лубянке. Сергей Викторович Хрусталёв жил с нами в одном подъезде в Доме на набережной. Он согласился помочь и попросил заглянуть к нему вечером.

Я с нетерпением ждал вечера, и когда он пригласил к себе, с радостью побежал по лестнице вниз. Он жил этажом ниже профессора. К сожалению, меня ждали плохие новости. Сергей Викторович поднял все архивы, нашёл дела моей семьи и выяснил, что всех моих родных братьев расстреляли. Отца с матерью не тронули, но от горя они умерли. Сначала отец, потом мама. К сожалению, реабилитации братья не подлежали. Ерунду всякую, троцкизм и нападение на товарища Калмыкова, конечно же, убрали, но вот “выступления против колхозов и попытка развала колхозов” — статьи серьёзные. Здесь ничего нельзя было поделывать.

Братья никогда не выступали против колхозов. Они были против бездельников, которые работать не хотели. Но за счёт земель, которые мы обрабатывали, за счёт крупного рогатого скота, который мы выращивали, эти лентяи хотели поживиться.

Халявщики, бездельники и трутни хотели забрать наши законные земли и скотину. Естественно, братьям это не нравилось, но против колхозов они не выступали, против Советской власти тоже.

Всё это я пытался объяснить полковнику Хрусталёву, но он только пожал плечами. Я поблагодарил Сергея Викторовича и пошёл домой. Дверь за

мною закрывал его сын Петя Хрусталёв. Он служил в НКВД у отца, вёл дело группы Калмыкова. Чтобы как-то меня успокоить, пообещал отбить почки Калмыкову. Легче мне от этого не стало, я поднялся до своей квартиры, но домой не хотелось. Я поднялся к Нине, постучал к ней, Нина открыла дверь, я только произнёс: “Ниночка, мне плохо”, — и потерял сознание.

Очнулся на кровати. Надо мной стояли профессор Лемке и Нина, вся в слезах. Она позвала на помощь профессора, и они вместе уложили меня на кровать. Я объяснил причину своего состояния, поблагодарил профессора и сказал:

— Теодор Эрнестович, я полежу чуть-чуть, отойду, потом спущусь домой.

Нина категорически отказалась меня отпустить.

— Нет, нет, Аслан, чуть-чуть не бывает! Оставайся у меня до утра. Тебе лучше не вставать сейчас.

После того, как профессор ушёл, Нина подошла ко мне, легла рядом и сказала:

— Не хочу, чтобы ты чуть-чуть у меня был. Оставайся со мной на всю жизнь.

II

После приёма успокоительной микстуры я заснул и даже не заметил, что моя любимая Нина рядом. Хотя давно мечтал об этом и подумать не мог, что, когда это случится, буду лежать с полным безразличием.

В данной ситуации любой человек так и лежал бы отрешённо. Мне в эту ночь приснился родной Былым: папа, мама, братья. Все живы и здоровы, а у нас гости: Тенгиз Суюнчев с сыновьями Кучуком, Далхатом и Маштаем. Все веселятся, танцуют, отец подходит ко мне и говорит:

— Пора тебе жениться, сынок.

Я отвечаю:

— Рано мне ещё жениться! И невесты нет подходящей.

Рядом брат Али вмешивается в разговор:

— А Ниночка? Посмотри, какая она умница, как за тобой ухаживает! Чудо, а не девушка!

В это время я просыпаюсь от голоса Нины:

— Аслан вставай, на учёбу пора. Пошли завтракать. Как чувствуешь себя?

— Спасибо, Нина, получше уже.

Нина приготовила яичницу, мы позавтракали и пошли в институт. Когда вышли из подъезда, строгие бабульки качали головой и плевали нам вслед, вечером возвращаюсь — та же самая ситуация. Да что же это такое, думаю. В подъезде нас догоняет Петя Хрусталёв, он зашёл сразу за нами.

— Аслан, Нина, привет! Аслан, зайти ко мне, пожалуйста. Разговор есть, серьёзный! От Бегала Калмыкова тебе привет.

— Сейчас Нину провожу только. Ты что, допрашивал Калмыкова? Ну, и как?

— Вот мы с тобой посидим, выпьем водочки, и я тебе всё расскажу! Давай проводишь Нину и ко мне сразу. Нина, можно твоих вкусных солений грузинских к водочке?

— Аджапсанда!

— Во-во, класная закусочка.

— Хорошо, я передам через Аслана.

Проводив Нину до квартиры, взяв для Пети баночку с аджапсандамом, я спустился к нему в квартиру. Сергей Викторович с женой уехали на дачу. Петя только пришёл с работы, весь день допрашивал Калмыкова и хотел со мной поделиться. Он накрыл стол: водка, картошка, селёдка и солёные огурцы.

— Проходи, Аслан, сейчас выпьем, закусим.

— Вот аджапсанда!

— Отлично! Сейчас мы его с водочкой оприходуем! Ну, вы с Нинкой даёте!

— А что случилось?

— Да весь дом уже знает, что ты вчера ночевал у неё.

— Между нами ничего не было, Нина порядочная девушка. Я-то думаю, что это все бабурьки на скамейке на нас пальцем показывали.

— Ну, ладно, Аслан, сделаю вид, что поверил. — Петя рассмеялся.

Я в этот вечер впервые попробовал водку. После того, как мы выпили по третьей и закусили, Петя начал разговор о допросе вредителей-троцкистов из Кабардино-Балкарии.

— Ох, и упёртые же черти — эти земляки твои: Бетал Калмыков со своим братом Хабалой. Я, значит, к нему со всей душой. “Так, мол, и так, Бетал Эдыкович. Пишите чистосердечное признание и получите свой законный четвертак. Через 25 лет на свободу с чистой совестью. В противном случае — в расход”. Так этот урод начал орать на меня и угрожать. Мне, лейтенанту НКВД, Петру Сергеевичу Хрусталёву!

И он стал в подробности пересказывать допрос Калмыкова, который вёл себя нагло:

— Да ты что, сопляк, несёшь? Ты на кого рот раскрываешь? Ты, щенок, мамкину грудь сосал, когда я революцию делал. Понял? Позови мне своего начальника. Я буду разговаривать только лично с Берией.

Пришлось его ударить.

— Сволочи, позовите Берию, — упорствовал Калмыков. — Дайте мне позвонить, я хочу поговорить с товарищем Сталиным.

Тогда Хрусталёв направил ему в лицо лампу и сказал:

— Ладно, я сам отвечу на главный вопрос. В 1927 году ты арестовал и расстрелял революционеров, коммунистов, верных сынов партии Назира Катханова, Аю Гемуева, Касыма Эльбаева, Заракуша Мидова, Магомеда Энеева. Вместо них на ключевые посты республики поставил жуликов и проходимцев, которые занимались вредительством. Ведь не надо особо напрягаться, чтобы развалить то, что наша партия создаёт. Надо просто убрать грамотных людей и поставить бездарей.

Далее Хрусталёв потребовал от этой гадины подписать чистосердечное признание в организации контрреволюционной террористической организации, на что Калмыков заупрямился:

— Нет у тебя никаких оснований и доказательств. Попробуй, докажи. А подписывать я ничего не буду.

Хрусталёв не выдержал и основательно избил его.

12

На следующий день я поехал с Петей Хрусталёвым на Лубянку посмотреть в глаза упырю, убившему всю мою семью. Петя вызвал меня в качестве свидетеля, мне очень хотелось убить Калмыкова, задушить собственными руками. Я долго представлял себе, как это будет.

Когда я вошёл в кабинет, Калмыков лежал на полу ослабленный, избитый до такой степени, что трудно было узнать. На лице было сплошное кровавое месиво, нос переломан, глаза, заплывшие от кровоподтеков.

Я понял, что смерть для него слишком большое благо. Подойдя вплотную к этому упырю, я плюнул ему в морду:

— Будь ты проклят! — И сел рядом на стул. Петя схватил его за подбородок, поднял голову, спросил:

— Узнаёшь товарища? Родной брат Касыма Эльбаева. Помнишь Касыма?

— Да-а-а-а-а, — прохрипел Калмыков.

— Ты же утверждаешь, что невиновен, а в смерти его братьев тоже невиновен? Это ведь ты распорядился убить их. Именно убить, а не судить и расстреливать по закону! Убил ты их только потому, что они были родные братья Касыма Эльбаева. Других причин не было. Так?

— Та-а-а-а-ак, — хриплым и жалким голосом произнес Бетал.

— Так отчего же ты требуешь, чтобы я не трогал твоих братьев? Между прочим, твой брат Хабала убил людей, выстрелив в грузовик, который его машину не пропускал. А ты, падла, пытался замять это дело. Верно?

— Отведите меня в камеру, мне плохо. Я же всё подписал, зачем вы меня ещё мучаете? — Калмыков расплакался.

В этот момент мне сорвало крышу. Я подбежал к этому мерзкому телу, начал бить его ногами и кричать:

— За Касыма! За Али! За Шалука! За Мусоста! За Мусаби! За родителей! Получай, мразь, гори в аду, тварь!

Петя оттащил меня от Калмыкова и усадил в кресло:

— Какая тебя муха укусила? Он уже получил своё и ещё получит, если доживёт до суда. Попей воды и успокойся.

Петя налил мне стакан воды из графина и приказал охране унести тело Калмыкова в камеру. Я был рад, что не убил его, так как очень хотел, чтобы он ещё помучился.

Петя меня не стал отчитывать, но сказал, что времена теперь другие, и методы Ежова запрещены. А Калмыкова Бог уже наказал, и дополнительно забивать его до смерти не стоит. Сам сдохнет скоро.

Правда, чудовище прожило после этого ещё два года и сдохло лишь в 1940 году. Я к этому времени о нём забыл, а потом и вовсе стало не до него. Началась война.

13

Учёба в мединституте мне запомнилась на всю жизнь. Правильно говорят, что студенческие годы — самые лучшие годы в жизни. До сих пор помню лица своих преподавателей, давших мне путёвку в жизнь.

Помню хорошо и всех своих однокурсников. В мединститут в моё время шли именно те, кто действительно хотел стать врачом и готов был сидеть с утра до ночи в анатомичке. Готов был зубрить латынь и делать опыты в химической лаборатории.

Помимо учёбы, пришлось заниматься и общественно-политической деятельностью. Я вступил в комсомол, включился в бурную политическую работу. Комсомольские собрания, выявление троцкистов и неблагонадёжных стали неотъемлемой частью моей жизни. Иначе нельзя было. Время такое!

Во-первых, Нина от меня не отставала. Каждый день сверлила мне мозги:

— Аслан, когда ты в ВЛКСМ вступишь?

Во-вторых, Троцкого я лютю ненавидел. Страшно представить, что было бы со страной и с нами, если бы Лёва Бронштейн захватил власть.

В-третьих, появился шанс отомстить Беталу Калмыкову за родных. Я помню, как Троцкий приезжал в Кабардино-Балкарию, и Калмыков его встречал, как самого дорогого гостя. Ну, и выступление Бетала помню:

— Как учит нас товарищ Троцкий...

Чему же он тебя научил, плешивый убийца? Вредительской деятельности? Уничтожению цвета кабардинской и балкарской нации? Достойный ученик получился, ничего не скажешь! Молодец!

Не может быть, чтобы факты поддержки Калмыковым Троцкого куда-то исчезли и растворились. Рано или поздно они должны были всплыть. Я говорил об этом и руководителям партийной и комсомольской ячейки нашего мединститута. Правда, добрались до Калмыкова только в 1938 году, когда разоблачили и расстреляли наркома НКВД Ежова.

Если бы это сделали намного раньше, быть может, мои родители и братья были бы живы и по сей день.

Политической деятельностью заниматься было интересно, но я, в первую очередь, хотел стать врачом-хирургом. Поэтому, ссылаясь на недостаточно хорошую успеваемость и повышенные требования преподавателей, просил своих комсоров не очень утомлять меня комсомольскими собраниями и сосредоточился на учёбе.

На первом и втором курсе мы изучали, главным образом, теоретические дисциплины: строение человеческого тела, функции органов и тканей, биохимические процессы в организме. Также изучали греко-латинскую терминологию.

Моим любимым предметом на первом курсе была анатомия. Заведовал кафедрой анатомии профессор П. И. Карузин. Объяснял он темы на лекциях не торопясь и очень внятно. Великолепно владел латинскими терминами. Оно и понятно, ведь профессор долгое время работал над составлением справочника латинских терминов, применяемых в медицине.

Лекции профессора Карузина, безусловно, многому меня научили. Однако в анатомии главное — не лекции, а практические занятия. Поэтому я целыми днями пропадал в анатомичке, изучая кости и мышцы на трупах.

Когда я впервые попал в секционный зал, где на мраморных столах лежали трупы, мне стало не по себе. Ассистент, видя мою растерянность, улыбнувшись, объяснил, что бояться надо не мёртвых, а живых. Труп же безобиден!

Очень тяжело мне давалась латынь, но её, равно как и греческую терминологию, надо было знать! Как известно, ещё в древние времена римляне разработали медицинскую терминологию на латинском языке, а греки ввели названия болезней.

Многие страны, в том числе и наша, пытались выработать свою национальную терминологию, но безуспешно. Пришлось вернуться к старой, испытанной и проверенной временем. Латинская и греческая терминология были и остаются международным языком медиков. Поэтому я понимал, чтобы стать хорошим врачом, нужно выучить и твёрдо знать все названия и обозначения по латыни и на греческом языке.

Очень любил я занятия по физиологии и лекции профессора Шатерникова. Михаил Николаевич был учеником знаменитого физиолога Сеченова, в честь которого назван институт и клиника, где я учился и впоследствии работал.

Читал он лекции спокойно, держался со студентами просто, а его примеры из практики и рассказы о своём знаменитом учителе запомнились навсегда и помогали мне в работе. Лекции Михаила Николаевича были интересны тем, что, излагая материал, он говорил о перспективах развития физиологии в СССР. При этом призывал студентов участвовать вместе с ним в решении проблем физиологии.

Многие из нас остались на кафедре физиологии, помогая ассистентам ставить опыты на животных для изучения функций организма, отдельных его систем и органов. Удаляя отдельный орган, мы изучали происходящие при этом изменения в организме, таким образом, выясняя роль этого органа в жизнедеятельности организма. Благодаря этим опытам, мы получали наглядные и практические знания, которые нам пригодились в клинической практике.

Как говорил профессор Лемке, физиологию, а особенно патологическую, нужно знать и изучать всю жизнь. Потому как анатомию можно выучить за несколько лет, а физиология — это процесс. Изучать процессы, происходящие в организме, можно целую вечность и каждый день открывать что-нибудь новое.

Поэтому я очень любил занятия по патологической физиологии, которые вёл у нас профессор Семён Сергеевич Халатов. Изучать патологические процессы намного интереснее, так как это — основа всех болезней, фундамент клинических проявлений заболеваний человека. Если не знать до мелочей, как протекает патофизиологический процесс у пациента, никогда хорошим врачом не станешь.

Семён Сергеевич привил мне такую любовь к своему предмету, что я до сих пор держу на рабочем столе учебник по патологической физиологии. Ни на одну свою операцию я не пошёл, не прочитав книгу и не изучив досконально патогенез болезни, которую я должен был лечить.

Так прошли первые два года моей учёбы. Позади остались анатомичка, зубрёжка латинских терминов и химических формул. Передо мной впервые открылись двери клиник.

Клинический городок нашего мединститута располагался на Девичьем поле. Построен он был в конце XIX века. Я был впечатлён красотой городка и восхищался старыми постройками. Быть может, не потому, что здания

такие красивые, а от радости, что наконец-то буду заниматься непосредственно лечебным делом и изучать клинические предметы.

Корпуса клиники были разделены аллеей из лип. Мы называли её “аллеей жизни”. Летом я полюбил сидеть под деревьями на скамейке и читать учебники по хирургии и терапии, осваивая азы своей профессии. Здесь же я часто сидел с Ниной и впервые сделал ей предложение. Она, помню, смутилась и сказала, что рано об этом думать, нужно заниматься учёбой.

Потом Нина мне призналась, что уже тогда была согласна выйти за меня, но говорить в тот момент об этом не хотела. Почему? Не знаю, да и неважно. Главное, потом, после окончания мединститута, она дала согласие, и мы поженились. Тогда же, в те далёкие студенческие годы, я и сам не помышлял о женитьбе. Моей целью было стать врачом-хирургом. К чему я и стремился всё это время.

Самая любимая клиника, безусловно, была хирургическая, которой руководил профессор Лемке и где работаю я вот уже почти 40 лет. Сейчас мне всё вокруг кажется обыденным, однообразным, рутинным. А когда я впервые переступил порог клиники, ходил с открытым ртом, разглядывая всё вокруг. Сердце стучало в груди от волнения, голова кружилась, и было от чего. Эмоции переполняли меня, и я долго не мог отойти от впечатлений.

Неужели моя мечта сбылась, и я попал в лучшую хирургическую клинику страны? Как бы сейчас радовались родители и братья! Они так хотели, чтобы я выучился и стал хорошим врачом!

Я дал себе клятву, что буду учиться добросовестно и самоотверженно, ещё и потому, что понимал: я не имею права подвести профессора Лемке. Теодор Эрнестович возлагал на меня большие надежды, и я обязан был их оправдать.

Я любил смотреть, как он оперирует, и ассистировать ему на операциях. Меня удивляла быстрота и тщательность, с которой он делал сложнейшие операции, а также артистизм исполнения. Я восхищался тем, что Теодор Эрнестович оперировал не просто грамотно, а изящно и красиво. Старался щадить ткани и не терялся ни при каких обстоятельствах.

Всё время любил повторять:

— Кровотечение? Ерунда. Пальцевое прижатие — и нет кровотечения. Потом опять:

— Кровотечение? Фи-и-и-и, тампонада — и никакого кровотечения. Сосуд закровил? Ну, и пёс с ним. Сейчас шов наложим, и прекратится кровотечение.

Я поражался его спокойствию. До сих пор помню его операцию по поводу рака желудка. Теодор Эрнестович делал резекцию желудка очень чётко и легко, без лишней суеты и нервов.

Должен признаться, когда я впервые самостоятельно делал подобную операцию, мне пришлось изрядно понервничать и во время операции, и после. Операция прошла успешно, слава Богу, без осложнений. Только не потому, что я великий хирург, а потому что мне ассистировал мой учитель Теодор Эрнестович Лемке.

Он имел немецкие и эстонские корни. Его дед — Генрих Лемке — был родом из Кёнигсберга, переехал в Москву в середине XIX века. Работал учителем физики в школе. Свою любовь к физике он привил и своему сыну.

Эрнест Генрихович был одним из выдающихся физиков прошлого столетия. Иначе и быть не могло — раннее детство и юность его прошли среди формул и законов Ньютона, Ома и Паскаля. Его супруга, мама Теодора Эрнестовича, была учителем химии и биологии. Наталья Ивановна Бутлерова была родственницей великого химика.

Каждый из них старался обучить сына Теодора своей профессии и перетянуть на свою сторону. Несмотря на то, что в семье царил культ точных и естественных наук, Теодор Эрнестович выбрал профессию хирурга.

Родители понимали, после какого случая он решил стать врачом. В детстве Теодор страдал фурункулёзом, то там, то тут постоянно появлялись гнойники. Естественно, хирургический нож над собой он видел чаще, чем солнце. Постоянно приходилось терпеть болезненные вскрытия фурункулов.

Это продолжалось до тех пор, пока к ним в гости не пришёл друг Эрнеста Генриховича, профессор Сергей Александрович Виноградов. Он был возмущён методами лечения врачей, лечивших маленького Теодора.

— Что же вы его мучаете, режете постоянно, не узнав причину?

Очередной гнойник профессор Виноградов вскрывал сам, весьма болезненно. Профессор Виноградов перечислил причины возникновения фурункулов и отметил основные меры профилактики и принципы лечения гнойничковых поражений кожи. После чего посоветовал моему шефу и его родителям соблюдать все его рекомендации. Благодаря им Теодор Эрнестович забыл, что такое фурункул на своём теле.

С этого момента он твёрдо решил, что будет только хирургом, и с юных лет осваивал свою профессию. Часто приходил к профессору Виноградову в клинику, смотрел операции. А потом, будучи студентом, ассистировал ему на операциях. Так постепенно он вырос до квалифицированного, высококлассного профессионала своего дела.

О судьбе родителей Теодора Эрнестовича я не спрашивал. Он сам не рассказывал, а я лезть в чужую жизнь не хотел. Мы больше общались на хирургические темы. Мне хотелось приобрести побольше знаний, клинических и практических навыков у профессора Лемке.

Учёба в клинике продолжалась дома. Ведь я по-прежнему жил у Теодора Эрнестовича. Вечерами беседовали о медицине и хирургии. Обсуждали какие-то идеи, новые методы операции. Профессор требовал от меня постоянного чтения учебников по анатомии и физиологии. А также по оперативной хирургии, топографической анатомии и патологической физиологии.

Он считал недопустимым появление в операционной хирурга без полных знаний анатомии и физиологии. Во время операции всё время спрашивал, какой этап он будет выполнять. А когда ассистировал мне на операциях, требовал, чтобы я оперировал, как он. Хотя сделать операцию, как профессор Лемке, было невозможно.

Достичь такой операционной техники, обладать такой же ловкостью рук, как у Теодора Эрнестовича, было крайне тяжело. Мне, по крайней мере, это не очень удалось. Хотя очень многие говорят, что я оперирую так же ловко и грамотно, как мой шеф. Сам я так не считаю, поскольку знаю, что до профессора Лемке мне далеко.

Да и не только мне. Есть только два хирурга, которые оперировали, как Теодор Эрнестович. Это Сергей Сергеевич Юдин и Петр Александрович Герцен. Я присутствовал на операциях этих двух великих профессоров-хирургов. Сам Теодор Эрнестович считал, что он оперирует хуже, чем Юдин и Герцен. Может быть, от скромности или всё же был прав. Поскольку они были хирургическими звёздами того времени.

Как бы то ни было, для меня великим хирургом, учителем, а главное — человеком был, есть и будет Теодор Эрнестович Лемке. Всё-таки он меня приотил, дал крышу над головой, деньгами помогал и сделал из меня хирурга. Ежедневно занимаясь со мной дома и на работе, помог мне стать хорошим врачом.

Вечером за ужином он меня спрашивал:

— Ну, так что, Аслан Хатуевич, какая у нас завтра операция? Какие показания к операции? Какая тактика оперативного лечения? Какие возможны осложнения? Что бы вы предприняли для профилактики осложнений?

Так я и сформировался, как врач и учёный, благодаря своему дорогому профессору Лемке.

В 1939 году произошло знаменательное событие. Я закончил мединститут. Причём Нина, в отличие от меня, закончила его с красным дипломом. Мы решили отметить это событие в ресторане. Когда зашли в “Арагви”, сразу услышал знакомый голос:

— Эльбаев, стоять, пада!

Сейчас думаю, сломаю челюсть этому уроду и поворачиваюсь, а там... Мой друг детства Хусей Залиханов. Я бросился к нему в объятия.

— Хуська-а-а-а! Как ты? Какими судьбами, карындаш?

— Приехал на Всесоюзный съезд альпинистов. Как ты, брат?

— Да вот, мединститут закончил, пришли в ресторан отметить. Знакомься, Нина, это мой брат из Кабардино-Балкарии, Хусей Залиханов. А это — моя невеста Нина Орджоникидзе.

— Серьёзно? А Этери Орджоникидзе знаете, наверное?

— Конечно, знаем, а ты откуда знаком с ней?

— Она приезжала к нам в Приэльбрусье. Долго рассказывать... Поздравляю с окончанием института!

— Садись с нами. Выпьем, закусим.

— Нет, брат, извини, я не один, я с “тушканчиками”. Я, в принципе, уже уходить собирался и тебя увидел. Сейчас возвращаюсь в гостиницу “Москва”, я там поселился. Давай завтра в ресторане гостиницы встретимся, пообщаемся, ну, и выпьем за встречу.

“Тушканчиками” он называл девушек, с которыми завязывал роман. А друзей и знакомых мужчин называл по-дружески “Падла”. После чего сам получил такую кличку. Мы договорились встретиться на следующий день. Я пригласил его в гости, мы как раз собирались обмывать диплом в квартире профессора Лемке.

Хусей ушёл со своими подругами к себе в гостиницу, а мы с Ниной сели за столик и позвали официанта. Вечер был прекрасен, мы сидели допоздна и беседовали о своей будущей профессии и дальнейшей карьере, ну, и о совместной семейной жизни.

Рано утром я встал, умылся, выпил чаю и пошёл через мост к гостинице “Москва”, где остановился наш Хусей, или Падла, как мы его называли.

Мы встретились с Хусеем в холле гостиницы и пошли в ресторан. Заказали бутылку коньяка и шашлыки из баранины. Я удивлялся, откуда у Хусея столько денег, но спрашивать не стал. В конце концов, это не моё дело. Выпив по первой, не дожидаясь закуски, мы разговорились.

— Хусей, как твои родители, братья?

— Слава Аллаху, хорошо. У меня в этом году ещё один брат родился. Мишей назвали.

— Поздравляю. Давай выпьем, чтобы Миша вырос здоровым и сильным и стал большим человеком.

— Амин Аллах!

Мы выпили ещё по одной. После чего я попросил рассказать его о гибели моих братьев.

— К сожалению, судьба их мне неизвестна, знаю, что расстреляли их всех, но когда и где, никто не знает.

— А что известно о братьях Суюнчевых?

— Кумука и Далхата расстреляли, а Маштай сумел перебраться в Турцию. Надеюсь, живой он, и всё у него хорошо.

— Слава Богу, что хотя бы Маштай в живых остался. А из Эльбаевых кто-нибудь уцелел? Или всех Калмыков уничтожил? Неужели я полностью осиротел?

— Твоих родных братьев уже нет в живых, но двоюродных у тебя ещё очень много. Один из них в Москве сейчас. Шамиль, сын Магомеда. Он военный лётчик, учится в Качинской школе.

— Шамиль здесь, в Москве? А почему я ничего не знаю об этом?

— Ну, если ты его хочешь видеть, давай сегодня вечером встретимся и посидим у меня в номере гостиницы.

— Нет, ни в коем случае. Какой ещё номер? Вечером собираемся у меня. Жду вас обоих в гости, а Шамиля увидеть я прям сейчас хотел бы. Давай поедем к нему.

— Аслан, брат, извини, пожалуйста, но... у меня в номере “тушканчик”.

— Ладно-ладно, не продолжай. — Тушканчик это для Падлы святое. — В общем, жду вас сегодня вечером. Вот адрес мой. Дом на набережной знаешь? Я там живу.

Окончание нашей с Ниной учёбы решили отметить у профессора Лемке. Я объяснил профессору, что придёт в гости мой двоюродный брат. Клавдия Ивановна и Катя накрыли на стол. Нина приготовила грузинские блюда — сациви, чахохбили, пхали, аджапсанда, хачапури.

Первым гостем был мой друг и сосед Петя Хрусталёв. Позже подошла Этери Орджоникидзе. Пока мы пили грузинское вино, подошли остальные гости — наш Падла Хусей, мой брат Шамиль и с ним три военных лётчика: Тимур Фрунзе, Володя Микоян и Василий Сталин, которые жили в нашем доме.

После того как я поприветствовал всех гостей, я обнял брата и усадил за стол рядом с собой. Я не стал расспрашивать его ни о чём. Подождал, пока он поест вдоволь, так как такого стола он давно не видел. После чего попросил его пройти со мной в мою комнату, чтобы поговорить обо всём.

— Как ты, Шама? Как оказался в Москве? Почему меня не нашёл?

— Да я уже два года здесь: учёба в училище, работа. Всё некогда было, да и где бы я тебя нашёл?

— А где работаешь?

— На заводе “Авиаприбор” работал, теперь вот самолётами занимаюсь. Хочу в Испанию полететь, если возьмут, конечно.

— А что, могут и не взять?

— Ну, во-первых, сын кулака, а во-вторых, по состоянию здоровья. У меня неправильно сросшийся перелом левой плечевой кости. Не допускают до полётов, пока не разработаю руку.

— А где ты сломал руку?

— В начале тридцатых поступил на рабфак нашего пединститута в Нальчике. В один день нам приказали выстроиться в ряд, так как должен приехать Бетал Калмыков. Я и мой друг Костя Эфендиев встали в первый ряд. Калмыков, проходя мимо нас, обратил внимание на Костю, который был маленького роста. Узнав, что тот учится на педагога, он усмехнулся и произнёс: “Какой педагог из тебя выйдет через три года?” После чего приказал директору отправить Костю домой. Я решил заступиться, и говорю: “Товарищ Калмыков, извините, но ему сейчас главное выучиться и получить диплом. А кем он будет, он сам решит. Он один из лучших учеников, и убирать его нет оснований. Вы лучше скажите, какой первый секретарь и глава республики выйдет из человека с двухклассным образованием?” Калмыков позеленел от злости и, еле сдерживая гнев, спросил: “Ты кто, такой умный? И сколько у тебя классов образования? Как твоя фамилия?” Я говорю: “Эльбаев Шамиль”. Тут Бетал взорвался: “Эльбаев? Родственник врага народа Касыма Эльбаева? И ты мне ещё что-то говорить будешь? Закрой свой рот, иначе отправишься вслед за твоим родственничком, собака”. Я, естественно: “Сам ты — собака, причём шелудивая и плешивая!” Бетал повернулся к своему помощнику и приказал: “Заткни ему рот!” Заткнуть мне рот у калмыковского холуя не получилось. Только он подошёл ко мне, я сразу врезал ему по морде, после чего он схватил дубину и хотел ударить, но я подставил руку, затем заехал ему ногой между ног и убежал. Понятно, что после этого я в республике оставаться не мог. Я кое-как добрался до Пятигорска, там обратился к врачу. Он диагностировал перелом плечевой кости. У Хусея Залиханова было много друзей из Москвы. Когда они отдыхали у нас в горах, я со многими познакомился. Они мне оставили адреса, и когда я нашёл их в Москве, то они не отвернулись и помогли устроиться на работу и на учёбу.

— Ты знаешь что-нибудь о судьбе моей семьи?

— К сожалению, нет. Я же ведь тоже вслед за тобой в Москву убежал. Знаю только, что погибли все. Жалко очень. Спасибо хоть, что ты есть у нас, Аслан. Спасибо, что пригласил в гости. Очень рад, что ты закончил учёбу. Молодец, братишка! Дай Аллах, чтобы ты стал великим хирургом и прославил род Эльбаевых.

— Спасибо, брат. Ты-то сам не забывай о брате, тоже заходи почаще!

Мы обнялись и вернулись к гостям. Я взял рюмку с коньяком и объявил:

— Товарищи, минуту внимания. Позвольте сделать объявление. Я хочу жениться, и не на ком-нибудь, а на своей любимой и единственной девочке Ниночке. Ниночка, родная, любимая, выходи за меня замуж.

Все замерли, а Ниночка подошла ко мне, поцеловала в щёку и сказала громко:

— Согласна.

Тут все захлопали в ладоши, закричали:

— Горько!

Мы с Ниной слились в поцелуе, и так стояли, целуясь, минут пять, пока не прекратили кричать.

15

В тот вечер, когда я сделал предложение Нине и получил согласие, мне казалось, что я умру от счастья. На банкете, посвящённом окончанию института, я услышал много хороших тостов и от Теодора Эрнестовича Лемке, и от Василия Сталина, Тимура Фрунзе, Володи Микояна, ну, и своих родных Шамиля Эльбаева и Хусея Залиханова — нашего дорогого Падлы.

Шамиль после банкета пошёл гулять с Васей, Тимуром и Вовой. А я эту ночь ночевал у Нины. Это была самая прекрасная ночь в моей жизни.

Отгуляв медовый месяц, я приступил к работе в клинике профессора Лемке. Нина выбрала педиатрию и работала участковым врачом детской поликлиники рядом с нашим домом. Здорово, когда утром хочется на работу, а вечером домой. К своей любимой Ниночке.

В 1940 году в наш дом пришла радость. У нас родилась Томочка, вся в нас, Эльбаевых. Хотя Нина со мной спорила и обижалась. Она утверждала, что дочь наша — настоящая грузинка.

Я продолжал работать в клинике Теодора Эрнестовича, работа приносила мне радость, я получил специальность онколога, а ещё в феврале этого счастливого года расстреляли моего кровного врага Бетала Калмыкова.

Я жил, работал, строил дальнейшие планы, а потом наступил 1941 год.

16

С первых дней войны я начал работать в госпитале. Раненых было очень много. О рутинных операциях я забыл, да их особо и не было. Видимо, так перестроился во время войны человеческий организм. Такие болезни, как язва или холецистит, стали незаметными человеку, над которым нависла угроза фашистской чумы.

Оперировать приходилось круглые сутки, учиться на ходу, так как учебников по военно-полевой хирургии не было. Травмы были разные по виду и сложности. Помимо раненных на войне, и у тружеников тыла, которые за станком помогали фронту, были ранения.

В один из дней привезли сына Магомеда Энеева, Тимура. Тимка повредил правую руку так, что её пришлось ампутировать. Он на миг отвлёкся за станком. Любой на его месте пал бы духом, но Тимка молодец. Продолжал работать, учиться и в итоге дошёл до академика. Стал знаменитым учёным, создал капсулу, благодаря которой космонавты после полёта в космос могли спокойно вернуться на Землю.

За всю войну мне не пришлось работать по своему профилю. Онкологические больные, конечно же, были, но к нам они не обращались. В основном я занимался лечением посттравматической гангрены, которая часто развивалась у раненых. Очень выручала мазь Вишневского, которая только появилась в то время. Мы делали широкие, лампасные разрезы и дренировали раны турундами с мазью.

Помню своё первое знакомство с Александром Васильевичем Вишневским и его советы.

— Аслан Хатуевич, чтобы предотвратить распространение гнойного процесса при газовой гангрене, завяжите нитку циркулярно, вокруг конечности

над раной. Только туго не затягивайте, — говорил он. — Если нитка провалится, значит, гангрена пойдёт выше.

Чтобы гангрена не распространялась, я делал разрез выше раны и ставил резиновый дренаж из перчаток. Это обеспечивало отток гноя. Марлевые дренажи, к сожалению, для этого не подходили, поскольку гной впитывался в марлю и оставался в ране. А перчаточный дренаж обеспечивал полный отток гноя и заживление раны.

Много горя принесла война нашей стране. Фактически не было семьи, не потерявшей родных и близких. В 1944 году над Балтикой погиб и мой племянник Шамиль Эльбаев. В последний раз мы виделись с ним в 1942 году. Он приезжал в отпуск в Москву на похороны погибших друзей — Тимура Фрунзе и Володи Микояна. Остановился он у нас на два дня и, не догуляв отпуск, отправился на фронт, сказав, что некогда ему гостить у меня, надо отомстить за погибших друзей. Он обещал приехать ещё, но увидеться нам было не суждено.

В марте 1944 года совершилось чудовищное, несправедливое преступление против моего балкарского народа. Балкарцев, равно как и чеченцев, ингушей, карачаевцев выслали в Среднюю Азию с родных мест, обвинив в измене Родине и предательстве.

Это в то время, когда балкарские мужчины сражались на фронте за Родину. Кто же предатели? Старики, женщины и дети? В моей голове это не укладывалось. В голове Шамиля, видимо, тоже. Поэтому он и совершил этот героический поступок, повторив подвиг Гастелло.

В июне 1944 года командир вызвал Шамиля в штаб и сказал:

— Капитан Эльбаев, поступила информация, что по Балтийскому морю движется немецкий танкер с боеприпасами и горючим для бомбардировщиков. Надо любой ценой остановить его, чтобы топливо и авиабомбы не достались вражеским самолётам.

— Товарищ полковник, у нас же все самолёты разобраны, все в ремонтном отделе. На чём же я полечу?

— Я знаю, Шамиль. У нас в арсенале ещё трофей имеется, немецкий “мессершмитт” в очень хорошем состоянии. Вот на нём и полетишь, разведаешь и, если это правда про немецкий танкер, сообщишь мне. Как только засечёшь танкер, возвращайся обратно. А мы дадим координаты дальней авиации, и дальше уже их дело.

— Есть товарищ полковник. Задание будет выполнено.

Шамиль попросил залить полные баки немецкого самолёта и вылетел с аэродрома. Вопреки приказу командира, обнаружив немецкий танкер, он не стал разворачиваться и возвращаться с докладом к начальнику. Он направил свой самолёт на судно противника и врезался в танкер, взорвав его и погибнув за Родину.

Перед полётом он написал предсмертное письмо, о котором я узнал от Василия Сталина. Письмо это попало в руки сотрудников СМЕРШа. Слава Богу, Вася Сталин сумел его перехватить, и до Берии письмо не дошло. Иначе Шамиля могли бы объявить врагом народа, и вся семья его пострадала бы. Почему? Это можно понять из текста письма, которое мне дал почитать Василий.

17

Предсмертное письмо Шамиля Эльбаева:

“Дорогие мои братья, родственники, сослуживцы, с кем я делил последний кусок хлеба, и соотечественники. Завтра мой последний вылет, мой последний бой. Командир нашей эскадрильи приказал мне найти немецкий танкер, который везёт бомбы и горючее для танков и самолётов противника.

После чего я должен вернуться на аэродром и доложить о местонахождении танкера. Но я сделаю по-другому. Во-первых, пока я долечу обратно до аэродрома и сообщу координаты противника, танкер успеет доставить груз, и фашистские самолёты получат боеприпасы и авиабензин. Медлить нельзя, и нужно разбомбить фашистский танкер. Во-вторых, после того как

меня крысы тыловые назвали врагом народа и предателем, я хочу этим шакалам доказать, что Эльбаевы никогда не были трусами и балкарцы не были предателями. Мои родители, братья встретили революцию с радостью, думая, что это Советская власть — народная власть. Работали днём и ночью на благо народа, а что в итоге? Нас объявили кулаками, забрали все земли, всё имущество, которое мы кровью и потом зарабатывали, и организовали... колхозы. Ну ладно, забрали и подавитесь, но за что вы расстреляли моих родителей, братьев и выслали в Сибирь моих родственников?

Что же было дальше? Создали мы колхозы, установили окончательно Советскую власть, работал мой народ в этих ваших колхозах на благо Родины. Строили заводы и фабрики, выращивали овощи, фрукты, развивали животноводство, чтобы не голодали жители Советского Союза. Как зазвучала песня “Вставай, страна огромная”, все наши балкарские мужчины встали на защиту Родины — СССР.

А что в знак благодарности? Мой родной балкарский народ объявили предателями и выслали с родных гор в степи Средней Азии. Ни в чём не повинных немощных стариков, слабых женщин и беззащитных детей, как скотину, записывали в вагоны и увезли в чужие края. А в это время их отцы, мужья и сыновья сражаются и отдают жизнь за вашу Родину. Где же справедливость, товарищи?

Завтра мой последний вылет, завтра я погибну за Родину. Знаю, что меня представят к награде, но она мне не нужна. Просто знайте, что человек, совершивший то, что я сделаю завтра, не может быть врагом народа. А балкарский народ, воспитавший героя, повторившего подвиг Гастелло, никак не может быть предателем.

И звание Героя Советского Союза мне не нужно, мне хватит того, что я буду героем Балкарии, и балкарский народ меня запомнит навечно.

Будьте прокляты — ты, бородатый козёл Калинин, и ты, жирная жаба Берия, совершившие беспричинную расправу над моим народом!

Я прошу прощения у всех, кого обидел, дорогие однополчане, лётчики и командиры. Не подумайте, что я не люблю нашу Родину — СССР. Я за неё воевал, и завтра за советскую страну погибну. Просто обидно, что вместо благодарности так обошлись с моим народом.

Всем советским людям, всем солдатам и офицерам, бойцам и командам я желаю скорейшей победы над фашистской Германией. Победа будет за нами. Прощайте, товарищи!”

На следующее утро Шамиль вылетел на “мессере”...

Я попросил Васю Сталина оставить мне письмо, но он не согласился:

— Если письмо не уничтожить, то письмо уничтожит нас. Мне-то ничего не будет, но если письмо найдут у тебя, то сразу посадят. Пришьют антисоветчину и отправят в лагерь. Бериевские шавки на это способны! Ты почитай письмо ещё раз. Твой брат оскорбляет Берию, Калинина и всю Советскую власть. Такого Лаврентий не простит.

— Я понимаю, Вася, но это же на эмоциях было написано! Человек в свой последний бой шёл на верную смерть.

— Я это объяснял Берии, но он слышать ничего не желает. А в то, что он сам направил свой самолёт на немецкий танкер, не верит. У Шамиля левая рука была сломана и деформирована. Так вот... у них версия такая! Что Шамиль на немецком “мессере” решил убежать и перейти на сторону врага. Поэтому заставил механика заполнить полные баки топливом. А когда пролетал над немецким танкером, то сломанная рука его подвела, и он не справился с управлением. В результате чего самолёт рухнул на танкер случайно.

— Это кто такие версии выстраивает? Что за профессора кислых щей? Ведь понятно, что Берия мстит Шамилю.

— Я-то понимаю, Аслан, но сделать ничего нельзя. Единственное, чем я смогу помочь, это забрать письмо и добиться, чтобы Шамиля не считали предателем. Только Героем его тоже не сделают. Сам понимаешь.

— Это ясно, Василий. Спасибо тебе за всё, но письмо всё-таки оставь мне, пожалуйста. Это единственная память о Шамиле.

— Ох... Хорошо, но будь осторожен.

Письмо я спрятал хорошенько вне дома. И впервые показал Нине лишь после смерти Берии.

18

Мне, благодаря профессору Лемке, удалось побывать на малой родине, в Быльме. Надо было проконсультировать одного из партийных боссов Кабардинской АССР. Так однобоко моя республика называлась после выселения балкарцев. После того, как мы сделали успешную операцию чиновнику, он предложил нам поехать на отдых в Приэльбрусье. Я же попросил его отвезти меня в родное селение, на что он охотно согласился.

Я не был в родном Быльме 12 лет, к сожалению, радость встречи была омрачена печальной картиной, которую я увидел. Безлюдные улицы, разорённые дома, заброшенные хозяйства. Было больно смотреть на всё это. Я ходил по улицам Быльма и вспоминал своё детство. Вот по этой улице я ходил в школу с Зулей Ахматовой и провожал её домой после учёбы. Где же она теперь и как сложилась судьба её? Где же мои школьные друзья Магомед Толгуров, Жунус Афашиков, Алим Ахматов, Зейтун Озаруков? Где мои родственники, односельчане сейчас и в каких условиях? Да что там условия? Живы ли они вообще? Куда же вас выслали и за что? Я долго представлял себе этот страшный день 8 марта 1944 года.

Что же пришлось пережить моим односельчанам, да и всему балкарскому народу? Если мне сейчас из родного Быльма не хочется уезжать в Москву, где у меня тёплая квартира, любимая жена и ребёнок, то что же происходило в душе человека, которого из родного очага высылают в казахские степи?

Мы с профессором зашли в наш заброшенный дом. Внутри ничего не изменилось, я вспомнил тот последний день, когда моя семья провожала меня в Кисловодск, к Серго Орджоникидзе. Я показал Лемке подвал, где в своё время прятались Киров и Орджоникидзе. После чего спасённый от белых Серго помог мне обосноваться в Москве и стать хирургом.

Уходить из родного дома мне не хотелось, но надо было возвращаться в Москву. Много работы в госпитале. Война ещё не закончилась, и мы нужны были раненым и покалеченным на войне.

Выйдя из домика, я увидел соседку Жанцук Думанову. Она, узнав, что я приехал, пришла увидеть меня. Жанцук была родной сестрой жены моего брата Али. После смерти Мариям, жены Али, и гибели моего брата она взяла на воспитание их дочь Шуру.

Она приходила в наш дом посмотреть за хозяйством и за порядком. Поэтому, когда я зашёл домой, внутри он мне заброшенным не показался. Жанцук пригласила нас домой, где я познакомился с её детьми Хасанби и Хусеем, а также со своей племянницей Шурой. Шура родилась в 1932 году, в том самом, когда я уехал в Москву.

Жанцук накрыла прекрасный стол, где были не только наши балкарские хычины, но и кабардинские блюда джэдлибжэ (курица в сметане) и лягур (копчёная говядина). Профессор Лемке был в восторге, я тоже поел с удовольствием, так как в Москве о джэдлибжэ и мечтать не мог. После чего Жанцук рассказала мне о моей семье и о своей нелёгкой жизни после смерти мужа.

Мой брат Али и муж Жанцук Ахмат Толгуров были близкими друзьями. Дружили они с детства, работали вместе, женились на родных сёстрах Думановых, дружили семьями и погибли тоже вместе. После того как расстреляли Касьма, опасения моих родных, что Калмыков попытается уничтожить всю нашу семью, подтвердились. Уехать с родной земли братья отказались, так как все были женаты, и бросить свои семьи они не могли. Поэтому, чтобы спасти хотя бы меня, они и отправили меня к Серго Константиновичу, коему я благодарен всю жизнь. Не только за себя, а за всю свою семью. Калмыков хотел сразу арестовать моих братьев, но сделал это только в 1937 году, после смерти Орджоникидзе.

Нина и Этери мне рассказывали, что, когда я в 1932 году приехал в Кисловодск и передал письмо Орджоникидзе, Серго позвонил Калмыкову. Серго

так кричал на Бетала, что тот и близко не мог подойти к моей семье. А после смерти Орджоникидзе Калмыков осмелел и расправил крылья, которые ему потом всё равно обломали.

Неудивительно, что после самоубийства Серго пошли аресты в моей семье. Заступиться ведь было уже некому. Первым взяли Шалука, ему даже не дали попрощаться с детьми. Мусаби и Мусост поехали на рынок в Нальчик, а там их уже ждали чекисты. После того как Мусоста и Мусаби арестовали, Ахмат, муж Жанчи Думановой, прибежал к Али, который в это время работал в поле, чтобы сообщить об аресте братьев. Только они встретились, следом приехал “чёрный воронок”, прямо в поле. Али с Ахматом всё поняли. Со слов Жанцук, Ахмат просил сотрудников НКВД не арестовывать Али.

— У него жена умерла, дочка на руках осталась. Если арестуете Али, что будет с его ребёнком? Девочка совсем маленькая, без матери осталась. А теперь ещё отца лишите. Подумайте, у вас же тоже дети есть.

Чекисты призадумались, всё-таки капля совести у них была. Но, к сожалению, не оказалось ни грамма совести у их командира, который стоял позади сотрудников НКВД и требовал немедленно арестовать Али и Ахмата. Старший из чекистов, молодой капитан, подошёл к Ахмату и сказал:

— Ребята, я всё понимаю, но и вы поймите. Если мы вас не арестуем, нас самих арестуют. Видите, какой дятел у вас в Быльме живёт. Настучит на нас, как пить дать. Поедем в Нальчик, авось всё обойдётся. Арест это же ведь не расстрел.

— Хорошо, мы поедем, только дайте нам с детьми попрощаться. Вы же понимаете, что мы больше домой не вернёмся, — попросил Али, и они смилостивились, устроили ему прощание с семьёй.

Жанцук успела переписать детей с Толгуровых на Думановых, а также забрала маленькую Шуру к себе. Марьям, сестра Жанцук и мама Шуры, умерла за год до ареста мужа Али. Так Шура осталась круглой сиротой, но сумела выжить благодаря Жанцук. Она смогла спасти от ареста, детдома, а также от переселения в Среднюю Азию не только Шуру, но и своих детей Хусея и Хасанби. Так как они теперь были Думановы и считались кабардинцами.

Мы с Теодором Эрнестовичем поблагодарили Жанцук и уехали домой. Улетал я в Москву с тяжёлым камнем на сердце. Не хотелось покидать родной дом, но в Москве меня ждала семья.

19

В мае 1945 года пришла долгожданная Победа. Наконец-то я мог находиться с семьёй, играть с доченькой. Томочка росла большой умницей, послушным ребёнком. Я старался учить её родному балкарскому языку, а Нина учила её говорить по-грузински.

Я встречался с друзьями, вернувшимися с фронта. Многих мы так и не дождались. Погибли, как я уже говорил, Володя Микоян, Тимур Фрунзе, Шамиль Эльбаев, у Пети Хрусталёва родители погибли в 1942-м, попав под бомбёжку.

Я зашёл к Пете пособолезновать и поддержать друга. Немного выпив, мы разговорились.

— Петя, объясни мне, пожалуйста, за что мой балкарский народ выслали в Среднюю Азию?

— Аслан, у стен, как ты знаешь, очень хорошая слышимость. Лишние вопросы не задавай, пожалуйста. Могу только одно сказать: “Инци предателей среди своих”. Очень много доносов и анонимок было на балкарцев, чеченцев, ингушей. Пришлось реагировать.

— А почему не разобрались как следует?

— Время такое было! Война шла, а с Кавказа упорно слухи приходили, что некоторые народы хотят отделиться от Советского Союза и хотят своё государство создать или присоединиться к Турции.

— Петя, это чушь несусветная. Ну, какое государство балкарцы создадут? И как они к Турции присоединятся, если между нами Грузия? Вот к Грузии очень удобно присоединиться. Уж не хотел ли Берия...

— Молчи, дурак. Аслан, скажи спасибо, что у меня как у офицера НКВД сейчас прослушки нет. В другом месте такое ляпнешь, мигом на Лубянке окажешься. Очень прошу тебя: нигде лишнего не болтай. Потери немного, балкарцев выслали на время войны. Вот увидишь, скоро их на родину вернут.

Петя ошибался. Терпеть пришлось не немного, а целых 13 лет. Балкарцев вернули на родину лишь в 1957 году.

В послевоенное время нам пришлось туго, так как страна восстанавливалась, продуктов не хватало, но мы как-то держались. Томочка росла на глазах, я старался быть с доченькой как можно чаще, находить для неё конфеты, сладости разные, фрукты, овощи, чтобы мой ребёнок ни в чём не нуждался. Ведь самый сладкий период, когда ребёнок у меня только родился, эти первые годы я был на фронте. В полевых госпиталях за операционным столом.

По вечерам я читал сказки Тамаре и рассказывал ей о наших предках. Ведь она, будучи балкаркой, понятия не имела, кто такие балкарцы, и, естественно, не знала ни обычаев, ни языка. Я учил её говорить и читать по-балкарски.

Это не всегда удавалось хорошо, но Тома росла старательным и эрудированным ребёнком. С гордостью говорила, что она балкарка:

— Мен таулу кызма.

Как-то вечером она меня попросила рассказать о нашей земле, о наших родственниках. После моего рассказа Тамара долго молчала, потом расплакалась. Ей было жаль моих родителей и братьев. Своих дядей, дедушки и бабушки. Она не понимала, за что так жестоко с ними поступили.

Я рассказал доченьке, что тогда республикой правили жестокие люди Калмыковы. Необразованные, бескультурные и подлые. Только Аллах есть на свете. За все деяния надо отвечать перед Всевышним. Вот Калмыков и ответил, собака. Его расстреляли, а семью выслали в Сибирь.

Я объяснил дочери, что никогда подло нельзя поступать с людьми и никогда не надо делать больно людям. За всё всегда приходится расплачиваться в этой жизни. Тамара запомнила это и была благодарна нам, родителям, за воспитание. Нина ведь тоже от меня не отставала. Учила Тому грузинскому языку и рассказывала о своих родных. В общем, кавказское воспитание помогло нам сформировать характер ребёнка и воспитать Тому порядочной и умной девушкой.

Тамара решила стать врачом, как мы. Только долго думала, каким доктором она будет. Как я, хирургом? Или педиатром, как мама? Я не стал навязывать свою профессию и что-то советовать. Тамара выбрала хирургию, за что я ей очень благодарен. Я горжусь своей дочерью, в трудные дни она всегда была рядом со мной, но об этом позже.

20

В 1948 году мой друг и сосед Петя Хрусталёв получил звание полковника. Мы отметили это событие и твёрдо решили, что пора завязывать ему с холостяцкой жизнью. Невесту выбрали идеальную. Дочь Клавдии Ивановны — Катюшу. Она была хозяйственной девушкой и добропорядочной. Сам Бог велел взять в жены такую девушку. Свадьбу отыграли быстро, погуляли на славу.

Правда, гулять на свадьбе долго не пришлось. Вместе с профессором Лемке пришлось ехать в Кабардино-Балкарию. Нужна была очередная операция местному чиновнику. Я, естественно, сразу намылился в родное селение. В Быльме меня встречали с радостью, я тоже был рад увидеть родных и близких, побывал в родном доме, встретился с Жанцук, посетил могилу родителей. Прогулялся по пустынным улицам родного села.

Тяжёлое впечатление оставил Былым после выселения его жителей. Да, наверное, и все балкарские селения были в таком же виде. Земля моих предков, родная моя Балкария, что же ты испытала в те трагические дни?

Если белоэмигранты в Париже тоскуют по Родине, если Фёдор Шаляпин в Лондоне со слезами на глазах повторял всё время: “Неужели я Волги

родной никогда не увижу?”), что тогда говорить о людях, загнанных в голые степи Средней Азии? Да даже если бы балкарцев выслали в Париж, Нью-Йорк или Лондон, поселили бы в элитных сталинских высотках Москвы, старинных домах Ленинграда, всё равно они бы тосковали по родной земле. Могу судить по себе, так как, живя в просторной квартире в элитном доме напротив Кремля, всё время думаю о родной Балкарии и родном селении Былым.

Разве можно не любить эту землю и эти горы, эти сады и огороды? Место, где даже зимой светит солнце и воздух наполнен таким кислородом, которого нет нигде в мире. Я поднялся в гору, нашёл родник, из которого пил воду в детстве. Вода из-под крана в моей московской квартире не идёт ни в какое сравнение с водой из этого источника. Напившись воды, я пошёл к абрикосовому саду, прилёг в тени дерева и вспомнил детство. Как мы с Мусостом и Мусаби собирали абрикосы, а потом везли их в Нальчик на продажу. Старшие братья, Касым, Али, Шалук, в основном находились на горных пастбищах, смотрели за стадами наших коров и овец. Как жаль, что больше не вернуть то прекрасное время, когда родители и братья были живы.

Побывал я также и в нашем поместье Чалмалла, что рядом с Былымом. К сожалению, от поместья мало что осталось. После того как нас раскулачили, всё конфисковали и организовали там совхоз. Слава Богу, сохранился наш яблоневый сад, где росли различные сорта. Я долго сидел на скамейке, наслаждаясь плодами яблонь, которые когда-то посадил мой отец. Сидел бы, наверное, ещё долго, пока меня не нашли односельчане. Они хотели попросить меня осмотреть нашу соседку — Аминат Афашокову. К сожалению, она находилась в тяжёлом состоянии. Рак желудка, с метастазами в печень. Помочь уже нельзя ничем. Кахексия на фоне рака и прекращения приёма пищи ничего хорошего не предвещала. Перед смертью она попросила позаботиться о её трёхлетней дочери Марьям. Я пообещал, что сделаю всё, что в моих силах, для её ребёнка, и забрал Марьям в Москву, хотя Жанцук была против:

— Ну, куда тебе, Аслан, в Москве возиться с чужим ребёнком? У тебя своя дочь растёт, да и нужна наша Марьямка там кому-нибудь? Я сама её воспитаю и позабочусь о ней.

— Жанчи, у тебя большое и доброе сердце, но ты и так воспитываешь многих детей, оставшихся без родителей. Дай Аллах тебе здоровья за это. Ну, а кому нужна Марьямка? У меня друзья хотят взять ребёнка на воспитание. Они очень хорошие люди и будут рады нашей Марьям.

Я тогда имел в виду Петю и Катю Хрусталёвых. Катя не могла иметь своих детей, поэтому они думали взять приёмного ребёнка. Они очень обрадовались Марьямке, приняли её, как родную. Я им благодарен за то, что воспитали мою землячку достойным человеком. Сейчас Марьям, Мария Петровна Хрусталёва, возглавляет отделение неврологии в одной из московских больниц.

Пётр и Катя души не чаяли в своём ребёнке. Маша росла нервным ребёнком, и много сил и терпения нужно было моим друзьям, чтобы справиться с дочкой. Оно ведь понятно, ведь столько перенесла в детстве. Убийство родного отца, смерть матери Аминат, да и переезд из горного селения в большую Москву — тоже стресс для ребёнка.

До сих пор не могу забыть, как бедная Марьямка рыдала, теребя мёртвую Аминат, и кричала:

— Анам, анам, аначикь! (мама, мама, мамочка!)

Я взял её на руки и сказал:

— Нет больше мамочки, Марьям, поедем со мной, солнышко... — И в этот момент расплакался сам.

Петя часто жаловался, что Машенька просыпается по ночам, плачет и кричит:

— Анам, Ами, ельме анам.

— Что это значит? — спросил он меня.

— Анам — это мама по-балкарски, а Ами... её родную маму Аминат звали. Ельме анам — это по-нашему “мама, не умирай”.

Как-то мы прогуливались по набережной Москва-реки с Ниной и Томочкой. Вдруг послышался голос:

— Эльбаев, Али! Али, друг, ты жив? Значит, тебя не расстреляли?

Я обернулся и увидел полуслеплого старика и молодую девушку, которая держала под руку несчастного и говорила:

— Папа, ты обознался.

— Нет-нет, доченька, я этот голос узнал бы из тысячи. Это мой друг Али. И он жив!

Я подошёл к несчастному и сказал:

— Уважаемый, вы простите, но я не Али, а его родной брат Аслан Эльбаев.

— А-а-а-а, вы тот самый врач-хирург! Али мне о вас рассказывал. А я — друг Али, мы с ним в одной камере сидели. Ой, сколько мы с ним пережили! Сколько испытаний прошли...

— А что именно он рассказывал?

— Он радовался вашим успехам и очень гордился. Говорил: “Слава Богу, хоть одного брата спасли от гибели”. Говорил о стариках-родителях, о братьях, о детях, о вашем доме...

— Как вас зовут? Как сложилась судьба моего брата?

— Зовут меня Степан Андреевич Пронин. А вашего брата однажды ранним утром увели из камеры на расстрел. Не было даже ни суда, ни следствия. Я, когда услышал твой голос, подумал, что он живой. Значит, на самом деле расстреляли!

— Да, Степан Андреевич, к сожалению, его убили. Как и остальных моих братьев. Скажите, а где именно расстреляли Али?

— В Чегеме, по приказу Бетала Калмыкова. Жалко очень. Хороший человек был ваш брат. Вами очень гордился. Говорил, что вы обязательно будете знаменитым врачом.

21

Смерть Сталина мы переживали тяжело. Я не скажу, что сильно расстроился по поводу смерти самого вождя, просто было страшно за наше будущее. За власть в стране шла борьба, и было непонятно, что нас ждёт. Могло дойти и до гражданской войны, но всё обошлось, Слава Богу.

Руководителем государства стал Хрущёв, а Берию, рвавшегося к власти, арестовали, обвинили в измене Родине и расстреляли. Вот по поводу смерти Лаврентия Павловича я точно не переживал. Он получил то, что заслужил. Если брат юридическую сторону, естественно никаким предателем и шпионом он не был, но расстреляли его заслуженно.

После ареста и расстрела Берии появилась надежда, что балкарцы вернутся на родину. Очень многих реабилитировали в то время, была доказана невиновность тысяч людей. А целые народы, незаслуженно высланные с родных земель, тем более надо было реабилитировать и вернуть на родину.

Правда, прошло ещё четыре года после разоблачения так называемого “культа личности”, прежде чем моему народу разрешили вернуться домой. Всё это время я пытался достучаться до руководства партии и до силовых структур, чем вызывал недовольство многих.

Говорить и писать о незаслуженном и необоснованном наказании и переселении моего народа не разрешалось, да и сейчас не разрешают. Я надеюсь, пройдёт много лет, и мои дневники где-нибудь опубликуют и разрешат читать. Сейчас же, к сожалению, я вынужден писать только для себя.

Самое обидное, что и моим землякам не особо интересно поднимать вопросы репрессий и геноцида малых народов. На одной из конференций ко мне подошёл известный чиновник из Кабардино-Балкарии и сообщил, что руководству республики не нравится моя излишняя настырность в вопросах реабилитации балкарского народа.

— Учтите, Аслан Хатуевич, если будете так себя вести, дорога в республику будет вам закрыта.

— А она и так закрыта для меня, я не собираюсь туда ехать.

— Почему же?

Действительно, ехать на родину было уже незачем. Родителей и братьев нет в живых, а племянники меня знать не знают. У родственников своя

жизнь, и вряд ли меня кто-то ждёт. Тем более власти республики, после того как я нахамил одному из её руководителей, постараются сделать моё имя нарицательным. А после того, как в Нальчике установили памятник палачу Беталу Калмыкову, у меня и вовсе пропало желание ехать в Кабардино-Балкарию.

Я сосредоточился полностью на работе и науке. В 1964 году защитил докторскую диссертацию. Дочка продолжила мою династию, стала хирургом. Тамара ассистировала мне на операциях, и у неё неплохо получалось.

Нина высказывалась против, ей не нравилось, что дочь пошла в хирургию, но это была воля Томочки! Да и как пойти против дочери, если она с детства мечтала быть хирургом? Вместе с Тамарой на операциях мне помогал молодой ординатор из Тбилиси — Арчил Ревишвили. Очень талантливый и перспективный хирург. Вскоре Арчил сделал предложение Тамаре, и они поженились. Арчил был моим любимым учеником, очень хороший парень, трудолюбивый, целеустремленный, без вредных привычек. Главное, что дочка наша с ним счастлива и за ним — как за каменной стеной.

Через год после свадьбы у них родился сын Гурам. Моего внука решили назвать в честь погибшего во время войны отца Арчила. Я был очень рад внуку, хотя, конечно, стареть и быть дедушкой не хотелось. Правда, у меня в голове всегда звучали слова профессора Лемке. Теодор Эрнстович любил говорить:

— Старость — это уникальный период жизни и самый счастливый. В старости человек может себе позволить многое, что в молодости недоступно. Хотя бы массу свободного времени, чего нет в юности.

Я старался больше времени проводить с внуком, хотя больше о внуке заботилась Нина. Как врач педиатр и как добросовестная бабушка. Родителям она Гурамчика не доверяла, считала, что она как детский врач лучше знает, как с младенцем обращаться.

Маша, приёмная дочь Пети и Кати Хрусталёвых, стала неврологом, как я писал ранее. Хорошая девушка и доктор.

Я часто выезжал на международные конференции. Делал доклады о новых методах лечения рака толстой кишки, новых способах оперативного лечения при раке печени, желудка и кишечника. На одном международном конгрессе в Стамбуле после выступления с докладом я решил прогуляться по городу. Стамбул, как и все восточные города, был шумным, светлым.

Зайдя на местный рынок, я с удивлением смотрел, как там жарят мясо. На длинный металлический вертел нанизан кусок говядины, от неё отрезают кусок, добавляют огурцы, помидоры, капусту и всё это заворачивают в тонкий лаваш. По желанию добавляют майонез или кетчуп. И называется это блюдо “дёнёр”. Откусив кусок, прожевав и проглотив, я с гордостью произнёс по-балкарски: наш балкарский хычин гораздо лучше! Думая, что меня никто не поймёт. Хозяин кафе, высокий старик с длинной бородой, улыбнулся и, указывая на задний двор своего заведения, сказал на чистом балкарском языке:

— Заходи в гости, сынок, приготовим тебе хычины.

Я был в замешательстве несколько минут, затем столько же смотрел в лицо старику. Прошло минут десять, пока до меня дошло, кто передо мной стоит. Слезы стали наворачиваться на глаза, какой-то ком застрял в горле, и я еле выдавил из себя:

— Маштай Суюнчев... дядя Маштай, живой? Как такое возможно?

Старик с удивлением посмотрел на меня и спросил:

— Кто ты, сынок? Из какого рода?

— Дядя Маштай, я Аслан Эльбаев, сын Хату из Былыма, — еле произнёс я, после чего бросился к дяде Маштаю в объятия со слезами на глазах.

При встрече со мной Маштай тоже расплакался.

— Не ожидал встретить кого-нибудь из родственников. Как ты, Асланчик? Как братья? Я помню тебя совсем ребёнком. Сколько тебе сейчас?

— Сорок восемь уже. К сожалению, братьев моих нет в живых. Расстрелял их Калмыков, так же как и твоих братьев Далхата и Кумука. В знак благодарности этому плешивому в Нальчике памятник поставили.

— Мне искренне жаль, сынок, что твоих родителей и братьев нет в живых. Прими мои соболезнования.

— Спасибо, Маштай. А как твоя судьба сложилась? Как тебе удалось выжить?

— После гибели Заурбека Даутокова-Серебрякова мы с Костей Чхеидзе перебрались в Турцию на пароходе. Затем Костя в Европу перебрался, а я остался в Стамбуле. Женился на турчанке, у меня две дочери и трое внуков. Заходи в дом, что мы встали на улице-то! — Маштай завёл меня в дом, поручив шеф-повару кафе сделать хычины. Мы сели за стол, и Маштай продолжил разговор.

— Очень тоскую по Балкарии родной, по селению Безенги. Переживаю, что не увидеть мне больше родные горы.

— Я тоже в Москве скучаю по родному Быльму и Баксанскому ущелью, но пока памятник этому плешивому не снесут, ноги моей там не будет.

— Ну... памятник-то при чём? Если есть возможность, поезжай. Родную землю и родственников нельзя забывать.

— Так я там уже много лет не был, родственников никого не знаю. А ты бы хотел вернуться в Балкарию?

— Я бы полжизни отдал за это.

— Маштай, ты же понимаешь, что придётся отдать всю жизнь, а не полжизни. Тебя просто арестуют и расстреляют.

— Что мокрому дождя бояться? Я хочу умереть на родной земле.

— Я постараюсь помочь тебе, Маштай. Вижу, как ты страдаешь без родной земли и балкарских гор. Очень хотел когда-нибудь увидеть тебя, хоть и не надеялся. Я слышал, что Далхата и Кумука расстреляли, а тебе удалось уехать в Турцию. Только информация, что тебе удалось спастись и выжить, была непроверенная. А как сестра твоя — Нашхо?

— Аслан, сынок, я вообще ничего не знаю о судьбе близких. Надеюсь, что она жива, хотя после переселения балкарцев сомневаюсь, что хоть кто-то из Суюнчевых в живых остался. Странно, что вообще хоть кто-то выжил после переселения.

— Да, Маштай, натерпелся наш народ, но выжил назло врагам. Слава Аллаху! Будем надеяться, что и Нашхо живая, и все у неё благополучно.

— Амин Аллах.

— Маштай, а про Константина Чхеидзе ничего не известно?

— Я слышал, что он в Чехословакии живёт, но связи с ним нет никакой.

— А балкарцев много живёт в Турции?

— В Стамбуле не очень, а так есть целые селения, где одни балкарцы живут. А в Москве есть балкарцы? Есть с кем общаться?

— Я не встречал, к сожалению.

— А как ты вообще попал в Москву? Как выбился в люди? Ведь сыну кулака дороги были закрыты в хорошую жизнь.

— Помнишь тот день, когда вы искали Кирова и Орджоникидзе? Калмыков и Мидов привели их к нам и попросили спрятать. Орджоникидзе мне за это и открыл дорогу в светлую, большую жизнь. Правда, Калмыков отблагодарил совсем по-другому.

— Ну, конечно, я помню этот день. Мы прекрасно знали, что они у вас прячутся. Как только мы с отрядом Даутокова вошли в Былым, вас сразу же сдали соседи по фамилии...

Я чуть не упал со стула. Это же были люди, которым мой отец неоднократно помогал, буквально вытаскивал из грязи в князи. Эти же люди, по показаниям Бетала Калмыкова, написали донос на моих братьев. Тогда я не поверил Калмыкову, но вот сейчас Маштай выдаёт мне такую информацию.

— По приказу Заурбека Даутокова мы должны были обыскать ваш дом, и если выяснится, что красные командиры прячутся у вас, расстрелять всю вашу семью. Мы этого допустить не могли, поэтому сказали твоему отцу, что якобы проголодались и зашли поужинать. Даутокову, естественно, сказали, что у вас красных нет.

— Спасибо, Маштай, но я считаю, что отец правильно сделал, что приютил красных. Орджоникидзе оказался порядочным и запомнил добро. Сделал из меня человека.

В это время принесли хычины, айран, и мы приступили к еде.

— Кушай хычины, Асланчик, они действительно лучше шаурмы.

Мы сидели с Маштаем, ели хычины, вспоминали родных и близких. Мне не хотелось расставаться с ним, Маштай просил остаться погостить ещё, но мне надо было возвращаться в Москву.

— Ладно, дядя Маштай, поеду я, у меня самолёт вечером, — сказал я. — Вот моя визитка с адресом и телефоном.

Мы обнялись с Маштаем и, попрощавшись с ним и его семьёй, я улетел в Москву. Больше я старика не видел. Помочь вернуться я ему не смог. Как сложилась его дальнейшая судьба, мне, к сожалению, неизвестно.

22

Петя Хрусталёв был помощником Семичастного — председателя КГБ СССР. Как только я прилетел в Москву, он встретил меня в Шереметьево и по дороге домой устроил допрос:

— Как прошла конференция, профессор?

— Отлично. Турки были в восторге! Все оценили высокое развитие нашей онкологии.

— А бывший белогвардеец Маштай Суюнчев тоже оценил?

— Чего?

— Аслан, ты, как маленький ребёнок, ей-Богу. Профессор, доктор наук, а ведёшь себя, как неразумное дитя. Ты чем думал, когда попёрся к белоэмигранту в гости? Слава Богу, наши агенты именно мне докладывали об этом. А если бы кому-нибудь другому?

— Петя, я к нему не попёрся. Я зашёл на рынок, решил купить шаурму, а продавец — мой родственник дядя Маштай. Я его сорок пять лет не видел.

— Я понимаю. Только вот КГБ Кабардино-Балкарии это не совсем поняло. Ты знаешь такого: Худов Тимофей Константинович?

— Да, я знаком! Он, находясь в Москве, прислал ко мне шестёрку. Знаешь, что мне эта шавка заявила? Товарищ Худов недоволен тем, что вы слишком активно занимаетесь вопросами реабилитации балкарцев и возвращения их земель. Он вызывает вас к себе в гостиницу. Я ему и ответил: “Передайте товарищу Худову, что, когда он станет толстым, тогда и будет меня вызывать. Он мне никто, и вызывать и указывать мне, что делать, не имеет права. Доволен он моими действиями или нет — это его дело. Больше меня не беспокойте”.

— Вот этот самый Худов и начал на тебя охоту. Доложил самому Хрущёву о тебе. Хрущ вызвал шефа и приказал тебя арестовать.

— Значит, ты меня теперь арестуешь — и на Лубянку?

— Если бы не одно событие, то пришлось бы.

— Какое именно?

— Вызывает меня, значит, Семичастный, и говорит: “Так, мол, и так. Ваш друг профессор встречался за границей с бывшим белым офицером”. Я ему говорю: “Товарищ Семичастный, это ведь знаменитый учёный, профессор-онколог. Столько жизнью спас. Пожалуйста, не губите его”. — “Да не волнуйтесь, — говорит мне Семичастный, — приказы Хрущёва я выполнять не намерен. А профессору передайте, чтобы никаких связей больше со своим родственничком-белогвардейцем...” — “Простите, вы сказали, что не намерены выполнять...” Тут он меня перебивает и с улыбкой говорит: “Сегодня товарищ Хрущёв снят с должности по состоянию здоровья”.

— Хруща убрали? — обалдел я.

— Да, Асланчик. Это твоё спасение. Благодарю Аллаха и товарища Семичастного.

— Ну, и кто вместо него?

— Леонид Ильич Брежнев. Вот так вот.

— Петя, спасибо, дорогой! — я приобнял друга. — Слушай, Пётр, а Маштай, бедный, хочет домой вернуться на Родину. Давай уважим старика.

— Давай уважим. Только Родина у нас большая! Если он вернётся, то поедет не в родную Балкарию, а на Кольму. Поэтому пусть сидит в своей тёплой Турции и доживает свою нелёгкую жизнь.

Хоть и предупреждал меня Петя, что встречаться с эмигрантами опасно, с ещё одним земляком встретиться мне пришлось. В Праге во время Всемирного съезда хирургов я увиделся с Константином Чхеидзе. Мы сидели с коллегами в баре, пили пиво, в это время я заметил пожилого мужчину в шляпе. Он в одиночестве пил пиво за соседним столом. Я подошёл к нему и спросил:

— Простите, вы Чхеидзе, Константин Александрович?

— Да я. С кем имею честь познакомиться?

— Профессор Эльбаев из Москвы. Сын Хату Эльбаева из Быльма.

— Асланчик, ты, что ли? Как такое возможно? Прости, милый, вскочить и броситься к тебе с объятиями не могу. Крутом агенты КГБ и местные стукачи. Присаживайся, дорогой.

— Спасибо большое. Так вы здесь живёте, в Праге?

— Да вот, обосновался в Чехословакии. Если бы ты знал, как я соскучился по своему домику в Нальчике. Только мне туда уже не вернуться.

— А где вы жили в Нальчике?

— В маленьком домике рядом с домом Дадаша Балкарукова. Напротив входа в парк. Недалеко от Воронцовской улицы.

— Я знаю. Эта улица теперь Советской называется. А Воронцовская теперь — Кабардинская.

— Советская? Ну да, как ещё назовут. В каждом городе проспект Ленина, улица Советская, Коммунистическая, Революционная. Раньше все главные улицы в честь Сталина называли. Теперь он плохой оказался, и всё переименовали.

— А вы были в СССР?

— К сожалению, да. Я ведь воевал, в подполье был во время фашистской оккупации. После войны мне представители Советов заявили: “Возвращайтесь, Константин Александрович, на Родину. Вы же воевали против фашистов. Вам это зачтётся, вы будете награждены. А ваша служба в рядах белой армии уже забыта и прощена. Всем белоэмигрантам, которые воевали против фашистской Германии, будет амнистия”. Я поверил и вернулся в СССР. Надеялся в родной Нальчик попасть, а попал в лагерь, на Кольму. Наградили меня десятью годами лишения свободы. Вот такие коммунисты благодарные. После освобождения удалось вернуться в Чехословакию. В Россию больше не вернуться ни за что.

— Понятно. Знаете, Константин, в тот день, когда вы с братьями Суюнчевыми искали Калмыкова, они у нас прятались.

— Аслан, я не дурак, братья Суюнчевы тоже. Мы прекрасно знали, что красные бандиты у вас находились. Твой отец Хату был добрый человек, и для него гость — это святое. Каким бы гость ни был, он чтит законы гостеприимства. Поэтому мы знали, что Калмыков, Орджоникидзе и Киров попросят убежища именно у вас. Да и стукачей хватало в то время. Поэтому Заурбек Асланбекович Даутоков приказал нам троим зайти к вам и обыскать дом. Когда я, сидя за столом, сказал нарочно громко братьям Суюнчевым: “Здесь их нет. Орджоникидзе и его банда направилась в Сванетию”, — и я, и Кумук с Маштаем заметили кубанку Калмыкова. Придурок забыл снять шапку. Он в ней всё время ходил. Стеснялся своей лысины, ишак плешивый. Чтобы не подводить Хату и твоих братьев, мы ушли, поблагодарив твоих родителей за ужин. До сих пор не могу забыть хычины твоей мамы.

— К сожалению, моих братьев расстреляли, а родители умерли, не выдержав горя. Орджоникидзе, кстати, меня приютил, отблагодарил, в общем, за своё спасение.

— Молодец Серго. Несмотря ни на что, он был порядочным человеком.

— Я, кстати, женат на племяннице Серго.

— Да ладно? Значит, породнился? Молодец! Дети есть?

— Дочка. Медицинститут закончила, будет хирургом, как и я.

— Счастья вам, Аслан. Как бы сейчас радовались твои братья и родители! Да и Маштай с Кумуком тоже! Кумука, бедного, расстреляли большевики, а Маштай сумел эмигрировать в Турцию.

— Я знаю. Мы с ним виделись в Стамбуле два года назад.

— Ничего себе! Ну, и как у него жизнь сложилась?

— Да пока хорошо складывалась, но сейчас он хочет в СССР вернуться. Просил меня помочь. Старик хочет умереть на родной земле.

— Пусть даже не думает. Единственное, что у него получится на родной земле, так это то самое — умереть. Причём быстро, от пули!

— Да, я знаю. У меня с ним нет связи, к сожалению. В Турцию я больше не ездил.

— Поня-атно. Ладно, Аслан, мне уж идти пора, рад был тебя увидеть. Ты молодец, достойно продолжаешь династию Эльбаевых. Здоровья тебе и всех благ.

Константин Александрович встал из-за стола, мы с ним обнялись на прощание и разошлись. Я пошёл в гостиницу, а он не спеша, опираясь на трость, по пражской улице домой. Я долго смотрел ему вслед. Бедный старик — сколько же он пережил, сколько испытал на своём веку...

Константин Александрович уходил всё дальше и дальше, а вместе с ним уходила эпоха, в которой я родился и вырос. Обрывалась нить с моим прошлым. Сколько же таких изломанных судеб и сколько же нитей оборвалось между родными людьми! Никто не знает, да и не посчитает, поскольку это невозможно.

После Праги была ещё конференция в Нью-Йорке. Если честно, Америка мне не понравилась. Люди все суетливые, грубые, неприветливые. Кругом огни реклам, ладно бы, если б рекламировали что-нибудь хорошее. Взять, к примеру, их гамбургер. Такая красивая реклама этих сэндвичей и гамбургеров. Я купился на рекламу и приобрёл эту так называемую еду. Между двух булок свалили в кучу кусок мяса, огурцы, помидоры и лук, полили кетчупом и счастливы, что сделали великое открытие. Ладно ещё, если продукты настоящие, но вся эта гадость какого-то непонятного происхождения и сомнительного качества.

У нас на столе всегда были свежее мясо, фрукты и овощи. Всё натуральное и качественное. При желании, особенно когда на работу опаздываю, я тоже мог свалить в кучу хлеб, курицу, говядину, помидоры, огурцы и разом проглотить. Вот тебе и весь гамбургер. А американцы считают, что это их великое изобретение.

Попробовали бы они наши хычины! Даже не поверили бы, что такая райская еда бывает. Тонкое тесто с сыром и картошкой. А хачапури и осетинские пироги? А какие блинда Ниночка моя готовит?! Пхали, чахохбили, сациви, хинкали... Ах... Никакой гамбургер с ними не сравнится! Слава Аллаху, у нас в Советском Союзе нет “Макдональдса”, и надеюсь — никогда не будет.

В метро все читают не художественную литературу, не великих классиков, а дешёвые детективы, листают комиксы.

Про телевидение США вообще говорить не хочу. Около пятидесяти каналов, а смотреть нечего. Одни мыльные оперы, телесериалы, которые постоянно прерываются тупой рекламой. Также показывают боевики, которые вредно влияют на психику людей, и эротику, не задумываясь совсем, что это могут дети смотреть.

Больше всего меня поражают всякие ток-шоу, где любят обсуждать знаменитостей и покопаться в их грязном белье. Я бы их назвал бок-шоу. На балкарском языке “бок” — это дерьмо, простите за выражение.

А больше всего меня поражает в американском телевидении другое.

Одна тётенька без медицинского образования, американцы её называют “малышка Бетси”, ведёт передачу о здоровье. Я бы к её имени добавил ещё букву “з”. У нас, у балкарцев, “бетсиз” означает “бессовестный”. Так вот, эта самая Бетси на полном серьёзе утверждает, что она лечит онкологию, вылечивает остеохондроз, остеопороз, растворяет камни в почках и желчном пузыре. Учит телезрителей, как правильно питаться и жить, и называет себя экстрасенсом.

Слава Богу, таких нет на нашем советском телевидении, и быть не может. Всё-таки наше коммунистическое воспитание намного лучше, в отличие от капиталистических стран.

Я выступал с докладом на международном конгрессе хирургов, после которого в “Нью-Йорк таймс” была напечатана статья “Профессор Эльбаев

и три буквы “э”. Что это означало? После доклада об успехах и достижениях советской онкологии и хирургии я указал на три причины, которые мешают развитию онкологической службы в Америке. Три буквы “Э”:

1) Экология. В городах Америки, в частности, в Нью-Йорке нечем дышать. Если подняться на последний этаж небоскрёба и посмотреть на город, то увидишь смог. Огромное количество машин, выхлопные газы, отходы промышленных предприятий. Всё это количество канцерогенов отравляет природу и человека. Всем этим дышит человек и питается, поскольку всё это уходит в почву и поглощается растениями, а затем с овощами и фруктами попадает в организм человека.

2) Экстрасенсы. Вы, американцы, допускаете врачебную деятельность аферистов и шарлатанов, называющих себя целителями. Ладно, если бы они тайно занимались так называемым лечением. Это полбеда, но вы это транслируете по телеканалам, и народ верит. Ну, и вместо того, чтобы пойти к врачу на обследование, они смотрят телевизор, ставят банки с водой перед экраном. Прикладывают больное место к экрану, как советуют экстрасенсы. У меня вопрос к вам, уважаемые американцы. Геморрой вы так же лечите?

3) Экономика медицинская. Также ничего хорошего онкологии в США не даёт. Я уже не говорю о том, что большая часть бюджета идёт на гонку вооружений. Медицинская экономика Америки больше идёт на обслуживание богатых людей. Почему клиник сердечно-сосудистой хирургии в США в три раза больше, чем онкологических центров? Да потому, что атеросклероз сосудов — это болезнь богатых людей. Это они заплывают жиром. У бедных людей жиру неоткуда взяться, у работяг жиры сгорают. Поскольку они трудятся днём и ночью, чтобы прокормить свои семьи. А вот онкология больше развивается у бедных людей, поскольку жить им приходится в экологически неблагоприятных условиях и питаться чем понало.

А ваше питание — это отдельная история. Ваши “Макдональдсы” приносят только вред. Продукция такого качества в дальнейшем приводит к ожирению и диабету. А вы с этим не боретесь, потому что вам это не выгодно. Человек с атеросклерозом, с ожирением придёт в ваши центры сердечно-сосудистой хирургии и будет платить за операции бешеные деньги.

Всё это недопустимо у нас — в СССР, где уделяют огромное внимание экологии, медицинской экономике, а экстрасенсов нет и быть не может.

23

Прилетев обратно в Москву, я узнал две новости — хорошую и не очень. Плохая — о моей встрече с Константином Чхеидзе быстро узнал КГБ, а хорошая новость заключалась в восторге руководства и партии от моего выступления в Нью-Йорке. В аэропорту меня встречал Петя Хрусталёв, очень недовольный и хмурый.

— Привет, Аслан.

— Здорово, Петюня, чего такой угрюмый?

— Садись в машину, сейчас узнаешь.

Мы сели в машину и продолжили разговор.

— Едем ко мне на Лубянку.

— Я арестован?

— Возможно. Тебя вызывает сам Юрий Владимирович Андропов. Хочет поговорить с тобой.

— А о чём? Что случилось?

— А ты не знаешь? Аслан, ты больной на голову, что ли, господин профессор? Какого лешего тебя угораздило сесть за стол к диссиденту Константину Чхеидзе в Праге?

— Петя, я его случайно увидел, когда в кафе сидели. Мы поговорили минут десять, и всё.

— А о чём говорили?

— Можно подумать, вы не знаете!

— Да! Скажи спасибо, что это мы знаем, а не другие. Ты понимаешь, какой скандал будет, если сам Андропов заинтересовался?

— Петя, ничего антисоветского я лично не говорил, и ты об этом знаешь. Не так ли?

— Так-то оно так, но за границу тебя больше не выпустят. Понятно?

— Да я и не собираюсь! Петя, понимаешь, Чхеидзе был последней ниточкой из моего прошлого, я, когда увидел его, как будто в детство вернулся.

— Аслан, ты соображаешь, что у тебя ниточка в будущее может оборваться, и вернешься ты не в детство, не к семье, а почесешь на Колыму? Моли Бога, чтобы Андропов не приказал арестовать тебя.

Приехал я на Лубянку с тяжёлым предчувствием: неужели повторю судьбу братьев? Зайдя в кабинет Андропова, мы с Петей обалдели. Я ожидал, что председатель КГБ начнёт ругать меня за встречу с Чхеидзе в Праге. Однако Юрий Владимирович с улыбкой встал из-за стола и, подойдя, пожал мне руку:

— Спасибо, Аслан Хатуевич. Ну, вы даёте! Три буквы “Э”! Как красиво заткнули империалистов, всё высказали им в лицо! Газеты прямо шумят, народ вас обсуждает! Только и говорят: “Эльбаев послал империалистов на три буквы “Э””.

Андропов засмеялся, Петя вместе с ним. Он, равно как и я, был рад, что всё обошлось. Мы беседовали с Андроповым часа два, за чашкой чая. Говорили о медицине, политике. Слава Богу, о Чхеидзе он не вспомнил, и мы с Петей уехали домой в хорошем настроении.

По дороге домой Петя меня продолжал ругать.

— Аслан, с бывшими белогвардейцами и эмигрантами встречаться запрещено. Ты же умный человек, я понимаю, что они твои земляки, но закон есть закон. В общем, приказ тебя не трогать, но за границу больше не выпускать. Мало ли ты ещё кого там встретишь. Так будет лучше для тебя. Тем более после того, как ты с трибуны капитализм разнёс, за рубежом тебя не очень любят.

— Ладно, Петя, забыли. У меня за границей, кроме Маштая Суюнчева и Константина Чхеидзе, больше никого и нет. Я, кстати, виски привёз американский. Выпьём за встречу?

— Ну, это можно. Я, правда, водку нашу больше люблю.

Я пригласил Петю домой, Нина и Тамара накрыли стол и ушли в свои комнаты рассматривать привезённые мной подарки. Я налил виски и после того, как мы выпили, начал беседу:

— Петя, скажи, пожалуйста, что за интерес КГБ следить за мной? Я никаких секретов не выдаю, да и не владею информацией, являющейся государственной тайной. Поэтому ни ЦРУ, ни ФБР я не интересен.

— Скажи спасибо своим землякам и товарищу Худову!

— Так во-от откуда ветер дует!

— Ну да! Ты его оскорбил, а Худов обид не прощает.

— Он теперь всю жизнь мне мстить будет?

— Нет, не будет уже. Во-первых, ты теперь под крылом партии и правительства. Во-вторых, у Худова сейчас проблемы серьёзные. В республике бардак, голову националисты поднимают. На рынке убили русского милиционера. Так мало того, что убили, ещё и тело вынести не дали, митинг устроили против Советской власти, беспорядки. Товарищ Андропов поручил мне разобраться. Вот, вылетаю с комиссией в Нальчик.

— Товарищу Худову привет передавай.

— Ага, обязательно. Прямо лично и передам.

Петя вернулся из Нальчика через неделю и сразу зашёл ко мне, чтобы передать разговор с господином Худовым.

— Ну, как поездка прошла? Пообщался с Тимофеем Константиновичем? Как он тебя встретил?

— Меня не он встречал, а наш с тобой общий друг Падла. Привет тебе передавал. Он отвёз меня и членов комиссии в Приэльбрусье. Красивые места там. Представляешь, стоят возле трапа самолёта члены правительства Кабадино-Балкарии, председатель местного КГБ, а он высказывает с криком:

“Петя, падла, это ты, что ли?” Все обалдели вокруг. Я, честно говоря, не сразу его узнал. Мы же лет тридцать не виделись. Он теперь главный егерь Кабардино-Балкарии. Обещал приехать скоро в Москву. Мы с ним хорошо посидели в Приэльбрусье, на поляне Чегет. Чуть позже приехал и Худов со своей свитой. Я разобрался в деле по убийству милиционера на рынке. Там никакого национализма, чисто бытовуха. Милиционер сам, честно говоря, спровоцировал народ. Об этом многие говорили. Худов мне тоже клялся, что конфликт на бытовой почве, а не на национальной. Я выслушал его, а потом на ухо шепнул: “Товарищ Худов, я сделаю вид, что поверил, и доложу товарищу Андропову, что всё в порядке. А вы оставите в покое Аслана Эльбаева, а не то, Худов, худо тебе будет”. Он всё понял и больше к тебе претензий не имеет.

— Спасибо, Петя. Ну, ты молодец.

— Всё норм, профессор. Будь здоров.

Начало 70-х годов было для нас трагическим. Умер мой учитель, профессор Лемке. Он был для меня вторым отцом. Всем, что я умею в хирургии, я обязан ему. Да не только я, но и моя жена, и дочь сформировались как врачи благодаря Теодору Эрнестовичу. Последние годы он не оперировал, а был просто консультантом в клинике.

Умер он на работе, на боевом посту. Работа была его домом, он всегда приезжал в клинику рано утром, а уезжал поздно вечером. Он просто не представлял свою жизнь без клиники и пациентов.

Но как ни тяжело расставаться с учителем, следующая потеря оказалась для меня ещё страшнее. У моей Ниночки обнаружили опухоль головного мозга. Она находилась на лечении в НИИ нейрохирургии имени Бурденко. Врачи сказали, что операцию делать поздно. Это сообщение стало для меня шоком. Как-то позвонила дочка и сказала, что мама хочет меня видеть. Нина попросила всех выйти и оставить нас вдвоём. Я взял её за руку и попытался, как обычно, подбодрить.

— Ну, что, Ниноля? Как ты, родная? Всё будет хорошо, не волнуйся, любимая.

— Асланчик, мне сегодня мои родители приснились и твои тоже. Не поверишь, к себе позвали. Твои папа и мама сказали: “Нина, иди к нам, будешь нашей любимой снохой, будешь нам, как дочь родная”.

— Ниночка, рано тебе к ним. Тебе ещё жить и жить.

— Нет, Аслан, я чувствую, что ухожу. С каждым днём я слабее и слабее. Возможно, это мой последний день. Я хочу сказать тебе спасибо за всё. Ты был самый лучший муж в мире. Я не слышала от тебя ни одного плохого слова, ни разу голос не повышал и ни разу не изменил мне. Я горжусь своим мужем и буду умирать с лёгким сердцем.

— Любимая, перестань. К чему все эти разговоры? Ты будешь жить долго. Ещё и меня переживёшь.

— Нет, Аслан, я знаю, что говорю. Ты держись, главное. Меня не оплакивай. Я ни о чём не жалею. Прожила достойную жизнь с любимым мужем и дочерью. Умру с лёгким сердцем.

Я обнял свою Ниночку. И так пролежал рядом минут пять. Потом опять сказал, чтобы прекратила такие речи, поцеловал в щёку и направился в ординаторскую к профессору Коновалову. Это был лечащий врач Нины. Пообщаться нам не пришлось. Как только я вошёл в кабинет профессора, прибежала медсестра и сообщила, что моя Ниночка впала в кому.

Меня долго не пускали в реанимацию, но я чувствовал, что это конец, и хотел последние минуты быть рядом с любимой. Войдя в реанимационную палату, я потерял самообладание и со слезами на глазах бросился к Ниночке. Взяв её за руку, я шепнул ей:

— Любимая, если слышишь меня, сожми мне руку.

Она сжала мне ладонь, и слеза покатилась по её щеке. Я положил голову на грудь Нине и слушал, как бьётся её сердце. Пока сердце работает — моя любимая жива, и это меня успокаивало, но вот тахикардия сменяется брадикардией, последний стук сердца Ниночки и... Всё.

Я не помню, сколько я слёз пролил в эти минуты, потом собрался с силами, вышел из реанимации и увидел перед собой Тамару и Марию. Они смотрели на меня с ужасом, ожидая новостей. Я с трудом произнёс:

— Тома, нет больше нашей мамы, — и потерял сознание.

Я не могу сказать, сколько времени был без сознания. Когда пришёл в себя, узнал неутешительный диагноз — инфаркт миокарда. Я пролежал в реанимационном отделении около недели. Самое ужасное, что я не смог проводить в последний путь любимую жену. Ниночку похоронили без меня. Выйдя из больницы, я каждый день ходил на Новодевичье кладбище к моей Ниночке. Жизнь как таковая для меня прекратилась. Физически я, может быть, и жил, но разве можно это жизнью назвать?

Дочка сказала, что у меня была остановка сердца, и меня еле откачали. Тома очень удивилась моему вопросу: “Зачем?”

— Папа, ты в своём уме? Что значит: “Зачем?”

— Тома, я не могу без твоей мамы. Я хочу к ней. Не хочу больше жить.

— Прекрати глупости говорить. У тебя я есть, Арчил, Гурамчик. Скоро поправишься. Всё будет хорошо.

— Эх, дочка, хорошо мне уже никогда не будет. Вряд ли это кто-то поймёт, даже ты. Чтобы понять это, надо в моей шкуре побывать. Конечно, мне легче, когда близкие рядом. Так горе намного легче пережить. Ещё лучше было бы, если бы родственники приехали из Кабардино-Балкарии. Я ведь из потомков никого не знаю, а так хотелось их увидеть.

— Папа, я найду их и сообщу твою просьбу.

— Спасибо, Тома, только согласятся ли они приехать? Они меня не знают, и вряд ли я им нужен.

— Папа, ты их не знаешь тоже, и не знаешь, какие они. Давай, я дам телеграмму в Кабардино-Балкарию, может, кто-то и отзовётся.

Я ничего не ответил Тамаре и забыл о нашем разговоре. Не верил, что кто-то согласится приехать проведать меня в Москву. Я уже чувствовал себя получше, ко мне вернулся сон, пропала тревожность. Однажды я проснулся в больнице и не мог поверить глазам.

Надо мной стояли... мои братья Шалук, Мусаби и Мусост. Реально ли это? Может, это сон или бред? На мой вопрос:

— Братья, родные, вы живы? Как это возможно? — люди, стоявшие надо мной, ответили:

— Нет, дядя Аслан, мы их дети.

Тамара нашла моих племянников и отправила им телеграмму. Ребята обняли меня и представились. Хаджимуса и Жагафар — сыновья Мусаби, Ануар — сын Мусоста и Якуб — сын Шалука. Радости моей не было предела. Я увидел, наконец, своих племянников, как две капли воды похожих на своих отцов, моих братьев.

Я разговаривал с ними очень долго, расспрашивал о родных и близких. Племянники рассказали мне о своей тяжёлой судьбе, о расстреле родителей; потом детский дом, выселение с родных мест в Среднюю Азию. Много пришлось им пережить, но они не сломились, не потеряли человеческий облик, сохранили честь и достоинство. Я был очень доволен племянниками и гордился ими.

Они все были женаты, и у них уже были дети, внуки моих братьев. Все имели высшее образование, окончили вузы и работали на благо нашей Родины. Я сказал, что очень горжусь ими, они так же ответили мне. Знали обо мне, многое слышали, гордились, что у них дядя профессор, хирург.

Только связь со мной поддерживать они никак не могли. После того как я стал в республике персоной нон грата, после моего конфликта с господином Худовым связь со мной была опасна для карьеры. Даже имя моё нельзя было упоминать.

Я попросил племянников привезти мне яблок с нашего эльбаевского поместья, района Чалмалла, узнав, что яблоневый сад сохранился. Также попросил немного воды из родника, который находился в горах, рядом с моим родным селением Былым.

Через пять дней ко мне приехал Якуб, сын Шалука, и привёз воду и яблоки. От запаха родного яблоневого сада Чалмаллы мне стало намного легче на сердце. А после того как я сделал глоток родниковой воды из Быльма, я перестал вообще чувствовать боль и слабость. Вернулись сила, бодрость, жизненная радость. Вода родной земли сделала то, что не могли сделать импортные лекарства из Швейцарии, Италии и Австрии. Я поблагодарил Якуба и, попросив племянника посидеть со мной немного, разговорился с ним.

— Якуб, неужели наш яблоневый сад в Чалмалла ещё цел?

— Да, дядя Аслан, пока держится, слава Аллаху. Только жилища наши полуразрушены, из них сараи сделали.

— Я не удивлён. Эти твари всё в стране в сарай превратили. А как наш домик в Быльме? Не разрушили его ещё? Я в последний раз после войны там был, тридцать лет назад.

— Нет, там Шура живёт сейчас, дочка Али. Привет вам передавала, очень переживает за вас.

— Ой, как хорошо! Значит, Жанчи Думанова всё-таки вырастила её, как и обещала? Как у неё дела?

— Слава Аллаху, хорошо, она замужем, у неё пятеро детей и двое внуков.

— А Жанчи как? Как её дети?

— У неё всё нормально, дети рядом с ней, внуки тоже. Хасанби, её младший сын, председатель совхоза в Быльме.

— Молодец наша Жанчик, несмотря на тяготы жизни, гибель мужа, сумела вырастить не только своих детей, но и мою племянницу. Сделать их достойными людьми. А то сейчас как бывает? Родители своими делами заняты, а из детей непонятно что получается из-за недостаточного внимания и воспитания. Якуб, а вы-то как жили после гибели родителей? У моего брата Шалука вас четверо было, правильно?

— Всё верно, дядя Аслан. Ну, нас тоже не бросили родственники. Ваша родная сестра и наша тётя Хани воспитала и вырастила меня и моих сестёр Маржан и Налжан.

— А твой старший брат Юсуп?

— К сожалению, погиб в сорок восьмом году, попал под грузовик.

— Кошмар! А Хани? Живая, я надеюсь?

— Нет, к сожалению, умерла в прошлом году.

— Ужас. Уходят все близкие мне люди. Хани была единственной родной сестрой, после смерти братьев оставалась единственно родным человеком. А я вот недавно жену похоронил, с которой прожил почти сорок лет.

— Я знаю, дядя Аслан, мы очень переживали за вашу супругу и за вас. Вы после смерти жены совсем губите себя и свою жизнь. Нельзя же так!

— А как иначе, Якуб? Да и зачем мне жить уже? Родители, братья, сестра и жена на том свете. Что мне без них в этом мире делать? Вы молодые, вам ещё жить и жить. У вас есть будущее. Ты сам-то женат? Дети есть?

— Да, женат. Жена Сафият и доченька Мадиночка.

— Слава Аллаху! Любите друг друга и берегите. Постарайтесь воспитать Мадину достойным и порядочным человеком. Было бы неплохо, если бы твоя дочь стала врачом. Но главное, чтобы она была человеком, гордо носящим и прославляющим фамилию Эльбаевых.

Якуб уехал на родину, и я мог ему только позавидовать. Благодаря Худову, дорога домой мне была заказана. Даже если бы меня пустили в Кабардино-Балкарию, здоровье уже не позволяло мне физически преодолевать большие расстояния.

Да мне и не хотелось уезжать далеко от моей Ниночки. Историческую родину я, конечно же, любил, но я прожил сорок лет в Москве с моей Ниной и не мог представить, как я буду без неё даже минутку.

Первым делом, выйдя из больницы, я пошёл на Новодевичье кладбище, к своей любимой. Я ходил туда каждый день, ухаживал за могилкой, тихо про себя беседовал с женой.

Мне в какой-то мере повезло. Сколько пропавших без вести людей было на войне? Сколько матерей, жён и детей солдат не знали о судьбе родных

и не знали, где их могилы? А моя Ниночка была рядом, что меня успокаивало.

А мой родной балкарский народ? Сколько моих земляков и сородичей осталось лежать в безымянных могилах в Средней Азии? Сколько их, не вернувшихся на родину и не увидевших родные балкарские горы? Ну и, соответственно, сколько моих земляков, которые не знают, где их родные похоронены?

Многие потерявшие близких так и говорили. Не будем оплакивать родных, если узнаем, где из могилы. Хоть умершие, но зато они рядом и с нами навечно. То, что мы не знаем даже, где они похоронены, убивает нас. Если бы узнали и имели возможность посещать их могилы, это успокоило бы наши сердца.

Так мне говорили родственники пропавших без вести. В том числе и мои родные. Ведь я не знал, где похоронены мои братья. Их расстреляли и похоронили в общей яме. А где именно, никто не знает. Через несколько дней ко мне в гости приехал Хусей Залиханов, наш знаменитый Падла. Я в этот день выписывался из больницы. Хусей помог мне собраться и вместе с моим зятем Арчилом отвёз меня домой. Это был первый день в моей квартире без любимой Ниночки. Мне было очень тяжело осознавать, что Нины больше нет.

Я попросил Хусея погостить у меня. Всё-таки, когда родные рядом, горе легче перенести. Чтобы как-то отвлечься, я беседовал с Хусеем на разные темы. Одна из актуальных, естественно, была тема реабилитации балкарского народа. В Кабардино-Балкарии об этом нельзя было говорить. Почему? Для меня это загадка. Естественно, меня молчать никто не мог заставить. Весна 1944 года всегда будет стучать в моей голове, сколько бы времени ни прошло. Да и как можно забыть и простить многочисленные смерти людей от голода, резкой смены климата, и отчаяния, обусловленного непредсказуемостью, неизвестностью будущего, оторванностью от родных гор и родного очага?

Самое ужасное здесь не само переселение, а участь нести крест унижения за то, чего ты не делал, в чём неповинен, о чём не даже не помышлял. Ярлык предателя, изменника Родины...

Были, конечно, и предатели, и банды в горах, выступавшие против Советской власти. Однако у других народов, в том числе и титульных, изменников Родины было больше, чем самих балкарцев, вместе взятых. Только почему-то тех никто никуда не переселял.

Слава Аллаху, справедливость восторжествовала, и мой балкарский народ в 1957 году вернулся на родину. Это, безусловно, хорошо, и я безмерно счастлив. Только почему о депортации не позволяют писать в газетах и журналах? Пресса, к сожалению, не особо богата публикациями воспоминаний конкретных людей с изломанными судьбами.

Важны не только воспоминания отдельных людей. Нужны книги, фильмы, своего рода энциклопедия переселения. Надо дать возможность написать, рассказать, выговориться каждому, кто хочет быть услышанным, кто несёт в душе тяжёлый груз депортации.

Несмотря на огромные людские потери, балкарский народ сумел воссоздать себя и обогатить национальную культуру. Это великий подвиг и великое достижение. Об этом тоже надо писать и говорить.

Хусей со мной соглашался, но поделаться ничего не мог. Чуть позже зашёл Петя Хрусталёв поособлезнавать, и мы сменили тему, так как я пообещал Петру Сергеевичу не допускать подобных разговоров. Больше вспоминали Ниночку, каким золотым человеком была моя супруга.

24

Я бродил вечерами по улицам Москвы, где раньше мы гуляли с Ниной. Работу в клинике я переложил на зятя. Арчил был перспективный хирург и учёный. Защитил докторскую диссертацию. Он был мне, как сын. Всегда помогал мне.

Однажды в очередной раз я пришёл на Новодевичье кладбище. Только здесь мне было легко на сердце. Я мог поделиться с Ниной всем, что у меня на душе, и чувствовал, что она рядом и слышит меня.

Захожу, как обычно, на территорию кладбища, прохожу по центральной аллее, поворачиваю направо, ближе к монастырю, подхожу к знакомой могиле, памятник с Ниночкиной фотографией. Сажусь рядом на скамейку и про себя беседую с любимой:

— Здравствуй, родная. Прости, что так долго не приходил к тебе. Работы много очень, да и здоровье после твоей смерти пошатнулось. Эх, Ниночка, если бы ты знала, как мне тяжело без тебя. Дня нет, чтобы я не вспоминал о тебе, любимая. Очень надеюсь, что скоро уйду к тебе. Помнишь, любимая, когда я впервые тебя увидел за столом в квартире Серго Орджоникидзе? Я смотрел на тебя отрешённо от внешнего мира. Не слушал, что мне говорят Серго Константинович и Теодор Эрнестович. Хотя они обсуждали моё будущее, мою карьеру и жизнь. А мне всё это неинтересно было, я был ослеплён твоей красотой и обаянием. Ничего на свете не нужно было, лишь бы быть с тобой, любимая. А как я был счастлив, что моя мечта сбылась! Это великое счастье — быть рядом с любимой всю жизнь и жить с ней.

У нас, у балкарцев, если человек нехороший, говорят “жарлы адам”, то есть несчастный человек. Меня это удивляло. Почему не сказать “сволочь, мразь, подонок”, да и ещё пару ласковых? Мама меня учила, что плохими словами и оскорблениями обидчику отвечают только невоспитанные люди. А культурные, интеллигентные и воспитанные люди о человеке, сделавшем что-то плохое, говорят просто — несчастный человек, что с него возьмёшь.

С годами понял смысл этих слов. Если человек несчастен, нет счастья в личной жизни, он становится злобным, раздражительным и подлым. Завидует счастливым людям и старается мелко и подло гадить им. Если же человек счастлив и в личной жизни, и в семейной, и на работе, и в обществе, он никогда не будет озлобленным и невежественным.

Мне в этом плане повезло. У меня был золотой учитель. Я прожил сорок лет с любимой Ниночкой, у меня была прекрасная семья, жена, дочь, зять. Была любимая работа, практика хирурга, теория научного работника. Я благодарен Аллаху за то, что он подарил мне такую жизнь.

Конечно, круглому сироте, которого лишили братьев и родителей, казалось, счастливым быть не суждено. Только я уверен, что Всевышний Аллах специально привёл в мою жизнь Ниночку, чтобы в жизни у меня была любовь, домашний уют, семья и огромное счастье.

За это я благодарен тебе, Ниночка! Тебе и всему великому роду Орджоникидзе во главе с Серго Константиновичем. За то, что приютили меня, вырастили, выучили и подарили огромное счастье по имени Нина.

Почему я несколько раз повторил слово БЫЛА? Была семья, была работа. Потому что, Ниночка, я чувствую, что уже ухожу из этого мира. Ухожу к тебе, к родителям, к братьям. А что меня держит на этом свете? Кому я нужен? Да и я своё предназначение в этом мире выполнил. Дочь вырастил, выучил, замуж выдал. Подготовил несколько десятков кандидатов и докторов медицинских наук. Что мне ещё нужно в этой жизни, да и сама жизнь — нужна ли она?

Знаю, что меня осудят за такие кощунственные слова, но это моя жизнь! Понимаю, когда дочка увидит мой дневник, она будет крайне недовольна.

Эх, доченька, знала бы ты, как мне тяжело жить, тогда не осудила бы за желание умереть поскорее. Что бы я посоветовал дочери и всему подрастающему поколению? Оставайтесь людьми и относитесь к окружающим человечески. Творите добро и не держите зла на душе.

Помните о Всевышнем. Он всё видит, и за всё перед ним нужно будет ответ держать. Не позволяйте грубости по отношению к людям. Помните, что вы врачи и должны быть примером для окружающих. Старайтесь помогать людям, даже тем, кто вас обидел чем-то. Знайте, сволочь и подонок может быть сволочью за пределами больницы, а в клинике и на больничной койке он больной. Вы обязаны оказать помощь и вылечить его.

Не забывайте родных и близких, знайте, что каждая встреча может оказаться последней. Торопитесь жить и творить добро — это так прекрасно, когда у вас в сердце и на душе только доброта, радость и любовь. Человек со зlobой и камнем на душе, как правило, несчастен и жалок.

Делитесь личным и сокровенным только с близкими людьми. Помните, что изливать душу нужно только в герметичный и непротекаемый сосуд. Убедитесь, что сосуд ваш не протекает. Старайтесь совершенствоваться в профессии и пишете.

Пишите воспоминания, интересные случаи из жизни и практики, описывайте, будьте смелее и самокритичнее, не забывайте писать и о своих ошибках. Ведь последующие поколения будут учиться на ваших ошибках и будут мудрее.

Не обижайте родных людей, которые преданы вам и готовы ради вас на всё. Столько друзей у меня и родственников было, но рядом в трудные минуты была только моя Ниночка и наша доченька Тамара.

Многому меня научил профессор Лемке. Я был ему благодарен, он был для меня, как отец. Я хотел всё, чему меня научил Теодор Эрнестович, передать молодёжи, подрастающему поколению хирургов. Мечтал создать свою научную школу, но, видимо, не суждено. После смерти Нины я перенёс два инфаркта и вряд ли долго проживу.

Я в очередной раз пришёл к Ниночке на могилку. С ней рядом мне было легче на душе. Я не мыслю себе жизни без неё. Я ей рассказываю о своей жизни, советуюсь с ней, и мне кажется, что она меня слышит. Чувствую, что она рядом со мной всегда. Возвращаясь домой с Новодевичьего кладбища, я всегда думаю вот о чём: как часто мы обижаем друг друга, срываем злость на родных любимых и не понимаем, что каждая встреча и беседа может стать последней.

Вот я не выполнил какое-то поручение Касыма, он поругал меня, а помириться не успели. Его забрали калмыковские шакалы и расстреляли. Ругался с Шалуком и Али и посмеивался над их желанием отправить меня к Орджоникидзе. Не понимал, глупец, что братья спасают мне жизнь. Извиниться перед ними тоже не смог. Мы больше не встретились, и поэтому совесть мучила меня всю жизнь.

Вот так же с Ниночкой. Сколько раз я обижал её неосторожным словом, действием, не понимая, что делаю больно своей любимой. А когда поймёшь, бывает уже поздно, любимого человека больше нет. Ты плачешь, просишь прощения, просишь её вернуться, но это невозможно. Кричишь, плачешь, говоришь: “Прости, любимая”, — но уже поздно. Поэтому любите друг друга и не обижайте любимых.

25

На этом дневник закончился. Я закрыл последнюю страницу и очень долго находился под впечатлением. Почему дневник не заканчивается словами прощания с читателями?

Возможно, Аслан Хатуевич хотел продолжать описывать свои воспоминания и дальше, сколько это возможно, вести свой дневник. Это логично. Ведь он не мог предположить, что с ним случится. Конечно, он ждал смерти и готовился к ней, понимал и чувствовал, что силы его уходят, но когда и как это произойдёт, знать он не мог. А произошло следующее.

Со слов его дочери, Тамары Аслановны, её отца нашли без сознания на могиле супруги. Доставили в клинику, где он провёл свои последние дни.

Он очень долго не приходил в сознание. Приезжали родственники из Кабардино-Балкарии, очень переживали за него. Они были настроены забрать Аслана Хатуевича, но Тамара Аслановна им объяснила, что отец завещал похоронить его рядом с любимой женой.

Он находился целую неделю в коме, по заключению врачей, у него случился геморрагический инсульт, и шансов на выживание практически не оставалось. Помимо родственников Эльбаевых, в Москву приехала Зульфия

Ахматова — та самая женщина, которую в детстве любил Аслан Хатуевич.

Они не виделись сорок пять лет. Когда родители и братья отправляли Аслана в Москву, чтобы спасти ему жизнь, он не успел попрощаться с Зулей. Как было описано в дневнике профессора, Зуля уехала с мамой из Былыма после ареста отца.

Выяснилось, что мама-карачаевка увезла Зулю на историческую родину в Теберду. С тех пор они не виделись. Когда Аслан Хатуевич приезжал в Кабардино-Балкарию, Зуля с семьёй была в ссылке в Киргизии.

Сколько же их было, этих людей, в те годы? Разлучённых на многие десятилетия, а то и навечно.

Зульфия склонилась над Асланом Хатуевичем. Сказала: “Это я, Зуля”, — и запела балкарскую песню, которую они пели вместе, когда учились в школе. Аслан Хатуевич открыл глаза, посмотрел на Зулю и сжал ладонь женщины, которая была его первой любовью.

Он держал руку Зульфийи около минуты, смотрел на неё с улыбкой, после чего расслабил свою ладонь и закрыл глаза, опрокинув голову набок. Аппарат в это время показал клиническую смерть. Аслан Хатуевич умер.

На лицо профессора легла улыбка, вероятно, потому, что он встретился с родными и любимой женой Ниной. Судя по дневнику, он ждал смерти и хотел уйти к своим родным поскорее. Можно ли его осуждать за это? По крайней мере, понять его можно.

ВАЛЕРИЙ САМАРИН

ОТ ЗЕМЛИ
ДО СОЛНЕЧНЫХ ВЫСОТ

* * *

Частичку солнца вижу в хлебе,
Лежащем на моём столе, —
Ведь он воспитывался в небе,
Хотя и вырос на земле.

С далёких дней лучом небесным
И мой начертан жизни путь,
И всё, что связано с чудесным,
Я не могу перешагнуть.

А небо светом небывалым
Как раз с тех пор меня влекло,
Когда я был ребёнком малым,
Когда мне слушать повезло

Крестьянский разговор о хлебе,
О доброте или о зле —
Ведь и душа гуляет в небе,
А плоть находит на земле!

САМАРИН Валерий Серафимович родился в 1952 году в с. Нижние Мельницы Уразовского района Курской (ныне Белгородской) области. Служил в рядах Советской армии. Заочно окончил Рязанский педагогический институт. Лауреат премий А. Платонова, С. Есенина, Я. Полонского. Автор семи книг, в том числе "Жизнь моя ни на чью другую не похожа!" Награждён Золотой медалью "Василия Шукшина". Член Союза писателей России. Живёт в посёлке Ласковский Рязанского района Рязанской области.

И пусть она сейчас не в моде,
А в моде только барыши...
Но всё хорошее в народе
Идёт от солнечной души.

Как жаль, что со своим рассказом
Ушли навек отец и мать!
Теперь уж я за них обязан
О самом главном рассказать.

О людях и о солнце в хлебе,
О доброте или о зле,
О том, что дух гуляет в небе,
А плоть находит на земле!

ПОДСНЕЖНИК

Хочу в лесу тропинку завести.
Отбрасываю прочь сырой валежник
И радуюсь, увидев на пути
Младенчески сияющий подснежник.

Скажи на милость! Вышел на простор...
Передо мной стоит лесной ребёнок.
И я волнуюсь, и другим стал бор —
Играет свет в его сосновых кронах.

Так, значит, правда: в этом мире есть
Таинственная творческая сила,
Что всем растениям помогает цвести,
Что ничего в природе не забыла.

И эта сила помогает мне
Вернуться в детство памятливым взором:
Я вижу вновь мальчишку на коне
Совсем недалеко, за русским бором.

А дальше, дальше к дому моему
Бежит тропинка прямо за рекою...
Я понимаю всё, лишь не пойму,
Зачем себя я детством беспокою?

Ведь мальчик тот — не видит он меня
И моего не слышит разговора...
А я шепчу: “Не торопи коня,
Не надо расставаться слишком скоро!”

Однако надо. Много-много лет
В душе я убираю свой валежник
И радуюсь, когда увижу свет,
Похожий чем-то на живой подснежник.

* * *

Говорят, что шапка Мономаха
Тяжела... Но так ли тяжела?
Надо только двигаться без страха,
Веруя в хорошие дела.

Это ль не божественная доля —
Сберегать от бед родной народ,

Чтоб его не потерялась воля
От земли до солнечных высот?

Воля есть... И как не согласиться
С голосами перелётных птиц:
У России всюду есть границы,
Но они, однако, без границ!

* * *

Станиславу Куняеву

Мы стучались в качестве юнцов —
Нас встречали в качестве хозяев:
Передреев, Николай Рубцов,
Виктор Боков, Станислав Куняев.

Оттого и встретились пути
Вологды, Кавказа и Калуги,
Чтоб скорее правду обрести
В перехлёстах жёсткой русской вьюги,

Чтоб от сердца приносили дань
Люди из лесной тьмутаракани...
— Слушай, Анатолий, ну-ка, глянь
На стихи поэта из Рязани...

— Станислав! Но я питомец гор.
Может быть, посмотрит Виктор Боков?
У него издревле ясный взор
От своих владимирских истоков.

Или сам... У вас одна Ока —
И Рязань близка ей, и Калуга.
День за днём она течёт века,
Чтоб народ не забывал друг друга!..

...К нам стучатся в качестве юнцов.
Мы встречаем в качестве хозяев...
Где-то зарождается Рубцов,
Где-то новый Станислав Куняев!

* * *

А солнце вновь у неба на краю —
И скоро ляжет на свои полати...
Гляжу на солнце, как на жизнь свою,
Которая почти что на закате.

Но время есть — ведь день-то не погас.
И длится жизнь, божественная милость,
Не просто так, коль сердце в этот час
По-своему во мне преобразилось.

Я улыбнулся: мир-то наш большой,
Но, как ребёнок, он играет светом
И входит в душу, чтоб моей душой
Однажды людям рассказать об этом.

.....
*Поздравляем известного русского поэта Валерия Самарина
с семидесятилетием, желаем ему духовного и телесного здоровья
на грядущие годы творческой жизни!*

ВИКТОР БОЕВ

“ЧЕСТНО СЛУЖИТЬ СВОЕМУ НАРОДУ”

*У каждого своя звезда,
У каждого своя судьба.*

Р. Панфёров

Село Красное, издавна славившееся мастеровыми плотниками не только в своём регионе, расположено в нескольких километрах от районного центра Хвастовичи. Здесь, в семье плотника и ветерана Отечественной войны Дмитрия Михайловича Артамонова родился 5 мая 1952 года сын Анатолий, деяния которого впишутся отдельной строкой в историю нашей страны. Дмитрий Михайлович, к счастью, доживёт до этих дней и будет рассказывать любопытным гостям, как он со своей пушкой “сорокапяткой”, которую солдаты в шутку называли “Прощай, Родина”, дошёл до Берлина, дважды был ранен, второй раз тяжело, лежал на поле боя и просил небеса оставить его в живых, чтобы после войны родился у него сын, который бы продолжил их род и дело строителей Артамоновых.

Анатолий был старшим в многодетной (шестеро) семье, поэтому с ранних лет шёл вместе с отцом отстраивать разрушенное фашистами не только своё село, но и соседние деревни, спешил на сенокос, работал на току, на уборке урожая и привык отвечать за судьбы подрастающих братьев и сестёр. В школу-десятилетку райцентра ему приходилось идти полевыми дорогами и тропинками. Шёл и видел, как восстанавливаются из руин деревни и сёла. Словно птица Феникс, восставала Россия из пепла. С каким упоением пели его сверстники: “Забота наша такая, забота наша простая: / жила бы страна родная, и нету других забот”. Это было время романтиков и мечтателей, наследников своих отцов-победителей.

После школы, где он был одним из лучших учеников, Артамонов поступил в Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства, поскольку он понимал, что только современной техникой можно облегчить труд людей.

После института он работал заведующим ремонтными мастерскими и главным инженером Мосальского совхоза “Шаховский”, а с 1978 года – директором совхоза “Груздовский”. В 1984 году к молодому директору совхоза приехал секретарь обкома партии по сельскому хозяйству тезка – Анатолий Иванович Стеликов – и спросил, как удалось вдали от шоссе и железных

дорог, среди лесов и пустырей сделать хозяйство одним из лучших в районе. А чего рассказывать? Пусть люди сами скажут. Они поехали по полям, фермам, побывали на тракторном стане. Везде порядок, люди смотрят весело. Доярки в белых халатах. Как улыбки и прекрасны их лица! И всех их Анатолий Дмитриевич называет по имени-отчеству. Знает, кто чем дышит. Знает: молоко – марка области.

Вернувшись в Калугу, Стеликов на заседании секретариата обкома партии рассказал о своей встрече с молодым руководителем совхоза и посоветовал повнимательней присмотреться к нему. “Вот кого надо растить и двигать вперед”.

Совет тот был услышан. Через год Артамонова назначают начальником районного управления сельского хозяйства, затем избирают первым секретарём Мосальского райкома партии. И вскоре об отстающем прежде районе заговорили в области во весь голос.

Но этот взлёт оборвала перестройка. С июля 1991 года он работал в крупнейшем в стране Обнинском строительно-промышленном акционерном обществе, затем возглавлял строительное предприятие по реализации Федеральной программы “Свой дом”. Пройденные трудовые ступеньки, практика во граде науки стали ещё одним его университетом и трамплином на вершины власти. Он не затерялся среди многих и многих талантливых организаторов. Не случайно при аттестации региональных кадров специальная комиссия при правительстве России дала ему оценку: “Управленец высшей квалификации”. Однако перестроечная разруха делала своё дело.

С болью и отчаянием смотрел он с обнинских высоток, как рушатся родные сёла, как зарастают сорняками и мелколесьем пашни, как уходят на заработки в города крестьяне и заколачивают гвоздями окна и двери своих жилищ. Деревня – душа Родины – погибала, и кажется, это было уже неправомо.

Но в 1996 году, когда на местах впервые избирали губернаторов, калужане вспомнили о том, кто их уже не раз спасал. Вспомнили в лихую годину, когда потеряли половину того, что имели, и дружно проголосовали за связку: Сударенков (губернатор) и Артамонов (вице-губернатор).

Область – это государство в миниатюре. Тут всё взаимосвязано. Ослабь одно звено – вся цепь разладится. Надо поехать по миру и посмотреть, как выходили из тупика страны, находившиеся в аналогичных условиях. Например, опыт того же знаменитого Сингапура и чудесника Ли Куан Ю. Не говоря уже о китайцах.

Из поездок он вернулся не с пустыми руками. Убедился: надо сохранить лучшее в мире образование, уникальные культурные ценности, которым “несть числа”, восстановить святыни, вернуть людям веру в себя.

За четыре года кураторства над ведущими отраслями Артамонов с умело подобранной командой сумел не только остановить сползание области в пропасть, но и сделать первые шаги к её подъёму.

В 1998 году по инициативе вице-губернатора был принят областной закон “О государственной поддержке субъектов инновационной деятельности”. То есть курс взят на новейшие достижения в науке и технике. В Москве этих шагов не замечали. Там сохранялось влияние олигархов, которые всё ещё чувствовали себя безраздельными хозяевами страны и продолжали “прихватизировать” народное достояние.

Мало кто заметил и помнит, что в том же году в Обнинске была создана муниципальная индустриальная площадка, где могли разместить свои высокотехнологичные производства отечественные и зарубежные инвесторы Запада и Востока. Именно с этого события начинается новая страница в истории Калужского края. Это заметил и оценил губернатор Валерий Васильевич Сударенков. И когда в 2000 году в России настало время новых губернаторских выборов, он настойчиво и уверенно рекомендовал избирателям, чтобы они голосовали за Анатолия Дмитриевича Артамонова. Сударенков заметил в своём ближайшем помощнике удивительную черту: чем больше его нагружали, чем больше в его руках было рычагов управления, тем интереснее было ему работать; он добровольно брал на себя груз ответственности за весь регион. Потрясающая работоспособность! И избиратели тоже оценили её.

Но потребовалось несколько лет, чтобы о “калужском чуде” заговорили в центральной печати. В начале второго десятилетия XXI века в Калугу поспешили не только патриотически настроенные известные писатели и журналисты, но и гости из близкого и дальнего зарубежья. Всех интересовал вопрос: как, несмотря на финансовый кризис в стране и мире, заурядная дотационная губерния, где нет ни нефти, ни газа, ни драгоценных руд, в том числе золота и алмазов, то есть обделённая природной рентой и наполовину разорённая в гиблые девяностые годы, сумела не только выйти на первое место в России по темпам промышленного производства, но и сохранить свой экономический потенциал без капитальных вложений государства, то есть стать донором федерального бюджета?

На этот вопрос Анатолий Дмитриевич отвечал ясно и просто: в наших условиях рискованного земледелия улучшить качество жизни людей можно только через создание комфортных условий для инвестиций — своих и зарубежных. Нет инвестиций — нет роста производства и поступлений в бюджет. Поэтому во всём регионе были созданы благоприятные условия для успешной работы инвесторов: устранены через “одно окно” любые бюрократические препоны для быстрого возведения новых и нужных нам предприятий и производств, для обуздания коррупции, пресечения любых попыток взяточничества.

— Мы создали свою оригинальную модель экономики, опираясь на мировой опыт, — говорил он. И утверждал, что рынок сам по себе не устроит нам хорошую жизнь. Без государства, без сильной, отлаженной вертикали власти рынок, как корабль без руля и ветрил, либо разобьётся о скалы, либо стихия утащит его в бездну.

Лозунг “Зелёный свет инвесторам!” был подхвачен во всех районах области. Планирование индустриальных площадок стало нормой жизни. Эти площадки делали “под ключ” — то есть подводили электричество, газ, коммуникации. Пожалуйста, приезжайте и стройте без всяких помех. Если встретите трудности, обращайтесь напрямую к губернатору, говорил он, давая инвесторам свой мобильный телефон.

Сначала в экономике региона преобладал автомобильный кластер, и на первых порах это было оправдано: на калужских заводах издавна изготавливались комплектующие узлы и детали для автопрома. Однако губернатор не собирался делать Калугу столицей этой отрасли, чтобы сидеть потом на пороховой бочке (достаточно вспомнить печальный опыт американского Детройта).

Курс был взят на диверсификацию экономики. Наряду с автопромом успешно стали развиваться другие высокотехнологичные производства, нужные региону. Тем более, так исторически сложилось, что здесь, вблизи столицы, сосредоточился высокий научный и интеллектуальный потенциал страны. Поэтому при рассмотрении любого нового проекта специальная комиссия в первую очередь изучала, насколько инновационным он является.

Несмотря на санкции, западные и восточные инвесторы продолжали вместе с калужанами реализовывать свои проекты. Четыре из 12 индустриальных парков — “Ворсино”, “Грабцево”, “Росва” и “Калуга-Юг” — были включены в реестр Минпромторга России, то есть они соответствовали всем требованиям, установленным постановлением Правительства РФ, и им была обеспечена господдержка. За прошедшие двадцать с лишним лет экономика формировалась таким образом, чтобы спрос на товары, при всех возможных спадах, сохранялся постоянно. Это касается особенно товаров радиоэлектроники (каждый четвёртый телевизор в стране — калужский), фармацевтики, современных строительных материалов, металлообработки, энергетического машиностроения. Если в какой-то период не востребовалась одна продукция, её заменяли другой.

Журналисты часто спрашивали губернатора, какой его главный девиз. Он отвечал: “Боишься — не делай, а делаешь — не бойся”.

Спрашивали, а не рискованное ли это дело — запускать в свой дом чужаков? Он спокойно отвечал, что не будут же натовские “ястребы” бомбить свои заводы и офисы. Да и не бывают народы чужими. Это амбициозные и неадекватные правители делают их такими. А что касается инвесторов, то они ни разу не нарушили договорных обязательств, внеся в наши отношения немецкую деловитость, французскую деликатность, итальянскую пунктуальность.

Интересовались они и криминогенной обстановкой, удивлялись, что нет у нас организованных преступных групп. И на это был ответ: там, где чиновники подготовлены и работают честно, там жулью и бандитам делать нечего.

Те, кто давно не бывал в Калуге, восхищаются не только обновлённым, чистым и уютным городом-садом, современным многоэтажным Правобережьем, третьим мостом через Оку, новым аэропортом, окружной дорогой с удобными развязками и эстакадами. В образцовом состоянии и районные центры.

“Мы должны, – говорилось на одном из сайтов губернатора, – приложить все усилия для того, чтобы у коренных жителей области была гордость за свою малую родину, а многие граждане России мечтали бы жить на благодатной Калужской земле”.

Возраст, конечно, даёт о себе знать. В начале 2020 года Анатолий Дмитриевич поступил так же, как в своё время Сударенков: досрочно передал своё дело молодому преемнику, бывшему мэру Обнинска Владиславу Шапше. И сегодня созданная им команда идёт тем же курсом, под тем же девизом: “Не дремать! Не успокаиваться! Честно служить своему народу!”

* * *

После сказанного можно понять, почему Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам РФ возглавляет бывший калужский губернатор. И почему члены этого комитета не раз уже побывали в нашей области. Им здесь есть чему поучиться. И Анатолию Дмитриевичу есть что рассказать и показать своим коллегам.

Наверняка в каждый приезд на свою малую родину, которой верой и правдой служил почти четверть века и продолжает служить, он вспоминает своё юношеское увлечение Некрасовым:

*Рать поднимается
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая.*

Россия, словно маяк, несмотря ни на что снова будет светить людям Земли своей всемирной отзывчивостью, правдой и справедливостью.

В этом году исполняется сто лет со времени образования Союза Советских Социалистических Республик. Страны, которой более нет на карте.

В эти трагические для нас дни мы вновь и вновь вспоминаем, с чего началось разрушение единого и мощного государства. С никем не останавливаемых припадков националистического бешенства. С образования так называемых “народных фронтов”. С подстрекательских речей московских политиков, именовавших себя “демократами”, проклинавших “империю” и жаждавших её разрушения. С потачек новым главарям “национальных движений”.

Мы начинаем публиковать материалы, посвящённые юбилею великого государства. На этих страницах мы представляем материал Валерия Сдобнякова, написанный в 1992 году.

ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ К МЕЧТЕ

На пороге ухода из СССР. К 30-летию великого крушения

1

Ахмед Габиров, бизнесмен из Бишкека, неоднократно и настойчиво приглашал меня на Иссык-куль. На все же расспросы об этом высокогорном озере отвечать отказывался.

— Сам увидишь. Рассказать невозможно. Вот когда приедешь, может, даже напишешь о нём. — И уже с улыбкой добавлял: — Меня вспомнишь.

В последний наш разговор по телефону, пользуясь сезоном отпусков, Ахмед опять мягко, но настойчиво пригласил на озеро:

— Тебе и детям надо отдохнуть, подышать горным воздухом. Попишешь в удовольствие. Где тебе может быть лучше?

И тогда, невзирая на предостережения друзей (от России далеко, в чужой стороне, беспокойно там), собрал семью (будет ли ещё возможность, представится ли в разваливающейся стране случай) и — в путь.

Скалы, серпантин дороги, шум реки из-под обрыва, опять скалы. Машина взлетает по извилистому шоссе всё выше и выше в горы. Что и говорить, шофёры здесь классные.

В горах что-то видишь ясно, отчётливо, что-то почти пропадает за лёгкой белёсой дымкой облаков, что-то разглядеть совсем невозможно, потому что уж слишком близко находишься от предмета своего любопытства. Но появившееся в тебе беспокойство ещё там, у подножия, не оставляет до конца дороги. И рождается в чувствах и памяти странная ассоциация с проживаемой нами жизнью.

Что же это за страна, что за империя, что за “тюрьма народов”, если вот уже который год её хотят разбить на куски, расчленив границами, а мы, люди, всё больше и больше тянемся друг к другу, и любая граница режет по живому с болью, кровью и страданием? Что же с нами происходит?

Морализировать не хочу, но и чужим себя почувствовать на окраинах бывшего СССР тоже никак не получается... Пока. Когда же впервые осознанно почувствовал я себя гражданином огромной великой страны?

Это было в самолёте над Атлантическим океаном. Мы уже подлетали к Канаде. Огромные ледяные воронки, как вулканические кратеры, заполняли поверхность океана в тысячах и тысячах метров под нами. Ослепительное солнце било в иллюминатор. Я читал урывками очерк Валентина Распутина “Сибирь без романтики”, а неуловимое, незнакомое чувство только начинало овладевать мной. Из-за этого беспокойства я и отрывался поочерёдно то от книги, то от созерцания поверхности океана.

Именно эти огромные ледяные воронки, торосы затем долгое время ассоциировались у меня с историей моей страны, с её трудным путём-испытанием, являясь для меня символом её истории.

Наверное, чтобы по достоинству оценить масштабы своей страны, нужно увидеть другие страны – малые. Такие, как Багамские острова, которые проплывают под крылом самолёта неровными, рваными очертаниями берега, сверкая жёлто-зелёными долгими отмелями, уходящими, словно длинные острые края-наросты чудной океанской раковины, которые затем я увижу во множестве на Кубе, в океанскую даль. Только тогда, наверное, пришло мне настоящее понимание величия страны, почти физическое ощущение тех просторов, на которых я живу.

Уже были произнесены слова “ускорение”, “перестройка”, “гласность”. Уже победоносно шёл по стране, как я прочитал в одной газете, “сухой закон”, объявленный всерьёз и надолго. Но страна, та, моя, казалась незыблемой твердыней, “единой и могучей”. И всем думалось, что и эти кампании скоро канут, оставшись в памяти народной своей несуразностью в виде анекдотов да в запоздалых смелых выступлениях отечественных юмористов.

И вдруг – ИМПЕРИЯ! Средоточие зла и ненависти. Тюрьма народов, которые всю свою историю, люто ненавидя друг друга, только и мечтали вырваться из-под ига России.

У меня такое впечатление, что этими страшными понятиями, этими бомбами, начинёнными ненавистью, шовинизмом и национализмом, мы играли, забавляясь, как малые несуразные дети. И произошло то, чего не произойти просто не могло. Пролилась кровь.

Нагорный Карабах, Сумгаит, бегство азербайджанцев из Армении. Я был в это время в Азербайджане. Свидетельствую – армяне жили в напряжении, ожидании, но в своих домах, квартирах, работали на прежних рабочих местах. А Баку, санатории вокруг него наполнялись беженцами. Газеты заклинали (они и сейчас у меня в архиве – азербайджанские): мы не хотим крови, Сумгаит – наш позор. Но Карабах наполняется оружием, его доставляют вертолётами из Армении. Заклинали центр решить вопрос с беженцами. Хотя бы помочь возвратить деньги с вкладов в Ереване. Тщетно!

Когда я через какое-то время вновь прилетел в Баку, это уже был другой город, другая республика. Народный Фронт на центральной площади города по вечерам под прожектора и зелёные с полумесяцем знамена накачивал толпу ненавистью. Мой спутник Латиф Алиев, до того сдержанный в национальных вопросах, хотя симпатий к своему народу, конечно же, не скрывал, сказал, когда уже ночью мы уходили с площади в гостиницу “Баку”: “Они только констатируют, что в Карабахе идёт война. Но ещё немного, и война начнётся везде, даже здесь, в Баку”. Его слова оказались пророческими. В Баку начались ответные погромы армян. Затем ввод войск, и в красавце городе загрохотали пулемёты. Бомба ненависти сработала.

В этом же году я видел взбудораженный, истеричный в националистическом угаре Тбилиси. Читал плакаты, от которых мороз бежал по коже: “Грузины, стыдитесь русских матерей”. И задавал себе единственный вопрос: неужели слова об империи и тюрьме народов были произнесены ради того, чтобы сыновья отреклись от тех, кто даровал им жизнь, вскормил своей грудью?!

Уже прогрохотали автоматные очереди в Сухуми и Ткварчели. И мои друзья выбирались с помощью нашего общего знакомого, Валеры Пипия, из-под

обстрела на грузовике. В этот август гостеприимный Сухуми встретил меня на вокзале патрулями в униформе с автоматами наперевес и овчарками у ног. Я впервые испытал, что такое комендантский час, когда не мог вырваться из гостиницы на вокзал в камеру хранения за лекарствами для заболевшей дочери. Она лежала в жару на гостиничной койке, жена, глотая слёзы, могла помочь ей только уговорами, а пробравшаяся к нам “скорая помощь”, кроме пожелания скорейшего выздоровления, больше помочь ничем не могла. У врача не было даже градусника. И тот же Валера Пипия “эвакуировал” нас на своих “Жигулях” в Гагры, пробираясь сквозь, впрочем, очень доброжелательные – ведь войны в стране только начинались, – но тщательно обыскивающие машину военные вооружённые посты. Вскоре Валеру арестуют за хранение огнестрельного оружия и за участие в обороне Абхазии. Но не сумею ничего доказать, после почти годичного предварительного заключения, без предъявления обвинения его выпустят, и мы вновь встретимся у меня в Нижнем Новгороде. И он всё так же будет много смеяться, шутить и без остатка говорить.

Так ещё один из доброжелательнейших, гостеприимнейших народов взялся за оружие.

В 1990 году осенью в Самарканде после чудесных куполов, высочайших стен и ярчайших красок, после богатейшего, заманивающего, уговаривающего тебя хоть что-нибудь купить базара я увидел в пригороде пустынные улицы. В брошенных домах когда-то жили турки-месхетинцы. И умный, доброжелательный узбек, руководитель одной из строительных организаций, доказывал, что кровь, война, раздробление страны никому не нужны. Не нужны узбекам. Но почему и как всё это происходит, он никак не может понять.

Этого никак не мог понять и Гиви Багателяя, когда зимой 1990 года мы сидели с ним в комнате на первом этаже его дома у телевизора. Шло голосование грузинского парламента о лишении Южной Осетии автономии – единогогласно! Гиви скорбно покачал головой и сказал: “Это начало войны”. А корреспондент центрального телевидения, раболепствуя и восхищаясь, уже брала интервью у батона (господина) Гамсахурдия. Пройдёт совсем немного времени, и точно так же, преданно заглядывая в глаза, она будет брать интервью у господина Шеварднадзе – только проспект Руставели, по которому я совсем недавно ходил, восхищаясь, около дома правительства, будет лежать в руинах, расстрелянный из пушек и танков. Но на радостном, подобоострастном настроении корреспондента это никак не отразится.

Мне вспомнился разговор в Алма-Ате с русской женщиной в марте 1991 года. Она и тогда никак не могла отойти от пережитого во время известных “мирных” выступлений казахской молодёжи, от виденных ею жестоких избиений русских, от бесконечных шествий по улицам толп разъярённых людей. Она в это время сидела у окна своей квартиры, смотрела на улицу и... один Бог знает, что пережила за это время. Про эти же дни, когда я был в городе Чу Джамбульской области, мне рассказал Джафар Алиев, азербайджанец. Они всей своей большой семьёй всё приготовили для того, чтобы, прихватив с собой только самое необходимое, бежать из испокон обжитых мест. Дом же был ими подготовлен к тому, чтобы его сжечь.

Нет больше сил писать об этом, вспоминать бесконечную вереницу человеческих страданий и боли. Но и молчать, спрятав узнанное, увиденное и пережитое где-то глубоко в памяти, в душе, не получается. Оно само врётся наружу. И как ни избегай этих тем, как ни оберегай себя от грязи политики, приходит время, и молчать становится невмозможу, потому что мне дороги люди, которых я знал и знаю или с которыми лишь однажды разговаривал в городском сквере, в чайхане, в машине. Мне не безразлична судьба той русской женщины из дождливой, холодной, ветреной Риги, что приютила на неделю нас с женой. Мы любовались старым городом, смотрели современную европейскую живопись, коротали вечера в барах и ресторанах, бродили по пустынному юрмальскому пляжу. Нам было хорошо, и мы, как никогда, любили друг друга. Но через неделю мы улетели, а она осталась одна дожидаться возвращения из тюрьмы своего единственного и любимого сына. Я с чувством тревоги вспоминаю трёх монашек с Иверской горы в Новом Афоне, единственных хранительниц православной часовенки с иконами Богородицы, Спасителя и последней молитвой Оптинских старцев в рамке. Несколько раз порывался я подняться на гору к развалинам древнего храма и побывать в сохранившейся

там маленькой часовенке, да мешали тому то плохая погода, то боли в ногах. Но, пересилив боль и лень, я поднялся вверх. Это восхождение было чудесным: ласковое тёплое солнце, густая зелень кипарисов и мандариновых деревьев, бледная голубизна листвы оливок, цветение роз, нависшие над землёй созревшие плоды хурмы, шуршание под ногами крупных пожухлых рыжих листьев, тропинка, вьющаяся серпантинном по крутому склону, — всё это рождало в сердце чувства беззаботные, созерцательные. Я утвердился в мысли, что посещение часовенки — декабрьская 1990 года туристическая прогулка. Не более того. Встретившиеся монашки подробно и доброжелательно объяснили мне запутанную дорогу к часовне. И вот цель моей прогулки. Колышет ветер дешёвенькие занавесочки. Пол в открытой с трёх сторон часовенке застелен чистым ковриком, а на единственной цельной стене висит икона Богородицы да стоит на столике другая, с образом Спасителя. Кругом всё чисто, опрятно, убрано с любовью. Потом мне рассказали, что всё это дело рук постречавшихся мне монашек.

Стоило мне подойти к часовенке, как случилось невероятное. У меня, праздно прогуливающегося и почти неверящего, сами собой подкосились ноги. Я упал на колени перед иконой Божьей Матери, из глаз моих потекли невольные слёзы, и я горячо, как мог, начал молиться. Я просил Господа укрепить меня духом, помочь. И чем дольше я молился, чем медленнее перепечитывал молитву Оптинских старцев, чем чаще повторял имя Господне — тем радостнее, светлее, чище становилось у меня на душе. Эти минуты по пережитому чувству были одними из самых ярких когда-либо пережитых мною до этого. Я ощутил почти физическое очищение души от скверны, увидел, как чёрная маслянистая грязь липко сползает с души. Объяснить это моё внутреннее видение я и теперь не могу. Но это было! Теперь в Абхазии полыхает война. На месте, где я два года назад приобрёл душевный покой и исцеление, рвутся снаряды, льётся кровь, растеклись океаном человеческая боль, горе, страдание, ненависть.

2

Что же это за империя, перебиваю я сам в себе бесконечную череду воспоминаний, если народы, вроде бы решившие избавиться от рабства и провозгласившие политическую и иную независимость, направляют своё оружие не против поработителей, а всё чаще друг против друга (против тех, с кем жили века вместе и неразлучно и, хотя они того или нет, с которыми дальше придётся жить), в слепой, неподдающейся логике ненависти: армяне против азербайджанцев и наоборот, грузины против абхазов, осетины против грузин, узбеки против турок-месхетинцев, казахи против русских и азербайджанцев...

Вся эта бессмыслица приобретает смысл только в одном случае — если осознать, что всё происходящее нужно десяткам политиков, решившим на человеческом горе, боли и крови прорваться к власти... над этими же пострадавшими людьми.

За три последних года моих многочисленных поездок по стране я не услышал ни одного мнения, подчёркиваю — ни одного, в пользу разъединения, суверенизации (или назовите, как вам больше нравится) республик и развала страны. А говорил я с бизнесменами и рабочими, руководителями предприятий и дехканами, пастухами, юристами и инженерами, журналистами. Потрясающее единодушие! Собственно, люди об этом и высказались на референдуме, результаты которого, когда они оказались неудобными, предпочли забыть и больше никогда не вспоминать. Так же, как и о щекотливой теме привилегий и о многом-многом другом.

Но я повторяю, мне не безразличны судьбы моих друзей в столицах почти всех “суверенных государств”, будь то Бишкек, Алма-Ата или Москва. Я напрямую, без лукавства и излишней дипломатии, задал этот вопрос Ахмеду Габиеву, когда мы ехали между двух гряд высоких гор по благодатной Чуйской долине. По краям шоссе росла пшеница, зрели арбузы, прогнулись под тяжестью плодов абрикосовые деревья, усыпанные красным бисером вишни притягивали к себе взгляд, а опустившиеся ветки яблонь, увешанные спелыми сочными яблоками, казались для нас делом обычным и не в диковинку. Вдоль реки Чу бродил упитанный, ленивый от жаркого солнца скот.

Дикие утки в озёрах у шоссе не снисходили до испуга от проносившихся мимо машин.

— О том, что сделаны первые правильные шаги, спорить нечего. Люди поверили, начали строиться, обживаться по-настоящему, открывать своё дело... Но ведь работать разрешили, а запретов нагородили больше, чем было. И потом, я, азербайджанец, на чужой земле работаю с оглядкой, зная, что в любой момент как инородец могу всё здесь потерять. Решили дать ход предпринимательству, но одновременно подняли национальный вопрос — это друг с другом не вяжется. Это что ж, для того чтобы мы все начали в полную силу работать, люди по всей стране должны переселиться каждый в свою республику? Абсурд! И территория должна быть одна, и валюта, и границы прозрачными. Пусть каждая республика ведёт своё хозяйство самостоятельно, без указки из Москвы. Но ведь для этого совсем не обязательно рушить страну, мучить людей.

Ахмед говорит спокойно, рассудительно. Таких людей невозможно не уважать за их уверенность в собственных силах. Общаться с ним — удовольствие. Ощущать его заботу, знать, что для него очень и очень многое возможно не ввиду, как мы привыкли говорить, блата, а потому, что он любого может заставить себя выслушать и убедить в своей правоте. Он даже с сыном говорит серьёзно, изредка подшучивая, но только так, чтобы это было понятно одним взрослым. И его Алекпер в свои семь лет очень серьёзно относится к своим обязанностям “мужчины”. Я своих дочерей оставлял под его покровительством безбоязненно. Для сына авторитет отца непререкаем, честь мужчины — высший критерий оценки собственной жизни. Я подумал о национальной черте характера и тут же вспомнил октябрь 1989 года и своё пребывание в Азербайджане.

Мы с Латифом Алиевым возвращались из поездки в азербайджанскую провинцию — городов Имишли и Масаллы. Дорога была долгой. Пролегала она вплотную вдоль иранской границы. От нейтральной полосы нас отделяло ограждение из колючей проволоки на обочине. И я видел проносившуюся за окном чужую землю, леса и луга. Мы немного притормозили, когда обгоняли караван верблюдов, несших небогатый скарб спустившихся с гор кочевников (разобранные юрты, мешки, казаны). Стада овец понуро брели вдоль дороги. К вечеру мы встретили ещё одну группу кочевников. Стояли собранные юрты, горели костры, возле которых сидели, закутавшись в тёплые халаты, люди. Дети скакали на лошадях, что-то весело крича и загоняя в стадо отбившихся овец. И подумалось тогда: что может лишить этих людей, непритязательных, с детства привыкших к трудностям и лишениям, к воле, свободы распоряжаться своей судьбой. Они её не выбирают, она им даруется с рождением...

А впереди уже маячил в ночной темноте залитый огнями Баку. Целый световой день мы были в дороге. Надёжная “шестёрка” не подвела.

Так было много переговорено за это время, столько впечатлений от увиденного пережито (от постов ограничения въезда в приграничную зону до огромных сайгачьих стад в степи, край которой сливался со светившимся вдалеке Каспийским морем), что мы с облегчением вздохнули и повеселели в предчувствии близкого отдыха. Но все улицы, ведущие к центру, оказались забиты автомобильными пробками. Шёл митинг.

Тогда я и вспомнил свой разговор с лидером Народного Фронта города Имишли в парке после очередного их то ли сбора, то ли митинга. Нас познакомил Латиф, пригласив его за наш столик в чайхане, где мы пили великолепно приготовленный душистый чай.

— Мы полностью отстранили райком от руководства районом. Все выполняют наши распоряжения. Мы же подчиняемся центральному республиканскому комитету. Мы хотим мира своей земле и своему народу. Никаких дискриминаций другим национальностям. Все, кто живёт в Азербайджане, должны быть защищены законом. О выходе из Союза вопрос не стоит.

Председатель, мужчина лет сорока, крепкий, уверенный в себе, с чрезвычайно серьёзным выражением на лице говорил — как отрубал.

— Ещё вопросы у вас есть? Тогда извините, я спешу. Меня ждут люди.

Мы попрощались, пожав друг другу руки. У него было крепкое, даже жёсткое рукопожатие. Именно тогда я осознал, что присутствую при зарождении новой власти в республике, очень привлекательной власти, поддерживаемой

большинством населения, в том числе и русскими. И то, что они придут к руководству в республике, – вопрос времени.

Латиф в наших разговорах Народному Фронту отдавал безоговорочное предпочтение в сравнении с действовавшей тогда властью коммунистов (вскоре он стал членом Народного Фронта), как и все, с кем мне удалось поговорить. Но увиденный в этот же вечер громадный митинг на площади при прожекторах и зелёных с полумесяцем знамёнах окончательно меня убедил, что без кровопролития и эта сила не обойдётся. И её не минует чаша сия.

Почти каждое выступление люди на площади встречали аплодисментами и криками одобрения. Кое-что Латиф мне переводил, но не всё. Что-то не договаривал. Толпа была настроена решительно, но на что?

До кровавых январских событий в Баку оставались считанные недели и не так уж много времени до выхода Азербайджана из СССР. Всего этого я ещё не знал, не считал Баку столицей чужого государства. Мы с Латифом ещё жили в одной стране, мучились общими для неё болями и, что можем потерять эту общую для нас страну, не думали. Мы мечтали о будущем, хорошем будущем.

3

Чуйская долина заканчивается у подножия гор. Чтобы ехать дальше, с подсказки Ахмеда моя младшая дочь Наташа троекратно произносит: “Сим-сим, откройся!” Река шумит у обочины. Повороты круты. Огромные валуны, бока которых закрашены люминесцентной краской и расцвечены полосами, вырастают на пути неожиданно и зловеще. Где-то намного выше нас крадётся в горах одноколённая железная дорога. Один коротенький состав из нескольких пассажирских вагонов, грязных и обшарпанных, с выбитыми стеклами, мы догоним у экологического поста при въезде в зону Иссык-куля. А пока я не понимаю, почему Ахмед почти тормозит, сбрасывая скорость до пяти километров в час. На мой вопросительный взгляд он кивает вперёд и произносит лишь два слова: “Красный мост”.

Так вот он где и какой...

Начинался сезон. Вот-вот с гор в долину должны были повезти опиум. Поэтому в узком горном ущелье, где в единой точке сходятся река, автомобильная и железная дороги, выставлен пост, на котором несут дежурство люди в комбинезонах защитного цвета, больше похожие на группу захвата, чем на подразделение ГАИ. Иначе, как здесь, вывезти опиум с гор негде. Занятие хоть и опасное, но прибыльное, и есть немало смельчаков, которые рискуют. Серьёзную войну опиуму объявили после известного постановления. Вертолёты начали прочёсывать горы. Некоторые поля находили, обливали бензином и поджигали. Но бизнес на наркотиках этим не остановили. С опиумом прорываются и по реке, и по шоссе, и по железной дороге. Идут на отчаянные шаги, тараня заграждения машинами, устраивая перестрелки, спуская зелье на замаскированных плотках по реке. Идти на подобный риск заставляет малый труд и несоизмеримо большие доходы. И эта граница, этот метров в пятнадцать-двадцать длиной мост над рекой от одного крутого склона горы к другому, находящийся почти всегда в тени этих гор, – тоже определённый символ. И человек в коротких кирзовых полусапогах и пятнистой униформе с тяжёлой кобурой на бедре. Он пристально, пока мы въезжали на мост, вглядывается в машину и... пропускает нас, не останавливая.

– Почему?

– Чутьё. К тому же мы ещё только поднимаемся. На обратном пути может остановиться.

Но, забегая вперёд, скажу, что и шестнадцать дней спустя нас, измученных долгой ночной дорогой, пропустят через мост беспрепятственно. И тогда, съехав с дороги на площадку возле пропускного пункта, мы остановимся отдохнуть под защитой людей в пятнистой униформе.

Шорох ветра за окном стихнет, мотор заглухнет. Жена, дочери, Ахмед будут спать, устроившись поудобнее на сиденьях, а я закурю сигарету и выйду в темноту. Грохот воды обвалом зашьёт уши. И я, невольно влекомый неведомой силой, уйду к реке.

Узкой полосой из-за гор будет просвечивать беспокойный, ломающийся поток луны. В его свете это и не вода вовсе, а помятая, скомканная лента

слюды, не движущаяся, а будто натянутая и мнущаяся изнутри. Я заморожено буду смотреть на неё, мелко трясясь от холода. Оглядываясь, попытаюсь представить себя, одинокого, затерянного в этих тёмных и неприветливых горах, и невольный отголосок ужаса будет охватывать сердце, будто я уже испытывал это когда-то, пока взгляд не наткнётся на одиноко светящиеся в темноте окна будки.

Мы выезжаем на широкую асфальтированную площадь. Дорога, вырвавшись из гор, вливается в эту асфальтированную ширь и выливается из неё далеко впереди, за слагбаумом.

Огромная карта озера, будки ГАИ и экологического контроля. Невозмутимый лейтенант сидит за ученическим столом у проезда под слагбаумом, проверяя разрешения на въезд в зону озера. Разрешения покупаются здесь же по сто рублей за одну машину. Платим и благополучно проезжаем дальше. Успеваю подумать – было бы здорово, если бы вырученные деньги не расплылись, а шли в помощь озеру, уникальному во всех отношениях, включая чистую воду и воздух. Но, думаю, и проблем здесь тоже хватает. На придорожной карте дорога неровным эллипсом окаймляет всё озеро, по берегам которого несколько городов и крупных посёлков. А если есть дорога и живут люди – экологические проблемы обеспечены. Человечество об этом хорошо осведомлено, благодаря собственному горькому опыту. Мы тут не исключение, но и не хуже других, как упорно пытаются вдолбить нам в головы. Тема эта большая и болезненная.

Сейчас же в просветах между тополями, остроконечно возвышающимися вдоль дороги, замелькала близкая озёрная гладь, и я почувствовал, как замерло сердце в груди, ожидая близкой встречи.

4

Не успев отдохнуть после дороги и едва переодевшись, мы, подгоняемые хозяином яхт-клуба, уже рассаживались в каюте яхты. Хозяин отдавал последние распоряжения по службе, командовал приготовлением ужина и нашим размещением, следил за погрузкой на яхту бутылок с отменным чимкентским пивом. Низкорослый, полноватый, рыжеусый Юра, казалось, секунды не мог простоять спокойно, без дела. По своему темпераменту – полная противоположность Ахмеду. Они тем не менее в чём-то были и удивительно схожи. По национальности украинец (как он сам про себя говорит, “чистокровный хохол”), Юра по натуре оказался весельчаком и острословом. В народе у нас таких называют мужиками рисковыми. А он и есть такой. Взял в аренду на пятнадцать лет участок берега в пансионате вместе с яхт-клубом. Открыл множество дополнительных услуг, магазин, вагончики для приезжих, бар, готовится покупать небольшой корабль, чтобы переделать его под прогулочный катер высшего класса. Энергии и фантазии этому человеку не занимать. На фоне спокойной рассудительности, основательности Ахмеда, казалось, трудно найти между ними что-то общее. Но оно есть. Они оба любят делать, нет, не деньги, которые надо не делать – зарабатывать, а дело, именно от этого получая удовлетворение. Деньги же – это заслуженная награда за реализованное дело. Они оба хорошо и уверенно делают бизнес, в этом находя самоутверждение.

Но вот яхта отходит от пирса. Поставлен парус, и я поднимаюсь из каюты к капитану, который сидит у руля на корме и продолжает незло подшучивать над нами. Я сажусь рядом, достаём прохладное пиво, пьём. Я во все глаза смотрю и не могу наглядеться на озеро, или море, как тут его все называют. Голубизна воды, зелень берега, коричневые скалистые склоны непрерывной череды гор и белые, в снегу и облаках, их вершины создают фантастический по своей красоте, незабываемый пейзаж. Противоположного берега не видно, он теряется в лёгкой дымке, и только заснеженные вершины гор, которых опять же нескончаемая гряда тянется, пока может различить взгляд, указывают на далёкое его существование.

Делюсь своим восхищением с Юрой. Охотно согласившись, он запоем начинает рассказывать об озере. Да и кому, как не ему, по всей береговой линии исходившему озеро, рассказывать о нём. Не берусь судить, всё ли в его рассказах достоверно, может, что и приукрасил, приврал для впечатления, добавил художественного вымысла, не знаю. Но слушать его было в удовольствие.

Затем, когда я выходил в озеро на корабле “Меридиан” Главного управления картографии, его капитан подтвердил мне многое, о чём рассказывал Юра, неторопливо отхлёбывая из бутылки чимкентское пиво. И то, что у противоположного берега, южного, глубины почти сразу идут на двадцать метров — горы к озеру подходят вплотную, и даже такого малого пологого склона, как с нашей стороны, там нет. И что вода в озере действительно чистойшая и при удачном попадании солнечных лучей при безветрии можно просматривать дно на очень больших, до двадцати метров, глубинах. И то, что в озеро впадают около трёхсот рек и ни одной не вытекает. Живо и интересно рассказывал о существующих в озере естественных природных течениях, образующихся из-за большого количества на озерном дне разломов, каньонов, перепадов глубин, родников и источников. Здесь, со стороны Челпон-Аты, северного берега, глубины меньше, всего от двадцати до шестидесяти метров. Со стороны же Пржевальска прибор чертит пики, скалы, огромные перепады глубин. И если в среднем глубина держится в той стороне шестьсот метров, то картографы нашли участок в четыреста метров длиной, где глубина достигает 699 метров. Само же озеро расположено на высоте 1707 метров над уровнем моря. В общем, многое из рассказанного мне Юрой затем было подтверждено людьми компетентными, от науки. Но вот чему я никак не мог поверить, что на озере бывает погода, когда воздух достигает такой чистоты и прозрачности, что отлично виден противоположный берег, находящийся от нас в шестидесяти одном километре. Горы другого берега вдвое дальше — в ста двадцати. Но и в этом мне вскоре предстоит удостовериться самому, так меня уверили. А пока лёгкий ветерок, солнце, убелённые вершины гор и невероятного цвета чистойше-голубая вода, лучи солнца в которой, как направленный свет прожектора, уходят куда-то в неведомую глубь ровными полосами в ширину ладони, рождают в душе неописуемый ребячий восторг. Я называю это чувство первобытным, доказывающим теснейшую связь человека с природой. Вернее, что он сам является одной из составных, одной из частиц природы.

Перегнувшись с кормы, я смотрю и смотрю на завораживающе струящуюся воду. Ветер вроде бы чуть тревожит паруса, а кажется, что яхта летит по воде, набирая огромную скорость. Я опускаю руку в забортную воду. Струясь прохладой, она ласкает мою ладонь, пальцы.

Здравствуй, мечта, здравствуй, казавшаяся несбыточной сказка. Я увидел тебя, окунулся в твои чистые воды, и как язычнику, выполнившему заклинание, мне теперь будет чуточку легче и светлее жить. Счастлив ли я от свершившегося? Не знаю. Мне светло и покойно на душе. Как хочется по возможности дольше сохранить в себе это чувство, волнующий трепет в сердце.

Струится мелкими пузырьками вода сквозь пальцы. Голубая вода — белыми пузырьками. И нет сил убрать руку, оторвать взгляд, отвернуть лицо от свежей прохлады, закрыть глаза от ярких солнечных бликов на воде. Нестерпимо хочется нырнуть за борт, вслед за солнечным лучом уйти, погрузиться в голубую глубину, колдовски манящую в себя, зазывающую. Каким спокойствием, умиротворением дышат эти воды, горы и медленно пробирающиеся меж ними облака, цепляясь неровными краями за склоны. Они медленно, брошенными комками плывут своим неведомым путём. И только высоко в белёсом небе вольно и неподвижно лёгкой дымкой раскинулись перистые облака.

Не хочется, но надо возвращаться к пирсу. Ахмед за наше отсутствие всё уладил с жильём и уже колдовал над углями привезённого специально и сожжённого здесь саксаула — дерева с удивительно плотно древесинной, тяжёлого. Мне впервые довелось держать в руках его узловатые, закрученные в канат серо-выбеленные сучья.

Ахмед вырвался из города ненадолго, торопился назад, но приготовление настоящего шашлыка из свежезабитого барашка перепоручить никому не захотел. Я от многих его друзей слышал, что в этом деле он непревзойдённый спец, и Ахмед это хотел доказать на деле.

Пока готовится ужин, нечаянно, исподволь в нашей беседе опять всплывает проклятый национальный вопрос. Юра храбрится, говорит, что его он мало волнует. Но затем уходит от стола под старыми плакучими ивами и возвращается, держа в руках пистолет, импортные наручники и на поводке — здоровенного лохматого чёрного пса.

— Это мои сдерживающие факторы. Конечно, национальные проблемы есть, но, я думаю, они разрешимы. Их необходимо решить, потому что и я,

и каждый другой будем защищать свои семьи до последнего. Мать жены родилась в Казахстане, с двадцати лет живём во Фрунзе. Её родители, поляк и украинка, переехали в Казахстан в незапамятные времена. Куда нам отсюда ехать, кто и где нас ждёт? А разговоры, что ты живёшь на нашей земле, тут мы хозяева, а ты должен на нас работать, были. Но, думаю, всё перемелется. Иначе...

Юра ушёл отнести пистолет и наручники, привязать пса, а за столом воцарилось на какое-то время тягостное молчание.

Вскоре Ахмед уехал. Затухли угли костра, убрали со стола. Капитан, отныне я только так буду называть Юру, ушёл к себе в вагончик в хорошем настроении и с обещанием в скором времени опять выйти на яхте в море. Жена ушла укладывать спать дочерей, порядком утомившихся дальней дорогой. Когда отправлялся сюда, многие сомнения одолевали... Как они доедут, как перенесут долгий перелёт и ещё более долгий путь на машине... Но волнения позади, дети успели искупаться, позагорать и остались довольны. Они везде как дома, и попробуй им объяснить, что мы почти за границей, а дядя Ахмед, капитан, их дети – сплошь иностранцы.

Я один. Смотрю на постепенно темнеющие горы. Ещё немного, и солнце провалится за вершины. В горах, по распадкам и ущельям заляжет непроглядная густая тень. Но вершины ещё горят в ореоле розового заката, который долго будет высвечивать их на фоне померкшего низкого серого неба. И когда звёзды усыпят его, “ковш” Медведицы окажется так низко над горами, что, кажется, заберись на них, протяни руку и достанешь его. Далёкий закат ещё долго будет напоминать о себе пробивающимся над горами бледным оранжевым светом.

5

Уезжая, Ахмед пожелал мне приятного отдыха и хорошей работы. И мне, действительно, становится неловко от собственного безделья, и я в перерывах между чтением книги “Великое в малом. Записки православного” Сергея Нилуса после нескольких дней отдыха начинаю набрасывать зарисовки, заметки об озере. Но невольно сбиваюсь на иную тему, пока не понимаю, что без решения этой другой темы не обойтись, от неё не спрятаться, подобно страусу, зарыв голову в песок.

Я пытаюсь писать об озере, находящемся где, в какой стране? Да и сам я где сейчас нахожусь – дома, в собственной стране? И все эти дорогие моему сердцу люди – кто? Мои сограждане? И не случится ли, что в одно время всех их я могу потерять? (Пока писались эти заметки, Грузия закрыла границу Абхазии и начала там кровопролитие.) И вообще, все мои воспоминания, что вот уж сколько времени бередят душу, – это дань “имперскому мышлению”? Чувств несусветная! Глупость! Да, никто не может народу приказать жить так, как он того не желает. Но почему нам нельзя жить, как и прежде, вместе, не убивая и не ненавидя друг друга? Да мы, собственно, и живём все вместе, так и не уразумев, что всех нас уже поделили, разъединили, прикрепили. Словом, распорядились нашей судьбой по своему усмотрению. На фоне этих мыслей как-то уж совсем некстати вспомнился мне октябрь 1990 года. По-особому уютный, усыпанный багряной и жёлтой листвой осенний Самарканд.

В небольшой уютной чайхане было в мерулюдно. Мы с моим собеседником, руководителем крупной строительной организации, с удовольствием пили ароматный чай, наслаждаясь особым осенним покоем, умиротворением в природе, и вспоминали вчерашнюю поездку к Регистану, синеву и округлость куполов, высоту и неприступность стен. В это время, слегка погромыхивая, прокатилась арба, которую вёз трусивший по краю дороги ослик. На спине ослика восседал маленький, толстенький до округлости мужичок в тубетейке и разноцветном полосатом халате, подпоясанном платком. Было такое впечатление, что и торба с осликом, и мужичок в халате только что сошли с иллюстрации к какой-нибудь древней восточной сказке. Я поделился впечатлением со своим собеседником. На что тот заметил:

– Если разделится Союз, то не знаю, как Россия, а уж Узбекистан с голуду не помрёт.

– Почему?

— У нас сильны традиции в сельском хозяйстве. Земля не брошена. Вековые традиции и быта, и труда сохранены, хотя не дай Аллах этому случиться. Кому нужен развал страны — понять не могу. Рушатся все хозяйственные связи, несём огромные убытки. Начались перебои с горючим, лесом. Травят народы друг против друга. Почитаешь газеты — все друг с другом воюют, ненавидят. А приедешь на место, люди, как и прежде, доброжелательны, трудятся, и нет им дела до политической суеты, некогда... Делят власть два десятка политиков, а пресса раздувает, будто народы в революцию кинулись, стравливает их друг с другом.

— Думаете, развалится Союз?

— Нет. Что же, все мы самоубийцы? Как бы ни было плохо, по отдельности будет ещё хуже. У нас в Узбекистане семья, род всегда ценились своей крепостью, сплочённостью. Если в семье разлад — плохая семья, погибнет, обнищает, по миру пойдёт. Крепкая семья — это всему роду поддержка. Свадьбы, похороны — всё вместе. Так и в стране. Разбежимся, плохо будет. Сам себе плохого кто хочет?

Мне тогда от этих слов стало спокойней на душе. А меньше чем через год Узбекистан провозгласил себя суверенным государством.

6

Меня предупредили, что на Иссык-куле погода переменчива, но чтобы настолько... Мы ещё лежим на пляже и солнце, будто раскалённым утюгом прижигает наши плечи и спины, а из-за гор уже зловеще, без всяких ветреных и иных предупреждений наползает чёрная туча. Она клубится. Перевалила через горы, вмиг почерневшие, потерявшие рельефность и лишь вычерчивающие контуры вершинами и перевалами, в небе начинает предупреждающе долго и раскатисто гроыхать. И вот уже нет солнца, сумерки накрыли Иссык-куль. Но дождь не начинался ещё долго, и мы успели собраться и укрыться под крышею.

Гладь озера спокойна, только потеряла цвет, а там, куда ещё доставали лучи солнца в просветах тучи, поменяла его на бледно-зелёный.

Дождь прошёл скоро, без ветра и оказался довольно мелким, невзрачным. Но тучи ещё какое-то время висели над озером, нехотя уползали за хребты гор. И тогда я увидел очередное чудо Иссык-куля. В очищенный просвет неба у противоположного от нас берега хлынуло солнце, осветив небольшой участок дальних гор так выпукло, так контрастно, а чистейший воздух, словно гигантское увеличительное стекло, так приблизил их, вечно далёкие, неясные, едва виднеющиеся за лёгкой дымкой, что мы, наблюдавшие всё это с балкона коттеджа, ахнув, впились глазами в открывшееся нам волшебство, не смея громко произнести слова, будто боясь испугать видение.

Горы от сверкавших седых вершин до хребтов, отрогов, предгорий, перемежая цвета от зелёного до буро-коричневого, сами излучали лёгкий, трепетный свет. Они сияли своим особым, пронзительным сиянием, высвечивая каждый выступ, холмик, ущелье, кусок торчащей, остро отточенной ветрами и непогодой скалы. Совершенно лишённые растительности — ни кустика, ни деревца, только зелёный бархат травы, покрывшей отроги и кое-где поднимающейся к перевалам, — они тем не менее были прекрасными, живыми и какими-то очень добрыми. Горы — и добрые. Но, как ни странно, именно такая ассоциация пришла в голову троим из четверых. И не я первым произнёс её вслух.

Так вот из чего состоит это чудо под названием Иссык-куль! Вечное чудо на вечной земле Киргизии.

Я хватаю фотокамеру и жадно, кадр за кадром, снимаю озеро и горы. Особенно горы. Но чувствую, что ничего не получается, что-то неуловимое, главное ускользает из кадра. Солнце, поминутно изменяя их очертания, играет горами, словно каждые десять минут перерисовывая их заново, создавая всё новые и новые, неповторимые по своей красоте и объёмности пейзажи. Новые мазки к пейзажам добавляют проплывающие облака и их тени на склонах. Временами облака густеют, закрывают плотным белым туманом вершины гор, словно ровно обрезая их сверху. Горы от этого темнеют, становятся низкими и ровными, непривлекательными.

Торопясь, мы опять выходим на берег, берём у капитана лодку и уплываем на ней далеко в озеро так, что прибрежный песок виднеется малой, чуть заметной полоской. С кормы бросаюсь в голубую воду, манящую солнцем и прохладой.

Вода брызжет, вскипает в глубине мелкими пузырьками, устремляющимися к поверхности. Выныриваю, оборачиваюсь и вижу склонённые над бортом лодки сияющие, восторженные личики дочерей. Опять разворачиваюсь и уже не останавливаясь плыву как можно дальше.

Лодка осталась далеко позади, вокруг водный простор, вольный, безбрежный. Мне хочется кричать от восторга, бить руками по воде и плыть, плыть, плыть, пока хватает сил, пока чистейшая голубая вода, накатываясь встречной волной, упруго ударяет в плечи, скатывается по спине.

С лодки начинают кричать, смеяться, звать назад. Слышу беспокойные голоса дочерей. Они немного напуганы, и я возвращаюсь. Уцепившись за борт, обхватываю младшую и окунаю её в воду. Проситесь в воду и старшая, но напуганная жена не разрешает. Пора возвращаться...

Плеща водой, залезаю в лодку. Солнце близко к тому, чтобы провалиться за горы. Лёгким ознобным холодком начинает веять с востока, и, чтобы согреться, я с усилием начинаю грести к далёкому берегу. В лодке же возбуждённый гомон незаметно стихает, уступая место молчаливому, завораживающему созерцанию чуда.

За время пребывания на Иссык-куле я много раз наблюдал закат. Я видел его с палубы большого корабля, с борта яхты, с берега далеко от воды. И всегда он был по-своему замечателен и неповторим. Когда погода пасмурна и множество облаков виснет на вершинах гор, забивается в ущелья, прилепляется к покатым, пологим склонам, — закат просвечивает слабым бледно-оранжевым сиянием, пробиваясь у самой вершины, размывая её, очерчивая, как бы слегка набрасывая очертания будущего пейзажа. В эту пору он кроток и невзрачен.

Если облачность не столь густа, а у противоположного дальнего берега и совсем редка (это почему-то закономерно здесь), то закат, кроме долгого и контрастного вырисовывания ближних вершин, густым красным светом заливае склоны далёких гор. Белоснежные до нереальности вершины легко, невесомо парят в воздухе, почти потерявшись в облаках. Пытливый взгляд находит их по единственному отличию — первородному белому сиянию. Наверное, такого цвета были одежды на Спасителе нашем, впервые после воскресения явившемся пред своими учениками. Сами же склоны чудесной картинкой сияют над потемневшим уже озером, нежными полутонами переходя из зелёного цвета в коричневый, красный, жёлтый...

Но когда воздух прозрачен, как сейчас, а гладь озера безмятежно покойна, закат долго горит, медленно и нехотя угасая вольным оранжевым с желтизной сиянием, черня ближайшие горы и высвечивая вершины. Нежность и лёгкость красок неземная, никогда ранее нами не виданная. Свет ровным, лишь у самых вершин густеющим сиянием, будто ореолом, горит, не уходя и не угасая в вышине, а как бы остановившись и ровно застыв на неведомой нам грани. От бледно-бледно-жёлтого, почти белого с добавлением синевы он плавно переходит, светлея, в легко-розовый с белизной и голубизной, а затем в синий-синий, который, всё густея почти до черноты, разливается по небу.

Мы причалили к берегу. Я втащил на песок лодку, отнёс вёсла. Уходя от озера, как с добрым знакомым, попрощался с ним до завтра.

7

На рынок в город Чолпон-Ата мы опоздали. Пока проехали по центральной улице в его поисках, любясь местным захолустьем, впрочем, не без претенциозного провинциального изыска, пока, по подсказке, за кинотеатром в котловане нашли торговые ряды, то, кроме пыли от подметаемого асфальта да бабки, торгующей яблоками невообразимой кислоты, больше ничего не увидели и не нашли. Пришлось несолоно хлебавши возвращаться назад. Встреча с местными ягодами и фруктами откладывалась, впрочем, очень ненадолго. В первом же посёлке по дороге нам предложили такое изобилие чёрной смородины, вишни, малины, яблок и абрикосов, к тому же по таким фантастически

низким ценам, что перед нами встала другая проблема: у кого купить, да так, чтобы остальных не обидеть.

Возвращаемся в пансионат. Вечер тёплый, уходить с улицы не хочется. Прогуливаемся вдоль большого фруктового сада, огороженного больше символически реденьким и низеньким заборчиком. Решаем познакомиться с хозяином и договориться о покупке абрикосов перед отъездом.

Несколько человек собирают жёлто-красные плоды, срывая их с отяжелевших, прогнувшихся до самой земли веток.

– Хороший урожай в этом году?

– Ничего, ничего, – серьёзно отвечает пожилой киргиз, не прекращая работы.

– Не продадите ведёрко?

– Пожалуйста, – с удовольствием отвечает он и, оставив работу, подходит к нам, – проходите, кушайте, набирайте, каких вам надо.

Мимо посадок картофеля и моркови в междурядьях спускаемся вместе с хозяином в ложбинку. Поломанные от тяжести плодов абрикосовые деревья, раскинув ещё зеленеющие ветки, лежат в низкой, недавно скошенной траве.

Знакомимся. Кудыралиев Кубанычбек, житель соседнего села Кара-Ой, арендатор. Весь огромный сад обрабатывают только члены семьи. Здесь же огород, пасутся коровы. Не вся территория сада обрабатывается, а только та, куда самотёком попадает вода с гор. Можно было бы сад рассадить и больше, насос для подачи воды из озера есть, но слишком дорога солярка и некуда девать урожай. Раньше забирал совхоз, отправлял по всему Союзу. Теперь всё нарушено. Если куда-то везти, выходит очень дорого. Да ещё и из республики вывезти проблема. Что будет дальше, Кубанычбек не знает, но сад не бросает, поддерживает его и мечтает дожить до лучших времён. Он помогает нам набрать абрикосов в ведро. Оно большое, десятилитровое. Изумительной красоты и свежести плоды, наваленные высокой горкой, уже не держатся, скатываются на землю. Мы уговариваем хозяина, что нам хватит, больше не надо, а он всё срывает и срывает абрикосы, укладывает их в наш целлофановый пакет, одновременно уговаривая моих дочерей: “Кушайте, пожалуйста, абрикосы”.

Фотографируемся на память. Сквозь объектив разглядываю загорелое, в частых крупных морщинах лицо, в этот момент чересчур напряжённое, торжественное. Прошу Кубанычбека снять кепку (она отбрасывает тень на глаза) и тут же об этом жалею – так виновато, суетливо он сдёрнул кепку с лысеющей головы.

Расплачиваемся, уговаривая хозяина взять к положенным ста рублям ещё хоть сколько-то, хоть пятнадцать рублей. Совестно брать почти бесплатно фрукты, выращенные с таким трудом.

Мы уже уходим из сада, поднимаясь на взгорок, а Кубанычбек всё протягивает в нашу сторону руки. В его грубых – сплошная мозоль – ладонях лежат горкой нежные, прохладные жёлто-розовые плоды. “Девочки, доченьки, покушайте абрикосов...”. Я понимаю, это для него почему-то важно, и посылаю младшую взять абрикосы, взять плоды из взрастивших их рук.

Возвращаемся в коттедж и аккуратно, один к одному, раскладываем абрикосы на широком подоконнике. Комната наполняется неповторимым горьковато-сладким ароматом, приобретает весёлость от яркости плодов. Теперь я буду засыпать под дурманящий запах спелых абрикосов.

– Сезон, – объясняют мне знающие люди, заранее приехавшие сюда с ящиками и полиэтиленовыми ведрами.

А я вспоминаю другой сезон – конец ноября и начало декабря 1990 года в Абхазии. Сезон сбора мандаринов. Вспоминаю вечнозелёные мандариновые сады, чьи невысокие округлые кроны, словно ослепительно-жёлтыми фонариками, увешаны созревшими плодами. Яркое солнце, цветение роз, на оголённых прутиках ветвей – бурые спелые шары хурмы, ласковое, тихое, хоть и холодное, Чёрное море. Все заботы, бесконечные разговоры, беспокойство, суета были связаны со сбором и реализацией мандаринов. Новоафонский переговорный пункт не знал покоя ни днём, ни ночью. Вёдрами и на развес, пакетами и поштучно мандарины продавали в кафе, на рынке, на остановке, пытались всучить разомлевшим от жары туристам у входа в знаменитые Новоафонские пещеры и по дороге в Новоафонский монастырь – одну из бывших твердынь Русского Православия.

Я понимал: замкнулся ещё один из вечных кругов забот земледельца, труженика — урожай. По-хозяйски им распорядиться, получить максимальную выгоду от плодов труда своего — что же здесь зазорного? Но даже эти извечные заботы не могли отвлечь людей от жизни политической. Пугала нестабильность. В ответ на приказ главы Грузинской Церкви о занесении в специальную книгу для вечного проклятия всякого, кто убьёт грузина, как бы сам он в этом ни был повинен, даже если его убили, обороняясь от него же, матери абхазки в газете “Абхазия” напечатали ответное открытое письмо, где спрашивали: “Значит, безнаказанно можно убивать только абхазцев? Где же ваше христианское человеколюбие? Где заповедь?” Вскоре недалеко от Нового Афона, около Гудауты, толпа остановила машины сопровождения главы Церкви, где оказались вооружённые автоматами люди. И опять по абхазскому телевидению зазвучали вопросы — зачем главе нужны вооружённые бандиты, присутствие которых там был вынужден засвидетельствовать даже министр внутренних дел Грузии? На всё это грузинская сторона отвечала высокомерно и несуразно. Наблюдать же националистическую истерию самого грузинского телевидения становилось невыносимо жутко.

Но наблюдал я за всем этим несколько отстранённо. До меня не доходило, что это происходит всего в нескольких километрах от того места, где я тогда находился.

В начале декабря сессия грузинского парламента принимает решение по Южной Осетии — о начале геноцида целого народа. Единственным, кто выступил с предложением ещё раз всё обдумать, был русский генерал. Его не слушали. Так на моих глазах было положено начало гражданской войны в Грузии, и очень мало оставалось времени до провозглашения государственного суверенитета.

Всё это я увидел по грузинскому телевидению в Гагре. Слепой Гиви, в отличие от зрячих грузинских политиков, прекрасно понимавший, что это начало войны, заметался по комнате в поисках припрятанной на чёрный день порции “плана”, от употребления которого вот уже который год как отрёкся.

— Ну, почему молчит Россия? Топливо, лес, продовольствие, машины — всё ввозят из России. И вас же как только не называют. А вы молчите. Разваливают страну, унижают малые народы и тут же говорят о правах человека.

Гиви метался по комнате, говорил много злого и для меня, русского, обидного, но что я мог возразить? Тогда я впервые подумал о стране, которую мы теряем, бросая в кровь братоубийственной войны.

Ещё не было войны в Таджикистане, лишь тлел конфликт Приднестровья, старики и дети Цхинвали были живы, Карабах не перекинулся, подобно лесному пожару, на всю границу между республиками, дома в самой Гагре были целы и не разграблены, до этого оставалось полтора года. Может, предчувствуя это, Гиви и схватился, как за палочку-выручалочку, за припрятанную порцию наркотика. Тогда я осудил его за малодушие. Теперь... я не знаю, как бы поступил сам... Не знаю.

За окном непрерывно шёл мелкий нудный дождь. Зрелые мандарины тяжело и лениво шевелились от порывов ветра, чуть не касаясь стёкол окна, поблескивая каплями влаги на пористых оранжевых боках. Прибывший к дому щенок, поскуливая, сжался комочком под навесом. Это тоже абхазская зима. Но завтра выглянет солнце, всё подсушит, обогреет. Завтра мы с Гиви, взяв в руки садовые ножницы, начнём сбор мандаринов. Но что-то в этот вечер невозвратно изменилось.

Уезжая из Абхазии, около Леселидзе, на границе с Краснодарским краем, я проехал выстроенный Грузией мощный таможенный пункт. Гиви сказал, что Абхазия его перенесёт отсюда на границу с самой Грузией, а не с Россией. Я почему-то поверил.

Таким сезон сбора урожая был в 1990 году. Сейчас, в августе 1992-го, в Киргизии он радостный и спокойный. Дай Бог, чтобы он таким был всегда. Дай Бог мирного неба и хорошего урожая тебе, Иссык-куль.

Послесловие

Так чего же мы лишаемся, какую страну теряем, думал я долгой обратной дорогой до Бишкека. Куда приведёт нас очередной изгиб гигантской воронки, и кто наблюдает за этими изгибами, за нашим путём? Ведь не в хаосе

и случайности мы появились на свет, живём в нём и умираем каждый в свой срок. А как мне отказаться от памяти, от пережитого в Латвии, Грузии, Абхазии, Узбекистане, Казахстане, Киргизии?.. Какими доводами и разговорами о благе оправдать пролитую человеческую кровь, страдания детей и стариков? Как выбросить всё это из памяти, отречься? Тут я опять вспомнил иверских монашек. Не их ли молитвами и ещё подобных им мы не теряем что-то очень важное в жизни? Не их ли молитвы сдерживают нас от страшных, до конца не обдуманых шагов, перекраивающих всю нашу жизнь?

Машина несётся по ночному шоссе. Свет фар опять выхватывает из темноты изгиб реки, ветхую постройку, гранатами сверкают спелые вишни.

Мы опять закуриваем, уже сбившись, какая сигарета по счёту. Почти не разговариваем. И я опять, в который уже раз, задаю вопрос: “В чём спасение? Неужели страну, которую мы сейчас теряем (я говорю не о территории, а о стране людей), так и потеряем безвозвратно?.. Безысходность? Кому это нужно и почему нас всех так хотят поссорить?”

Я утомлённо закрываю глаза. Заснуть. Как хочется заснуть. Ахмед предупредительно выключает магнитофон. В наступившей тишине я вдруг слышу голос, коверкающий акцентом русские слова: “Девочки, доченьки, ну кушайте, пожалуйста, абрикосы... Пожалуйста, кушайте...”. Я вижу протянутые руки старого киргиза и в них горку спелых, душистых, немного шершавых жёлтых плодов. Вижу улыбающееся старое обветренное и морщинистое лицо, подёрнутое тенью от кепки, и, проклиная себя за слабость, сглатываю подступивший к горлу ком.

Август 1992
Озеро Иссык-куль–Бишкек–
Алма-Ата–Нижний Новгород

ВИТАЛИЙ ДАРЕНСКИЙ

доктор философских наук, профессор

ЧЕТВЁРТАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА — ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ

Освобождение Украины от марионеточного неонацистского режима на самом деле не сводится исключительно к военным действиям. Это мощное поворотное событие в истории самой России, означающее её окончательное возвращение в статус великой державы и запускающее процесс внутренних преобразований, в результате которых очень скоро мы увидим уже совсем другую страну — полностью самодостаточную и независимую от Запада.

Экономические санкции Запада столь же необходимы для создания суверенитета российской цивилизации, как и отодвигание фактических границ НАТО от Белгорода до Карпат, которое достигается только военной операцией, поскольку Запад уже не оставил России другого выбора. Наша страна оказалась в отчаянном положении — в стратегическом отношении полностью аналогичном тому, когда враг в декабре 1941 года стоял под Москвой. Западная граница Российской Федерации фактически стоит на рубежах Руси времён Ивана III, а в условиях современной войны это означает почти беззащитность Москвы даже и без применения ядерного оружия. В этой ситуации каждый километр отодвигания на запад территории, фактически контролируемой НАТО, чрезвычайно важен.

Если в военном отношении операция на Украине имеет то же значение, как и контрнаступление под Москвой в 1941 году, то не менее важна она и на других фронтах — экономическом, идеологическом и национальном. Никак иначе невозможно было заставить российскую экономическую элиту стать элитой национальной и прекратить вывод капиталов за рубеж. Теперь это делает сам Запад даже и без участия нашего государства. И никак иначе невозможно было завершить процессы импортозамещения в важнейших отраслях, но санкции заставят сделать это. Президент России и его команда нашли гениальный способ завершить суверенизацию России руками самого Запада, который именно этой суверенизации больше всего боится. Заставить врага воевать против самого себя — высшее достижение стратегии. Главный проигрыш Запада от санкций, которые он вводит против России, измеряется не в долларах и евро, а в намного более ценной субстанции — в потере им политических и экономических рычагов давления на Россию.

Исходя из этого, операция на Украине имеет характер *отечественной войны* — пусть и далёкой по масштабам (к счастью) от тех отечественных войн,

которые приходилось России вести ранее, — однако стратегический и исторический её смысл именно такой. Этот факт следует положить в основу публичного дискурса о современных событиях. Как и следовало ожидать, ныне публичное пространство заполнено потоками русофобской лжи и мерзости, которым противостоит только официальная позиция России. В публичном пространстве до сих пор не выработан алгоритм уничтожения русофобской лжи. Легко уничтожать ложь в конкретных ситуациях, но этого ещё недостаточно — нужно уничтожить само её основание. Подобно тому, как перед атакой наземных войск ракетные войска и авиация уничтожили военные базы и инфраструктуру, точно так же нужно было и в публичной сфере сразу уничтожить аргументы так называемых “антивоенных акций”. Самый простой и эффективный аргумент против них такой: “Россия ведёт войну за само своё существование — войну отечественную. Поэтому все, кто выступает против этой войны, выступает против России, является её врагом и предателем”. Что было бы с теми, кто вышел бы с лозунгами “Нет войне!” во время Великой Отечественной войны? Вопрос риторический.

Аргумент второй. На Украине Россия не ведёт войну против этой страны, а проводит освободительную операцию — подобно тому, как в 1945 году русская армия брала Берлин не для того, чтобы захватить Германию, а для того чтобы уничтожить нацизм. С этой же целью российская армия берёт Киев в году 2022-м. К сожалению, в данный момент не только среди явных русофобов, но и среди некоторых “патриотов” есть очень наивные люди, которые тоже требуют “как можно быстрее начать переговоры”, “чтобы не проливалась кровь”. Этим инфантилам следует настоятельно объяснять, что для того, чтобы больше действительно никогда не проливалась кровь, нужно взять Киев и заставить нацистов капитулировать. А если этого не сделать, то не только зря погибнут те, кто сейчас героически воюет, но и потом война неизбежно возобновится, и крови прольётся намного больше. “Блаженны миротворцы”, но миротворцы — это те, кто уничтожает сам источник войны, а не те, кто предательски плюёт им в спину. Миротворцы — это те, кто штурмует Киев, а не лицемерные тыловые крысы, блеющие “Нет войне”. Когда в 2014 году Украина уничтожала Донбасс, они были на её стороне.

Это касается третьего, национального аспекта войны. Отечественные войны России приводили к огромному подъёму национального самосознания и консолидации народа. Точно так же будет и в этот раз, даже несмотря на намного более скромные масштабы происходящего. Но и их оказалось вполне достаточно для того, чтобы разворошить русофобский гадюшник и максимально высветить врагов России внутри страны. Естественно, что не будет по отношению к ним никаких “репрессий”, но клеймо *пораженцев* они поставили на себя навсегда, и его никогда не забудут. Это огромный шаг к очищению российского культурного, информационного и образовательного пространства от явных и скрытых врагов России. Однако в этом вопросе нам нельзя надеяться только лишь на государство, но следует активно проявить гражданскую инициативу — создать общественные организации, которые бы зафиксировали всех, кто идеологически поддерживал врага и плевал в спину русской армии во время новой отечественной войны. Нельзя допустить, чтобы эти люди и в дальнейшем “промывали мозги” народу, занимая почти всё информационное и культурное пространство России.

Происходящие события консолидируют народ не только внутри самой России, проведя чёткий водораздел между подлинными патриотами Отечества и “нерусью окаянной” (независимо от их национальности). Такой раздел уже происходил в 2014 году, но сейчас он стал ещё более чётким и глубоким. Консолидация теперь вышла за рамки России и фактически разделила весь глобальный мир на наших друзей и врагов. Даже на Западе оказалось много адекватных людей, которые понимают причины действий России. Но за пределами коллективного Запада — почти весь мир фактически сейчас на стороне России, поскольку она борется за общее дело разрушения мировой диктатуры Запада и построение справедливого мироустройства.

Для православных людей эта четвёртая отечественная война имеет вполне определённый религиозный и даже эсхатологический смысл. Как бы ни относиться лично к В. В. Путину, но объективно, то есть в соответствии с православным пониманием истории, Россия В. В. Путина в данный момент ведёт войну против апостасийной цивилизации антихриста, защищая само

существование Катехона — “удерживающего”, каковым в настоящий момент является Россия. И каким бы далёким от Церкви ни было большинство народа в современной России, но совершенно очевидно, что Россия как государство в настоящий момент осталась последней защитой Православия в современном мире. Без России весь остальной православный мир беззащитен и обречён на быструю гибель, которая уже и началась в виде Константинопольского раскола. Нынешняя операция имеет и прямой смысл *русской реконкисты* — спасения Киевской митрополии от затягивания её в раскол и отпадения от Православия.

В своё время статья Владимира Путина “Об историческом единстве русских и украинцев” появилась неожиданно и сразу же заставила многих теряться в догадках — какие именно будущие стратегические проекты и решения во внешней и внутренней политике она предвещает? В свете происходящих событий это стало понятным. Стоит напомнить, что тезис о том, что “русские и украинцы — это один народ” на официальном уровне не звучал уже более 100 лет. До событий 1917 года в русской и мировой классической науке (историографии, этнографии, лингвистике и т. д.) было аксиоматическим положение о том, что русский народ состоит из трёх этнических групп — великороссов, малороссов и белорусов. Отличия между ними — этнические, а не национальные. Именно по научным, а не каким-то идеологическим критериям. Идеология пришла уже в XX веке и заслонила собой научный подход к этой теме. Большевики создали идеологию “трёх братских народов”, а украинские националисты (“мазепинцы”, как их называли сто лет назад) внушали своим адептам, что это не только не “братские”, а изначально враждебные народы. Но в обоих этих случаях произошёл отход от многовекового сознания единства русского народа.

Для сравнения также стоит напомнить, что 100 лет назад на землях основных европейских стран проживали народы, почти не понимавшие языка друг друга, но благодаря очень жёсткой ассимиляторской политике теперь мы имеем практически однородные в языковом отношении массивы немцев, французов, британцев, итальянцев и т. д. Но 100 лет назад языки баварцев и саксонцев различались между собой намного больше, чем малороссийский и великороссийский диалекты русского языка, а, например, большая часть жителей Италии тогда вообще не понимала итальянского литературного языка и т. д. Тем самым процессы в Европе и в России в XX веке текли в противоположных направлениях — унификация в Европе и искусственный этнический раскол в России, в результате которого были сконструированы “украинцы” и “белорусы”, а русскими стали считаться только великороссы. Но по европейским стандартам “украинцы” и “белорусы” — это нонсенс.

В настоящий момент на Украине начался социальный хаос, бегство “элиты” и реальное безвластие. “Упоротые” националисты опираются на определённую часть населения, которая хотя и является меньшинством в стране, однако весьма активна, агрессивна и консолидирована. Кроме того, многие из них имеют опыт карательных операций на Донбассе. В этой ситуации после переучреждения нового государства на территории Украины будет необходима специальная политика денацификации страны, которая должна проводиться на уровне государственной программы.

В истории имеется ценный прецедент проведения денацификации в послевоенной Германии. В восточной её части, находившейся под контролем СССР, она проходила в более жёсткой форме, чем в западной, которая позже стала называться ФРГ. Однако в обоих случаях этот процесс был достаточно безболезненным и не сопровождался массовыми репрессиями. Наказания нацистских преступников имели “точечный” характер лишь на основании судебных расследований, а основная масса населения при этом никак не была затронута, хотя формально можно было считать, что с нацистским режимом сотрудничали все без исключения. Благодаря такой аккуратной политике процесс денацификации был осуществлён быстро и эффективно. Важную роль в нём сыграло и новое законодательство, запрещавшее нацистские организации и пропаганду их идеологии. То же самое необходимо будет сделать на Украине с учётом того, что многие из укронацистов попытаются замаскироваться под весьма нейтральными политическими “вывесками”.

Второй аспект состоял в работе с массовым сознанием, которое перед этим много лет подвергалось массивной нацистской пропаганде. Весьма

похожая ситуация в настоящее время имеет место и на Украине, где уже de facto официальной является бандеровская идеология, которая в 1940-х годах фактически была разновидностью нацизма и гитлеризма. Тем самым на Украине придётся повторить тот же самый путь культурной денацификации, который в своё время прошла Германия. Тот немецкий опыт нужно будет использовать и в сфере антинацистского законодательства, и в сфере культурной политики, в первую очередь, в сфере перестройки образования. В политической и административной сферах совершенно необходимой будет люстрация кадров — запрет на эти виды деятельности тем лицам, которые работали на ответственных должностях в административной сфере и в политике после 2014 года либо были активными пропагандистами. Без проведения денацификации Украина будет всегда оставаться в состоянии латентной гражданской войны и политического хаоса.

После завершения операции по демилитаризации и денацификации Украины перед Россией встанет весьма сложная задача обустройства этой территории. Хотя президент России В. В. Путин ранее неоднократно напоминал, что агрессия Украины против Республик Донбасса приведёт к ликвидации украинской государственности, однако это не означает, что это произойдёт одномоментно. Операция по демилитаризации и денацификации Украины ликвидирует нацистский марионеточный режим на её территории, но до полной реинтеграции этих территорий в состав единого Российского государства ещё должен пройти определённый переходный период, на протяжении которого Украина будет восстанавливаться как дружественное России государство, а политической интеграции будет предшествовать интеграция экономическая. Но для этого должна произойти полная смена политической и экономической элиты на украинской территории.

Государство “Украина” представляло собой весьма специфическое явление даже на фоне остальных современных failed state — “несостоявшихся государств”, которые не в состоянии поддерживать своё существование в качестве жизнеспособной политической и экономической единицы. Эта специфика состоит в том, что нынешняя Украина как государство, с одной стороны, было изначально нежизнеспособна и обречена на вымирание и распад, но с другой — активно использовалась для нанесения максимального вреда России как главному геополитическому конкуренту Запада. Смысл создания Украины как государства для Запада изначально состоял именно в этом, включать Украину в “европейское сообщество” и тем более в “золотой миллиард” изначально никто не собирался. Тем самым Украина изначально была для Запада своего рода “инструментом одноразового применения” по принципу — “использовал и выбросил”. И это естественно, поскольку Украина как инструмент геополитической войны Запада против России сама является частью исторической России. Тем самым её кураторы из Вашингтона рассчитывали достичь одновременно сразу двух целей: с одной стороны, сначала создать для России разнообразные проблемы с помощью этого враждебного ей государства, а с другой — параллельно привести к ничтожеству само это государство, чтобы его территория в будущем не стала для России фактором её усиления. Запад понимает, что Украину рано или поздно придётся вернуть в качестве исконной русской территории, но он рассчитывает вернуть России территорию Украины только как пустыню, а не как развитый регион. Происходящие ныне события перечёркивают этот гнусный план, который был бы наилучшим и для России, и для Украины.

Естественно, что такая стратегия не может быть озвучена ни в каких официальных документах, однако она легко просчитывается аналитически, исходя из общих процессов, происходящих на Украине после 1991 года. Если бы Запад действительно хотел включить Украину в своё цивилизационное сообщество (в “Европу”, как это называют на Украине), то его политика по отношению к ней была бы примерно такая же, как к Польше, — она включала бы в себя реальные инвестиции на сотни миллиардов долларов, включение Украины в европейские структуры, НАТО и т. д. Но ничего подобного с самого начала Запад делать не собирался, а от самой Украины ничего не зависело. Внутренние инвестиционные возможности страны мизерны и в основном принадлежали местным олигархам, а к настоящему времени уже практически исчерпаны. Западные инвестиции в основном шли в банковскую сферу — то есть в реальности были не инвестициями, а как раз наоборот — каналами

выкачивания из страны основной части прибылей. В этой ситуации Украина уже обречена была всегда оставаться бедной страной “третьего мира” с полнотью коррумпированной государственной системой.

В таком состоянии страна могла существовать достаточно долго, но её неизбежный крах приблизили два новых фактора: 1) старение и вымирание населения и бегство из страны самой трудоспособной его части, что привело к катастрофической депопуляции, ещё большему обнищанию и уничтожению экономики; 2) два государственных переворота в виде так называемых “майданов”, которые уничтожили остатки государственного суверенитета и привели к власти в стране полностью управляемую извне колониальную администрацию и установили авторитарный режим, уничтожив всякую возможность мирной смены власти и возрождения страны.

Единственным условием выживания и возрождения народа, живущего на территории современной Украины, является переустройство государства. Сохранение того государства, которое существует на данной территории в настоящее время, неизбежно привело бы к почти полной депопуляции этой территории и как следствие – раздел её на зоны ответственности между сопредельными государствами. Учитывая темпы депопуляции, это может произойти в ближайшие 20–25 лет. Единственной возможностью избежать такого развития событий является не просто смена правящего режима, а полное переустройство государства на этой территории. Новое государство может иметь иное название, но суть дела не в этом, а в том, что в его основу должен быть положен новый реальный общественный договор между народом и новой властью, основанный на интересах народа, проживающего на данной территории. Если же такая власть, основанная на новом договоре, не возникнет, то переустройство государства не произойдёт. А это, в свою очередь, будет означать только одно: дальнейший безальтернативный путь вымирания и бегства народа и будущий неизбежный крах.

Государство, возникшее на территории нынешней Украины в 1991 году, изначально не было самостоятельным политическим субъектом и пыталось выстраивать свою политику, ориентируясь на своих западных покровителей. С другой стороны, ему приходилось поддерживать нормальные отношения с Россией, от которой Украина была и остаётся экономически зависимой по объективным причинам. В таком положении Украина некоторое время даже имела возможность небольшого экономического роста в начале 2000-х годов, но этот процесс был насильственно прерван первым “майданом” 2004 года. Как известно, Украина является единственной из всех стран “бывшего СССР”, которая так и не смогла восстановить уровень советского ВВП 1990 года. Второй “майдан” 2014 году сделал процесс разрухи уже необратимым. Этот процесс будет идти до своего логического завершения в виде разрушения экономики и государства, обвальной депопуляции и социальной катастрофы в том случае, если не будет реализован альтернативный вариант будущего в виде переустройства государственности на этой территории.

Каким образом это может произойти? Объективной основой бытия любого государства является общественный договор между ним и народом, проживающим на его территории. Понятие “общественный договор”, как известно, появилось в эпоху Просвещения и обозначает чёткий критерий жизнеспособности и легитимности любого государства. Только до тех пор, пока выполняется общественный договор между обществом и государством, государство живёт и развивается, а когда государство этот договор нарушает, оно обречено на разрушение. Это разрушение может быть не быстрым, так как государство может долго существовать и без поддержки его народом, по “инерции”, просто потому, что его пока нечем заменить. Официальная часть общественного договора сформулирована в Конституции государства, но его неофициальная часть на самом деле ещё важнее – это соответствие ожиданий и интересов народа, с одной стороны, и действий государства – с другой.

Общественный договор, на котором было основано государство на территории Украины в 1991 году, был основан на обещании власти обеспечить народу не только развитие, но и вхождение в новую общность, которую на Украине называют “Европой”. За прошедшие 30 лет оба эти обещания не только не выполнены, но процесс вообще идёт в прямо противоположном направлении. Вместо развития Украина быстро вымирает, а вместо “Европы” она стала одной из отсталых стран “третьего мира”. Этот факт власть на Украине

традиционно объясняет якобы “неготовностью” страны к интеграции “в Европу”. Такое “объяснение” ориентировано на невежественного обывателя, является обманом и манипуляцией сознанием масс. На самом же деле интеграция “в Европу” не зависит от чьей-то готовности, а является “техническим” процессом, который обеспечивается мощными инвестициями и включением страны в евроструктуры. Если этого не происходит, то сама “готовность” не играет никакой роли. Как видим, на протяжении 30 лет Евросоюз никогда не собирался запускать этот процесс, а от самой Украины здесь ничего не зависело. Тем самым в основу договора, на котором основано существование современной Украины, с самого начала был положена ложь и откровенный обман проживающего здесь народа.

Отмеченное в прошлом году 30-летие “независимости” Украины позволяет сделать выводы относительно целой исторической эпохи. Эти выводы достаточно очевидны. Став марионеткой Запада, Украина всё равно объективно остаётся частью русской цивилизации — и не только по языку и остаткам культуры, но и по абсолютно объективным экономическим критериям, поскольку Запад рассматривает Украину в своём экономическом пространстве только в качестве пустой сырьевой периферии. Никаких инвестиций, которые могли бы подтянуть её хотя бы до уровня Польши, туда изначально делать не предполагалось — планировалась лишь долговая удавка, которая и работает весьма успешно, убивая остатки экономики.

Всё это прикрывалось невероятно лживой и лицемерной фразой о том, что “Украина должна сначала сама построить у себя Европу” — то есть в условиях, когда в стране не остаётся ни копейки на какие-то инвестиции, поскольку всю прибыль через свои банки отсюда высасывает тот же Запад, строящий на этом грабеже нищих стран своё воровское “благодолучие”. Запад понимает, что, убивая Украину, на самом деле он убивает часть не своей, а именно русской цивилизации — со своими так не поступают. Давно известно интервью Дж. Сороса, в котором он проговорился о целях Запада на Украине: по его словам, Украина Европе не нужна, она останется России, но в итоге Россия получит пустыню, которая станет для неё лишь обузой. То есть, уничтожая Украину, “хозяева мировых денег” на самом деле уничтожают Россию — по частям, сначала расколов её на “независимые” государства, как они к этому всегда и стремились. Обычно спорят о степени достоверности упомянутого интервью, однако, по сути, это даже неважно, поскольку к точно такому же выводу приводит и объективный анализ происходящих процессов. За 30 лет Украина потеряла треть населения и почти всю промышленность, не говоря уже о территориях — Крыме и Донбассе. Никаких предпосылок к тому, чтобы повернуть вспять процесс деградации и вымирания, нет и не предвидится. Ещё через 30 лет территория Украины превратится почти в пустыню, которая при наихудшем сценарии развития событий будет разделена на сектора, контролируемые соседними государствами. Единственный шанс у этой территории не быть в перспективе заселённой иммигрантами — выходцами из Азии и Африки — это полная смена государственности, без которой невозможно изменение этой катастрофической ситуации. Нет сомнений, что весь нынешний правящий класс Украины прекрасно осведомлён об этой перспективе. Поэтому все они, начиная с самого президента Зеленского, имеют иностранные паспорта и недвижимость за рубежом. Украину они рассматривают исключительно как удобное временное место ведения своего полукриминального бизнеса, но в перспективе жить здесь не собираются (а их дети давно уже учатся и живут на Западе). Это оккупационная власть в самом буквальном смысле слова. Они уедут, оставив здесь умирающее население, которому уже скоро нечем будет платить пенсии. Тем самым без радикального изменения государства в ближайшие десятилетия Украину ждёт только медленная смерть.

Поэтому совершенно закономерно, что уже в 2021 году руководство Российской Федерации сформулировало принципиально новые тезисы относительно взаимоотношений с Украиной. В частности, президент В. В. Путин озвучил тезис о том, что жители Украины и России являются одним народом, искусственно разделённым в результате катастрофических событий XX века. Это тезис всегда являлся аксиомой в среде академических учёных, но в качестве политического тезиса это озвучивается впервые после 1917 года (как известно, в царской России русская нация понималась как состоящая из трёх этносов — великороссов, малороссов и белорусов). Статья В. В. Путина об

Украине означает фундаментальный поворот в политике России: если ранее речь шла о сотрудничестве братских народов и, более того, часто даже и о безвозмездной помощи Украине (ещё ранее президент также озвучивал цифры фактической донорской помощи России Украине в виде низких цен на газ и др.), то теперь ситуация принципиально изменилась. После того как Украина, полностью находясь под внешним управлением, развязала войну на Донбассе против проживающего там русского населения и позиционирует себя как страну, находящуюся в состоянии войны с Россией, эта политика, ориентированная на братскую помощь, стала невозможной. Теперь речь идёт только о том, что Российская Федерация берёт под защиту проживающее на Украине русскоязычное большинство её населения. Это уже было сделано по отношению к народу Донбасса и является последним предупреждением.

Вернёмся к вопросу о том, каким образом может происходить переучреждение государственности на территории Украины как конкретный политический процесс? В условиях мирного развития событий, то есть медленного гниения, “пусковым механизмом” этого процесса стал бы крах её экономики и политической системы, что неизбежно привело бы к социальному хаосу. Крах экономики уже неизбежен как следствие её долгой деградации и катастрофического сокращения доли трудоспособного населения. Уже в ближайшие годы на Украине стала бы невозможной полная выплата пенсий из-за старения населения, а трудовая миграция за рубеж ещё более бы усилилась. Потеря “кормовой базы” полукриминального бизнеса, за счёт которой существует украинская так называемая “политическая элита”, также достигла бы критического уровня, который заставил бы большинство этих людей эмигрировать и выводить свои капиталы за границу. В условиях общего экономического и политического коллапса начались бы выступления населения во главе с бывшими боевиками, воевавшими против Донбасса, у которых на руках имеется большое количество оружия. В этой ситуации неизбежно были бы попытки переучреждения государства, исходящие от боевиков, исповедующих неонацистскую идеологию. Но поскольку эти люди не способны ни к какой созидательной деятельности и не имеют поддержки у основной массы населения, то они не имели бы успеха, но только дальше раскрывали бы сценарий гражданской войны. Однако события последних дней, к счастью, остановили этот наихудший для Украины сценарий развития событий и создали совсем иную перспективу.

Однако проблема современной Украины состоит в том, что в ней нет никаких альтернативных общественных сил, которые могли бы осуществить переучреждение государства в столь сложной ситуации. Эти силы были полностью подавлены после государственного переворота 2014 года. Тем самым переучреждение государства на территории Украины произойдёт иным путём. Вероятнее всего, временно власть перейдёт в руки той части украинских военных, которые ведут себя адекватно, отказываясь от ведения боевых действий против братского народа, и не подчиняются диктату нацистов. Эти военные могут подписать официальную капитуляцию и сформировать временные органы управления на период до проведения новых выборов. До выборов должна быть осуществлена полная люстрация лиц, связанных с предшествующей властью, и любые русофобские силы на Украине запрещены законом. Очевидно, что если не будет “обнулена” украинская государственность, то в противном случае на её обломках уже легально создадут вооружённый до зубов форпост НАТО. Очень важно и поменять официальный дискурс: главное – отказаться от оперирования понятием “Украина” как чем-то целостным и природно данным. Украина – это конгломерат искусственно отторгнутых от России русских территорий, и не более того. И сейчас происходит их естественное возвращение.

г. Луганск, ЛНР

ЕВГЕНИЙ КОВАЛЬ

НАШЕ МОРЕ

*Тёплое, хорошее,
Солнцем залитое,
Море ты Азовское,
Море золотое...*

Народная песня

... Очень долго лишь на страницах газет и экранах телевизоров мы сталкивались с государственно-территориальными проблемами и пограничными инцидентами.

Но миновали те счастливые времена, и пришли иные. Весьма прискорбно, что эти “последние времена” не обошли и такую малую часть Мирового океана, как Азовское море. Остаётся надеяться, что дипломаты и политики докажут, что они действительно таковы. И будут помнить, что “наивысшая Победа – та, которой обретается мир”.

Но что же всё-таки представляет собой это море? Древние римляне, завоевавшие в своё время огромные территории в Европе, Азии и Африке, называли на своём языке всё Средиземное море (площадью более 2,5 миллиона квадратных километров) *mare nostrum* – “наше море”. И всё же вряд ли они были правы на все 1000%...

А вот для жителей Ростовской области, донбассовцев, запорожцев, крымчан, жителей Херсонской области Украины и Краснодарского края Российской Федерации всё Азовское море – действительно наше. И нам всем было бы очень без него плохо. И если бы это море исчезло или почти исчезло – подобно Аральскому, – то все указанные территории подверглись бы опустыниванию, то есть климат стал бы более резко континентальным, чем сейчас. И тогда каждый год морозная и ветреная бесснежная зима, минуя весну, превращалась бы в жаркое лето без дождей, но с суховеями.

Ещё о нашем море: “Азовское море (др.-рус. – Сурожское море) на юге Европейской части СССР. Керченским проливом соединено с Чёрным морем. Площадь 39 тысяч квадратных километров. Глубина до 15 метров. Крупные заливы: Таганрогский, Сиваш. Впадают крупные реки: Дон и Кубань. Замерзает на 2-3 месяца. Рыболовство (хамса, тюлька, лещ, судак). Основные порты: Жданов, Таганрог, Ейск, Бердянск. Курорты”.

Столь лаконически повествует о нашем предмете Советский энциклопедический словарь 1987 года издания. Разумеется, со времён выхода в свет сего увесистого фолианта изменилось весьма многое. Кроме того, что Жданов вновь стал Мариуполем, что Азовское море ныне омывает берега 2-х соседних государств, в нём изменился даже состав водной фауны. Так, акклиматизирован пеленгас – рыба совсем недурных вкусовых качеств. И трудно поверить, но в последнее время, как, например, в 2007 году, в Азовском море встречаются крокодилы (хотя в количестве одного экземпляра). Но уже несколько лет

полностью запрещён промысел осетровых рыб – ввиду уменьшения их количества вплоть до угрозы исчезновения.

Наше море во многом уникально. В его воде содержится в среднем 11,5 грамма солей в 1 килограмме воды, то есть почти в три раза меньше, чем в океанической воде, или в полтора раза меньше, чем в поверхностной черноморской воде. Именно такие условия подходят для обитания многих ценных пород рыб. По продуктивности гектара Азовское море относительно недавно было самым богатым естественным водным бассейном в мире. Но даже сейчас оно даёт несколько десятков тысяч тонн рыбы разных видов. И это – лишь официальные данные. Солнечных дней на азовских курортах больше, чем в Сочи и Анапе, да и вода теплее, чем на черноморских курортах.

В последние годы много пишут о том, что на дне Азовского и Чёрного морей имеются значительные запасы нефти и газа. В общем, так оно и есть. Однако нефтедобыча требует намного более тщательного подхода к режиму экологической безопасности, чем тот, что ныне привычен для нас.

Из других сведений об Азовском море интересны следующие.

Объём воды в Азовском море составляет в среднем 250 кубических километров.

Как ни странно, в его глубоких местах существуют особые структуры, именуемые грязевыми вулканами, образуемые гниющим илом. Это гниение продуцирует сероводород. После извержения одного из таких вулканов в 1960 году вблизи Тамани даже возник маленький островок, впоследствии смытый волнами. Некоторые выступления ура-патриотов Украины заставляют вспомнить об этом природном феномене. Северный берег Азовского моря, часть которого контролируется ныне признанной Донецкой Народной Республикой, составляет степная равнина – Приазовская низменность. Она перерезана у самого моря реками и ручьями. Здесь расположены три больших мыса – Обиточная, Бердянская и Белосарайская косы. Керченский пролив длиной 40 километров связывает Азовское море с Чёрным. Ширина пролива различна в разных местах: азовский вход между мысами Хрони и Ахиллеон составляет 8 морских миль (чуть менее 16 километров), между Тузловской косой и Павловским мысом – всего около двух миль, а в самом широком месте (между Керчью и восточной частью Таманского залива) – 22, 5 морских миль. Дно Азовского моря почти повсюду покрыто илом, около берега на мелководье ил часто сменяется песком. Местами на дне обитает так много моллюсков, что ракушечник является главным компонентом донного грунта. Некоторые участки дна покрыты водорослями. Формирование водной массы Азовского моря происходит в результате смешения черноморских вод, поступающих через Керченский пролив, с речными водами, а также дождевыми и снеговыми осадками. Иногда в море проникает весьма засоленная вода Сиваша. Через мелководный Керченский пролив водообмен между Азовским и Чёрным морем осуществляется иначе, чем через иные, более глубоководные, проливы. А именно, в зависимости от сезона, а более всего от направления ветра, в Керченском проливе наблюдается только азовская или только черноморская вода.

В водном балансе Азовского моря, кроме речных вод, ежегодно принимает участие приблизительно 13, 5 кубических километра осадков. Испарение составляет около 34 кубических километров. В Сиваш проникает около полутора кубических километра азовской воды, которая там в значительной мере испаряется, а в Азовское море из Сиваша поступает около половины кубического километра чрезвычайно солёной воды. Сезонные изменения уровня Азовского моря характеризуются обычно максимумом в июле и минимумом в октябре. Средняя величина колебаний уровня моря составляет около полуметра, однако южные ветры могут вызывать значительные локальные подъёмы до нескольких метров.

Азовское море неоднократно меняло свои названия и очертания. Называлось оно и Синим, и Русским, и Саксинским, и Рыбным. Остров Тузла на некоторых картах именуется косой, то есть полуостровом. Дело в том, что ранее он действительно был косой – ответвлением Таманского полуострова. А коса Бирючий остров, находящаяся в Запорожской области Украины, в своё время была островом и стала косой после того, как морские волны намыли перешеек между берегом и островом. Кстати, эти явления произошли почти одновременно – в 20-х годах прошлого века, хоть и не в один и тот же год.

... В четвертом веке нашей эры Керченский пролив был настолько мелким, что азиатские кочевники-гунны форсировали его в конном строю, разгромили обитавших здесь готов и гнали затем до самой Атлантики. Отсюда началось Великое переселение народов, и здесь же, на азовских берегах, вершились важные исторические события.

* * *

Божий ковчег — боевая ладья.
Ночью идём, как в чернильном растворе.
Гирло донское и турка пройдя,
Вот оно — наше Азовское море.
Утром рассеется серый туман.
Солнце поднимется неумолимо.
Наша надежда — седой атаман,
Знает он море до самого Крыма.

Ю. Краснолуцкий “Мореходы”

В 2019 году официально отмечалось 150-летие Донецка. Не того, что в Ростовской области, а неформальной столицы всего Большого Донбасса. До этого много спорили, 140 лет Донецку, 230 или “атланты наши земляки”. Но перейдём к установленным (на сегодняшний день) фактам.

Первые письменные упоминания о поселениях на территории нынешнего Донецка относятся к 1690 году, когда казаки Войска Запорожского волоком перемещали свои суда с Днепра и его притоков к Кальмиусу. Зачем? Затем, что среди значимых источников дохода запорожцев была добыча от походов в мусульманские края. Мусульмане тоже были не против ограбить соседей-христиан, в том числе и запорожцев. Отличия были в тактике. И татары, и запорожцы ходили в конные походы, но запорожцы освоили ещё и морское дело, доходя на своих судах до самого Константинополя-Стамбула. В конце концов, турки, которым надоели эти визиты, построили в устье Днепра укрепления, мешавшие запорожцам выходить в море. Однако находчивые “добытчики” стали пользоваться маршрутом “река-море”: Днепр — река Самара — её притоки — волок в Кальмиус — Азовское море — Керченский пролив — Чёрное море — Босфор — Стамбул. И соседи запорожцев — донские казаки — так же имели сходные занятия и так же страдали от “утеснений морскому промыслу”. В устье Дона была мощная турецкая крепость Азов! Но, переняв запорожский опыт, донцы тоже нашли обходной путь в море — через реку Миус. Обе реки были тогда ещё судоходны!

... В 1737 году от взятого Азова шла берегом моря на Крым русская Донская армия фельдмаршала Ласси. Её поддерживала флотилия Бредаля. Среди офицеров флота выделялся капитан 3-го ранга Пьер Дефремери, француз родом из Гавра, соорудивший плавучий мост из кораблей в устье Кальмиуса. По мосту армия перешла сама и перевезла пушки. На обратном пути из Крыма Дефремери вручили инструкцию, 4-й пункт которой гласил: “Неприятелю, каков бы он силен ни был, отнюдь не отдаваться и в пользу ему ничего не оставлять. Впрочем, имеете поступать по регламенту и прилежной своей должности, как честному и неусыпному капитану надлежит”. Окружённые 30-ю турецкими судами, капитан Дефремери и боцманмат (флотский чин того времени) Руднев высадили матросов на берег и взорвали свой корабль...

... На берегах Донца и Азовского моря сходятся границы государства Российского, земли автономных Войск Донского и Запорожского, турецкие пределы и крымские рубежи. Ресурсы края интересовали всех. Документ 1702 года освещает практику их освоения (в данном случае — поваренной соли): “На речке на Бахмуте построен город по обе стороны речки стоячим дубовым острогом, в нём двои проезжие ворота. По мере тот городок в длину через речку 61 сажень, поперёк — 17 сажень, а жилья в том городке никакого нет. Подле того городка, вверх по речке Бахмуту, с правой стороны на посаде построена часовня, близ часовни построены Изюмского полка для пошлинного собору, а Семёновской канцелярии для мостового проезду таможенная изба и ратуша

Изюмского полку. Возле тех таможи и ратуши в разных местах построены для торгового промыслу Изюмского полку казаков и торских и маяцких жителей всяких чинов людей 15 амбаров, 9 кузниц. Близ города на реке Бахмуте построена торговая баня и отдана на оброк. В том же городе построились и живут дворами Изюмского полку казаков 54 человека, разных чинов людей 19 человек. Да на речке Бахмуте у солеварных колодезей Изюмского полку казаков и разных городов всяких чинов людей – 30 сковород – (больших сковород для вываривания соли)...

Что тогда ожидало новых поселенцев? Некий П. Э. Кемптен, протестант из Великого Герцогства Вюртембергского, в своём «Рассказе о России», помещённом в NN 67 и 70 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1852 год, сообщает: «Природа делалась всё более и более очаровательной: вокруг нас были горы, озарённые солнцем, леса, реки, безграничные степи, покрытые волчцом и вереском высотой в рост человека. Мы видели, что нам легко будет обрабатывать эту землю, и потому, с общего согласия, решили обосноваться на реке Донец. На запад расстилалась степь, в которой сверкало озеро. Глыбы земли, взрывааемые плугом, имели зеленоватый цвет и солоноватый вкус. Осенние колосья стояли вышиною в рост человека, а репа была с детскую голову. Спаржа росла на свободе, горчица густо покрывала гряды. Мы видели буйволов, шакалов, рысей и барсов, часто пробегавших к воде через степь. Около наших домов рыскали черно-бурые лисицы и волки. Птиц мы ловили силками, а рыбы водилось много в озере, лежащем за милю от нашей деревни». Но как-то утром поселение было окружено татарами, уведшими немцев в полон, а через день автор воспоминаний был продан на невольничьем рынке! Кроме хищных татар, ходили в степях царские войска, истребившие при подавлении булавинского восстания более 25 тысяч человек. За сто лет прошло 4 больших русско-турецких войны. 2-я началась в 1735 году, 285 лет назад. В результате её освобождена от турок и татар большая часть края. Возникает ещё один Донецк – нынешний Славяносербск. Назывался Донецком до 1817 года.

* * *

Весной 1855 года, в разгар Крымской войны вышла в пиратский рейд по Азовскому морю англо-французская эскадра, пытавшаяся совершенно сравнять с землёй Бердянск, Геничск, Мариуполь и Таганрог. Результат: Геничск сожжён, Бердянск разграблен, Мариуполь обстрелян. Но под Таганрогом английский десант сброшен в море. Ранее во время той войны случилась фантастическая по военным канонам, но реальная кавалерийская атака на военное английское судно, в результате которой оно было захвачено. «Прошло немало времени, и английский пароходофрегат «Tiger» – «Тигр», проводивший в тумане разведку, встал на мель. 2 полевых орудия и полусотня казаков, умело действуя, нанесли судну повреждения и заставили экипаж сдаться» (Н. В. Скрицкий, «Крымская война 1853–1856»).

В Приазовье вершились и немаловажные события Второй мировой войны.

...Тёплый ветер дует, развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать!

...В ноябре 1941 года 1-я немецкая танковая армия, тесня ослабленные советские войска, ворвалась в Ростов. Гитлер провозгласил: «Ворота на Кавказ открыты перед нами!» Но всего несколько дней спустя эти ворота с треском захлопнулись – Ростов был взят обратно, а фашисты отброшены на линию Миусского фронта. В июле 1943-го, когда началось сражение на Курской дуге, наши войска начали наступление на реке Миус, связав на юге немецкие дивизии и помешав перебросить их к Курску. А уже через месяц началась и битва за Донбасс. Так россияне и украинцы спасли друг друга, сами себя и весь мир от огня газовых печей Освенцима и Дахау.

...В наше время оба государства провозгласили общей целью движение к прогрессу и единству человечества. Но как раньше, так и теперь кое для кого любое сближение России и Украины – словно кость в глотке, распяленной

на чужое добро. Так, существуют достаточно обоснованные предположения о том, что на дне моря вблизи устьев Дона, Миуса и Кальмиуса имеется россыпное золото, образовавшееся вследствие размывания реками горных пород Донецкого кряжа. “Ося сказал: все войны происходят из-за золота”. “И революции тоже – подумала я...” (Марина Цветаева).

Уровень Азовского моря на несколько сантиметров выше уровня Чёрного моря. Это объясняется непрерывным притоком речной воды. Вообще с гидрологической точки зрения Азовское море может рассматриваться как широкое устье Дона. А река Кубань всего 200 лет назад впадала в Чёрное море.

Относительно вопроса раздела акватории моря напрашиваются достаточно тривиальные мысли: хотя в борьбе мужчин за женщину выгадывает женщина, но в борьбе женщин за мужчину последний выигрывает далеко не всегда. А вот в споре России и Украины за акваторию Азова пока в абсолютном выигрыше само море, успешно затопляющее берега обеих стран. Наверняка каждый, побывавший в Азовской Ялте, Седово и Новоазовске, запомнил тамошние обширные топкие, илистые мелководья, где толком ни искупаться, ни порыбачить. А ведь в тех местах совсем недавно стояли прибрежные рыбацьи села.

Если площадь Азовского моря делить между РФ и Украиной с учётом принадлежности береговой линии, а не как внутренний водный бассейн, то Украина могла бы иметь немалую часть этой площади. Однако если вспомнить, что большая часть стока пресной воды в Азов идёт из российских Дона и Кубани, благодаря чему это море имеет самую малую солёность, вопрос начинает выглядеть в ином ракурсе, заставляя вспомнить древнегреческую басню Эзопа. Эзоп был рабом, и как-то его господин, будучи в подпитии, поклялся выпить море, обещая в случае неудачи отдать всё достояние, включая жену. Когда же пришла пора расхлёбывать последствия опрометчивого пари, Эзоп дал господину совет. “Скажи: море выпью хоть сейчас, даже не закусывая, но прежде отдели из него речную воду!”

...Азовское море, как однокомнатная квартира, не выдержит двух упрямых и самовлюблённых хозяев. Поэтому дело российских и украинских дипломатов и политиков весьма непростое. Ситуация напоминает известную дилемму о волке, козе и капусте. Так что при решении проблем нашего моря нашим дипломатам и политикам предстоит почётная задача доказать, что они – дипломаты и политики не на только на словах, но и на деле. А зарубежным и местным Азефам – Верховенским, что опять собрались половить рыбку, замутив воду, – тем стоит вспомнить поговорку “как аукнется, так и откликнется”.

Недаром в своё время один украинский политик в шутку ли, всерьёз ли, спрогнозировал, что на серьёзную провокацию подобного конфликта украинская и российская армии под лозунгом “Мужики, когда зарплату получали?!” отреагируют самостоятельным и оперативным воссоединением в одно войсковое формирование, которое, скорее всего, вновь назовётся Армией Советской...

В любом случае, гораздо полезнее и перспективнее было бы изучить вопрос совместного использования азовских ресурсов, в том числе азовской малосолевой воды. Например, Финляндия и Швеция, намного более богатые чистой водой и экологически намного более благополучные, чем мы, тем не менее досконально рассматривали вопрос долевого построения дамбы через Ботнический залив Балтики. Ожидаемые результаты: получение громадного резервуара пресной воды, которая в наше время уже становится вполне ликвидным товаром. А ведь во времена того же СССР обсуждали сходный вопрос построения дамбы в Керченском проливе. И примерно с той же целью – не допустить чрезмерного засоления и загрязнения Азовского моря. Притом вопрос надёжного водоснабжения южных регионов России и Украины сейчас не стал менее актуальным. Особенно для такого большого промышленного центра, как Мариуполь. Да и в целом проблемы Азовского моря для приазовских регионов намного более жизненны, чем для Швеции и Финляндии возможность изыскать ещё одну доходную статью, поторговав опреснённой балтийской водой. В связи с “коронавирусным кризисом” украинские поводыри народа начали большие строительные проекты, выполнение которых могло бы дать (но пока не дало) импульс металлургии и строительной индустрии. Но какие именно проекты будут общепользны и вместе эффективны? А между тем можно спросить: а чем, собственно говоря, так уж плох предлагаемый азовский проект?

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

ЧИТАТЬ ДОСТОЕВСКОГО БЕЗ СЛЁЗ

На злобу дня

В 1877 году между Россией и Османской империей началась Русско-турецкая война (1877-1878). Ей предшествовал подъём национального самосознания на Балканах. Жестокое подавление Боснийско-Герцеговинского (1875) и Апрельского восстания в Болгарии вызвало в России сочувствие к положению христиан в Османской империи.

Осенью 1876 года шестикратно превосходящие силы турок поставили сербов и русских добровольцев на грань поражения. Последовал ультиматум России с угрозой начала военных действий, турки согласились на перемирие. Однако Александр II в апреле 1877 года объявил Турции войну. Россия провозгласила целью войны свободу православных славян от турецкого владычества – расширение территории независимой Сербии и создание независимой Болгарии.

Русская армия форсировала Дунай, захватила Шипкинский перевал и после пятимесячной осады принудила к капитуляции лучшую турецкую армию в Плевне.

Летом 1878 года был подписан Берлинский трактат, по которому России возвращалась южная часть Бессарабии и присоединялся Карс, Ардаган и Батум. Болгарии возвращалась государственность, увеличивались территории Сербии, Черногории, Валахии и Молдавии.

О событиях стасорокапятилетней давности заставила вспомнить реакция немногочисленной, но активной части российского общества на спецоперацию России, начавшуюся 24 февраля 2022 года в ответ на восьмилетний геноцид Украиной русского населения Донбасса. Тональность этой реакции в точности повторяет аналогичную, исходящую от “премудрых людей”, как назвал их Достоевский в “Дневнике писателя” за апрель 1877 года, при начале Русско-турецкой войны.

Страхом, изумлением и негодованием – вот чем, по меньшей мере, отреагировали “премудрые” россияне на объявление Александром II войны Турции.

“Россия! Но как же она может, как она смеет? – приводил Достоевский слова “премудрых”. – Готова ли она? Готова ли внутренне, нравственно, не только материально? Там Европа, легко сказать – Европа! А Россия, что такое Россия? И на такой шаг?..”

То же самое по сути, но только более раздражённо, злобно, не стесняясь в выражениях применительно к России 2022 года, её президенту, властям, армии, экономике изрекают современные “премудрые”. Это часть российской “элиты”, рассматривающая Россию исключительно как место зарабатывания денег, тогда как себя они считают гражданами мира. Это и те, кто с придыханием молится на “общечеловеческие ценности”, подобострастно глядя на Запад, с презрением отзываясь обо всём, что касается России. Поэтому естественным образом характеристика Достоевского представителей современной ему интеллигенции предстаёт зеркальным отражением интеллигенции нынешней – “рукопожатной” её части.

Напомним её: “Интеллигентный русский – это международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы”.

Характеристика едкая.

Надо признать, что данное межеумие – отсутствие национального самосознания при ребяческой самонадеянности и полной неосведомлённости об истинных намерениях Европы относительно России и её граждан – есть хроническое состояние вечно “немогумолчащей” части российской интеллигенции. Эти люди заведомо оппозиционны не только к власти как таковой, но и ко всему традиционному, отечественному, русскому.

Читая “Дневник писателя” на фоне событий, связанных с операцией на Украине, невольно ловишь себя на мысли, будто история – в лицах, заявлениях, поступках – каким-то чудодейственным образом закольцована. Понимаешь, что наши “премудрые” повторяют всё то же, что изрекалось их ментальными предками во время Русско-турецкой войны:

“Мудрецы кричат и указывают, что мы погибаем и задыхаемся от наших собственных внутренних неурядиц, а потому не войны желать нам надо, а, напротив, долгого мира, чтобы мы из зверей и тупиц могли обратиться в людей, научились порядку, честности и чести”;

“Они кричат, что за них авторитеты, что за них Европа. Они свистят на несогласных с ними, на всех, презирающих лакейство мысли и верящих в свою собственную и народа своего самостоятельность”.

Вспору поверить в реальность реинкарнации: суть цитируемых умонастроений 1877 года в более грубой форме явила себя в 2022 году в трансляции российских оппозиционных СМИ и батальонах блогеров.

“Нет войне!” – с таким лозунгом выходили они в эфир. Его скандировали молодые люди, молчавшие все восемь лет, когда украинские нацисты обстреливали мирных жителей Донбасса, не пожелавших отказать от родного русского языка. Теперь вдруг, мгновенно собранные флешмобами на центральных улицах Москвы и Петербурга, они заявили протест справедливому возмездию нацистам. “Мне стыдно, что я русский!” – вирус *стыдореи* порази ряд социальных сетей.

Что ж, будем договариваться о мире, каким его видят наши “интеллигентные русские”?

Достоевский в своё время рассматривал результат подобного миротворчества.

“Да, если б могло так случиться, что мы будем побиты, или хотя и побьём врага, но под давлением обстоятельств замирим пустяками, – о, тогда мудрецы, конечно, восторжествуют. И какой, какой опять начнётся свист и гам, и цинизм на несколько лет, какая опять вакханалия самооплёвывания, пощёчин самодразнения, – и это не для вызова к воскресению и силе, а именно ради торжества собственного бесчестия, безличности и бессилия”.

Следует заметить, что убеждённости в европейском величии и прирождённой европейской справедливости и благородстве у здоровой части нашей молодёжи, у тех, которым не стыдно, что они русские, в эти дни несколько пошатнулась. Европа, реагируя на “агрессию” России (на самом деле Россия приняла естественные необходимые меры по предотвращению нападения Украины на Донбасс, собственно на Россию и Белоруссию), эта Европа поправа декларируемые ею мультикультурность, права человека, толерантность и священные права частной собственности.

С началом спецоперации на Украине, когда высокоточным оружием была выведена из строя почти вся инфраструктура украинской армии, насквозь прошитой нацистской идеологией, и окружены ряд городов, Европа в который раз показала себя царством лицемерия. Предстала не “страной святых

чудес”, как называл её Достоевский, имея в виду великую европейскую христианскую культуру, а царством двойных стандартов.

Русскоговорящие граждане Германии в одночасье стали *унтерменшами* – недочеловеками. Теперь можно безнаказанно разбить витрину магазина, если его хозяева говорят по-русски. Школьников вольно безнаказанно избивать, если они выходцы из России. Стали известны примеры дискриминации российских и бывших таковыми граждан в других странах Европы.

Дело дошло до того, что трудно было представить даже во времена холодной войны – конфронтации Запада и Советского Союза. Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc (материнская организация социальных сетей Facebook, Instagram, а также WhatsApp и Oculus), одна из самых дорогих компаний в мире в сфере информационных технологий США, разрешила язык ненависти в отношении русских вообще, российских военных, президентов России и Белоруссии.

О том, что до последнего времени в Европе одним из самых популярных писателей считался Достоевский, говорить излишне. Множество явлений европейской культуры – спектаклей, экранизаций, эссе – возникло на основе произведений русского гения. Тем не менее приходится вспомнить о кострах из книг, полыхнувших в европейской стране в начале 1930-х годов. Достоевского пока не сжигают, но в начале марта 2022 года ректор Миланского университета высказался о его запрещении. По счастью, подобной нелепой цензуры удалось избежать. Надолго ли? Такой вопрос сам собой возникает при известиях о запрете на исполнение музыки Чайковского и Шостаковича, а также на спектакли по произведениям Чехова в Польше.

Попытки запретить в Европе Достоевского говорят о том, что наши зарубежные партнёры внимательно его читают. Им знаком не только “Идиот”, но и исполненный патриотической силы “Дневник писателя”, где автор откровенно говорит, что “России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы”.

Стоит сказать, что в России творчество Достоевского принято рассматривать избирательно. Любят исключительно “розового” Достоевского с непременной “слезинкой ребёнка” в очах, дрожащим перстом указующего на “красоту, спасающую мир”. Эти вырванные из контекста слова о слезинке и красоте стали ничем более, как сентенциями, своеобразными уверениями себя и европейцев в исконном русском слезливом миролюбии и безответном всепрощении.

Если где и вспомнят “Дневник писателя”, то для того лишь, чтобы сказать о заблуждениях писателя, о его якобы предвзятом взгляде на европейскую цивилизацию в целом, на его измену юношескому свободолобию и реакционную его приверженность русскому самодержавию. Наконец, чтобы снисходительно усмехнуться – в какой это галлюцинации ему привиделись русские “народом-богоносцем”?

Обратимся к “Дневнику писателя” и отметим ещё один аспект сходства настроений указанной части российской интеллигенции на спецоперацию наших вооружённых сил на Украине с теми, что бытовали во время войны России и Османской империи. Речь о традиционном информационно-психологическом противодействии курсу России со стороны, в первую очередь, внутренних оппозиционных сил, а также внешних недоброжелателей.

Достоевский признавал, что у нас “столько нехорошего, что наши “мудрецы” и не могли не воскликнуть: “Капут России, и жалеть нечего!”

Ещё он признавал, что из этого следует:

“Вот эти-то мысли мудрецов наших и облетели Европу, и особенно через европейских корреспондентов, нахлынувших к нам накануне войны изучить нас на месте, рассмотреть нас своими европейскими взглядами и измерить наши силы своими европейскими мерками. И само собой, они слушали одних лишь “премудрых” и разумных наших. Народную силу, народный дух все проглядели, и облетела Европу весть, что гибнет Россия, что ничто Россия, ничто была, ничто и есть, и в ничто обратится.

Но Бог нас спас, наслав на них на всех слепоту; слишком уж они поверили в погибель и в ничтожность России, а главное-то и проглядели. Проглядели они весь русский народ как живую силу, и проглядели колоссальный факт: союз царя с народом своим!

Они не знают, что мы непобедимы ничем в мире, что мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но всё-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным”.

История подтверждает правоту слов Достоевского об истоках нашей непобедимости, она в силе духа народного.

Действительно, существует иллюзия о безволии русского народа, о его податливости, о склонности бездумно перенимать чужое... И всё же, подчёркивал Достоевский, “если мы не захотим, то нас нельзя заставить сделать то, чего мы не пожелаем, и что нет такой силы на всей земле. Беда только в том, что над словами этими засмеются не только в Европе, но и у нас, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и настоящие русские люди интеллигентных слоёв наших — до того мы ещё не понимаем самих себя и всю исконную силу нашу, до сих пор ещё, слава богу, не надломившуюся”.

О чём только не говорилось по отношению к Достоевскому в прошлом году, когда в стране широко праздновали 200-летие со дня его рождения! Обо всём, что касается его высказываний о всемирной отзывчивости русского человека, о том, что ему дороги святые камни европейские, — это помимо пресловутой слезинки и спасительной красоты. О Достоевском-патриоте, о писателе-гражданине не было сказано ни полслова. Как же, а ну как европейцы нас заподозрят, что мы не только их камни святыми почитаем, но и о своих помним и желаем твёрдо стоять на них?

Может быть, нам просто стыдно — за Достоевского? Перед зарубежными партнёрами и перед нашими “мудрецами” стыдно за русского писателя-пророка?

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ВЫСТРЕЛЫ БЕЗДЕЙСТВИЯ В СПИНУ

Сложилась небывалая ситуация: в России – стране Слова – во время военных действий почти совсем не слышно пламенного слова литератора, публициста, поэта на ТВ. На экранах: пропагандисты – новости; политологи – новости; прикормленные журналисты – новости. Уже невозможно смотреть!

“Творцы” слышны, как Макаревич, только на украинском ТВ... Кстати, провальная политика кураторов ТВ заключается в том, что, понимая неизбежность столкновения, они не дали указание коллективному Эрнсту подготовить новые экранизации по произведениям о гражданской войне на Украине, выделяющие публицистические программы (одна Вера Кузьмина на ТВЦ сняла очередной документальный фильм про украинской нацизм), не сделали яркие клипы с песнями и стихами в поддержку Донбасса и русского оружия. Уж хоть бы две экранизации “Белой гвардии” киевлянина Булгакова повторили по всем программам или “Васёк Трубачёв и его товарищи” – про детишек в оккупации на Украине – такая переключка! Что впустую перечислять провалы? Не могут оперативно снять яркие телеочерки, а не дежурные репортажи о новых Героях России!

В “Российском писателе” появилась ко времени призывная статья Николая Иванова “Точка НОЛЬ”: “Сейчас время слова и дела. Дело сделано. Но из истории знаем: во время войны обязательно проявляются предатели, власовцы и бандеровцы, готовые стрелять в спину своим. Пришло время и Слову”.

Но и дело, если говорить не только о профессиональных действиях подлинной элиты России – военных, ещё далеко не сделано. Например, провальное противодействие на информационном поле давно было предметом тревоги и острой критики, но власть не представляла масштаба оружия, действующего в тылу.

В программе Владимира Соловьёва снова вспыхнула острейшая дискуссия: Маргарита Симоньян привычно клеймила: “Сколько раз мы кричали: нельзя так зависеть от американских новых медиа!” Но Александр Хинштейн не давал ей договорить: “Вы твердите о вчерашнем дне! Вы даже не представляете, сколько сделано нашим комитетом в Госдуме. Вот сегодня мы приняли жёсткий закон о фейках...” Ну, приняли, ну, закрыли одиозные “Эхо Москвы” и “Дождь”, которые вели себя предательски вызывающе, ну, побежали от уголовной ответственности откровенные русофобы из ВВС и Блумберга. И что? Пользователи, особенно молодёжь, ринутся в официозные СМИ, станут смотреть телепрограммы, где выступает Хинштейн? Дудки!

Как раз накануне я задал на семинаре два простых вопроса студентам:

“Каково положение, по-Вашему, в информационном противостоянии вокруг военной операции на Украине:

– *Россия проигрывает в ней:*

1. *Да*

2. *Нет*

3. *С переменным успехом*

– *Что лично Вы не приемлете на информационном поле, осуждаете и наоборот – что бы Вы приветствовали, чего Вам на нём не хватает как гражданину и будущему журналисту?*

Вот обобщение ответов студентов группы первокурсников, ещё неумелое, но суть понятна. Хоркина Валерия, 1 курс: “Война является страшным словом, особенно если о ней слышат наши бабушки и дедушки, которые воевали для того, чтобы защитить нашу Родину и не допустить военных действий на территории России”.

Но, к сожалению, последние события в мире нас совсем не радуют и просто заставляют слышать данное слово с каждым днём всё больше. В информационной войне вокруг военной операции на Украине Россия на данный момент проигрывает, как считают большинство молодых людей, по той причине, что нашим СМИ мало кто доверяет, а ещё: чем больше поражений украинские войска терпят на полях сражений, чем сильнее уходит земля из-под ног нацистского режима, тем яростнее становятся информационные атаки.

Многие не понимают, что Россия помогает сделать для Украины хорошее будущее, избавив народ от националистов. Немалое количество людей из стран Европы и Америки даже не знают о том, что происходило восемь чудовищных лет нападений Украины на Донбасс.

И лишь малый круг опрошенных придерживаются мнения, что Россия выигрывает с переменным успехом, аргументируя это тем, что военная операция была рассчитана на быстрое завершение, но, поскольку со стороны Украины было оказано сопротивление сильнее, чем ожидалось, то и шанс выигрыша в информационной войне останавливается на половине пути. Ну, а тех, кто считает, что наша страна выигрывает информационную войну, – таких нет!”

Понимаете, ответственные за это депутаты, министры, работники администрации президента?

Что же отвергают молодые на информационном поле? “Самый частый ответ на этот вопрос: фейковые новости, которые вводят в заблуждение народ и тем самым обманом тянут их на свою злобную, нечестную сторону. И к тому же многие крупнейшие издания занимаются распространением таких недостоверных новостей. Неприемлемы в это трудное для всех время высказывания против армии и власти, когда люди на большую аудиторию кричат, что им стыдно, что они русские...”

В таких непростых и трагических ситуациях очень не хватает правдивых источников, а также доверия к журналистам, потому что в большинстве своём они стали принимать чью-либо сторону и тем самым призывать людей быть с ними, но это неправильно: ведь журналисты должны быть нейтральными и просто доносить материал, который у них есть, и освещать события полностью, а не только с выгодной стороны для той или иной страны. Но принцип объективности забывает.

На информационном поле не хватает правды, которая будет подкреплена достоверными и видимыми доказательствами, ведь именно благодаря этим факторам можно здраво оценивать ситуацию и делать конкретные выводы. Сила в любви, а не в бою”.

Так заканчивает юная студентка своё обобщение честных ответов, а я это прокомментировал на сайте “Проба пера” так: “Самый печальный итог опроса: среди ответивших на вопросы задания нет никого, кто твёрдо бы ответил, что Россия выигрывает информационную войну. В лучшем случае – с переменным успехом, а большинство полагает, что проигрывает. И это объяснимо хотя бы потому, что молодые не смотрят телевизор, не доверяют официозным СМИ, пользуются американскими интернет-платформами, но хочется заметить, что будущие журналисты плохо отслеживают и осмысливают изменения на информационном поле России: например, пожелание студентов вести разоблачение фейков на федеральных каналах в последние дни активно исполняется. И порой убедительно, с наглядным визуальным рядом. Но юные этого, увы, не видят. А вот должны ли быть журналисты нейтральными? Это вопрос, требующий дальнейшего обсуждения и прояснения гражданской позиции”.

Когда Некста_тв, которая набралась опыта в подрыве Белоруссии, выложила видео молодёжных пацифистов с Трубной, было 10,6 млн просмотров в Твиттере. Восторженные отклики – больше на английском. А у нас всё гранты выделяют на “работу с молодыми”, собирают специальные смены. Но понятно, что недостаёт чего-то в масштабах страны, в информационной среде, в сфере образования.

Все разговоры о патриотическом воспитании молодёжи разбиваются в прах вот об такой митинг. Но ведь кто-то его организовывал, выводил, может быть, и платил! А где митинг или хоть слово Росмолодёжи в поддержку политики президента и армии, которая выполняет поставленную задачу? Представляете: начинаются военные действия или целина с БАМом, а Комсомол – молчит?! Ведь это тоже выстрелы бездействия в спину.

И президент Зе, обращающийся в майке грязно-зелёного цвета к россиянам, уже благодарит участников митинга: “Это значит, что вы нас понимаете”. Правда, понимают марионетку Зеленского? Совсем плохо! Ну, а потом он вообще обратился пофамильно к Парфёнову, Дудю, Собчак. Чувствует своих... Но они и для многих студентов – кумиры или примеры медийного успеха (по программе “Вдуть” дипломы пишут!). А где были эти пацифисты и гуманисты восемь предыдущих лет?

Николай Иванов призвал: “Работаем дальше во времени, которое можно обозначить как “Точка “Ноль””, неожиданно ставшая символом нового времени, когда Россия перестала отступать в войне, которую ей навязали сразу после распада СССР”. Приходит время думать, как наступать, и не только под Волновахой и Киевом.

Пришло время чётких оценок, внятных действий, государственных решений.

Увы, наши странные кураторы-технократы из Министерства цифрового развития как воды в рот набрали: и технологическую войну во многом проиграли, и ни слова внятного, державного не произнесли, даже когда курируемые ими СМИ Роскомнадзор закрывал после критики народа и прозревшей Госдумы (а то они раньше не видели!).

Владимир Соловьёв похвастался: “У МЕНЯ на радио выступит министр Шадаев”. За радио Рудольфовича, чьи виллы арестовали в Италии, не слежу. Но рассуждений министра-цифровика не услышал в информпространстве. Надо ещё раз повторить, что нам, писателям, не нужно такое кураторство! Максуд Шадаев с 21 января 2020 года занимает пост министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России. Не знаю, что он успел сделать на этом посту, но информационную войну, даже чисто технологически его ведомство проиграло. И это немудрено: даже если он обладает какими-то профессиональными знаниями и организационными способностями, ему просто не по плечу масштаб задачи, хоть ещё в 2009-м Шадаева включили в список ста управленцев из президентского (Медведевского) кадрового резерва. Но ведь потом он занимал должность всего лишь министра IT и связи в администрации Московской области, а в сентябре 2018-го был назначен вице-президентом “Ростелекома” по цифровым платформам.

Свои широкие конкурентоспособные платформы в России так и не были созданы, молодёжь, да и мы, писатели, сидели в американских медиа, на том же Фейсбуке откровенного русофоба Цукерберга, который помнил о своих хасидских корнях предков из Умани. Русский сектор ФБ с 15 000 модераторов – ярых цензоров – составляли в основном украинцы. Даже в узкой сфере образования во время пандемии Минцифры и Минобр не отличились! Хоть министр просвещения Сергей Кравцов заверил лично президента Путина весной, в разгар пандемии, что своя платформа будет создана к 1 сентября. Нет! С опозданием на полгода они с Шадаевым презентовали несовершенную платформу “Сферум”. Я дал своим студентам задание: изучить. Они пришли к выводу, что это годится только для школ, что Сферум так же доступен для взлома, как и американский Зум, что её недостатки ограничили число пользователей – на тот момент всего несколько десятков тысяч из миллионов школьников и студентов!

Вот где пора прекратить отступление! Президент Владимир Путин в ходе совещания с членами Совета безопасности РФ заявил, что гордится быть частью сильного и многонационального народа России. Он отметил, что в ходе военной операции на Украине российские солдаты и офицеры действуют, как

настоящие герои: “Я русский человек, и, как говорится, у меня в роду Иваны да Марьи, но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова, уроженца Дагестана, лакаца по национальности, других наших воинов, мне хочется сказать: “Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин. Все этнические группы России невозможно перечислить, но я горжусь тем, что я часть этого мира, часть могучего, многонационального мира России...”

Гордость понятна, но хочу заметить: её закладывала и многонациональная советская литература с блестящей школой перевода и продуманной культурной политикой. Вот, например, в этом году Дагестан с особым размахом отмечает 90-летие Фазу Алиевой. Не самый круглый юбилей, но в многонациональной республике понимают, что такое творчество и общественная деятельность истинно народной поэтессы. А ведь её бы и многоязыкий Дагестан не узнал без переводов фронтовика Владимира Туркина, русских поэтесс — киевлянки Юнны Мориц, украинки Ларисы Румарчук, покинувших потом Россию Тамары Жирмунской и Инны Лиснянской. С последней Фазу искренне дружила, но Инна Львовна признавалась, что много переводила однокашницу по Литинституту, чтобы купить кооперативную квартиру. Вот какие были гонорары! А где издательские программы по переводам и изданиям сегодняшних поэтов? Создали парадную и дорогую антологию силами “своих” переводчиков Роспечати, и всё! А ведь Минцифры по безумному распределению государственных обязанностей курирует и издательский процесс, а значит, и весь литературный. Где гранты и продуманные издательские программы? Где совместные действия с замолчавшим Министерством культуры в Году культурного наследия народов РФ? Глухо...

Хочу повторить: ведь бездействие — это тоже выстрел в спину.

МАРИНА ЩЕРБАКОВА

В ПРЕДДВЕРИИ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

Мысль об отправке Русской Духовной Миссии в Иерусалим родилась под влиянием многих обстоятельств.

На владение святыми местами Палестины и Сирии с давних пор претендовали христиане разных исповеданий. Со второй половины 1830-х годов спор вокруг святынь Иерусалима и Вифлеема особенно обострился между духовенством Греческой и Армянской Церквей. Накалённая атмосфера враждебности таила в себе серьёзную опасность более активного вмешательства Римско-Католической Церкви в дела на Востоке. Предпосылки к этому были. Западные державы, особенно Франция, в 1840-е годы активно вели себя на Святой Земле: учреждали консульства, организовывали школы и больницы, строили церкви. И для этих держав святыне места были мощным полюсом притяжения.

Россия, между тем, вела осторожную политику, чтобы не навредить делу. Её авторитет и влияние на Востоке поддерживались Кючук-Кайнарджийским мирным договором, заключённым с Османской Портой по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 годов. В частности, артикул 8 Договора гласил: “Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволит-ся свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будет требовать ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути от кого бы то ни было никакой харач, подать, дань или другие какие налоги; но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими пашпортами и указами, которые прочим 83 дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Османской империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорблений, но да будут они со всей строгостью законов защищаемы”.

Когда же Папа Пий IX в 1847 году восстановил титул, не присваивавшийся со времён последних крестовых походов, и назначил епископа Валергу “Латинским Патриархом Иерусалима”, угроза со стороны Католической Церкви для Православия на Святой Земле стала очевидной. Потребовалось наблюдение за действиями католического прелата. Много шума на Востоке вызвала брошюра французского миссионера Эжена Боре о праве католиков на палестинские святыни. При этом первоначальные мотивы спора быстро стали приобретать политическую окраску.

Архимандрит Порфирий (Успенский) был, возможно, одним из первых, кто осознал всю важность учреждения в Иерусалиме Русской Духовной Миссии; свои соображения на этот счёт он изложил в записке от 6 января 1845 года, представив её русскому посланнику в Константинополе В. П. Титову. Знаменитый византолог и востоковед, архимандрит Порфирий в это

время совершал свою первую поездку по Ближнему Востоку, за два с половиной года побывав в Палестине, Сирии, Египте, Ливии, в Синайской пустыне, а также посетив Святую Гору Афон. Наблюдая состояние Православия, он всё более убеждался в необходимости взаимодействия между Поместными Церквями для решения общих задач.

Для учреждения в Иерусалиме Русской Духовной Миссии была ещё одна немаловажная причина. К святыням Палестины издавна устремлялись русские православные паломники. Преодолевая долгий путь, сопряжённый с дорожными трудностями и нередко даже опасностями, они, хотя и непритязательные к бытовым условиям, всё же нуждались, когда достигали заветной цели, в определённой помощи и надзоре. Поэтому заботу о них должно было взять на себя официальное русское учреждение в Палестине, а такого не было, кроме посольства в Константинополе и консульства в Бейруте. Это, в связи с возрастающим числом паломников на Святую Землю, неоднократно подчёркивал в своих служебных письмах и русский консул К. М. Базили.

Два года дело о Духовной Миссии держалось в тайне и обсуждалось узким кругом лиц.

В начале января 1847 года посланник Титов, находясь в Петербурге, вновь обратился к архимандриту Порфирию с поручением в двухдневный срок подготовить записку о необходимости учреждения Миссии. Оценив по достоинству изложенные архимандритом Порфирием аргументы и приняв во внимание его прежние труды и заслуги, Титов решил добиваться его назначения начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Первой официальной датой в истории Миссии следует считать 11 февраля 1847 года. В этот день государственный канцлер К. В. Нессельроде представил Императору Николаю I записку с предложениями, заранее согласовав их с обер-прокурором Святейшего Синода Н. А. Протасовым, об устройстве в Иерусалиме Русской Духовной Миссии. Документ получил Высочайшее одобрение. В тот же день графу Нессельроде было дано указание определить будущих сотрудников и подумать об источниках финансирования Миссии.

Выбор остановился на иеромонахе Феофане (Говорове), бакалавре Санкт-Петербургской духовной академии, и студентах Санкт-Петербургской духовной семинарии Петре Соловьёве и Николае Крылове. Они были «уволены за границу для поклонения Святым местам»; им дозволялось находиться в Иерусалиме при архимандрите Порфирии и принимать участие в возложенных на него поручениях.

Составленные к 28 августа 1847 года сметы денежного жалования по штату Миссии были поданы на Высочайшее рассмотрение. На документе Император Николай I собственноручно начертил: «Быть по сему».

Наконец, 14 октября, в восьмом часу вечера, как следует из рапорта секретаря Санкт-Петербургской духовной консистории, члены Миссии выехали к месту назначения. Предстоял долгий и длинный путь: на лошадях от Петербурга до Одессы; далее парходом до Константинополя, от Константинополя до Бейрута; затем восемь дней пути на мулах.

Сложная политическая ситуация на Востоке повлияла на решение Святейшего Синода придать Миссии на первое время неофициальный статус. Сотрудники должны были представляться паломниками, или, как тогда было принято говорить, поклонниками, имевшими, впрочем, рекомендацию от русского духовного начальства к Иерусалимскому Патриарху. Архимандриту Порфирию был выдан антиминос «для священнодействия на Святых местах». Рассчитывая на разрешение Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского, Русская Миссия намеревалась наладить в Палестине богослужения на славянском языке, но так, чтобы не вызвать недовольства греков. Исключительный авторитет архимандрита Порфирия, его глубокое знание православного Востока должны были укрепить отношения России с Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами, в союзе с которыми можно было бы противостоять планам Римско-Католической Церкви и протестантских стран Европы.

В Одессу миссионеры прибыли 2 ноября и приступили к упаковке багажа с книгами и домашними вещами, заказали для всех членов Миссии полное монашеское одеяние, «которое нашим покровом не может быть изготовлено нигде за границей». В связи с этим пришлось пришить один пароход. Но время зря не теряли: встречались с известным философом Александром Скарлатовичем Стурдзой и действительным членом Афинского общества

древностей Спиридоном Юрьевичем Дестунисом; иеромонах Феофан и студенты учили новогреческий язык.

21 ноября пароход “Херсонес” с членами Миссии на борту наконец покинул берега Одессы и взял курс на Константинополь. Неожиданным и приятным попутчиком оказался полковник Егор Петрович Ковалевский; известный путешественник направлялся в Египет, Нубию и Абиссинию. Двое суток длилось плавание по Чёрному морю. Пройдя Босфор, “Херсонес” бросил якорь в заливе Золотой Рог.

Два месяца провели русские миссионеры в Константинополе. По протоколу все были представлены русскому посланнику Владимиру Петровичу Титову, принимали благословение у Вселенского Патриарха Анфима в присутствии всего Священного Синода Константинопольской Православной Церкви; участвовали в богослужениях и патриарших приёмах. На одном из них Патриарх Анфим сообщил гостям из России, что “тайно поминал государя нашего в молитвах своих”; он также молился “о спасении сербского народа, по завещанию бывшего правителя Сербии, Милоша Обреновича старшего”.

В путевом дневнике архимандрита Порфирия находим сообщение о неблагоприятном участии католиков в притеснении православных христиан, чему он был свидетелем: “В Константинополе живёт папский миссионер, который хорошо знает язык церковнославянский. Он купил здесь богослужебные книги, напечатанные в России, и послал их папе, а турецкому министру иностранных дел показал в них моление о потреблении агарянского царства. И вот теперь здешние книгопытатели вырезают эти моления и вырывают те страницы, где напечатаны имена наших царей, цариц и их чад. Жаль мне болгар, которые охотно покупают наши богослужебные книги. Я боюсь, как бы агаряне не стали притеснять их под предлогом розыска этих книг для уничтожения в них речений, противных агарянскому владычеству их”.

В Константинополе учёные занятия сотрудников Миссии обрели новое качество. Архимандрит Порфирий составил для Священного Синода Русской Православной Церкви краткие заметки об Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквях. Под его руководством иеромонах Феофан завершил перевод трёх греческих рукописных памятников из кодекса Иерусалимской Патриархии, выявленного в библиотеке Константинопольского подворья Святогробского монастыря: “Деяния об архиепископе Синайском Косме” (1702) и два послания Константинопольского Патриарха Хрисанфа (1721).

Получив рекомендательное письмо от Вселенского Патриарха, русские миссионеры намеревались посетить открытое в 1844 году греческое богословское училище на о. Халки. Это один из девяти Принцевых островов в Мраморном море в 20 верстах от Константинополя. На самом высоком холме острова, в северной его части, располагался греческий монастырь Пресвятой Троицы, в котором и разместилось духовное училище, ставшее главным образовательным учреждением для высшего и низшего духовенства в Константинопольском Патриархате. За годы существования училища вплоть до его закрытия в 1971 году дипломы об окончании учебного курса получили 930 слушателей.

Но слабость здоровья архимандрита Порфирия и зимняя непогода помешали русским миссионерам посетить остров Халки. “Это дело может исполнить будущий священнослужитель здешней посольской церкви”, – писал архимандрит Порфирий К. С. Сербиновичу. Так и произошло. Позднее, на Пасху 1857 года, уже в сане архимандрита и как настоятель русской посольской церкви в Константинополе, в халкинском училище побывал о. Феофан (Говоров) и убедился, как замечательно всё в нём устроено. Халкинская богословская школа и в последующие годы привлекала к себе внимание и возбуждала в русских людях стремление помочь благородному делу воспитания православных юношей на Востоке. В 1861 году на выпускных экзаменах присутствовал архимандрит Антонин (Капустин), описавший свои впечатления в очерке “С Востока”. Протоиерей Серафим Серафимов посвятил этому учебному заведению аналитическую статью “Несколько слов о преподавании славянского языка в Богословском Халкийском училище в Константинополе”.

Из Константинополя в Бейрут членов Миссии доставил корабль “Истамбул”, на борту которого состоялась нечаянная встреча. Вместе с русскими миссионерами плыл Николай Васильевич Гоголь. Студент Пётр Соловьёв описал в своих воспоминаниях, как ему довелось угощать великого русского писателя и его спутника родосскими апельсинами. На этом знакомство

миссионеров с Гоголем, собственно, и закончилось. Позднее, в письме к А. С. Стурдзе, архимандрит Порфирий так объяснил происшедшее: “С Гоголем я встретился на пути в Иерусалим и не мог узнать его по причине не-прикосновенного сосредоточения души его в себе самой и в Боге”.

Гоголь направлялся в Иерусалим из Италии. По совету русского генерального консула в Сирии и Палестине К. М. Базили, своего школьного товарища, он выбрал маршрут не через Александрию, после чего полагался 12-дневный карантин, а через Смирну. О подготовке к паломничеству, о душевных состояниях, дорожных впечатлениях он писал в письмах к В. А. Жуковскому, протоиерею Матфею Константиновскому, А. А. Иванову, А. М. Виельгорской, С. П. Шевырёву, П. А. Плетнёву, А. О. Смирновой, А. П. Толстому, к родным.

Скудная природа Палестины, блёклые краски, пески, камни... Так странно поражает этот неяркий пейзаж... Но за ним видится то, ради чего преодолеваются громадные расстояния. “Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие Евангельское и без того уже обстанавливается в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают чувствовать *минувшее* время, чем все ныне видимые местности, обнажённые, мёртвые?” Это слова Гоголя в ответ на просьбу Жуковского описать Палестину. И ещё: “Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звёзды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских – страшный день Крестной Смерти при помрачении всего вокруг и землетрясеньи или Светлый День Воскресенья, от блеска которого помрачится всё окружающее – и нынешнее, и минувшее?”

В Бейруте Гоголь остановился у Константина Михайловича Базили, который с ноября 1839 года состоял российским консулом в Бейруте и Палестине. Базили родился в 1809 году в Константинополе в богатой греческой семье, принимавшей участие в освободительном движении Греции. С началом греческого восстания в 1821 года отец Базили, чтобы избежать угрожавшей ему смертной казни, перебрался с семьёй в Одессу. Год спустя Константин Базили был принят в одно из привилегированных учебных заведений России – Нежинскую гимназию высших наук и лицей князя Г. А. Куселева-Безбородко, где его товарищами наряду с Гоголем стали будущие поэты Н. В. Кукольник и Е. П. Гребёнка, поэт-переводчик В. И. Любич-Романович, профессор права П. Г. Редкин, литератор Н. Я. Прокопович, художник А. Н. Мокрицкий, дипломат И. Д. Халчинский и другие. Русские культурные ценности стали для Базили родными. “Судьбы Востока и личная моя судьба дали мне новое отечество – Россию”, – писал он позднее.

После преобразования в 1843 году бейрутского консулата в генеральное консульство в подчинении Базили оказалась консульская служба всей Сирии. Неудивительно, что первые сотрудники Русской Духовной Миссии в Иерусалиме обрели в лице К. М. Базили надёжного и верного помощника.

По прибытии в Бейрут члены Миссии расположились в доме архиепископа Бейрутского Вениамина. Путевой дневник архимандрита Порфирия сохранил колоритные подробности церемонии обеда архиепископа с его духовными чадами и описание дальнейшего путешествия Миссии в Иерусалим: минуя Сидон, Сарепту, Аджлун, через Тир и далее – в Яффу. Ещё два дня занял путь из Яффы до Иерусалима – с остановкой на ночлег в греческом гостиничном монастыре города Рамле.

Наконец, 17 февраля 1848 года засветло русские миссионеры прибыли в Иерусалим и разместились в кельях монастыря Св. Гроба. Святогробский монастырь вплотную примыкал к Храму Воскресения Христова; ему принадлежали две небольшие церкви – Царя Константина и Св. Фёклы.

Приём у Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Кирилла состоялся на следующий день. Обе стороны засвидетельствовали свои намерения относительно друг к другу “с тем доверием и с тою любовью, какие всегда существовали между Российской и Иерусалимской церковью”.

Святая Земля, какой её увидели первые сотрудники Русской Духовной Миссии, описана русскими паломниками тех лет. Кроме Н. В. Гоголя, это такие выдающиеся личности, как князь П. А. Вяземский, А. Н. Муравьёв, архимандрит Софония (Сокольский). Их впечатления отражены в письмах, путевых заметках, дневниках, позднее опубликованных и ставших фактом литературы: “Путешествие на Восток (1849–1850)” князя П. А. Вяземского; “Письма с Востока” А. Н. Муравьёва, литературным адресатом которых был митрополит

Московский и Коломенский Филарет (Дроздов); “Поездка на Иордан” архиепископа Софонии (Сокольского). Наполненные широким спектром тонких наблюдений и художественных образов, они до сих пор служат богатейшим источником сведений о состоянии палестинских святынь и о событиях вокруг них накануне Крымской войны 1853–1856 годов.

Русский поэт, потомок старинного княжеского рода Пётр Андреевич Вяземский и его жена княгиня Вера Фёдоровна (урожд. Гагарина) приезжали в Иерусалим поклониться святыням в апреле 1850 года. Их паломничество на Восток было связано с тяжёлой утратой – смертью в 1849 году старшей дочери Марии (в замужестве Валуевой). В эти годы сын Вяземских Павел, сотрудник Министерства иностранных дел, служил в Константинополе, где встретил родителей и помог им в определении дальнейшего маршрута. Случилось так, что в Иерусалиме Вяземские разминулись с архимандритом Порфирием и его сотрудниками по Миссии, незадолго до того отбывшими в Египет. Их личное знакомство не состоялось, но сохранился путевой дневник Вяземского, передающий атмосферу жизни, в которой протекало служение русских миссионеров на рубеже 1840–1850-х годов. Вяземским настолько живо переданы впечатления паломника, впервые посетившего Святую Землю, так трепетно взволнована его душа, что читателю кажется, будто он сам прикоснулся к великим святыням, прошёл по улицам Святого Града – именно в те самые дни, когда русское присутствие в Палестине только начинало свою историю. Свои переживания Вяземский выразил также и в поэтической форме (стихотворение “Палестина” 1850 года). Путевой дневник поэта, помимо всего прочего, служит свидетельством напряжённого соперничества представителей разных Церквей, их непримиримой борьбы за главенствующую роль у Гроба Господня, в Вифлеемском вертепе. Парадоксальное суждение Вяземского, что Россия сильна своим отсутствием на Святой Земле, его свидетельство о “желании некоторых, чтобы мы явились”, убеждают в справедливости стремления основать в Иерусалиме русский монастырь “с приличным службе нашей благолепием, с певчими и пр.”.

Для русского духовного писателя А. Н. Муравьёва, прибывшего к сирийским берегам в середине 1849 года, встреча со Святой Землёй была не первой. За двадцать лет до того он уже предпринял большое путешествие в эти края и посетил, кроме Иерусалима, Александрию и Каир, побывал на Кипре, в Смирне и Константинополе, в Анатолии. Современники в России “с умилением и невольной завистью”, по словам А. С. Пушкина, зачитывались его “Путешествием ко Святым местам в 1830 году”. При новой встрече со Святым Градом и его окрестностями Муравьёва сопровождали Иоасаф, игумен Лавры Саввы Освященного, сотрудники Русской Духовной Миссии – иеромонах Феофан, будущий Затворник Вышенский, и студенты. В одну из поездок монахи отслужили для знаменитого паломника из России Литургию – едва ли не первую на славянском языке на берегу Иордана, под открытым небом, соорудив “престол из принесённых столбцов и древесных ветвей, срубленных на месте; покрыв его зелёной трав, одели парчовой одеждой и положили сверху антиминс, <...> крест и Евангелие, с иконой Богоявления Господня”. В “Письмах с Востока” картины Вифлеема, Иерихона, Лавры Евфимия Великого, Горней перемежаются с фактами церковной и политической истории, с жанровыми зарисовками, лирическими отступлениями. У Муравьёва органично соединяются глубокое смирение православного паломника перед святынями, истинный талант художника и наблюдателя, достоверность документалиста.

Паломничество Муравьёва было особым свойством, сродни исследовательской экспедиции. В этом он близок архимандриту Порфирию (Успенскому), встреча с которым всё-таки произошла; это случилось в конце января 1850 года на возвратном пути – в Бейруте, в доме российского генерального консула К. М. Базили.

Исследовательское чутьё Муравьёва и блестящее знание библейской истории подсказывали ему направления поиска. Так, можно полагать, что именно Муравьёв стал первым из русских паломников, открывших для себя Фаран – первую из основанных прп. Харитоном в центре Иудейской пустыни иноческую обитель. Спустя полгода после путешествия Муравьёва один из его проводников, дважды отправлявшийся по его заданию на поиски Фарана, рассказал об этом архимандриту Софонии (Сокольскому) – ещё одному известному паломнику, и тот, после долгого пути под палящим солнцем, также увидел перед собой “дикую, безжизненную, глухую и необитаемую дебрь

с несколькими логовищами для шакалов и гиен”. И только в 1865 году исследование Фарана было продолжено архимандритом Леонидом Кавелиным.

Архимандрит Софония в паломничество на Святую Землю прибыл из Константинополя, где служил настоятелем русской посольской церкви и где в 1847 году встречал направлявшихся в Иерусалим сотрудников Русской Духовной Миссии. Его путешествие по Палестине длилось четыре летних месяца 1850 года; записи путевого дневника архимандрита Софонии наполнены живыми картинами событий на Святой Земле в годы, предшествовавшие Восточной войне. Во многих поездках архимандрита Софонию сопровождали офицеры и матросы русского брига “Неарх”, на котором он плыл от Константинополя до Яффы и обратно, – более 25 человек; “по прибытии в Иерусалим вместе со мною говели, и потом все у меня исповедались и приобщались Св. Таин на Гробе Господнем”, – вспоминал архимандрит Софония. Командир брига Н. Е. Рябинин, впоследствии контр-адмирал русского флота, спустя пять лет после паломничества в Иерусалим был тяжело ранен на Малаховом кургане при героической обороне Севастополя.

Авторами путевых заметок о паломничестве на Святую Землю в начале 1850-х годов были и менее известные современники, например, тульская дворянка Екатерина Волкова или петербуржец, скрывшийся за инициалами Н. Щ. В их дорожных записях – малоизвестные и трудно представляемые сегодня подробности жизни русских паломников на Святой Земле, куда они отправлялись на несколько месяцев, преимущественно с осени и до весны, чтобы встретить Пасху у Гроба Господня.

“Путевые записки, или Краткое описание о Святом граде Иерусалиме и его окрестностях 1852 и 1853 года” Е. Волковой хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде С. А. Белокурова, доктора церковной истории и археографа, выпускника Московской духовной академии, члена Московского общества истории и древностей российских. Тетрадь, исписанная аккуратным крупным женским почерком, попала к учёному, вероятно, в период его работы хранителем Московского главного архива Министерства иностранных дел.

Е. Волкова последовательно описала свой маршрут: Москва–Киев–Одесса–Константинополь–Иерусалим. В Палестине поклонилась святыням Вифлеема, Назарета, Наблуса, побывала на Тивериадском озере, на берегах Иордана, на Сионской горе и на Фаворе. Отдельные разделы “Путевых записок...” посвящены Голгофе, Крестному пути Спасителя, Елеону, Мамврийскому дубу, Горней... Наиболее сокровенные страницы путевого дневника связаны с Храмом Гроба Господня, со святынями, напоминающими о событиях Священной истории. Евангельские стихи сами приходят на память паломнице, оживляя непривычные для русского взора палестинские виды. Венчает “рай душевный” пребывания Е. Волковой на Святой Земле ранняя обедня на Пасху 1853 года, совершённая “на родном языке архимандритом Порфирием; и где же? на Живоносном Гробе!”

Записки ещё одного паломника – “Краткое описание путешествия в Палестину” Н. Щ. – вышли в Москве в 1851 году. Цензором книжки выступил архимандрит Леонид (Краснопевков), впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский. Паломничество Н. Щ. относится к 1847–1848 годам; он буквально на месяцы опередил прибытие в Иерусалим Русской Духовной Миссии, таким образом, оставленные им натуралистические зарисовки дают редкую возможность представить, каким увидели русские миссионеры Святой Град. В отличие от Е. Волковой, Н. Щ. больше обращает внимание на внешнюю, бытовую сторону своей поездки. Его неприятно поражают хаос и теснота на корабле: “кругом крик, шум, брань”, нехватка пресной воды. На суше – также “всякого рода кутерьма”, беспомощность от незнания языков, греческого или турецкого, обманы мусульман, дерзость разбойников, нападавших с камнями и даже с ружьями на паломников. Состояние многих святынь мест удручает путешественника, не вызывая в его душе библейских ассоциаций. Столь разнящиеся впечатления, мысли, настроения паломников не только естественны; в них отражены проявления живой жизни, которые со временем сглаживаются или вовсе исчезают из исторической памяти.

Тем и важны воспоминания и зарисовки Е. Волковой и Н. Щ., что они дополняют достоверными подробностями и яркими бытовыми деталями официальные документы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Исключительно важным источником сведений о Сирии и Палестине стала в середине XIX века книга К. М. Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении». Базили, хорошо знавший среду, в которой вырос, и, в силу своего глубокого интереса, приобретший многие познания о регионе, как нельзя лучше подходил для работы на Востоке. К моменту назначения его консулом в Бейрут им были уже написаны и опубликованы книги «Архипелаг и Греция», «Очерки Константинополя», «Босфор и новые очерки Константинополя», а также статьи «Стамбульские оригиналы», «Константинопольские библиотеки», «Коринф», в которых проявился его недюжинный литературный талант. Палестина 1840-х годов стала для пытливого ума и исследовательской натуры Базили истинной находкой; так родился замысел новой книги: о системе государственного управления и экономике страны, об исторических корнях современных явлений, о моральном состоянии населения, обусловленном клубком религиозных столкновений и конфликтов, о древней культуре Православного Востока. Служебная деятельность генерального консула России давала Базили много возможностей для наблюдения текущего хода событий и участия в них; ему нередко «представлялись случаи облегчать судьбу христиан, бороться противу тиранских властей, противу фанатизма мусульманского и укрощать феодальные насилия и бесчинства».

Новая книга Базили о Сирии и Палестине должна была, по замыслу автора, войти «в разряд материалов, которых изучение полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока». К лету 1848 года книга была завершена. В предисловии к ней Базили написал: «Не раз посчастливилось мне быть примирителем между враждующими племенами и спасти села и города. Считаю себя вправе упоминать об этом, потому что заслуги агента Великой державы на Востоке должны быть приписаны не личности его, но званию, которым он облечён». С рукописью знакомились близкие и друзья автора; Базили особенно дорожил высокой оценкой своего труда П. А. Вяземским, «по литературной его славе».

Знания и опыт генерального консула, его положительную роль в решении запутанных межконфессиональных и дипломатических вопросов не раз имели возможность оценить сотрудники Русской Духовной Миссии. Это подтверждает сохранившаяся в архивах служебная и частная переписка русских миссионеров с Бейрутом, Константинополем, Петербургом, Киевом и Одессой. Значимость отдельных архивных документов, несомненно, возрастает, если их расположить в виде летописного хронологического свода; именно так, представленные не разрозненно, а в реальной исторической последовательности, письма позволяют обнаружить центральные и периферийные темы, выявить целостные сюжетные нити, выстроить отдельные эпизоды жизни народов и частных судеб. Это история перевода и печатания Окружного послания Восточных Патриархов в ответ на грамоту Римского Папы Пия IX, перевод славянского катехизиса на арабский язык; затеянная А. С. Стурдзой покупка для женской Сайданайской обители масляного сада; организация училищ для арабских юношей и девиц; тяжба вокруг гарема на крыше Святогробского храма; размещение Миссии в Архангельском монастыре в Иерусалиме, ремонт монастыря «скрытно от мусульманской власти» и неосуществлённые планы на его перестройку. По переписке также восстанавливаются точные даты многих промежуточных событий, вплоть до дня и часа; фиксируются отдельные богослужения на славянском языке, в которых участвовали члены Миссии; наконец, устанавливаются имена помощников, благотворителей и паломников на Святую Землю в годы, предшествовавшие Крымской войне.

В наследии первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Порфирия (Успенского) значительный объём занимают его переписка с современниками и дневники, отчасти вполне законченные, отчасти в кратких заметках. Тщательность и подробность ежедневных записей драгоценны на фоне скудных знаний о Палестине середины XIX века. В 1894 году, в девятую годовщину дня кончины преосвященного, Императорская Академия наук осуществила издание «на иждивении Императорского Палестинского Общества» дневников епископа Порфирия — в форме книги с авторским заглавием: «Книга бытия моего». При подготовке рукописи издатели сочли нужным «строго держаться оригинала», понимая, что подчас весьма сильные

и резкие выражения епископа Порфирия “должны быть приписаны его беззаветной и самоотверженной любви к России и Православию, для защиты которых дух его, по собственному его выражению, возбуждался ревностью Илиной”. Благодаря записям епископа Порфирия мы имеем возможность судить о трудах первых русских миссионеров. Они обследовали книжные фонды древних монастырских библиотек Сирии, Палестины и Египта, сохранили для истории Православной Церкви и мировой ориенталистики редчайшие документы и артефакты, многие из которых безвозмездно передали в древлехранилища России.

Задачи, поставленные перед неофициальной Миссией, отправлявшейся в Иерусалим на три года под видом поклонников, состояли в следующем: “Изучить зодчество Церквей Христианских с его символикою, их священную живопись, поэзию, пение, святы, четьи-минеи, литургии, их историю, дипломатию, нравы, обычаи, обряды, уставы, постановления, силу прав, силу денег и торговли, силу слова и школы, силу дома и храма, и всё это изучить как в их собственных книгах, так и в живом обращении с ними, то в Иосафатовой долине и у Гроба Господня, куда все христиане собираются ежегодно, то в путешествиях по их родным странам, с запасом знания языков армянского, халдейского, сирийского, арабского, персидского, коптского и эфиопского (для чего потребны двенадцать питомцев семинарий)”.

Архимандрит Порфирий регулярно, каждые полгода составлял отчёты об учёных занятиях, из которых складывается достоверная и полная картина научных результатов деятельности Русской Духовной Миссии. Её первые сотрудники усердно осваивали на практике древние и новые языки; ездили в экспедиции в поисках мест, связанных с библейской историей; изучали архитектуру древних палестинских церквей и создавали коллекцию их планов и видов; устраивали быт палестинских церквей иконами своего письма и служебными книгами; собирали и переводили акты духовной дипломатии и духовного судебного красноречия Восточной Православно-Кафолической Церкви, грамоты, духовные и аскетические творения Восточных Патриархов и писателей; исследовали церковные книги на арабском языке, историю арабских топографий и многое другое.

Между тем, время, которое сотрудники Миссии могли посвятить науке, сокращали серьёзные болезни, проистекавшие от климата, плохих условий жизни, сырости помещений, нехватки средств. В частном письме иеромонах Феофан обратил к А. Н. Муравьёву, хорошо понимавшему суть дела, пронзительные слова: “Что мы за выкидуши? И что за небрежная мачеха, на которой лежит неотлагаемый долг попечения о нас. Добро бы — дитя не плачет, мать не разумеет. Писано и переписано. И так, и сяк... Это грех пред Богом и людьми... И вредит нашей цели!.. Ибо и слепой увидит, что мы кинуты”.

Ещё одно свидетельство самоотверженного труда немногочисленного состава Иерусалимской Миссии встречаем у архимандрита Софонии (Сокольского), служившего в русской посольской церкви в Константинополе; он пишет архимандриту Порфирию: “Только лишь кончил чтение вашего отчёта. Что сказать о нём? Много, многое... энциклопедическая начитанность и учёность не школьная, а практическая, выработанная в горниле здравого самодышления и опытности — вот что особенно обратило моё внимание и заставляет ещё более любить вас, уважать и целовать. Но, знаете ли, что скажу вам при сём? Скажу вам мой страх и опасение, что вас и ваших трудов не поймут, не разгадают, не оценят по достоинству. Впрочем, это да не удерживает вас на полезнейшем поприще многотрудного вашего действия. Не поймут теперь, поймут после — будущие веки”.

Результаты самоотверженных трудов первого состава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме часто недооцениваются, сводятся к необоснованному и краткому выводу: *Миссия не удалась*. Опровержение этого поспешного суждения — в летописном своде документов, относящихся к началу истории русского присутствия на Святой Земле. В них ясно звучит глубокое уважение восточного мира к северной православной державе, посланцы которой являли собой пример высокого служения вере, образец благочестия и учёности, деятельной помощи христианам в устройении и украшении храмов, в организации училищ, устройстве больниц. Первые русские миссионеры не жалели сил, чтобы по мере возможности доводить начатые дела до конца. Они снабжали

приличной одеждой воспитанников патриаршего престола, заботились об уровне преподавания не только в иерусалимских училищах, но и в Вифлееме, Бет-Джале, Наблусе и Назарете; открыли новую школу в Лидде, настоятельно побуждали Иерусалимского Патриарха к особому попечению о сиротах, вдовах и бедных. Были предприняты первые практические шаги к улучшению на Святой Земле быта русских паломников и их безопасности. Материальным результатом своих усилий, которым в Иерусалиме “все любят как редкостью”, архимандрит Порфирий считал построенный и отделанный под его присмотром новый дом Миссии: “Вероятно, мне не удастся жить в нём; но, по крайней мере, я оставлю по себе прекрасный памятник моего зодческого искусства и изящного вкуса”.

С началом Восточной войны оказались под угрозой не только результаты энергичных и успешных трудов Русской Духовной Миссии, но становилось нелегальным и само пребывание её в Иерусалиме. Не без основания беспокоился архимандрит Порфирий, “как бы не покинули меня и дружину мою в настоящем опасном водовороте без всякой подмоги”.

Вопрос об удалении русских настойчиво поднимал перед турецкими властями французский генеральный консул П.-Э. Ботта; как археолог он к тому же видел в архимандрите Порфирии серьёзного соперника в ориенталистике. Долгое время русским миссионерам покровительствовал австрийский консул граф Пиццамано, но и его возможности к весне 1854 года были исчерпаны. “Буря уносит меня с Востока, — писал 28 марта архимандрит Порфирий директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. И. Любимову. — Не могу противостоять её сильному напору, но, как подумаю о прерыве моего влияния на благоустройство Церкви Палестинской и моих учёных занятий, посвящённых многостороннему исследованию Востока, признаюсь, сожалею о том, что раненко суждено мне своротить с поприща, хотя никем из наших не протоптанного и потому трудного, но соответствующего прирожденным стремлениям моей души к познанию неизвестного и к деятельности в кругах дальних и обширных, не утомляющего сил моих и ведущего к целям высоким и благодетельным”.

Хотя в Иерусалиме всё было спокойно, эхо военных действий доносилось и сюда, как и отзвуки победных реляций и злобных выпадов против России рвавшихся в Крым турок и союзных держав; “как будто эти союзники не встретят там ни одного полка русского и как будто военный министр наш оставит Тавриду, эту жемчужину России, открытою на съедение ракам, привезённым из Сены и Темзы”, — в том же письме гневно восклицал архимандрит Порфирий. И слово в ответ прозвучало слова Высочайшего манифеста “О войне с Англией и Францией”: “Православной ли России опасаться сих угроз! Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной? — Нет!! Россия не забыла Бога!”

Настал день, когда членам Русской Духовной Миссии предстояло “расстаться с возлюбленными святынями” Иерусалима. 5 мая 1854 года русские миссионеры покинули Святой Град, а вечером 11 мая на австрийском пароходе “Императрица” отплыли из Яффы в Александрию. Их дальнейший путь лежал через Смирну, остров Сирос, и 21 мая “Императрица” подошла к афинской пристани Пирей для дневной остановки. Времени было достаточно для поездки в столицу Греческого королевства.

В дневнике архимандрит Антонин (Капустин), служивший настоятелем русской посольской церкви в Афинах, записал: “Пятница. 21 мая 1854 г. Пётр, приехав, сказал мне, что о. Порфирий давно ожидает меня. Вот тебе сюрприз новый. Пришёл домой, нашёл гостей и о. диакона. Их было трое: о. Порфирий, о. Феофан и один студент с ними. Сколько я ни упрашивал их остаться хоть ненадолго в Афинах, не мог уговорить. Выпив по рюмке вина, отправились к о. иконому. Посидев там с четверть часа, отправились в Пирей. Пароход уже дымился. На палубе его встретил целую Россию баб-богомолок. Имел честь и удовольствие познакомиться с о. Вениамином. Ещё раз простились с отцами Иерусалимскими, передал поклон в Рим. Сколько ждал иерусалимлян... Увидел, как во сне”.

Так состоялась промыслительная в истории Русской Духовной Миссии встреча первых её сотрудников с будущим создателем Русской Палестины.

О дальнейшей судьбе первых сотрудников Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Студент Пётр Алексеевич Соловьёв (1825–1898) стал протоиереем, церковным писателем. По возвращении со Святой Земли десять лет (1855–1865) прослужил священником церкви равноапостольной Марии Магдалины на Малой Охте в Петербурге; затем ещё двадцать лет – священником Покровского храма в Большой Коломне в Петербурге, став его настоятелем в 1885 году. П. А. Соловьёв был принят в члены Императорского Православного Палестинского Общества. Результатом его трудов в составе РДМ явился “Альбом памятников христианской древности в Палестине и Египте”, изданный архимандритом Порфирием (Успенским). Писал воспоминания об увиденном и пережитом.

Студент Николай Петрович Крылов (1828–1905), вернувшись в 1852 году из Иерусалима по болезни ранее других, был принят псаломщиком в храм Входа Господня в Иерусалим в Санкт-Петербурге. Прослужив там два года, после дьяконской хиротонии в 1854 году переведён в церковь Воскресения Христова в Малой Коломне; там же в 1872 году рукоположен во священника и в 1888 году назначен настоятелем. Последние пятнадцать лет его жизни были связаны с храмом равноапостольной Марии Магдалины на Малой Охте.

Иеромонах Феофан (1815–1894) стал известным богословом. После деятельного служения настоятелем русской посольской церкви в Константинополе (1856–1857), ректором Санкт-Петербургской духовной академии (1857–1859), правящим архиереем Тамбовской (1859–1863) и Владимирской (1863–1866) епархий, ушёл в затвор в Успенском Вышенском монастыре, посвятив себя молитве и трудам, в числе которых творения экзегетического, катехизического и аскетического характера, духовно-нравственные и гомилетические сочинения, публицистика, переводы творений святых отцов, письма. Среди русских духовных писателей епископ Феофан занимает первое место по масштабам своего наследия. В 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви он был прославлен в лике святителей.

Архимандрит Порфирий (1804–1885) продолжил свои научные изыскания, пополняя музейные и библиотечные собрания России ценнейшими рукописями и артефактами. После своего третьего путешествия на Восток в 1861 году больше уже не покидал Россию. В 1865 году был рукоположен во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1878 году назначен членом Московской синодальной конторы и настоятелем Новоспасского монастыря.

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

РАПМ ОБЪЯВЛЯЕТ БОРЬБУ С “ФОКСТРОТЩИНОЙ”

Борьба с “нэпманской” музыкой была, что называется, востребована, она проходила в период свёртывания нэпа. Но пролетарские музыканты преследовали ещё и свои собственные цели. Во-первых, им необходимо было пропагандировать и распространять свою песенную продукцию. Во-вторых, им удалось узнать, что с АМА сотрудничает, и отнюдь не бескорыстно, человек, с которым они вели борьбу, что называется, не на жизнь, а на смерть.

Первым начало борьбы с “лёгким жанром” объявил неумолимый Лев Лебединский. В пятом номере журнала “Пролетарский музыкант” за 1929 год он публикует статью “Важнейшее звено нашей работы”¹. Описав свои впечатления о положении дел с “лёгкой музыкой” по разным городам Советского Союза, а также факты отнюдь не бескорыстного её продвижения со стороны чиновников разных уровней, он в резюмирующей части своей статьи приходит к следующим выводам: “Нужно добиться коренного пересмотра и изменения нашей политики в отношении издания и исполнения “лёгкого жанра”. <...> Нужно добиться пересмотра работников по музыкальной линии в репертуарных комитетах и в Гублитах, этих важнейших в нашей области рычагах пролетарской диктатуры. <...> Мы считаем необходимым пересмотр работников по музыкальной линии, безусловное запрещение исполнения и, уж конечно, издания цыганщины (хотя бы даже и “революционной”) и фокстротов”².

И тут же, ссылаясь на факты, указывает на связь работников учреждений культуры не только с композиторами-“частниками”. Как он пишет, “для нас совершенно очевидно, что в целом ряде случаев, когда явно бросающаяся в глаза пошлость, порнография, бульварщина разрешалась к исполнению, а иногда даже издавалась, мы имели преступный блок ряда работников с “нэпмановскими” композиторами и исполнителями, связь с нашим музыкальным “частником”, подобную той, которая имела в Астрахани, в Тульском Окружном финотделе и т. д.”³.

Кампания этой борьбы была продолжена в журнале “Пролетарский музыкант”, в других газетах и журналах. Лев Лебединский выступает, помимо своего журнала, в других СМИ, выступает с докладами. На Всесоюзной музыкально-ведческой конференции этот вопрос подымался в докладе инспектора

Продолжение. Начало в №1,5,6 за 2016 год, №6,8 за 2017 год, №2 за 2018 год, №1,5,6,7,8,10-12 за 2019 год и №3 за 2022 год.

по театрам рабочей молодёжи И. Чичерова “О массовой песне”⁴. В листке “За пролетарскую музыку” публикуется отредактированная стенограмма доклада Лебединского о массовой песне на производственном поэтическом совещании РАПП⁵.

Историк музыки Е. М. Браудо, инспектор по музыке Раздела театра, музыки и кино в Главискусстве, написал впечатляющую статью, в которой показал репертуар, продающийся за границу под маркой “лучшие образцы музыки СССР”, как то: “Кошечка-фокстрот”, “Лю-лю-фокстрот”, “Альпийский фокстрот”, “Гонолульский мёд”, “Вау-вау-фокстрот”, “Розита танго”, “Гавайский блюз” в исполнении Тамары Церетели, Вани Козловского, Теа-джаз под управлением Л. Утёсова, АМА-джаза под управлением А. Цфасмана, ансамбля цыганских песен В. Кручинина, трио гармонистов “Бис”, исполнителя на гавайской гитаре Джона Даниера и пр.⁶.

Кампания по борьбе с “нэпманской” музыкой была продолжена и при Феликсе Коне, пришедшем после Раскольниковца в Главискусство в начале 1930 года⁷.

В третьем номере журнала “Пролетарский музыкант” была помещена “Анкета о “лёгком жанре”. В анкете было два вопроса. Первый касался отношения к борьбе ВАПМ с “нэпманскими”, цыганско-фокстротными группировками музыкантов, а второй – об отношении к общественной кампании за запрещение печатания и исполнения так называемого “лёгкого жанра”, а также к кампании за очищение авторских обществ от непрофессиональных творцов этого жанра.

Среди откликов на эту анкету на первом месте помещён ответ Ф. Кона, новоиспечённого председателя Совета по делам искусства и литературы (Главискусства). Старый партработник, при царизме сидевший в тюрьме, побывавший в ссылках, в молодости успевший познакомиться с И. С. Тургеневым, Феликс Кон отвечал с партийной прямотой: “Я считаю необходимым беспощадно и до конца бороться с цыганщиной и фокстротчиной, с их организованными и неорганизованными творцами и исполнителями-пропагандистами, с их поклонниками и покровителями. Я подхожу к этим музыкальным явлениям с точки зрения их классового происхождения и содержания и расцениваю их как продукты наиболее враждебных и чуждых нам классов и классовых прослоек. Поэтому надо признать, что здесь один из наиболее опасных и вредных участков музыкальной жизни”⁸.

И в конце добавил, что он, конечно, положительно относится к начатой журналом кампании, высказав пожелание: “Хотелось бы, чтобы и ваша Ассоциация, и ваш журнал проводили эту положительную работу не менее энергично и упорно, чем вы в настоящее время боретесь с враждебными музыкальными явлениями”⁹.

В полном согласии со своим начальником высказался директор Московской консерватории Б. Пшибышевский. “Так называемый “лёгкий жанр” в музыке – один из наиболее опасных и живучих ещё источников враждебной рабочей классу, “нэпманской” идеологии. Всевозможные “цыганские” романсы, фокстроты, пишутся ли они на откровенно мещанский, иногда просто порнографический текст, или хитро маскируются “революционной” тематикой, неизменно обволакивают ядовитым дурманом психику рабочего, ещё глубже, чем алкоголь, деморализуют его волю, притупляют классовое чутьё, – прозорливо заметил автор работ о Бетховене. – Решительное изгнание “лёгкого жанра” я считаю одной из важнейших задач классовой борьбы на музыкальном фронте”¹⁰. И в конце, так же как и Кон, подтвердил: “Всецело поддерживаю Ассоциацию пролетарских музыкантов в её непримиримом, большевистском отношении к этому участку борьбы”¹¹.

На анкету откликнулись и прислали свои отзывы люди разных профессий: и рабочие с завода АМО, и видный юрист, председатель Уголовно-Судебной коллегии Верховного суда СССР В. П. Антонов-Саратовский, шахтёр с Донбасса, видные музыканты, представители Московской государственной консерватории, профессора К. Н. Игумнов и Г. Нейгауз¹², музыковед, доцент Г. Коган и преподаватель, пианист Л. Лукомский, певец Анатолий Доливо. Выступил заведующий отделом массового искусства, цирка и эстрады Главискусства Р. Пельше (от лица Комкадемии). Все единодушно одобряли начатую кампанию борьбы с “нэпманской” музыкой и поддерживали в этой борьбе ВАПМ.

Пианист и музыковед Г. Коган, разработавший и читавший в Московской консерватории курс истории и теории пианизма, добавил перца, предъявив авторам песенок “Кирпичики”, “Шахта № 3”, “Вау-вау-фокстрота” и танго “Розита” чисто политическое обвинение. Как он заметил, “наряду с религией, водкой и контрреволюционной агитацией музыка цыганско-фокстротного направления, заражая рабочего нездоровыми эмоциями, играет далеко не последнюю роль в борьбе против социалистического переустройства общества”¹³.

Это уже явно тянуло на небезызвестную 58 статью УК РСФСР. Отсюда уже совсем недалеко до ареста и осуждения того же автора популярных русских эстрадных романсов композитора Б. Прозоровского в 1930 году. И не только его.

Среди композиторов на анкету откликнулся Д. Д. Шостакович. Как это ни покажется странным, но его ответ просто пышет какой-то “революционной” решимостью в расправе с “лёгким жанром”. Он предлагал обратиться к Главлиту и Главреперткому с требованием выпуска соответствующего постановления, категорически запрещающего издание и исполнение “лёгкого жанра”. Мало того. Он требовал поголовного исключения из числа членов авторских обществ композиторов, работающих в области “лёгкого жанра”. Предлагал “повести в клубах и радиопередачах широкую работу, разъясняющую художественное убожество, вредность при слушании продукции “лёгкого жанра” и, самое основное, классовую сущность “лёгкого жанра”¹⁴.

Вполне осознавая, что “голым администрированием не уничтожишь “лёгкого жанра” как стиля”, он предупреждает о необходимости соблюдать бдительность. Как он пишет в п. 4 своих предложений, “поставщики музыкальной продукции вряд ли охотно сдадут свои позиции и тёпленькие местечки в ряду получающих авторский гонорар. Они будут пробиваться наружу не только в виде цыганских романсов и откровенных фокстротов. Нет, они к цыганскому романсу припишут “стопроцентно идеологически-выдержанный” текст. Они будут лезть из всех щелей с “Кирпичиками”, “Джон-Греем” – вместо Джон-Грея-денди Джон-Грей-шахтёр (есть такой) – и тому подобной макулатурой. Благодаря этому, часто притупляется бдительность советской общественности, которая, не задумываясь, проглатывает музыкальную отраву с “идеологическим” текстом”¹⁵.

Поэтому, как он считает, на помощь нужно призвать “партию, комсомол, профсоюзы, радио, клубный актив и музыкальное затейничество. Лишь только вместе со всей советской общественностью проводя широкую разъясняющую работу о классовой сущности “лёгкого жанра”, удастся ликвидировать этот жанр”¹⁶.

Такой воинственный настрой и намерение молодого композитора, отдавшего дань этому самому жанру, объявить ему “гражданскую войну”, отчасти объясняет постскрипtum к ответу Шостаковича. В порядке самокритики он заявляет, что совершил политическую ошибку, дав разрешение дирижёру Н. Малько исполнять его аранжировку фокстрота В. Юманса “Таити-трот” из балета “Золотой век”. Как он уведомляет, “соответствующее запрещение мною послано дирижёру Малько за границу 3 месяца тому назад”¹⁷.

Молодой композитор помнил, что его блестящую аранжировку фокстрота В. Юманса РАПМ сурово и неоднократно осуждал. В частности, как писал музыковедческий авторитет РАПМа Ю. Келдыш, “Шостакович после нашумевшей своей кантаты “Октябрю” стал упражнять свои силы в области обработки обыкновеннейших банальных фокстротов (“Таити-Трот”, в оркестровой обработке Шостаковича). Ясно, что такого рода творчество не имеет никаких точек соприкосновения с пролетарским”¹⁸.

Кампания борьбы с “лёгким жанром”, затеянная РАПМ, не увенчалась полным успехом. “Кирпичики” оказались бессмертными. Впоследствии и Шостакович, и Свиридов, и другие композиторы уже после войны не раз объявляли войну пошлости в “лёгкой” музыке, массовой песне, но безуспешно. И до сих пор те же “Вау-вау-фокстрот” или танго “Розита”, изменив жанр, ритм, инструментарий, под другими названиями вроде “Зайки”, “Руки вверх” или “Ягодка-малинка” благополучно живут, и им не страшна никакая цензура. Ни государственная, ни общественная.

Но если стратегического успеха ВАПМ не удалось достичь, то чисто тактический успех они всё же извлекли из кампании борьбы с цыганщиной и фокстротчиками. Деятельность кооператива АМА была подвергнута ревизии,

сотрудники Наркомвнудела нашли недочёты по финансовой части, и глава кооператива Переселенцев был осуждён на четыре года принудительных работ. Но АПМ метило не в Переселенцева, пролетарским композиторам явно досаждал их ярый противник Н. Рославец, главный цензор, или, как тогда назывался, политредактор по музыке в Главреперткоме.

В конечном итоге, во время очередной, третьей по счёту чистки Реперткома уже в 1931 году Рославец погорел: его уличили в не совсем прозрачном сотрудничестве с АМА, то, что ныне называется коррупционной составляющей. Вместе с ним был обвинён и старший политредактор Главреперткома Н. Равич¹⁹.

Рославец покался в содеянном, написал заявление, по существу, повинную, опубликованную в журнале “Пролетарский музыкант”. Он признал, что в определённый период своей работы в Главреперткоме “допустил ошибку, заключающуюся в том, что не проявил необходимой настойчивости в проведении классовой линии в музыке” и что эта основная ошибка “повела к тому, что я отдал свои произведения для напечатания в их издательство АМА, что я считаю глубоко неправильным, независимо от того, мог ли или не мог я их напечатать в госиздательстве”²⁰.

Мало того, Рославец признал свою полную капитуляцию перед РАПМом. Осудил свои взгляды в прошлом, которые “связали меня с Ассоциацией Современной Музыки, организацией, на продолжении всего своего существования развивавшей <...> формалистические тенденции”. Повинился, что “в пылу борьбы и самозащиты я допустил ряд необоснованных и необъективных выпадов против Ассоциации пролетарских музыкантов и отдельных её членов, в то время как основные моменты художественно-политической линии этой Ассоциации я считаю правильными и классово выдержанными”²¹. Надо сказать, публичное раскаяние принесло Рославцу профит. Он ещё какое-то время оставался на службе в издательстве²² и стал сотрудничать с РАПМом²³.

Помимо начала борьбы против АМА и чистки кадров в своем главке, Раскольников ввёл в новое руководство Софил представителя АПМ. Мало того. Именно при Раскольникове члены АПМ были введены в художественно-политические советы музыкальных театров, в различные комиссии. По настоянию Раскольникова представитель Главискусства докладывал план музыкальной работы главка совету АПМ, в плане учитывались поправки и дополнения, предложенные советом.

Тот же Корев в новом составе Совета по делам искусства и литературы (как стало называться Главискусство) был повышен в чине, помимо цирка и эстрады в его ведение перешла инспекция по музыке.

Это уже была важная ступень в завоевании РАПМовцами “командных высот”. Как положительный факт он отмечает решение нового руководства Совета “ориентироваться на массовую художественную самодеятельность пролетариата и крестьянства”, ставит в заслугу Раскольникову то, что “были отпущены значительные суммы на Всероссийские соревнования клубно-музыкальных кружков, впервые был поставлен вопрос о двухнедельнике пропаганды музыки народов СССР, был утверждён план музыкальной работы Наркомпроса по организации музыкальной жизни на периферии”, что материально поддержал Воскресную рабочую консерваторию²⁴.

Но были, по мнению Корева, и недочёты. И одним из важных Корева считал то, что Раскольников утвердил план ГАБТа в то время, когда пролетарские музыканты устроили театру obstruction в связи с предполагаемой постановкой балета С. Прокофьева “Стальной скок”²⁵.

При пришедшем на смену Раскольникову Феликсе Коне Ассоциация пролетарских музыкантов, пожалуй, достигла “высшей власти”. Далеко не случайно Г. В. Свиридов решил изучить журналы ВАПМа за 1929–1931 годы, особенно за время правления Ф. Кона в Совете по делам искусства и литературы²⁶.

Среди важных для ВАПМа акций, в которых Кон принимал непосредственное участие или которые инициировал или поддерживал, были продолжение борьбы в консерватории со старой профессурой, с “головановщиной”, а также приобретение, фактически рейдерский захват, говоря современным языком, общества “Музыка – массам”. Были и ещё важные события и факты, к которым Кон не был причастен непосредственно, но тем не менее состоялись при нём и наверняка при его молчаливом одобрении.

Если Свицерский пытался предотвратить расправу над Н. С. Головановым и искал компромиссное решение спорных вопросов в МГК, мало того, выдающегося дирижёра поддержал вмешавшийся в это дело по линии ЦКК Н. И. Подвойский, то Кон совместно со своим конфиденнтом Б. Пшибышевским, директором МГК, дали противоход этому делу.

После травли Голованова в Большом театре, закончившейся его увольнением летом 1928 года, борьба с ним была продолжена в консерватории. Последовал целый ряд критических статей о положении дел в консерватории, в конце 1928 года была создана комиссия по расследованию ситуации в вузе.

И если Свицерский в момент расправы с дирижёром в театре ещё даже не был утверждён в должности созданного им главка, то развернувшуюся в консерватории кампанию борьбы с “головановщиной” он уже контролировал. В том числе и подбор кандидатур в комиссию. Конечно, в состав комиссии он не мог не допустить идейных борцов с “реакционным” дирижёром. Поэтому в неё вошли Л. Лебединский (от РАПМ), Л. Оболенский (от Главискусства), М. Имас (от ЦК РаБиса) и ещё ряд деятелей с левыми взглядами. Однако Свицерский ввёл в комиссию людей, не связанных с РАПМ и не сочувствовавших её идеологии. В комиссию вошёл Л. Шульгин, представлявший, с одной стороны, издательство Муссектор ГИЗа, а с другой – ОРКиМД, противников и конкурентов РАПМ. От Большого театра в комиссию вошёл заведующий репертуарной частью театра Б. Гусман, от Софила – его глава В. Чайванов²⁷. Комиссию возглавлял юрист, проф. Н. И. Челяпов, который заменит на посту главного редактора журнала “Музыка и революция” М. Гринберга (М. Сокольского), одного из двух отставленных Свицерским кандидатов в комиссию²⁸. Свицерский явно не доверял Гринбергу.

М. Гринберг – фигура весьма любопытная, неоднозначная – сыграл некоторую роль в судьбе Г. В. Свиридова²⁹. Притом, что, судя по упомянутым письмам Луначарскому и Керженцеву, он выражал позицию, явно совпадающую с позицией РАПМа, тем не менее в том же журнале “Музыка и революция” ещё до того, как он стал главным редактором и работал инспектором музыки в Главискусстве, он опубликовал положительную статью о молодом Д. Д. Шостаковиче³⁰. А молодого автора оперы “Нос” и балета “Светлый ручей” РАПМовцы не очень-то жаловали. Позднее, в 1932 году М. Гринберг пишет статью об опере “Леди Макбет Мценского уезда”, когда только начиналась работа над её постановкой в театре им. В. И. Немировича-Данченко³¹, а в 1934 году будет приветствовать её премьеру в этом театре³².

Комиссия работала в феврале 1929 года и пришла к ряду компромиссных выводов. Было отмечено наличие двух групп в рядах профессуры, одной – правой, другой – “активно-советской”. Было также отмечено, что руководство вуза было в руках правой группы. Было высказано соображение, что “в консерватории немало утерявших художественную и педагогическую ценность старых преподавателей, подчас очень престарелых, замена молодыми крайне желательна”³³.

Касаясь вопроса о Голованове, доклад комиссии констатирует, что каких-либо “доказательств того, что он является центром антисемитизма, протекционизма и затирания истинно-достоинных и талантливых людей” она не нашла. “Его роль сводится к руководству оркестровым классом и дирижированию в концертах консерватории. Но, с другой стороны, проф. Голованов, не играя в консерватории роли руководителя каких-либо групп или течений, охотно даёт себя использовать правой группе, с которой он идеологически несомненно солидарен”³⁴.

И вот Свицерского сняли, вслед за ним распрощались со своими постами глава Росфила В. Чайванов, заврепертуарной частью Большого театра Б. Гусман, Л. Шульгин выбросит белый флаг и сдастся на милость победителя – РАПМа. Решительные изменения произошли и в консерватории.

БОРЬБА С ГОЛОВАНОВЩИНОЙ В МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

В пятом номере журнала “Пролетарский музыкант” за 1929 год выходит информационный материал под заголовком “В музыкальных учреждениях и организациях”. Материал носил официальный характер: это была публикация Постановления бюро Хамовнического райкома ВКП(б) по докладу комиссии, обследовавшей состояние ячейки ВКП(б) Московской государственной

консерватории в связи со статьей в “Комсомольской правде” от 12/VI 1929 года за № 132 “Музыкальная декларация московских “консерваторов”.

Бюро райкома пришло к выводу, что в упомянутой газетной статье были правильно вскрыты правоуклонистские ошибки партруководства МГК. Бюро признало, что документ “Наше отношение к различным общественно-музыкальным группировкам”, составленный членом бюро ячейки МГК Виноградовым, “выдвигает явно неправильный и антипартийный лозунг “гражданского мира” по отношению к представителям реакционных и классово-враждебных пролетариату музыкальных деятелей, приукрашивает головановщину, не большевистски ставит вопрос об использовании старых специалистов, идеологически нам враждебных, и “попутчиков”, забывая о пролетарском руководстве ими, тенденциозно и пристрастно обрушивается на наиболее близкую нам организацию — “Ассоциацию пролетарских музыкантов”³⁵.

В райкомовском документе также отмечено, что “взгляды, изложенные в документе тов. Виноградова, нашли поддержку и со стороны единолично обследовавшего консерваторию члена ЦКК т. Подвойского, что также усугубило оппортунистические взгляды у партруководства консерватории”³⁶.

В конечном итоге, бюро райкома Хамовнического района постановило провести радикальное обновление партруководства консерватории на основе правильной политической линии. Было отмечено, что “руководящие бюро ячейки консерватории тт. Ревич, Черняков и Виноградов на заседании бюро райкома от 19/VIII-1929 г. признали допущенные ими политические ошибки, отмежевались от “документа” и заявили о своей готовности всячески содействовать РК исправить политические ошибки ячейки МГК”³⁷. Кроме того, было предложено “настоящее решение проработать на общем партийном и комсомольском собрании и положить в основу дальнейшей работы ячейки и выпрямления её политической линии”³⁸.

В примечании редакции сообщается, что “во исполнение § 2 резолютивной части настоящего Постановления на общем собрании членов ячейки ВКП(б) Московской консерватории от 19 сентября с. г. были произведены перевыборы бюро ячейки. В состав членов нового бюро вошли тт. Камионская (секретарь), Гачев, Шибышевский, Тихонов, Подымов; в состав кандидатов тт. Абакумов и Закржевская”³⁹.

К этому остаётся только добавить, что Гачев был секретарём РАПМ, А. Камионская была активным членом РАПМ, выступала на совещании в АППО ЦК ВКП(б) по вопросам музыки, открыто критиковала руководителя Главискусства А. Свиердского, в 1931 году на Первой конференции пролетарских музыкантов была избрана в состав Ревизионной комиссии РАПМ, в том же году отстаивала интересы композиторов РАПМ на Московском радио⁴⁰. Вместе с сочувствующим пролетарским музыкантам ректором бюро партячейки МГК фактически превратилась в секцию РАПМа.

Своё понимание проблем консерватории, свою непримиримую “классовую” позицию по отношению к старой, реакционной профессуре директор МГК Б. Шибышевский высказал ещё на совещании в АППО ЦК ВКП(б) в мае 1929 года, когда он, по его признанию, только десять дней тому назад был назначен директором. На этом совещании перед ним выступил тов. Ревич от лица партячейки МГК. Ревич защищал ячейку, не видя в её действиях и документах правого или левого уклона, защищал старую профессию, сказал, что к каждому специалисту надо подходить дифференцированно, “нужно его всемерно использовать как специалиста-музыканта, но давать отпор чуждой нам идеологии, давать отпор его влиянию”⁴¹. И не побоялся бросить вызов РАПМу: “Есть попытки отождествления политики партии с политикой отдельных ассоциаций. Ассоциация пролетарских музыкантов наиболее близкая для нас, но нельзя же её отождествлять с политикой партии в вопросах музыки”⁴².

Шибышевский в своём выступлении фактически отвечал парторгу. Он сначала похвалил Л. Оболенского за то, что в его речи была ясно обозначена “классовая установка”. Призвал: “Надо обострить своё классовое наступление, ибо только в результате наступлений мы сможем отвоевать своё место”. Признался в верности: “Мы все прекрасно понимаем, что эти тезисы очень мало отличаются от установки Ассоциации пролетарских музыкантов. Установка здесь ясна и никакому двусмысленному толкованию не может подлежать”. Выразил опасение, что в партфракции МГК есть опасность “правого уклона”, и особо остановился на подходе к спецам. Назидательным тоном

декларировал: “Мы должны помнить, что отношение к спецам идёт по линии классовой борьбы... что спец-искусственник может принести гораздо больше и незаметнее вреда, чем спец-техник... что мы должны целиком и полностью осудить, ликвидировать лозунг “гражданского мира”⁴³.

Журнал “Пролетарский музыкант” предоставил ему возможность выступить на своих страницах как раз в том номере, где была опубликована информация из Хамовнического райкома партии. “События, разыгравшиеся в Московской государственной консерватории за последние месяцы (обследование правительственной комиссией, смена партруководства, коммунизация правления), являются, несомненно, поворотным пунктом в истории нашего вуза”⁴⁴, – декларировал новый директор. Отметил достижения социалистического переустройства консерватории за 12 лет пролетарской революции в ней. А именно: педфак, производственный композиторский коллектив и “в особенности – Воскресная рабочая консерватория и Музрабфак, являющиеся двумя могучими каналами, связывающими МГК непосредственно с рабочей массой”. Однако, с сожалением заметил он, “всем своим массивом консерваторский корабль всё ещё движется по старому руслу”⁴⁵. И далее фактически повторил все основные тезисы своего выступления в АППО ЦК ВКП(б) в мае.

Вновь заострил внимание на проблеме кадров. “Если слабая пролетарская прослойка является большим тормозом в деле социалистической реконструкции МГК, – заметил он, – то не меньшим тормозом является наличие в нашем вузе группы реакционной профессуры”. А дальше точь-в-точь повторил своё сопоставление спеца-инженера со спецом-музыкантом. “Спец-математик, техник, даже совершенно чуждый нашему делу, но добросовестно выполняющий свою работу, при известных условиях применим в наших вузах, но спец-музыкант, чуждый нам идейно, не могущий и не желающий понять задач строящегося нового общества, вреден и опасен всегда, ибо, передавая студенту-рабочему свою идеологию, своё понимание музыки, воспитывая его в духе своих музыкальных концепций, он искривляет его пролетарское классовое сознание, “фарширует” его своей буржуазной идеологией”⁴⁶.

Увы, над бедным Н. С. Головановым вновь нависла угроза увольнения. 29 декабря 1929 года дирижёр пишет письмо на имя Наркома просвещения А. Бубнова, в котором высказывает недоумение: “До сего времени меня столь же бездоказательно, сколь последовательно обвиняли во всех смертных грехах (до “правого” уклона включительно). Теперь же меня начинают снимать с работы и тем лишают элементарного гражданского права на труд (распоряжение № 94 по МГК, подписанное т. Пшибышевским)”⁴⁷.

ВСТРЕЧА Н. С. ГОЛОВАНОВА С ЮРИЕМ СВИРИДОВЫМ

Голованова ещё не раз будут осуждать, снимать с должности главного дирижера Большого театра, восстанавливать. В 1937 году после очередного ухода из Большого театра Н. С. Голованова назначают художественным руководителем и главным дирижёром симфонического оркестра Всесоюзного радиокомитета. Незадолго до войны, в начале июля 1940 года дирижёр приезжает в Ленинград вместе с начальником отдела музыкального вещания Всесоюзного радиокомитета А. А. Тищенко для прослушивания музыки ленинградских композиторов на предмет отбора сочинений для программ оркестра.

И вот здесь один раз Свиридова судьба свела с выдающимся русским дирижёром. Среди прослушанных сочинений были песни на слова А. Прокофьева, “Как яблочко румян” на слова П. Беранже в переводе Курочкина и заключительная песня “Счастливый путь!” из оперетты “Настоящий жених”.

Высоких гостей из столицы принимали на высшем уровне. Было устроено заседание Президиума Ленинградского отделения Союза советских композиторов, на котором присутствовало много членов ЛССК, в том числе руководители ЛССК В. Иохельсон, Л. Круц, М. Чулаки и авторитетные композиторы Д. Шостакович, М. Штейнберг, М. Гнесин, С. Кушнарёв. Присутствовали и те композиторы, чьи сочинения были предложены комиссии. В том числе и Свиридов. После заключительного прослушивания 4 июля сначала выступил А. Тищенко, а затем Н. С. Голованов.

Тищенко выделил сочинения Свиридова среди других. Как он сказал, “чрезвычайно талантливое впечатление произвёл Свиридов; всё, что он показывал,

очень интересно. С ним мы, безусловно, свяжемся. Я прошу переписать для нас песни, которые он показывал, и прислать нам⁷⁴⁸.

Выступавший вслед за ним Н. С. Голованов согласился с оценками Тищенко относительно прослушанных сочинений разных авторов и заметил: «Что касается Свиридова, он несомненно обращает на себя внимание своей большой одарённостью. Кроме песен, мне очень понравился отрывок из оперетты, который он сыграл. Это по-настоящему свежо и талантливо и не идёт ни в какое сравнение с тем, что для нас сделали в плане оперетты Слонов и другие. Я считал бы необходимым заказать Свиридову оперетту⁷⁴⁹».

Война помешала реализации намерения выдающегося дирижёра. Свиридов так и не станет опереточным композитором, хотя впоследствии напишет три оперетты. К этому остаётся добавить, что Свиридов в 1940 году был ещё студентом консерватории, впереди его ждал последний год обучения. Правда, он уже был членом ЛОССК, и в его портфеле были фортепианный концерт, две симфонии, несколько вокальных циклов, театральная музыка.

Н. С. Голованов с большими трудностями пережил 1920-е – 1940-е годы. Казалось бы, мог лишиться всего, вплоть до жизни. Но ему повезло. Он выжил и в гражданскую войну, и в годы сталинской перестройки конца 1920-х годов, и в годы большого террора, пережил Великую Отечественную войну и послевоенные годы конца сталинского режима. А добили его отнюдь не бывшие рапмовцы. После смерти Сталина при Хрущёве его уволил первый министр культуры СССР П. К. Пономаренко, и через две недели после приказа об увольнении дирижёр скоропостижно скончался от сердечного приступа.

КАК НАЗЫВАЛАСЬ МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ В 1931 ГОДУ

Но возвращаемся к РАПМу. Третий год директорства Пшибышевского ознаменовался появлением нового имени консерватории. В феврале 1931 года Наркомпрос пышно чествует почтенного Ф. Кона. 2 февраля 1931 года по случаю 45-летия его революционной деятельности состоялось торжественное заседание коллегии Наркомпроса, проведённое совместно с ЦК Рабиса. В честь его революционных заслуг на заседании было оглашено предложение переименовать Московскую государственную консерваторию в Высшую музыкальную школу имени Ф. Я. Кона. Кроме того, было предложено установить ряд стипендий⁵⁰.

15 февраля в консерватории состоялся первый слёт ударников вуза, на котором теперь уже студенты в торжественной обстановке чествовали 45-летие революционной деятельности Феликса Кона и переименование консерватории в Высшую музыкальную школу его имени. По случаю победы в районном соревновании вузов Фрунзенского района г. Москвы в этот день новоявленная школа получила в качестве премии бюст тов. Сталина. Как писал корреспондент, «этот вечер вполне определял лицо новой Высшей музыкальной школы имени Феликса Кона, и надо было видеть подлинный энтузиазм ударников вуза, в том числе и нашего ударника Ф. Кона⁵¹».

Намереваясь написать статью по поводу журналов РАПМ, Свиридов для себя на полях делает пометку: «Отдельно сказать, как называлась консерватория в это время⁵². Он помнил новое название консерватории и самого Кона, и его дочку, критика Елену Усиевич, заместителя директора института литературы и искусств Коммунистической академии, чей донос стоил жизни талантливому русскому поэту П. Васильеву.

“ФАШИСТ В ПОПОВСКОЙ РЯСЕ”

Одно событие в Высшей музыкальной школе имени Ф. Кона, которое надолго врезалось в память Г. В. Свиридова, произошло 5 и 6 марта 1931 года. В эти два дня в Большом зале ВМШ им. тов. Кона прошли концерты коллектива Большого театра под управлением шотландца А. Коутса. Коутс был последним дирижёром Императорского Мариинского театра и покинул Петроград в 1917 году из-за разногласий с советским руководством. И вот в 1931 году он вновь вернулся в Россию. Публика хорошо приняла дирижёра и его программу, в которую вошли кантата С. В. Рахманинова “Колокола” на слова Эдгара По в переводе К. Бальмонта и симфоническая поэма английского композитора Г. Хольста “Планеты”.

Свиридов не был на этом концерте, Москву он впервые посетит годом позже. А запомнил он не столько концерт, сколько реакцию на него со стороны “активно советских” преподавателей и студентов консерватории и пролетарских музыкантов.

В пятом номере журнала “За пролетарскую музыку” были опубликованы два материала. Один – нечто вроде передовой под названием “Дадим отпор вылазке реакции”⁵³. Следом шла информация под заголовком “Бойкот музыке белоэмигранта Рахманинова”⁵⁴. Сообщалось о резком протесте и возмущении общего собрания ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ Высшей музыкальной школы имени Ф. Кона концертом под управлением А. Коутса.

Неизвестный автор статьи “Дадим отпор вылазке реакции” уже эпитафией дал понять, что речь пойдёт о политической, антисоветской акции. Он привёл цитату из утопической повести выдающегося русского учёного-экономиста, основателя “крестьяноведения” А. Чайнова “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”. Цитата была подобрана из двенадцатой главы, в которой описывался концерт в садах на берегу Москвы-реки колокольного звона, и ближе к концу концерта “кремлёвские колокола начали строгие гаммы рахманиновской литургии”.

Цитата несла в себе двойной подтекст. Названы два ключевых слова – колокола и рахманиновская литургия. Причём процитирован автор, который с июля 1930 года находился под следствием по делу вымышленной ОГПУ “Трудовой крестьянской партии”, якобы намеревавшейся организовать кулацкие восстания. И во главе её – так называемая знаменитая группа Чайнов – Кондратьев – Громан.

А между тем реальные бунты в деревне в это время вспыхивали один за другим. Буквально за несколько дней до концертов в Большом зале консерватории очередная шифрограмма о массовых выступлениях крестьян Щигровского уезда⁵⁵ легла на стол Сталина 1 марта 1931 года⁵⁶.

Далее автор статьи, позлорадствовал по поводу того, что мечты “кулацкого идеолога, вредителя Чайнова” не осуществились, сообщает, что концерты в Большом зале проходили в “великий пост”, в дни “процесса лакеев “Промпартии” и “Торгпрома”, меньшевиков-вредителей”.

Знаменитое дело о “вредительстве” инженеров и механиков и подготовке интервенции при посредстве Торгово-промышленной палаты в Париже, показательный процесс над группой инженеров и научно-технической интеллигенции во главе с инженером Л. Рамзиным, начавшийся в декабре 1930 года и завершившийся как раз в марте 1931-го, были подробно освещены в средствах массовой информации. Процесс этот был хорошо известен в интеллигентских кругах, среди научных работников технических вузов и НИИ, в корпусе управленцев, директоров заводов, шахт, в различных ведомствах.

Соответствующим образом охарактеризована в статье и публика этих концертов: “Охотнорядско-поповская аудитория, в течение 2 дней наполнявшая Большой зал, восторженно принимала исполнение “Колоколов” – этого музыкального символа интервентов, непрекращавшимися овациями демонстрируя свою солидарность с ними”.

Пожалуй, самым одиозным местом в статье является почти судебный приговор главным виновникам концерта: “Колокола” звенели о том, что волнует и тревожит авторов этого произведения, заклятых врагов Советского Союза, белоэмигрантов-фашистов Рахманинова и Бальмонта (текст); о том, что является вожделием озверевшего, под натиском победоносного социалистического строительства, кулачья и его явных и лакированных идеологов Чайновых и Громанов”.

Надо отдать должное осведомлённости автора статьи. В. Г. Громан, известный статистик, член президиума Госплана СССР, был арестован по делу о Союзном бюро ЦК РСДРП (меньшевики), и как раз с 1-го по 9 марта 1931 года в Москве проходил открытый судебный процесс по этому делу⁵⁷.

Как видно по выпискам из пятого номера журнала “За пролетарскую музыку”, Свиридова заинтересовали материалы о концертах под управлением А. Коутса в Большом зале консерватории. Всё-таки в памяти композитора, вероятно, с давних времён засело название статьи в другом журнале ВАПМа. Статья действительно имела чудное и запоминающееся своей несуразностью название – “Небесная “идиллия” или Фашизм в поповской рясе”⁵⁸.

Георгий Васильевич часто приводил её название в беседах, упоминал и в своих записях, при этом приписывая статью перу Л. Лебединского. В тетради 1978–1983 годы есть черновик письма музыковеду А. Кандинскому по поводу выпущенного альбома о С. В. Рахманинове⁵⁹. Свиридов обращается к Алексею Ивановичу: “Знаете ли Вы, что Рахманинов назывался “фашистом в поповской рясе”, а музыка его была государством запрещена в 1931 году?”⁶⁰.

Статья эта была написана не студентом ВМШ имени Ф. Кона Львом Лебединским, а преподавателем этого вуза, членом ВАПМ, пианистом и организатором Н. Я. Выгодским. К тому же с 1930 года он был ещё заведующим редакцией учебно-педагогической литературы Музгиза. По содержанию его статья практически не отличалась от материалов в журнале “За пролетарскую музыку”. Но написана она была раньше, судя по тому, что в ней есть упоминание статьи Ем. Ярославского в газете “Правда” от 18 октября 1930 года “Мечты Чайановых и советская действительность”⁶¹. В этой статье главный советский “безбожник”⁶² рассматривал подробно фантастическую повесть А. Чайнова “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии” и приводил как раз ту цитату из неё, которую взял эпиграфом автор статьи “Дадим отпор вылазке реакции”.

Как музыкант и композитор (ученик А. Гедике) Выгодский пытался в своей статье описать образное содержание “Колоколов” и для вящей убедительности решил прибегнуть к сравнению. “Рахманинов по своей творческой физиономии весьма близок к писателю Леониду Андрееву. Крайний индивидуализм, психическая расшатанность, безволие, безысходный пессимизм, оторванность от жизни, неверие в силы человека и общества, мрачная мистика, апология смерти и тьмы – вот основные мотивы творчества обоих этих художников”⁶³.

В 1960 году в журнале “Советская музыка” появляется небольшая заметка, посвящённая Н. Я. Выгодскому. Автор заметки отмечает, что он “превосходно играл на рояле”, “прекрасно знал фортепианную и органную литературу”, “наряду с Вивальди, Букстехуде и Бахом играл органные сочинения Листа, Брамса, Франка, Регера”, “переложил для органа арию из ре-мажорной оркестровой сюиты Баха, отрывки из опер “Тангейзер” и “Лоэнгрин” Вагнера, романсы и песни Шуберта, Листа, Вольфа, вступление к IV действию оперы “Хованщина” и романс “По-над Доном сад цветёт” Мусоргского, пьесы Равеля, Онеггера, а из произведений советских композиторов – песни “Двадцать шесть” В. Белого и “Когда умирает вождь” (на смерть Ленина) Б. Шехтера”.

И завершая заметку, автор характеризует своего героя следующими словами: “Весь талант, все свои знания и мастерство Выгодский-органист отдал благородной цели: сохранять для будущих поколений советских людей одно из замечательнейших достижений мировой культуры – органную музыку и самый орган, прекрасный, богатый возможностями инструмент”⁶⁴.

И вот этот страстный поклонник органной музыки, посвятивший и пославший Ромену Роллану переложения Concerto grosso Генделя и отрывка из симфонической мессы Баха, пишет и публикует не просто слова осуждения, а политический донос по поводу исполнения кантаты “Колокола” С. В. Рахманинова и “Планеты” Г. Хольста: “Исполнение такой программы в дни “великого поста” и в дни процесса меньшевиков-врагителей усиливает политический характер концертов как демонстрации классово-враждебных сил. Это в особенности подчёркивается тем обстоятельством, что именно рахманиновские “колокольные звоны” фигурируют в качестве музыкального символа поповско-черносотенной реакции в книге Чайнова (см. статью Ярославского “Мечты Чайановых и советская действительность”, помещённую в “Правде” во время процесса “промпартии” – 18 октября пр. г.). Ответственность за реакционную демонстрацию несёт устроитель концерта – художественное руководство Большого академического театра”⁶⁵.

Трудно вообразить себе, что А. Ф. Гедике, у которого младший брат был звонарём Сретенского монастыря, а двоюродным братом был Н. К. Метнер, близкий друг С. В. Рахманинова, мог воспитывать своих учеников в духе ненависти к музыке Рахманинова.

Скорее всего, Выгодский выполнял задание, причём не только своей музыкальной партии – ВАПМ. И даже не директора высшей музыкальной школы имени Ф. Кона. Задание, наверняка, шло свыше.

Дело в том, что по линии наркомата иностранных дел или через иностранный отдел ОГПУ в Москву поступила информация о статье в газете “Нью-Йорк

таймс”, далеко не дружественной по отношению к Советскому Союзу. Статья эта под названием “Тагор о России” была написана от имени общественной организации “Кружок русской культуры” и подписана известным русским учёным-химиком И. И. Остромысленским, графом Ильёй Толстым (сыном Л. Н. Толстого) и Сергеем Рахманиновым.

Авторы статьи попеняли Рабиндранату Тагору, что он восхищался постановкой образования в СССР и при этом не заметил и ничего не написал о том, что реально происходит в Советской России. Как они писали, “восхваляя сомнительные педагогические достижения Советов и тщательно опуская все упоминания о неопикуемых пытках, которым Советы подвергали русский народ на протяжении более тринадцати лет, он создал ложное впечатление о том, что никаких безобразий на самом деле не существует с благословения советской власти”.

И далее они обратились к всемирному известному писателю и музыканту, общественному деятелю с риторическими вопросами. “Мы хотели бы спросить, знает ли он о том, что вся Россия стонет под ужасной, но хорошо организованной бандой коммунистов, которые силой, с помощью красного террора, навязывают своё плохое управление русскому народу? Знает ли он, что, согласно статистическим данным, распространяемым самими большевиками, между 1923 и 1928 годами более 3 миллионов человек, в основном рабочих и крестьян, содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, которые представляют собой не что иное, как дома пыток?”

Авторы статьи не преминули напомнить лауреату Нобелевской премии о том, какие беды принесло раскулачивание, каким “неопикуемым лишениям, унижениям, страданиям и пыткам” было подвергнуто русское крестьянство в процессе коллективизации. Они сочли возможным также напомнить великому индийскому поэту, что во время его визита в СССР “сорок шесть русских профессоров и инженеров были казнены ОГПУ без какого-либо судебного разбирательства на том основании, что они осмелились помешать осуществлению пресловутого пятилетнего плана или усомниться в его правильности”.

И своё письмо авторы завершают упрёком: “Своим уклончивым отношением к коммунистическим могильщикам России, квазисердечной позицией, которую он занял по отношению к ним, он оказал сильную и несправедливую поддержку группе профессиональных убийц. Скрывая от мира правду о России, он нанёс, возможно, невольно, большой вред всему населению России и, возможно, миру в целом”⁶⁶.

Такое оскорбительное по тону письмо по отношению к партийному руководству Советской России и к её главному карающему органу – ОГПУ, конечно, не могло остаться без внимания. Комментировать его в центральной прессе было сочтено некорректным, всё же гастролям А. Коутса придавалось какое-то значение⁶⁷. Просить написать пасквиль видных композиторов старшего поколения, знавших Рахманинова лично, того же Мяскового или Шапорина, Щербачёва или Асафьева, как-то никому не пришло в голову. Поэтому задание было спущено РАПМовцам, и они его отработали на славу. Что и говорить, выражение “фашист в поповской рясе” – сильное, что называется, “умри, Денис – лучше не придумаешь”. Не случайно его запомнил Свиридов. Статья в “Нью-Йорк таймс” дорого обошлась С. Рахманинову. Его имя, его музыка на долгое время были обречены на полулегальное существование в Советской России. Почти до самой его смерти.

РАПМ О СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ

Надо сказать, что обвинения в фашизме и социал-фашизме русским писателям и композиторами, философам, литературоведам, даже математикам в 1920-х – первой трети 1930-х годов предъявлялись неоднократно⁶⁸. Эти термины в 1920-х – самом начале 1930-х годов были распространены в политической литературе, большевики стали называть “социал-фашистами” социал-демократов, особенно немецких, обвиняя их в предательстве интересов рабочего класса⁶⁹. Как раз незадолго до выборов в Германии, в результате которых разрозненностью левых сил воспользовалась национал-социалистическая партия Германии во главе с А. Гитлером в 1933 году. Слово “фашизм” ещё не ассоциировалось с немецким нацизмом и относилось к Национальной фашистской партии в Италии. Из партийной литературы эти термины

перекочевали в общелитературный обиход. И в том числе в лексикон пролетарских организаций.

РАПМовцы были людьми сведущими. Они знали многое о русских эмигрантах, знали, что Стравинский приветствовал железный порядок, который навёл в Италии глава фашистской партии Бенито Муссолини. Знали, что Стравинский встречался с дуче, отзывался о нём в печати. Знали они и о встречах Прокофьева с итальянским футуристом, поэтом Ф. Маринетти, приветствовавшим фашизм и вступившим, в конце концов, в фашистскую партию. Все эти сведения становились поводом для прямых или скрытых политических обвинений в фашизме русских композиторов, находившихся за границей. Л. Лебединский как идеолог и агитатор позволял себе в своих хлестких выступлениях в прессе и речах называть Прокофьева и Стравинского фашистами, так сказать, в качестве “фигуры речи”.

Ю. КЕЛДЫШ КРИТИКУЕТ В 1929 ГОДУ С. С. ПРОКОФЬЕВА

Более солидно и обоснованно подходил к своим обвинениям Ю. Келдыш. Поводом послужил инцидент с балетом С. Прокофьева “Стальной скок”. Балет этот был сочинён композитором совместно с художником Г. Якуловым ещё в середине 1920-х годов в духе конструктивизма, механической “индустриальной” музыки, с характерным приёмом *ostinato*, хорошо передающим ритм и звуки работы машин. Премьера состоялась в Париже, обратила на себя внимание. Прокофьев в 1927 году был на гастролях в Москве и Ленинграде, встречался с Мейерхольдом и договорился с ним, что он будет ставить балет. И вот Вс. Мейерхольд рекомендует его заместителю директора, фактически художественному руководителю Большого театра Б. Гусману. Уже шли деловые переговоры с Прокофьевым, в театре знали о готовящейся постановке, наконец, наступил момент обсуждения балета на художественном совете театра. На заседании Художественно-политического совета присутствовала группа членов ВАПМ, и они устраивают обструкцию балету. Гусмана обвиняют в том, что он решил ставить в Большом театре балет, который, по мнению членов ВАПМ, является пасквилем на Советский Союз, на индустриализацию. Балет так и не увидел сцены Большого театра в 1929 году.

И вот Ю. Келдыш пишет статью в шестом номере журнала “Пролетарский музыкант” за 1929 год. Он начинает с осуждения раннего периода творчества Прокофьева, подчёркивая влияние на композитора эстетики футуризма, выступавшего “под флагом борьбы с чрезмерной утончённостью художественной речи, индивидуальной замкнутостью, изошрённостью субъективных переживаний и утверждения здорового, крепкого, “объективного” искусства, берущего от машинной и аэропланной техники – или же возрождающего – грубый примитивизм первобытной эпохи”⁷⁰.

Затем он высказывает мнение, что Прокофьев идёт вслед за Стравинским, но “психологический” Петрушка Стравинского обращается у него в плоского, карикатурного шута. Считает самым характерным для Прокофьева, его стиля балет “Сказку про шута, семерых шутов перешутившего”. В основе его, считает Келдыш, – “не юмор, а именно шутовство, стремление вызвать исключительно физиологический, беспредметный смех”⁷¹.

Переходя к балету “Стальной скок”, Келдыш кратко рассказывает историю его создания и первой постановки в Париже. И затем он, что называется, бьёт козырной политической картой. Как он пишет, “буржуазии часто представляется Советская Россия какой-то отсталой, полудикой, чуть ли не идиотской страной, а населяющие её большевики – грубыми варварами с доисторическими и примитивными нравами, понятиями и обычаями. Вольно или невольно – для нас это в данном случае совершенно неважно – Прокофьев следует в изображении типов Советской России этому враждебному предрассудку”⁷². А балет к тому же пронизан “машинизмом”, который “является здесь не только объектом изображения, но внутренней организующей силой музыки, пронизывая собой все её ритмы, звучания, динамику”⁷³.

Впрочем, и этого оказывается мало. Дальше Келдыш подводит под балет и под самого Прокофьева ещё более сильный политический “заряд”. Он сравнивает его стиль со стилем его западноевропейских коллег и находит у них некое общее, очень нехорошее свойство.

По мнению Келдыша, “музыка “Стального скака” не представляет собой случайного момента в творчестве Прокофьева”, в ней слышно “стремление к крайней схематизации, примитивизму, голой аэмоциональной конструктивности”, что вообще в духе времени.

И далее Келдыш предъявляет серьёзное обвинение уже не одному Прокофьеву. “Стравинский во Франции, Хиндемит в Германии, Казелла и Малипьеро в Италии, — пишет он, — являются представителями и идеологами этого чистого конструктивизма, причём в некоторых случаях это направление прямо связывает себя с известными политическими тенденциями. Так, Казелла в одной своей статье, сопоставляя романтический стиль с государственным демократизмом, основанным на неограниченной свободе личности, говорит, что, подобно основной политической тенденции наших дней, устанавливающей сильный государственный строй, в котором личность поступает своими правами в интересах общего, — крепкая, “объективная” музыкальная форма должна ограничить выражение личных переживаний. Это откровенная идеология фашизма. Фашизм стремится обезличить, подавить человеческую индивидуальность, низводя её до уровня слепого орудия в руках высшего государственного авторитета”⁷⁴.

И в заключение статьи совсем уже по-прокурорски: “Мы можем с полной решительностью сказать, что Прокофьев целиком принадлежит к наиболее реакционному и открыто враждебному нам направлению буржуазного искусства”⁷⁵.

Келдыш был в своём роде идеологом, теоретиком ВАПМ. Его идеи дальше транслировали его соратники, тот же глава Ассоциации и главный пропагандист и агитатор Л. Лебединский. В его громких выступлениях на разного рода совещаниях, в его брошюрах и статьях хлёсткие словечки и политические обвинения были очень заметны и вызывали у читателей весьма разноречивые чувства.

Надо отдать должное осведомлённости и наблюдательности Лебединского. Если Келдыш сравнивал конструктивизм с идеологией фашизма, приводя рассуждение А. Казеллы, то Лебединский точно указал на одного известного итальянского композитора, который действительно был приверженцем фашизма и приветствовал Б. Муссолини. Знал ли об этом Лебединский или не знал, установить сегодня невозможно. Тем не менее в одной из своих статей он привёл пример: “У нас недавно исполнялось произведение современного итальянского композитора Респиги “Пинии Рима”. По идеологии это произведение ярко фашистское. Это видно уже из программы, которой снабдил “Пинии Рима” сам Респиги”⁷⁶.

Далее Лебединский цитирует программу и обращается к читателю: “Если же вам пришлось слушать эту музыку, то вы, наверное, почувствовали соединение чрезвычайно утончённого аристократического мироощущения с грубым солдатским маршем. Этот марш является финалом всего произведения — это апофеоз фашизма. И это произведение насаждается у нас. Оно исполняется в парке культуры и отдыха. И вся, поголовно вся музыкальная критика, начиная от Браудо и Чемоданова в “Известиях” и “Правде” и кончая Гринбергом в “Вечерней Москве”, хвалит это произведение, как бы нарочно не отмечая, замазывая его идейную сторону”⁷⁷.

В отношении к современной музыке Запада и представителям российского современничества пролетарские музыканты практически повторяли своих коллег из писательских организаций. В этом отношении выпады в адрес Прокофьева или Стравинского со стороны Келдыша мало чем отличались от обвинений того же Ил. Вардина, который на совещании в АППО ЦК ВКП(б) в 1924 года обвинил во враждебной буржуазной идеологии, проявляющейся в творчестве Б. Пильняка, А. Толстого или И. Эренбурга. Критерий был один и “железный” — политическая позиция (если она была), членство в той или иной партии или социально-политические взгляды того или иного беспартийного художника.

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КЛАССИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАПМ

Те же методы социально-политической оценки взглядов композиторов идеологи ВАПМа “опрокидывали” в историю дореволюционной русской музыки. Дело в том, что РАПМ и ВАПМ не отказывались категорически от

классического наследия. Но подходили к нему выборочно. Известно, что они признавали наиболее ценным для пролетариата, наиболее революционным творчество Бетховена и Мусоргского. К творчеству других, тех же русских композиторов относились критически, отбирая отдельные произведения с точки их пригодности для музыкально-эстетического воспитания широких народных масс, для публичного исполнения, издания и радиотрансляции их, для пропаганды творчества.

Нет необходимости говорить, с каким пиететом Г. В. Свиридов относился к творчеству русских композиторов-классиков, от Глинки до Глазунова и Рахманинова, как он высоко оценивал творчество Глинки, Даргомыжского, Бородина, буквально боготворил гений Мусоргского. Нетрудно понять, как он мог отнестись к оценкам и суждениям ВАПМовцев о композиторах “Могучей кучки” и того же Мусоргского.

Мусоргский был наиболее уважаемый, если не сказать, единственный из русских классиков, которого Ассоциация пролетарских музыкантов считала достойным пролетарской культуры. Его творчество пропагандировалось, биография популяризировалась. Надо сказать, что в это время советское государство проявило внимание к творческому наследию Мусоргского. Музыкальное государственное издательство в 1928 году приступило к изданию Полного собрания сочинений М. П. Мусоргского в редакции П. А. Ламма⁷⁸.

Редкий случай, когда ВАПМ не вступал по поводу Мусоргского в пререкаания и диспуты со своими злейшими врагами – Ассоциацией современной музыки. Даже в своей ультракритической статье об И. Глеbove (Б. Асафьеве) Н. Выгодский признал ценность книги “К восстановлению “Бориса Годунова” Мусоргского” (1928): “Достоинства книги – объективность и конкретность изложения, отсутствие произвольных обобщений и мистики”⁷⁹. Последнее особенно значимо, так как Выгодский по поводу работ Асафьева 1921–1923 годах замечает, что “религиозный мистицизм” “пронизывает почти все его статьи этого времени”⁸⁰.

Наибольший вклад в “марксистскую” разработку проблемы творческой биографии М. П. Мусоргского принадлежит Ю. Келдышу. Он принимал участие в издании писем и документов М. П. Мусоргского как редактор⁸¹ и прокомментировал письмо М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву от 26 января 1967 года⁸².

Келдыш неоднократно возвращался к Мусоргскому в конце 1920-х – начале 1930-х годов. У него в это время сложилась своя концепция творческой биографии Мусоргского. Наиболее полно она представлена в его очерке “Мусоргский и проблема наследства прошлого”, опубликованном в первом номере журнала “Пролетарский музыкант” за 1931 год.

В качестве образца Келдыш избирает известные мысли В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. И пытается рассмотреть творческий путь Мусоргского, исходя из ленинской методологии, соединяя своё понимание творчества композитора с описанием социально-политической обстановки в пореформенной России и с эволюцией русской общественной социально-политической мысли. Главное внимание он сосредоточивает на политических воззрениях самого Мусоргского. Правда, Келдыш с самого начала предупреждает читателя, что “дать определённую характеристику политических воззрений Мусоргского очень трудно. Виною здесь не только недостаток сведений, но и ещё и та причина, что, по-видимому, они у него никогда не были продуманы и приведены к какому-либо единству”⁸³. И основным источником для некоей “реконструкции” политических взглядов Мусоргского ему служат, главным образом, его письма и оперы “Борис Годунов” и “Хованщина”.

Келдыш считает наиболее плодотворным период творчества Мусоргского в 1860-е – 1870-е годы, особенно пору его работы над оперой “Борис Годунов”. Он пытается на основании известных фактов из биографии композитора, из его переписки, из круга его чтения представить причину, по какой Мусоргский обратился к исторической драме А. С. Пушкина, и мотивирует интерес композитора к теме смуты его попыткой передать своё видение современной жизни, его понимание крестьянской реформы 1860-х годов и её результатов.

Он обращает внимание на то, что Мусоргский был знаком с работами Герцена и Чернышевского, пытаясь сблизить взгляды композитора с воззрениями революционных демократов, с идеологией народничества. По Келдышу, Мусоргский не “дозрел” до марксизма, не осмыслил появление промышленного

пролетариата, не осознал рабочего вопроса. “Единственным представителем трудящегося и угнетённого народа для Мусоргского был деревенский мужик, — утверждает Келдыш, — в “фабричном” он ещё не видел такой величины, с которой можно было бы считаться при постановке общественных проблем”⁸⁴.

Отсюда Келдыш делает следующий социологический вывод: “Ценное в наследстве Мусоргского — это художественное отображение определённого этапа классовой борьбы со всеми его действительными противоречиями, пусть не разрешёнными им, но вскрытыми и обнажёнными с беспощадной глубиной и силой”⁸⁵.

Келдыш уделяет внимание истории балакиревского кружка, сравнению взглядов и позиций его членов. Он пытается демифологизировать представление о “Могучей кучке”. Как он пишет, “для нас теперь ясно, что “Могучая кучка” представляла собой в значительной степени миф, созданный либерально-националистической восторженной фантазией В. Стасова”⁸⁶.

Такое “развоплощение” “кучкизма” понадобилось Келдышу, чтобы показать принципиальное различие взглядов членов кружка. Он критикует В. Стасова, идеолога кружка, давшего ему название. “Легенда Стасова о “национально-русском единстве” в рядах защищавшейся им группы музыкантов, ... он либо не замечал, либо игнорировал такие факты, которые противоречили этому представлению”⁸⁷. И отсюда вывод: “Во всяком случае, главные её “киты” — Балакирев, Римский-Корсаков, — с именами которых собственно и связана определённая музыкальная традиция, никогда не питали склонности к левым убеждениям и творческим “дерзостям” Мусоргского, и он даже в пору наиболее близких отношений с ними оставался среди них, по существу, чужаком”⁸⁸.

Келдыш видит творческий путь Мусоргского эволюционным, без “зигзагов”, без скачков и резких перемен. Поэтому, по мысли Келдыша, “Борис Годунов” и “Хованщина” “могут быть до известной степени рассматриваемы как последовательные фазы воплощения одной идеи, несмотря на существование между ними различий как в методах художественной передачи, так и в характере самых сюжетов”⁸⁹.

Обеим операм, истории их создания, их содержанию и музыкальному строению Келдыш уделяет много внимания. Он начинает их анализ с описания исторической эпохи, охваченной Мусоргским в этих двух операх, стремясь дать характеристику исторической концепции Мусоргского и его представлениям об исторических событиях Смутного времени. Келдыш исходит из исторической схемы официального советского историка 1920-х — начала 1930-х годов М. Покровского с его идеей о борьбе феодалов с торговым капиталом. Как он пишет, “отражённая в них (операх. — **А. Б.**) историческая эпоха характеризуется развитием большого и длительного процесса разложения московского феодализма и образования бюрократической монархии, опирающейся на интересы торгового капитала и крепостнического землевладения. В “Борисе Годунове” мы находимся на одной из начальных стадий этого процесса, которая явилась непосредственным кануном крестьянской революции, разразившейся в первые годы XVII века; “Хованщина” показывает нам период, близкий к его завершению на исходе того же столетия”⁹⁰.

Композитор, по мысли Келдыша, видит логическое продолжение строя, сложившегося в России в годы реформы Петра, в своей современности. И так как этот строй был основательно подточен и “все радикальные общественные теории выступают в это время, прежде всего, с критикой крепостничества и бюрократии, стремясь доказать их несостоятельность и несоответствие потребностям общественного развития”, то оперы Мусоргского были крайне актуальны. Ибо, как пишет Келдыш, “они помогли выяснению исторических корней того социально-политического порядка, с которым велась борьба”. В этом Келдыш видел основной смысл тезиса самого композитора “прошлое в настоящем”.

И вот с этого момента своего понимания историзма Мусоргского Келдыш, в полном соответствии с упрощёнными марксистскими установками своего времени, пытается доказать, чего не сумел осознать Мусоргский как исторический мыслитель. “Конечно, показать действительную зависимость крепостнических отношений от роста торгового капитала Мусоргский не был в состоянии, — рассуждает пролетарский музыковед, — точно так же, как не мог он вскрыть и настоящих причин разложения крепостного права.

К прошлому он обращается с тенденциозным намерением оправдать своё осуждение существующего строя. Не обладая при этом методом классового объективно-исторического анализа, он становился часто на почву одностороннего отрицания, соединяемого с верой в народные потенции, которая носила у него крайне неясный и по существу идеалистический характер.

В этом отношении недостатки его историзма выражают общие слабости народнического движения. Но если революционные планы народничества связывались с надеждой на инициативу передовых кружков интеллигенции, то Мусоргский, никогда, по-видимому, не склонявшийся к насильственной революции, не задумывался и над той реальной силой, которая способна осуществить общественный переворот. Характерно, что в обеих его музыкальных драмах не дано самых острых моментов подъёма народного брожения: “Борис Годунов” — это только преддверие крестьянской революции, сильно потрясший основы торгового капитала; “Хованщина” рисует не восстание Степана Разина, явившееся наиболее ярким эпизодом революционного движения во второй половине XVII века, а гораздо более слабые отголоски этого движения — раскол и стрелецкий бунт⁹¹.

Келдыш обращает внимание на то, что в опере “Борис Годунов” сам царь занимает центральное место. “Изображение “мучений совести” Бориса занимает иногда Мусоргского просто с точки зрения психолога-экспериментатора и становится самодовлеющей художественной задачей”⁹². И здесь Келдыш даёт свою характеристику “покаянной” идеологии позднего Мусоргского. “Эта сторона его мировоззрения в значительной степени определила и трактовку сюжета “Бориса Годунова”. Для кающегося дворянина, осознавшего утрату почвы под ногами своего класса и стремившегося загладить свою “вину” перед народом, многое в судьбе обречённого и мучимого нравственными терзаниями царя должно было быть созвучным. Именно поэтому образ Бориса получил у Мусоргского такую притягательную силу, выросши до гиперболических размеров, и пушкинская историческая хроника, рисующая обычную дворцовую интригу, превратилась в возвышенную трагическую эпопею”⁹³.

Идея “кающегося дворянина” помогла Келдышу выстроить свою концепцию мировоззренческих основ и истории духовного пути композитора. Для него “путь от “Бориса Годунова” к “Хованщине” логичен и последователен”. Тему кающегося дворянина и искупительных страданий он рассматривает на примере содержания и строения оперы “Хованщина”.

Путём сравнения опер он приходит к следующей критической оценке драматургии “Хованщины”. Как он пишет, “сравнивая “Хованщину” с “Борисом Годуновым”, можно сделать тот вывод, что в ней отсутствует ясный стержень музыкального развития. В “Борисе Годунове” этот стержень, как мы видели, связан с индивидуально-психологической основой драмы. Характер всей драматургической концепции “Хованщины” совершенно иной: действие получает в ней толчки не от накаливания внутреннего психологического напряжения, а от конфликтов и столкновений между реальными борющимися силами. Но здесь сказалась метафизичность мышления Мусоргского. Антагонизм социальных групп представлен у него в плоскости простого механического противопоставления, не создавая движущихся и развивающихся противоречий. В “Хованщине” дано как бы несколько линий музыкально-драматического действия, которые идут самостоятельно, приходя в соприкосновение между собой, но тем не менее сохраняя свою замкнутость и обособленность (Марфа и Досифей представляют как бы одну плоскость, Иван Хованский со стрельцами — другую и т. д.). Этим “соревнованием” параллельных драматических плоскостей вызывается и резкая ломка действия на решающих узловых этапах, в противоположность постепенно подготавливающейся развязке в “Борисе Годунове”. Особенно замечается такой внезапный срыв движения от 2-й картины 4-го действия (выход петровских потешных и помилование стрельцов) к заключительной сцене самоотпевания и самосожжения. Основные противоречия, таким образом, не разрешаются Мусоргским в процессе их развития, а оказываются просто снятыми”⁹⁴.

Келдыш не видит никакого противоречия во взглядах позднего Мусоргского. Он слегка попенял композитору и пожалел, что он не примкнул к революционному движению народничества, не объявил “открытую борьбу царизму и его социальной опоре — помещичье-буржуазному строю”. И задаётся риторическим вопросом: “Отчего же Мусоргский не стал на этот путь?”

И вот тут ему пригодилась идея кающегося дворянина. “Историческая двойственность положения “кающегося дворянства” состояла как раз в том, что, стремясь противопоставить себя собственному классу, оно было всё же связано с ним. Последняя частица сословных граней оставалась для него непреходимой. Поэтому, отражая косвенно внешние и побочные классовые влияния, — как например, народническая струя у Мусоргского, — оно в целом оказывалось “по ту сторону”.

И если народничество в значительной степени расчистило и подготовило почву для возникновения марксистской революционной мысли в России, а в известной своей части и непосредственно переросло в социал-демократическое движение (Плеханов с группой “Чёрный передел”), то “кающееся дворянство” представляло собой явление, вызванное разложением “старого порядка”, и таким образом корнями уходит в условия ещё дореформенного общественного развития.

Основной мотив идеологии Мусоргского — это мысль о неизбежности гибели помещичьего дворянства, в окончательной стадии принимающая форму социальной обречённости. Отсутствие перспектив и какой-либо программы действия составляет поэтому характерную черту его мировоззрения. Дав яркую, глубокую и беспощадную критику крепостничества, он не смог, однако возвыситься до положительных практических выводов из неё и не смог этого сделать не только потому, что “не дошёл” до логического исхода своих рассуждений, а потому что “шёл” — то он в совершенно ином направлении.

Если мы учтём всё сказанное, то для нас станет понятным переплетение в “Хованщине” моментов религиозного смирения, идеализации крестьянского мученичества и покорства судьбе с острыми вспышками народного негодования, протеста и бунтарской стихии разрушения. В соединении и неразрывности этих черт проявляется социальная характерность идейной физиономии Мусоргского.

В “Хованщине” “чрезвычайно сильно выросли реакционные элементы, заложенные в мировоззрении Мусоргского”⁹⁵.

В конечном итоге, Келдыш приходит к суровому вердикту: “Мусоргский ценен и дорог для нас, прежде всего, своей связью с идеями народничества и воплощением ненависти трудящихся и эксплуатируемых масс ко всей системе феодально-крепостнического гнёта. Это и обусловило глубину его реализма, основанного на решительном и смелом “срывании всех и всяческих масок”. Но если одной половиной своего существа Мусоргский примыкает к передовым общественным тенденциям эпохи 60-х и 70-х годов, то другая его половина — от умиряющего и разлагающегося дворянства, со страхом чувствовавшего неизбежность своей гибели. Отсюда двойственность его идеологического облика, которая заставляет нас дифференцировать его творчество, беря его положительную сторону и отвергая содержащиеся в нём моменты мистицизма, упадничества и реакционно-шовинистической ограниченности”⁹⁶.

Этот суровый приговор Келдыша служит критерием для отбора произведений из творческого наследия Мусоргского, пригодных для пропаганды, исполнения и издания для пролетарских масс.

А. ГРОМАН-СОЛОВЦОВ О НАЦИОНАЛИЗМЕ ГЛИНКИ

Ещё один образец пролетарской мысли о русской музыке — работа о композиторах балакиревского кружка молодого музыковеда А. Соловцова, ученика профессоров М. Иванова-Борецкого и Н. Жиляева, выступавшего под псевдонимом А. Громан-Соловцов. В журнале “Пролетарский музыкант” за 1932 год он публикует обширную статью “Классовые корни “кучкизма” в свете ленинских взглядов на общественное развитие России”. Старательно прочитав соответствующие работы В. И. Ленина, музыковед-марксист Соловцов экстраполировал ленинские характеристики тех или иных общественных движений, политических партий в России на взгляды и творчество композиторов. Такая механическая привязка художественного творчества к политике привела Соловцова к следующим результатам.

М. И. Глинка объявляется Соловцовым националистом. Как он пишет, “национализм... Глинки есть, во-первых, проявление общей буржуазному искусству определённых эпох тяги к национализму; во-вторых — и это основное —

в глинкавском национализме есть общее идейное содержание с национализмом славянофилов... Следовательно, национализм Глинки был в значительной мере явлением буржуазного порядка (конечно, в нём была и большая доля патриотизма кукольниковского типа)⁹⁷.

“Кучкисты”, по Соловцову, продолжали дело Глинки “и развивали ту линию буржуазного, а точнее – буржуазно-дворянского искусства, которую начал Глинка. Оттенок славянофильской ограниченности, несомненно, был у “кучкистов”. Народнические тенденции смешивались у Стасова со славянофильскими”.

Касаясь извечного вопроса русской мысли о музыке противостояния “кучкистов” консерватории, Соловцов следует традиционному взгляду: “Национализм был наряду с этим формой протеста “кучкистов” против академической рутины, воплощённой в форме слепого следования немецкому классицизму в его выродившемся виде, а также против бессодержательности виртуозности “итальянщины”, господствовавшей на придворной оперной сцене”.

К вопросу о “наследстве” тесно примыкает вопрос об отношении “кучкистов” к западной технике, к технической учёбе. Громан не отказывает Стасову в уважении к учёбе и одновременно отмечает, что он был противником механической пересадки на русскую почву “немецкой” школы. Консерватория, по Соловцову, – дело крепостников, а “протест “кучкистов” против консерваторской схоластики сближал их с передовыми буржуазными музыкантами Запада”.

Что касается русского “востока”, то тут Соловцов не мог обойтись без упоминания колониальной политики самодержавия. Он не прошёл мимо истории распада балакиревского кружка и пишет о творчестве его участников в пореформенный период. По Соловцову, “Снегурочка” означает уход Римского-Корсакова в “сказочный эстетизм”, отход от реализма 1860-х годов.

В 1880-е годы Соловцов видит дифференциацию кружка следующим образом: Римский-Корсаков и Бородин остались на позициях либерального “культурничества”, Балакирев же отошёл в лагерь самой чёрной реакции. “Пожалуй, ближе к Балакиреву, чем к Бородину и Корсакову, стал и Кюи”. Но при этом, по Соловцову, национализм Бородина и Корсакова в зрелом творчестве “приобрёл довольно определённый великодержавный оттенок. “Игорь” Бородина, прославляющий и идеализирующий “богатырскую” борьбу Древней Руси с Востоком и рисующий образ “благородного” и “мудрого” монарха, выражает настроения либеральной буржуазии, уже сомкнувшейся с крепостничеством, во всяком случае, переставшей быть его антагонистом... “Игорь” ярко показывает также, что “восток” “кучкистов” был оборотной стороной русского национализма⁹⁸.

Соловцов спорит с Келдышем, с его оценкой Мусоргского как “кающего дворянина”. “Если мистицизм нельзя считать проявлением народнической идеологии, то в “реакционно-шовинистической ограниченности” Мусоргского можно видеть не только барский национализм, но и националистическую ограниченность народников⁹⁹.”

Далее – о беляевском кружке. “Беляевский кружок был группой эпигонского типа¹⁰⁰”. В связи с новыми течениями начала XX века: “Римский-Корсаков – глава Беляевского кружка – оказался не совсем чужд и символизму. Мистика “Китежа”, туманная символика “Кащей”, наконец, и символическая сатира “Золотого петушка” – в какой-то мере переключаются с общими художественными тенденциями символистов¹⁰¹”. О символизме в связи с А. Лядовым – ни слова. Соловцова отталкивает “глубокая реакционность Лядова”. О событиях в Петербургской консерватории в 1905 году: “Роль Римского-Корсакова в известных событиях в петербургской консерватории обычно сильно преувеличивается¹⁰²”.

Все эти оценки композиторов даются Соловцовым ради того, чтобы составить свой “прейскурант”, свой отцензурированный список сочинений русских композиторов, который рекомендуется для пропаганды, исполнения и использования в педагогической практике.

Таковы в общих чертах взгляды представителей ВАПМ на творческое наследие композиторов-классиков. Впоследствии их метод назовут вульгарно-социологическим. Уже после войны будут создаваться новые концепции истории русской музыки, заново будут характеризоваться взгляды русских композиторов-классиков. Но вот ведь парадокс. Лечить будут старинным методом, “подобное подобным”.

Ещё долгие годы советское музыкознание будет перелицовывать и шить новые идеологические костюмы великим композиторам. И будут исправлять их биографии. И Глинка уже не будет «буржуазным националистом», а другом декабристов, чуть ли не стремившимся попасть на Сенатскую площадь 14 (26) декабря 1825 года. Посмотрите кинофильм Григория Рошаля «Мусоргский» (1950). Там вся честная балакиревская компания, «группа пяти», как их звали французы, ходит по Петербургу с романом Чернышевского «Что делать?» под мышкой и к слову или нехстати цитируют Герцена или Писарева...

Позднее, со второй половины 1950-х годов та же методология, характерная для пролетарских писателей и музыкантов, перешла в труды западных советологов. Русских композиторов будут обвинять в национализме и антисемитизме. А уж о государственном русском национализме культурной политики большевиков, начиная с тов. Сталина, писали и пишут все подряд. А вот об отношении к русскому национальному достоянию в 1920-е годы почему-то не любят упоминать. Свиридов всё это пережил, это было на его глазах.

ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Помимо учёных мужей, своё слово о Мусоргском говорили и практики из стана пролетарских музыкантов. В том же номере журнала «Пролетарский музыкант», где были опубликованы первые две части работы Ю. Келдыша, была помещена «Анкета о Мусоргском». На эту анкету откликнулись в основном композиторы, музыковеды, причём разных направлений: и Давиденко, и Шибалин, и Белый, и Асафьев. И среди них помещён довольно пространственный отзыв певицы Сарры Крыловой.

Вот отзыв этой энергичной сторонницы пролетарской музыки, идейной соратницы Л. Лебединского и его супруги. «Не всё в творчестве Мусоргского можно принять, — вещает она, — наоборот, некритическое отношение к нему было бы не марксистским и принесло бы вред всему движению пролетарской музыки. Там, где Мусоргский является передовым человеком своего времени, он приемлем и близок нам; там, где он уходит в сторону индивидуализма, мистики, национализма, — там он вреден, в этих произведениях он выступает даже разрушителем того, что он написал, находясь в расцвете творческих сил в рядах передовых людей своего времени. Таков цикл песен «Без солнца», который не только беден идейно, но и убог в смысле музыкальной формы. «Хованщина», например, превращена ГАБТом в оперу для богомолок, у Мусоргского отнюдь не такова; народные сцены в ней полны юмора и стихийной силы, значительно перевешивая такие моменты, в которых даны религиозные, молитвенные настроения. Но все наиболее яркие народные картины театром сокращены, и это искажает характер произведения. Элементы божественности, содержащиеся у самого Мусоргского, должны заставить художников нашего времени почувствовать, что даже крупного творца-одиночку, оторвавшегося от передовой общественной мысли своей эпохи, ждёт не только моральное падение, но и снижение творческой силы, смерть для него как художника»¹⁰³.

Страстно борясь за пролетарскую манеру исполнения, Крылова иронично передаёт манеру пения в Большом театре и предлагает свою трактовку роли Досифея в «Хованщине», а заодно и самой оперы. Как она пишет, «вот точно так же, как в былые времена с паперти храма Христа гудел знаменитый московский протодиакон Розанов, поёт Досифей. Мусоргский выводит его хитрым политиком, в опере он — бог, пророк, страдалец за народ, мудрец. Вот молится и попутно в экстазе разводит «цыганские» страсти замоскворецкая московская купчиха, известная своей склонностью к религиозно-сексуальному помещательству, — оказывается, это Марфа. Одним словом, на сцене отнюдь не те, которых хотел изобразить Мусоргский, а различные московские, совсем «недавнего прошлого» персонажи, агитирующие через своё истолкование наследия прошлого за себя и свой класс»¹⁰⁴.

Действительно, в то время Досифея так и исполняли в роли «хитрого политика», скорее, похожим на карикатурные изображения попов в журнале «Безбожник», провокаторм, ускользающим из горящего скита, куда он привёл радетелей старой веры. И это полностью соответствовало рекомендации «пролетарских» учёных и идеологов.

Завершая свою студию о Мусоргском, Келдыш рекомендовал использовать “прямой и объективный марксистский анализ всех слабостей и противоречий мирозерцания Мусоргского”, что “является обязательной предпосылкой правильного, с точки зрения революционных задач пролетариата, использования его творчества (курсив мой. – А. Б.)”¹⁰⁵. Сарра Крылова знала, как нужно правильно, по-марксистски использовать творческое наследие Мусоргского и что исполнять из его произведений, а что – игнорировать. . .

СВИРИДОВ О МУСОРГСКОМ

В 1989 году в преддверии выхода в свет Полного академического собрания сочинений М. П. Мусоргского издательство “Музыка” выпустило сборник под названием “Наследие М. П. Мусоргского”¹⁰⁶. Сборник открывает статья Г. В. Свиридова. И статья начинается со следующей фразы: “Мусоргский был художником в высшей степени национальным, в полном смысле слова певцом России. Её судьбами, её болью и радостями наполнены творчество композитора, вся его жизнь и всё его художественное воображение”¹⁰⁷.

В своих “Разных записях” Свиридов высказывается более открыто. Вот, например, его запись о Мусоргском в тетради 1987 (II) под заголовком “Хованщина”. “Мусоргский – композитор-Христианин. Мусоргский всегда был врагом самодовлеющего эстетизма. Глубочайшее религиозное сознание. Незыблемые нравственные основы, всё судится с высоты Христианства, без всякой назидательности, терпимость, свет любви и правды”¹⁰⁸.

Ещё не свершилась перестройка, и какие-то мысли Свиридову пришлось облекать с помощью эзопова языка. Тем не менее он сумел высказать свою заветную мысль, важную не только для его представления о Мусоргском, но и для его собственного творческого credo. Как он пишет, “если попытаться представить себе творческое наследие Мусоргского насильственно отторжённым от веры русского народа, то оно потускнеет и приобретёт вид какой-то бесконечно унылой панорамы, длинного ряда не пессимистических, а просто безысходных картин, выполненных в жанрово-бытовой манере. Но при свете идей и самого духа русской веры эти же самые произведения наполняются тёплым, изнутри идущим сиянием и несут все богатства цельной человеческой мудрости, воплощённой в древнем образе Софии”¹⁰⁹.

Не имеет смысла видеть в Свиридове историка и оценивать его взгляды на русскую музыку и советскую музыкальную критику с точки зрения академической науки. Говоря о прошлом, об отношении к Мусоргскому или Рахманинову, Свиридов проецирует оценки их на своё время. Он постоянно говорил о возрождении традиций русской классики. Не в том понимании, которое ему приписывали, – как возвращение к доминант-септим-аккорду в первой позиции. Он видел в акте возрождения продолжение традиционного для русской культуры христианского гуманизма.

1929–1932. РАПМ НА ИЗЛЁТЕ

Но возвращаемся к РАПМу. 1929-й и 1930 годы прошли для РАПМа по восходящей. И, казалось бы, ничто не предвещало помех их победному шествию к “командным вершинам”. В 1930 году пост главы Главискусства в НКП занимает старый большевик, еврей польского происхождения Феликс Кон. С самых первых своих шагов он открыто обозначил своё положительное отношение к РАПМ. Кон поставил своего заместителя Б. Пшибышевского во главе Московской консерватории. Он также был расположен к РАПМовцам. В АППО ЦК ВКП(б) их поддерживал П. Керженцев.

Впрочем, в РАПМ ещё не знали о своей будущей судьбе. Более того, они продолжали наступательные бои на музыкальном фронте. Шестой номер журнала “Пролетарский музыкант” за 1929 год открывался статьёй Л. Лебединского “Новое на музыкальном фронте”. В качестве эпиграфа была взята фраза из статьи Сталина “Год великого перелома”. И в зачине статьи эта фраза обыгрывается: “Даже для такой, казалось бы, весьма отдалённой от политики области, какой является музыка, истёкший год действительно явился годом великого перелома, как совершенно правильно определил его тов. Сталин, имея в виду основные фронты нашего социалистического строительства”¹¹⁰.

Лебединский объясняет перелом на музыкальном фронте ростом “движения пролетарской музыки как по линии идеологической и организационной, так и по линии творческой, и осознание этого передовой советской и, в первую очередь, партийной общественностью”¹¹¹.

Среди достижений ВАПМ отмечает, среди прочего, “привлечение внимания советской и, в первую очередь, партийной общественности не только к музыкальной работе, но и к происходящим здесь идеологическим боям, и вынесение в связи с этим директивных решений”, “разгром наиболее правой реакционной группировки музыкантов и очищение от её представителей руководства нашими музыкальными центрами (Большой театр, консерватория, Софил)”, и “значительное оздоровление и, главное, начало действительной реорганизации этих учреждений”.

В Московской консерватории был уволен Н. Голованов, с поста директора уходит К. Игумнов. В Большом театре после того, как ВАПМ удалось воспретить постановку балета С. Прокофьева “Стальной скок”, был уволен заместитель директора театра Б. Гусман, отстаивавший идею постановки балета. Как мы уже упоминали раньше, благодаря членам Ассоциации удалось подловить на коррупции одного из самых главных своих противников – члена Главреперткома и главного редактора Музсектора ГИЗа, одного из лидеров АСМ Н. Рославца. В своём покаянном письме Рославец сам признаётся, что отдавал свои сочинения для печати в издательский кооператив Ассоциации музыкальных авторов¹¹². В результате главный музыкальный цензор СССР, с которым РАПМ сражался многие годы, выкинул белый флаг и перешёл в пролетарскую организацию. Он был на совещании в АППО и выступал там, поднимал вопрос о перевоспитании композиторов–“попутчиков”, о качестве пропагандируемой за границей советской музыки и о музыкальной печати¹¹³.

Шельмованию подвергся Б. Асафьев, вынужденный обратиться за защитой к наркому просвещения А. Луначарскому. “Дорогой Анатолий Васильевич. Я позволяю себе обратиться к Вам по личному делу. Меня очень взволновали крайне демагогические выпады по адресу моему и всей работы моей в Музо ГИИИ, сделанные в “Пролетарском музыканте”¹¹⁴. Поводом для этого письма послужила разгромная рецензия пролетарского музыковеда-историка А. Громана на статью Р. Грубера “О возможности и пределах использования в музыкознании экономических категорий”. Как писал этот большой специалист по истории русской музыки, “центр научно-художественной жизни Ленинграда, ГИИИ, является в то же время центром реакции в науке об искусстве, центром формалистских и активных антимарксистских направлений искусствознания”¹¹⁵. Бедный Асафьев, видимо, не знал, что положение самого наркома было незавидным, в скором времени он вынужден будет сам подать заявление об отставке с поста наркома.

Через какое-то время в ВАПМ пришли сложившие оружие их противники из “мелкобуржуазной” группировки ОРКИМД. В сущности, вернулись в родное лоно основатели АПМ А. Сергеев, В. Шульгин и др.¹¹⁶.

Кроме них и позднее, в 1931 году с просьбой принять в ряды Ассоциации обратились со своей декларацией и композиторы–“современники”. Не выдержали накала борьбы и атмосферы политического доноительства Н. Я. Мясковский, В. Шебалин и другие композиторы. Журнал “Пролетарский музыкант” поспешил выступить с победной реляцией под заглавием “Группа композиторов–“попутчиков” пожелала работать в тесном контакте с РАПМом”.

“На состоявшемся совместном заседании секретариата РАПМа с группой композиторов (Мясковский, Шебалин, Крюков В., Старокадомский, Крюков Н.) тов. Шебалин и Крюков информировали секретариат РАПМа об организации творческой группы “попутчиков”–композиторов, желающей в тесном контакте с РАПМом работать по линии своего идеологического перевооружения, овладения методом диалектического материализма в творчестве, приближения своего творчества к задачам социалистического строительства”¹¹⁷.

Вся эта группа “коллаборационистов” вошла в так называемое 1-е объединение композиторов Всероскомдрамы. В одном из номеров журнала “За пролетарскую музыку” 1932 года помещена информация о подготовке членов объединения к XV годовщине Октября¹¹⁸. “Шебалин работает над большой композицией “Ленин” для оркестра, хора, солистов и чтецов (текст – сокращённая поэма Маяковского того же названия)¹¹⁹, Кабалевский пишет

симфонию с хором на текст В. Гусева, тема – классовая борьба у нас и на Западе; ориентировочное название “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”¹²⁰, <...>, Мясковский работает над симфонией на тему колхозного строительства¹²¹. Упоминаются также работа над своими сочинениями композиторов Вл. Крюкова, М. Старокадомского, М. Черёмухина, В. Кочетова, Ан. Александрова, Ник. Крюкова, А. Шеншина.

В конце (30 декабря) 1930-го и 16 января 1931 года в Комакадемии проходил диспут “Пути развития музыки” об идеологических платформах ВАПМ и ВОСМ (Всероссийского общества современной музыки). От ВАПМ должен был выступать Л. Лебединский, но он заболел и вместо него по его тезисам выступал Ю. Келдыш. От ВОСМ должен был выступить её глава В. Блюм (Садко) с защитой платформы своей организации. Но он не вышел на трибуну, а на второй день вовсе не пришёл.

По поводу этого диспута Л. Лебединский разразился на страницах первого номера журнала “Пролетарский музыкант” за 1931 год обширной статьёй “О врагах и друзьях пролетарской музыки”¹²². И в этой статье, помимо очередных угроз в адрес русских и зарубежных “реакционных” композиторов, Лебединский отметил “попутчиков”, согласившихся сотрудничать с ВАПМ. Это были в основном музыковеды и критики вроде испугавшегося Р. Грубера, историка, исследователя творчества А. С. Даргомыжского М. Пекелиса, музыковеда М. Гринберга, критика Г. Поляновского. Но помимо музыковедов, Лебединский неожиданно называет Шостаковича. “Не дальше как месяц назад, – делится он, – Шостакович, который нас раньше поносил и которого, как известно, мы критиковали, заявил, что он считает серьёзной нашу критику, прислушивается к ней, она приносит ему пользу”¹²³.

АСМовское противостояние РАПМу подходило к концу. В Ленинграде оно фактически самоликвидировалась в 1929 году. Как вспоминал М. Друскин, работа ЛАСМ стала сворачиваться уже в 1928 году¹²⁴. Впрочем, такая судьба ждала и другие общества и ассоциации. Усилиями местных властей не без подачи бдительных рапмовцев в том же Ленинграде были ликвидированы Вагнеровское общество, Немецкое музыкальное общество, Баховское общество, Общество камерной музыки и ряд других. И так было не только в Ленинграде, а по всей стране¹²⁵. Подобная судьба ожидала не только музыкальные общества. Приказал долго жить ЛЕФ, В. Маяковский подал заявление и вступил в РАПП.

Чем можно объяснить такой взлёт РАПМ в год великого перелома? Лебединский был грамотный политический человек и прекрасно понимал, зачем он цитирует тов. Сталина. Это был год, когда Сталин расправился со своими главными противниками. “Левым уклоном” в тот год уже занималось ОГПУ. В феврале 1929 года Троцкий был отправлен за границу, на апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) определился “правый уклон”. Бухарин был осуждён вместе с Томским и Рыковым, выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин хотел его назначить на пост наркома просвещения вместо А. Луначарского, но в результате всё же назначил вместо него А. Бубнова.

Борьба внутри партии сильно откликнулась в культуре. А. Воронский к 1930 году уже отсидел в ссылке, ему разрешили вернуться в Москву, но в 1935 году он был вновь арестован, в конце концов, расстрелян в 1937-м. По всей видимости, из-за Троцкого погорел Вс. Мейерхольд. Троцкий поддерживал режиссёра. Не скрывал своей симпатии к ЛЕФу. В театре имени Мейерхольда в 1926 году был поставлен спектакль по пьесе левовца С. Третьякова “Рычи, Китай!”, на афише значилось: “Посвящено первому красноармейцу РСФСР тов. Троцкому”. В 1937 году Третьяков будет расстрелян как японский шпион. Конечно, тут нет никакой связи между этими двумя событиями. Но есть какая-то странная закономерность. ЛЕФ был распущен, точнее, распался к 1930 году, не имея поддержки со стороны Наркомпроса, даже несмотря на то, что Лиля и Ося Брики имели тесные связи с московским отделом ОГПУ¹²⁶.

Правда, в отношении В. Маяковского мнения Троцкого и Сталина как бы совпали. Но Троцкий видел в Маяковском порождение футуризма, дореволюционной буржуазной богемы, объявившей себя в 1918 году ком-футами, наконец, выросшего до его идейного осознания. В то время как Сталин фактически отсек поэта от ЛЕФа¹²⁷. Он же внёс в номенклатурный список перед Первым

съездом писателей А. Безыменского, к которому сравнительно благосклонно отнёсся Троцкий. Но к тому времени Безыменский обратился к Сталину с письмом с просьбой оказать ему защиту от его коллег по Ассоциации пролетарских писателей.

Или пример от противоположного. Троцкий обвинил МХАТ и Станиславского в негативном отношении к Советской власти. В течение 1920-х годов МХАТ нещадно третировали, ругали, критиковали все, со всех сторон¹²⁸.

В 1926–1928 годах лефовцы и напостовцы, как, впрочем, и некоторые партийные деятели и критики, не связанные с ассоциациями, нещадно поносили спектакль “Дни Турбиных” Булгакова в Художественном театре. Сталин, как известно, оценил положительно пьесу и неоднократно бывал на спектакле. В результате Станиславский и Художественный театр получают не только широкое общественное признание, но и высокий статус у государства. Театр переводят в ведение ЦИК. В то время как Вс. Мейерхольд, обласканный Троцким, попадает в опалу и, в конце концов, лишается жизни.

Сталин не испытывал большой симпатии к пролетарским творческим организациям, в конце концов, они были ликвидированы в апреле 1932 года. Но в 1929 году он помнил о заслугах РАПП в борьбе с троцкистами, с “ворончиной”.

Есть ещё один момент, на который обратил в своё время моё внимание Г. В. Свиридов. Он знал о том, что Г. Ягода был женат на родной сестре Леопольда Авербаха Иде. Ему было известно, что собрания пролетарских писателей проходили на квартире у Ягоды¹²⁹. Кроме того, Свиридов обратил моё внимание на тот факт, что племянник Я. Свердлова Леопольд Авербах в начале 1920-х годов ездил в Европу со специальным заданием по налаживанию связей и работы с Коммунистическим интернационалом молодёжи (КИМ).

Сталин объявил “усиление классово-борьбы” в тот момент, когда проводилась индустриализация и коллективизация. Наблюдение за дисциплиной и ускоренный график работы на стройках пятилеток, контроль за специалистами – инженерами и техниками – на заводах и фабриках, подавление крестьянских выступлений и неусыпный контроль за рабочими, устрашение интеллигенции, борьба с церковью – во всём этом принимал главное участие репрессивный аппарат ОГПУ.

После смерти Дзержинского в 1926 году пост Председателя ОГПУ занял В. Менжинский, к тому времени физически нездоровый человек. На его прежнюю должность начальника секретно-оперативного управления в 1927 году назначается Г. Ягода. Он выделялся своей исполнительностью и энергией, организаторскими способностями и... беспощадностью.

Именно Ягода руководил раскулачиванием, ему Сталин доверил заниматься арестом представителей троцкистско-зиновьевского блока, готовить громкие процессы вроде шахтинского дела, дела промпартии, дела трудовой крестьянской партии; Ягода лично руководил операцией “Весна” по физическому устранению всех военнослужащих, офицеров старой, царской армии¹³⁰, под его руководством начиналось строительство системы исправительно-трудовых лагерей. Строительством Беломорско-Балтийского и Волго-Донского каналов тоже занимался он. В конце концов, Сталин в 1934 году назначает его наркомом внутренних дел.

РАПМ не только по роду своей деятельности, но и по своей значимости отличался от РАПП. Тем не менее между организациями существовал контакт. Собственно, музыканты никогда этого не скрывали. Сыграли свою роль разные обстоятельства. Свиридов обратил внимание на то, что музыковед Лев Николаевич Лебединский и писатель, один из руководителей РАППа Юрий Николаевич Либединский были родными братьями. Свиридов отчасти знал, а отчасти догадывался, что собой представляли бойцы пролетарского музыкального фронта. Помню поведанную им историю, как молодой В. А. Белый пришёл в Московскую консерваторию с намерением поступить в класс по композиции Н. Я. Мясковского. Николай Яковлевич прослушал его сочинения и намётанным глазом сразу определил, кто к нему пришёл, и любезно сказал: “Виктор Аркадьевич, Вы всё прекрасно умеете сами, мне нечему Вас научить”.

Об одном из основоположников РАПМа, Д. А. Черномордикове, известно, что он работал в ВЧК-ОГПУ¹³¹. С организатором и идеологом РАПМа Львом

Лебединским Свиридов был лично знаком. Познакомились они уже после войны у Д. Д. Шостаковича. Но об этом – ниже.

В 1930 году ВАПМ, казалось бы, продолжал ещё оставаться в силе, завоевывая одну позицию за другой. Члены ВАПМ входили практически во все государственные учреждения музыкальной культуры в качестве работников или общественных советников. Их можно было встретить в театрах, в Софиле, в издательствах и на радио. Были они и на более высоких постах. Так, С. Корев был заведующим музыкальным отделом Главискусства в Наркомпросе, ведал эстрадой, самодеятельностью и музыкальными обществами. Они с успехом сражались на фронте музыкального радиовещания.

Они имели свой социальный заказ. Во время усиления борьбы с церковью они объявили поход против “церковщины”, следили за распространением нотных изданий церковного пения, за деятельностью регентов, которым приходилось при ликвидации церковных приходов и храмов искать работу и вести хоровые кружки и кружки самодеятельности.

ПЕРЕСТРОЙКА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Между тем, при всех своих успехах в борьбе на музыкальном фронте, чередой побед РАПМ, как и все пролетарские организации, был обречён. С 1928-го по 1932 год с колоссальными усилиями и жертвами шли коллективизация и раскулачивание на деревне, “переворот почти геологический” (М. Горький), мобилизационным методом осуществлялась индустриализация, реализовался первый пятилетний план. ДнепроГЭС, Магнитогорск, Кузнецк, Беломоро-Балтийский канал, Донбасс. И ещё тысяча самых разных по размерам заводов и фабрик. Все эта грандиозная стройка новой “железной Америки” шла в бешеном темпе, пятилетний план осуществляли в четыре года.

Спешная работа сопровождалась массой ошибок. Искали и находили виновных. Кроме того, находили недовольных и сопротивляющихся планам партии. Эти годы сопровождалось различными показательными процессами: шахтинское дело, дело промпартии, дело группы Кондратьева-Чаянова и пр. Шло “переформатирование” Академии наук СССР. В партии шла чистка, побеждённые правые и левые уклонисты покидали свои высокие посты, кто-то уже арестовывался. Троцкого удалось отправить за границу из Ташкента.

В это напряжённое время “усиления классово-борьбы” нож большевистской гильотины, как говорил Свиридов, ни на секунду не успевал выскохнуть от беспрепятственно льющейся крови... Сталину был необходим беспрекословно подчиняющийся ему, исполнительный карающий орган революции. И в ГПУ Сталин нашёл себе верного помощника, Генриха Ягоду. Это обстоятельство, как считал Свиридов, отсрочило падение пролетарских организаций, замыкавшихся на Ягоде и его супруге Иде Авербах.

Казалось бы, в этот сверхнапряжённый момент Сталину было не до литературы и искусства. Однако в эти годы Сталин продолжал думать о том, как обустроить такую деликатную сферу, как художественная культура. Конечно, на первом месте была литература, на писателей и поэтов – “инженеров человеческих душ” – падала огромная задача воспитания масс, создание летописи великих строек.

С 1928 году начинается переписка Сталина с Горьким, и писатель начинает посещать СССР, окончательно переехав в Москву в 1932 году. По предложению Горького, специальное Постановление Оргбюро Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июля 1928 года утверждает решение Оргбюро разрешить издание “Литературной газеты”¹³². Специальным постановлением Политбюро поручается Секретариату ЦК обеспечить поездку на Капри доктора Левина к Горькому на месяц-полтора для лечения писателя¹³³. На уровне Политбюро решаются вопросы о встрече писателя, проведении юбилейных мероприятий. Горький становится ключевой фигурой в подготовке реформы литературного дела.

Сталин подбирает людей, кадры для руководства литературой. Из Ростова в Москву переезжает и становится секретарём РАПП В. Ставский. Он примет участие в организации будущего Союза писателей СССР и станет его генеральным секретарём в 1936 году. В 1930 году вновь созданный Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) возглавит А. И. Стецкий. В 1933 году он становится членом Организационного комитета Союза советских писателей.

Возглавлять Оргкомитет номинально будет М. Горький, но фактически осуществлять создание Союза писателей будет Стецкий.

В том же 1930 году из АППО ЦК ВКП(б) с поста заместителя заведующего уходит П. М. Керженцев, его переведут в Комакадемию, где он возглавит Институт литературы и языка (ЛиЯ), цитадель РАППа¹³⁴. Всё это делалось с дальним прицелом. Керженцева Сталин в 1936 году назначит главой Комитета по делам искусств. Был всё же снят А. Свидерский с поста руководителя Главискусства и на его место назначен старый, в почтенном возрасте Феликс Кон. Полагаю, что он был назначен как временная, проходная фигура, пока не была выбрана более подходящая кандидатура.

Одновременно с кадровым вопросом на уровне Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) решаются важные вопросы по усилению контроля над средствами массовой информации. Именно в этом ключе решается кадровый вопрос в комитете по кинофикации¹³⁵. Оргбюро принимает 18 января 1929 года постановление “О порядке разрешения издания новых журналов”, по которому журналы, имеющие общесоюзное или общероссийское значение, в том числе и литературно-художественные, разрешаются Постановлением Оргбюро или Секретариата ЦК ВКП(б)¹³⁶. 5 апреля 1931 года утверждается Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об усилении политконтроля за выпускаемой периодической и непериодической печатью”¹³⁷.

Не обошлось и без перемен в Наркомпросе, в том числе и в его цензурных подразделениях: в Главреперткоме и в Главлите. В Главреперткоме, в связи с приходом к его руководству Ф. Раскольников, меняется состав коллегии и организуется Совет по вопросам репертуара¹³⁸. Что касается Главлита, то Политбюро поручило Наркомпросу реорганизовать его, “в связи с перестройкой издательского дела в центре, ростом низовой печати и радиовещания”¹³⁹.

Постоянно происходит смена состава редакций или главного редактора в разных журналах, не говоря о запретах или разрешениях постановок спектаклей.

Сталин отвечает на письма писателей, реагирует на их жалобы и просьбы. Таких писем было много. В 1929–1931 годах к Сталину обращались Д. Бедный, М. Булгаков, Е. Замятин, Б. Пильняк, В. Киршон, Э. Багрицкий, А. Белый, Вс. Иванов, М. Шагинян и другие, менее известные писатели.

Письма разные, от просьбы помочь материально или о возможности выехать за границу для лечения или в командировку для сбора материала до просьбы прочитать книгу и до поношения своих противников. Письма такого сорта напоминали доносы. И Сталину приходилось, что называется, “разнимать” враждующих и слишком политически активных писателей и драматургов.

Так, он защищает М. Булгакова от украинских писателей¹⁴⁰, от В. Билль-Белоцерковского и В. Кирсона¹⁴¹. Пролетарских драматургов (группу “Пролетарский театр”)¹⁴² и того же Билль-Белоцерковского защищает от журнала “На литературном посту”, центрального органа РАПП¹⁴³. В письме Н. Осинскому (В. В. Оболенскому) Сталин пишет: “Мне кажется, что т. Билль-Белоцерковский – один из способнейших (наших) драматургов. Обещаю сделать всё возможное для ограждения т. Белоцерковского от нападков”¹⁴⁴.

Короткое письмо Сталина от 25 января 1929 года – ответ на послание Н. Осинского ему о пьесе Билль-Белоцерковского “Голос недр” от 21 января 1929 года. Пьесу раскритиковали в газете “Вечерняя Москва”, и Осинский описывает ситуацию с критикой пьесы и затрагивает вопрос о театральной критике в целом. И, между прочим, высказывает в своём письме мысль, очень близкую мнению Свиридова относительно близости ЛЕФа и РАППа. Как он пишет, “обстоятельства таковы, что напостовцы как народ ловкий и специально сидящий на литературных делах, имеют нынче большой вес у рядовых рецензентов: с ними бояться связываться <...>; не менее ловкий и специализировавшийся на литературных делах народ гг. “лефовцы” (Маяковский, Мейерхольд, Брик и пр.), с коими напостовцы в блоке (курсив мой. – А. Б.). Ежели они возьмутся кого травить – плохо дело”¹⁴⁵.

Сталин вынужденно ведёт осторожную политику. Он прекрасно знал ситуацию в литературе, конечно, он был в курсе всех разногласий между разными писательскими группировками и внутри них. Он был в курсе развернувшейся в 1927–1928 годах борьбы РАППа с М. Горьким. Тем не менее до поры до времени он не выступал открыто против РАППа. Поддерживает Л. Авербаха

в организации театра РАППа¹⁴⁶. Пытается примирить того же Л. Авербаха с В. Билль-Белоцерковским, в разговоре с генеральным секретарём РАПП защищает автора пьесы “Шторм”. Отвечает на коллективное обращение к нему комфракции РАПП, указывает на их ошибки, на то, что “критика “На Литпосту” в отношении Билля-Белоцерковского неправдива и неправильна в основном”¹⁴⁷. В шутку сравнивает РАПП с военачальником, не умеющим “учитывать особенности разнообразных частей и использовать их по-разному в интересах единого и нераздельного фронта”¹⁴⁸. Напоминает, что “РАПП призвана руководить сложнейшим фронтом советской художественной литературы”¹⁴⁹. Заканчивает своё письмо как бы миролюбиво, но с предупреждением: “Что касается моих отношений к РАППу, они остались такими же близкими и дружескими, какими были до сего времени. Это не значит, что я отказываюсь критиковать её ошибки, как я их понимаю”¹⁵⁰.

И если в дискуссию между РАППом и Горьким в 1927-м и 1928 годах Сталин не вмешивался, то когда сибирские газеты и журналы по инициативе местных пролетарских писателей начали травлю Горького, то Сталин их жёстко осёк. 15 декабря 1929 года по его докладу Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос “О Горьком” и поручило комиссии в составе тт. Кагановича, Стецкого и Сырцова в недельный срок разработать проект Постановления Политбюро в связи с кампанией против Горького в сибирских газетах¹⁵¹.

Дело в том, что в Новосибирске успел побывать Семён Родов, и ещё в 1927 году по его инициативе сформировалась сибирская ассоциация пролетарских писателей с руководящим звеном – группой “Настоящее”. Эта группа выпускала одноимённый журнал, главным редактором был А. Курс, член Сибирского крайкома партии и одновременно редактор газеты “Советская Сибирь”. В Постановлении ЦК ВКП(б) было поставлено на вид журналу “Настоящее” за помещение на его страницах материалов с недопустимыми выпадами против М. Горького, а т. Курс отстранён от редактирования журнала и освобождён от обязанностей редактора газеты “Советская Сибирь”¹⁵². В приложении к п. 5 пр. ПБ № 109 от 15 декабря 1929 года содержится некое предупреждение: “Ряд вопросов, затронутых в этих спорах, найдёт своё разрешение в специальной резолюции ЦК по вопросам художественной литературы”¹⁵³.

В 1930-м и 1931 годах дела пролетарских писателей внешне выглядели успешными, но на самом деле они постепенно шли по наклонной вниз. Казалось бы, внешний фон, усиление борьбы с буржуазными явлениями в литературе на фоне борьбы с правым уклоном, с теми же кондратьевцами, с кулацким сопротивлением был благоприятен. В РАПП шли с повинной её ярые противники. Достаточно указать на такой факт, как сдача ЛЕФа, приход в РАПП лидера левовцев В. Маяковского в 1930 году. Однако не всё было так просто.

Как писал специалист по истории РАППа И. С. Шешуков в четвёртой главе своей книги “Неистовые ревнители”, “последний год в жизни РАПП был периодом непрекращающихся ссор и драк, неразумных и вредных для дела литературы”¹⁵⁴.

Причём раздрай шёл внутри самой Ассоциации. Всё время то кто-то отпочковывался, отходил от РАППа, вроде того же Театрального РАППа или Литфронта во главе с Э. Багрицким, то шли непрекращающиеся, какие-то хронические дискуссии вроде нашумевшего февральского Пленума 1931 года в связи с призывом ударников в литературу, которых так и не удалось найти. В результате полемики РАППа с комсомолом о линии газеты “Комсомольская правда” разразился форменный скандал.

Свою нелицеприятную позицию от лица комсомола высказал её лидер А. Косарев. В газете “Правда” целый подвал был отдан большой статье Л. Мехлиса “За перестройку работы РАПП”. И в этой статье решительный тов. Мехлис сделал недвусмысленное предупреждение: “Перед РАПП партия поставила крупнейшие задачи. Пролетарским писателям предъявлен социалистический счёт – повернуться лицом к важнейшим проблемам нашего строительства. Надо поднять на высшую ступень идейно-воспитательную работу с ударниками, призванными в литературу. Допущенные ошибки, тормозящие развёртывание творческого соревнования писателей, надо исправить, большевистски признать и воспитать на этом кадры пролетарских писателей. Партийность должна взять верх над “ячеством”, личным самолюбием”¹⁵⁵.

Л. Авербах вынужден был организовать и провести в начале декабря 1931 года V Пленум РАПП. На Пленуме ему пришлось выступить самому с сильной нотой самокритики. От РАПП выступали Панфёров, Безыменский, Ставский, Макарьева, от комсомола — ответственный редактор “Комсомольской правды” А. Троицкий. От АППО ЦК ВКП(б) выступал С. Динамов.

Резолюцию пришлось начать с повинной: “Перестройка РАПП происходила и происходит недостаточно. Указания партии на недостаточность развития самокритики в РАПП, на наличие элементов администрирования в работе, на частое игнорирование в практике того основного положения, что РАПП является литературно-воспитательной, а не государственно-административной организацией, указания на необходимость изжития всех этих недостатков проводились в жизнь неудовлетворительными темпами, не всегда последовательно, с рядом ошибок”¹⁵⁶.

И всё же в декабре 1931 года РАПП не был ликвидирован, в секретариат нового состава вошли Авербах, Фадеев, Киршон, Панфёров, Макарьева; Л. Авербах остался руководителем Ассоциации, избран ответственным секретарём правления. В его докладе, в выступлениях некоторых других участников Пленума упоминалось ФОСП. “Для перестройки РАПП по линии литературно-политических задач необходимо увеличить роль ФОСП”, — передаёт слова Авербаха из его доклада корреспондент “Правды”¹⁵⁷.

Федерация объединённых советских писателей (ФОСП), созданная ещё в 1927 году, первоначально состояла из пролетарских писателей, Всероссийского общества крестьянских писателей и Всероссийского союза советских писателей (ВССП). Пролетарские писатели претендовали на руководящую роль в этой организации. По этому поводу во вновь созданной федерации шли горячие споры. Больше всего доставалось Всероссийскому союзу советских писателей¹⁵⁸. Но в Федерацию влились и “Кузница”, и “Перевал”, и конструктивисты, и ЛЕФ. ФОСП рассматривалась как протоорганизация будущего Союза писателей. Не случайно именно при ФОСП был создан Литературный фонд.

В сущности, идея будущего Союза писателей рисовалась тому же М. Горькому как некое возрождение или модификация знакомых ему старых, дореволюционных объединений типа Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным (Литературный фонд; 1859–1922), Русского литературного общества (1879–1897), Союза взаимопомощи русских писателей (1897–1901), Всероссийского литературного общества (1912–1914).

ВСЕРОСКОМДРАМА – МОГИЛЬЩИК РАПМ

Одновременно с ФОСП в 1929 году создаётся ещё одно объединение — Всероссийское общество драматических писателей и композиторов (Всероскомдрам). Если ФОСП был всё же новым образованием, то Всероскомдрама представляла собой возрождение старой, дореволюционной организации, Общества русских драматических писателей и оперных композиторов (1875)¹⁵⁹. В 1904 году Общество разделилось на Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПиК) и Союз драматических и музыкальных писателей (Драмсоюз) с центром в Санкт-Петербурге. Так они и существовали раздельно после Октября¹⁶⁰. И вот в 1929 году их опять объединили под новым названием¹⁶¹.

История Всероскомдрама довольно запутанная и ещё не до конца раскрыта. Идея слияния обсуждалась в Драмсоюзе и МОДПиК ещё в 1925 году. Тогда же возник общий Президиум обоих обществ. “Несмотря на существование общего Президиума, обе организации фактически были автономны до 1930 года, когда завершилась подготовка к созданию Единого общества, каковым стал Всероскомдрам, — пишет К. Плотников. — Всероскомдрам формировался долго, и длительное время параллельно существовали МОДПиК и Драмсоюз, уже после официального появления Всероскомдрама”.

Только в 1930 году объединение было юридически оформлено. В реальности ленинградцы утратили свою автономию, Москва стала единым центром, с единой структурой, управленческим аппаратом, бухгалтерией, службой агентов и т. д. И вот в таком виде Всероскомдрам стал единым обществом.

В течение всего 1930 года шла реорганизация общества, обсуждался устав, структура, шли выборы в Правление, руководителей секций. 20 февраля

1930 года на общегородском собрании московских композиторов был избран председателем секции композиторов. Им стал один из старейших и уважаемых композиторов, автор балета “Красный мак”, учитель С. С. Прокофьева Р. М. Глиэр.

5–7 октября 1930 года состоялась первая конференция Всероскомдрама. Во вновь избранное правление вошли поддерживаемые вождём В. Билль-Белоцерковский и А. Безыменский. В состав правления вошли и композиторы: В. Белый от РАПМа и двое ленинградцев В. Волошинов (от ЛАПМа) и В. Дешевов, бывший асмовец. Главой правления был избран набравший силу и известность автор пьесы “Чудак” А. Афиногенов, с которым у С. Прокофьева было намерение создать первую советскую оперу в 1932 году. В правление вошли также Б. Этингф¹⁶², П. Арский, Ю. Олеша, Вс. Мейерхольд, А. Жаров.

И вот так получилось, что композиторская секция Всероскомдрама оказалась “могильщиком” РАПМ. Членами секции были композиторы разных направлений и жанров. Здесь были и рапповцы, и “попутчики”, и театральные композиторы, и композиторы-песенники. Сюда же входили и писатели о музыке, музыкальные критики, рецензенты. Была и секция церковных композиторов. И, что очень важно, большинство секции составляли композиторы и музыковеды, не связанные с РАПМ.

Как мы уже писали раньше, РАПМ проводил кампанию против “фокстротчины” и “цыганщины”. Они выступали против В. Мессмана, В. Кручинина, Ю. Хайта, братьев Покрасов, творцов “нэмпанского” русского эстрадного романса и популярных “производственных” песенок вроде “Кирпичиков” или “Паровоз Ц-231”. Все эти композиторы были членами МОДПиКа и впоследствии Всероскомдрама.

В ноябре 1929 года выплыли наружу скандальные подробности увеличения сбора в Драмсоюзе авторских гонораров за исполнение произведений в церквах. Помимо церковных хоров, в общую сумму гонорара шли теперь сборы со священников, диаконов, псаломщиков, всех лиц, участвующих в богослужении. Кроме живых авторов – членов Общества, – было решено собирать тантьему и за произведения умерших авторов, и за национализированные произведения. В деле был замешан, помимо Драмсоюза, ещё и Союз воинствующих безбожников, который хотел, чтобы авторские гонорары не выплачивались композиторам, а шли в кассу Союза. При проверке финансовой службой выяснились также приписки, наличие “мёртвых душ” и другие неблагоприятные дела. Дело приняло нешуточный оборот, получило огласку в советской печати. В юмористическом журнале “Чудак” появляется фельетон под названием “Церкачи”¹⁶³.

Дела совсем стали плохи, после того как архиепископ Кентерберийский во время Великого поста организовал в Великобритании моления о страждущей Русской Церкви, на них был приглашён из Парижа митрополит Евлогий (Георгиевский), а Папа Пий XI выступил с призывом о молитве за гонимую Русскую Церковь. К советскому правительству обратился митрополит Сергей с меморандумом, переданным 19 февраля 1930 года Председателю Комиссии ВЦИК по вопросам культов П. Г. Смидовичу. После этого секретной инструкцией сборы с Церкви были прекращены¹⁶⁴.

РАПМ не замедлил отреагировать на этот скандал и, воспользовавшись случаем – собранием композиторов МОДПиК и ДРАМСОЮЗА 16 и 20 февраля 1930 года по поводу объединения композиторских секций, – обратился с открытым письмом-заявлением в Главискусство НКП и в ЦК РАБИС “За оздоровление авторских обществ”. В заявлении упоминается собрание композиторов 16 февраля и резолюция на основе доклада В. Мессмана и содоклада А. Давиденко. И обращается внимание на выступление Давиденко, “разоблачившего деяческую политику указанного В. Мессмана в руководстве секцией, блок его с представителями “фокстротной”, “цыганской” и т. п. музыки, до сих пор, несмотря на запрещение печатания их вредительского “творчества”, благополучно пребывающими в авторских обществах, получающими высокие, даже высшие ставки авторских сумм и своей “активностью” и многочисленностью добившимися известного влияния на политически инертную и деяческую массу композиторов, а через них на руководство композиторскими секциями. <...> Кроме того, укажем, что до сих пор авторы церковной музыки получают авторские гонорары со специально взимаемых с церковью сумм”¹⁶⁵.

Отголоски этих (и других, уже не по композиторской секции) скандалов были слышны и на первой Всероссийской конференции драматургов и композиторов, на которой были поставлены вопросы о перестройке работы Общества, превращении её в “идеологически-производственную организацию” и избрании нового правления. На этом собрании с докладами выступали от Совета по делам искусств и литературы Б. Е. Этингоф, председатель ЦК РабИС Я. И. Боярский, председатель Главреперткома К. Д. Гандурин.

И в прениях по этим докладам рапмовцы В. Белый и А. Давиденко затеяли жёсткий разговор и вновь требовали изгнать из Общества “нэпмачей” и совершенно случайных “авторов”, непрофессиональных композиторов. Вот как журнал “Пролетарский музыкант” проинформировал об этой конференции читателя: “Конференция подвергла резкой критике деятельность прежних авторских обществ – МОДПиКа и Драмсоюза, а также и объединённого Всероскомдрама, не сумевшего осуществить декларированную им общественную программу. Деляческая политика МОДПиКа и Драмсоюза привела к чрезвычайному засорению их “авторами”, в значительной своей части никакого серьёзного отношения к искусству не имеющими, авантюристами и самозванцами от драматургии и музыки, рвачами, “нэпманскими” музыкантами и т. п.”¹⁶⁶. О выступлениях Белого и Давиденко сказано краткой строкой: “Выступали Белый и Давиденко, били по “нэпмачам”, сражались с Блюмом”¹⁶⁷.

Рапмовцы продолжили своё наступление. 25–27 марта 1931 года они проводят свою первую конференцию. Далее события развивались следующим образом. По инициативе В. Белого и Б. Шехтера в композиторской секции Всероскомдрама весной 1931 года состоялось два авторских вечера или, как их называли, “производственных совещания”, посвященных творчеству композиторов Васильева-Буглая и Гнесина.

О том, как прошло первое “совещание”, журналы пролетарских музыкантов ничего не сообщили. Зато “совещание” М. Гнесина 23 марта 1931 года стало новостью номер один прессы пролетарских музыкантов. Авторский вечер М. Ф. Гнесина, благодаря деятелям РАПМ, превратился в диспут по поводу творчества композитора. Причём диспут, выходящий далеко за рамки творчества и эстетических проблем.

Гнесин и ранее был на примете у РАПМа, в журнале “Пролетарский музыкант” о нём самом, его взглядах и сочинениях писали разные авторы и с разными оценками¹⁶⁸. Но концерт и выступление Гнесина 23 марта 1931 года получили нелестную оценку со стороны РАПМа. Причём оценку политического толка.

Этому вечеру была посвящена целая статья автора под псевдонимом В. Д. В статье кратко описывается вечер, исполнявшиеся произведения Гнесина (в основном ранние, 1910-х годов), выступление критика С. А. Богуславского и затем более подробно о возникшем диспуте между композитором и рапмовцами В. Белым, Н. Чемберджи и А. Давиденко. Автор начал с оценки прозвучавших сочинений¹⁶⁹, потом остановился на творческом методе композитора, не преминул напомнить о его библейских произведениях, напомнил о позиции Гнесина в отношении к композиторскому образованию в Высшей музыкальной школе имени Ф. Кона (Московской консерватории), к перестройке ВМШ в тот момент, когда “лосевщина, аполитичность, реакционная труха постепенно изгоняются из её стен”, и пеняет, что “Гнесин скучает по старой консерватории”¹⁷⁰.

Конечный вывод статьи осуждающий: “М. Ф. Гнесин долгое время слыл за “либерального” профессора, иногда с некоторою натяжкой характеризовался даже как “попутчик”. В настоящий момент мы можем безошибочно сказать, что за этим мнимым “попутничеством” скрывался на самом деле реакционер и ретроград. Гнесин целиком смыкается с самой крайней реакцией на музыкальном фронте. Он становится уже и идеологом, и вождём, ибо его высказывания представляют собой целую платформу, сознательно противопоставляемую массовому пролетарскому музыкальному движению”¹⁷¹.

Статьёй В. Д. дело не ограничилось. Ясно, что при таком “волчьем паспорте”, даже если бы Гнесин и согласился на сотрудничество с РАПМ, его явно бы отвергли. И Гнесин становится одним из “бунтарей”, объявившим открытую войну РАПМ.

ПОСЛЕДНИЕ, РЕШИТЕЛЬНЫЕ БОИ РАПМ

2 октября 1931 года во Всероскомдраме проходит ещё одно совещание композиторов. И на этом совещании выступают композиторы из категории “попутчиков”, в том числе и Гнесин, Шеншин и ещё ряд других. Неожиданно выступил композитор В. Шебалин, правая рука Н. Я. Мясковского, профессор Московской консерватории. Он был беспартийным и не стал касаться политики, идеологии. А заговорил о самом насущном. О том, что РАПМ захватил все командные высоты в Софиле, в ГОМЭЦе, на радио. Основное внимание в своём выступлении Шебалин обратил на издательские дела. Фактически в руках РАПМа оказалось главное издательство Музгиз, бывший Музсектор ГИЗа. РАПМ долго боролся за это издательство, и вот, наконец, во главе был поставлен А. Г. Верхотурский (Гайсинский), что называется, “наш человек” РАПМа. К сожалению, стенограмму заседания 2 октября до сих пор не удалось найти. Фрагменты из выступления Шебалина приводит в своей книге Е. Власова, взяв их из брошюры В. Белого “Факты и цифры”.

Между тем, сама эта брошюра – весьма важный документ. И не случайно вокруг неё развернулась нешуточная борьба. Из брошюры становится ясно, что само по себе совещание композиторов 2 октября было не совсем обычным. Брошюра была издана в качестве приложения к девятому номеру журнала “Пролетарский музыкант” за 1931 год. Номер журнала был подписан к печати 8 декабря 1931 года. Довольно оперативно, учитывая, что секретариат РАПМ сумел познакомиться со стенограммой совещания только 29 октября. В брошюре Белый приводит цитаты из выступлений Шебалина, Гнесина и ряда других композиторов, выступавших 2 октября на совещании. Каждую цитату из выступлений Белый сопровождает своими выкладками, приводит цифры печатных изданий, количество печатных листов. В тех случаях, когда речь идёт не о фактах, а о суждениях, комментарии Белого носят характер ироничных реплик или тяжеловесных инвектив политического характера.

Чтобы читатель почувствовал дух брошюры, приведу один только пример. В начале брошюры Белый приводит цитаты, озаглавив их следующим образом:

“Факты” и “цифры” композит[ора] Шебалина

Вот некоторые из этих цитат.

“... Установка Музгиза, возглавляемого РАПМом, такова, что “попутчикам” трудно даже и нос совать туда: печатается только то, что не вызывает сомнений, а если какое-нибудь сомнение появилось, – вещь с торжеством проваливается. О том, кто является судьями, я буду говорить потом”.

“... Есть целый ряд композиторов-“лишенцев”. Это значит, что они никогда не будут допущены в Музгиз, потому что так хотят наши товарищи-рапмовцы, Белый (так же, соответственно желанию Белого, хочет зав. Музгизом Верхотурский). Таковы товарищи: Фейнберг, Щербачёв, Половинкин, Шеншин, Крюков, Мосолов, Попов Гавриил, и целый ряд ещё имён можно назвать. Эти товарищи не могут показать носа в Музгиз, потому что всякое сочинение при таком отношении будет сейчас же возвращено обратно. Могут ли эти товарищи извлечь какие-нибудь уроки из этого? Конечно, никаких. Этим товарищам нужно печататься, нужно создать вокруг них творческую дискуссию, тогда будет прок. А если мы будем просто выбрасывать их из издательства, – мы останемся у разбитого корыта, потому что печатать будет нечего...”¹⁷².

Далее следует ещё одна длинная цитата, но мы её не приведём.

Как же на эти цитаты реагирует Белый? Опять-таки графически он выделяет свой ответ подзаголовком.

Цифры и факты, как они есть.

И потом в шутовском духе выкидывает “коленце”:

“Положение тяжелое. Критическое! Но разрешается оно до чрезвычайно просто: во всех обильно приведённых цитатах... нет ни одной строчки правды. Ни один пример не соответствует действительности, всё наврано. По-простому, всерьёз наврано. Даже поверить можно от неопытности, статью написать о “РАПМе-монополисте”, фельетон под заглавием “Лишенцы в изоляторе, или рапмовские безумства”.

После этого идёт уже статистический раздел **“Монополия” как она есть**, с цифрами, сколько произведений напечатано композиторов-“попутчиков” и сколько – рапмовцев. В конце этого раздела вывод: “Итак, общий листаж

произведений “попутчиков” и др. за 1931 год равен приблизительно **800 листам**. Листаж произведений рапмовцев и композиторов-членов АПМ союзных республик – по массовому и концертному отделам равен **90 листам (около 10%)**”. Вот эти цифры и будут впоследствии оспорены.

Похоже, что Музгиз был главной темой на совещании 2 октября, издательскому делу посвящено больше всего страниц брошюры.

В разделе “РАПМ всемогущий, РАПМ вездесущий” Белый приводит в качестве примера слова композиторов Нечаева и Шеншина, которые винули Белого в том, что он персонально “зарезал” их сочинения (Белый был консультантом в Музгизе). Белый отрицает свою причастность к судьбе их сочинений. И здесь же приводит фрагмент выступления Гнесина: “...труд о Римском-Корсакове... одним словом, сделал эту книгу... И мне, в конце концов, возвращают её... ВАПМ решил, что у Р.-К. реакционная музыка... Как можно относиться так на том основании, что какой-то Бэбик-Рабинович, сидящий в РАПМе, скажет. Ведь он один читал эту вещь...” – гневается Гнесин¹⁷³.

И далее Белый комментирует слова Гнесина. “Действительно, возвратили книгу, на основании отзыва консультанта т. Келдыша (т. Келдыш – член РАПМа) и обсуждения её консультационной комиссией книжного отдела Музгиза 17 февраля 1931 года (см. протокол заседания комиссии за подписью председателя т. Пшибышевского). Основание: апологетическая трактовка политического облика Римского-Корсакова, зачисление его чуть ли не в “пролетарские революционеры”¹⁷⁴, либерально-идеалистическое искажение социальной сущности творчества этого художника. А “Бэбик-Рабинович” здесь ни при чём. Это вы анекдоты рассказываете да на том же заседании сплетни распространяете про “уволенного” якобы “заведующего книжным отделом”, который якобы “отдел уничтожил, потому что рапмовцем, марксистом был”. А ещё “сложным человеком” себя называли¹⁷⁵! Какая уж тут сложность. Всё просто и ясно, как на ладони!”¹⁷⁶.

Это уже совсем какой-то раёшник, весьма грубый, площадной. Но далеко не случайный. И в этой брошюре, в других статьях и публичных выступлениях рапмовцы муссировали тему “буржуазно-националистических взглядов” Гнесина, его увлечение “библистикой” в творчестве. В это время шла усиленная борьба с национализмом. В том числе и с еврейским. В 1930 году было закрыто Еврейское музыкальное общество.

В таком же анекдотическом, совсем уже в базарном духе Белый ещё раз возвращается к Гнесину в разделе, посвящённом отношению РАПМ к наследию, к Мусоргскому и Бетховену¹⁷⁷. Впрочем, есть и разделы, посвящённые эстетическим и теоретическим проблемам, например, творческому методу композиторов, отношению к большой форме. Ближе к концу брошюры Белый в главке “РАПМ и “попутчики” касается истории взаимоотношения РАПМ с композиторами, вышедшими из АСМ или не примыкавшими к другим организациям.

Надо сказать, что в некоторых случаях, когда Белый не прибегает к фельетонному стилю и пишет без ёрничества, то его парирование на обвинения участников совещания выглядят убедительно. Так, Шебалин подымает тему об использовании наёмных оркестраторов некоторыми композиторами РАПМа, намекая на их слабую профессиональную подготовку.

Этому посвящена маленькая подглавка в большом разделе **“О четырёх преступлениях РАПМа (обличительный акт Шебалина)”** под заголовком **“Кулачество”**. Вот её содержание:

“Композиторы Белый и Давиденко, не умея оркестровать написанную свою музыку, вынуждены прибегать к наёмному труду, т. е. заказывать оркестровку ученикам некоторых присутствующих здесь мастеров по сходной цене. Это вряд ли можно считать нормальным, это просто безобразие. Вместо того, чтобы учиться, ставить и разрешать проблемы техники, здесь мы имеем дикую форму, грубо говоря – кулачество” (**Шебалин**).

Белый в ответ: “Так, так, “кулачество”, “наёмный труд”. Интересно, а как относится Шебалин к известному факту исполнения марша Мясковского на радио в инструментовке ученика последнего – Черёмухина? Как относится он к тому, что балет Василенко “Иосиф Прекрасный” инструментован учеником последнего – Рогаль-Левичкиным? Или – что балет Василенко “Ноя” был в значительной мере инструментован учениками его класса инструментовки в консерватории? Или – что отдельные отрывки балета Глиэра “Красный мак” –

тоже были инструментированы его учениками? Беспомощность это, безобразия или кулачество? Ни то, ни другое, ни третье. В практике композиторов случается часто, что срочность работы, загруженность не позволяют самому композитору оркестровать своё произведение. Композитор набрасывает план оркестровки, поручает выполнение этого плана кому-либо¹⁷⁸.

Что ж, нельзя не признать, ответ, как ныне принято говорить, получился “асимметричный”...

И уже совсем не шуточно выглядит намёк Белого на зачинщиков композиторского совещания 2 октября. В главе “Неудачная инсценировка” Белый, упомянув в очередной раз “электика троцкистского толка” Ледогорова¹⁷⁹ и его “оживлённую провокационную возню” вокруг РАПМ, недвусмысленно даёт понять, что эти выступления спровоцировали собрание группы композиторов 2 октября. Вот слова Белого: “Эти выступления получают практическое осуществление в композиторской секции Всероскомдрама, где под видом развёртывания производственной творческой деятельности “советского музыкального актива” Ледогоровы, Атовмяны и Гнесины пытаются изолировать рапповцев от влияния на “попутническую” часть композиторов, пытаются склотить блок всех “обиженных” рапповской критикой композиторов против РАПМ. Искусственно прекратив начатую рапповцами – членами бюро композиторской секции (Белый, Шехтер) – творческую дискуссию на основе конкретного разбора произведений композиторов различных направлений и группировок¹⁸⁰, Атовмян и др. занялись обработкой “широкого общественного мнения”, одним из эпизодов которой явилась организация “исторического” собрания 2/Х¹⁸¹.

Брошюра Белого вышла тиражом в 5 тысяч экземпляров. Композиторская общественность вряд ли обратила на неё сколько-нибудь серьёзное внимание. Но брошюра сопровождалась необычным, просто обескураживающим приложением.

После обычных лозунговых выводов в конце статьи Белого “Факты и цифры” без какого-либо объяснения следует “Постановление бюро творческого объединения композиторов от 20 ноября 1930 года “О выступлении т. Шебалина на композиторском совещании от 2 октября с. г., созванном Всероскомдрамом”. И далее следует текст Постановления. Привожу самое начало его. “Бюро считает выступление т. Шебалина на совещании композиторов от 2/Х с. г., созванном Всероскомдрамом, принципиально неверным как по своим установкам, так и потому, что это выступление имело место на собрании, где не присутствовал ни один член АПМа, что противоречит основному принципу совместной работы Объединения с АПМом¹⁸². И далее перечисляются “неправильные положения” Шебалина.

За постановлением бюро следует текст покаянного выступления Шебалина на заседании правления РАПМ 21 ноября. 1931 года.

Тут следует напомнить, что группа из девяти композиторов во главе с Мясковским и Шебалиным ещё в 1930 году объявила публично о своём намерении работать совместно с РАПМ. В своей декларации, мотивируя своё решение необходимостью “идеологического перевооружения, овладения методом диалектического материализма в творчестве, приближения своего творчества к задачам социалистического строительства”, группа объявила: “Настоящим письмом мы заявляем об организации нами объединения композиторов-попутчиков, основной задачей которого является объединение передовых попутнических сил под лозунгом перехода к подлинному союзничеству, активному включению в русло пролетарского музыкального движения”.

Была объявлена и цель творческой работы: “Среди основных творческих задач в декларации было объявлено: “В своей творческой деятельности объединение ставит себе целью работу над массовыми инструментальными и вокальными сочинениями, как в малых (массовая песня, советская эстрада), так и в крупных формах (опера, симфония), считая создание последних основной задачей объединения¹⁸³.

Декларация была подписана следующими девятью композиторами: В. Шебалин, Н. Мясковский, В. Крюков, М. Старокадомский, В. Кочетов, Н. Крюков, Д. Кабалевский, В. Ширинский, А. Шеншин. Документ получил название “декларация девяти”.

И вот 21 ноября 1931 года на секретариате РАПМ Шебалин покаялся и признал своё выступление 2 октября ошибочным.

РАПМ спешил. Проведя в ноябре Второй пленум, вслед за ним уже в декабре организовал широкое обсуждение совместно с музыкальной секцией ЛИЯ Комакадемии доклада Л. Лебединского “Письмо т. Сталина и задачи теоретической перестройки РАПМа”.

“Факты и цифры” В. Белого вышли из печати после 8 декабря. 8-9 декабря проходит пятый пленум РАПП. А через десять дней, 18 декабря открывается пленум Совета Всероскомдрама. Он длился четыре дня подряд, первые два дня, 18-е и 19 декабря, были посвящены проблемам композиторской секции.

Как и следовало ожидать, брошюра В. Белого с приложениями вызвала эффект разорвавшейся бомбы. И вызвала сильное сопротивление со стороны композиторов и представителей других секций Всероскомдрама. Тут следует иметь в виду, что хотя во главе руководства Всероскомдрама стояли в основном представители пролетарских организаций, но в целом основная масса членов общества отнюдь не разделяла идеологию и особенно практику пролетарских организаций.

Что касается композиторов, то в Правлении Всероскомдрама композиторов представлял Р. М. Глиэр, ответственным секретарём секции композиторов в 1931 году стал Левон Атовмян. Членами Совета Всероскомдрама от композиторов были Гнесин, Дешевов, Животов, Атовмян и только один представитель секретариата РАПМ В. Белый. Кроме того, вездесущий Левон Атовмян входил в состав Президиума.

К сожалению, в научной литературе пленум Совета Всероскомдрама не получил специального освещения, опубликован без научного сопровождения лишь фрагмент стенограммы¹⁸⁴. Тем не менее и по этому отрывку можно судить о том, что происходило на пленуме, когда обсуждался вопрос о работе секции композиторов. Из этого фрагмента становится ясно, что проведение совещания композиторов-“попутчиков” 2 октября было предварительно согласовано с генеральным секретарём РАПП Л. Авербахом и главой Правления Всероскомдрама А. Н. Афиногеновым, одним из руководителей РАППа, членом Президиума Правления ССП, главным редактором журнала “Театр и драматургия”¹⁸⁵.

Авербах после скандала с комсомолом и статьёй-предупреждением Льва Мехлиса в газете “Правда” в августе 1931 года стал осторожным и решил поддержать секцию композиторов, поняв, что в ней рапмовцы занимают отнюдь не командную позицию. К тому же пролетарские писатели имели слабое представление о композиторских делах. И само руководство Всероскомдрама в лице председателя Афиногенова и секретаря М. Россовского выразило своё порицание пролетарским музыкантам.

А на самом пленуме развернулся жаркий спор. Предметом дискуссии стали брошюра Белого, выступление Шебалина. Гнесин начал с отчёта секции, отметил как достижение контрактацию, творческие отчёты-концерты композиторов и... совещание 2 октября. Прошёлся по отступнику Шебалину, но всё же главное своё негодование обрушил на Белого.

Затем в спор вступили кинокритик Д. Рафалович, Ю. Келдыш, дважды выступил Д. Шостакович. Первый раз – несколько сумбурно, но успел сказать главное – о своей новой симфонии. Посетовал на то, что много времени ушло на прикладную работу в театре и в звуковом кино¹⁸⁶. Зато, взяв повторно слово, Шостакович вполне справедливо заметил о слабой продукции композиторов-рапмовцев, которые спешат издать свои незрелые сочинения.

Пожалуй, самое сильное впечатление на присутствующих на пленуме произвело выступление Левона Атовмяна. Он, что называется, разделал под орех Белого, показав его сомнительную манипуляцию с цифрами в своей брошюре относительно листажа изданий “попутчиков” и рапмовцев. Затронул большой вопрос о взаимоотношении секции и РАПМ и категорически заявил, что “до тех пор, пока Ассоциация пролетарских музыкантов не перестроится, не осознает новых задач, до тех пор она не сумеет на деле руководить “попутническим” крылом. Коль скоро ассоциация перестроится, она встанет у руководства музыкально-творческим фронтом”¹⁸⁷.

Мысль о перестройке РАПМ прозвучала из уст руководящих лиц Всероскомдрама. Весьма критически отозвался о работе РАПМа Афиногенов. Вот его слова: “Последний вопрос о перестройке. В чём сейчас смысл процесса, происходящего на литературном фронте? В том, что пролетарские писатели, по-большевистски приняв урок, данный им партией, по-большевистски сделал

вывод из дискуссии с комсомолом, сумели вовремя поднять вопрос о перестройке... Пролетарское литературное движение не боится говорить о неудовлетворительности своей работы, не боится беспощадно критиковать ошибки отдельных работников, входящих в него. Несмотря на эти ошибки, пролетарское движение будет развиваться и расти, несмотря на эти ошибки, оно достаточно сильно для того, чтобы преодолеть все эти ошибки на основе творческой самокритики. В этом отношении совершенно неудовлетворительные впечатления производят выступления представителей РАПМа у нас на пленуме. Наш пленум продолжался четыре дня потому, что нам необходимо разрешить вопрос, как же мы будем перестраиваться? Здесь мы должны были бы услышать от РАПМа самокритику. Но мы этого не услышали, как не услышали и о тех новых задачах, которые стоят перед РАПМом. Я очень признателен, что разоблачили наше совещание 2 октября, хотя это смехотворное разоблачение. Предупреждаю, что и впредь... если ко мне придёт самый отъявленный, скажем, Мосолов и скажет: "Афиногенов, я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз, — я его обязательно выслушаю, если он даже скажет: "Мне неудобно, чтобы при этом были пролетарские музыканты". Я пойду на это"¹⁸⁸.

Выступавший в самом конце М. Россовский назвал РАПМ "кружковщиной в нетронутым виде". "Кружковщина порождает изолированность", — продолжил он. Дальше заметил, что теоретики РАПМ допускают ряд крупных теоретических ошибок, но не признают их. Недостаточно критично относятся к творчеству своих коллег по Ассоциации.

Россовский не преминул сказать и об ошибках композиторской секции. Отметил, что она не имеет "чёткой линии", представила злополучный план, "который раскритикован фракцией секретариата задолго до пленума". "Композиторская секция не имеет дифференцированного подхода к "попутчику". Это вредит вашей работе, это мешает и перестройке "попутчика". Ну, и наконец, заметил главное, тупиковую ситуацию: "Композиторская секция противопоставила себя РАПМу так же, как РАПМ — композиторской секции"¹⁸⁹.

Трудно сказать, случайно ли это произошло или нет, но Россовский и Атовмян в своих выступлениях выразили одно и то же пожелание — превратить секцию в федерацию композиторов. Россовский этим и завершил своё выступление: "Давайте превратим композиторскую секцию в подлинную федерацию композиторов, давайте сообща помогать "попутчику" стать союзником рабочего класса в его борьбе за социализм"¹⁹⁰.

Между тем, дело "Секция композиторов против РАПМ" шло к своей развязке. РАПМ, судя по поведению руководства, ничего не знал и ни о чём не догадывался.

Уже после пленума во Всероскомдраме 26 декабря состоялось совместное заседание секретариата РАПМа и музсекции ЛИЯ Комакадемии. С докладом "Письмо т. Сталина, наши задачи на музыкальном фронте и вопросы теоретической перестройки" выступал Л. Лебединский. "Докладчик подробно коснулся положения на музыкальном фронте в свете последних указаний т. Сталина, — информирует журнал "Пролетарский музыкант". — Ряд фактов (троцкистские статьи Ледогорова, реакционные выступления Гнесина, гнилой либерализм по отношению к подобным явлениям со стороны руководства Всероскомдрама, "Советского театра", "Вечерней Москвы" и т. д., и т. п.) говорит о необходимости ещё большей мобилизации всей пролетарской общественности на борьбу против буржуазных влияний в музыке"¹⁹¹.

Вместе с тем, читаем отчёт дальше, "т. Лебединский вскрыл ряд ошибок, допущенных РАПМом за годы борьбы (в основном правильной и успешной) против этих враждебных влияний. В последующих выступлениях (т. Келдыша, Белого и др.) был значительно расширен анализ положения в области теоретической и творческой работы на музыкальном фронте, в частности, подробно проанализированы ошибки РАПМа"¹⁹².

Ещё в феврале 1932 года в РАПМ шла текущая работа. 16 февраля состоялось заседание секретариата РАПМа, на котором был обсуждён вопрос о подготовке к XV годовщине Октября. Своими планами поделились В. Белый, А. Давиденко, Д. Васильев-Буглай, В. Волошинов, Б. Шехтер и члены бригады имени М. Горького. 17-го и 18 февраля проходило всесоюзное совещание представителей секретариатов и инициативных групп АПМ. Были представители пролетарских организаций Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана. Обсуждался план дальнейшей совместной работы, указывались успехи

и недостатки в работе республиканских АПМ. 20 февраля состоялось открытое заседание партийно-комсомольской фракции Московской АПМ. Собравшиеся заслушали доклад члена бюро РАПМ т. Гачева “Об итогах XVII партконференции и задачах РАПМа”. 21 февраля состоялось очередное творческое собрание РАПМа совместно с первым творческим объединением Всероскомдрама и ПРОКОЛЛОМ. Были исполнены и обсуждены новые произведения Э. Компанейца, В. Волошинова и А. Давиденко.

В хронике РАПМа за начало 1932 года упоминается создание первой теоретической бригады РАПМа, которая должна была наладить “систематическую коллективную работу над вопросами марксистско-ленинской музыкальной теории, а также над конкретной критикой музыкальной литературы. В состав бригады вошли тт. Н. Выгодский, А. Громан-Соловцов, Д. Житомирский, Л. Калтат, Ю. Келдыш, Д. Рабинович, А. Шавердян и др.”¹⁹³.

В это время в ЦК ВКП(б) уже пришли письма М. Гнесина и А. Мосолова на имя Сталина. Письма того же рода, что и обращения к Сталину писателей. Гнесин открыто выразил своё негативное отношение к РАПМ, Мосолов просил выпустить его за границу, считая, что там он будет полезнее советской музыке, нежели в России, где он подвергается гонениям РАПМ, не издаётся, не исполняется. В научной литературе существует мнение, что эти письма сыграла решающую роль в деле ликвидации пролетарских организаций. На самом деле эти письма послужили лишь косвенным поводом, решение уже было готово до этих писем.

Со слов Л. Атовмяна, он несколько раз звонил А. Поскрёбышеву по поводу письма Гнесина. От всесильного заведующего секретным отделом ЦК ВКП(б) последовало уведомление, что его пригласит нарком просвещения А. Бубнов. Как пишет Атовмян, “действительно, через два дня мне позвонили из секретариата А. Бубнова и попросили зайти к А. Бубнову. Беседа была короткой, и А. Бубнов просил срочно созвать у него совещание композиторов, рекомендовав включить в список приглашаемых двух-трёх рапмовцев (были включены В. Белый и Л. Лебединский). А. Бубнов от себя приписал А. Фадеева и А. Афиногенова”¹⁹⁴.

Далее Атовмян красочно описывает само совещание и эпизод, как он получил от сидевшего напротив него А. Афиногенова записку: “Будешь выступать – постарайся о РАПМе меньше говорить. О покойниках никак не надо говорить”. И на недоумённый вопрос Атовмяна: “Какие покойники?” – Афиногенов ответил: “Только что закончилось заседание Политбюро. Решено ликвидировать и РАПП, и РАПМ, и РАПХ. Имей это в виду”¹⁹⁵. На встрече Лебединский продолжал стоять на своих позициях, за что получил от наркома просвещения А. Бубнова замечание, что это выступление было самым плохим у Лебединского. Правда, когда слово взял В. Белый и продолжил выступать в таком же агрессивном тоне, как Лебединский, то Бубнов сказал, что Белый выступил ещё хуже, чем Лебединский. Рапмовцы просто не понимали в тот момент, что их песенка спета.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года “О перестройке литературно-художественных организаций”, образование Союза писателей и других творческих союзов было встречено художественной интеллигенцией с чувством облегчения и надежды. Напостовская дубина, нещадно бившая всех неугодных РАППу писателей, демагогия идеологов пролетарских музыкантов, как называли позже, их пошлые вульгарно-социологические ярлыки великим композиторам, а главное, постоянная тревога и порой страх за случайно оброненное слово – тень ГПУ висела над всеми, а люди творческие прекрасно знали, кто стоит за тем же неистовым Леопольдом Авербахом... Пролетарские организации мало у кого из среды художников, людей творческого труда вызывали симпатии. По свидетельствам и воспоминаниям композиторов того времени, большинство из них восприняли постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года с чувством облегчения, с надеждой на перемены к лучшему.

В тетради “Разных записей” 1987 (II) у Свиридова 1 июня появляется следующая запись: “Трудные, голодные годы 1932 – 33 – 34. Новое движение в духовной жизни: ликвидация РАПМа, создание Союза писателей, огромная и благотворная роль Горького. (Но не было – Есенина, Клюева, Ахматовой, Замятина, Булгакова, Платонова)”¹⁹⁶.

В истории русской музыки XX века 1920-е годы – важная веха. Закладывались основы нового типа культуры, шли поиски новой идеологии, новых форм существования искусства. Искались формы управления культурой. Ставилась задача привлечения к искусству широких масс. Стали общедоступными концерты и спектакли. Появилась массовая самодеятельность, и закладывались основы массового музыкального воспитания и образования.

Это было уникальное для советского периода десятилетие, когда в силу экономических причин государство вынуждено было пойти на уступки и частично делить с обществом расходы на содержание искусства. Правда, от этого выиграл, в первую очередь, “лёгкий жанр”, коммерческая музыка. Тем не менее в условиях нэпа композиторы имели возможность продавать свои произведения разным, как государственным, так и частным, издательствам, музыкально-концертным организациям.

Политическая обстановка в стране в период межвластия, борьбы за выбор курса развития страны и соответственно за руководство в партии создавали хоть и неустойчивое, но всё же некое равновесие в области культуры и искусства. Это конкурентное соревнование разных направлений было закреплено постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года “О политике партии в области художественной литературы”.

В середине 1920-х годов существовали разные официально зарегистрированные композиторские сообщества. И между ними шла открытая публичная борьба. Эта борьба носила откровенно политический характер, и шла она за “командные высоты” в государственных учреждениях культуры, в органах управления искусством, на уровне ЦК ВКП(б) в отделе пропаганды и агитации, в Наркомпросе¹⁹⁷, в ВЦСПС, в профсоюзе работников искусств (Рабисе), в издательствах, концертных организациях, на радио. Эта борьба велась даже на самом высшем, партийном уровне. Как показывает история с дирижёром Н. Головановым, даже ЦК ВКП(б) не всегда мог противостоять массивной атаке со стороны консолидированных сил общественности.

Свиридов был прав в своей оценке идеологии крупнейших литературных и музыкальных объединений: РАПП и ЛЕФ, АСМ и РАПМ. Действительно, во всех этих сообществах, не без влияния официальной пропаганды, но не только, под флагом борьбы с национализмом шла открытая борьба с традиционными культурными ценностями, с религией, со всеми сложившимися до революции “мифологемами” и “идеологемами” национального самосознания. Это касалось как русского, так и других народов СССР.

Шла борьба с великодержавным великорусским национализмом и местными национализмами. Как информировал журнал “Пролетарский музыкант” о планах работы музыкальной секции Института литературы и языка при Комкадемии, “секция продолжала работу по разоблачению различных проявлений национал-шовинизма в музыке. Если во втором квартале были поставлены доклады общепринципиального характера – “Принципиальные вопросы развития национальных музыкальных культур” (т. Белый), “Музыкальный фронт Украины” (т. Белокопытов), то сейчас работа уже идёт в плане конкретного разбора великодержавного и националистического уклонов в творчестве советских композиторов. В этом плане были поставлены следующие доклады: “Буржуазный национализм в современной еврейской музыке” – докладчик т. Д. Житомирский; “Цыганщина и борьба с великорусским шовинизмом” – докладчик т. Б. Штейнпресс¹⁹⁸. В таком же духе идеологи РАПМа трактовали идейные взгляды классиков русской музыки, как можно убедиться на статьях и выступлениях Ю. Келдыша или А. Громана-Соловцова.

Деятели АСМ, за редким исключением, старались не касаться национальной темы, да и по своему воспитанию не могли отказаться от своей культурной идентичности¹⁹⁹. И действительно, в АСМ проявляли больше интереса к современной западной музыке.

ГЛУБОКИЙ ИНТЕРЕС К СУДЬБАМ РОССИИ...

У Георгия Васильевича было желание написать статью, посвящённую музыке в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. Его интересовали, помимо прочего, имена персонажей, среди которых есть и связанные с музыкой:

Берлиоз, Стравинский, Фагот и пр. Свиридов пытается понять, кого подразумевал писатель под тем или иным именем. И не только под музыкальными. “У Булгакова, – предполагает он, – Богохульский (очевидно – Маяковский)”²⁰⁰.

Свиридов – автор Патетической оратории. Одно из самых выдающихся сочинений на слова поэта. Если почитать “Разные записи” Свиридова, то можно заметить, что о Маяковском композитор пишет, как об исчадьи ада. Таких уничтожающих характеристик о поэте, пожалуй, не сыщешь ни в отечественном, ни в мировом литературоведении.

Нужно только помнить, что Патетическая писалась в атмосфере общественного подъёма и иллюзий эпохи хрущёвской оттепели, в 1957–1959 годах, а нелестные характеристики поэта появляются у Свиридова в тетрадях “Разных записей” не ранее середины 1970-х годов.

Как раз в то же время, когда он вспоминает недобрым словом РАПП, РАПМ, ЛЕФ, когда он весьма недоброжелательно высказывается о том же Мейерхольде или, скажем, о поэте-футуристе А. Кручёных. И дело не только в том, что поэт Кручёных работал архивариусом в ВЧК, как знал Свиридов, и даже не в его словесной зауми, а потому, что Кручёных – автор богохульных стихов вроде поэмы “Богоматерная” или знаменитой поэтической картины изъятия святых мощей из храмов под названием “Мороженца богов”.

Прав ли был Свиридов, объединяя вместе противоборствующих ЛЕФ и РАПП? Вот свидетельство хорошо знающего ситуацию критика В. В. Оболенского (Н. Осинского). Как он пишет в письме Сталину 21 января 1929 года, “напостовцы, как народ ловкий и специально сидящий на литературных делах, имеют нынче большой вес у рядовых наших рецензентов: с ними боятся связываться (особенно ежели рецензент беспартийный), и ежели они кого начнут клевать, то рецензенты либо подпевают, либо молчат; не менее ловкий и специализировавшийся на литературных делах народ гг. “лефовцы” (Маяковский, Мейерхольд, Брик и пр.), с коими напостовцы в блоке. Ежели они возьмутся вдвоём кого травить – плохо дело”²⁰¹. Так что сближение ЛЕФа и РАППа у Свиридова далеко не случайно. Эти организации, грызясь между собой, составляли единый “блок”, дружно травивший того же М. Булгакова.

* * *

Свиридов прошёл долгий духовный путь. Нельзя забывать, что первым его вокальным опытом были два романа на слова “лефовца” Б. Пастернака. В Звуковом архиве Свиридова сохранилась кассета с аудиозаписью его воспоминания, как он, будучи студентом консерватории, признался своему учителю Д. Д. Шостаковичу о своём желании познакомиться с Лилей Брик. Это было в самом конце 1930-х годов. На что обычно очень сдержанный Дмитрий Дмитриевич неожиданно взорвался: “Вы что, с ума сошли!?! Чтобы ноги Вашей в этом доме не было!” – и рассказал Свиридову о судьбе поэта Ярослава Смелякова. Но ведь главное в этом признании – желание молодого Свиридова познакомиться с почти что легендой, которой поэт посвятил одну из лучших своих поэм “Про это”. Значит, он в это время испытывал интерес к самому поэту. И не случайно же он написал свою Патетическую ораторию.

А рядом с Патетической почти одновременно появляются Поэма памяти Сергея Есенина (1955–1956), а после Патетической – оратория “Двенадцать” по поэме А. Блока (1959–1961). Все эти сочинения объединяет одно важное свойство – в них отражены, как говорил сам Свиридов, “основы национального бытия”. Уже в 70-е годы композитор придёт к самоопределению своей главной творческой задачи: “Я хочу создать миф: “Россия”. Пишу всё об одном, что успею, то сделаю, сколько даст Бог”.

Именно в этих сочинениях рождается качественно новый, русский Свиридов, что подметил ещё Д. Шостакович. Сам Свиридов это понимал, заметив о Поэме памяти Сергея Есенина: “Первая моя осознанно Русская вещь была”.

Одной из особенностей этого стиля стало проникновение в музыку Свиридова образов, навеянных литургической поэзией, интонаций церковного пения, как, например, в финале Поэмы “Небо как колокол” знаменного распева или во второй части (“Рассказ о бегстве генерала Врангеля”) “Патетической оратории” на слова В. Маяковского, где звучит песнь Симеона Богоприимца

“Ныне отпускаеши раба твоего...” Церковное антифонное пение как образ возникает в переключке хоралов струнных и деревянных духовых в первой части Маленького триптиха для симфонического оркестра. Поэтикой молебного канона на исход души навеян бестекстовый хоровой концерт “Памяти А. А. Юрлова”.

Во второй половине 1970-х годов появляются сочинения философско-религиозного содержания: кантаты “Ночные облака” и “Барка жизни”, хоровой цикл “Песни безвременья” (на слова А. Блока), кантата “Светлый гость” и поэма для голоса с фортепиано “Отчалившая Русь” (на слова С. Есенина). Здесь преобладают духовные “реалии”, символы и образы из Ветхого и Нового заветов. Наконец, их объединяет наличие хора. Что касается самого их музыкального языка, то в нём преобладает высокий интонационный строй, далёкий от звуковой “лексики” народной мирской песни, бытовой лирики. Для этих сочинений характерны медленные темпы, хоральная фактура, асимметричный ритм.

В конце 1970-х годов у Свиридова рождается план создания “мистерии” под названием “Россия” на слова А. Блока. Композитор намеревался соединить сольные и хоровые номера в сопровождении оркестра с чтением текстов (из дневников и статей А. Блока) и чисто оркестровыми ритуальными. Туда же он намеревался вставить подборку хоров на тексты из православного Молитвослова под названием “Из мистерии” (1985)²⁰².

Намерение обратиться непосредственно к традиции русского православного церковного пения и пара-литургическим жанрам народного творчества появилось у Свиридова опять же в 1970-е годы. В 1969 году композитор пишет два хора, которые он намеревался использовать в своём оперном замысле по пьесе М. Булгакова “Бег”. Текстом одного из них послужил “покаянный стих” — образец русской духовной лирики XVI–XVII веков, слова другого взяты из литургического текста — Песни Пресвятой Богородицы.

Оперный замысел он так и не осуществил, но эти два хора не пропали. К ним он дописал ещё один хор под названием “Любовь святая” на слова из сектантского стиха²⁰³. И все три хора вошли в спектакль Малого театра “Царь Фёдор Иоаннович” по трагедии А. К. Толстого (1973).

Вот с этих “Трёх хоров из музыки к трагедии А. К. Толстого “Царь Фёдор Иоаннович” (1973) начинается новый этап в творчестве Г. В. Свиридова, связанный с созданием новой, как называл сам композитор, “литургической музыки”.

С конца 1970-х годов и до начала 1990-х он создаёт множество сочинений на богослужебные тексты для разных исполнителей. Он намеревался писать литургию, но в конце концов пришёл к замыслу огромной православной оратории, состоящей из 54 номеров под рабочим названием “Из литургической поэзии”. Она предназначалась для солистов, хоров разных составов, симфонического оркестра и отдельных инструментальных ансамблей. Композитору не хватило для её завершения отпущенного судьбой времени. Тем не менее её часть из 27 хоров без сопровождения под названием “Песнопения и молитвы” ему всё же удалось в основном завершить, и это сочинение в нескольких вариантах исполнялось при жизни Свиридова хором Санкт-Петербургской капеллы под руководством В. Чернушенко²⁰⁴.

Таков был творческий путь композитора. От ранних пушкинских романсов (1935) к “Поэме памяти Сергея Есенина” (1956) и от Патетической оратории (1959) к “Песнопениям и молитвам” (1997). И он сам ясно осознавал траекторию этого пути.

В его тетради 1989-1990 (II) появляется заметка под названием “Эпоха “застоя”²⁰⁵. Он даёт этой эпохе несколько неожиданную на первый взгляд характеристику: “Это была эпоха глубоких предчувствий. В ней вызревала большая национальная мысль, находившая себе сильное творческое выражение”²⁰⁶.

И далее приводит имена близких ему писателей, поэтов, критиков, утверждая, что “деятельность этих людей невозможно сбросить со счетов”. В конце этого ряда упоминает творца любимой им повести “Один день Ивана Денисовича”. “Я уже не говорю о Солженицыне, чьи первые же сочинения были подобны ударам в болевые точки Русской жизни: государственный деспотизм, разорение Русской деревни”.

И в самом конце этой заметки приходит к выводу, что “вызрела национальная идея как сокровенная, как религиозная идея”²⁰⁷.

В одном из номеров журнала “Новый мир” начала 1990-х годов была помещена статья о философии модернизма. Эту статью читал Свиридов. К сожалению, у меня нет под рукой этого журнала с пометами композитора, но я хорошо помню смысл одной его записи на полях этой статьи. Он считал, что сущностью философии модернизма является отрицание Бога.

Свиридов не видел разницы между РАППом и ЛЕФом, ибо видел в них нечто общее, что при всех разногласиях объединяет их. В упоминавшейся ранее черновой записи письма А. И. Кандинскому об альбоме “Рахманинов” Свиридов пишет о критиках великого русского композитора. “Вдохновляющий момент враждебной Рахманинову критики исполнен большой духовной силы. В основе этой критики лежит отвержение внутренней идеи, которой наполнена рахманиновская музыка. Борьба с этой идеей — её искоренение и уничтожение всюду, в чём бы она ни проявлялась. Вот в чём был и есть этот вопрос, вот как стоял и продолжает стоять этот вопрос. Подобная же судьба у музыки Мусоргского, отвергавшегося по причине “безграмотности” или, как теперь говорят, “новаторства”, ибо дело тут не в “новизне” или “архаичности” — дело во внутренней сущности искусства. Она-то и отвергается — миропонимание, строй души — отвергается”²⁰⁸.

И РАПП, и ЛЕФ, и РАПМ, и АСМ — платформы, идеология этих организаций несли на себе печать философии модернизма. И независимо от того, отвергали они или принимали творческое наследие русской классики, весьма своеобразно его трактуя, как можно было убедиться на оценке тем же Ю. Келдышем миропонимания и строя души Мусоргского, их основной посыл был одинаков — открытый разрыв с христианством, с христианским гуманизмом.

Воинствующий атеизм, борьба с религией, в том числе и антихристианство являлись краеугольным камнем, идейной “скрепой” коммунистической России. И это хорошо понимал Свиридов. В тетради “Записи 1989-1990 (1996)” есть короткая, брошенная фраза: “Давно и настойчиво приходит в голову мысль, что Революция (Октябрьский переворот) была не столько социальной, сколько религиозно-национальным переворотом...”²⁰⁹ Или: “Коммунизм — дымовая завеса антихристианства, нарисованный на тюле макет якобы будущего общества процветания и всеобщего равенства”²¹⁰.

Между тем, Свиридову пришлось напрямую столкнуться с бывшими рапповцами в 1950–1970-е годы.

О ЛЬВЕ ЛЕБЕДИНСКОМ

Свиридов был знаком со многими видными идеологами РАПМа в послевоенные годы. С некоторыми он соприкасался по делам в Союзе композиторов. Иногда ему приходилось сотрудничать, были и случаи, когда бывшие рапповцы критиковали его за формализм в 1948 году. С некоторыми он даже вступал в какие-то более близкие отношения.

Интересна в этом смысле история его отношений со Львом Лебединским.

После того как был ликвидирован РАПМ, Лебединский на какое-то время уходит в нети, в академическую науку, в 1937 году уезжает в Башкирию и занимается там изучением башкирского фольклора.

В 1936 году после публикации знаменитой статьи “Сумбур вместо музыки” бывшие рапповцы вступились и на собрании в московском союзе выступили, что называется, вытаскивая из чехлов свои боевые знамена. Выступая на собрании в Ленинграде, Иван Дзержинский рассказал, как он был на дискуссии в Москве и услышал бывших рапповцев. Автор оперы “Тихий Дон”, в создании которой ему помогал Шостакович, был смущён, услышав, как “видный “дискуссионер” в области музыки, композитор Белый подвергает сомнению дарование Шостаковича. “В результате многие композиторы более мелкого пошиба доходят до того, что считают Шостаковича — как творческое лицо — уже трупом”²¹¹. Лебединский там тоже выступал, посвятив своё выступление памяти А. Давиденко. Тем не менее он нисколько не изменил своей рапповской позиции и взглядов.

Через год ему это припомнили. В апреле 1937 года был арестован Леопольд Авербах вслед за Г. Ягодой, обвиненным в организации троцкистско-фашистского заговора. В апреле в том же году исполнилось пять лет со дня выхода постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. Официально именно к этой дате было приурочено выступление нового музыкального идеолога

В. Городинского в Московском союзе композиторов. Но, между тем, и это выступление, и резолюция по нему, принятая московскими композиторами, носили характер показательного процесса, на котором были обвинены члены бывшей Ассоциации.

Обвинения были нешуточные, головке РАПМа напомнили о тесных связях с Леопольдом Авербахом, с РАППом. “Руководство РАПМ в лице Л. Лебединского, В. Белого, Ю. Келдыша и др., – читаем резолюцию, – заимствуя свои лозунги из рапповского арсенала, вследствие этого сделалось проводником в музыкальном искусстве влияния троцкиста Авербаха. Последовательно осуществляя гнусные лозунги авербаховщины (“союзник или враг” и др.), РАПМ скатилась к прямому противопоставлению своей линии – линии партии в искусстве. Провозглашение вожаком РАПМ Л. Лебединским антипартийного тезиса: “РАПМ есть отряд партии и рабочего класса на музыкальном фронте”, – попытка Л. Лебединского формулировать особую “генеральную линию” рапповского движения, отрицание им принципиальной разницы между коммунистами и беспартийными членами РАПМ, троцкистские вылазки активистов РАПМ Штейнпресса и Краснухи – всё это свидетельствует о глубоком идейно-политическом распаде б. РАПМ”²¹².

По Лебединскому было принято следующее решение: “Собрание не может удовлетвориться запоздалыми признаниями Л. Лебединского, оторвавшегося от музыкальной общественности и показавшего своим реваншистским выступлением в феврале 1936 года на дискуссии о формализме в музыке, что он до последнего времени не осознал полностью своих ошибок рапповского периода. Собрание одобряет решение партгруппы союза о передаче на обсуждение парторганизации ССК вопроса о привлечении Л. Лебединского к партийной ответственности за допущенные им политические ошибки и поведение за годы, минувшие с момента постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.”²¹³.

В 1937 году такие публичные разборки с решением парторганизации запросто могли стоить жизни критикуемому. Однако проходит страшное время “большого террора”, Ягода, Авербах, его сестра, жена Ягоды Ида Авербах были приговорены к ВМЗ, и приговоры приведены в исполнение. Проходит целая череда осуждений писателей, поэтов, критиков. Погибают Киришон, Третьяков, Клюев, Мандельштам. Имя репрессированным деятелям культуры, писателям и поэтам в это время – легион...

А Лев Лебединский остался цел и невредим. Он совершает невероятный кульбит. В 1939 году создаётся Оргкомитет Союза композиторов СССР, и в 1940 году Лебединский становится сотрудником Оргкомитета. В первом номере журнала “Советская музыка” за 1941 год выходит большая статья за подписью Льва Лебединского и... Виссариона Шебалина. Того самого “путчика”, который в ноябре 1931 года покаялся на пленуме секретариата РАПМ о своём выступлении 2 октября, чем вызвал одобрение руководства РАПМ, в том числе и его генерального секретаря.

В совместной статье “Творчество московских композиторов и работа МССК” даётся подробный анализ и оценка созданных в последнее время произведений московских композиторов. В том числе несколько строк посвящено критике оперы молодого композитора Т. Хренникова “В бурю”. В нескольких строках даётся нелюбезная оценка опере. В конце, как принято в таких случаях, авторы статьи выразили надежду: “В целом эта опера – неудача безусловно талантливого автора, неудача, происходящая от ложных и неверных предпосылок. Мы уверены, что в своих последующих произведениях Хренников пойдёт по иным, более полноценным, более самостоятельным и более ярким путям. Тому порукой его сильное и искреннее мелодическое дарование, сказавшееся с большой силой в ряде прежних сочинений, особенно в 1-й симфонии”.

В октябре 1946 года на расширенном Пленуме Оргкомитета ССК СССР Лебединский выступает в защиту симфонического творчества Шостаковича, в то время как его 8-я и 9-я симфонии оказались в зоне критики. Наступает 1948 год. На встрече с музыкальными деятелями в ЦК ВКП(б) и на Первом съезде композиторов Лебединский сидит рядом с Шостаковичем. И на долгие годы у них складываются дружеские отношения. Через Шостаковича Свиридов и познакомился с Лебединским.

Судя по отзывам Свиридова, Лебединский был, как он его характеризовал, “человеком с биографией”. Ещё совсем молодым он вступил в ряды ЧК,

прошёл гражданскую войну. Свиридов передавал мне его рассказ, как брали Перекоп. Троцкий трижды подымал красноармейские части, но кинжальный огонь умело выстроенной опытными офицерами Добровольческой армии обороны не давал возможности красноармейцам поднять голову. Наконец, после третьей сильной речи наркомвоенмора части двинулись, впереди шли махновцы, а за ними – бойцы регулярной Красной армии. Буквально по телам повстанцев красноармейцы достигли противоположного берега Сиваша.

Надо сказать, что Свиридов передавал этот рассказ увлечённо, чувствовалось, что и Махно, и вдохновенное обращение к бойцам Троцкого вызвали у него нечто вроде восхищения. Это был чисто эстетический восторг художника. Он вылился в музыку, в третьей части Патетической оратории “Героям Перекопской битвы” Свиридов воспел их. “Своими телами покрыв Перекоп...”.

Когда Шостакович становится первым секретарём Союза композиторов РСФСР, он приглашает Лебединского на работу и ставит его во главе Фольклорной комиссии. Но вот после того как больной Шостакович передаёт свой пост Свиридову, Свиридов не захотел, чтобы бывший рапповец стоял во главе Фольклорной комиссии, которая создавала Полное собрание сочинений русской народной песни. Он увольняет Лебединского. Кроме того, Свиридов отказывается от помощи А. Холодилина, который был правой рукой Шостаковича в Союзе композиторов. С этого момента отношения Д. Д. Шостаковича с Г. В. Свиридовым резко портятся. И, конечно, в 1973 году на переизбрании первого секретаря СК РСФСР опытный боец Лебединский внёс свою лепту в процедуру избрания, и Свиридов не прошёл.

“РЕАЛИЗМ В ВЫСШЕМ СМЫСЛЕ...”

В 1988 году Россия предперестроечная отмечала необычный для советских людей праздник – Тысячелетие принятия христианства на Руси. Свиридов приветствовал этот праздник, видел в нём знак решительных перемен. И хотя, как только началась перестройка, он сразу понял, что чаяния его не оправдались, он с надеждой смотрел на Церковь, считал, что место Церкви теперь – в народе. Миллионные города (новые!) живут вовсе без признаков Христианской веры, без церквей. Русские населяющие их люди – суть дикари по своему духу, мирозозерцанию²¹⁴.

В пасхальное воскресенье 1 мая 1994 года Свиридов смотрел по телевизору службу в Казанском соборе в Ленинграде. Настроение у него грустное, строки в тетради передают его состояние: “Ужасна – беспомощность, моя совершенная прибитость, угнетённость духа, полная и безнадежная”. И тут же, вспоминая, как вчера был водружён “светлый Золотой Крест Христа на осквернённом Казанском соборе”, у него появляется робкая надежда: “Боже, не ужели это не фарс, а подлинное Возрождение, медленное, трудное очищение от Зла? Но кажется иногда, что именно это наиболее верный путь. А народ расслоился: с одной стороны, окончательное падение в бандитизм, проституцию во всём, с другой стороны – Церковь и интерес к жизни Духа²¹⁵”.

В это время усиленно композитор работает над Песнопениями и молитвами. Он надеялся ещё в 1988 году, к Тысячелетию, завершить целиком этот цикл, но успел в тот год написать лишь часть его. И все последние годы работы над последним в его жизни хоровым циклом он вновь и вновь возвращается в своих мыслях к Мусоргскому.

15 ноября 1988 года в его тетради появляется короткая запись: “В кризисе христианской веры Мусоргский видел несчастье мира²¹⁶”.

В тетради 1988 года: “Необъятное явление Мусоргского. Явление мировой, точнее сказать, христианской культуры Нового времени. Вагнер, Мусоргский – христианские мифы²¹⁷”.

В тетради 1990–1991 годы появляется ещё одна запись: “Мусоргского более всего можно назвать чисто русским реалистом. В его творчестве есть важная и глубокая сторона, доступная лишь просвещённым русским православным людям. Влияние романтизма (Берлиоз, Лист, Шуман) было очень сильным. Но Мусоргский не подходит под мерки Европейской музыкальной истории. Он не “классик” и не “романтик”, хотя высоко ценит и любил культуру Европы. Духовная высота и искренняя религиозность в творчестве – реализм в высшем смысле²¹⁸”.

Ныне трудно себе представить русскую музыку конца XX века без партитуры “Песнопений и молитв”. Этот хоровой цикл получил широкую известность как в России, так и за рубежом. Откровенно говоря, я не знаю все российские хоровые коллективы, исполняющие его. Знаю первооткрывателей цикла – хор Петербургской капеллы. Знаю Свято-Никольский хор Государственной Третьяковской галереи под управлением А. Пузакова, Русскую академическую капеллу имени А. Юрлова, клиросы собора Христа Спасителя и Сретенского монастыря. Его исполняют украинский хор *Credo*, камерный хор Латвийского радио, хор Северогерманского радио, хор общества св. Романа Сладкопевца в Чикаго и другие.

В 1995 году это сочинение было отмечено Государственной премией Российской Федерации. Издание “Песнопений и молитв” было осуществлено в 2002 году Национальным Свиридовским фондом в томе XXI Полного собрания сочинений Г. В. Свиридова. Издание получило благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго²¹⁹.

Это сочинение – не только итог долгого духовного пути Георгия Свиридова. Оно было выстрадано, буквально выпето Россией на её трудном пути тяжких физических и духовных испытаний, взлётов и падений. И, конечно, это сочинение немислимо себе представить без внутренней глубинной связи с творениями предшественников Свиридова, без той же “Хованщины” Мусоргского или Всенощной С. Рахманинова. И если Мусоргский предчувствовал в своих исторических драмах падение русского царства, а Рахманинов написал Всенощную в год, когда Российская империя вошла в войну, обернувшуюся катастрофой для русского народа, то “Песнопения и молитвы” появились в момент очередной исторической трагедии – развала Советского Союза.

В одной из последних своих рабочих нотных тетрадей Свиридов запишет: “Россия для меня страна просторов, страна печали, страна минора, страна Христа”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лебединский Л. Важнейшее звено нашей работы (О так называемом “лёгком жанре”) // Пролетарский музыкант. 1929. № 5. С. 3–8.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Чичеров И. О массовой песне. В кн.: Наш музыкальный фронт: Материалы Всероссийской музыкальной конференции (июнь, 1929 г.) / Под ред. С. Корева. – М.: Музсектор ГИЗ, 1930. С. 58–63.

⁵ Лебединский Л. “О шансонетке, “военной музыке” и авиамарше” // За пролетарскую музыку. 1931. № 3. С. 2–12. Ответственный секретарь ВАПМ подвергает уничижительной критике “Авиамарш” Ю. Хайта на слова И. Германа, находя во фразе “вместо сердца – пламенный мотор” нескромный образ, навеянный опереткой “Мотор любви”. В отношении к “Авиамаршу” Лебединский не сошёлся во вкусах с К. Ворошиловым, которому этот марш нравился. В этом докладе Лебединский напоминает о том, что парафраз на популярные “Кирпичики” в виде вальса “Две собачки” В. Кручинина Мейерхольд использует в своём знаменитом спектакле “Лес”. С Мейерхольдом Лебединский неоднократно вступает в очный и заочные споры по поводу отношения знаменитого режиссёра к “лёгкой” музыке. Это заметил Свиридов.

⁶ Браудо Е. М. Пора прекратить торговлю идеологией // За пролетарскую музыку. 1931. № 5. Март. С. 18–23.

⁷ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о замене руководителя Главискусства Наркомпроса РСФСР от 25 февраля 1930 г. № 118, п. 30 – О Главискусстве (т.т. Стецкий, Москвин, Бубнов). Назначить т. Кона Ф. Я. начальником Главискусства (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 126.

⁸ Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 22.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Там же.

- ¹² Можно только представить уровень вкуса профессуры МГК, если для того же профессора Г. Нейгауза единственно приемлемыми образцами “лёгкого жанра” служили “Маленькая сюита для оркестра” И. Ф. Стравинского, Скерцо для 4 фоготов С. Прокофьева, “Тиль Уленшпигель” Рихарда Штрауса, “кое-что из Хиндемита, Равеля. Чудесный образчик – также “Щелкунчик” Чайковского” (Пролетарский музыкант. 1930. № 5. С. 22).
- ¹³ Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 24–25.
- ¹⁴ Там же. С. 25.
- ¹⁵ Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 25.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Келдыш Ю. Проблема пролетарского музыкального творчества и попутничество // Пролетарский музыкант. 1929. № 1. С. 16.
- ¹⁹ Примечательно, что и Чайванов, и Равич были чекистами первого призыва конца 1910-х – начала 1920-х годов. У Рославца чекисткой была его жена Наталья Алексеевна, в девичестве Ланговая, сестра известного военного А. А. Лангового, принимавшего участие в операции “Трест”. В 1927 году А. Ланговой работал в Наркомате просвещения в военном отделе, в 1928 году был назначен начальником военно-экономического отдела Горлита. Наталия Ланговая – ответственный сотрудник ВЧК–ГПУ с 1918 года, в 1920-е годы работала полпредом в Греции.
- ²⁰ Заявление Н. Рославца. В Комиссию по чистке аппарата Наркомпроса и в комиссию по чистке аппарата Театра-кино-печати // Пролетарский музыкант. 1930. № 2. С. 42–43.
- ²¹ Пролетарский музыкант. 1930. № 2. С. 43.
- ²² В 1930 году Госиздат был реорганизован в ОГИЗ, в состав этого объединения вошёл бывший Музсектор, преобразованный в Музгиз.
- ²³ См., напр., его выступление на совещании в АППО (Пути развития музыки. Стенографический отчёт совещания по вопросам музыки при АППО ЦК ВКП(б). – М.: Музсектор ГИЗа, 1930. С. 23–24).
- ²⁴ Коров С. Главискусство и руководство музыкальной жизнью // Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 29.
- ²⁵ См.: Келдыш Ю. Балет “Стальной скок” и его автор – Прокофьев // Пролетарский музыкант. 1929. № 6. С. 12–19. См. также: Гачев Д. О “Стальном скоке” и директорском наскоке (Наш ответ дирекции Гос. театров оперы и балета). Там же, с. 20–21.
- ²⁶ Кон вступил в должность руководителя в конце февраля 1930 года. См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о замене руководителя Главискусства Наркомпроса РСФСР от 25 февраля 1930 г. № 118, п. 30 – О Главискусстве (т. Стецкий, Москвин, Бубнов). Назначить т. Кона Ф. Я. Начальником Главискусства (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 126).
- ²⁷ Персональный состав комиссии опубликован в первом номере ж. “Пролетарский музыкант” за 1929 г. (с. 34).
- ²⁸ После выхода статьи “В консерватории неблагополучно” в газете “Правда” от 16 ноября 1928 года М. Гринберг (Матиас Сокольский) намеревался опубликовать в возглавлявшемся в то время им журнале статью заведомо театра и музыки в Главискусстве П. Новицкого “Цитадель музыкальной художественной реакции” о консерватории, о реакционной группировке в ней, о “головановщине”. Л. Шульгин противился публикации этой статьи. Тогда М. Гринберг пожаловался на него П. Керженцеву и А. В. Луначарскому, и ему удалось продать эту статью. Тем не менее Свидаерский не ввёл М. Гринберга в состав комиссии. См.: письмо М. М. Гринберга А. В. Луначарскому о борьбе за власть в журнале “Музыка и революция” от 11 января 1929 г. (в кн.: Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Сост. Л. Максименков. – М.: МФД, 2013. С. 69–70).
- ²⁹ М. Гринберг – автор критической статьи о Поэме памяти Сергея Есенина, сыгравшей свою роль в истории выдвижения Поэмы на Ленинскую премию в 1958 году. См.: Белоненко А. С. Шостакович и Свиридов: к истории отношений // Наш современник. 2018. № 2. С. 242–285.
- ³⁰ Гринберг М. Дмитрий Шостакович // Музыка и революция. 1927. Ноябрь. № 11(23). С. 16–20.

- ³¹ Гринберг М. Опера и композитор // Сов. искусство. 1932. 16 окт. № 47. С. 3.
- ³² Гринберг М. “Катерина Измайлова” (Музыкальный театр им. В. И. Немировича-Данченко) // Известия. 1934. 24 февр. № 48. С. 4.
- ³³ Б. п. К положению в М. Г. К. // Пролетарский музыкант. 1929. № 2. С. 31.
- ³⁴ Там же. С. 32.
- ³⁵ Б. п. В музыкальных учреждениях и организациях // Пролетарский музыкант. 1929. № 5. С. 27.
- ³⁶ Там же. С. 28.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же..
- ⁴⁰ См. Камионская В., Рыбакова П. О московском музыкальном радиовещании // Пролетарский музыкант. 1931. № 6.
- ⁴¹ Пути развития музыки. Стенографический отчёт совещания по вопросам музыки при АППО ЦК ВКП(б). – М.: Музсектор ГИЗа, 1930. С. 39.
- ⁴² Там же.. Скорее всего, Ревич знал отношение Свиердского к РАПМу, но прорасчитался..
- ⁴³ Там же. С. 48.
- ⁴⁴ Пшибышевский Б. Пути реорганизации Московской консерватории // Пролетарский музыкант. 1929. 5. С. 9.
- ⁴⁵ Там же. С. 9.
- ⁴⁶ Там же. С. 10.
- ⁴⁷ Письмо целиком приводит в своей книге Е. Власова, по которой я привожу цитату из него (Власова Е. С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. – М.: Издат. дом “Классика-XXI”, 2010. С. 90).
- ⁴⁸ Протокол № 7 заседания Президиума ЛОССК 4 июля 1940 года совместно с руководством Музыкального вещания Всесоюзного Радиокomiteта от 2–4 июля 1940 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 37. Протоколы заседаний президиума ЛОССК и материалы к ним. 16 янв. – 15 дек. 1940 г., л. 24 об.).
- ⁴⁹ Там же..
- ⁵⁰ См. статью Е. Власовой “Конская школа” в газете “Российский музыкант” № 8 за ноябрь 2009 год.
- ⁵¹ Тищенко А. От первого этапа к полной реконструкции вуза // Пролетарский музыкант. 1931. № 2 (20). С. 32.
- ⁵² Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 460.
- ⁵³ За пролетарскую музыку. 1931. № 5. С. 5.
- ⁵⁴ Там же. С. 6.
- ⁵⁵ В 1930 году согласно территориальному делению уездов относился к Курскому району Центрально-Черноземной области, где проходила коллективизация, приведшая к 1932 году к голодомору. Юный Свиридов помнил, что когда мать его провозжала в 1932 году в Ленинград, то на вокзале в Курске лежали трупы.
- ⁵⁶ Шифрограмма М. М. Малинова И. В. Сталину о массовых выступлениях крестьян 1 марта 1931 г. В кн.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина // Под ред. акад. А. Н. Яковлева / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М.: МФД, 2003 (Россия. XX век. Документы). С. 263.
- ⁵⁷ 7 марта на процессе контрреволюционной организации меньшевиков с обвинительной речью выступил государственный обвинитель прокурор РСФСР Н. В. Крыленко. На следующий день были вынесены приговоры осуждённым. Помимо этого процесса, как раз в эти же дни начинал свою работу VI съезд Советов Союза ССР. На концерты в консерватории не отреагировали ни “Правда”, ни “Известия”. Лишь одна газета “Советское искусство” 12 марта поместила рецензию Г. Поляновского “Кому звонили “колокола”..?”.
- ⁵⁸ Выгодский Н. Я. Небесная “идиллия”, или Фашизм в поповской рясе”. (К концертам А. Коутс 5 и 6 марта 1931 года) // Пролетарский музыкант. 1931. № 1. С. 27–28. Фрагмент из этой статьи опубликован в томе IX труда “Русская духовная музыка в документах и материалах”. См.: Русское православное церковное пение в XX веке. Советский период. Книга I. 1920–1930-е годы. Ч. 2 / подгот. текста, вступ. ст., коммент. М. П. Рахманова, науч. конс. А. Наумов. – М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 966–967.

- ⁵⁹ Сергей Васильевич Рахманинов: Альбом / Сост. Е. Н. Рудакова // общ. ред. А. И. Кандинского. — М.: Музыка, 1982. (Человек. События. Время).
- ⁶⁰ Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. — М.: Молодая гвардия, 2002. С. 287.
- ⁶¹ Ярославский Е. Мечты Чайновых и советская действительность // Правда. 1930. 18 окт. № 288. С. 2.
- ⁶² Как известно, Ем. Ярославский возглавлял “Союз воинствующих безбожников” (до 1929 года — Союз безбожников).
- ⁶³ Пролетарский музыкант. 1931. № 1. С. 27.
- ⁶⁴ Нахимовский М. Памятка о Н. Выгодском // Сов. музыка. 1960. № 12. С. 122-123.
- ⁶⁵ Пролетарский музыкант. 1931. № 1. С. 28.
- ⁶⁶ Ostromislensky I., Rachmaninov S., Tolstoy I. Tagore on Russia // The New-York Times. 1931. January 15. P. 22.
- ⁶⁷ Покидая Москву, Коутс написал благодарственное письмо Сталину. Вполне возможно, что прославленный дирижёр, покинувший Петроград и Мариинский театр в 1917 году, рассматривался как кандидат на пост главного дирижёра Большого театра.
- ⁶⁸ Стремясь обновить коммунистами и сочувствующими им Российскую академию наук, избавить её от старых академиков, ОГПУ сфабриковало дело контрреволюционной фашистской организации в среде учёных-славистов. По этому делу проходили, например, такие выдающиеся русские учёные, как академики М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц. 26 июня 1934 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об академиках Сперанском М. Н. и Перетце”, инициированное ОГПУ. В документе значилось: “Принять предложение ОГПУ об исключении обвиняемых по делу к.-р. фашистской организации Сперанского и Перетца из состава Академии наук СССР и о высылке их на три года”. См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–КПСС. 1922–1992/1922–1952. / Сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 147.
- ⁶⁹ Ввёл это понятие в партийный обиход, кажется, ещё председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев в 1924 году. Сталин вслед за Зиновьевым обвинял социал-демократов в уступке буржуазии, называл их “умеренным крылом фашизма” (см. его работу: “К международному положению”, опубликованную в сентябрьском номере ж. “Большевик”). После того как социал-демократическое правительство в Германии разогнало демонстрацию, организованную коммунистами в Берлине в мае 1929 года, термин “социал-фашизм” вновь стал актуальным. Он стал употребляться и в отношении правого уклона в Российской компартии в это время. Впрочем, ещё в 1918-1919 годах Ленин, внимательно следивший за революционными событиями в Германии, осудил социал-демократов за их отказ бороться за передачу власти Советам и превращения революции в “пролетарскую”. У Ленина в статьях этого времени можно встретить термины “социал-империализм” и “социал-шовинисты”.
- ⁷⁰ Келдыш Ю. Балет “Стальной скок” и его автор — Прокофьев // Пролетарский музыкант. 1929. № 6. С. 12.
- ⁷¹ Там же. С. 14.
- ⁷² Там же. С. 17.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Келдыш Ю. Балет “Стальной скок” и его автор — Прокофьев // Пролетарский музыкант. 1929. № 6. С. 18.
- ⁷⁵ Там же. С. 19.
- ⁷⁶ Лебединский Л. О музыкальной практике, общественных группировках музыкантов и нашей политике по отношению к ним // Пролетарский музыкант. 1930. № 2. С. 4.
- ⁷⁷ Там же. С. 5.
- ⁷⁸ Отсылаю читателя к труду Марины Раку “Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи” (М.: НЛО, 2014), в котором подробно рассматриваются многочисленные работы по Мусоргскому второй половины 1920-х — начала 1930-х годов.
- ⁷⁹ Выгодский Н. Я. И. Глебов, как музыкальный критик (В порядке обсуждения) // Пролетарская музыка. 1929. № 7-8. С. 24.
- ⁸⁰ Там же. С. 21. В конце статьи, обсуждая и осуждая только что вышедшую в свет “Книгу о Стравинском”, Выгодский приходит к окончательному выводу:

- “Куда приведёт Глебова дальнейшее развитие его деятельности и мировоззрение — мы не знаем. Но в настоящее время работы Игоря Глебова, в особенности последняя книга, являются глубоко реакционными и враждебными пролетарскому мирозерцанию и музыкознанию” (там же, с. 28).
- ⁸¹ Мусоргский М. П. Письма и документы. С приложением подробного комментария, хронографа жизни М. П. Мусоргского, писем, адресованных к нему, неизданной сцены из оперы “Млада”, указателей, пяти портретов и снимков с рукописей / собрал и приготовил к печати А. Н. Римский-Корсаков при участии В. Д. Комаровой-Стасовой. — М.: Музгиз, 1932.
- ⁸² М. П. Мусоргский. Письмо к М. А. Балакиреву. Комментарий Ю. Келдыша (там же, с. 539–545).
- ⁸³ Келдыш Ю. Мусоргский и проблема наследства прошлого // Пролетарский музыкант. 1931. №1. С. 12.
- ⁸⁴ Келдыш Ю. Мусоргский и проблема наследства прошлого // Пролетарский музыкант. 1931. №2. С. 12.
- ⁸⁵ Там же. С. 14.
- ⁸⁶ Там же. С. 14–15.
- ⁸⁷ Там же. С. 15.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Келдыш Ю. Мусоргский и проблема наследства прошлого // Пролетарский музыкант. 1931. №5. С. 14.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же. С. 14–15.
- ⁹² Там же. С. 16–17.
- ⁹³ Там же. С. С. 17.
- ⁹⁴ Там же. С. 25.
- ⁹⁵ Там же. С. 23–24.
- ⁹⁶ Там же. С. 26.
- ⁹⁷ Громан-Соловцов А. Классовые корни “кучкизма” в свете ленинских взглядов на общественное развитие России // Пролетарский музыкант. 1932. №2. С. 69.
- ⁹⁸ Пролетарский музыкант. 1932. №2. С. 80.
- ⁹⁹ Там же. С. 84.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 87.
- ¹⁰¹ Там же С. 91.
- ¹⁰² Там же С. 88.
- ¹⁰³ Пролетарский музыкант. 1931. №2. С. 23.
- ¹⁰⁴ Крылова С. За перестройку исполнителя-вокалиста // Пролетарская музыка. 1932. №2. С. 49.
- ¹⁰⁵ Пролетарский музыкант. 1931. №2. С. 26–27.
- ¹⁰⁶ Наследие М. П. Мусоргского: Сборник материалов: К выпуску Полного академического собрания сочинений М. П. Мусоргского в тридцати двух томах / Сост. и общая редакция Е. Левашёва. — М.: Музыка, 1989.
- ¹⁰⁷ Свиридов Георгий. О Мусоргском. Там же. С. 5.
- ¹⁰⁸ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. — М.: Молодая гвардия, 2002. С. 457.
- ¹⁰⁹ Свиридов Георгий. О Мусоргском. Там же. С. 9.
- ¹¹⁰ Лебединский Л. Новое на музыкальном фронте // Пролетарский музыкант. 1929. №6. С. 1.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Как Н. Рославец объяснял в своём заявлении, “я допустил недостаточно строгое отношение к той категории музыкальных произведений, которая получила наименование “лёгкого жанра” <...> Эта основная ошибка повела к ряду ложных шагов, давших возможность классово-чуждым музыкантам организовать, печатать свои произведения, основать своё издательство и продвигать свою продукцию на советскую эстраду. Эта же основная ошибка повела к тому, что я отдал свои произведения для напечатания в их издательство АМА, что я считаю глубоко неправильным, независимо от того, мог ли или не мог я их напечатать в гос. издательстве. (Заявление Н. Рославца // Пролетарский музыкант. 1929. №2. С. 42–43.) В лице Рославца РАПМ получил сильное подкрепление.

- ¹¹³ Пути развития музыки. Стенографический отчёт совещания по вопросам музыки в АППО ЦК ВКП(б) — М.: Музсектор ГИЗ, 1930. С. 23–24.
- ¹¹⁴ Письмо Асафьева см.: Материалы к биографии Б. Асафьева / Сост. А. Крюков. Л.: Музыка, 1982. С. 144–145 (114. Асафьев Б. В. — А. В. Луначарскому. Весна 1929 г.).
- ¹¹⁵ Громан (А. Громан-Соловцов). Очаг формализма в музыкальной науке // Пролетарский музыкант. 1929. № 2. С. 28–31.
- ¹¹⁶ См. Заявление в Ассоциацию пролетарской музыки // Пролетарский музыкант. — 1929. — № 5. — С. 39.
- ¹¹⁷ Пролетарский музыкант. 1931. № 7. С. 49.
- ¹¹⁸ Б. п. В творческих объединениях Всероскомдрама. 1-е объединение композиторов // За пролетарскую музыку. 1932. № 4–5. С. 34.
- ¹¹⁹ Драматическая симфония “Ленин” для чтеца, солистов, смешанного хора и большого симфонического оркестра, в трёх частях. По поэме В. Маяковского “Владимир Ильич Ленин” (1931, 2-я редакция — 1959).
- ¹²⁰ По всей видимости, речь идёт о симфоническом произведении “Поэма борьбы” (1931).
- ¹²¹ “За пролетарскую музыку”. 1932. № 4–5. С. 34. Имеется в виду симфония № 14, С dur, op. 37.
- ¹²² Пролетарский музыкант. 1931. 1. С. 2–12.
- ¹²³ Там же. С. 8.
- ¹²⁴ Друскин М. Исследования. Воспоминания. — Л.; М.: Сов. композитор, 1977. С. 214. Друскин с Шапориным составляли протокол о ликвидации ЛАСМ, Друскин носил протокол и остальные документы в милицию.
- ¹²⁵ О закрытии обществ в Москве см.: Власова Е. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. — М.: Классика-XXI, 2010. С. 97–106.
- ¹²⁶ Любвеобильная Лиля увлекла Я. Агранова, а О. Брик, как мне рассказывал Свиридов, был консультантом ОГПУ по “камушкам”, у его отца в Киеве был ювелирный магазин.
- ¹²⁷ С лёгкой руки генсека ВКП(б) советское литературоведение долгие годы научно доказывало это “отсекновение”, независимость Маяковского от футуризма.
- ¹²⁸ См., напр., Мейерхольд В., Бебутов В. Одиночество Станиславского // Вестник театра. 1921. № 89–90; Садко (Блюм В. И.) “Каин”, мистерия Байрона // Коммунистический труд. 1920. 16 апр.; Блюм В. Жалеть ли? // Театральная Москва, 1921. Подборку статей и рецензий 1920-х годов можно найти в следующем издании: Московский Художественный театр в советскую эпоху. Материалы и документы. 2 изд., доп. — М.: Искусство, 1974; Климова Л. П. К. С. Станиславский в русской и советской критике. Л.: Искусство, 1986.
- ¹²⁹ В 1970 году вышла монография о пролетарских писателях, ставшая классическим трудом, который до сих пор переиздается. См.: Шешуков С. Неистовые ревнители. М.: Московский рабочий, 1970 (посл. изд. — М.: Прометей, 2013).
- ¹³⁰ Операция “Весна” — чистка Красной армии органами ОГПУ от бывших военспецов, то есть генералов и офицеров, служивших ранее в армии Российской империи. Всего было арестовано более 3 тысяч человек. См.: Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с., ил.
- ¹³¹ См. его краткую биографию в статье Л. Максименкова “От составителя” в кн.: Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Сост. Л. Максименков — М.: МФД, 2002. С. 18–21.
- ¹³² См.: Сталин — Рыкову, Молотову, Петровскому, Микояну о беседе с Горьким 6 июня 1928 года. В кн.: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. — М.: МФД, 2005. С. 126.
- ¹³³ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о лечении М. Горького от 20 ноября 1930 г. В кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. — М.: МФД, 2002. С. 131.
- ¹³⁴ Редколлегию “Литературного наследия”, издаваемого ЛиЯ, возглавлял Л. Авербах. В помещении ЛиЯ проходили разного рода диспуты и собрания с участием пролетарских композиторов.
- ¹³⁵ См.: Постановление секретариата ЦК ВКП(б) “О руководящих кадрах работников кинематографии” от 11 янв. 1929 г. В кн.: Власть и художественная интеллигенция.

- Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 96–98.
- ¹³⁶ См.: Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) “О порядке разрешения издания новых журналов” от 18 янв. 1929 г. В изд.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 99.
- ¹³⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 144–145.
- ¹³⁸ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о кадровых изменениях в Главреперт-коме Наркомпроса РСФСР от 26 янв. 1928 г. (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 81–82).
- ¹³⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о реорганизации Главлита от 3 сент. 1930 г. (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 128–129).
- ¹⁴⁰ См.: Из направленной стенограммы выступления И. В. Сталина на встрече с украинскими литераторами. 12 февр. 1929. В изд.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 102–107.
- ¹⁴¹ См.: Письмо И. В. Сталина драматургу В. Н. Билль-Белоцерковскому 1 февр. 1929 г. В изд.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 100–101. Между прочим, в этом письме упоминается дирижёр Н. С. Голованов и “головановщина”. Причём Сталину пришлось чуть ли не выпрашивать у неумолимых пролетарских писателей “не казнить” дирижёра. Как вождь пишет, “головановщина” есть явление анти-советского порядка. Из этого, конечно, не следует, что сам Голованов не может исправиться, что он не может освободиться от своих ошибок, что его нужно преследовать и травить даже тогда, когда он готов распроститься со своими ошибками, что его надо заставить таким образом уйти за границу”.
- ¹⁴² В письме заведующему АППО ЦК ВКП(б) А. И. Криницкому группа “Пролетарский театр”, включающая ряд пролетарских драматургов, режиссёров и литераторов, сообщала, что актив группы “недавно вышел из этой организации (РАПП), побуждаемый принципиальными расхождениями и недопустимым режимом командования и пренебрежения мнением целых коллективов, царящим в РАПП” (цит. по изд.: Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. – М.: МФД, 2005. С. 135).
- ¹⁴³ См.: Группа “Пролетарский театр” – Криницкому о положении пролетарских драматургов. 19 янв. 1929 г. Копия – тов. Сталину. Зав. АППО ВКП(б) тов. Криницкому. В изд.: Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. – М.: МФД, 2005. С. 135–137.
- ¹⁴⁴ См.: Сталин – Осинскому о Билль-Белоцерковском 25 янв. 1929 г. Там же. С. 139.
- ¹⁴⁵ Осинский – Сталину о пьесе Билль-Белоцерковского “Голос недр” 21 янв. 1929 г. (Там же. с. 138).
- ¹⁴⁶ См.: Записку Генерального секретаря РАППа Л. Л. Авербаха в ЦК ВКП(б) об открытии театра РАППа и Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об организации театра Российской Ассоциации пролетарских писателей” от 5 марта 1931 г. В изд.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 142–143.
- ¹⁴⁷ Письмо И. В. Сталина писателям-коммунистам из РАППа от 28 февр. 1929 г. Там же. С. 110.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 111.
- ¹⁵⁰ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 112.
- ¹⁵¹ Там же. С. 123–124.

- ¹⁵² Там же. С. 124.
- ¹⁵³ Там же. С. 123.
- ¹⁵⁴ Шешуков С. И. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. – М.: Прометей, 2013. С. 455.
- ¹⁵⁵ Мехлис Л. За перестройку работы РАПП // Правда. 1931. 24 ноября. № 323. С. 3.
- ¹⁵⁶ Об очередных задачах перестройки РАПП (Из резолюции по докладу т. Л. Авербаха на Пленуме РАПП) // Правда. 1931. 8 декабря. № 240. С. 3.
- ¹⁵⁷ V пленум правления РАПП // Правда. 1931. 8 декабря. № 240. С. 3.
- ¹⁵⁸ Особенно после того, как глава ленинградского отделения Союза Е. Замятин покинул СССР в 1929 году.
- ¹⁵⁹ Бобрик О. Из истории авторского права на музыкальные произведения // Музыкальная академия. 2013. №1. С. 16.
- ¹⁶⁰ В 1926 году МОДПик открыл свой филиал в Ленинграде.
- ¹⁶¹ О Всероскомдраме см.: Плотников К. И. История литературной организации Всероскомдрам (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН). Диссерт. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук. – М., 2015. О секции композиторов см.: Власова Е. С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. – М.: Издательский дом “Классика-XXI”, 2010. С. 95–97. В новом объединении было два филиала, московский и ленинградский.
- ¹⁶² Борис Евгеньевич Этингоф – человек с богатой биографией. В 1922–1923 годах был начальником политконтроля (военно-политическая цензура) ГПУ, работал помощником заведующего Главлита, возглавлял Комитет по контролю за репертуаром. Работал в НКВД, в 1927–1928 годах был генеральным консулом в Стамбуле. В марте 1930 года, когда во главе Совета по делам искусств и литературы при НКП стал Ф. Кон, он пригласил Этингофа на должность своего заместителя по театру.
- ¹⁶³ Чудак. 1929. Ноябрь. № 46. С. 10.
- ¹⁶⁴ См.: Русское православное пение в XX веке. Дело Драмсоюза; Цветкова Г. А. Фарисеи и мытари на службе у советского государства: проблема осуществления власти как личного выбора человека. XVIII Ежегодная богословская конференция. Раздел Миссионерство. С. 19–26.
- ¹⁶⁵ За оздоровление авторских обществ. Заявление в Главискусство и в ЦК Рабис // Пролетарский музыкант. 1930. №1. С. 33.
- ¹⁶⁶ В музыкальных организациях // Пролетарский музыкант. 1930. №7. С. 32–33.
- ¹⁶⁷ Там же. Театральный критик, поклонник творчества Вс. Мейерхольда, пропагандист джаза, после отъезда Л. Сабанеева пытался встать во главе АСМ и написал новую платформу, которую РАПМ разбил на упоминавшемся ранее диспуте в ЛИЯ Комакадемии.
- ¹⁶⁸ Как писал автор рецензии на одно из сочинений Гнесина, «Симфонический монумент» все же лишён целостной устремлённости и органичного развития мысли. Благодаря этому значительно затрудняется восприятие «Симфонического монумента» слушателем. (Б. В. Симфонический монумент (1905–1917) М. Ф. Гнесина. На сл. С. Есенина // Пролетарский музыкант. 1929. №1. С. 40.) В то же время Ю. Келдыш отзываясь о творчестве попутчиков Гнесина и А. Крейна в целом более спокойно, взвешенно. «Как Гнесин, так и Крейн являются еврейскими композиторами, причём национальные тенденции нашли яркое выражение в их творчестве. И теперь еврейский национальный момент в основном определяет характер их музыки. Их отклик на революцию не случаен, а может быть вполне последовательно объяснён этой струей в их творчестве. Наряду с этим у них чрезвычайно сильны элементы, заимствованные из современной буржуазно-упадочной музыки. (Келдыш Ю. Проблемы пролетарского музыкального творчества и “попутничество” (Пролетарский музыкант. 1929. №1. С. 18.)
- ¹⁶⁹ “Демонстрировалось очень много его произведений, в том числе реакционно-мистические вещи “Недотыкомка”, “Снежинка” и другие, написанные в пору злейшей реакции как в политической жизни, так и в русском искусстве, и отразившие эту реакцию” (Д. В. “Я сложный человек”... М. Ф. Гнесин о себе и окружающей его действительности // Пролетарский музыкант. 1931. № 8. С. 23).

- ¹⁷⁰ Д. В. “Я сложный человек”... М. Ф. Гнесин о себе и окружающей его действительности. // Пролетарский музыкант. 1931. № 8. С. 24.
- ¹⁷¹ Д. В. “Я сложный человек”... М. Ф. Гнесин о себе и окружающей его действительности. // Пролетарский музыкант. 1931. № 8. С. 28.
- ¹⁷² Белый В. Факты и цифры против очередной клеветы на РАПМ. Приложение к журналу “Пролетарский музыкант” № 9. С. 2.
- ¹⁷³ Там же. С. 11.
- ¹⁷⁴ Впрочем, и себя Гнесин мнит родоначальником идей пролетарской музыки, так прямо ничтоже сумняшеся и возглашает: “Кроме того, меня огорчает то, что я не только признаю ценность РАПМа и необходимость, и известные заслуги, но я могу считать себя до известной степени родоначальником их идей, потому что полностью (!) их программа мною была опубликована в 1910 (!) г.”. Забавно!
- ¹⁷⁵ См.: журнал “Пролетарский музыкант”, № 8 (Белый намекает на статью В. Д. “Я сложный человек”... М. Ф. Гнесин о себе и окружающей его действительности. – А. Б.).
- ¹⁷⁶ Белый В. Факты и цифры против очередной клеветы на РАПМ. Приложение к журналу “Пролетарский музыкант” № 9. С. 11.
- ¹⁷⁷ См. главу “Гнесин о Мусоргском и о себе” (Там же. С. 24–25).
- ¹⁷⁸ Там же. С. 19.
- ¹⁷⁹ В списочном составе Всероскомдрама под номером 55 числится композитор Исидор Ильич Айсберг (Ледогоров). Список хранится в Отделе рукописей Института мировой литературы РАН (ф. 52, оп. 2, ед. хр. 203). Список приводится в качестве приложения № 1 к кандидатской диссертации К. И. Плотникова “История литературной организации Всероскомдрам (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН)”. М., 2015. С. 224. Есть также сведения, что Ледогоров-Айсберг был кинокритиком, был изгнан за какую-то статью из киносекции и пришёл в композиторскую секцию.
- ¹⁸⁰ После двух собраний, посвящённых творчеству Васильева-Буглая и Гнесина и давших массу интереснейшего критического материала, председателем композиторской секции Атовмяном фактически была прекращена всякая живая творческая работа в секции под предлогом неудачной якобы “формы” этих собраний.
- ¹⁸¹ Белый В. Факты и цифры против очередной клеветы на РАПМ. Приложение к журналу “Пролетарский музыкант” № 9. С. 35.
- ¹⁸² Там же. С. 38.
- ¹⁸³ Новое творческое объединение. Группа композиторов-“попутчиков” пожелала работать в тесном контакте с РАПМом // Пролетарский музыкант. 1930. № 7. С. 49.
- ¹⁸⁴ Пленум Совета Всероскомдрама. Фрагмент стенограммы, посвящённый музыкальным вопросам (18 и 19 декабря 1931 года). Публикация Е. Власовой // Музыкальная академия. 1993. № 2. С. 160–177.
- ¹⁸⁵ Афиногенов признался об этом под протокол: “Совещание 2 октября, о котором здесь говорилось, было созвано мною и Авербахом под его председательством как генерального секретаря РАППа, и состав этого совещания нами обсуждался. Я являюсь членом РАППа и официально об этом заявляю для стенограммы” (там же. С. 176).
- ¹⁸⁶ И, между прочим, зря. В своё время Асафьев заметил, что кино Шостакович обязан рождением своего симфонического стиля. Независимо от Асафьева, к такому же выводу пришёл Свиридов.
- ¹⁸⁷ Выступление Л. Т. Атовмяна на съезде Всероскомдрама. 18 декабря 1931 г. Цит. по изд.: Рядом с великими: Атовмян и его время / Составл., текстологическая редкция, комментарии, исследовательские разделы и предисл. Н. Кравец. – М.: Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 2012. С. 311.
- ¹⁸⁸ Пленум Совета Всероскомдрама. Фрагмент стенограммы, посвящённый музыкальным вопросам (18 и 19 декабря 1931 года). Публикация Е. Власовой // Музыкальная академия. 1993. № 2. С. 175.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 176.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ Пролетарский музыкант. 1931. № 10. С. 48.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ За пролетарскую музыку. 1932, февр.-март. № 4–5. С. 47.

- ¹⁹⁴ Рядом с великими: Атовмян и его время / Сост., текстолог. ред., коммент, исследование. разделы и предисл. Нелли Кравец. – М.: Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 2012. С. 213.
- ¹⁹⁵ Рядом с великими: Атовмян и его время / Сост., текстолог. ред., коммент, исследование. разделы и предисл. Нелли Кравец. – М.: Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 2012. С. 213.
- ¹⁹⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 421.
- ¹⁹⁷ Даже внутри НКП, как показывает история с первым главой Главискусства А. Свиридским, ему открыто противостояли работники того же наркомата.
- ¹⁹⁸ Пролетарский музыкант. 1931. № 10. С. 48.
- ¹⁹⁹ Стоило только И. Глебову написать в своей работе о Глазунове, что композитор “любит как русский человек простор и раздолье”, как автор “любимой” статьи Свиридова о Рахманинове “Небесная идиллия”, или Фашизм в поповской рясе” Н. Выгодский отпустил реплику: “Эту преувеличенную оценку Глебов обосновывает “исконными”, вечными причинами. На сцену появляется “русский народ”, этот незаменимый атрибут при объяснении творчества русских композиторов” (Выгодский Н. Я. И. Глебов как музыкальный критик (В порядке обсуждения) // Пролетарский музыкант. 1929. № 7-8. С. 22).
- ²⁰⁰ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Молодая гвардия, 2002. С. 312.
- ²⁰¹ Осинский – Сталину о пьесе Билль-Белоцерковского “Голос недр” 21 янв. 1929 года. Цит. по изд.: Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков – М.: МФД, изд.-во Материк, 2005. С. 138.
- ²⁰² Туда должны были войти следующие хоры: Аллилуйя (сопрано соло), Трисвятое (Святой Боже), Слава и ныне, Величание Креста и Свят, Господь Саваоф.
- ²⁰³ В основу этого хора легла мелодия, родившаяся у композитора в пасхальное воскресенье 1945 года. Он записал её в виде наброска без слов под названием “Кант”.
- ²⁰⁴ Об истории создания цикла “Песнопения и молитвы” см.: Белоненко А. “Музыкальная теодицея Георгия Свиридова”. Вступит. статья к т. XXI Полного собрания сочинений Г. В. Свиридова. – М., СПб.: Национальный Свиридовский фонд, 2001. С. V–XLIV.
- ²⁰⁵ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Молодая гвардия, 2002. С. 571–572.
- ²⁰⁶ Там же. С. 571.
- ²⁰⁷ Там же. С. 572.
- ²⁰⁸ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Молодая гвардия, 2002. С. 287.
- ²⁰⁹ Там же. С. 552.
- ²¹⁰ Там же. С. 570.
- ²¹¹ Сов. музыка. 1936. № 5. С. 33.
- ²¹² Против рапповщины и формализма (Резолюция общего собрания членов и кандидатов Московского союза советских композиторов по докладу тов. Городинского о 5-летию со дня исторического решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.) // Сов. музыка. – 1937. № 7. С. 6.
- ²¹³ Там же. С. 7.
- ²¹⁴ Там же. С. 606.
- ²¹⁵ Там же. С. 619.
- ²¹⁶ Там же. С. 582.
- ²¹⁷ Там же. С. 476.
- ²¹⁸ Там же. С. 474.
- ²¹⁹ Свиридов Г. В. Полное собрание сочинений. Том 21. Песнопения и молитвы. Общая редакция, подготовка нотного текста и вступительная статья А. Белоненко. – М., СПб.: Национальный Свиридовский фонд, 2001. XLIV, 73 с.: ил.

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

ЛЮДИ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Свидетельские показания соучастника

Глава 9 Спаянные одной страстью

Мои первые охотничьи опыты относятся к подростковому возрасту. После войны степь, прилегающая к Сталинграду, какое-то время не распахивалась: слишком много мин и снарядов находилось в земле. А там, где засеивались первые гектары, не применяли гранулированные удобрения. Всё это создавало прекрасные условия для размножения куропаток. И люди видели, как вечером эти птицы стаями летели где-то около Мамаева кургана и на окраинах города, бились о провода и падали мёртвыми. Народ их собирал, была еда.

А мы, пацаны, в это время стали пользоваться так называемыми поджигами. Поджиг – это вроде пистолета. На деревянное ложе накладывалась трубка, которая загибалась на ручке. Около загиба делался пропилен. В трубку набивалась спичечная сера, потом бумага в виде пыжей и нарубленные зубилом кусочки гвоздей. Рядом с пропилом прикреплялась спичка, по ней чиркали, она зажигала ту серу, которая в трубке, и раздавался выстрел. И гвозди летели довольно далеко. Я вспоминаю, кого-то даже ранило.

Но мы поняли, что так можно охотиться на куропаток. И первые такие выстрелы я тоже делал, как и другие пацаны. Не скажу, чтобы очень удачно. Правда, и попасть было нетрудно, потому что куропатки летели большими стаями. Это была даже и не охота, а какие-то попытки, ибо какой пацан после войны, тем более в Сталинграде, не хотел бы подержать в руках оружие! Кстати говоря, здесь его было так много, что сплошь и рядом ребята носили пистолеты, были автоматы, некоторые даже держали пулемёты.

Ружейное братство

Настоящая охота у меня началась, когда я приехал после Смоленска в Волгоград. Случайно как-то познакомился с кем-то из охотников, съездил с ними ещё без ружья. Меня это захватило. Я купил ружьё, которое, кстати говоря, у меня было до недавнего времени. Это с конца 60-х годов до сих пор. Ну, кроме него, ещё было оружие.

Я стал ездить на охоту. Ездил несколько раз с директором универмага, в подвале которого в 1943 году взяли в плен Паулюса. Интересный был человек – этот директор. Воевал. Много знал. Я о нём однажды написал. Мы с ним в степи тоже стреляли куропаток.

Окончание. Начало в № 2, 3 за 2022 год.

Работая в “Волгоградской правде”, я однажды наткнулся на письмо из города Волжского от охотинспектора Юрия Шубина. Известно, что в редакциях нередко встречаются журналисты, которые знают и хорошо освещают какую-то любимую ими тему. Меня интересовала природа. Естественно, мне попадались письма, касающиеся её охраны, охоты, рыбалки, лесонасаждений. В своём письме Ю. Шубин писал о том, что браконьеры из власти подводят его под уголовную статью. А надо сказать, что Росохотрыболовсоюз и госохотинспекция всё время имели натянутые отношения. Это происходило и наверху, и в низовых звеньях. И вот областное общество охотников обрушилось на этого охотинспектора за то, что он задержал влиятельных браконьеров.

А где задержал? К этому времени в Волжском был построен огромный химический комбинат. И у него по технологии были образованы так называемые пруды-накопители, куда он сбрасывал отработанную воду. Сначала первый был пруд большой, там вообще, по-моему, адская была смесь. Оттуда – в другой, в третий и, наконец, в так называемый большой лиман Волжского химкомбината. Этот водоём был виден из космоса благодаря своим размерам. С годами он зарос камышом, образовались огромные острова. И среди охотников он получил название “Химдым”. Так вот в этом “Химдыме” была прекрасная утиная охота, ибо на пути к югу осенью и с юга на север весной здесь останавливались десятки тысяч уток. Я раза два туда ездил, пока мне не попало это письмо.

Я приехал в Волжский. На окраине города жил в частном доме Юрий Шубин. Разговорился с ним. Он мне показал протоколы, другие документы на задержанных браконьеров.

Вернувшись в Волгоград, я пришёл к председателю областного общества. Захожу, сидит могучий старик, весь обросший, по-моему, у него даже из ноздрей, из ушей волосы растут. Он мне сразу напомнил истукана с острова Пасхи. Я рассказываю ему историю Шубина. Он мне небрежно: “Да ладно, это всё ерунда”. Я узнал, что этот старик давно уже руководил волгоградским обществом охотников и рыболовов, что он был отставной милиционер при каком-то высоком звании: полковник, что ли. И, конечно, он поддерживал тех, кто при власти. А тут какой-то охотинспектор задержал некоторых из них, начал протоколы составлять. Они попёрли на него.

Я написал статью в защиту Шубина. Этот истукан с острова Пасхи отреагировал небрежно, типа: ходят тут всякие, пишут.

А надо сказать, что редактор “Волгоградской правды” Алексей Митрофанович Менько был человек принципиальный. И когда он видел, что на выступления газеты реагируют примерно так: “Да пошли вы, ребята!” – он заводился. Но заводился не так, как Иванов в Ярославле, бурно краснея, вздымая волосы, а весь собирался, недобро прищуривал глаза и говорил: “Ну-ка, иди сюда. Что там у нас ещё имеется?” А имелось уже немало. Пошли письма от других охотинспекторов, от охотников с критикой областного общества. Я дал вторую статью – разгромную. Причём обоснованную. А Менько в конце ещё приписал: “И куда смотрит центральный райком партии Волгограда?!” Председателя тут же переизбрали, выгнали. Ну, ему было уже, наверное, 80 лет с лишним. Избрали кого-то другого. А к Шубину я стал ездить на охоту. И у меня официальное появилось разрешение, похожее, как я говорил, на мандаты времён революции 1917 года. В разрешении перечислялось всё, что я мог добыть. И там, в этом “Химдыме”, я тренировался стрелять: влёт, в угон, на штык, на подлёте. Потому что патроны были металлические, и снаряжал я их сам.

К тому времени я продал мамин дом и купил машину “Москвич-412”. Приезжал на нём на работу в редакцию. В машине было уже и ружьё, и патроны, и одежда. Поскольку я ещё поддерживал гаишников, у меня были тёплые отношения с начальником ГАИ Борисом Ивановичем Цветковым, нормальные отношения, без всяких заискиваний с обеих сторон. Он мне дал пропуск, так называемый “вездеход”, с красной полосой. Я садился в машину в центре Волгограда и летел на северную окраину, а это 25–30 километров. Потом через плотину Волжской ГЭС, и к Шубину. Там я охотился.

Помню, как в один из первых раз приехал к нему после моих выступлений, когда всех разгромили, браконьеров осудили, по крайней мере, они отстали от Шубина. Он вызвал своих сыновей – двух подростков, и сказал:

“Вот, запомните, это Вячеслав Иванович, он спас вашего отца. Вы должны это не забывать”.

Я охотился в этом “Химдыме” все годы, пока не уехал в Ярославль. Но не только на уток и гусей я охотился в Волгоградской области. Благодаря природоохранным мероприятиям здесь появились лоси. Они спускались с северных регионов через центральные в этот южный регион. Жили они и питались в Волго-Ахтубинской пойме. Там я тоже охотился. И должен сказать, что мясо лосей нас поддерживало, начиная с ноября где-то по март.

После второго приезда в Ярославль я стал уже заядлым охотником. Задружился с руководителями областного общества охотников, с руководством охотинспекции. Ездил два раза в охотхозяйство Ярославского шинного завода. Оно находилось в Ростовском районе, недалеко от городка Петровска. Оно и сейчас там, наверное, находится, если, конечно, существует. База хозяйства на берегу речушки. На высоком косогоре – двухэтажный дом. Хороший дом, добротный. На втором этаже несколько комнат для гостей, на первом этаже – комнаты для егерей и водителей. На первом же этаже кухня и большая столовая, где могут разместиться человек тридцать. И вот там мы после каждой охоты собирались. Один из наших “орлов” – специалист по приготовлению печени Лапский – жарил печёнку. Второй спец – Том Фетисов – обжаривал вермишель. За длинный стол садились все вместе – мы, известные, работники хозяйства, егеря, водители. Приезжал два директора шинного завода, Герой Социалистического Труда Владимир Петрович Чесноков. Каждый раз встречал нас председатель заводского охотколлектива Тимофей Фёдорович Новиков – интереснейший самобытный человек, которому я дал кличку “Маманя Груня” и которого описал в рассказе “Маманя Груня и монах”.

В нескольких десятках метров от дома на реке была баня. К ней пройти можно было с берега по мосткам. А с другой стороны – выход из парилки по ступенькам в воду или, если зимой, в прорубь. Баня была шикарная: большой предбанник с хорошим столом, с камином. Человек пятнадцать можно было усадить за этот стол.

Однажды, ещё работая в “Волгоградской правде” и будучи внештатным корреспондентом второй газеты страны, я приехал в Москву и зашёл в отдел информации “Известий”. Там меня уже заочно знали, поскольку давал немало информации. Познакомился с редактором отдела Юрием Васильевичем Пономаренко. Это был среднего роста плотный мужчина, даже немножко полнеющий, с круглой головой, коротко стриженный. Глаза часто прищуренные, смеющиеся. И вообще он улыбался нередко. Но его взгляд мог быть и жёстким, губы сразу твёрдо сжимались. Чувствовалось, что человек прошёл войну. Юрий Васильевич имел один из высших орденов Польши, потому что первым посадил самолёт ещё в горящей Варшаве. И считался польским героем.

Через него проходила моя проблемная корреспонденция “Право на выстрел”. И, можно сказать, мы с ним были заочно знакомы. Разговорились. Оказалось, он тоже охотник, причём с большим стажем. Поэтому, когда я переехал в Ярославль и появился снова в Москве, договорившись при этом с руководством охотколлектива Ярославского шинного завода, что я приеду со знакомыми “известинцами” на весеннюю охоту на тетеревов, мне дали добро.

Я позвонил Юрию Васильевичу, и он приехал, взяв с собой Игоря Карпенко. Вот так я познакомился с Карпенко. Мы пошли ночью в поле. Там стояли шалаши. Это была моя первая охота на тетеревов. Я даже не знал, как всё будет. И вдруг перед рассветом послышались волнующие бормотания. Вот так я познакомился с известинскими охотниками.

В следующий раз приехали уже несколько человек, но теперь осенью, для охоты на копытных – на лося, на кабана. Приехал Надеин Владимир Дмитриевич, Игорь Александрович Карпенко, Пономаренко Юрий Васильевич, приехал Фетисов Том Иосифович, и, по-моему, в этот раз впервые появился в нашей компании знакомый Игоря Карпенко Володя Страхов, или Владимир Александрович Страхов.

И начались наши интенсивные интереснейшие охоты. Чего только мы не видели, каких только у нас приключений не было! Некоторые из них я описал в романе “Крик совы перед концом сезона”. Причём были такие моменты... Едем в “кунге” (это машина с закрытым кузовом), сидим битком, нас там человек шесть, ещё егерей человека четыре-пять. Тесно сидим. Тут же собаки

в ногах лежат. Идёт разговор, плетётся одно за другое, второе, третье за четвёртое. Я несколько раз думал: вот где надо всё записать, потом ведь пригодится. Разговоры о политике и о женщинах, о газете и реальной жизни, о загранице и о том, что у нас. И всё это идёт непрерывно.

Машина прыгает на кочках. Нас подбрасывает. Мы хватаемся друг за друга, смеёмся. Снова кто-то начинает какую-то тему, другие её подхватывают. Это были интереснейшие часы. Мы всё больше и больше сплывались, всё более тесным становилось наше общение.

Немного скажу о каждом из моих друзей. Главным в компании, если так можно сказать, непререкаемым авторитетом был Владимир Надеин. Он работал редактором отдела фельетонов “Известий”. Очень талантливый человек. Перед тем работал в журнале “Крокодил”. Написал фельетон, который касался одного из первых секретарей обкома партии на Украине. Тот обиделся. Пожаловался Хрущёву, решил, что это неправильно.

Это были хрущёвские времена. Володю из “Крокодила” уволили. Он мне говорил: “Представляешь, ещё вчера мне до ночи не давали даже уснуть звонками дома. Звонили-звонили, уверяли, что они друзья, что помогут мне в случае чего, только сейчас надо помочь им”. Как только его уволили, с утра – ни одного звонка. И очень долго так было. Потом он пришёл в “Известия”, стал работать там в отделе фельетонов. Редактором был Семён Руденко, корреспондентом, таким же как Надеин, был Эльрад Пархомовский. Со временем Надеин возглавил отдел.

Вот он был как бы формальным и неформальным лидером нашей компании. И эту его роль никто не оспаривал. Даже Игорь Карпенко, энциклопедически образованный человек, ум которого был заполнен фантастическим объёмом знаний из разных сфер жизни, даже он, который мог бы поспорить с Надеиным по объёму знаний, даже он признавал лидерство Надеина. Володя был остроумен, весел, хороший организатор, отзывчивый человек. Именно он приезжал ко мне в Казахстан, когда меня за мои критические выступления решили прихватить и изобразили якобы браконьерскую мою охоту с председателем областного охотобщества. Состоялся даже суд, но всё рассыпалось. А до этого Надеин приезжал в Ярославль после моего фельетона о разворовывании материалов. Я об этом писал раньше.

Скажем, Том Фетисов не имел никогда машины, но был заядлым охотником. И оставить его без выезда было просто невозможно. Надеин забирал его из дома, вёз на базу, а потом отвозил домой.

Он был крупного размера, с немного нависшими над серыми глазами веками, с небольшими чёрными усами. В тот период он чаще был человеком добрым, смеющимся, хохмачом, ну, и спорщиком. А Игорь Карпенко, ум которого тоже был забит множеством знаний, выглядел иным. Он был ниже среднего роста, широкоплечий, плотный, как спортсмен, который оставил спорт. Я ему дал кличку Домкрат, ибо сила у него была большая. Спокойный, невозмутимый. Даже когда мы вместе с ним работали, я никогда не слышал какого-то всплеска эмоций. И, наблюдая за ними обоими, я выявил, скажем так, формулу умов. У Карпенко был ум, я его назвал ум-сундук. Спроси его о чём-нибудь – он откроет сундук памяти, пороется в своих слоях, тут же достаёт и говорит. Но дальше эти сведения никак не работают. А у Надеина был ум, который я назвал ум-котёл. Это что-то вроде того, когда варит хозяйка борщ, и уже варево имеет определённый вкус. Вдруг добавляется что-то небольшое, что сразу меняет вкус всего варева. Вот также Надеин. Он быстро находил нужные сведения, загорался от них, и всё начинало светиться по-новому.

Игорь был красив, хотя уже не первой молодости. Ярко-голубые большие глаза. Говорят, когда был молодым, в него влюбилась известная актриса Ия Савина, которая снималась в фильмах “Дама с собачкой”, “Гараж” и другие. И, самое главное, что я хотел бы отметить, он был очень порядочный человек.

С нами в компании одно время ездил бывший главный редактор “Комсомольской правды”, а потом заместитель главного редактора “Известий” Лев Константинович Корнешов. Затем он подтянул своего сына Сашу. Надо сказать, что Саша работал в КГБ. И, насколько нам известно, курировал творческую интеллигенцию. То есть ему надо было как раз среди нас быть. Но, я думаю, он нас не закладывал.

Следующим я бы назвал Володю Лапского. Лапский не всё время с нами ездил, от случая к случаю. Но это был парень, как бы сказать, своеобразный. Он закончил сначала Московский институт иностранных языков, потом учился в Военном институте иностранных языков, знал немецкий, французский, испанский. И готовился ехать, по-моему, в Германию. Но где-то на каком-то приёме, в каком-то посольстве какое-то неосторожное слово сказал. И кто-то донёс “куда надо”. Лапский оказался невыездным. На 20 лет!

Когда мы начали ездить в 1968–1969 годах в Ярославскую область на охоту, его с нами не было. Он в это время работал в журнале “За рубежом”. В “Известия” пришёл в 1973 году, в 1987 году поехал за границу, в ФРГ. В 1992 году вернулся.

Когда я его увидел первый раз, отметил: большой лоб, рыжие усы, лицо удлинённое. Я бы сказал, привлекательное, но по-мужски. Хотя, может быть, привлекает и некоторых женщин. Взгляд ироничный, чуть-чуть надменный. Как оказалось, эта надменность относилась не к нам, а к той системе, которая его 20 лет не выпускала за границу. А наши поездки он считал райскими отдушинами, глотком воздуха.

Действительно, мы все были близки, у нас были интересные разговоры. Он мне рассказал, почему Надеин возненавидел его и стал считать плохим журналистом-международником, хотя раньше было иначе. Якобы одна женщина, которая нравилась Володьке, сказала ему, что Лапа её добивался. После этого произошёл обрыв. Страдая от того, что он невыездной, Лапский, по его словам, находил отраду в любовницах и охоте.

Ущербность от статуса “невыездной” сказывалась на его характере и поведении. Он жёлчно юморил, как-то вызывая острит. Но в целом он был интересный парень, довольно умный, тоже, кстати, пишущий. Сейчас уже, по-моему, несколько книжек издал.

Был ещё Том Иосифович Фетисов. Маленький, щупленький добрый человек, с вечно слезящимися глазками. Особенно когда выпьет, глазки слезятся, блестят. Такой благодушный. Никогда не кричал, никого не перебивал. Я всех их хорошо описал в “Крике совы...”, кроме Лапского, — его, по-моему, у меня там нет.

Следующим я бы назвал Страхова Владимира Александровича, — нашего госплановца. Подтянутый, худощавый, стройный, собранный. Самый настоящий человек из Госплана. Он нередко приезжал на охоту прямо с работы — в костюме, галстук, в туфлях. Приезжал на своей “Волге”. И уже на базе переодевался во всё охотничье. У него была светлая куртка короткая. А зимой, в морозы, надевал белый тулуп. Кстати говоря, в морозные охоты надевали тулупы Лапский и я — мне когда-то отец подарил его, поскольку командовал каким-то складом. Остальные тоже одевались по погоде: в дублёнки, в тёплые куртки, ибо попробуй постоять минут 40–60 на морозе в 25 градусов в лёгкой одежке! И ведь не сойдёшь с номера без команды — дисциплина была жёсткая. Однажды Ашраф Ахметзянов не услышал сигнала отбоя и стоял в лесу, пока за ним не приехал егеря. А у Ашрафа от мороза лопнули стёкла очков.

Кстати, об Ашрафе. Он влился в нашу компанию несколько позднее. Собранный, волевой, с твёрдым характером татарин, видно было, что он не давал спуску “лесным братьям” в Прибалтике, когда воевал против них. А вообще-то — хороший, весёлый мужик. Мог где-то посмеяться, но не шутник.

Это так немного о нашей компании. Ну, естественно, и обо мне. Как я себя могу охарактеризовать? Говорят, я был и острый, и хваткий. В “Крике совы...” я описал себя в двух ипостасях: и Волков, и журналист Савельев, когда речь зашла об “Известиях”. И чтобы закончить об охоте, расскажу один случай. Приехали в Переславский район. Это самый южный район Ярославской области. Нас расставили на большой просеке. За спиной — лес, и метрах в тридцати — тоже такая широкая просека для высоковольтной ЛЭП. Столбы уходят влево, теряясь где-то вдаль, и вправо. Справа, метрах в двухстах просеку пересекает дорога и уходит в низину с густым лесом. В эту низину уехали наши загонщики. А перед тем, когда мы подъезжали к просеке, туда, в низину, в большой лесной массив, по той же дороге проехала легковая машина. Я увидел на полке, позади задних сидений лежит похоронный венок. Машина скрылась, а нас егеря стали расставлять на номера. Слева от меня, метрах в двадцати, оказался Лапский. Стоим, ждём.

Мороз за двадцать, а голосов загонщиков всё не слышно. Наконец далеко-далеко в лесу послышались крики. Когда наступает такой момент, мгновенно собираешься, весь превращаешься в слух и, не поворачивая головы, шаршишь глазами по лесу за просекой. Голоса сначала были громкие, потом стали тише и вдруг совсем смолкли. Я понял, почему. По югу Ярославской области, то есть именно в этих местах, проходит левая часть так называемой Клинско-Дмитровской гряды. А это холмы, крутые овраги, мелкие и глубокие впадины, снова возвышенности. Видимо, загонщики двинулись в нашу сторону с возвышенности, а потом углубились во впадину. Кричать, наверняка, продолжали, однако голоса их тонули в глубине леса. Не понимая, в чём дело, как я потом выяснил у ребят, все ждали продолжения. Стояли и мы с Лапским, застывшие на морозе.

Вдруг с той стороны, откуда поначалу раздавались голоса загонщиков, донеслись звуки известного похоронного марша Шопена. Я вспомнил легкую машину, венки в ней и понял, что кого-то хоронят в невидимом населённом пункте. И внезапно, скосив глаз, увидел, как Лапский, подняв голову к небу, держа ружьё наперевес, зашагал вперёд. Изумлённый я зашипел: “Лапа, ты куда? Вернись на место!” Кричать было нельзя, зверь мог стоять уже у края противоположного леса. Но и оставлять шагающего, устремившего взор к небу Лапского, тоже было недопустимо. Я снова, теперь уже громче, окликнул ловно потерявшего ощущение реальности Лапского. Он вдруг встал, опустил взгляд на лес, повернул лицо ко мне, и, словно лунатик, пошёл по своим следам назад.

Едва он вернулся на место, слева от нас, метрах в ста, выбежал на просеку лось. Кто-то из наших выстрелил, и лось упал.

Я потом спросил его: “Что произошло?” Володя как-то странно посмотрел на меня и сказал: “Я думал, это голос неба меня позвал. Представляешь, почему в морозной тишине, из глубины глухих лесов зазвучала похоронная музыка?”

Много лет я собирался написать рассказ об этом. Но так и не случилось.

Рыбачьи колориты

Постепенно в наши охотничьи поездки стала вклиниваться рыбалка. Сначала мы ездили ловить рыбу в Подмосковье, а потом перешли на Астрахань.

Страсть к рыбалке стала проявляться, как говорят, с ранья. После войны жизнь в Сталинграде была далека от сытой. Бабушка варила щи из лебеды. Помогал огород. А летом стала все чаще добавляться в рацион рыба. Ну, какая рыба? Мелочь, которую называли чехондой. Сходив в первые разы с пацанами на берег Волги, я потом уже больше себе не представлял, что можно как-то без этого обходиться. Снасти были у нас примитивные до неприличия: прут – удилище, нитка катушечная и какой-то крючок. Но рыбы мелкой – чехонды – были тучи. Поэтому мы возвращались к концу дня по домам, увешанные крест-накрест, как пулемётными лентами, низками этой чехонды. Она была маленькая, но жирная. Из неё делали котлеты, её жарили, с ней варили уху.

Постепенно я стал ездить за Волгу, переезжать на парходике и ловить рыбу уже там. Кстати говоря, об этих рыбалках у меня есть два рассказа: “Казнь С. Разина” и “Лучше бы не было того табора”. Оттуда я уже приезжал чуть-чуть с более крупной рыбой, допустим, с сазанчиками с ладошку, с плотвой, краснопёрками. Но вообще, скажем так, с детства я больше любил ловить, чем есть. Меня волновала эта страсть, когда поплавок вдруг качнётся, дёрнется и потом – раз! – уходит в глубину. Свой этот прут поднимаешь рывком, а там что-то в глубине бьётся...

В конце 50-х годов вдруг на Волге появилось большое количество судака. Мы стали ездить за судаком. Каждое утро чуть свет, даже ещё по темноте, вставали, кто-то друг за другом заходил, шли пешком торопливо на Волгу. Переезжали на полуостров Крит, проходили через местную деревню, потом дальше по берегу и располагались рыбачить. Но сначала надо было наловить малька. А вода ещё холодная, только-только рассветает. Тем не менее мы брали кусок марли, заходили в воду и вытаскивали мальков большого количества. Они трепыхались, бились в этой марле. Мы их в котелки. И готовились ловить.

А ловили так. У каждого было бамбуковое удилище с небольшой длины леской — метров пятнадцать: судак рано утром подходил близко к берегу, поскольку тут было много малька. На конце лески — грузило и крючок, на который за спинку цепляли малька. Ох, сколько же мы ловили этого судака! Ловили страстно, ловили охотно. Каждый выкладывал из своей камышовой кошёлки всё, что там было, и укладывал плотно рыбу, которую перед тем мы закапывали в прохладный, влажный песок.

Наконец, наступало время уходить домой. Кошёлки плотно забиты судаком, всё, что в них было: одежда, обувь, котелки — или надевалось, или привязывалось к поясу, а то и к жерди, которую продевали через ручки двух кошёлок. И начинался тяжкий путь. Раскалённый песок обжигал голые ступни — обуться было нельзя: сотрёшь ноги. Жара, тяжесть двух кошёлок — несём вдвоём. Идёшь и мысленно говоришь: ну, всё, чтобы я ещё завтра пошёл, да плывать я хотел на этого судака, пошёл он к чёрту! Так мы доходили до пристани, переезжали Волгу. Сначала раздавали лишнюю рыбу соседям. Потом начали торговать на рынке этим судаком. А поскольку я жил в центре, у матери было много знакомых, и мне уже лет 15-16, то приходилось вроде как маскироваться. Надвину соломенную шляпу на глаза и торгую.

Астраханскую рыбалку мы в какой-то мере открыли случайно. Страхов, который в Госплане курировал авиационную отрасль, иногда ездил на охоту со своими госплановскими людьми и с оборонщиками. Конечно, с нами ему было во сто крат интереснее, чем там стоять всё время навтыжку. Однажды он увидел в буклете Министерства обороны какое-то упоминание о рыболовной базе в Камызякском районе Астраханской области. Собравшись туда ехать, он пригласил Игоря Карпенко. Вдвоём они поехали на эту базу. Когда вернулись в Москву, Игорь начал рассказывать о рыбалке. Вообще что-то было необычное, там какие-то страшные рыбы, леску рвут в два счёта. Спиннингом они там ловили жерехов, судака. А на донку поставили, схватил кто-то, и они только потянули — раз! — и оборвалось всё.

Слушая эти рассказы, я догадался, в чём дело. Я же ведь сталинградец. Понял, что это сомы.

В следующий раз поехали на эту базу всей компанией. Её директор Георгий Васильевич Бочарников был любопытный мужик. Вообще все эти люди, они, как правило, очень умные, очень находчивые, пластичные, умеют разговаривать с людьми. Могут быть строгими, когда нужно — податливыми, способны многое рассказать, потому что знают тьму всяких историй. Впоследствии после его смерти эту базу унаследовал и стал ей владеть его сын Саша Бочарников. Мы ездили и к нему.

Сначала надо сказать, какой мы увидели дельту Волги. Волга разбивалась на несколько крупных рукавов, каждый из которых, в свою очередь, растекался несколькими речками. А эти речки, в свою очередь, разливались на ещё более мелкие речушки. И вся эта водная сеть уходила в море, образуя безграничные просторы. По-местному — “раскаты”. Вообще говоря, местные названия интересные. Например, лодка-плоскодонка — это кулас. Лысуха, или водяная курочка, называется там кашкалдак. Небольшая, заросшая, как правило, камышом часть водной глади — култук. Омуты на речках — котлы.

И вот мы приехали на эту базу. Она стояла на стыке двух речек. Более крупная шириной, может быть, метров 8-10, и рядом в неё же впадала речушка где-то метра три, четыре, пять, но тоже быстрая, тоже глубокая. Место поразило нас обилием рыбы с первого раза. Пока мы ждали егерей, которые заправляли бензином моторки, Игорь стоял на краю помоста и забрасывал удочку. Я подошёл. Он выдёргивает большую, граммов на 300-400 краснопёрку. Вполголоса говорит: “Шестьдесят восемь...” Снова забрасывает удочку и через пару секунд вытаскивает следующую, такую же краснопёрку: “Шестьдесят девять...” Увидев меня, с удивлённой улыбкой говорит: “Это не Подмосковьё наше. Здесь рыбацкий рай”.

Надо сказать, как мы вообще ездили туда. Перед началом подписки все газеты и журналы проводили встречи с читателями. Это чтобы привлечь людей к своему изданию. “Известия” не отличались от других. Только журналисты ездили в разные места. А мы застолбили себе Астрахань. Мы встречались там с первым секретарём обкома партии, но в основном контактировали с председателем облисполкома. Нам подбирали коллективы, где мы должны выступать с рассказом о газете. Должен заметить, что встречи эти были интересные.

Выступали в основном мы с Надеиным, как самые говорливые. Игорь Карпенко был сдержан, Том Фетисов — не оратор, Страхов не имел к газете никакого отношения. Правда, был ещё один интересный рассказчик — Ашраф Ахметзянов. И, если Надеин говорил о газете в целом, я как собкор — о Казахстане, то тема Ашрафа в это время волновала многих. Он приехал из Ирана, где свершилась “исламская революция”, и всё происходящее там очень интересовало астраханцев — ведь Иран был на другой стороне Каспийского моря, в ту пору внутреннего советского “озера”. А события у южного соседа происходили драматические. Ашраф рассказывал, как в стране громили всё, связанное с американцами, ибо шах Реза Пехлеви был поклонником США. Весь образ жизни менялся в соответствии с воинствующим исламом и шариатскими судами. Ашраф говорил, что даже туалеты перестраивали на другой манер: нельзя было задом сидеть к Мекке.

Особенно бурно реагировали люди в коллективах, куда мы приходили, на рассказы Ашрафа о бесправии женщин в соответствии с новыми мусульманскими законами. “Теперь, — говорил Ахметзянов, — мужчина может очень легко развестись с женой. Он должен вернуться три раза (Ашраф показывал, как это сделать) и сказать: “Я свободен. Я свободен. Я свободен”, — после чего женщину выгоняли из дома. С собой она могла взять только-то, что на ней было надето. Поэтому женщины ходили, обвешанные бусами, с кольцами и перстнями на всех пальцах, поскольку никто из них не знал, когда муж повернётся три раза”.

Я не помню ни одного случая, чтобы слушатели не реагировали бурно. Особенно запомнилась мне встреча на каком-то рыбокомбинате. В большом зале “красного уголка” сидели одни женщины. Они пришли прямо от рабочих мест: в оранжевых прорезиненных куртках, таких же штанах. Женщины были как на подбор: здоровенные, могучие. Пока Ашраф рассказывал про шаха и даже реконструкцию туалетов, работницы слушали настороженно, но молча. Но когда он заговорил об исламском разводе, “красный уголок” яростно загудел: “Это что такое?! Куда бабы-то смотрят? Порвать надо эти законы! Мы бы им дали!” И я подумал: “До чего же раскрепостилась у нас женщина!”

После встреч мы возвращались в гостиницу, где предварительно заказывали небольшой номер для Игоря Карпенко. Не потому, что мы не любили нашего друга, а ради его и нашего спокойствия. Он храпел так, что мы не могли заснуть всю ночь. Причём он интересно храпел: начинал рычать, потом завывал, потом как будто запевал, потом вроде затихал — было такое впечатление, что он помирал. Затем опять начинал потихоньку похрапывать, быстро набирал обороты, и опять начинался весь этот концерт.

Утром нас отвозили. Сначала мы ездили на самоходке, а это, должен вам сказать, часов семь-восемь из Астрахани в дельту. Это уже потом мы доезжали на машинах до ближайшего к базе посёлка, где пересаживались в моторные лодки и плыли на базу. Оттуда к месту рыбалки наш караван вёз кто-нибудь из егерей. Каждый сидел в своём кулесе и, пока плыл, готовил снасти. Мне запомнилась первая рыбалка. Нас привезли на речку, где был большой и глубокий “котёл”. Позднее мы узнали, что в таких “котлах” по краям держатся сазан, а в глубине жирует сом.

Встали по разным берегам, привязав куласы за камыш и кустарник. Забросили донки. А у меня тогда была снасть простая — алюминиевый двухколенный спиннинг, и “киевская” катушка, обычная, с двумя ручками. Понимая, что могут быть сомы, взял толстую, миллиметровую леску, тройники с палец величистой. Я забросил две донки: ближе к берегу — на сазана, а вторую — в омут.

По пути подстрелили утку и чайку — сом клюёт на кишки. Сижу. Вдруг кончик удилища тихо нагнулся к воде. Я схватил спиннинг, дёрнул его, катушка затрещала, но то, что было в глубине, не тронулось с места. Кричу: “Ребята, по-моему, я поймал какое-то дерево!” А там иногда река тащит по дну подмытые и поваленные деревья. Думаю, наверное, за дерево зацепился. Вдруг затрещала катушка и что-то сильно потянуло вниз. “Чёрт возьми, подводную лодку, что ли, поймал?” — насмешливо подумал я. А неведомая сила продолжает тянуть вниз, катушка с треском крутится, ручки бьют по пальцам. Начиная подтягивать. Подтягивается-подтягивается, потом опять тащит в глубину. Понимаю: это рыба.

И что потом началось... Она тянет, катушка с визгом разматывается, ручки бьют мне по пальцам, они уже в крови. Я заматываю быстрее. Мне кричит

Карпенко: “Ты её мучай!” Короче говоря, когда подтащил рыбу к лодке, понял: это сом. Огромный, в лодку втащить невозможно. Кое-как продел через жабры толстый капроновый шнур и привязал его за корму. Мы половили ещё какое-то время. За нами приехал егеря. Снова связали куласы, и он с уловами повёз нас на базу. Там мы решили замерить моего сома. Положили на траву, я лёг рядом. Свой рост знаю: метр, семьдесят три сантиметра. Разницу стали измерять спичечными коробками. Оказалась длина сома два метра восемнадцать сантиметров. Затем были меньше. Совсем маленьких я отпускал и говорил: скажи родителям, чтобы не выпускали вас из дома без пригляда.

Первые разы за нами приезжали ребята на моторке, егеря. Мы опять цеплялись друг за друга и плыли на базу. Потом нам предоставили полную возможность самостоятельно добираться до базы. А это против течения и толкаться шестами. Ну, и мы, конечно, часа по полтора, по два пихались. Зато, приехав в Москву, глядели на себя, как на культуристов.

Сомовые рыбалки были, конечно, великолепны. Но и сазаньи – не хуже. Егеря знали все места и привозили нас на сазаньи реки. И что тут начиналось! Забрасываешь донку, через короткое время удилище дугой сгибается к воде, хватаешь его, а на том конце какой-то зверь. Сильный, как боров, прёт то против течения, то поперёк реки, то снова от твоего берега к противоположному – это сазан.

Мы привозили в Москву сазанов, нос которых был у пупка, а хвост лежал на земле. Вот такие были сазаны.

Не раз мы выезжали на раскаты. Кстати говоря, проезжали через поля лотоса. У меня есть фотографии, где мы в лотосе. Накрылись его листьями – они довольно большие, стоим голые в куласах: на многие километры ничего и ничего нет. Раза два-три мы остановивались у раскатов на ночёвку, чтобы утром поехать на рыбалку. Наша компания, два-три егеря на двух крымах (крым – это большая моторная лодка) выбирали продуваемое ветром место, чтобы не доставали комары. Да и комаров-то было мало: конец сентября ведь!

На каждом крыму лежало по куласу. На них мы собирали стреляных уток и лысух. На мелководье выключали моторы, и лодки потихоньку двигались вперёд. Вода прозрачная, видно, как в траве идут сазаны, большие шуки, не говоря о разной мелочи. А перед ночёвкой надо было сделать ужин. Мы проплывали островки камыша. Около них тучи кашкалдака, то есть лысух. На скорости мчимся туда, они взлетают, гремят выстрелы. Набьём, ребята подбирают. Возвращаемся на выбранное место. Моторки соединяются. Ребята втыкают шесты в ил – это по-ихнему “закальваются”. На корме зажигают небольшие паяльные лампы, и начинают варить шулюм.

И вот наступает вечер. Поперёк одного из крымов вверх дном кладётся кулас. Он становится как бы столом. Второй кулас спускаем на воду, потому что в крыму надо будет потом спать. С двух сторон садимся мы с егерями, и начинается пиршество. Господи, какие же это были благословенные времена! Яркая луна освещает бескрайнюю гладь раскатов. В камышах крикают и ворочаются утки. Где-то слышно – падают на воду гуси. Разговоры – это само собой, мы ребят расспрашиваем. Но главное – еда. Из прекрасного мяса водяной курочки – сытный шулюм.

Мы из Москвы привозили редкие продукты, потому что в провинции с ними стало уже плоховато. К этому времени появились так называемые “кормушки”, то есть спецраспределители для определённого круга работников, где по заказам покупались разные продукты, которых не было в магазинах. Страхов имел доступ к такой “кормушке” в Госплане. В “Известиях” Игорь Карпенко был прикреплен. Потом туда попал и Володя Надеин. Они там брали колбасы копчёные, сервелат, датскую свинину в баночках, исландскую селёдку в различных соусах. Конечно, ребята-егеря набрасывались на это. А мы – на шулюм и, естественно, на помидоры. А помидоры какие... И, конечно, на арбузы. Ой, какие же это прекрасные астраханские арбузы. Я описал астраханский арбуз в своей повести “Билет на поезд к вечной мерзлоте”.

Вот так мы и ездили. Летом и ранней осенью – рыбалка с утиной охотой. Поздней осенью и зимой – охота на копытных: лося, оленя, кабана. Эти охоты я описал в романе “Крик совы перед концом сезона”.

Дело подходило к перестройке.

Глава 10 От объятий до баррикад

Приход Горбачёва и начало перестройки мало кто в стране встретил без одобрения и без энтузиазма. Вязкий застой тормозил, и сильно, развитие государства. Когда я впервые услышал слова Брежнева о бережном отношении к кадрам, то сказал коллегам: “Ну, ребята, это будет загнивание”. Ибо уже чувствовал, как снижается требовательность, на смену ей идёт всепрощение. За этим призывом вставало правило никого не трогать, многое прощать, словом, беречь кадры.

Особенно негативно эта политика стала проявляться в национальных республиках. Прикрываясь национальными особенностями кадровой политики, здесь начала бурно расти мафиозность, партийные и государственные чиновники срастались с организованной преступностью. Я это видел на примере Казахстана, а он тогда был в этом смысле ещё не самой метастазно-раковой республикой. Мафия взращивала национализм, национализм разрушал государство. Я на эту тему опубликовал в “Известиях” ряд материалов. Особенно бурную реакцию вызвала статья “Паутина”. Я о ней упоминал в главе “Дом в деревне с землёй”.

Ректор одного вуза в Южном Казахстане, сам представитель Старшего жуза – их у казахов три: Старший, Средний и Младший (это роды) – принимал за взятки в студенты молодёжь своего жуза. Причём брал с уровнем образования за 7–8 класс. Писем пришло полтора мешка. Возмущение было большое. Но взяточник отделался выговором. Я назвал это явление “национал-протекционизмом”, и, как мне сказали, этот термин вошёл в документы Политбюро ЦК КПСС.

Вместе с тем я считал, что предыдущая политика Брежнева была довольно плодотворной, и говорил друзьям-коллегам по охотничье-рыбацкой компании, что, если бы не застой, мы будем вспоминать брежневское время, как одно из благодатных. Так оно и вышло, но до той поры оказалось и далеко, и болезненно.

Разлом начинается с трещин

В критике застоя наша компания не была исключением. Тем более что мы находились на острие всех проблем и перемен. Газета стала резко меняться. В это время главным редактором уже был Иван Дмитриевич Лаптев. Он пришёл из “Правды”, сменив Льва Николаевича Толкунова. И вот эти перемены, этот ветер освежающий стал всё сильнее чувствоваться на страницах газеты. Публикации становились всё раскованней и острее. Газета заговорила о проблемах, о которых раньше старались молчать. Именно в “Известиях” был напечатан материал о человеке без определённого места жительства, и в обиход вошёл термин “бомж”. Впрочем, были и другие прорывные публикации.

В 1988 году у меня вышла публицистическая книга “Пласты сдвигаются” с подзаголовком “Канун и начало перестройки”. Уже само название этой книги говорило о том, что в стране началось движение огромных пластов. Это геологический термин, за которым стоит, как правило, большое потрясение, сильные изменения в коре Земли со всеми вытекающими последствиями. В книгу вошли материалы, в основном опубликованные в “Известиях”, которые рассказывали о положении в тогдашней Калининской области (Тверская область ныне), в Осташковском районе.

Надо сказать, я много чего узнал интересного об этих местах. Сам город Осташков, который находится на Селигере, распланирован, как Петербург. Улицы у него прямые, как в Ленинграде, проспекты пересекаются линиями, так и там то же самое. Городок был до революции достаточно культурным. Промышленность там была. Сейчас район больше сельскохозяйственный. Я ездил по колхозам, говорил со многими людьми. Их мнения о том, как должна меняться жизнь, были изложены в этой книге.

“Известия” становились чем дальше, тем более драчливыми. Конечно, до той отвязности, которую набирали яковлевские “Московские новости” или журнал “Огонёк” недавно правоверного слуги партаппаратчиков Коротича, дело не доходило. Но и у нас многие, ещё вчера холуйствующие перед

партийной властью журналисты, причём почему-то особенно женщины, готовы были разорвать попустительствующих хозяев.

Ветер свободы не только продувал страницы, но и задирали уже подошвы; о той нормальной осторожности, к которой я призывал в книге, они и слышать не хотели. Об осторожности в ремонте здания страны, чтобы не сносить всё дотла, а убрать ненужное, мешающее, тормозящее развитие, оставив лучшее. А оно было. Было в здравоохранении, науке, культуре, человеческих отношениях. Да и в промышленности тоже.

Недавно по интернету в очередной раз прокатилась волна изумления от пренебрежительных слов Путина в адрес советской промышленности. Говорил он это несколько лет назад, но народ снова и снова их показывает, удивляясь, негодуя, издеваясь. “Всё, что мы производили, – сказал он, – было никому не нужно, потому что наши галоши никто не покупал, кроме африканцев, которым надо по горячему песку ходить”.

Путин сказал это о товарах народного потребления, найдя между тем добрые слова об оборонной промышленности, но и с товарами народного потребления, прямо скажем, загнул. Почти 290 миллионов человек ходили, что ль, в набедренных повязках, как в Африке? Или в лаптях по асфальту? Ничего подобного! И одеты были, и обуты. Работала швейная промышленность. Обувная. Выпускалось множество товаров народного потребления. Не все на уровне западных аналогов, но были и такие, за которыми там, на Западе, гонялись. Цена ниже, а качество порой выше.

Я не говорю про советский эксклюзив: чёрная икра, лучшая водка. Было и промышленное производство. Зеркальные фотоаппараты, лучшие марки часов, которые, по отзывам иностранцев, котируются выше швейцарских. А советский вздоход “Нива”! За ним – невиданное дело для свободного рынка! – записывались в очередь. Преимущество “Нивы” перед хваленными западными вседорожниками мы сами видели на наших просторах. Холодильники до последнего горбачёвского времени, когда мафия специально не пускала в Москву и крупные города составы с продовольствием, не пустовали. Выбор был не обильный, зато продукты – самые здоровые в мире: советские ГОСТы строго следили за этим. Не то, что сейчас: то и дело отравления. Да и холодильники выпускались, их было несколько наименований. Некоторые марки служили по 20–30 лет. У меня самого был такой, “Орск” назывался.

При этом я совсем не в восторге от организации дел с товарами народного потребления. Ведь могли же большинство соцстран наладить их выпуск. Правда, им не пришлось биться в таких тисках трудностей, как нам. Сразу после войны недавние союзники приняли так называемую программу “Кокком”. Цель её была в том, чтобы запретить поставки Советскому Союзу тех товаров, которые могли бы помочь нашей экономике сделать технологический рывок.

И нашей стране, разорённой и сожжённой от западных границ до Волги, пришлось рассчитывать только на себя, создавать всё самой: от иголок до ракет. Мы создали. И стали второй экономикой мира. Чтобы перечислить только названия товаров, которые выпускал Советский Союз, потребуется много книжных страниц. В том числе такую продукцию, которую с удовольствием покупали экономически развитые страны. В СССР было отличное станкостроение, эффективное машиностроение, атомная отрасль, ракетостроение.

В этом отношении характерно признание американского президента Джона Кеннеди. В специальном послании конгрессу США в январе 1963 года он сказал: “Советское образование – лучшее в мире. Мы должны многое из него взять. СССР выиграл космическую гонку за школьной партией”. Советский Союз входил в число 5 стран мира, которые могли строить самолёты от чертежа до готовой машины. То есть в самолётостроении был полный цикл. Авиапарк СССР занимал 40 процентов от всего количества самолётов в мире. Страна была исчерчена авиалиниями вдоль и поперёк: от маленьких посёлков до больших городов.

Одно это говорит об уровне развития государства.

А то галоши... Почти тридцать лет живёт сегодняшняя Россия на прежде накопленном багаже, продавая только нефть, газ, уголь, открытые в большинстве “производителями галош”.

Но вернёмся к “Известиям”. На “летучках” у нас всё чаще разгорались споры, как я говорил, не столько о качестве материала, сколько о том, как он

отражает — правильно или неправильно — те тенденции и пути, по которым надо двигать стране.

Поскольку “летучки” наши стенографировались и рассылались соборам по Союзу, а те, в том числе и я, давали их читать и местным коллегам, то внутренняя жизнь “Известий”, позиции журналистов газеты освещались довольно широко. Не говоря уже о том, что “Известия” выходили в то время сначала восьмимиллионным, а затем — десятиллионным тиражом каждый день. Я выступал против снесения всего и вся. И в “летучках” эта моя позиция отражалась.

Всё чаще стали возникать русофобские крики. Одним из инициаторов этой русофобии был заместитель главного редактора Николай Давидович Боднарук. Родом он, по словам Владимира Надеина, с Западной Украины. Являлся сотрудником КГБ. Отработав собором “Комсомольской правды” в одной из социалистических стран, вернулся в Союз и через некоторое время стал заместителем главного редактора у нас. Русофобия не всегда звучала открыто. Но она выпирала в правках материалов, в оценках публикаций. Я, естественно, выступал против таких подходов, и это фиксировалось в стенограммах наших “летучек”.

Чем дальше, тем активнее я включался в политическую борьбу не только в газете, но и за её пределами. В начале 1989 года началась подготовка к выборам в народные депутаты СССР по новому закону. Эта подготовка вообще взбудоражила страну. Выборы должны были проходить на альтернативной основе и при критическом наступлении на КПСС. Её представители на местах то и дело терпели поражение. Я в этот момент стал вести “телемосты” с избирателями на Центральном телевидении. Местный корреспондент в каком-нибудь городе вызывал какого-то человека, который рвался в кандидаты, я его представлял, давал возможность высказаться на всю страну. Зачастую этого было достаточно, чтобы ещё вчера безвестный человек, которого знало немного людей, сразу становился бешено популярным. Таким образом, когда прошли выборы, у меня среди народных депутатов СССР оказалось десятка два моих “крестников”.

Межрегиональная депутатская группа

Весной 1989 года выборы состоялись. И я провёл мероприятие, за которое впоследствии переживал, страдал и до сих пор считаю, что, может быть, зря это сделал. Хотя помыслы были самые благие и развитие событий показало, что и без меня кто-нибудь это дело организовал бы. Видя по работе предыдущего Верховного Совета, что главную скрипку в нём играют аппаратчики, а депутаты лишь поднимают руки за подготовленные аппаратчиками проекты законов, я решил каким-то образом поднять роль и активность депутатов. А как?

Это они должны решить сами. Я собрал группу избранных народных депутатов в “Известиях”, чтобы они обсудили какие-то предстоящие возможности своей работы, договорились, как координировать её. Позвал знаменитого офтальмолога Святослава Николаевича Фёдорова, с которым был хорошо знаком. Не раз я поддерживал его во время избирательной кампании, общались до неё, да и после тоже, когда он стал избираться в Госдуму первого созыва, а в 1996-м бороться за пост президента РФ. Вот был бы достойный президент! Но российскому и зарубежному ворью нужен был Ельцин.

А в 1989-м мы мечтали о нормальной демократии, то и дело повторяли ставшее лозунгом времени название моей статьи “К диктатуре Закона!”, спорили. Я как-то не сразу понял выгоду его затеи сделать плавучий госпиталь и проводить операции на корабле. “Ты хочешь распространять свой метод за рубежом, — говорил я ему (мы были на “ты”), — пусть строят капитальные клиники, будешь туда приезжать и работать, сколько надо”. “Ты не прав: что значит не приходилось считать большие деньги. Никто не будет строить дорогой, с уникальным оборудованием госпиталь для эпизодических приездов иностранного специалиста. Значит, люди будут слепнуть. А корабль пришёл в Дубай, народ туда идёт, из других эмиратов приезжают. На судне оборудование, как у нас в Москве. Можем стоять, сколько нужно. Потом отправляемся в другое место”.

Те, кто прошли через руки Фёдорова и его сотрудников, были потрясены. Почти ослепшие, они начинали видеть. Святослав Николаевич рассказал мне

такую историю. Через несколько дней после одной операции, у него снова появился этот старик-пациент. Начал что-то рассказывать. Фёдоров вопросительно посмотрел на переводчика. “Господин очень богат, — сказал тот. — Он обращался к разным врачам, никто не помог. А вы вернули ему глаза. Он говорит, что вас прислал Аллах”. Фёдоров улыбнулся и сказал: “Вообще-то меня прислало советское правительство. Но если он так думает, я не возражаю”.

Святослав Николаевич погиб в 2000 году. Погиб нелепо. Возвращался на вертолёте из командировки в Тамбов. Думаю, многое не успев сделать. Его ищущая, талантливая натура всё время находила новое в методах лечения, в организации работы и жизни коллектива. Он организовал большое подсобное хозяйство, которое кормило сотрудников, создал эффективную систему оплаты труда.

Но и осталось немало. Действует созданный им Межотраслевой научно-технический комплекс (МНТК) “Микрохирургия глаза”. Теперь не надо ездить за лечением только в Москву. Подобные клиники образованы во многих городах.

Но главное — создана школа академика Фёдорова, выращены сотни учеников. С одним из них, учеником раннего призыва — нынешним главным врачом МНТК “Микрохирургия глаза” Николаем Петровичем Соболевым — меня свела дорога жизни. Сын военного лётчика, часто направляемого на новые места службы, от Германии до Дальнего Востока, он сменил несколько школ. Последняя была в Москве. Здесь же закончил 1-й медицинский институт. Собирался стать урологом. Уже и направление получил в институт урологии, чтобы там обрести выбранную специальность, ибо мединститут даёт лишь общие знания.

Однако в тот момент, когда оставалось получить последнюю подпись, к выпускникам пришёл, как вспоминает Соболев, заводной и увлекательный главный офтальмолог Москвы Эрик Наумович Вильшанский. “Ребята, кто хочет пойти работать у Фёдорова?” — задорно спросил он. А у многих в стране, не говоря о студентах медвузов, на слуху были две фамилии: Илизарова и Фёдорова как самых продвинутых первооткрывателей в медицине. “Он начинает строить 11 специальных клиник по стране. Здесь делает уникальные операции. У нас есть своя ферма, мы ездим на лошадях, и вообще, кто пойдёт, не пожалеет. Даже зарплата почти в три раза выше”, — энергично убеждал Вильшанский.

Соболев вместе с несколькими выпускниками пошёл. И не пожалел. Работал азартно, не считаясь со временем. Делал много операций. Из рядового врача стал главным. Защитил кандидатскую диссертацию, тему которой не только одобрил Фёдоров, но и лично подписал аннотацию. Сейчас Николай Петрович, не оставляя многохлопотной должности главного врача, закончил докторскую диссертацию по той же редкостной теме, которую в своё время одобрил его учитель Святослав Николаевич Фёдоров. При этом остаётся оперирующим хирургом. Только вместо полутора тысяч операций в год, которые он проводил раньше, сейчас делает 600–700.

Но я отвлёкся от зарождения Межрегиональной депутатской группы, которая началась с нескольких человек, собранных мною в редакции “Известий”. Ничего не поделаешь, если дорога жизни оказалась многолюдной, если шагаешь по ней энергично, но при этом, бывает, спотыкаешься, принимая фальшивые слова за искренние чаяния души. Вот такими людьми, думающими только о благе страны, показались мне и другие собранные мной депутаты.

Тельман Гдяня, который в это время был чуть ли не национальным героем Советского Союза, раскрутившим так называемое “хлопковое дело”, известный экономист, ставший потом мэром Москвы Гавриил Попов, председатель колхоза Лапкино. Несколько иным был инвалид Заславский, который яростно громил советскую власть и провозглашал так называемые демократические принципы. Впоследствии он стал председателем Октябрьского райсовета и фигурантом ряда скандальных дел по незаконной, как уверяли его критики, распродаже собственности в районе.

Об этом я подробно написал в “Крике совы...”. Сейчас повторяться не буду. Но именно с этой встречи началась будущая межрегиональная депутатская группа. Я уверен, что, если бы не я собрал, они, наверно, сами бы собрались.

Почему я думаю, что моя заслуга в этом не слишком велика? Да потому, что когда я решил нечто подобное провести в Ленинграде и поехал туда, оказалось, что там уже Собчак собрал депутатов, они стали договариваться, как себя вести, какие приоритеты, в какие комитеты идти и т. д.

К слову говоря, в вагоне поезда, который шёл в Ленинград, мы оказались вместе с Мишей Полтораниным. Его я знал ещё как собкора “Правды” в Казахстане. Он тоже меня читал. Поэтому мы были и заочно, и очно знакомы. А он был близок к Ельцину, был редактором “Московской правды”, поставленным Ельциным. И являлся не просто сторонником Ельцина, а его глашатаем. Я говорю: “Миша, я смотрю на ельцинское окружение и думаю, что он всё-таки большая с... , он черт-те-что наворотит”. — “Да что ты, старик, он такой демократ, вы не представляете, какой он демократ”.

Перед этим я тоже о нём думал, ну, не как о демократе, а как о противовесе члену Политбюро, куратору разрушающей гласности Александру Яковлеву. Дело в том, что чем дальше, тем больше я убеждался в негативном воздействии Яковлева на слабого Горбачёва. И я подумал, что вот противовесом этому крылу, разрушающему, яковлевскому, может быть Ельцин. Однажды выходим втроём — Ельцин, Полторанин и я — после очередного заседания Съезда народных депутатов, когда ещё только формировались его управляющие органы, я говорю Ельцину: “Борис Николаевич, как вы смотрите на то, чтобы занять пост председателя Комитета конституционного надзора?” Эта должность была ещё вакантна, а центробежные процессы уже набирали силу. Начались разговоры о выходе из Союза, и я думал, что Ельцин с демонстрируемой им хваткой “саблеруба” сможет приструнить зарывающихся разрушителей.

Ельцин посмотрел на меня, потом говорит: “Это же надо будет сдавать значок”, — и показывает на эмалированный значок депутата СССР. Я в тот момент ещё не знал, что на этом посту человек остаётся депутатом. Но увидел, что Ельцин ни в коем случае не хочет отдавать доставшийся ему статус депутата. От этого разговора у нас с Полтораниным осталась фотография во всю первую обложку газеты “Мегаполис-экспресс”. И подпись под ней, не помню: то ли соратники, то ли единомышленники.

Речь, которой не было

В советское время существовала теория, согласно которой не личности, а народ делали историю. Я сомневался в этом. Любя историю, видел, что именно личности меняют её. Народ, зачастую, выступает в роли бревна, которым разрушается существующее состояние общества. Пример Полторанина в очередной раз подтверждал это.

Когда Ельцина перевели из Свердловска и сделали первым секретарём Московского горкома партии, он начал кромсать здешнюю партийную верхушку. Всё больше и больше нарывался на конфликты, и на одном из пленумов ЦК КПСС его освободили. Он по привычке запил, залез в какой-то кабинет, а перед этим решил покончить жизнь самоубийством. Но странное какое-то самоубийство было: взял канцелярские ножницы и проткнул себе живот, что ли. И в это время Миша сочинил якобы речь Ельцина на Пленуме, где его снимали. От первой буквы до последней выдуманную, которой не было даже близко.

Но в той фальшивой речи вроде как говорилось, что Ельцин осуждал горбачёвский путь, что он осуждал коррупцию, что он боролся за народ, критиковал жену Горбачёва Раису Максимовну за любовь к дорогим нарядам за казённый счёт, что нужно было поднять уровень жизни народа, но ему не давали этого сделать. Эта подмётная “речь” была опубликована в сотнях газет, в самиздате. А надо вспомнить тогдашнюю народную эпиграмму: “По России мчится тройка — Мишка, Райка, Перестройка...”. И из раздавленного, никчёмного человека, каким оказался Ельцин незадолго до этого письма, вдруг вырос в глазах народа былинный русский богатырь, его защитник и спаситель.

Однажды, выходя поздно вечером из редакции, я увидел, как какая-то женщина приклеивает к стене “Известий” листок. Подошёл. Прочитал:

**Чешет коррупция лысое темя.
Пьют с коньяком валидол бюрократы.
Это ж какое, товарищи, время —
Ельцин с триумфом идёт в депутаты!**

Вот так эта фальшивка повернула в значительной мере ход истории нашей страны. Знал бы тот же Полторанин, люди, расклеивавшие листовки, кого они возводят на российский Олимп, думаю, съели бы эти исписанные листки.

К диктатуре закона

В конце 80-х годов, особенно в 1988 году, ближе к 1989-му начал разгораться Карабахский конфликт. Первыми его стали раскручивать армяне. Азербайджанцы не ввязывались, сидели молча, жили так себе. А потом и их разогрели, и они пошли. Где-то в это время в “Известия” приехал Горбачёв. Я тогда был председателем профсоюзной организации, самой крупной в редакции общественной структуры, и одновременно парламентским обозревателем.

Ну, сели за столом в кабинете главного редактора. Я оказался почти напротив Горбачёва. Он начал красноречиво опять толковать о перестройке, о трудностях, которые есть, о сопротивлении ей. И коснулся Карабахского конфликта. Говорит: “Я знаю, кто его раскручивает, это поэтесса Сильва Капутикян, публицист Зорий Балаян и целый ряд других людей”. И пошёл говорить дальше. Я его спрашиваю: “Михаил Сергеевич, а почему вам не сказать об этом публично и не огласить народу фамилии тех, кто раскручивает большое опасное дело, грозящее сильными потрясениями?” Он отмахнулся: “Ты ничего не понимаешь. Этого не надо ничего делать”.

А конфликт тем не менее становился всё более опасным, и надо было принимать какие-то срочные меры на государственном уровне. В 1989 году я написал статью и опубликовал в “Известиях” под названием “К диктатуре Закона!”, где говорил о том, что единственная диктатура, которая достойна существовать, — это диктатура закона и, как я подчёркивал, закона, которому должны подчиняться все — от дворника до президента.

Я говорил о том, что мафиозные структуры, разжигающие этот конфликт, этот территориальный спор, поднимут волны народного гнева с той и с другой стороны, эти волны лавинами двинутся друг на друга, сметая на пути и жизни, и нормальные отношения человеческие. А мафиози нырнут на дно, переждут там все эти столкновения, которые они создали, и вылезут. И суть статьи была, что Горбачёв должен использовать силу закона для того, чтобы этих людей мафиозных, во-первых, снимать с должностей, во-вторых, предать суду.

Должен сказать, что название статьи “К диктатуре Закона!” стало лозунгом, как ни странно, одновременно и разрушительных сил, и сил, которые хотели сохранить Советский Союз. И даже его произносили в окружении Горбачёва. Но сам он ничего для урегулирования Карабахского конфликта тогда не сделал. Конфликт разгорался, разгорался и, в конце концов, начались боевые действия. И сотни, если не тысячи людей с одной и с другой стороны пострадали, армян выгнали из Азербайджана, азербайджанцев гнали из Нагорного Карабаха. Этот конфликт тянется до сих пор. Недавно он снова вспыхнул, снова начались военные действия. А сейчас уже и XXI век.

Кстати говоря, в статье “К диктатуре закона” я говорил о необходимости чуткого подхода к межнациональным отношениям. Я говорил, что проблемы экономические волнуют людей, но они звучат, как струна контрабаса. Это тоже может возбудить человека. Но национальный вопрос — это даже не струна скрипки. Это своего рода струна Эоловой арфы, на которую достаточно дунуть, чтобы национальная струна зазвучала или возвышенно, или тревожно, или вызывающе.

Слово как оружие разрушения

В стране всё сильнее нарастало противостояние и хаос. Это, как в зеркале, отражалось и на газете. Но газета была не только зеркалом, она стала всё чаще выступать поджигателем. Один из последних редакторов “Известий” Василий Захарько в своей книге “Звёздные часы и драма “Известий” приводил пример одной из “летучек”, где я в очередной раз выступал и говорил следующее: “Если мы и дальше будем не обращать внимания на то, как на наши публикации реагируют на местах, то это самоубийственный путь.”

В стране, которая звенит от множества межнациональных и наславляемых на них проблем, нельзя не думать, как и чем наше слово отзовется. Жизнь даёт тысячи примеров того, как вредное слово выводит на площади

массы народа, как неосторожная или, прямо скажу, провокационная публикация уничтожает то, что ещё можно было сохранить, и начинается литься кровь”.

В редакции уже всё чаще спорили не только по материалам, но и выходили за их пределы. Я был не только заместителем редактора “Известий” по отделу Советов и моего друга Игоря Карпенко, но одновременно парламентским обозревателем. Работал с депутатами, в том числе с теми, кто стал, благодаря мне, народным избранником. Писал отчёты с заседаний Съезда народных депутатов и Верховного Совета, статьи на остро политические темы. В отделе у нас было ещё три человека. Люди разного уровня способности и, как стало выясняться, разных политических устремлений. Одним из недавно принятых был маленький, щуплый мужчинка с басовитым, не по комплекции, голосом. Давал простую несложную информацию в номер, но имел большие амбиции, которые стали проявляться довольно необычным образом. Однажды, не помню по какому поводу, он вдруг наступательно заговорил о том, что Украину Москва притесняет, её грабят, что украинский народ – великий, имеет более древнюю и славную историю, чем русский, а ему отводится недостойное место и так далее. Я был поражён. “Известия” являлись, наверное, одной из самых многонациональных газет. Легче назвать, представителей каких наций здесь не было, чем перечислить представленные. В отделе писем работала даже дочь первого советского главы республики Тува Аня Тока, а уж людей с украинскими корнями и фамилиями было очень много. Анатолий Друзенко, Василий Захарько, Игорь Карпенко, Лидия Ивченко, Юрий Понамаренко, не говоря о нескольких собкорах по Украине. И никогда до этого “новобранца” мне не приходилось слышать явно националистических высказываний об украинской исключительности. А костёр, оказывается, разгорался, добавляя пламени сторонникам сжечь Советский Союз.

Как-то один из моих товарищей по охоте сердито заявил:

– Лучше бы нас немцы завоевали...

Я сначала онемел от сказанного. Потом спрашиваю:

– Ты в своём уме?

– В своём, в своём... Жили бы сейчас, как на Западе.

Я понял, что это не случайная оговорка. Поэтому жёстко сказал:

– Я бы, может, остался жив, потому что русский. Им же нужны были рабы! Может, чистил бы сапоги немецким солдатам. Но ты же еврей! Чистил бы ваксой, которую бы сделали из тебя.

Экстремизм стал проявляться и в речах других журналистов.

Корреспондентка отдела школ Ирина Григорьевна Овчинникова, очень агрессивная дама, я её описал в романе “Крик совы перед концом сезона”, которая, выступая на “летучках”, кричала, что Советский Союз – это безнравственная страна, это государство, которое не имеет права на существование. А почему? Потому что она торгует оружием.

Я её в своём выступлении спрашивал: “Скажите, а Соединённые Штаты, которые на первом месте по продаже оружия, Вы считаете нравственной страной? А Израиль, который на втором месте по продаже оружия, для Вас нравственная страна?” Она не могла мне сказать ничего, она только кричала: “Вы, Щепоткин, – “памятник”. Тогда существовало общество “Память”, которым некоторые “перестроечники” пугали как антисемитской организацией.

Я говорил: “Да, я – памятник, но не в том смысле, который у вас на уме. Я памятник сохранения страны, Советского Союза в новом облики. А вы будете памятником разрушения этого и всех бед, которые потом придут”.

Надо сказать, жизнь у неё дальше сложилась очень и очень печально. Многие такие крикуны, многие такие разрушители плохо кончили. Я описал одну из подобных, встретив её около мусорной свалки, где она рылась в демократических отходах. Это было, когда уже ельцинские времена наступили.

После первого Съезда народных депутатов СССР разрушительные процессы в стране пошли ещё быстрее. Собчак возглавил комиссию о так называемых тбилисских событиях, где якобы армия применила сапёрные лопатки. Погибло много мирных жителей в Тбилиси. Впоследствии документально было доказано, что всё это было не так. Националисты закрыли выходы с площади, обрушили на солдат, которые толпу пытались вытеснить. И в итоге никаких там не было ни отравлений, ни убийств. А вот солдат много пострадало. Но были требования наказать министра обороны. Горбачёв, как всегда, уполз, улизнул и перевалил вину на других.

Международные конфликты всё сильнее раскачивали и разрывали страну. На них накладывались экономические трудности и рукотворные проблемы. Недовольство населения усиливали разного рода кризисы. Советский Союз корёжило и рвало. Трещины пошли по всему когда-то могучему телу. И ни сам Горбачёв, ни его команда непонятно, то ли не видели, то ли не знали, что делать, чтобы удержать от разлома государство.

А надо было власть употребить!

Экономические трудности, зачастую создаваемые искусственно, всё сильнее раздражали и злили народ. Исчезло во всей стране курево – ни сигарет, ни папирос. Люди бегали, собирали “бычки”. В чём дело? Ведь в Советском Союзе огромная табачная промышленность. Оказалось, кто-то вовремя не заказал сигаретной бумаги, и Болгария не смогла поставлять сигареты из-за этого. Но самое главное, в нарушение установленного порядка, когда фабрики останавливались строго по графику на профилактику и ремонт, чтобы не было общего перерыва, здесь в одно и то же время остановили все самые крупные табачные фабрики. И возник жуткий кризис. Ну, те, кто курят, знают, что такое остаться без сигарет и папирос.

В магазинах появлялось всё больше абсолютно пустых полок. Стопроцентная вина в этом – Горбачёва. В недавно написанных мемуарах бывшего первого заместителя премьер-министра СССР Владимира Щербакова приводится такой факт. Когда продовольственные магазины Москвы пустели с каждым часом, на железнодорожных путях вокруг столицы и на забытых до границ Советского Союза линиях стояли свыше 5000 эшелонов с продуктами и промышленными товарами.

Их специально не пускали в Москву. Пикетчики не давали разгружать. Это была диверсия. Государственное преступление огромного масштаба. В. Щербаков намекает на причастность к этому движения “Демократическая Россия”. О происходящем знали КГБ, МВД, правительство, Горбачёв. Остановленные вагоны показывало телевидение. Об этом публично говорили народные депутаты РСФСР.

Диверсантов надо было немедленно арестовывать, немедленно судить по закону о чрезвычайном положении и если уж не расстреливать, то приговаривать к значительным срокам тюремного заключения, с подробным рассказом об этом всей стране. Иными словами говоря, следовало власть употребить.

Тем не менее горбачёвщина всё только трепала языком и ничего не делала. Осознанным вредительством, прямо скажем, по сговору, выглядела ситуация на базах. Там продукты припрятавали, они портились и потом их вывозили на свалки, а то и просто в лес. Я об этом тоже написал в “Крике совы...”

А у Лаптева судьба стала поворачиваться по-другому. Горбачёв предложил ему пост председателя одной из палат Верховного Совета СССР – Совета Союза. Когда я узнал об этом, сказал своим депутатам, что допустить такого нельзя. Дело в том, что в газете уже преобладали силы, намерения которых можно было выразить словами “спалить всё дотла” – я имею в виду государство. И те, кто могли сменить Лаптева, – Ефимов Николай Иванович или Игорь Голембиовский – это были два противника, два врага, два полюса, каждый из которых газету не удержал бы и не спас. Я начал говорить депутатам: “Ребята, надо сделать так, чтобы при голосовании забаллотировать Лаптева”.

И началась канитель. Он дал согласие Горбачёву, что готов пойти на должность. Ну, как же, большая должность в государстве. Но я ещё видел другой фактор: он был не оратор, а там надо было быть оратором, надо было быть волкодавом, когда вокруг волки, – хитрым, ловким, увёртливым. Так прошло два голосования. И ни на одном из них он не получил этого поста. Выдвигались несколько кандидатов, но ни один из них не набрал необходимого количества голосов. Тогда ему сказали, что это всё Щепоткин устраивает. Он позвал меня и говорит: “Слава, зачем ты всё это делаешь? Ты меня ставишь в неловкое положение. Я Горбачёву дал добро, что пойду, займу пост председателя Совета Союза, а теперь получается, что я твоими руками как бы отказываюсь от этого поста”. Я ему говорю: “Иван Дмитриевич, зачем Вы туда идёте? Вы понимаете, что в нынешней обстановке газета гораздо сильнее и важнее для страны, для политики, чем эта палата?” Он говорит: “Я прошу тебя, перестань тормозить, отступись”. Я говорю: “Ну, смотрите, Вас теперь

изберут, но газета погибнет, погибнет как боевая, как необходимое противодействие этим разрушительным тенденциям в стране”.

Да, его избрали. А вместо него утвердили Горбачёв и Лукьянов Николая Ивановича Ефимова.

О нём я написал и в “Крике совы перед концом сезона”, с ним мы работали много лет в журнале “Российская Федерация сегодня”. И я в глаза ему говорил, не скрывал своего мнения. Николай Иванович – человек деликатный, интеллигентный, выходец из народа, он работал за границей: в Англии корреспондентом ТАСС и АПН, потом возглавлял газету “Московские новости”. Надо сказать, при нём газета была очень плохая. Когда её возглавил Егор Яковлев, она стал одним из рупоров развала и разлома, но зато её рвали из рук.

Николай Иванович не мог справиться с этими волкодавами, которые набрали силу в редакции. Они действовали по принципу “чем хуже, тем лучше”. Причём всё шло к тому, что вот-вот начнёт разваливаться Союз. Стали заявлять о выходе из Союза прибалтийские республики, закавказские. Но ведь существовал закон, который определял, как должен происходить выход из Союза. Согласно ему сначала должен быть референдум. И даже если большинство населения выступало за выход из Союза, всё равно на несколько лет откладывалось решение этого вопроса до следующего референдума. В это время должны были решаться экономические вопросы.

Я подготовил в своё время статью трёх профессоров о том, как должен происходить так называемый “цивилизованный развод”. Если большинство республики по-прежнему выступало за выход, то тем, кто не хотели там оставаться, а хотели переехать в Российскую Федерацию, республика обязана была обеспечить материальные условия – переезд и всё остальное. Точно так же должны были решаться проблемы национальных вкраплений. К примеру, Юго-Осетинская область и Абхазия входили в состав Грузии. Грузия решила выходить из Союза, а эти сказали, что мы не будем. Значит, надо было не доводить дело до войны, как довели грузины, а решать конституционным, мирным путём.

В подготовленной статье рассказывалось в том числе и о массовом убийстве евреев в прибалтийских республиках во время немецкой оккупации, там действительно были жуткие вещи. Особенно в Литве.

Об одной из жестоких расправ литовских националистов с еврейским населением говорит в Википедии статья “Каунасский погром”. Это происходило 27 июня 1941 года в гараже кооператива “Летукис”. Вот как описывает событие известный историк Юлия Кантор. “С левой стороны большого двора находилась группа мужчин – евреев от 30 до 50 лет. Их там было человек 45-50. Этих людей пригнали туда какие-то гражданские.

Молодой мужчина, литовец, с засученными рукавами, был вооружён железным ломом. К нему подводили человека из стоящей рядом группы людей. Он одним или несколькими ударами по затылку убивал его. Таким образом он менее чем за час убил всех 45-50 человек. Ненависть к евреям в Литве достигла такого масштаба, что даже сотрудники немецких спецслужб удивлялись рвению своих литовских помощников”.

Об этой зверской расправе на сайте RUBALTIC.RU автор Игорь Шишко пишет 28 июня 2019 года в статье “Каунасская резня”, “что на такое способны только маньяки”.

Но главное, конечно, здесь было в том, что нужен “цивилизованный развод”. Скажем, подоходный налог Россия весь отдавала в союзный бюджет, а Грузия, Эстония, Латвия и Литва весь забирали себе. Все республики эти потребляли больше, чем производили. На них потратилось огромное количество денег. За 45 лет пребывания в Советском Союзе объём промышленной продукции в Эстонии вырос в 55 раз. Эти две республики – Эстония и Латвия – были чуть-чуть более развиты, чем Литва, когда вступали в Советский Союз. Правда, в той же Латвии её уровень промышленного развития составлял всего 40 процентов от 1913 года. А Литва вообще была самой нищей.

Даже эти чуть-чуть развитые республики так много поимели за счёт других республик Советского Союза, что перечень этот может занять несколько страниц. Я назову только немного. Скажем, Таллинский глубоководный порт обошёлся советскому бюджету в 6 миллиардов долларов, 3 миллиарда долларов стоила паромная переправа Клайпеда – Германия из Литвы, это не говоря уже о том, что были построены заводы, фабрики.

Ну, о Литве разговор особый. О том, какой была эта нищая республика, говорят некоторые цифры и факты. Промышленность Литвы составляли три фабрики: чулочная, табачная и спичечная. Основная продукция была мясомолочная.

По словам президента Литвы досоветского периода Казиса Гринюса, который в 1939 году обследовал 150 крестьянских хозяйств, картина была такая. Примерно 76 процентов крестьян носили деревянную обувь, башмаки, и только 2 процента — кожаные ботинки. Всего 1 процент женщин имели ночные сорочки. Только пятая часть женщин пользовалась мылом. Почти в 90 процентах семей обнаружили паразиты. Смертность в республике превышала рождаемость. 80 процентов детей болели рахитом.

И вот после Великой Отечественной войны прошло 45 лет. Что же теперь представляла собой, накануне будущего выхода, Литва? Благодаря развитию экономики, строительству заводов, фабрик, энергосистем энерговооружённость её возросла значительно. Объём электроэнергии вырос в 258 раз. Мне лично даже трудно представить себе, что это такое. Количество студентов на каждые 100 тысяч жителей сравнялось здесь с уровнем Германии, Японии, Англии, хотя до вступления в Советский Союз там были считанные единицы. Это за 45 лет! И не поставить вопрос о том, что республики должны заплатить часть того, что на них потратили, было просто преступлением перед существующим законом.

Сначала стреляли слова, затем — танки

Позиции Горбачёва с каждым днём слабели, и выпадали вожжи из рук. Хотя его избрали президентом страны, но он уже мало влиял на обстановку. И его бы надо было переизбрать, как требовали некоторые и депутаты, и члены партии, которую вскоре стали запрещать. Но народ был странный — всё верит в царя-батюшку. Его надо было, конечно, гнать не метлой, а дрыном. Он спустя годы вдруг заявил, что специально действовал так, чтобы разрушить Советский Союз. Я думаю, он лжец. Трусливый, соплиивый лжец. Когда он получил огромную власть в огромной стране, видно было, как гордится он ею, как дорожит и как красуется почти что императорской властью.

А в противовес ему набирал силу разбойный Ельцин. Народные депутаты России поддерживали его, несли его, как знамя, и Ельцин всё больше и больше, я бы даже сказал, зверел от ощущения власти. Причём, когда прибалтийские республики стали заявлять о своём выходе из Союза, Ельцин даже поехал в Эстонию, чтобы поддержать и приветствовать этот процесс. То есть разрушение началось в том числе и при поддержке этого нового лидера России.

Некоторые люди, обеспокоенные тем, что вот-вот сейчас произойдёт развал, организовали так называемый ГКЧП. Я в этот день был в Кишинёве. Когда увидел по телевизору группу этих людей, выступавших с заявлениями, и видел, что у Янаева трясутся руки, я сказал своим родственникам тогдашним: “Всё, ребята, эта публика — шаромыги, слабые, безвольные, слюнявые, такие же, как Горбачёв”. Так оно и получилось. Участников ГКЧП арестовали, что только усилило позиции разрушителей Союза. В итоге собралась тройка негодяев (я их иначе не могу назвать) — Ельцин, Кравчук от Украины и Шушкевич от Белоруссии — и подписали соглашение о роспуске Советского Союза. Строго говоря, они — государственные преступники, ибо за несколько месяцев до их сходы состоялся референдум, на котором почти 77 процентов советских граждан высказались за сохранение обновлённого СССР. В том числе, в РСФСР — более 71 процента, на Украине — свыше 70 процентов, в Белоруссии — почти 83 процента. А в Закавказье и в среднеазиатских республиках — почти 90 процентов выступали за сохранение Советского Союза. По Конституции же высшей властью в стране являлся народ. Беловежская банда украла государственную власть у её владельца. Их надо было судить, а может, там же, в пуще, расстрелять.

К этой же категории я отношу и Горбачёва. Если бы он был лидером государства, помнящим о благе народа, думающим о будущем, он, на основании существующего закона о чрезвычайном положении арестовал бы эту тройцу. Но этого он не сделал, как и многого другого. И Советский Союз распался.

Причём некоторые республики, например, Казахстан категорически не хотели уходить из Союза. Их просто выталкивали. Россия отталкивала их от

себя. Но не Россия, а кода политическая во главе с Ельциным отталкивала от нашего государства российского.

И наступили жуткие времена. Обесценивались жизни, нищало население. Я видел, как люди роются в мусорных баках, потому что есть было нечего. Началась на окраинах всякая межнациональная возня, даже кровавые разборки. Например, в Молдавии отделилось Приднестровье — более промышленное. Так вот, сейчас об этом молчат, не напоминают, как-то неудобно, не толерантно напоминать. А что творили эти нацисты, когда врывались в посёлки и городки Приднестровья: взрывали людей, вспарывали животы беременным женщинам, расстреливали и убивали.

И только приход российских войск, кстати говоря, под командованием тогда популярного, я бы сказал, правильно думающего генерала Лебеда остановил эту вакханалию. И постепенно конфликт затихал. Теперь никто об этом не вспоминает. А зря! Есть хорошая русская поговорка: кто прошлое помянет — тому глаз вон. А кто забудет — тому оба.

Дорога к октябрю 93-го

А в России, между тем, назревала своя буря. СССР, к радости Запада, был разрушен, в чём принимали активное участие и некоторые мои друзья. Володя Надеин несколько раз говорил мне: социализм и его главный носитель Советский Союз — это аппендикс исторического развития. Надо сделать операцию, и начнётся здоровая жизнь.

Операцию произвели, но лучше что-то не становилось. Недолго работали в согласии Верховный Совет и Ельцин. “Известия” вместе с другими рупорами развала и уничтожения страны теперь принялись клеймить и топтать Верховный Совет России. Дискредитировали председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова, других руководителей, говорили, что это никчёмная структура, а всё должен решать президент Ельцин.

Надеин в одной публикации прозрачно намекнул, что Хасбулатов — наркоман. Я его спросил: “А у тебя есть доказательства этого?” — “Какие доказательства? — ответил он. — Люди об этом говорят”. Тогда я ему сказал: “На месте Хасбулатова я бы сейчас поднял все судебные органы и разорил бы дотла газету “Известия”. Так, чтобы она вынуждена была продать здание своё, а люди ушли бы на улицу. Вот как надо отвечать за свои слова”.

С Володей Надеиным мы очень тепло относились друг к другу. Я — особенно. Мне нравились его талантливые фельетоны, его остроумие, забота о товарищах из охотничье-рыболовной компании. Немало помогал он и мне. Попытался сделать публикацию в «Известиях» о моей борьбе против Ярославского обкома партии после фельетона “Дача в кармане”, о чём я рассказывал ранее. Приезжал в Казахстан, когда после статьи “Паутина” меня попробовали “пришить” к браконьерству, которого не было. Став собкором “Известий” в США, Надеин организовал мою поездку к нему. Там у нас возникло первое политическое разногласие, правда, абсолютно мирное и добродушное. Видя краешек американской жизни, я сказал Володе, во время очередного спора о советских проблемах, что, напряжение может возникнуть и в этой стране. Причём, по линии: чёрные против белых. Надеин наотрез отверг моё предположение.

— Ты что! Неграм здесь нет повода для борьбы. Среди них много видных адвокатов, артисты, телеведущие, богатые люди.

— Но не все ведь такие! Много чёрной бедноты. А это — взрывная масса. Причём, не всегда причины экономические или социальные. Ты знаешь, какими белые люди представляют чертей? Чёрными. А у негров они белые.

Надеин рассмеялся над моими предположениями, и я забыл об этом разговоре. Пока недавно, в начале 20-х годов XXI века Соединённые Штаты не потрясли бунты темнокожих американцев. К сожалению, Володя, беззаветно влюблённый в США и считавший это государство безукоризненным, не увидел их. Несколько лет назад он умер. Однако по другому поводу споры наши были довольно жёсткими. Надеин дал несколько публикаций, где дословно говорил следующее: “Зачем России нужна эта грязная лужа — Чёрное море? Мы должны отказаться от него, не бороться за него, ибо это только во вред России”. Я был поражен. “Ты что, с ума сошёл? Не видишь, что происходит? Турция — член НАТО. Одна из самых вооружённых стран региона, прилегающая к Чёрному морю. Болгария, Румыния, Грузия, где к власти пришли якобы

демократические, а на самом деле профашистские правительства. Все они имеют виды на Чёрное море, а мы, по-твоему, должны уползти на сушу и там сидеть. Ты этого хочешь?” Он многословно возражал, причём никаких доводов не приводил, а только всё говорил, что демократические государства не воюют друг с другом. Демократия должна быть везде.

Но вот прошло время. В ноябре 2021 года НАТО и США начали проводить в Чёрном море внеочередные манёвры. Очередные, после наших споров с Надеиным, проходили не раз. А тут – внезапные. В грузинский порт Батуми пришли два военных корабля США. В операциях приняли участие: Украина, где в 2014 году к власти пришли отвязные националисты, Молдавия, Румыния, Болгария и, конечно, активный член НАТО – Турция. Все они не думали о Чёрном море как о “грязной луже”. Для них это был плацдарм против России.

Раскол по политическим мотивам всё сильнее разрывал нашу компанию. Я и Володя Надеин расходились друг с другом. Он становился всё более авторитарным. От прежних его рассуждений о том, что газета должна представлять весь спектр мнений общества, не осталось и следа. Признавалась единственная точка зрения, которой придерживался он.

Будучи человеком работоспособным, трудолюбом, он этого требовал и от других. А поскольку начал курировать иностранные отделы, то там ребята взвыли.

В нашей компании его политические устремления и взгляды активно поддерживали Лапский и Страхов. Ну, Лапского, когда раньше заходила речь о разрушении Советского Союза, понять, наверное, кое-кто бы мог. Он ненавидел систему, которая 20 лет не давала ему возможности выехать в капстрану в качестве зарубежного корреспондента “Известий”. Но почему их поддерживал госплановец Страхов, мне было непонятно! Его отец – генерал, когда-то работал советским торговым представителем в США. Сам Володя входил в элитный круг советского чиновничества, курировал авиапром. Кстати говоря, благодаря ему мы одними из первых в стране обзавелись титановыми термосами, которые начал выпускать авиазавод в Куйбышеве. Позднее, когда он мог приобретать их больше, мы начали награждать термосами егерей. Забегая вперёд, скажу: Страхов, пожалуй, больше всех нас потерял от разрушения Союза. Мы как были журналистами, так ими и остались. А он... Однажды я позвонил ему, спросил, чем занимаешься? Страхов помялся, неохотно ответил: “Работаю помощником по хозяйству у одного хрена. Разбогател стервец и теперь содержит прислугу”. В романе “Дуэль алмазных резидентов” я вывел эту неизвестно откуда вылезшую публику. Назвал их “человеки из щелей”. Грабя общенародное добро, они становились хозяевами жизни и страны. У одного из них был разнорабочим – куда хозяин пошлёт (!) – и сторожем Страхов.

Чем дальше, тем реже мы стали встречаться. Да и общаться почти перестали. Правда, в сентябре 1992 года собрались ехать в Астрахань на рыбалку. Взяли в издательстве “Известия” “рафик”, погрузили мешки, спиннинги и выдвинулись в аэропорт. В машине опять мы с Надеиным заспорили по всем этим делам, которые происходили и в которых уже видно было, что от демократии нет даже и следа.

Я ему говорю: “Это ты считаешь демократией – действия Ельцина в конфликте с Верховным Советом?” – Он говорил: “Да, надо их приводить в чувства, в порядок...”. Мы с ним спорили всё острее, всё злее. Вдруг он кричит: “Остановите машину, я не поеду больше с этой компанией!” Меня поддерживал Игорь Карпенко, кажется, Саша Корнешёв и работник издательства, который напросился с нами. Но Лапский и Страхов были на стороне Надеина. Надеин вышел.

Со стороны картина казалась, наверное, странной. Прямо на шоссе стоит машина, около неё кучкуются люди, что-то громко говорят. Все, в том числе Лапский и Страхов, начали уговаривать Надеина: Володя, брось ты заводиться! Есть разные мнения! Мы же друзья... Любим и ценим друг друга, обнимаемся, стоит ли рвать многолетнюю дружбу? Надеин хмурился, сердито сопел. Потом сел в “рафик”, и мы поехали. Это была наша последняя совместная поездка. Да и какие объятия, если уже выросли баррикады?

Перетягивание властного одеяла между парламентом и президентом принимало всё более острый характер. И причиной было разное видение приватизации Верховным Советом и Ельциным. Я в своё время, ещё при советской

власти, был в командировке в Польше и специально интересовался так называемым разгосударствлением промышленности в этой стране. Писал об этом в "Известиях".

Коротко суть вот в чём. Для того чтобы выставить на торги то или иное предприятие, создавалась комиссия. Приглашались известные зарубежные специалисты, которые оценивали предприятие со всех сторон: что на нём будет выпускаться, если, скажем, произойдёт перепрофилирование, какова будет цена, объём, какова выгода. То есть изучалось всё досконально. Причём работали не одна-две компании, а три-четыре. И только после всестороннего и тщательного анализа принималось правительством решение о приватизации того или иного завода и фабрики. Ельцина же толкали захватившие власть и стоящие за ним "человеки из щелей" к тому, чтобы приватизировать без всяких оценок. Захотел кто-то купить – и купил. А Верховный Совет настаивал, что нужен продуманный, точный и чёткий закон по этому поводу.

Были и другие причины, тем более что Ельцин всё больше зарывался, всё больше чувствовал свою силу. В итоге в сентябре 1993 года он издал указ о поэтапной реформе. Там предлагалось вообще распустить Верховный Совет и начать новые выборы. Естественно, депутаты воспротивились этому делу. Тогда Ельцин стал ещё более агрессивным. Депутаты не соглашались и обратились в Конституционный суд. Конституционный суд в полном составе под председательством Валерия Дмитриевича Зорькина принял решение о неконституционности этого указа и обращения Ельцина к народу и постановил о его отстранении от должности. Власть передал вице-президенту А. Руцкому. Верховным Советом были назначены новый министр обороны и другие должностные лица.

Но Ельцин – это не Горбачёв, тот ещё волчара. Он поднял всех, кто имел интересы быть связанным с ним, в том числе мэра Москвы Ю. Лужкова. Это потом Лужков стал такой противник Ельцина, противник Чубайса, такой народный мэр. А тогда он был просто преданный ельцинист. Лужков приказал отключить в Думе Советов электричество, отключить воду, все коммуникации, а дело уже двигалось к октябрю. И наступили холода.

В поддержку Верховного Совета стали выступать регионы. В Москве стали собираться огромные массы народа, которые понимали, что вот это и есть демократически избранный орган законодательной власти, действующий на демократических началах, в отличие от дуrolома Ельцина. Но Ельцин, опираясь на министра обороны Грачёва, на других силовиков, приказал полностью изолировать Дом Советов. Его окружили по периметру спиралью Бруно, которая была запрещена к применению ещё в 30-е годы Лигой наций. Были приведены войска к Дому Советов.

К чести некоторых военных, не все согласились участвовать в этой противоправной бандитской операции. Так, генерал Борис Громов заявил, что ему стыдно быть в армии, где армия будет стрелять в народ. Некоторые другие военнослужащие тоже отказывались. Отказалась "Альфа" штурмовать Дом Советов.

В свою очередь, депутаты тоже готовились к обороне, потому что они видели, что к чему. И 3 октября начался штурм. Я читал много материалов об этом, описал эти события в "Крике совы перед концом сезона". Но и сейчас, когда я возвращаюсь памятью к тем дням, просматриваю снова некоторые книги, перехватывает горло от гнева, обиды и горя.

Перед Домом Советов поставили небольшую часовенку. Народ приходил на службы. Люди собирались там. И вот началась атака. По людям стали стрелять впрямую. Защитники парламента попытались прорваться в Останкино, чтобы захватить телевидение и рассказать стране, что происходит. Причём посредником между Ельциным и парламентом выступила Русская Православная Церковь. Потребовали немедленно разблокировать Дом Советов, я сейчас вспоминаю, по-моему, где-то десятка полтора мощных регионов. Но Ельцин, не дождаввшись начала переговоров с Церковью, объявил о начале штурма. Люди, которые под руководством Анпилова и Макашова пытались захватить Останкино, действовали, может быть, несколько опрометчиво, и когда бывший в их распоряжении "КамАЗ" выбыл стеклянные двери Телецентра, со второго этажа их стали расстреливать фэсбешники из автоматов. Началась невероятная бойня.

А так называемый Белый дом сторонники Ельцина решили обстрелять из танков. И вот в центре европейской столицы вышли на набережную танки

и начали стрелять по зданию Верховного Совета. А там были люди безоружные в основном. Те, кто был вооружён, они стояли внизу и пытались отстреливаться от наступающих омонцовцев и армии. На этажах были беззащитные, безоружные женщины, служащие, депутаты. Два дня продолжалась эта бойня. Сколько погибло людей, власть ельцинская и нынешняя власть, поскольку Ельцин поставил Путина, не говорит. Наверное, убраны многие документы, исчезли свидетельства. Один из свидетелей говорил, что он видел, как снайперы и люди в гражданской одежде с винтовками М16 уходили к посольству США и скрылись там.

Я долгое время не мог спокойно ходить мимо стадиона, который рядом с Домом советов. Там все заборные столбы были обклеены портретами погибших при защите Дома советов, при защите демократии. Молодые лица, ребята, девчонки, мужчины средних лет, мальчишки – это все, кого убила ельцинская звериная власть.

Я глубоко убеждён: сколько бы ни скрывали это, сколько бы лет ни затапывали эти события, всё равно придёт время, когда им народ, страна и новая власть дадут соответствующую оценку. Я и тогда говорил, и потом, и сейчас говорю, что Ельцин – государственный преступник, он заслуживает повешения не как Саддам Хусейн, который несколько сотен курдов убил, а как убийца того, во что люди верили, за что голосовали – за демократию. Разрушив Советский Союз, Ельцин сладострастно докладывал об этом Конгрессу США. Вот дословно его речь:

Уважаемый господин спикер Палаты представителей!

Уважаемый президент Сената!

Уважаемые члены Конгресса, дамы и господа!

Я имею высокую честь выступить здесь, в Конгрессе Великой свободной страны! Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда! Я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!

Открываются архивы КГБ и бывшего ЦК КПСС. Более того, мы приглашаем Соединённые Штаты и другие государства к сотрудничеству в расследовании этих тёмных страниц бывшей Империи.

Издан законодательный документ, в соответствии с которым иностранные граждане, приватизирующие тот или иной объект и сооружение в нашей стране, получают в собственность также и участок земли, на котором он расположен. Мы приглашаем американский частный капитал на уникальный и малоосвоенный российский рынок и говорим: не опоздайте!

Сегодня свобода Америки защищается в России! Если реформы провалятся, придётся заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю.

Хотел бы закончить своё выступление словами из песни американского композитора российского происхождения Ирвина Берлина: “Господи, благодать слови Америку!”

Слушая это выступление, я думал: “Господи! Что же мы за народ, что взгромодили такое чудовище распорядиться нашей страной, топтать нашу жизнь и наши души”. Впрочем, чему удивляться, если души даже поводырей оказались продажны...

Разговаривая с Юрием Васильевичем Феофановым, своим бывшим начальником и впоследствии своим коллегой по журналу “Российская Федерация сегодня”, я его спрашиваю: “Как же это понимать, ведь вы всё время писали, внушая народу, массам, что закон есть закон, плохой ли он, хороший, но его надо исполнять. И только когда закон изменят, тогда можно старый отменять”. Он говорил: “Ну, ты понимаешь, бывают обстоятельства, когда нужно вот так действовать...” Рассуждения, прямо скажем, были проститутские.

Надо сказать, что до 1 октября я находился в Слотине. Наблюдая за разворачивающимися событиями, решил ехать в Москву, чтобы прорываться в Белый дом к депутатам. От одного человека, может быть, не слишком большая помощь. Но я всё же умел стрелять и всё-таки журналист, должен был посмотреть на всё сам. Но не получилось. И как мне говорят, и я так думаю, наверное, меня спас от смерти Бог.

Я строил дом. Он уже обретал какие-то полузаконченные черты. И не было только крыльца, ступенек, выхода из дома, а вместо них лежал широкий

помост от дверей на улицу, по которому я каждый день раз 50–70 бегал туда-сюда. В ночь, незадолго до штурма Белого дома, я вышел из дома на помост, сбегать, как говорят, по малой нужде. Шагнул — и рухнул с помоста.

А высота была где-то полтора-два метра. От боли я чуть не потерял сознание. Ползком добрался до соседнего домика, где жили Нина Ивановна и Алексей Александрович Спирины. Простая добрая семья. У них я часто оставался ночевать, когда начинал строить дом. Нина ещё работала, а Алексей уже был на пенсии и трудился кочегаром в пионерском лагере. Это был худенький невысокий мужчина с морщинистым сухим лицом, незлобивый, и суть его выражала присказка-тошт, когда мы выпивали: “Быть добру!”

Выпить Лёша любил, но и под хмельком был такой же индифферентный, как и в трезвости. Между нашими домами, но на моём участке, росла липа. Что-то мне вздумалось, будто она, когда ещё больше вырастет, будет закрывать тенью мой дом. Обеспокоенный, я ему сказал: “Лёш, сруби её!”

Приезжаю через неделю: липа стоит. Я опять повторю просьбу. Приезжаю ещё через несколько дней: липа стоит. Снова, но поостороже, прошу: “Сруби!” И вдруг в Москве вспоминаю, как идёт по небу солнце, и никакая тень моему дому не грозит. С ужасом думаю: что же я натворил? Зря погубил красоту. Лёшка, наверно, уже на дрова её пустил. С тревожным беспокойством мчу в Слотино, подъезжаю к участку. Липа стоит! Вот она, русская неторопливость.

А какие зимние вечера мы коротали с Алексеем! Привезу бутылку водки, колбасы, другой еды. Алексей нажарит большую сковороду картошки. Такой, какую я люблю: сильно поджаристую, с хрустом. За окнами домика мороз, а в избушке тепло. Мы разговариваем — в основном я, — Лёшка не говорит, потом он идёт на свою кровать за печкой, а я ложусь на старом диване.

Сейчас этот домик “в деревне с землёй” купила семья Виталия Белоуса. Сам он с Украины, давно живёт в России. Жена Галина — москвичка. Землю используют, как хорошие фермеры. Есть куры, а овощей Галина маринует до двухсот банок. Но это сейчас. А в ночь на второе октября 1993 года я подполз к спиринскому домику и начал стучать: “Лёша, выйди!” Он вышел: “Что такое, Вячеслав?” — “Представляешь, я рухнул с помоста”.

Кое-как он помог мне дойти до дома, а у меня был дома телефон уже, я позвонил в Москву жене Людмиле. Она утром чуть свет примчалась в Слотино. Обвязала простынёй мне грудь. Мы сели на мою “Ниву” и поехали в Москву. Там я зашёл в поликлинику “Известий” и обратился к врачу-рентгенологу по фамилии Санпитер. Он посмотрел и говорит: “Ну, ничего особенного у Вас нет, ушиб”. Ну, ушиб... А очень больно было. Да, я хотел идти в Белый дом. А потом думаю: приду я сейчас туда, кто-нибудь ткнёт меня в бок или заденет локтем, и я упаду от боли, потеряю сознание.

С горечью и болью я смотрел на трагедию разгрома демократии по телевизору. Ах, как они все сладострастно верещали! Была некая Белла Куркова, сейчас, говорят, такая пророссийская, а тогда была одной из тех, кто ненавидел эту власть, этот Верховный Совет. Да много их, их был легион. Я уже не говорю про всех этих “чубайсов”. А выступил по телевидению Гайдар перед штурмом и призвал народ прийти к мэрии защищать демократию. И это в их понимании была демократия — расстрел из танков и убийство безоружных людей?!

В эти дни в Волгограде должна была состояться свадьба моей племянницы — дочери моей родной по отцу сестры Людмилы. Я поехал туда. И потом смотрели видеосъёмку, что я танцевал и всё время морщился от боли. Вернувшись в Москву, позвонил другу нашей семьи Галине Григорьевне Прохоровой, она была главным инженером центральной районной больницы (ЦРБ) в Сергиевом Посаде. Говорю, что так и так, может быть, надо бы посмотреть. Приехал. Мы с ней зашли в кабинет хирурга. Он сейчас живёт в селе Марино рядом с нами, хорошо знаем друг друга. А тогда едва я вошёл в дверь, а до него было метров пять, наверное, доктор глянул и говорит: у Вас перелом рёбер. “Какой перелом? Ушиб!” “Я вам повторяю: перелом”. Сделали снимок — действительно три ребра были сломаны. И этот гнусный Санпитер, я потом ему высказал, что я думал по его поводу... Мне потом сказали: Вы же могли проколоть этими сломанными рёбрами лёгкие. Но откуда я знал, что у меня такая картина.

Ещё до расстрела Белого дома я собрался уходить из “Известий”. Меня пригласил в “Российскую газету” её главный редактор Валентин Логунов. Зашёл

попрощаться с Голембиовским. “Зря ты ставишь на парламент, на Хасбулатова”. “Российская газета” была изданием Верховного Совета. “Я ставлю не на Хасбулатова, — сказал я. — Я ставлю на то, о чём вы пишете и всё время трещите, — на демократию. Ибо парламент с его разными взглядами, с его разными мнениями и есть демократия. А вот ты, Игорь, возвращаешь волчьи нравы. Волчата подрастут и перегрызут тебе горло”. Так оно и случилось. Впоследствии наступил момент, когда многие, особенно молодые, предали его.

После разгрома Верховного Совета В. Логунова убрали. Вместо него в кабинет главного редактора “Российской газеты” люди с автоматами привели новую главную редакторшу, которая до этого руководила чем-то вроде “Блокнота агитатора”. Я продолжал оставаться на больничном. Когда он кончился, приехал в “Российскую газету”. Едва вошёл, девочка из отдела кадров заявила: вас ждёт главный редактор. Вошёл в знакомый кабинет. В кресле Валентина Логунова сидела небольшая, похоже, щупленькая женщина. На щеках — горячий румянец, ножки не достают до пола. Болтая ими, она объявила: “Мы вам не можем предоставить ту должность, которую вы занимали”. Назвала что-то вроде завхоза. Я засмеялся: “А я и не собирался с вами работать. Тех, кого с автоматами приводят, думаю, с автоматами и уведут”.

Её вскоре увели. Правда, кажется, без автоматов. Просто убрали как, видимо, дискредитирующую власть захватчиков. Уж слишком яростно газета прогибалась под ельцинистами и топтала народом избранный парламент. А я ушёл в журнал “Российская Федерация”.

Глава 11 Битвы на алмазном фронте

В конце 1987 года мне в кабинет вдруг звонит помощник главного редактора: “Вячеслав Иванович, Иван Дмитриевич просит вас зайти к нему”. Я спускаюсь на третий этаж, вхожу в кабинет главного. Рядом с ним стоит высокий, плотный мужчина. “Вот, знакомьтесь, — говорит Лаптев. — Это наш парламентский обозреватель Вячеслав Иванович Щепоткин, а это (уже ко мне) — депутат Верховного Совета СССР Владимир Венедиктович Пискунов. Вот идите с Вячеславом Ивановичем, он поможет вам сделать статью”.

Мы поднялись ко мне. Он дал несколько листов бумаги с машинописным текстом. Оказалось, это генеральный директор объединения “Якуталмаз”, и он хотел выступить на сессии Верховного Совета с рассказом о проблемах алмазодобывающей отрасли. Но то был старый Верховный Совет, который собирался на два-три дня, чтобы утвердить бюджет, принять какие-то законы, подготовленные аппаратом без участия самих депутатов, и народные избранники разъезжались по домам. Выступали обычно несколько человек. Пискунов тоже подал заявку, что он хочет выступить. Но говорили-говорили, выступали и вдруг председательствующий объявляет: “Есть предложение подвести черту под прениями”. И все дружно проголосовали. Пискунов возмутился, что-то начал даже выговаривать. Но всё уже приняли.

Тогда он после заседания подошёл к секретарю Президиума Верховного Совета СССР Ментешашвили и говорит: “Как же это так?.. “ А у него голос трубный, зычный. Все они — алмазные руководители, как я узнал позднее, были словно вырубленные из горной породы: “Мне коллектив поручил выступить как депутату на сессии Верховного Совета, рассказать о проблемах, а мне не дали слова”. Ментешашвили говорит: “Ну, давайте мы попробуем сделать лучше: одно дело — вы бы выступили на сессии, а другое — если ваше выступление будет напечатано в газете”. Он тут же позвонил Лаптеву и сказал: “Примите товарища Пискунова, чтобы он выступил в газете”. Вот так мы с Пискуновым оказались у меня в кабинете.

Я прочитал его выступление. Один раз прочитал. Посмотрел на Пискунова, он сидел уверенный, спокойный, нога на ногу, длинное лицо, высокий лоб — всё выражало уверенную силу. Я ещё раз прочитал. Потом смял эти листки и бросил их в корзину. Пискунова словно кипятком ошпарили. Он выпучил глаза и заорал: “Ты что делаешь? Кто тебе это позволил? Это писало много людей, и секретари обкома партии, и другие”. Я сдержанно посмотрел на него и сказал: “Ну, во-первых, на “ты” не надо, мы с вами пока ещё плохо знакомы. А во-вторых, если вы хотите, чтобы о ваших проблемах узнали

и приняли какие-то, может быть, решения, то надо делать не так. Это справка. Надо делать статью”.

Дня два мы с ним сидели. Я его расспрашивал, записывал. Потом написал статью под названием “За гранью алмаза”. Мы её опубликовали в “Известиях”.

Реакция, конечно, была приличная. Он даже не ожидал. Во-первых, ему понравилась статья. Это было не то, что справка, а за подписью Пискунова, генерального директора, появилась такая проблемная, постановочная статья. А во-вторых, начались определённые подвижки.

Правда, уже разгоралась перестройка. И во всех отраслях стали появляться провалы, пробелы и проблемы. Но статья вышла. Он позвонил, поблагодарил. И на этом мы закончили наши контакты.

Прошли годы. В начале 90-х он позвонил и сказал: “Вячеслав Иванович, я хочу встретиться”. Говорю: “Давайте, приезжайте”. Он приехал и начал рассказывать.

“Мы создали компанию. Назвали её “АЛРОСА”... Спрашиваю: “Что это означает?” “Алмазы России – Саха”. Саха (Якутия) – официальное название республики. “Ну, и хорошо, наверно, сделали”, – довольно равнодушно говорю я, ибо мне алмазы были, как говорится, до лампочки. “Но у нас проблема. Я бы хотел попросить вашей помощи”. Я так индифферентно спрашиваю: “А что за проблема?” Честно говоря, мне хотелось от этого дела отвертеться, потому что для меня слово “алмазы” было в какой-то мере синонимом не только таинственности, но и чего-то такого, к чему надо прикасаться аккуратно. Пискунов объясняет: “Вот мы добываем алмазы, сдаём их в Гохран. А Гохран начали разворовывать”. “О, и там начали! И кто же это?” “При Ельцине – говорит Пискунов, – создали Роскомдрагмет, комитет по драгоценным камням и металлам. Его возглавил Евгений Матвеевич Бычков – человек Ельцина. С его подачи и началась “растаскиловка”. Но мало этого. Они уже глядят, как бы заграбастать нашу компанию, мы не даёмся. Пришёл новый президент – Штыров Вячеслав Анатольевич, он твёрдо заявил, что никому мы не будем продаваться, что мы будем соблюдать государственные интересы и никого близко не подпустим к компании. После этого они начали нас давить”.

Так я впервые узнал о том, что существует такая компания и у неё проблемы, и алмазы, оказывается, растаскивают.

Одновременно впервые услышал фамилию Штырова. По профессии он был строитель, довольно быстро вырос на якутских стройках от прораба до заместителя начальника главка. Видимо, разглядев в нём недюжинные способности организатора, усовершенствованные учёбой в Академии ЦК КПСС, первый президент республики Михаил Николаев взял его на свои выборы в качестве вице-президента. Таким образом, вывел молодого, одарённого человека на широкую карьерную дорогу. Вячеслав Штыров одновременно с вице-президентством стал председателем правительства. А когда недавно созданная алмазодобывающая компания “АЛРОСА” – главная “кормилица” Якутии – стала, по сути дела, загибаться, предложил Штырову возглавить её.

Алмазные пираньи в российском Гохране

Но прежде чем продолжать дальше, я должен сказать немного, как говорится, об истории вопроса. Подробно рассказать не удастся, потому что это очень обширная история, о которой я написал роман “Дуэль алмазных резидентов”. Сейчас вышло два издания на русском языке, кроме того, он переведён на якутский и вместе с моим романом “Крик совы перед концом сезона” – о разрушении Советского Союза – удостоен “Большой литературной премии России”.

Алмазы – это сырьё для изготовления бриллиантов. Правда, есть ещё технические алмазы – мелкие, непригодные для ювелирного дела. Из них получается алмазный порошок, – тоже нужный продукт. Им обрабатывают в промышленности важные детали, например, оружейные стволы и многое другое.

А ювелирные алмазы, которые занимают меньшую долю в добыче, это очень ценное сырьё. Достаточно сказать, что взвешиваются они в каратах. Карат же – это всего 0,2 грамма. Когда алмазов в мире добывалось немного, то они, естественно, и стоили очень дорого, и украшали только королей. А потом, когда их начали добывать в большом количестве в Южной Африке, встал вопрос, как сделать так, чтобы алмазы не заполнили рынок и не упали

в цене. Ведь алмаз, как я писал, не хлеб и не картошка. Его, если много на рынок выбросишь, то цены рухнут, и поднять их будет трудно. И вот некий Сесил Родс, англичанин, придумал, как избежать “алмазного затоваривания”. Он выдвинул лозунг: “Если на Земле будет всего три человека, то алмазов надо продавать столько, чтобы хватило лишь двоим”. То есть всё время должен быть дефицит.

Вот на этом основании начала создаваться так называемая одноканальная система продажи алмазов. Иначе говоря, продажа драгоценного сырья из одних рук, из одного места.

Дело Родса продолжило семейство Оппенгеймеров. Они создали корпорацию “Де Бирс”, которая заключала договоры со всеми алмазодобывающими странами о том, сколько сможет купить алмазов у каждого государства по твёрдой цене. При этом ставилось условие, что самостоятельно государства на рынок выходить не должны. Ибо это будет во вред и им, и всему мировому рынку.

А продавала “Де Бирс” алмазы только 160 отобраннным покупателям, так называемым сайтхолдерам. Эти люди заранее давали заявку в штаб-квартиру “Де Бирс”, которая находится в Лондоне, на какую сумму им нужно приобрести алмазов. В Лондоне собирали партию драгоценных камней из разных месторождений планеты, насыпали в простой бумажный пакетик, и диамантер отправлялся с ним в смотровую комнату. Как правило, соглашался с предложением, ибо тех, кто отказывался, обычно больше не приглашали. Цена, по которой диамантер покупал алмазы в Лондоне, считается мировой. Ниже она может быть лишь в том случае, если алмазы где-то украсть. Ведь производитель бриллиантов, тот самый диамантер, отбирал из купленной партии нужные ему алмазы, а остальное продавал, скажем так, коллеге, не допущенному в круг избранных покупателей. Продавал, естественно, дороже. Тот, в свою очередь, следующему, и так далее. В конце цепочки цена вырастает процентов на сорок. А если учесть, что некоторые алмазы стоят и 10, и 20, и 30 тысяч долларов за карат, а диамантеров в мире – тьма (в одной Индии их около миллиона, не говоря о США, Бельгии, Израиле), то понятно, сколько желающих припасть к дешёвой алмазной “кормушке”.

Когда был Советский Союз, “Якуталмаз”, добывая свою продукцию, часть её продавал “Де Бирсу”, как другие страны. Остальное складывал в Гохран. Правда, “Де Бирс” ставил ещё одно условие всем государствам: они не должны были иметь на своей территории ограночной отрасли. И только в Советском Союзе, по настоянию председателя правительства Алексея Николаевича Косыгина, были созданы семь гранильных заводов с одним именем “Кристалл”. Корпорация пошла на уступку лишь потому, что страна добывала четвертую часть всех алмазов в мире. К концу существования Советского Союза в Гохране, по оценкам экспертов, скопилось алмазов примерно на 13 миллиардов долларов.

Когда страна развалилась, заводы остались в разных республиках и большинство их поггло. В России были три завода – в Барнауле, в Москве и в Смоленске. Из-за отсутствия оборотных средств – не на что стало покупать алмазы – первый остановился совсем. Второй дышал, но плохо. И только третий – в Смоленске, благодаря усилиям талантливого, дальновидного генерального директора Александра Ивановича Шкадова, работал довольно успешно.

Но Бычков, возглавив Роскомдрагмет, объявил, что у России нет гранильной промышленности, что мы должны пригласить профессионалов из других стран, чтобы они научили нас, как ограничивать алмазы в бриллианты. Для этого, мол, надо создать совместные предприятия. И что тут началось! Если перед концом Советского Союза у нас было два совместных предприятия, то через несколько месяцев после прихода Бычкова их стало полторы сотни. Такой взрывной рост объяснялся очень легко. Благодаря активной бычковой пропаганде в СМИ и в правительстве о том, что совместные предприятия нужно считать отечественными, им незаслуженно предоставлялись невиданные льготы. Во-первых, они получали право покупать алмазы, как государственный смоленский “Кристалл”, по цене ниже мировой. Во-вторых, им открыли доступ в Гохран, чтобы выбирать алмазы. Разумеется, более хорошего качества, чем на торгах в Лондоне. И дешевле, нежели у строгой корпорации. Этого не имел даже государственный смоленский завод. В-третьих,

по два месяца могли не платить за взятые алмазы. Это давало ещё одну выгоду, и немалую. Взяв бесплатно дорогой товар, люди СП тут же контрабандным путём вывозили его за границу, продавая там в полтора раза дороже, чем потом будут расплачиваться в России. Наконец, эти СП, по решению правительства, получили право первые три года не платить налоги в российский бюджет. А дальше почти никто из них не работал. Когда подходил срок, менялось название и по тому же адресу, с теми же учредителями регистрировалось новое СП.

Но это ещё не всё. Бычков уверял, что совместные предприятия создадут десятки тысяч рабочих мест. В действительности всё оказалось совершенно не так. Большинство СП имели не более десяти рабочих мест, да и то на бумаге.

А что ж это были за совместные предприятия? Учредителем с иностранной стороны, как правило, выступал какой-нибудь недавний гражданин СССР, переехавший в Израиль, США, Бельгию, Канаду. Сменив фамилию типа Рыбакова на Фишмана, он приезжал в Россию, объявлял себя диамантером, хотя алмазы и бриллианты видел только в кино. Соучредителем с российской стороны нередко становился государственный чиновник. Зачастую высокого ранга. Ещё недавно, по словам одного из героев моего романа, “сам никто и звать никак” — я таких назвал “человеками из щелей”, — теперь он становился соучастником разграбления России.

Получив немислимые преференции, вся эта орава наскорю слепленных СП припадала к накопленным за десятилетия алмазным богатствам. Чиновников не зря брали в соучредители. Они помогали грабежу. Например, в декабре 1994 года двум государственным предприятиям системы “Кристалл”, московскому и смоленскому, было отпущено из кладовых Гохрана 33 тысячи каратов алмазов. На заводах в то время было 1800 рабочих мест, и загруженность предприятий составляла 60 процентов. Но ровно столько же — 33 тысячи каратов — получило совместное предприятие “Сапфир”, где, по данным самого этого СП, было всего 19 рабочих мест. И вставал вопрос: куда “Сапфир” денет такую массу драгоценных камней? Это же всё равно, что воробью дать мешок пшеницы! Чиновники и лжедиамантеры знали, куда уйдут алмазы. За границу.

Счётная палата России провела проверку и установила, что в 1994–1995 годах предприятиям всех форм собственности выделялось на 1,4 миллиарда долларов алмазного сырья. Однако обрабатывалось в России только на 450 миллионов. Остальное под разными предлогами вывозилось за границу.

То есть почти на миллиард долларов. Но и через таможенную проходила не вся эта масса. Здесь отмечали только на 400, на 500 миллионов долларов. Остальное вывозили контрабандным путём — в лифчиках курьерш, в трусах, в портфелях, в ботинках и так далее. Курьеров ловили, но поймать было трудно. Можно было их схватить только оперативным путём, потому что алмаз виден лишь в рентгеновском диапазоне. А как всех будешь просвечивать? Вот так всюю “работали” эти совместные предприятия.

А куда же вывозилась эта лавина алмазов? В основном в Израиль. По сведениям одного из официальных лиц этой страны, в Израиль из России каждый год поступали алмазы на 600 миллионов долларов. В итоге страна, где не добывалось ни одного карата, стала одним из ведущих экспортёров алмазов на мировом рынке. И продавалось их больше, чем компания “АЛРОСА” отпускала “Де Бирсу”.

Бычков вряд ли смог бы один так устроить разграбление российского Гохрана, если бы не поддержка правительственных чиновников и администрации президента. Он всё время твердил во всех правительственных кабинетах, а оттуда это переходило в газеты и журналы, что совместные предприятия — это наши государственные предприятия. Но, как я писал в своей книге “Дуэль алмазных резидентов”, они были, скорее, алмазными пираньями. Государственными их можно было назвать примерно так же, как Папу Римского итальянцем. Но имея не просто поддержку, а соучастие чиновников в совместных предприятиях, удавалось Гохран грабить направо. А иностранные члены этих СП запросто покупали российских чиновников. И в зависимости от услуги перечисляли на их зарубежные счета доллары, фунты, марки, а то и просто дарили алмазы и бриллианты.

Но мало этого, когда компанию “АЛРОСА” возглавил Вячеслав Штыров, Бычков и его поделельники увидели, что пришёл человек, с которым невозможно

договориться в интересах контрабандистов, а значит, надо его свалить. И вот тут началась ожесточённая и изощрённая война против государственной компании “АПРОСА”.

Почему я говорю “государственной”? Потому, что 70 с лишним процентов её было в собственности государственных структур: Росгосимущества Российской Федерации, Госимущества Якутии, администрации восьми улусов, то есть районов республики, где добывались алмазы. Кроме того, акционерами компании с незначительным количеством акций были фонд поддержки военнослужащих и трудовой коллектив. К тому же компания была закрытым акционерным обществом. То есть разорить её так, как разоряли все остальные прибыльные и лакомые кусочки, которые оказались открытыми обществами, было нельзя. Туда вступали будущие владельцы, скупали акции и становились олигархами. Причём скупали, можно сказать, за гроши. Так вот, поскольку её нельзя было купить, чтобы свалить неугодного президента, компанию начали душить снаружи.

Своё правительство работает на чужих

По указу Ельцина правительство должно было за несколько месяцев до начала следующего года выделять объём квот на вывоз алмазов. Компания была признана единственной экспортной организацией алмазов, официально продавая через “Де Бирс” часть добываемого сырья. Кроме того, “АПРОСА” имела право продавать некоторую часть их на свободном рынке, чтобы контролировать цены и смотреть, не обманывает ли её “Де Бирс” в этом отношении. И вот никаких этих квот и никаких этих разрешений даже на продажу “Де Бирсу” Минфин и все завязанные, купленные чиновники компании не давали. Не давали по полгода. А что такое полгода или семь месяцев не давать разрешение на вывоз “Де Бирсу” и на продажу этой корпорации алмазов? Это значит, нет денег. А компания вообще кормилица республики. Она содержала не только алмазодобывающую провинцию, где оплачивала деятельность здравоохранения, образования и целого ряда других бюджетных сфер. Не имея денег, не могла развиваться, а Штыров требовал строительства новых рудников, новых горно-обогатительных комбинатов. Не все его поддерживали в этом. Но команда постепенно сформировалась, прямо скажем, боевая и действующая в одном русле с президентом.

Это были вице-президенты Александр Сафронович Матвеев, Иван Кириллович Демьянов, Зельберг Семён Ильич, Владимир Венедиктович Пискунов, тогдашний главный инженер Дюкарев, целый ряд других специалистов.

Российская власть помогала разными способами удушить компанию в интересах алмазной зарубежной мафии. Например, сотрудничество с корпорацией “Де Бирс” протекало на основании Торгового соглашения. Эти соглашения заключались уже к этому времени лет 30–35. И последнее, которое было заключено перед концом Советского Союза, уже заканчивалось.

Штыров и его люди “бомбили” Министерство финансов, другие правительственные структуры предложениями о том, что нужно продлевать Торговое соглашение. Этого требовала и корпорация “Де Бирс”, потому что без согласованного документа работать не разрешалось. Но если перед концом Советского Союза торговые соглашения смогли подготовить и принять за три месяца, то здесь проходил год за годом, а документ всё не выпускали. Его проводили по длинной цепочке разного рода ведомств и министерств. И каждое находило какую-нибудь зацепку, чтобы отправить документ на новую доработку.

Придирки были настолько издевательскими, что по-хорошему тех, кто их высказывал, надо было увольнять с работы и никогда не подпускать больше к государственной службе. Например, в Минфине однажды сделали замечание, что вот тут надо точку с запятой, а вы поставили запяточку. В другом ведомстве написали, что тут, мол, надо с большой буквы, а вы сделали с маленькой. Поэтому отправляем на новый круг согласований. А новый круг – это полтора десятка разного рода виз надо собрать.

Один из закопёрщиков этого торможения был министр финансов Лифшиц. Он у меня в романе проходит как Липшис. Штыров лично добивался встречи с ним, но секретарши говорили, что он занят, его нет, он на приёме, он на встрече с Борисом Николаевичем и прочее. Но надо сказать, что Вячеслав

Анатолевич Штыров был человек не просто упрямый и настойчивый, а человек несгибаемый.

Многое взял он от отца, контр-адмирала. Его отец, Анатолий Тихонович, одно время работал заместителем начальника разведки Тихоокеанского флота. Однажды как командир подводной лодки он исследовал очень сложный фарватер, по которому можно было выходить в открытый океан. Никто до него этим фарватером не проходил.

Другой раз его подводная лодка оказалась, ну, не случайно, конечно, а заведомо, среди кораблей шестого американского флота, который проводил ученья. И сделав, скажем так, как бы тренировочные, или прикидочные, торпедные залпы, не подлинные, а имитационные, она обнаружила себя. И лодку стали бомбить по-настоящему. Об этом Анатолий Тихонович Штыров написал в одной из своих книг.

Надо сказать, что он оказался талантливым литератором-маринистом. Его повести и рассказы были опубликованы в нескольких книгах, ими зачитывались не только моряки, но и сухопутные читатели. Так вот в тот раз, когда бомбили его подводную лодку, они с огромным трудом смогли вырваться из этого кольца.

До похода командира Штырова наши подводники пытались несколько раз пройти этим путём, но их каждый раз вычисляли, заставляли всплыть, ставили в так называемый конверт и с позором возвращали на нашу базу. А Штыров-старший сумел вырваться из этого подводного плена и прийти на базу.

Однако перед этим наши разведчики перехватили сообщение о том, что американскими военными кораблями потоплена советская подводная лодка. Поводом послужило масляное пятно на поверхности воды. Глубинными бомбами разорвало внешний корпус лодки, где хранилось горючее. И вдруг израненная подлодка, с разорванным внешним бортом, возвращается домой, хотя там уже друзья помянули экипаж в ресторане, а жены думали, что их близкие погибли.

Так вот, унаследовав от сурового отца, твёрдого в действиях, с жёстким характером, многие его черты, Штыров и сам стал таким. Даже внешне было видно, что это не какой-то интеллигентный соплячок, а суровый, мужественный человек.

Не попав к Лифшицу, он стал пробиваться к его начальнику – первому вице-премьеру Чубайсу. Пробился. Чубайс заявил: зря вы беспокоитесь, что нет денег из-за непроджи алмазов, что в Якутии могут погибнуть люди. Ничего, какая-то часть погибнет, на то и есть рынок. Тем не менее, в конце концов, Штыров добился нужного для страны дела: Торговое соглашение было заключено. И теперь компания могла работать спокойнее.

Но работать ей не давали. Взгляды мафии обратились на “АЛРОСУ”, потому что запасы алмазов в Гохране совсем подошли к концу. Хотя их, как мы помним, эксперты насчитывали на 13 миллиардов долларов. Это было сопоставимо с объёмом так называемых “стоков”, то есть запасов “Де Бирс”. Буквально через несколько лет там оставалось уже то, что называется индийский товар – мелкие неходовые алмазы.

А Гохран пустел, потому что мафия обнаглела совсем. Некий Козленок, с помощью, как потом говорилось на суде, Бычкова, создал в Лос-Анджелесе фирму “Голден АДА”. Туда из Гохрана самолётами, в сопровождении правительственной фельдсвязи, были вывезены тонны золотых монет, огромное количество алмазов, бриллиантов и других российских ценностей. Вывезли по специально заниженным оценкам на 180 миллионов долларов, хотя специалисты считают, что подлинная стоимость минимум в три раза больше. Ведь наилучшие алмазы в Гохране отбирали в воскресенье, что запрещено инструкциями. Отбирали так, чтобы никто не видел и не мешал. На вывезенные из России драгоценности Андрей Козленок и его поделники братья Давид и Ашот Шегеряны, которые до создания “бриллиантовой фирмы” красили бордюры в Лос-Анджелесе, купили дорогие особняки, первоклассные машины, яхты и даже реактивный самолёт.

В ходе того же расследования Андрей Козленок говорил, что председатель Роскомдрагмета Евгений Бычков был одним из директоров этой воровской фирмы.

Сейчас уже второй раз показали фильм по НТВ “Как ограбить Россию. Золотой Козленок”. Я считаю, что этот фильм сделан плохо, в традиционном стиле НТВ-шников, которые всякую проблему сводят к винегрету из действующих

лиц и их обрывочных высказываний. Причём в роли комментаторов выступают те, кто и близко этой проблемы не знал — только прочитал или в моей книге “Дуэль алмазных резидентов”, или в некоторых журналах того времени.

В общем и целом, историю с Козленком можно охарактеризовать словами: вор у вора дубинку украл. А НТВ-шники в своём фильме сделали все, чтобы оправдать Бычкова. Дескать, бедненький, доверчивый Бычков поверил этому проходимцу Козленку, который наобещал ему великие блага, огромные кредиты из Америки. Причём из фильма можно сделать вывод, что Козленок сам по себе вошёл в Гохран — что абсолютно невозможно без участия руководства хранилища и страны, — набрал там бриллиантов, алмазов, золота и самостоятельно вывез в США. Ибо задачей их было — оправдать Бычкова и российско-зарубежную алмазную мафию. В Гохран нельзя было зайти без разрешения председателя правительства. Даже министр финансов, а тогда им был Борис Фёдоров, не имел права открывать Гохран. Значит, или было распоряжение Черномырдина, или ворьё всё открыло самостоятельно.

Американские правоохранительные органы заинтересовались, что это за фирма, для которой из России прилетают самолёты, полные бриллиантов и алмазов. Причём в сопровождении российских официальных лиц. Подключилось ФБР. Козленок запрыгал, стал уходить.

Но тут и наши заволновались. Причём на допросах, как я уже говорил, Козленок, со ссылкой на документы, заявлял, что Бычков в этой “Голден АДА” был директором от России. Председатель Роскомдрагмета не скрывал, что бывал у Козленка в его дворце в Бельгии, что прилетал в Сан-Франциско для встреч со своим подельником. И даже в этом фильме, где следователь по особо важным делам Руслан Тамаев, который вёл дело Козленка и не мог раньше многого рассказать, поскольку был на службе, уйдя с неё, заявил: теперь я свободен, я могу говорить; ко мне Бычков подослал человека, который предложил баснословные условия, чтобы я не раскручивал это дело. Это значит, что Бычков и был главным, кто позволил вывезти из России огромные ценности.

А когда Торговое соглашение было подписано и, казалось, что компании уже никто не помешает выполнять обязательства, “АЛРОСА” отправила “Де Бирсу” посылки с алмазами в рамках соглашения. Однако их внезапно задержали на таможне по требованию Роскомдрагмета. Якобы компания оценила вывозимые алмазы по заниженной цене. Значит, нужен был пересчёт всего содержимого партий, сравнение преискурантов, действующих цен и так далее. Работа предстояла долгая. А это наносило сильный удар по финансово-экономическому состоянию компании. Ведь 50-тысячный коллектив ждал зарплат, республиканский и федеральный бюджеты — налогов, строители и монтажники предприятий, возводимых в суровых условиях Севера, — нового оборудования. Всё это могли дать добытые с огромным трудом из вечной мерзлоты алмазы. Но они вместо Лондона лежали в Москве на таможне, где их несколько месяцев неторопливо перебирали разные специалисты. Когда, наконец, задать уж было неумоготу, Штыров заявил: “Если в Роскомдрагмете считают, что мы оценили их дешевле, чем положено, то пусть покупают их по этой цене”. И буквально на следующий день оценку компании признали правильной. Алмазы, согласно договору, пошли “Де Бирсу”.

Компанию травили не только такими действиями. Не было дня, чтобы в газетах и журналах не появилась какая-нибудь порочащая “АЛРОСА” публикация. Купленные журналисты, особенно в этом смысле отличались “Известия” — вот где были наглые публикации, в которых всё переворачивалось с ног на голову! — да и в других тоже этого хватало, писали, что компания нищая, что она много должна зарубежным банкам, что она может быть банкротом, что люди там не хотят работать. То есть всё, что только можно было придумать.

До появления Штырова в компании заседания правления, наблюдательного совета проходили довольно хаотично. Какого-то чёткого и жёсткого графика не существовало. Новый президент сразу установил твёрдый порядок, в том числе поручил проводить эти заседания именно в республике, где добываются алмазы. Однажды, когда руководство компании было в Якутии, вдруг по НТВ начинается передача, где Евгений Киселёв (был такой, сейчас он, по-моему, на Украине воюет с Россией) с подачи министра финансов Лифшица объявил, что против компании “АЛРОСА” возбуждено уголовное дело за неуплату налогов, что она жульничает, что это жуткое преступление и её президента скоро выгонят. Всё это было заявлено по НТВ на всю страну.

Вскоре выяснилось: сказанное министром финансов и Киселёвым – клевета. Очень быстро алмазники доказали свою правоту. Но Лифшиц даже не извинился перед многотысячным коллективом. Ведь задача стояла сменить руководство компании и захватить “АЛРОСУ”.

Человек, который видит дальше завтра

С распадом Советского Союза развалилась и геологическая отрасль во всех республиках. Не была исключением и Россия. В Якутии геологи старались выжить, кто как мог, в том числе продавая сведения о перспективных районах месторождений. Штыров, который всё время говорил, что мы должны смотреть на годы вперёд, настоял включить геологов в состав компании, с теми же льготами, какие были у горняков алмазодобычи. Не все были согласны с этим. Даже некоторые ближайшие члены команды говорили: “У нас денег не хватает на зарплату своим, а Вы ещё хотите взять на шею компании геологов”. Он убеждал: геологи нам дадут будущее.

Однажды приехал в геологическую экспедицию. Она работала на существующих месторождениях. Изучали борта, то есть боковые части карьеров, смотрели, куда ещё можно двигаться. Но это было между делом. А серьёзной работы, больших поисков не осуществлялось. Штыров начал выступать. А геологи – публика своеобразная. Смотрели на него с иронией: вот новый президент впервые приехал, мы на него посмотрим сейчас. Когда он стал говорить, что нужно искать, что вы засиделись в кабинетах, в тёплых домах и квартирах, нужно в “поле” идти, некоторые иронически заулыбались. Однако, едва президент заговорил на знакомом им языке, люди обратились в слух. Он говорил, что наша республика, как вы, наверное, знаете, в геологическом отношении имеет сходство с Южной Африкой. Это значит, что у нас ещё могут быть большие открытия. И заявил: кто найдёт крупное месторождение, тому будет большая, даже, можно сказать, огромная премия. Как показало время, года через два начались открытия. И компания уже обеспечивала себе фронт работ на долгое время вперёд.

Но денег действительно не хватало, ибо одновременно Штыров настаивал на изменении способов добычи. Сейчас, как известно, алмазы добываются в карьерах открытым способом. Но проходят годы, десятилетия, и карьеры разрастаются. Скажем, карьер “Мир” стал уже настолько большим и глубоким, что над ним запрещено летать вертолётам – их может затянуть туда. Этот карьер виден из космоса. Он подошёл почти к самым домам города Мирного. Надо делать подземный рудник.

На трубке “Удачной” богатый карьер был ещё доступным для отработки. Но и там в перспективе надо было строить рудник, потому что алмазы уходили далеко вглубь.

Вместе с тем начиналось строительство горно-обогачительного комбината на трубке “Юбилейной”. На всё это нужны были деньги. И Штыров не раз обращался к коллективу с просьбой подождать, не требовать полных выплат зарплат, чтобы построить все нужные объекты. Он говорил: если мы это не создадим, то вы не будете иметь работы в будущем. Были составлены графики погашения задолженности. Ситуация стала выправляться. И всюду начал строиться “Юбилейный” ГОК. Его построили. Пригласили гостей, в том числе Председателя Совета Федерации Егора Семёновича Строева. Этот самый северный в мире горно-обогачительный комбинат за Полярным кругом обошёлся компании в миллиард долларов. Причём за собственные средства. Если “Де Бирс” и, например, австралийская Аргайл строили такие крупные объекты за счёт кредитов, то тут пришлось изыскивать внутренние возможности. В том числе за счёт задержки зарплат рабочим, ибо российские банкиры были подключены к борьбе за уничтожение “АЛРОСЫ”, ради интересов международной алмазно-бриллиантовой мафии.

На мой взгляд, есть два главных типа руководителей. Один из них берёт всё на себя, не опираясь на подобранных им специалистов, не доверяя им, задыхается, как говорится, вылезает из жил, надрывается, и результаты получаются средненькие. Другой – тоже берёт много на себя, но при этом распределяет усилия на подобранных людей, на команду единомышленников. Проверяет их спросом, порой жёсткой требовательностью, ободряет поддержкой, аккумулирует их предложения, но главным двигателем идей, стратегических планов является сам.

Именно такой руководитель Штыров. В решении огромного количества проблем, в масштабных преобразованиях закопёрщиком, как правило, был он. Но и самые ответственные направления вели вице-президенты: Зельберг, Демьянов, Матвеев, Пискунов, руководители важнейших служб и подразделений. Все вместе они занимались не только производством. Так, например, инициатором создания первого в России трудового кодекса стал Штыров. Однако детально разрабатывал его, наполняя невиданный для новой России документ нужными идеями и понятиями, Семён Ильич Зельберг. Суть кодекса сводилась к тому, что оплата осуществлялась в зависимости от успехов каждого трудового подразделения и каждого человека. Люди восприняли это довольно хорошо.

Другой факт. Вице-президент Иван Кириллович Демьянов высказал предложение ввести в компании ведомственные награды. Входящие в правление либералы от московского правительства подняли его на смех. “Он скоро предложит ввести красные штаны для поощрения”. Но президент Штыров решительно поддержал идею Демьянова. Работали упорно, подбирая наилучшие варианты, чтобы награды действительно выглядели достойно. А поскольку к ним добавлялась приличная сумма денег, звание заслуженных работников компании стали цениться очень высоко. Всё это привлекало и вдохновляло людей: они старались работать лучше.

Чтобы люди видели более надёжное будущее, команда Штырова, разумеется, при его личном участии, образовала негосударственный пенсионный фонд “Алмазная осень”. В него большие средства отчисляла “АЛРОСА”, и старость будущих пенсионеров обеспечивалась значительными деньгами.

Когда Штыров пришёл в компанию, она, можно сказать, лежала на боку. Бывший генеральный директор “Якуталмаза” Валерий Владимирович Рудаков, ставший первым президентом созданной компании, не выдержал натиска правительственно-алмазной мафии и ушёл, заявив: “С этой бандой справиться не могу!” Поставили другого президента – учёного, много знающего, но человека с характером не боевым, не жёстким. И только когда пришёл Штыров, оказалось, что вот это тот, кто нужен. За несколько лет из погибающей компании, которую вот-вот могли придавить, “АЛРОСА” стала процветающим предприятием.

Она, по задумке Штырова, что нельзя сидеть только в Якутии, включилась в добычу алмазов в Анголе, где, несмотря на военные действия и другие трудности, строили горно-обогатительный комбинат и начали добывать драгоценные камни. Правда, как говорил мне Вячеслав Анатольевич, тогдашний российский министр природных ресурсов сделал всё, чтобы не “АЛРОСА” получала выгоду от вложений, а израильский диамантер Лев Леваев.

Наряду с производственными делами компания продолжала развивать социальную сферу. Был построен прекрасный санаторий “Голубая волна” в Геленджике. В Якутии и в других местах создавались лечебницы для рабочих, строились лагеря отдыха для детей. Она развивалась на всех направлениях – и в производственном, и в экономическом, и в социальном, и в бытовом. После наводнения в Ленске стали строить жильё в городах России, в том числе в Орле, для переселения туда людей из Ленска.

Кстати говоря, наводнение в Ленске было просто жутким. Штыров уехал туда. И всё время, месяца три, по-моему, работал там как прораб. В конце концов, это была его первая основная специальность. Он окончил во Владивостоке политехнический институт по специальности инженер-строитель. Когда ещё работал на стройках алмазодобывающей отрасли, проявил себя как человек энергичный, думающий и всё время ищущий возможности работать эффективно. Именно эти качества помогли ему, собранной им команде и многотысячному коллективу превратить падающую в своё время “АЛРОСУ” в мощную, процветающую компанию мирового уровня.

Поэтому не удивительно, что, когда началась подготовка к выборам президента Республики Саха (Якутия), Штырова попросили выдвинуть свою кандидатуру. Он сначала заколебался, не очень хотел. Потом подумал и согласился.

От главы компании до главы республики

Выборы шли тяжело, ибо за власть в валютном цехе страны, а именно так в советское время называли Якутию, где добывались алмазы, много золота, серебра, включились московские олигархи. Выдвинули своих ставленников.

Якутия – самая большая по территории республика Российской Федерации. Она, я думаю, займёт половину Европы. К тому же очень богатая. Однако проблем в ней хватало.

Став президентом, Штыров начал так организовывать работу, что каждый человек знал: его спросят, отчёт его будут заслушивать. Забегая чуть-чуть вперёд, скажу, что в 2010 году по инициативе президента в республике разработали схему развития производительных сил до 2020 года. Эта схема оказалась настолько хорошо продуманной и так подготовленной, что правительство России одобрило её и рекомендовало другим регионам к изучению и применению.

Чем только не занимался Вячеслав Анатольевич в эти годы! Снос ветхого жилья, которого в Якутии было огромное количество. Вместо него в Якутске стали появляться кварталы современных многоэтажных домов. Строительство культурных объектов – театра, здания цирка. Большое внимание он уделял развитию якутской культуры и созданию памятников истории освоенного края.

Но были у него и главные задумки. Всё, о чём я раньше сказал, тоже было важным. Однако имелось ещё не менее главное. Это строительство железной дороги. Как он говорил: “Страна без дорог – чужая земля”. В Якутии единственным путём для обеспечения посёлков и городов за Полярным кругом была река Лена и её притоки. Во время так называемого северного завоза корабли развозили то, что в течение года накапливалось на складах. Когда наступали маловодные годы, приходила беда, то есть трудно было обеспечить людей всем необходимым для жизни в этих населённых пунктах. А это сотни тысяч тонн солиanky, продуктов, предметов первой необходимости и так далее.

И Штыров берётся за продолжение советского проекта – строительство дороги от БАМа к Якутску. Он подключал и федеральные структуры, находил деньги в республике. Например, когда федеральное правительство объявило, что нужно приватизировать “Якутуголь”, большую компанию, Штыров сначала воспротивился, а потом вынужден был согласиться. Только заявил, деньги от продажи “Якутугля” должны пойти в республиканский бюджет. Московские чиновники не возражали. По их расчётам, за компанию могли заплатить не более 150 миллионов долларов. Знали бы они, за сколько Штыров её продаст, ни за что бы не согласились. В бюджет республики пришли два с половиной миллиарда долларов. Часть этих денег пошла на строительство железной дороги.

Штыров привлёк в республику газовиков и нефтяников. Началось строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Дальний Восток. И здесь произошла такая история. Проектировщики, работающие по заказу “Транснефти”, проложили трассу прямо рядом с озером Байкал. Лишь чуть-чуть севернее его. Когда Штыров увидел это, он обеспокоился и возмутился. Разве можно в сейсмоопасной зоне строить нефтепровод, который мог привести к экологической катастрофе всемирного масштаба? Ведь Байкал – уникальное озеро на планете.

И Вячеслав Анатольевич начал борьбу за создание другого проекта. Он подключил тогдашнего министра обороны Сергея Иванова, говорил с президентом Путиным, объяснял ему, к чему это может привести. И надо сказать, Путин поддержал его. Нефтепровод был перенесён на 600 километров выше. И, что немаловажно, проходил по самим месторождениям. Раньше, по прежнему проекту, надо было от них тянуть нитки к нефтепроводу вниз, на юг.

Рассказывать обо всём этом можно много. Скажу, что один мой роман “Дуэль алмазных резидентов” в первом издании занимает почти 800 страниц. Но должен заметить, что, на мой взгляд, Штыров совершил одну, наверное, из немногих, но очень важную ошибку в своей жизни: он, переназначенный Путиным на второй срок президентом Якутии, отработал два года и заявил о добровольном уходе в отставку. После этого стал сенатором в Совете Федерации, где часто выступал с критическими заявлениями, замечаниями по поводу проблем Якутии и Дальнего Востока в целом.

“Достаньте ручку, Аркадий Владимирович!”

Особенно его волновало железнодорожное строительство. Огромная республика, как известно, имеет слабо развитую транспортную сеть. Река Лена “работает” в лучшем случае четыре месяца в году. Автомобильными дорогами

связана незначительная часть населённых пунктов Якутии. Надёжнее всего может быть железная дорога, которая не зависит от прихотей погоды.

И её начали строить от БАМА до Якутска. Однако то, что в Китае делается за три-четыре года, здесь растянулось на двадцать лет. Причём, когда осталось достроить небольшой участок дороги, все работы наглухо прекратились. А ведь тогдашний президент России Дмитрий Медведев клялся жителям республики в ближайшее время закончить важнейшую стройку. Однако дело замерло ещё на семь лет.

И заместитель председателя Совета Федерации Штыров начал активно “бомбить” правительство. Он требовал ответа, когда будут, наконец, выделены деньги на окончание Амуро-Якутской магистрали, от приглашённого в палату регионов министра финансов Антона Силуанова. Затем спросил вице-премьера правительства Аркадия Дворковича, тоже приехавшего к сенаторам на Большую Дмитровку, знает ли тот, сколько железных дорог строится сейчас в России? Дворкович начал называть железнодорожные обводки, подходы и другие мелкие стройки. На что Вячеслав Анатольевич заявил: “Достаньте ручку, Аркадий Владимирович, и запишите, что кроме этих обходов, подходов и прочих заходов, в Российской Федерации строится Амуро-Якутская железнодорожная магистраль. По ней выпущено два постановления правительства. Она должна была быть введена в 2013 году. Сейчас 2017 год, она не введена. На неё истрачено 47 миллиардов рублей, требуется ещё 2 миллиарда. Это как понимать? Почти 50 миллиардов “заморозили” и уже забыли, что она строится”.

Такая требовательность к правительству, а Штыров высказывал её не раз: по организации экономики, по кадровой политике, по другим стратегическим проблемам — сильно раздражала министров, вице-премьеров, администрацию президента. Выражение: “Достаньте, Аркадий, ручку...” стало насмешливым лозунгом для правительства, где оказались разного рода случайные люди. Они жужжали в уши главным властителям страны о “непочтительном поведении Штырова”.

А он как будто не замечал этого. Критиковал подписанное в 2010 году соглашение с Норвегией о передаче ей огромной акватории Баренцева моря с большими рыбными запасами, с ресурсами шельфа, предлагал занять более твёрдую позицию для отстаивания экономических интересов России в этом регионе. Публично настаивал на смене экономической политики Российской Федерации, критиковал сложившееся государственное управление, активно предлагал продолжить строительство железной дороги через Якутию до Магадана. Всё это сильно не нравилось кадрам с политической близорукостью.

Накануне очередного формирования руководства палаты никто не сомневался в том, что Штыров снова будет заместителем председателя Совета Федерации. Поздно вечером ему об этом с уверенностью сказали. А утром на пленарном заседании Валентина Матвиенко, стараясь не глядеть на Штырова, едва сохраняя выдержку, назвала другую фамилию.

Сейчас Вячеслав Анатольевич является государственным советником Республики Саха (Якутия). Я не думаю, что на этом карьере Штырова может закончиться, вернее, я не хочу так думать. Что человек такого масштаба, таких мыслительных возможностей, я уже не говорю о личных его качествах — феноменальная память, начитанность, многознание в разных отраслях, — что этот человек останется невостребованным в довольно больной России.

Недавно произошёл такой случай. В Якутию прилетела группа руководителей транснациональной золотодобывающей компании “Полюс”. Провели собрание директоров и попросились порыбачить на знаменитой Лене. За завтраком стали знакомиться с местными рыболовами, спрашивать, кто есть кто. В середине разговора встал энергичный, средних лет якут. Представился: бывший помощник Штырова. Один из директоров, американец, вдруг воскликнул: “Штыров! О, Штыров!” Отодвинул сидящего рядом переводчика, замахал руками, приглашая якута сесть рядом.

Пока тот шёл к нему, американец вдохновенно говорил, а переводчик едва успевал переводить: “Раньше я работал в руководстве “Де Бирс”. Надо ли вам говорить о могуществе этой корпорации? Мы влияли на политику целых государств и даже меняли её. Без труда поворачивали работу нужных компаний в нашу сторону. Но подчинить компанию “АЛРОСА” не смогли. Там был

Штыров – стальной человек. Идите, идите сюда! Расскажите, где он сейчас, этот негибаемый Штыров?”

Как современная Россия 30 лет живёт на том, что оставил ей Советский Союз, так и поднятая до транснационального могущества “АЛРОСА” 20 лет обогащает страну, несмотря на попытки последовавших за Штыровым руководителей то украсть у неё средства, то распродать так называемые “непрофильные активы”. От великолепного санатория “Голубая волна” в Геленджике, где отдыхали и лечились тысячи алмазодобытчиков, не осталось ни камня, ни дерева, не говоря уж о такой диковинке, как павлины.

Американскому президенту Джону Кеннеди приписывают выражение, истоки которого прослеживаются ещё в древности: “У победы – тысяча отцов. И только поражение – всегда сирота”. Сегодня к созданию и расцвету компании “АЛРОСА” причисляют себя всё больше и больше людей. И только у её бед родителей нету.

Глава 12

Смена эпох и сопротивление материала

После государственного переворота, совершённого Ельциным в октябре 1993 года, когда была ликвидирована по всей стране демократическая власть Советов, президентские сатрапы кинулись прибирать к рукам всё, что Советам принадлежало. А это было немало: санатории и дома отдыха, транспортные организации, издательства, газеты и журналы. Например, “Российская газета”, которая была газетой Советов, стала теперь правительственной.

Я ещё работал в “Известиях”, когда ко мне пришёл посланец главного редактора журнала “Народный депутат” Михаила Ивановича Пискотина и предложил перейти в журнал на должность заместителя главного редактора. Я, конечно, посмеялся и отказался. Живую, боевую газету с огромным тиражом, с большим влиянием, с нормальным языком её публикаций сменять на заскорузлый, шершавый, как старый валенок, язык этого журнала. Ну, знаете ли... Я бы даже и главным редактором не захотел там быть.

Когда “Российскую газету” захватило ельцинское правительство, главным редактором, вместо выведенного автоматчиками Валентина Логунова – сильного журналиста, человека Верховного Совета – поставили безвестную дамочку, руководившую каким-то изданием типа “Блокнота агитатора”. Я об этом уже говорил. Она заявила, что журналистской должности мне в газете нет. В ответ я сообщил ей, что работать с ней не собирался. И ушёл.

Встал вопрос, где работать? Я не особенно переживал, поскольку началась уже борьба против этой паскудной власти. А я считал, что нужно участвовать в ней. Однажды на улице встретил своего бывшего коллегу по “Известиям” Руслана Лынёва. Он сказал, что работает в журнале “Российская Федерация” (раньше он назывался “Народный депутат”), что там есть известицы, вообще приходи туда работать, будем его менять. В ноябре 1993 года я пришёл в этот журнал. Главным редактором там был Михаил Иванович Пискотин, доктор юридических наук, учёный. Он писал такие статьи, что их можно было читать только юристам. Заместителем редактора был какой-то мужик, который вскоре ушёл. И его место занял Юра Хренов, тот самый Хренов, который до меня работал в “Известиях” с Юрием Васильевичем Феофановым, будучи его заместителем. Потом он ушёл в журнал, а я, приехав из Казахстана, встал на его место.

Журнал этот я, конечно, воспринимал с зубным скрежетом. Говорил, что работать в нём и читать его надо с пистолетом у виска. Люди там были, может быть, сами по себе и неплохие, но как они писали! Это была тоска дремучая. Тусклый язык. Никакого полёта мысли, ни стили, ни яркости изложения.

А потом случилась такая штука. Я начал работать, втягиваться потихоньку, стал писать в своём стиле. Начал курировать Совет Федерации – верхнюю палату нашего парламента.

Первую Государственную Думу возглавил Иван Петрович Рыбкин, сталинградец. Однажды я встретился с ним. Поговорили. Он сказал мне: “Вы можете быть главным редактором этого журнала”. Сказать честно, мне не очень хотелось связываться с этим заскорузлым изданием. Пришёл в редакцию. Рассказал Хренову, какой разговор был с Рыбкиным. Говорю: “Юра,

если меня сделают главным редактором, заместителем будешь ты. Если тебя, заместителем буду я”. Надо было видеть лицо Хренова. Он почернел, закаменел. И я подумал: да, вот это я совершил ошибку. Человек давно рвался к власти, уже почти получил её, а тут кто-то хочет отнять.

Юра был высокий, плечистый, видный мужчина. Надеин про него говорил: “Это тот, который длинный такой, глупый?” Как оказалось, Юрка далеко не глупый человек был. Он ничего мне не ответил на мои предложения, но вскоре началась возня. Стал по одному обрабатывать сотрудников журнала, а народу было прилично: человек двадцать, и плести против меня паутину. Мне было до лампочки: я не хотел быть ни замом, ни главным. Для меня важно было писать. Но, конечно, чтобы при этом иметь издание, которое уважаешь и которое уважают люди.

Через некоторое время Пискотин ушёл, и главным редактором стал Хренов. Это то, к чему он стремился все последние годы. И вообще он всё время тянулся к власти, рвался к ней.

Потихоньку, понемногу стал меняться кадровый состав журнала. Бывший сотрудник “Правды” Александр Николаевич Платошкин, который уже работал в журнале, встретил Черняка, заместителя главного редактора “Правды”, и пригласил его в наш журнал. Причём Платошкин сначала работал в пресс-службе Государственной Думы. Ему сказал руководитель пресс-службы Виктор Черёмухин, что вот в этот журнал новый главный редактор Хренов набирает кадры. Платошкин пришёл. И, как я сказал, потом он привёл Черняка на должность заместителя главного редактора журнала.

Там работал уже, как я говорил, Руслан Александрович Лынёв, наш известинец. И я из “Известий”. Через некоторое время пришёл на должность ответственного секретаря Николай Иванович Ефимов, бывший главный редактор “Известий”, экс-министр по делам печати. Вот так коллектив стал обновляться. Хотя журнал ещё был далёк от того, чего хотелось бы. Тем не менее позиции его стали ясно проявляться как антиельцинские. Это было нам нетрудно делать, хотя, надо сказать, журнал считался журналом Правительства Российской Федерации. И название у него теперь было не “Народный депутат”, а “Российская Федерация”.

Показывать гнусность ельцинской власти было не так и трудно. Первый состав Совета Федерации был избран ещё на демократической основе. В него вошли люди, критически относящиеся к ельцинизму. Причём большое число членов Совета Федерации были руководители регионов: губернаторы и председатели законодательных собраний. Кроме того, некоторые избирались как депутаты от народа. И мы стали показывать, что происходит в стране.

Юрий Хренов, всё ещё не забыв вроде бы мою попытку стать заместителем главного, хотя я ему говорил, что мне это не нужно, продолжал относиться ко мне настороженно. И хотя я был редактором ведущего отдела, Хренов боялся вводить меня в состав редколлегии. Прошло немало времени, прежде чем он понял, что я не из тех, кто держит камень за пазухой.

Тем не менее я коллегам говорил: “Наше счастье, что нас не читают руководители правительства и в администрации Ельцина. Прочитают – сразу закроют”.

Первое поражение Чубайса

Вскоре мои слова стали сбываться. Через какое-то время Хренова вызывает Чубайс – он был тогда первый вице-премьер правительства. Говорит: “Вы издаёте антиправительственный, антипрезидентский журнал. Пишите заявление об увольнении по собственному желанию”. И тут я впервые увидел Хренова как борца не только за свою власть. Он сказал: “Я писать заявление не буду. Если вы считаете нужным меня снимать, снимайте, но я поставлю в известность коллектив”. Он пришёл, собрал всех нас, рассказал. Я в это время, как уже было сказано, руководил отделом по работе Совета Федерации. Высказал идею: а не попробовать ли нам снова вернуться под крыло парламента? По-моему, такую же мысль высказал и Черняк. Все дружно согласились.

Я пришёл в Совет Федерации, где у меня было много знакомых сенаторов. Из них подавляющее большинство были в оппозиции к ельцинскому режиму. Не зря их называли: губернаторы и законодатели “красного пояса”. К нему относилась Центральная часть России, Урал, Сибирь.

У меня были хорошие отношения с председателем Заксобрания Новосибирской области Анатолием Павловичем Сычёвым. Я делал интервью с ним, давал его замечания о политике страны. Я знал его позицию. Говорю ему: Чубайс собирается нас закрыть, а мы хотели бы вернуться в парламентское лонно, поскольку у парламента нет своего журнала. Он отвечает: правильно. А что надо сделать? Говорю: Вы должны выступить на пленарном заседании и обратиться к Строеву, чтобы он сказал об этом Ельцину. Чтобы было легче, я Вам напишу. И я ему написал короткое выступление. Он с ним выступил. Кроме того, я переговорил на ту же тему с Александром Александровичем Суриковым, губернатором Алтайского края – тоже красный губернатор был; с Любимовым Вячеславом Николаевичем, губернатором Рязанской области. Они также выступили с обращениями к Е. С. Строеву.

Одновременно Александр Викентьевич Черняк встретился с новым председателем Государственной Думы, бывшим главным редактором “Правды”, Геннадием Николаевичем Селезнёвым. Тот тоже обратился к Ельцину. И к большому неудовольствию Чубайса, просто к ярости его, было принято решение сделать учредителями журнала Совет Федерации и Госдуму.

Но Чубайс ещё надеялся, что он это дело затормозит. Он сказал: “Мы не отдадим вам название “Российская Федерация”. Но мы и тут обошли Чубайса. Решили приписать к названию маленькими буквами слово “сегодня”. Так появился журнал “Российская Федерация сегодня”.

Однако он был ещё по-прежнему деревянно-жёванный. Хренов, став после Пискотина во главе издания, был, можно сказать, ещё в детских пелёнках как редактор. Он же никогда не руководил ничем, ничего не вёл. А тут надо было менять многое. И это зависело, прежде всего, от кадров.

Я сейчас, готовя эту часть, переговорил с некоторыми моими тогдашними коллегами, как они воспринимали этот журнал.

Александр Викентьевич Черняк был заместителем главного редактора “Правды”. Он боготворил и боготворит главного редактора Виктора Григорьевича Афанасьева. Кстати говоря, я о нём упоминал в одной из глав, когда он тоже принял участие в моей судьбе. Но в “Правде” начали создаваться уже разные редакции, и Черняк ушёл к нам.

Я его спросил сейчас: “Как твоё было первое впечатление?” – Он говорит: “У меня было впечатление, что я попал на другую планету”. – “Как это?” – “Представляешь, ты – после “Известий”, я – после “Правды”, газеты могучие, с огромными тиражами, естественно, с нормальным языком, со стилем, с проблемами. И вдруг эта затхлая бумажная тряпка какая-то”.

Черняк появился в журнале в конце 1995 года. Потом пришёл Николай Иванович Ефимов. О нём я уже не раз говорил. Более или менее подробно написал о нём в романе “Крик совы перед концом сезона” как о человеке хорошо, деликатном, культурном, вежливом, но слабохарактерном. Может быть, в другой обстановке он проявлял характер, но в этих волчьих схватках не смог удержать редакцию. Перед концом Союза он был министром по делам печати. А когда развалился Союз и всё кругом советское рухнуло, Николай Иванович пошёл работать в какую-то частную газету, название которой он сейчас даже не помнит. Оттуда перешёл в получастный журнал. Из того журнала пришёл к нам, немного поработал и ушел в “Независимую газету” к Третьякову. Говорит: мне нужно было заработать денег на квартиру. Проработав в “Независимой газете”, Николай Иванович снова вернулся к нам.

Я его спросил: “Что Вы запомнили о том журнале?”

Н. И. Ефимов: “Это была тихая заводь. Тихо жили. Не спорили особенно. Второе впечатление такое: не было сильных авторов, имён, которые бы привлекали к себе, знающих специалистов, тех, что могли бы депутатов поучить уму-разуму. Что касается “тихой заводи”, моё мнение было такое: нужны были разные точки зрения, споры, дискуссии. А второе – имена. Я привлёк сразу Юлия Квицинского, который потом стал, кстати, депутатом Госдумы. Он был послом в ФРГ, послом в Норвегии, а главное – был одним из важных переговорщиков по ядерному разоружению с американцами.

Дальше привлекли Георгия Марковича Корниенко. Он американист от Бога, был заместителем министра иностранных дел Советского Союза Громыко. Американцы жаловались на него Горбачёву, что с ним трудно вести переговоры. Конечно, трудно. Он защищал свои национальные интересы, не уступал. Горбачёв решил, что раз американцам трудно с ним вести переговоры, его нужно убрать из МИДа.

Георгий Маркович жил на Малой Бронной. Я к нему ходил домой. Пили кофе, обсуждали очередную тему. Писал, как бог. Он у нас раз шесть-семь выступал на очень актуальные темы.

Затем привлёк Анатолия Громыко. Это сын, кстати, Андрея Андреевича Громыко. Он был директором Института Африки Академии наук. Тоже пишущий человек. Знал Африку, международную проблематику хорошо.

Привлекли, и я считаю это своей заслугой, Павла Владимировича Бахара. Он написал потрясающий материал. Я не помню сейчас объём, то ли четыре полосы в журнале, но минимум три. Очень большая. Хренов сначала не хотел печатать её. Потом согласился. В результате мы первые сказали, что такое информационная война, что она уже наступает и что нужно предпринимать. Это было потрясающе. Он по полочкам разложил, что такое информационная “бомба”, информационный заряд и тому подобное. Когда мы напечатали, нам позвонили из ФСБ и сказали: ребята, вы продолжайте, это очень важная тема. У нас её никто не понимает. Даже наверху. Её надо развивать. Это был год, по-моему, 1996-й.

Мне удалось привлечь Ржешевского. Олег Александрович Ржешевский, его нет уже в живых, был вице-президентом международной ассоциации историков Второй мировой войны и председателем нашей российской ассоциации. С его помощью мы и других историков привлекали. Но он и сам у нас выступал не раз.

Привлекли Гореева, генерала армии, президента Военной академии. Мужик он был очень смелый и отчаянный, хорошо писал. От Анатолия Фёдоровича Добрынина я получил рукопись его будущей книги. Я сделал из неё три куска, в трёх номерах мы напечатали потрясающие вещи из этой книги”.

Николай Иванович Ефимов стал заместителем главного редактора, ответственным секретарём. Так что “правящая верхушка” уже как бы сформировалась.

У нас не было непишущих ни вверху, ни внизу. Каждый приносил пользу журналу. Каждый искал важных, нужных авторов. Привлекал интересных, масштабных авторов и Александр Викентьевич Черняк. Например, громко аукнулась на разных этажах власти, да и у читателей вообще его беседа с Валентином Фалиным под заголовком “Немыслимая”. Именно так назывался план Соединённых Штатов Америки о начале войны с нашей страной после победы Советского Союза над Германией. И Фалин подробно рассказывал детали этой немыслимой затеи. Он первый об этом сказал, а потом стали в других изданиях повторять.

Черняк много сам писал на темы разграбления российских богатств – леса, золота. С самого начала он курировал тему Союзного государства. И до конца, сколько работал, он столько писал об этом. Мы тоже выезжали в Белоруссию, и я в том числе, писали о союзном государстве. Но отвечал за это направление Александр Викентьевич.

Второе нашествие на журнал

Мы начали потихоньку выправлять журнал не только в сторону представительства разных фракций, но и более жёсткой критики власти. До нас доходили сведения, что власть всё чаще высказывала недовольство линией и политикой журнала. Да и в руководстве палат хмурились, читая некоторые наши публикации. Постепенно журнал становился, скажем так, боевым. Мы делали его таким, что не стыдно было брать в руки. К нам приходили и выступали в нашем журнале послы разных стран, дипломаты разных уровней. В какой журнал они придут? В какое издание? Ясно, что приходили, зная, что это парламентское издание, здесь их мысли, их информация будет доступна для тех, кто принимает решения. У нас выступало много крупных учёных. Причём таких, которых в другие издания не могли заманить, а к нам они шли сами.

Ельцинскую власть не за что было любить. Её можно было только, мягко говоря, не любить, а если правильнее – ненавидеть. И поэтому мы давали соответствующие материалы, что вызывало, кстати говоря, некоторую неприязнь в палатах. Егор Семёнович Строев, этот мудрый, дальновидный политик, в связи с очередной реорганизацией палаты и новым принципом её формирования вынужден был уйти.

Во главе Совета Федерации встал Сергей Михайлович Миронов. Надо сказать, что президентская власть сделала несколько реорганизаций Совета Федерации. Ну, Госдума – по партийным спискам. Первый состав Совета Федерации – его депутаты, избирались народом. Второй состав – губернаторы и председатели законодательных собраний.

Это был самый сильный на тот момент и самостоятельный орган власти. Руководители регионов в Совете Федерации часто оспаривали предложения Ельцина. Достаточно вспомнить, что тогдашний Совет Федерации трижды отклонял просьбу Ельцина дать согласие на увольнение генерального прокурора России Юрия Скуратова, который расследовал коррупционные дела президентского окружения. И только благодаря подлой видеосъёмке, где якобы Скуратова сняли в обществе проститутки, Ельцину удалось добиться своего.

Такой некарманный орган власти не устраивал и Путина. Была проведена очередная реорганизация. Теперь в Совет Федерации пришли представители региональных руководителей. Зависимые от своих патронов, которые сами, в свою очередь, становились всё более зависимыми от Кремля, эти “сенаторы” могли в любой момент быть отозваны без объяснения причин.

Я знал случай, когда представителя губернатор убирал просто по прихоти своей, по капризу. То ли тот его плохо встретил, то ли кто-то что-то сказал о представителе. Но были случаи, когда место в Совете Федерации продавалось, и представителя, естественно, убирали. И об этом шёл всюду разговор везде, даже в газетах писали, сколько стоит место сенатора, сколько стоит место депутата в Госдуме. Такое положение, конечно, было нетерпимо.

Тем не менее над журналом опять нависла угроза. А угроза такая: надо снять главного редактора, поставить другого, и курс изменится. В далёкой перспективе так и произошло. У Хренова наступил, по-моему, пенсионный возраст. И инициатива шла от Миронова. Его подталкивали и некоторые сенаторы. Но мы подняли волну в Совете Федерации против смены главного редактора, подключились депутаты Госдумы, и Миронов оставил нас в покое. Хренов остался главным редактором. Он уже набирал опыт, стал себя показывать умелым руководителем.

Должность главного редактора – это тяжёлое дело, тяжёлый пост. Как говорит Черняк, он между молотом и наковальней. Молот – это власть, а наковальня – это трудовой коллектив. То есть и там надо быть умелым политиком, чтобы не сорваться, и внизу тоже быть уважаемым человеком. Хренов понял это дело. Правда, одна черта – занудство и бесконечность длинных речей – осталась у него навсегда. Когда заседания редколлегии вёл Лынёв, они проходили быстро.

Руслан был одарённый человек, очень способный как журналист, но крайне нервный, можно сказать, с изломанным характером. При вспышке гнева мог бросить на пол телефонный аппарат, толкнуть стул так, что он с грохотом падал, однако объяснялся коротко, без длинных речей. Хренов же как заведёт “песню слов”, хоть засыпай. Я терпеть этого не мог и всячески старался сбить его с этой монотонности.

Но это было, скажем так, один из не самых главных недостатков Хренова. Главным, конечно, было то, что он любил власть и понимал, что власть конвертируется в деньги. Кстати говоря, когда он купил какое-то приличное жильё в Турции, я ему говорю: “Юра, ты опрометчиво поступил. Турки национализуют это всё, и привет”. – “Да что ты, старик, разве это можно? Нет, там демократическая страна, там законы действуют”.

Короче говоря, второй раз мы отстояли журнал. И он становился всё более и более острым. Причём не только, скажем, по публикациям, но и по проблемам. Мне не раз говорили члены Совета Федерации: “Вячеслав Иванович, Вы пишете то, что вчера власть сказала”. – “Это вчера власть сказала о том, что мы написали два месяца назад”. То есть мы уже не раз улавливали, что наши публикации формируют мнение и позицию депутатов Госдумы и членов Совета Федерации.

Не только о проблемах

Мы первые придумали такую форму, как тема номера. Причём, очень интересно её давали. Была заглавная статья кого-то – или авторов, или нашего журналиста. Потом на эту тему рассуждали члены Совета Федерации и депутаты Госдумы. И не раз были интересные результаты и отклики.

Скажем, регулярно у нас шла тема – в других изданиях её мало касались – тема местного самоуправления. Этот разговор, думаю, интересен для определённого круга читателей. А вот то, что привлекало всех, – это другие наши задумки. Во-первых, мы писали заметки под рубрикой “Политики вне политики”. Писала Татьяна Зима. Там интересные были всякие вещи, расспрашивала она, не очень оглядываясь на авторитеты, и задавала иногда вопросы весьма и весьма острые и колкие.

Но особенно интересной стала наша задумка под названием “Неожиданный ракурс”. Всю последнюю обложку занимала фотография известного человека. Но снятого в неожиданной ситуации. Скажем, дали фото Юрия Лужкова в поварском колпаке, в фартуке, с большим половником. И две женщины-поварихи рядом с ним что-то наливают или накладывают. Причём, как всегда, около власти вертятся разные клеветы, и вот кому-то из них показалось, что женщины без трусов.

Хренову звонят и говорят: “Ну, что же вы так опозорили Юрия Михайловича, он стоит, а рядом женщины без трусов, а у него жена есть”. Хренов приуныл, потускнел. А вышел этот номер накануне Дня Москвы. А Москва накануне этого дня давала деньги, чтобы можно было хорошо жить. Мы, кстати говоря, неплохо зарабатывали, потому что ввели рубрику “Регион крупным планом”. Я сам несколько регионов делал. Это было на так называемой возмездной основе. Так вот клеветы Хренова огорчили, он сидел тусклый. Но кто-то из наших подсказал одному из близких людей Лужкова: спросите, а как он воспринял фотографию? Спросили. Юрий Михайлович вскричал: “Ой, какая отличная фотография! Спасибо журналу, так здорово сделано!” Все эти клеветы заткнулись и отвалились.

Помню, была фотография, на которой Валентина Александровна Петренко доит козу. Конечно, необычный ракурс. Сенатор, известнейшая женщина, в своё время оставшаяся в заложницах у террористов ради спасения детей-заложников и получившая за это боевую награду, она по сей день отдаёт себя заботе о детях, возглавляя движение “Матери России”. Не зря её называют “Главной мамой России”. И вот вам – мама доит козу!

Или такой пример. Во всю страницу фотография, на которой министр финансов Кудрин Алексей Леонидович играет на барабанах. И одна, на мой взгляд, из самых интересных и небезобидных фотографий была дана сразу на двух обложках журнала. На первой – сидят на качелях лидеры трёх парламентских фракций: Г. Зюганов, С. Миронов, В. Жириновский. А на последней – в развилке большого дерева сидит В. Путин. В летней полувоенной форме, в панаме и смотрит как бы на первую обложку. Мы дали подпись: “Мне сверху видно всё”.

И вот эти фотографии настолько были интересны, что я предложил их наклеить на картон. Получились картинки. Мы их развесили в коридоре нашего четвёртого этажа. И люди, которые шли к нам, порой долго не приходили в кабинет к тому человеку, к которому направлялись. Не могли оторваться от фотографий, делавших журнал ещё более привлекательным.

Однако всё же главное было не только в этом, а в том, что я назвал “сопротивлением материала”.

Последний наезд на журнал

Наше парламентское издание становилось всё более популярным. Как нам говорили, парламент имеет самую низкую репутацию, а считаешь ваш журнал, можно подумать, что он – главная власть в стране.

Привлекал журнал и новые кадры. В конце поганых 90-х, которые некоторые ельцинские огрызки называют лихими, в журнал пришёл Александр Прокопьевич Кузнецов. Судьба его была типична для многих из тех, кто надеялся на освежающий ветер демократической экономики, а вляпался в рыночный навоз. Я описал двоих таких людей в повести “Разговор по душам с товарищем Сталиным”. Саша – сын учителей. Отец – преподаватель физики, который потом стал директором школы, мать – учительница математики, причём мощная учительница. Но, как он говорит, ни отец, ни мать его не натаскивали на свои науки. Скорее всего, сама атмосфера семьи, атмосфера дана подтолкнула его и направляла его к тому, что он рано стал заниматься математикой и физикой. Родился он в Смоленской области, потом родители переехали в Московскую

область. А в седьмом классе он увидел объявление о том, что заочная физико-техническая школа при МФТИ, что в Долгопрудном, принимает учеников, для поступления предлагалось решить определённый набор задач. Саша выполнил, послал. Его приняли в ЗФТШ. И с этого момента у него началась, скажем так, физико-математическая жизнь.

Он настолько сильно увлёкся физикой и математикой, что даже был послан от Московской области в Киев на Всесоюзную математическую олимпиаду. Подвигов не совершил, тем не менее само участие уже о многом говорило. Естественно, после школы он выбрал Московский физтех.

После института Кузнецова распределили в соответствии с его желанием в один из НИИ, имеющий отношение к судостроительной промышленности. Отработав там шесть лет, Саша совершил невероятный переход из учёного в журналистику. В это время в обществе “Знание” образовались две газеты – “Аргументы и факты” и “НТР: проблемы и решения”. Вот во вторую газету Кузнецов пошёл работать журналистом, хотя до этого, конечно, он журналистикой не занимался. Там он тоже некоторое время поработал и перешёл в журнал “Техника и наука” редактором отдела.

После чего некоторое время участвовал в бизнесе. Предпринимательство не сложилось, и Кузнецов снова вернулся в журналистику. Стал работать в журнале “Инженер”. А в 1999 году пришёл к нам. Пришёл уже довольно опытным специалистом в работе с компьютерными технологиями и созданием локальных сетей. Пришёл к нам очень нужный человек. У всех у нас были компьютеры. Но были мы, как котятка: печатаем, печатаем, что-то случилось – ой, с кем посоветоваться? Бросались узнавать, обращались друг к другу, к тем, кто хоть чуть-чуть разбирается... Наши разрозненные компьютеры он соединил в единую сеть, установил в приёмной главного редактора большой принтер, где все могли печатать свои материалы. В случае поломки разбирал компьютер и менял его внутренности. Вот так нужный человек оказался в нужном месте.

Пробовал он и писать. Иногда более удачно, иногда менее. Одна из его работ – одна из самых больших и стратегически важных работ – касалась заключения договора СНВ-3, то есть договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Александр изучал иностранные источники – книги и публикации в прессе, встречался со своими коллегами ещё по институту, работавшими в близкой к теме сфере. С другими экспертами из научной и военной среды он познакомился в ходе обсуждений, проводимых в Думе. И постепенно стало понятно, что американцы нас облапошили. Они призывали нас сократить количество ракет, а сами вовсю развивали противоракетную оборону. Вот на эту тему он и написал статью.

Она оказалась настолько “не ко двору”, что её, уже набранную, выбросили из “Независимой газеты”. Не прошла она и в нашем журнале, тем не менее её выставили на сайте “РФ сегодня”. И хотя ущербный для России договор уже был заключён, идеи статьи стали тиражироваться.

В феврале 2002 года к нам пришла Лида Сычёва. Она до этого работала в “Отраслевой газете”. Я её тоже спросил, какво у неё было первое впечатление о журнале и что привело её сюда. Она говорит, что, во-первых, её автор Артём Ермаков как-то принёс журнал “Российская Федерация сегодня” и сказал: “Посмотри, интересный журнал”. Она его почитала. Ну, дама она такая скептическая, тем не менее решила пойти туда, потому что издание, где работала, было насквозь “голубое”.

Пришла. Вошла в кабинет к Хренову. И тут она, по её словам, впервые услышала от журналиста длинный, занудный монолог. Лида собралась было уже уйти. Но журнал-то вроде неплохой! Однако на всякий случай заявила Хренову, что ушла из предыдущего издания из-за нехватки времени для писательского творчества. У неё уже были опубликованы художественные произведения.

Перед тем она училась в Литинституте. Группа единомышленников, где Лидия играла заметную роль, создала интернет-журнал. Сычёва стала его главным редактором. Журнал называли “Молоко”. Имели ввиду: “Молодое око”. Но произносилось-то и писалось, как “Молоко”. Отсюда, я думаю, у многих пишущих возникло несказанное удивление, когда их обещали напечатать в журнале “Молоко”. Причём здесь молочная продукция, поразились они. У нас речь совсем о другом. Поэтому я, когда что-то касается этого журнала, пишу: “Мол. Око”.

Вообще-то я считаю, что учиться в творческих институтах — дело не очень нужное. Если есть божий дар, если есть талант, то он без всяких институтов выйдет наружу. Да, институты помогают образованию, расширяют базу познавательную у студента. Но чтобы неумелого научить хорошо писать — это вряд ли можно. Я работал в Ярославле, когда меня сослали на радио, был такой у нас Лёва Бутырин. Он закончил Литинститут. Но был абсолютно беспомощный как журналист. А ничего литературного я не читал, и он мне не давал читать. Больше того, когда мы сидели в компании коллег, и я начинал рассказывать историю “Гасителя”, у него загорались глаза. Он был очень спокойный, равнодушный, медлительный, немного похожий на немецкого бюргера. Слушая меня, Лёва говорил: “Слава, это же повесть! Хорошая тема для повести!” Я смеялся: “Лёва, у меня этих тем, как вшей у тифозника в голове”.

А вот, скажем, когда я на практике был в Бурятии в республиканской газете, там я увидел парня, который работал в промышленном отделе. Мне говорили: посмотри, какие он сдаёт тексты, с какими грамматическими ошибками. Потом я сам увидел их. Но зато какие это были тексты по идее, по языку! Это был вообще талантище! И ни в каком творческом институте парень не учился. Имел техническое образование.

После того, как Лида сказала Хренову, что пришла в журнал, чтобы иметь время для литературной работы, он воодушевился, оживился. Тогда она ещё не знала, что Юрий Алексеевич пишет стихи. Кстати говоря, стихи Хренова, как потом мы узнали, были очень даже неплохие. И именно он сочинял многие подписи к снимкам под рубрикой “Неожиданный ракурс”. Короче говоря, он сказал: “Идите к моему первому заместителю Руслану Александровичу Лынёву”. Лида подошла к двери, на которой была написана фамилия Лынёва. Постучала. Оттуда голос: “Входите”. Лида вошла и остолбенела. В кабинете на каком-то тренажёре вниз головой висел мужчина, причём не в спортивном костюме, а в тройке, с галстуком. Увидев Лиду, он слез с этого тренажёра, сел на своё кресло. Кстати говоря, в его кабинете были диваны и кресла ещё сталинской эпохи, кожаные.

Начали говорить. И тут она, по её словам, услышала нормальную речь. Потом Руслан ей сказал: “Идите к Александру Викентьевичу Черняку и переговорите с ним. У нас коллегиальное руководство”. Вот так она стала у нас работать.

Надо сказать, что это было приобретение. Поначалу нам, и мне лично, приходилось её править. Но в целом она быстро совершенствовалась, набирала опыт и становилась классной журналисткой.

Она много писала о культуре, о школе и её проблемах. Но вместе с тем у неё были публикации очень масштабные. Например, статья под названием “Третья беда”. Это о бюрократии. Факты были убийственные. Если в 1999 году в России было 1 148 тысяч чиновников, то через 10 лет их стало на миллион больше. Плодятся, как тараканы. В процентном отношении мы обогнали Китай. А сравнивать с советским периодом просто бессмысленно. При Брежневе один чиновник был на 253 человека, а в 2009 году, когда создавалась эта статья, один чиновник уже был на 68 человек. Интересно, на сколько кормильцев сегодня один чиновник.

Реакция на эту публикацию была, так скажем, только внизу. Когда люди прочитали, сколько стало чиновничества, как оно бурно растёт, возмущение, конечно, было большое. К сожалению, рост чиновничества в Российской Федерации продолжается безостановочно. Власти то и дело говорят о сокращении аппаратов, о наведении порядка в этом деле, но дальше слов, как часто бывает, дело не идёт. Сейчас их почти 2,5 миллиона человек, чиновников.

В 2020 году планировалось сократить значительную часть. Пока этого не произошло. Но благодаря сокращению должно было быть высвобождено 100 миллиардов рублей. И что вы думаете, эти деньги пойдут в экономику, на строительство дорог, детских садов, яслей? Нет. Они были запланированы, эти 100 миллиардов рублей, на повышение зарплат тем, кто остался в этой братии.

Вторая статья Лиды Сычёвой “Нары, Канары и Господь Бог” наделала не только много шума, но и дотянулась во времени чуть ли не до нынешней поры. Речь там шла о коррупции и о том, что места во властных креслах продаются — в Совете Федерации, в Государственной Думе, в региональных

парламентах, в губернаторских кабинетах. В статье были приведены цифры, которые обнародовал либеральный клуб партии “Единая Россия”.

“Глава районной администрации в Дагестане – 150 тысяч долларов, глава УВД в одном из столичных округов – не менее 400 тысяч долларов. Депутат Госдумы – от 30 до 120 миллионов рублей, член Совета Федерации, губернатор субъекта Федерации – от 5 до 7 миллионов евро. Министр в региональном правительстве – 500 тысяч долларов. Депутат регионального Заксобрания – 6 миллионов рублей”.

Разумеется, это далеко не полная картина гниения власти на всех её этапах. Но и этих немногих цифр достаточно для того, чтобы понять: власть в России дискредитирована, и трудно верить в её порядочность. Можно предположить: после таких публикаций, если и были у журнала друзья, то лишь из порядочных парламентариев и рядовых читателей. Остальная публика в евро, в долларах и в рублях готова была, вообще говоря, нас разорвать.

Но вернёмся к журналу.

Лида привела несколько человек. Прежде всего Вячеслава Румянцева. Он потом стал работать у меня в отделе. Нормальный парень. Не слишком, конечно, опытный как журналист, зато очень сильный историк. У него сайт есть, называется “Хронос”. Там можно очень многое почерпнуть о нашей отечественной истории.

Но я, по сути дела, ничего не сказал о своей работе в журнале. А её было немало. Журнал выходил два раза в месяц. И в каждом номере должен был присутствовать Совет Федерации. Я делал интервью, правил статьи сенаторов, а зачастую писал за них, придумывал им заголовки. Скажем, много шума наделала статья члена Совета Федерации от Якутии Александра Сафроновича Матвеева под названием “Страсти по золотому унитазу”. В ней речь шла о коррупции, о разрастающемся воровстве, о безнаказанности, о том, что не только олигархи, которые яхты делают размером с линкор, но и чиновники, купающиеся в роскоши, хотят её ещё больше. А это всё вызывает ярость народа.

Были заметные и лично мои публикации. Я же не мог только замкнуться на работе Верхней палаты. Целый ряд статей произвели немалый эффект. Например, статья “Победит ли в России диктатура Закона диктатуру Коррупции”. Я опубликовал её в 2008 году. Уже сам заголовок говорит о сути этой публикации. Коррупция разрасталась, как раковая опухоль. И разговоры о борьбе с ней только шли, но в основном снизу. Время от времени об этом заговаривали депутаты, время от времени первые лица государства говорили, что надо бороться. Но как доходило дело до принятия закона, сразу появлялись какие-то сдерживающие начала. “Как это можно конспектировать имущество коррупционера? Семья, дети останутся без ничего”. И это у ворюг, укравших миллиарды! “Где права человека? Почему родственники должны писать декларации?” А самая распространённая отмазка ворья была такая: что вы призываете бороться с коррупцией? Она во всём мире неистребима!

Я писал и говорил на этот счёт так. Да, коррупция есть везде, даже в тех странах, которые стоят впереди списка как чистые государства. Но одно дело – два таракана на десятиэтажный дом, а другое – десять тысяч тараканов на однокомнатную квартиру. Разница есть?

Или вот такая публикация. “Остановит ли государство войну торговых баронов против народа?” Речь была о том, что мы – одна из немногих, наверное, цивилизованных стран, где не существует законов, ограничивающих алчность торговых сетей. Везде есть законы, которые устанавливают процент наценки на товары, чтобы обуздать эту алчную публику. Только у нас такого нет.

Вызвала бурную реакцию моя статья под названием “Честь имеют?” Поводом стала ситуация в Перми, где сгорело развлекательное заведение “Хромая лошадь”, погибли десятки людей. И, по сути дела, никто за это не ответил. Но я поглядел шире. А кто губернатор Пермской области, впоследствии Пермского края? Некто Олег Чиркунов. Это бывший сотрудник КГБ, а Путин, особенно в первые годы, ориентировался на эту публику в назначениях во власть.

Семья у него жила в Швейцарии, сам он тоже имел там интересы. И при этом был руководителем одной из важнейших в оборонном смысле областей России. Но лишь только идиот не понимает, что те, кто имеют собственность в любой другой стране, кроме нашей, находятся “на крючке” у тамошних

спецслужб. Очень легко их нагнуть к сотрудничеству, ибо можно и собственность отнять, и налогами задушить, и прочее.

Так вот этот человек ни в какую отставку не ушёл. А я приводил пример, что министр обороны ФРГ ушёл в отставку из-за того, что в Афганистане немецкий самолёт по ошибке разбомбил семью мирных жителей и, хотя это случилось до его прихода на пост министра обороны, он счёл невозможным оставаться во власти. А у нас, как говорят в народе (скажу покультурнее): хоть плюй в глаза – всё божья роса. А почему? Потому что нет требовательности с самого верха.

И вот эти наши “деятели” сидят и продолжают руководить. Гибнут люди. Рушатся предприятия. А они остаются.

Один из героев этой публикации – генерал Борис Всеволодович Громов. Я рассказывал в одной из предыдущих глав о его гражданской позиции, когда он не принял участия в разгроме демократически избранного парламента России. Да, это поступок, достойный поддержки и одобрения. Но прошли годы. Он стал губернатором Московской области. И вот тут он показал себя далеко не с лучшей стороны.

Под его крылом несколько лет работал министр финансов областного правительства некто Кузнецов, который вместе с женой (гражданкой США) бешено разворовывал область. Украла на многие миллиарды рублей собственности, деньги украли и сбежали. Сначала она, а потом он. И как же это так? Дела министра, работавшего можно сказать, за стенкой у губернатора, были неизвестны руководителю области? Громов не знал, чем он занимается? Ну, тогда это не что иное, как профнепригодность.

Также я упоминал там министра внутренних дел Рашида Нургалиева. Люди некоторые говорили, что он очень хороший человек, он такой добрый. Я отвечал, что хороший человек – это не профессия. А состояние Министерства внутренних дел, коррупция, нарушение законов, безобразия – всё это кем должно пресекаться? Министром. Причём пресекаться должно жёстко, а порой даже жестоко. Тем не менее, несмотря на все эти безобразия, Нургалиев ещё продолжал сидеть в кресле министра. Правда, потом он ушёл. И стал советником у Путина. И Громова, хоть далеко не сразу, но “ушли”.

Немного подробнее я хотел бы сказать о статье под названием “Господин хозяин и гражданин батрак”, у которой подзаголовок такой “Почему за катастрофы на частных предприятиях отвечают не их собственники, а рядовые налогоплательщики?”

Статья у меня начиналась так: “В те дни, когда на шахте “Распадская” в Кузбассе глубоко под землёй после взрывов полыхал пожар, а на поверхности бушевали страсти обездоленных шахтёров, я увидел в магазинчике Совета Федерации книгу двух английских авторов. Называлась она “Лондонград. Из России с наличными” с подзаголовком “История олигархов из первых рук”. Поскольку в связи с трагедией пресса всё чаще упоминала одного из владельцев шахты Абрамовича, а среди героев книги тоже был он, мне показалось интересным узнать, как соотносятся жизни господина хозяина и тех, кто на него работает.

Надо сказать, книга читается влёт. И любопытна она не только циничной откровенностью о нравах нынешних российских сверхбогачей, стремительно, всего лишь за несколько лет с 2000 года обосновавшихся в столице Англии и создавших там огромную колонию, по некоторым сведениям, до 300 тысяч человек, сколько тем, как живут олигархи и как живут те, кто на них работают.

Одной из причин возмущения шахтёров, перекрывших железнодорожную магистраль и встретивших ОМОН камнями, стали слова другого собственника шахты о том, что рабочие много получают. Приехавший мгновенно на место аварии губернатор Кемеровской области Аман Тулеев заявил: частично оправданы эти волнения, во всяком случае, собственникам шахты не надо было орать о том, что шахтёры большие зарплаты получают. Они в среднем маленькие. В местной прессе приводились разные цифры: от 20 тысяч рублей до 25 тысяч. Если взять зарплаты шахтёров, скажем, в ФРГ, то они в 10 раз больше. При этом ещё девяти менеджерам ПАО “Распадская” в 2008 году выплаты выплатили по миллиону.

Но при этом авторы книги приводят такой факт. Однажды днём Роман Абрамович, находившийся в Баку в Азербайджане, сказал помощнику, что хочет суши на обед. Тот заказал за 1200 фунтов суши в самом фешенебельном

ресторане Лондона. Это блюдо на лимузине доставили в аэропорт, и частный самолёт, пролетев три тысячи миль, доставил суши прямо к обеду Абрамовичу в Азербайджан. Заказ обошёлся в 40 тысяч фунтов, что является самой дорогой доставкой обеда в мире, пишут авторы. Это при том, что шахтёры получают 20–25 тысяч рублей. Потом подсчитали, что один этот обед Абрамовича равен зарплате 90 человек за месяц.

Но мало такой жадности. Она проявилась ещё и в другом. В первый же рабочий день директор шахты Геннадий Козовой написал письмо премьеру Путину. Он писал: “В связи с аварией, произошедшей на ОАО “Распадская” 8 мая 2010 года, предприятию причинён значительный материальный ущерб. Убытки, связанные с последствиями аварии, по предварительным подсчётам, составляют 6 млрд рублей. Убедительно прошу Вас рассмотреть вопрос о частичной компенсации затрат, связанных с ликвидацией последствий”. И вот уже Министерство промышленности и торговли, которое тогда возглавлял Виктор Христенко, проводит совещание, на котором принимается решение, что нужно считать необходимым оказать помощь государства этой шахте.

Слушайте, что же это такое? Эти миллиардеры, а Козовой тоже совладелец шахты, каждый год получают огромные прибыли. А прибыли идут от того, что, в отличие от советского времени, когда основная часть средств вкладывалась в создание безопасных условий труда, сегодня частные владельцы покупают высокопроизводительное оборудование. В итоге угля добывается намного больше, чем в советские годы. Импортные комбайны стремительно загружают вагоны углём, который весь уходит на продажу, в том числе за границу. Принося гигантские прибыли, идущие частным владельцам. На безопасность труда, в том числе на дегазацию, на зарплату людям за их смертельно опасную работу под землёй любители “суши на обед” тратят гроши.

Я не знаю, выделил ли Путин тогда деньги. Но надо бы поглядеть на пример Соединённых Штатов, на которые нас всё время призывают равняться. В Мексиканском заливе произошла авария на нефтяной платформе фирмы BP. И был нанесён большой ущерб экологии этого места региона. Президент Обама заявил, что США не выделит ни одного цента собственникам этой компании для ликвидации последствий аварии.

Вот как поступают те, на кого нас призывают равняться!

Разумеется, такие публикации вызвали нестерпимый гнев властей всех уровней. И журнал был, как кость в горле, у правящей власти. И вдруг мы узнаём, что Юрия Хренова снова собираются отправить на пенсию. Тогда мужчины на пенсию уходили в 60 лет, а ему уже исполнилось 65, пора уходить.

Я пошёл к председателю комиссии Совета Федерации по информационной политике Нарусовой. Спрашиваю: “Людмила Борисовна, какие основания отправлять Хренова на пенсию?” – “Ну как же, Вячеслав Иванович, ведь человек уже поработал, ему надо отдохнуть, дать другим дорогу. Уже возраст всё-таки большой”. Я говорю: “А как же Урхо Калева Кекконен, который в 80 лет руководил Финляндией? А как же Конрад Аденауэр, который в таком же возрасте вёл корабль ФРГ?” Она мне: “Да, генерал де Голль тоже дожил до почтенного возраста, был президентом Франции”. Я говорю, что, вот видите, оказывается, дело не в возрасте. Ведь можно быть стариком в 20 лет и молодым по уму, по хватке, по интеллекту в 60–70 лет. В общем, в тот раз удалось снова отстоять Хренова, значит, спасти журнал.

Всякий раз, когда на Хренова давили, чтобы он шёл на пенсию, Юра медленно, как он всегда говорит, замечал: “Брошу это дело, ну его к черту, журнал, уйду”. Лукавил, конечно, Юрий Алексеевич. Не очень хотелось ему расставаться с властью. Да и я помогал ему в этом, искренне заявляя: “Нет, Юра, это не твоё личное дело бросить сегодня журнал. Мы все его создавали таким, какой он сейчас. И ты, и Руслан, и Черняк, и Ефимов, и я, и другие – всё наше журналистское ядро. И потому нельзя просто так бросить наше большое общее дело”.

Но было уже видно, что журнал раздражает своей позицией, своей политикой, своим показом действительности России не только исполнительную власть: правительство, администрацию президента, но и руководство Совета Федерации и Госдумы. А ведь что такое парламент? Это же структура, которая должна отстаивать интересы народа. А о чем писал журнал? О том, как попираются интересы народа, как разворачивается народное добро, как не наказываются те, кто ворует, что подаёт пример другим тоже воровать.

По уровню коррупции Россия недавно опустилась на 40-е место. То есть мы где-то между Нигерией и ей подобными государствами. Казалось бы, парламент должен поддерживать издание, которое, конечно, не только рассказывает об этих безобразиях, но пишет и о деятельности Федерального Собрания, о том, какие законы принимаются и какие обсуждаются, причём рассказывает интересно. Нас читали по всей стране. Ведь только же представить можно, что наше Федеральное Собрание с уровнем популярности, как говорили, ниже плитуса, имело издание, которое расходилось по всей России.

Но руководству Парламента и, прежде всего, – Совета Федерации нужна была тишина и гладь. Потому что в палате тоже были очень и очень факты неприятные.

Сенаторий

Освещать работу Совета Федерации я начал с первого дня формирования этой верхней палаты. Встречался с десятками людей, которые сначала скромно называли себя, как и положено по Конституции, членами Совета Федерации, а потом всё чаще и чаще стали именоваться на иностранный манер сенаторами.

Разные они были – эти так называемые сенаторы. В первом созыве – шумные, критически настроенные по отношению к поступающим из Госдумы законам. Ведь роли двух палат разные. Госдума закон принимает и направляет его в Совет Федерации на одобрение. А поскольку правовое поле новой России только “заседалось”, поскольку в Государственную Думу пришли не только сами бизнесмены, заинтересованные в том или ином законе, но и лоббисты капитала, в том числе грязного, нередко законы принимались с явной целью разрешить какому-нибудь крупному бизнесмену получить ещё больше прибыльных льгот. После свершения этой акции в закон вносилась поправка, отменяющая льготу.

В Совете Федерации не все были сторонниками таких “карманных” законов. Недавно я пролистал список первых членов Верхней палаты. Бог ты мой, набралось не больше десятка из 168 человек, с которыми я тогда не встречался, не задавал вопросов, не делал интервью. Некоторые запомнились особо твёрдой позицией против правовых актов, полезных узкому кругу нужных людей.

Выделялся бывший военный лётчик, подполковник Пётр Станиславович Волостригов, представлявший в Совете Федерации Ханты-Мансийский автономный округ. Он, как и некоторые другие, считал недопустимым одобрять законы-однодневки. Разумеется, такие члены Совета Федерации были не нужны власти, опирающейся на капитал. Ей требовалась “утвердительная палата” из удобных соглашателей.

Правда, сделать её таковой удавалось не сразу. Как я говорил, самым боевым, принципиальным был Совет Федерации под руководством Егора Семёновича Строева; он состоял из губернаторов и руководителей Законодательных Собраний регионов. Там уже было больше соглашателей, чем в первом созыве.

Но всё же “первую скрипку” играли те, кто твёрдо отстаивал интересы регионов. Москва всё решительнее захватывала экономическую и политическую власть себе, оставляя в федеративном государстве субъектам Федерации роль просителей и угодников. Поэтому придумали новую трансформацию палаты.

Теперь сюда пришли представители региональной власти. Но к тому времени и сама власть там, и тем более её посланцы в Верхнюю палату становились всё меньше зависимыми от воли народа. В отличие от воли Кремля и правительства.

Не могу сказать о подавляющем большинстве таких сенаторов в палате. Оставались те, кто понимал свою высокую роль в создании правового государства. Одним из них был Анатолий Григорьевич Лысков – председатель комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. Человек с мужественной биографией.

Будучи старшиной на подводной лодке, предотвратил пожар и гибель судна. После учёбы в Московском университете стал юристом, прошёл серьёзную работу в МВД, ФСБ, прокуратуре. О его квалификации как следователя

говорит такой факт: при расследовании одного “хлопкового” преступления он возбудил больше шести тысяч уголовных дел. При обсуждении поступивших из Госдумы законов изучал их с такой скрупулёзной дотошностью, что далеко не каждый получал одобрение его комитета. Разумеется, такой сенатор был не угоден кремлёвской власти. Его комитет в конце концов присоединили к другому, а Лыскова вынудили уйти на пенсию.

Героическое прошлое было и у Валентины Александровны Петренко. В декабре 1993 года несколько уголовников ворвались в одну из школ Ростова-на-Дону, где захватили группу детей. За освобождение школьников потребовали вертолёт и 10 миллионов долларов. В переговоры с террористами вступила замглавы администрации Ростовской области Валентина Петренко. Она предложила себя в качестве заложницы, чтобы бандиты отпустили детей. Постепенно всех школьников освободили, частично выполнив требования бандитов. На предоставленном вертолёте они вылетели в Дагестан. Там их и захватили. А Валентина Александровна была награждена орденом “За личное мужество”.

В Совете Федерации она возглавила комитет по социальной политике и здравоохранению, с самыми, пожалуй, болезненными проблемами для населения. При этом одновременно шаг за шагом разворачивала заботу о детях страны, заслуженно получив неофициальное имя “Главная мама России”.

Заметно выделяющимся среди других членов палаты стал заместитель председателя Совета Федерации Вячеслав Анатольевич Штыров. Человек масштабного ума и видения, по сути дела, спасший со своей командой для России алмазно-добывающую отрасль страны и компанию АЛРОСА, он перед приходом в Совет Федерации был президентом Республики Саха (Якутия). Хорошо знающий проблемы Дальнего Востока не только потому, что сам вырос там, Штыров, придя в законодательный орган России, сразу стал заниматься разработкой законопроектов, способных обеспечить эффективное и быстрое развитие этого стратегически важного региона.

Как известно, в западном мире мы сплошь и рядом встречаем законы, названные именами тех или иных парламентариев. И только у нас личная инициатива растворяется в так называемом коллективном творчестве. Целый блок предложенных им законов Вячеслав Штыров определил как “Кодекс Дальнего Востока”.

Много лет на него не обращали публичного внимания, откусывая при этом идеи предлагаемых законодательных актов, не называя, однако, имени автора. Наконец, спустя десять с лишним лет идеи, заложенные Штыровым в “Кодекс”, стали активно предлагаться к реализации. Правда опять-таки только предлагаться и всё так же без упоминания имени автора.

Но Вячеслав Анатольевич Штыров, который пришёлся не по нутру некоторым окруженцам Путина за то, что публично критиковал их на пленарных заседаниях за экономические просчёты и неумение руководить, уйдя из Совета Федерации, переживает не столько за своё авторство обширного Кодекса, сколько за ответ на вопрос: удержит ли Россия свой Дальний Восток? При этом активно использует средства массовой информации, различные ресурсы интернета. О том, насколько масштабны и дальновидны размышления Штырова по поводу того же Дальнего Востока, говорят такие факты. Одна из его бесед с главным редактором газеты “Аргументы недели” Андреем Угловым вызвала 1 миллион 400 тысяч просмотров. Другая – почти полмиллиона.

Активно присутствует Штыров в социальных сетях. Его цитируют, на его высказывания ссылаются. Неудивительно, что самыми популярными среди населения Республики Саха (Якутия) являются два человека. Её первый президент Михаил Ефимович Николаев и второй президент Вячеслав Анатольевич Штыров.

Но вернёмся к палате регионов. Как правило, наиболее активными были сенаторы от законодательных собраний. Например, редко на каком заседании не выступал Вячеслав Александрович Новиков, представлявший в Совете Федерации Заксобрание Красноярского края.

Он был заместителем председателя комитета по бюджету, а там, где деньги, там споры. Энергичный, эрудированный, разбирающийся в бюджетных проблемах не хуже работников Министерства финансов, Вячеслав Александрович был головной болью для тех в правительстве, да и в парламенте тоже, кто стремился оторвать жирный кусок пирога на стол своего и без того сытного обеда, обделив тем самым подлинно нуждающиеся регионы.

Совсем другой стиль работы был у представителя парламента Якутии Александра Сафроновича Матвеева. Он довольно редко выступал на пленарных заседаниях. Придя в палату регионов, он стал заместителем председателя комитета по делам Севера и малочисленных народов. Через некоторое время возглавил его. Поэтому ещё до заседания палаты закон со всех сторон “обкатывался” в комитете. Вот тут Александр Сафронович мог подолгу, как он говорил, “держать стойку на языке”.

Сам проживший на Севере почти всю сознательную жизнь, Матвеев прекрасно знал проблемы этой огромной части Российской Федерации. Горячий, далеко не северный по натуре, он тем не менее был человеком сдержанным, ценил слово, как добываемое на Севере золото. Под его руководством Комитету удалось решить даже застарелые проблемы жизни и быта малочисленных народов.

Конечно, в Совете Федерации больше позитивных членов палаты, чем я здесь назвал. Но чтобы сказать хотя бы кратко обо всех, нужна книга. При этом книга, повествующая как о светлых, так и о тёмных сторонах жизни Сената. Наблюдая в течение многих лет эту жизнь, я дал название Верхней палате “Сенаторий” и начал писать книгу под таким названием.

Соединение слов “сенат” и “санаторий” было неслучайным. Те, кто попадал сюда, заметно выбивался из общей чиновничьей массы. Возьмём тех же правительственных чиновников высокого ранга. Там тоже была лафа, бытие тоже отдавало малиной. Высокие зарплаты и неведомые миллионам граждан страны блага осыпали зачастую никчёмных людей. Однако тут были какие-то конкретные задания со сроками исполнения, за что-то требовались отчёты. Словом, жила кое-какая дисциплина. При парламентской фракционности Госдумы тоже надо было соблюдать строй и шаг.

А в Совете Федерации, особенно в первые его десятилетия, были и зарплаты в сотнях тысяч, и блага социальные высокого уровня, и дисциплина шалай-валяй. Один “парламентский туризм” чего стоил. Прикрываемые фиговым листком парламентской дипломатии, сенаторы с удовольствием катались по странам и континентам. При этом кое-кто, пользуясь высоким статусом, не забывал лелеять свой бизнес.

Однако важным, если не главным благом сенаторства был парламентский иммунитет. Он позволял некоторым спокойно сидеть в зале заседаний вместо камеры заключения.

Одним из тех, кто воспользовался этим благом на полную катушку, стал бывший 1-й замминистра финансов России Андрей Вавилов. Как сообщал в своём Telegram-канале депутат Госдумы Александр Хинштейн: “Вавилов считается автором и идеологом множества коррупционных финансовых схем”. И приводит длинный перечень уголовных дел, в которых тот был фигурантом. Хинштейн пишет: “Комиссия Госдумы по борьбе с коррупцией прямо обвиняла его в причастности к ряду коррупционных преступлений, оценивая ущерб бюджету от его действий более, чем в два миллиарда долларов”.

Но мы возьмём из всех дел только то, которое привело Вавилова в Сенаторий. В 2001 году Главная военная прокуратура, расследуя хищения из бюджета Минобороны 327 миллионов долларов, обвинила Вавилова в злоупотреблении служебными полномочиями.

Однако Генпрокуратура, которой руководил Владимир Устинов, дело изъясла. Тем самым открыв коррупционеру дорогу в Совет Федерации. В 2002 году он стал сенатором от исполнительной власти Пензенской области. То есть от губернатора Василия Бочкарёва. И несколько лет человек, на котором, как говорится, негде было клейма поставить, занимал кресло в Верхней палате российского парламента. Вместо скамьи подсудимых.

Именно парламентская “крыша” не позволила привлечь его к уголовной ответственности из-за хищения 231 млн долларов, выделенных из бюджета для самолётостроительной корпорации “МиГ”. В 2007 году Верховный суд России признал в действиях Вавилова наличие состава преступления (мошенничество, злоупотребления). Однако в 2008 году Следственный комитет прекратил преследование Вавилова за истечением срока давности. И, хотя это решение Вавилова не реабилитировало, сенатор с радостью согласился. Он досрочно вышел из состава Верхней палаты и покинул Сенаторий.

Один этот “сенатор” ставит жирное тёмное пятно на репутации Совета Федерации. А их, согласно криминальной статистике, недопустимо много.

Взяточники, казнокрады, убийцы, насильники... Вот только несколько примеров из богатой уголовной биографии Сенатория. В 2008 к девяти годам колонии осуждён за взятку бывший член Совета Федерации от Калмыкии Левон Чахмахан. В следующем, в 2009-м к четырём годам колонии приговорён бывший член Совфеда от Свердловской области Андрей Вихарев за мошенничество и отмывание денег. В 2010 бывший сенатор Игорь Измestьев получил пожизненный срок за убийство. В 2011-м за изнасилование сел в тюрьму бывший сенатор Игорь Провкин.

Я назвал только часть фигурантов уголовных дел, поменявших скамью законодателя в Верхней палате российского парламента на скамью подсудимых. А всего их – десятая часть состава. И большинство гневалоcь на любую печатную критику власти. Яркий пример тому реакция Совета Федерации на книгу Виталия Гулия “Подножие российского Олимпа. Штрихи к портрету современного чиновника”.

Но сначала об авторе. Виталий Гулий – сахалинский журналист, был избран народным депутатом СССР. После разрушения Союза стал полномочным представителем президента Ельцина на Дальнем Востоке. Долгое время работал в администрации президента. Наконец, не один год руководил Аппаратом комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества.

Как видим, жизнь разнообразного чиновничества, причём самого верхнего слоя, наблюдал, что называется, воочию. Поэтому в книге есть ирония, юмор, но больше строгих картин соцреализма. Например, довольно подробно глава “В палате регионов” описывает жизнь, работу и даже быт Сенатория. Как я уже говорил, и это показал в своей книге Гулий, самый боевым и принципиальным составом Совета Федерации был тот, в который входили губернаторы и руководители Законодательных собраний России.

Большинство из них, заботясь о благе страны, то и дело оспаривали законы, принятые Госдумой в угоду президенту Ельцину, его клевретам и олигархам. Правда, некоторые начинали себя вести, как потенциальные главы российских бантустанов. Один заговорил об отдельной уральской республике. Другой – о сибирской. Третий – о дальневосточной.

Всё вместе взятое, особенно ответственное понимание федерализма в Российской Федерации, делало верхнюю палату на Большой Дмитровке для верхней власти в Кремле вроде ежа в мешке. И потому очень хотелось этого зверька остричь. Иначе говоря, сделать Совет Федерации ручным. 26 марта 2000 года президентом страны стал Владимир Путин.

А в январе 2002-го по его инициативе произошла радикальная реформа Совета Федерации. Теперь сюда на постоянную работу направлялись представители губернаторов и Заксобраний. Сами же руководители регионов теряли возможность влиять на политику президентской власти.

Но положение посланцев было весьма шатким. Они напоминали пассажиров, которые в любой момент могли отстать от поезда. Так называемые сенаторы были абсолютно не защищены от воли и капризов направивших их в Москву властителей. Нередки были случаи, когда неплохо работающий член Совета Федерации узнавал даже не от губернатора, а из средств массовой информации, что он отозван и, как говорится, теперь сам никто и звать никак.

В 2001 году вместе с другими новобранцами в Совет Федерации пришёл в качестве представителя от Заксобраний Санкт-Петербурга Сергей Михайлович Миронов. В армии был десантником и всю дальнейшую жизнь гордился этим. По основной профессии – геолог. Несколько сезонов работал в Монголии, где открыл месторождение урановой руды. Вернувшись в Санкт-Петербург, включился в политическую борьбу. Стал депутатом Заксобраний и впоследствии от него был послан в Совет Федерации, где вскоре его избрали председателем палаты.

Новый порядок её формирования породил некоторую вакханалию. Дисциплина была приблизительной. В качестве посланцев сюда попёрли разного рода олигархи. Главным для них было лоббирование собственных экономических интересов. Когда из Госдумы приходили законы, касающиеся бизнес-империи того или иного богача, только тогда этого сенатора и можно было видеть в здании на Большой Дмитровке. При этом некоторых не удовлетворяла обстановка и кабинеты в палате регионов. Сбросив с барского плеча приличную сумму денег, они перестраивали доставшееся им место работы на свой вкус и лад.

Например, председатель комитета по экономической политике Оганес Оганян пристроил к своему кабинету даже персональный туалет. С размахом переделал место работы сенатор Борис Шпигель. Вместе с тем, многие сенаторы из олигархов и банкиров месяцами не бывали на заседаниях. А те, кто приезжал на шикарных лимузинах, зачастую не принимали никакого участия в работе верхней палаты.

Я лично знал “сенаторов”, которые никогда, буквально ни единого раза за весь срок пребывания в Совете Федерации не выступили на пленарном заседании по какому-нибудь поводу. То ли немые были, то ли глухие. Но очень богатые. Глядя на именитых прогульщиков, нередко пропускали заседания и другие посланцы регионов.

Видимо, так понимал парламентскую демократию Сергей Михайлович Миронов. Однако сам он проявлял всё больше требовательности к поступающим законам. Тем более что это вызывалось программой созданной им партии “Справедливая Россия”. Бывали случаи, когда Миронов – председатель Совета Федерации – голосовал за одобрение закона, а Миронов – председатель партии, выйдя из зала заседаний, критиковал его как антинародный. Хотя все знали, что за этим законом стоит Путин.

Долгое время такое раздвоение воспринималось как согласованное с президентом. Сергей Михайлович и Владимир Владимирович сравнительно давно знали друг друга. Миронов даже был в 2000 году доверенным лицом кандидата в президенты Путина. И когда стал приближаться конец второго срока путинского президентства, в политических кругах началась невообразимая возня. Стали гадать: кому передаст Путин бразды правления. Назывались разные фамилии: Сергей Иванов, Дмитрий Медведев, Дмитрий Козак, Сергей Миронов. Журналистская братия взялась дотошно выискивать в каждом признаке благонадёжности для президента и величия для страны.

Я, грешным делом, тоже ввязался в описание одного из потенциальных преемников. По просьбе одной крупной питерской газеты написал большой очерк о Миронове. Но Путин ушёл, оставив Медведева. Ушёл, чтобы потом вернуться навсегда.

Мироновский Совет Федерации был примечателен не только шалей-валяйной дисциплиной. Здесь стали плодиться, как кролики, всё новые и новые структурные подразделения. Для наделения должностями важных и влиятельных представителей регионов создавались разного рода подкомитеты, постоянные комиссии. Они порой дублировали обязанности ведущих комитетов, но зато сюда можно было пристроить нужных людей. А это – персональная машина, кабинет, желательны с приёмной, несколько человек аппарата и вдобавок статус заместителя председателя какого-нибудь важного комитета.

Например, у председателя комитета, где руководителем аппарата работал Виталий Гулий, появилось сразу три первых заместителя. Одним из них стал человек, которому автор книги посвятил отдельную главу. Это Борис Исакович Шпигель.

В 2012 году, после возвращения Путина в президенты, произошла последняя реформация верхней палаты. Самым важным моментом стала защита членов Совета Федерации от необоснованного, порой капризного отзыва губернаторами и региональными законодателями. Теперь они могли заседать на Большой Дмитровке весь срок полномочий тех, кто направил их сюда. А за год до новой реформы в Совет Федерации пришла и возглавила его Валентина Ивановна Матвиенко, бывшая до того губернатором Санкт-Петербурга.

Поначалу много говорили и писали о не совсем вроде бы легитимной её дороге в законодательную власть, на все лады крутили выражение экс-губернаторши “сосули”, которыми она называла свисающие с крыш замёрзшего города ледяные глыбы. Потом всё стихло, и Матвиенко стала править палатой, постеленной наведением там дисциплину. Коснулось это и Шпигеля, отношения которого с Гулием всё сильнее портились.

Дело в том, что Шпигель, параллельно с должностью в Совете Федерации, активно участвовал в работе находящейся за пределами России, международной неправительственной организации “Мир без нацизма” и Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. Согласно уставам, эти структуры должны финансироваться исключительно за счёт частных пожертвований.

Однако благодаря Шпигелю их деятельность нередко обеспечивалась за счёт Совета Федерации, что вызывало возмущение работников аппарата и его

председателя Виталия Гулия. Ведь обе эти структуры не имели никакого отношения к палате регионов. Гулий прямо говорил об этом Шпигелю, писал докладные записки. Сенатор после каждого такого выпада бешенел от ярости. А тут ещё в интернете бурно вспыхнула история из прошлой жизни Бориса Исааковича. На разных сайтах было опубликовано решение Первомайского суда города Москвы о том, что в 1982 году Шпигеля осудили по ст. 120 УК РСФСР (развратные действия в отношении несовершеннолетних). В решении суда подробно описывались гей-похождения человека, который сделал в современной России головокружительную карьеру, несмотря на судимость.

На вопросы журналистов Шпигель говорил одно: на клевету не отвечаю. Его спокойствию можно было позавидовать. Вот как описывает сенатора Виталий Гулий: “Борис Шпигель – личность колоритная и весьма заметная во всех смыслах. В силу своих физических габаритов он передвигался по зданию Совфеда, заполняя собой окружающее пространство. Ходил всегда в окружении телохранителей и смазливых мальчиков-помощников. Если эта масса тел двигалась по коридору, то все попадавшие навстречу рисковали быть смятыми и потому либо ныряли в открытые кабинеты, либо прижимались к стенам. Вечно потеющий и тяжело дышащий, он почему-то не вызывал сочувствия к своим явным недугам, а наоборот – производил отталкивающее впечатление. Понимаю, что нехорошо заострять внимание на физических недостатках человека, но порой они полностью совпадают с его внутренним содержанием”.

Это из книги Виталия Гулия. Подозреваю, что такое описание вызвало дополнительную злобу Шпигеля к автору. Но за одну неприязнь к “борцу против нацизма” автора сурово осудить нельзя. Помогла глава под названием “Евреи во власти”. Ох, уж этот “еврейский вопрос”! Почему-то вора по национальности русский, татарин, украинец, калмык, даргинец, бурят вором назвать можно. А вот если назвать осуждённого за воровство еврея вором – это антисемитизм. Безобразия какое-то. Извращённость.

В главе, о которой речь, по оценкам видных юристов – членов Совета Федерации, – ничего криминального не было. Но Шпигель решил, что надо воспользоваться случаем. И вот председателю комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишасу поступает письмо от председателя исполкома Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Р. Хазановой. В нём она сообщает: “В этой книге рассказываются всякие безобразия, в том числе о евреях. В ней имеются признаки антисемитизма и правого радикализма”. Но поскольку в книге довольно негативно представлен Б. Шпигель, Р. Хазанова сообщает: “Я с большим уважением отношусь к Шпигелю Б. И. Он интеллигентный, эрудированный, бесконечно добрый и отзывчивый. И, несомненно, он является одним из тех людей современной России, которые своими делами, знаниями и поступками увеличивают её значимость в современном мире”.

Понятны такие возвышенные отзывы Хазановой о Шпигеле. Ведь он её начальник в Конгрессе. И, как выяснилось в ходе следствия, книжку она не только не читала, но даже не держала её в руках. Ей, по словам Р. Хазановой, рассказал про неё Б. Шпигель.

Получив послание Р. Хазановой, А. Клишас информирует председателя Совета Федерации В. Матвиенко: “Книга содержит клеветнические инсинуации в отношении бывших и действующих членов Совета Федерации, руководства палаты, работников аппарата Совета Федерации, сотрудников администрации Президента Российской Федерации, руководства страны”. Валентина Матвиенко накладывает на письмо председателя комитета жёсткую резолюцию: “Клишасу А. А. Примите исчерпывающие меры по недопущению издания экстремистских книг и привлечению к ответственности виновных”.

Ах, как хочется многим из разномастных властителей сегодняшней России увидеть в критике их действий “клеветнические инсинуации”, закатать в асфальт безмолвия любое несогласие с их делами и поступками! В тот же день А. Клишас обращается к Генпрокурору страны Ю. Чайке, а через пару дней – к председателю Следственного комитета России А. Бастрыкину. И понеслось, закрутилось уголовное дело, где про автора книги написано: “Особо опасен”. Его помещали в камеру, таскали на допросы, пытались добиться признания, что он антисемит, подрывающий устои государства. Несколько лет он жил под подпиской о невыезде. Чтобы увидеть большую мать, живущую

в Приднестровье, просил у следователей специального разрешения. Мать, которая медсестрой прошла Великую Отечественную войну и войну с Японией.

Доказать преступный умысел так и не удалось, потому что его не было. И уголовное дело закрыли на основании истечения срока давности. Однако в феврале 2021 года Хамовнический суд Москвы рассмотрел обращение прокуратуры об отмене этого решения как необоснованного. Уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Виталий Гулий победил. Дорогой ценой. Одно утешает, что засуетились представители разных издательств с просьбой разрешить переиздание книги “Подножие российского Олимпа. Штрихи к портрету современного чиновника”. Значит, о прежней жизни Сенатория и его героях, включая Б. Шпигеля, узнают многие люди.

Правда, уже после вынужденного ухода из Совета Федерации открылись новые, гораздо более криминальные факты из деятельности Шпигеля. В марте 2021 года экс-сенатор и лекарственный магнат был арестован Басманным судом Москвы по подозрению во взяточничестве. Следствие считает, что Шпигель за взятки губернатору Пензенской области Ивану Белозерцеву получил конкурентные преимущества для группы принадлежащих ему компаний “Биотэк” при заключении госконтрактов на поставку лекарств медучреждению Пензенской области.

Нынешнее уголовное дело Шпигеля не имеет отношения к Совету Федерации. Ну, был когда-то сенатором, а сейчас попался. Эта некрасивая история скорее для раздумий членам двух общественных организаций: “Мир без нацизма” и Конгресс русскоязычных евреев. Им решать: может ли человек с такой репутацией возглавлять данные структуры?

Но сказать, что палата регионов кристально чиста в криминальном отношении, значит погрешить против истины. Прежде я уже назвал несколько примеров уголовщины. Они относятся к раннему периоду Совета Федерации. Но и в позднее время их стало не меньше, а больше. В 2015 году в Москве осуждён на шесть лет бывший член Совета Федерации Александр Сабадаш. В 2016-м за коммерческий подкуп приговорён к штрафу в пять миллионов рублей бывший председатель комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и рыбохозяйственному комплексу Геннадий Горбунов. В 2017-м приговорён к шести годам за мошенничество с недвижимостью бывший сенатор Девлетхан Алиханов. В том же году бывший член Совета Федерации Сергей Попельных осуждён на шесть лет за махинации при строительстве в Венесуэле завода по выпуску автоматов Калашникова. В 2018 году на 12 лет за организацию преступного сообщества осуждён экс-сенатор Дмитрий Скарга. Я уж не говорю об условных сроках, об аресте за границей.

Столь значительные посадки можно отнести на счёт активности правоохранительных органов. И, казалось бы, Сенаторий очищен от криминала. Но через некоторое время произошло невиданное. 30 января 2019 года прямо в зале заседаний арестовали сенатора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова по обвинению в организации убийства. И надо было видеть смятение его коллег, растерянность пожилой дамы, готовящейся разменять восьмой десяток – председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко.

Выходит, грязь на мундир Сенатория продолжает липнуть. А причина нечистоплотности посланцев в том, что их иногда посылают такие же руководители регионов. Я видел документ, где губернатор одной из областей дал расписку двум представителям организованной преступности, в которой обещал за помощь в выборах одного сделать своим заместителем, а второго послать членом Совета Федерации от этой области.

А сколько таких губернаторов по стране! Разве не настораживает тот факт, что от Пензенской области идёт в сенаторы сначала человек, увешанный судимостями, как медалями, а потом взяточник? И когда таким властителям в регионах заботиться о благе людей на доверенной им территории? Я уже говорил о том, что после аварии на шахте “Распадская” в Кузбассе в 2010 году, где погибло больше 90 человек, написал в нашем парламентском журнале статью “Господин хозяин и гражданин батрак”. В ней обвинял владельцев шахты в том, что, ради повышения доходов они вкладывали большие деньги в увеличение добычи угля, идущего на экспорт, и почти не заботились о безопасности труда шахтёров. В забоях скапливалось опасное количество метана, специальные датчики работали плохо, дегазация проводилась от случая к случаю.

Работавший в ту пору премьером Владимир Путин провёл обширное заседание. Были намечены многие меры для того, чтобы не допустить подобного в дальнейшем.

Прошло десять лет. И вот в ноябре 2021 года снова чудовищная авария в Кузбассе. В этот раз на шахте “Листвяжная”. Погиб 51 человек. И опять Владимир Путин – теперь Президент – проводит такое же большое совещание. Получается, что намеченные ранее меры были выполнены далеко не полностью. Даются новые задания.

А где же парламент? Где его палата регионов с предоставленным ей правом законодательной инициативы? Жизнь просто вопиет о необходимости закона, который должен ужесточить ответственность частных владельцев шахт и других предприятий за безопасность работы на них. Вплоть до их национализации! Но в Сенатории таких инициатив не любят. Здесь обожают гладь и тишину.

Недавно знакомый эколог из Архангельской области, подростком наблюдавший, как в его райцентре снимали с пьедестала и закапывали бюст Сталина, видя происходящее в стране, сказал: “Пора выкапывать Сталина”.

“А судьи кто?..”

Как можно убрать курс, как его можно сломать? Надо убрать рулевого. И тогда корабль собьётся с пути, налетит на рифы, утонет, и будет тишина. И уже без предупреждений, без ничего на Хренова начали давить, чтобы он ушёл на пенсию. Ему, по-моему, пообещали издать книгу стихов, если он уйдёт.

И Хренов ушёл. А вместо него поставили некоего Шарова. Я знал этого Сашу Шарова, мы вместе бывали в командировках. Когда был председателем Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов, я много ездил с ним по разным странам, поскольку входил в журналистский пул. С нами ездил и Шаров как представитель пресс-службы Совета Федерации. У него всё время не задавалась карьера. В “Парламентской газете”, где он работал, ничего толкового не происходило. Газета была просто ужасная. Её, не читая, выбрасывали в мусорные корзины.

Чиновником пресс-службы он тоже себя не проявил. И вот его поставили главным редактором журнала “Российская Федерация сегодня”. Разумеется, не без участия спикерши Верхней палаты Валентины Матвиенко и её тогдашнего первого заместителя Александра Торшина, который, по данным испанской полиции и прессы, был связан с криминалом.

Главная надежда утвердителей была в том, что Шаров очень податлив, угодлив, исполнит всё, что нужно, чтобы не было никакого возмущения людей действиями власти. Естественно, коллектив с этим не согласился. Начались бурные дни. А Шаров пришёл не один, он привёл с собой сына, который встал на место Александра Кузнецова. Новый главный привёл и других людей с позициями, подобными его. Таким образом, стали перекрываться все пути для выхода нормальных публикаций.

Мне он предложил быть заместителем главного редактора. Я отказался. Больше того, вместе с Александром Викентьевичем Черняком и Лидией Сычёвой стал оспаривать методы ведения журнала.

Правда, и другие в коллективе не совсем соглашались с шаровским стилем работы. Но некоторые притихли, сидели молча, спрятавшись, чтобы их не трогали. И тогда Шаров придумал: он сократил наши должности, чтобы мы ушли. Мы обратились с письмами к Матвиенко, Председателю Совета Федерации, и Нарышкину, Председателю Госдумы. Написали и о том, что уже произошло на наших глазах.

Если в 2010 году у нас ежемесячный тираж доходил до 50 тысяч экземпляров, вы можете себе представить, парламентский журнал, не какой-то “Playboy”, не какая-то развлекуха, а издание серьёзное, но вот с таким тиражом. То на следующий год, в 2011-м, тираж упал и стал меньше 10 тысяч. Сайт нашего издания по посещаемости занимал 27-е место из 1250 журналов. В 2011 году он опустился в третью сотню. И последнее, что сделала эта команда: они уничтожили архив журнала за много лет, то есть сделали так, чтобы никто не имел возможности сравнить, что было и что стало.

Мы напрасно обращались к Матвиенко и к Нарышкину. Но главным образом к Матвиенко, потому что журнал считался как бы изданием Совета

Федерации. У Госдумы была “Парламентская газета”, Госдума её курировала. Матвиенко нас не приняла. Нам передали, что нашим обращением будет заниматься её первый заместитель Торшин.

Валентина Ивановна Матвиенко совсем не собирается на пенсию. А Хренова, который был намного моложе, убрали. На самом деле ей нужна была тишина, гладь и никаких даже малейших критических публикаций относительно действий власти. А поскольку нам сказали, что вопросами нашими будет заниматься Торшин, мы с Александром Черняком договорились о встрече с ним.

Я всегда настороженно относился к этому маленькому, толстенькому и на вид рыхлому человеку. Какой-то он был непонятный, какой-то вроде как скользкий. Не очень заметный, он, похоже, действовал “тихой сапой”.

Уже перед нашим разгромом я дал критическую корреспонденцию о его идее, с которой он носился, как курица с яйцом, о том, чтобы вооружить население России короткоствольным оружием, то есть пистолетами. Сославшись на мнение экспертов, разного рода специалистов, в том числе юристов, я оспорил эту идею. При заметной российской черте неуважения к закону дать ещё возможность завладеть миллионам людей оружием – это значит устроить расстрелы в государстве. У нас и так население стремительно убывает, а тут ещё будет свобода выстрелить...

Недавние статистические сведения показали, что за три года Россия потеряла 500 тысяч человек. Не прибавилось, а убавилось полмиллиона людей. Это не считая огромного количества смертей от ковида-19. А Торшин как член американской Ассоциации оружейников ещё предлагал вооружить миллионы граждан России пистолетами! Слава Богу, эта сумасшедшая идея не реализовалась.

Немало возмущения вызвала и другая затея Торшина. А именно: ребятишек из детдомов с Русского Севера передавать в семьи жителей Северного Кавказа. Когда люди услышали об этом, у многих возник вопрос: нормальный ли человек предлагает такое? Тогда ещё не везде было мирно и спокойно на Кавказе.

Торшин уверял, что для них будет другой климат, другая религия, дети будут расти в другой культуре. Но и дураку было ясно, что из этой затеи выйдет только ущерб для русского народа. Ещё открывались факты, где в глухих аулах содержались на положении рабов русские люди. А здесь детей отдать с раннего возраста на воспитание в чуждый им мир и тем самым наладить воспитание шахидов и боевиков в будущем.

Вот такие полусумасшедшие идеи выдвигал первый заместитель Председателя Совета Федерации Торшин, который, кстати говоря, несколько месяцев выполнял обязанности руководителя Верхней палаты нашего парламента. А Председатель Совета Федерации по нашей Конституции – это третий человек в государстве.

Но мы ещё тогда с Черняком не знали многих вещей, которые стали открываться позднее. Торшин нас принял. Мы рассказали о положении в журнале, о том, что издание гибнет. И если им это нужно, то они получили то, что надо. А если они хотят сохранить необходимый для парламента журнал, то надо принимать соответствующие меры. Торшин, мягко воркуя, сказал: да, мы рассмотрим и, думаю, поправим это положение. Обязательно поправим!

Мы ушли. На следующий день нас уволили. А Торшин засветился ещё в неприглядной истории с арестом своей помощницы Марии Бутиной в США. Ей грозил большой тюремный срок, но она пошла на сделку с правосудием, и её освободили раньше. Однако в ходе следствия всплыла фамилия Торшина. ФБР запросила испанскую полицию. Дело получило огласку, и наша власть, снисходительная ко всяким отечественным прохиндеям, вынуждена была убрать Торшина. Сначала из Совета Федерации в Центробанк, а оттуда – на пенсию. Сейчас он – частное лицо. Судя по сообщениям, не бедствует.

А мы ушли каждый кто куда. Я с большим удовольствием занялся литературой, которой раньше отдавал время лишь урывками. Написал роман “Крик совы перед концом сезона” – о том, кто и как разрушал Советский Союз. Александр Черняк тоже написал несколько книг. Одну из них – об истории журналистики. Назвал её: “От литеры до цифры”. А Лида продолжает свою литературную работу и ведёт интернет-журнал “Мол.Око”, и недавно выпустила книги “Мы всё ещё русские” и “Мёд жизни”.

Эта статья была написана председателем Союза писателей России Николаем Фёдоровичем Ивановым в начале марта 2022 года и обращена, прежде всего, к литературному сообществу, которое он возглавляет. Статья родилась в ответ на настойчивые просьбы региональных руководителей сформулировать гражданскую позицию, на которую это сообщество могло бы ориентироваться. И потому, конечно же, наряду с острыми общественными вопросами в статье поднимаются вопросы, как может и должен вести себя писатель в это непростое время. Должна ли быть у писателя устойчивая общественная позиция? Какие вопросы он должен задавать себе в первую очередь? Редакции кажется, что этот материал будет интересен и важен для многих наших читателей.

Андрей Тимофеев, редактор отдела критики и публицистики

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

председатель правления Союза писателей России

ТОЧКА “НОЛЬ”

1

Русские писатели никогда не хвалили войну. Они поклонялись солдату на войне.

Но русские писатели никогда и не позволяли топтать наши родовые символы. Издеваться над памятью тех, кто защищал Отечество. Переписывать историю в угоду врагам. Растапывать у людей их человеческое достоинство. Уничтожать родной язык.

2

Мы годами недоумевали, почему власть ласкала и привечала тех, кто явно ненавидел Россию. В ситуации с Украиной они первыми выползли на площади, в телеэкраны и соцсети со скорбным ахеджаковским выражением лица “мне стыдно за Россию”, и при ближайшем рассмотрении подтвердилось: да, в первых рядах “стыдливцев” снова те, кто имеет государственные награды — начиная с орденов “За заслуги перед Отечеством” разных степеней, до заслуженных и народных деятелей всяческих искусств. Интересно, кто их выдвигал и кто подписывал представления? Кто позволял создавать всевозможные фонды под видом благотворительности? Кто включал их в списки представлять нашу страну и русскую литературу на всевозможных международных книжных ярмарках-выставках?

Не оттого ли украинские националисты наряду с обращением за помощью к НАТО и коллективному Западу взмолились и к “пятой колонне” в России: “наших бьют”, — не понимая, что тем самым поставили знак равенства между ними и бандеровцами? И не надо “пятиколоночникам” говорить, что они не

видели фашистских флагов у тех, о ком сегодня рыдают. Не ведали, что с детских садиков младенцев учили кричалкам “Москаляку на гіляку”. Не понимали, что рядом с нами родилось нацистское государство, в котором людей, говорящих на русском языке, именовали “особями”. Что возможным стало после сожжения людей в Одессе подавать в ресторанах блюда “Жареный колорад” и “Печень ополченца”...

Все эти маниакальные превосходства “бандеровской расы”, в первую очередь, являлись проблемой страны, допустившей у себя подобное. Но у медали две стороны. Горящие факелы, шествия, даже пляски у пожарищ Донбасса – они до тех пор остаются внутриукраинскими, пока не встает вопрос безопасности соседей.

И здесь уместен прямой вопрос господам “нетвоенцам”. Неужели не хватает ума хотя бы спросить себя: ведь наверняка не просто так Путину захотелось повоевать. Наверное, были всё же очень серьёзные основания, о которых мы не знаем или знать не желаем?

3

Уже сейчас приоткрываются тайны.

Первая – о деятельности 15 военных американских биологических лабораторий, уже работавших в/на Украине, подальше от США и поближе к России. Две самые мощные готовились к открытию в Киеве и Одессе как раз в день начала операции.

Уже не тайна и договоренности Эрдогана и Зеленского о совместной работе Украины и Турции по возможному созданию пусть и “грязной”, но атомной бомбы. И первое, что сделал президент Украины после сделки, – он начал шантажировать этим Россию. В мире давно утвердилось мнение: когда открывают форточку в эту страшную действительность, её требуется не просто захлопнуть обратно, а и заколотить гвоздями “сотка”.

И тем более, мы сегодня знаем, что удар специальных сил России опередил всего лишь на несколько часов выстроенную в боевой порядок технику ВСУ и нацбатов для уничтожения Донбасса. Страшно представить каток, который бы покатился по земле, восемь лет до этого находившейся под постоянными обстрелами Украины. И знаете, на чём бы акцентировали внимание западные пропагандисты? “Вот так Россия помогает своим гражданам!” Затем бесконечные провокации на границе, одна из которых вынужденно переросла бы в вооружённый конфликт на условиях США.

Так что главное – Украина отдала себя под плацдарм для нападков на Россию.

4

Писателя, в отличие от блогеров, интересует, в первую очередь, ответ на вопрос не “как ввели войска”, а “почему их ввели”.

Эти вопросы никогда не задаёт себе наша крикливая, нашпигованная средствами массовой информации, деньгами оппозиция. В информационном плане ситуация ещё вчера один в один повторяла Чечню, когда “незабвенные” и всем хорошо известные правозащитники, депутаты и журналисты определённых редакций обливали грязью наших солдат и офицеров, жертвенно отстаивавших в девяностых годах целостность России.

И вот у них родились достойные подражатели. Однако время “Z” дало и первый факт самоочищения страны: и закрытие самых одиозных СМИ, и закон о лжи, на которой сидела и бесконечно кормилась интеллигенция, давно оторвавшаяся от народа.

Но будем знать, что она никуда не исчезла. Она всегда прикрывалась другими, И сейчас их главная задача – сформировать 6-ю колонну так называемых “всепропальщиков”. Они пока не враги Отечеству, но будет делаться всё, чтобы ими пополнить ряды клеветников и ненавистников собственной Родины.

5

Война не нужна России. Она не нужна была и Украине. “Рідну нэньку”, как неразумное дитя, подвели к ней “добрые” дяди, все последние годы подзуживавшие и поощрявшие твяканье из-под забора. Гавкнешь – получишь печенку. Промолчишь – останешься без сладкого на ужин.

Но мы знаем: что бы ни делалось в последние годы подобными доброжелателями — это не за Украину, а исключительно против России! Запад уверовал сам и приучил нашего ближайшего соседа и собрата к тому, что Россия отныне — это всего лишь коврик перед дверьми, о который нужно и можно вытирать ноги.

Восемь лет исключительно Россия добивалась того, чтобы Украина признала Донбасс своей территорией, как и предписывали Минские соглашения. Это мы, Россия, добивались! Но усвоено было совершенно другое: “колорадов” надо давить танками и сжигать. Запад бросил Украину в огонь, оставшись, как всегда, наблюдать со стороны и ждать своей личной выгоды. Ничто не ново под луной.

Можно было бы что-то понять, если бы Запад вёз на Украину гуманитарную помощь или книги своих великих писателей-классиков. Но он вёз исключительно оружие, бронетехнику, оружие и вновь бронетехнику. Вместо тех же фестивалей дружбы на Украине шли, с каждым годом становясь все масштабнее, всё ближе к границам России, военные учения.

И подошёл миг, когда стало понятно: Запад хочет войны. Украина всего-навсего — таран, которым руководство страны согласилось быть. Война подошла к воротам России. Конфликт выходил на другой уровень, на уровень 1941 года, когда Сталин до последнего надеялся на благоразумие противника. Можно было и сейчас его ждать, оставаясь в белых манишках. Но интересно, что бы кричали нынешние ультралибералы, начнись провокации на нашей границе? А то, что они кричат все последние годы на Сталина: не смог предвидеть, не защитил, проморгал, побоялся взять ответственность...

В какие-то моменты неизбежности надо начинать первым. Нашёлся человек, который взвалил на себя эту колоссальную ответственность. В нашу раскрытую ладонь, которую мы протягивали соседям все эти годы, через которую руководство страны умоляло начать переговоры, отвести угрозу от наших границ и дать гарантии безопасности, откровенно и хамски наплевали. Нам надо было и дальше просто утереться? Осознавая, что мы находимся у критической черты, в своеобразной точке “Ноль”, после которой страна обрекается только на поражения?

Но наша ладонь вдруг превратилась в кулак!

Сейчас время слова и дела. Дело сделано. Но из истории знаем: во время войны обязательно проявляются предатели, власовцы и бандеровцы, готовые стрелять в спину своим.

Пришло время и Слову.

6

Я хочу выразить благодарность нашему Союзу писателей России.

Мы уже увидели деятелей культуры, побежавших под телекамеры засвидетельствовать своё почтение Западу. Некоторые, наоборот, попрятались в щели, боясь высказать и обнародовать свою позицию — тоже на всякий случай.

А вот наши региональные руководители буквально потребовали от меня как председателя чётко и внятно обозначить свою позицию, хотя секретариат в это время уже готовил Заявление Союза писателей о сложившейся ситуации. Оно полностью отразило мнение подавляющего большинства членов СП России. Хотя могу сказать и точно: два человека, две молоденькие женщины, ещё недавно выставлявшие свои фото с билетами, сделали “селфи” с нашим заявлением, заявляя о своём несогласии. Ради Бога. Вас могут принять в свои распростёртые объятия другие союзы.

И второй штрих. При обнародовании знакового письма в “Литературной газете” в поддержку армии “Кто хочет жертв?” буквально за первые часы от писателей России пришло более двухсот подписей! Это составило две трети от общего количества подписавших — и в том числе данный факт придавал уверенность газете в необходимости публикации. И снова цифры статистики: всего лишь два писателя, до которых дошёл текст, отказались ставить свою подпись. Только что прислали скан из соцсетей: ещё одна женщина “бегает” по интернету с матерными текстами в адрес России и президента.

Пять человек на весь Союз! Наверное, кто-то проявится ещё. Наверняка проявится. Но наша сплочённость и ответственность, гражданская зрелость позволяют мне сказать “спасибо” нашему союзу единомышленников. Мы вместе, никто никуда не сбегал, не переметнулся, не забился в щели.

Работаем дальше во времени, которое можно обозначить как “Точка “Ноль”, неожиданно ставшая символом нового времени, когда Россия перестала отступать в войне, навязанной нам сразу после распада СССР.

Эта статья была написана поэтом Владимиром Козловым для сайта “Просодия” в конце февраля 2022 года. Среди множества резких высказываний, разрывавших тогда социальные сети, она была, кажется, единственным взвешенным высказыванием на тему того, как писатель может существовать в период обострения информационной войны. Может ли он оставаться художником или обязан стать гражданином? Как соотносятся между собой свобода и независимость художника и идеология? Редакции кажется, что статья будет интересна и нашим читателям.

Андрей Тимофеев, редактор отдела критики и публицистики

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

ПОЭЗИЯ КАК ПОЛНАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ

Я начал эти заметки задолго до военных действий на территории Украины – событий, которые, без преувеличения, шокировали очень многих внутри России. Изнутри пространства культуры и искусства любое обоснование войны выглядит дико. Но одновременно появляется и другое ощущение: что в понимании ситуации в современном мире, возможно, что-то упущено, раз столь масштабные события могли оказаться неожиданными. И упущено, возможно, именно то, что война идёт давно – она просто меняет фронта.

Я начал эти заметки давно, поскольку уверен, что поэзия, сообщество деятелей культуры сегодня во многом потеряло сопротивляемость идеологии. Оно забыло, почему идеология не должна вообще ассоциироваться с искусством, несмотря на существование сугубо политических течений в современном искусстве. Эти течения потому и возможны, что они исключения. Ситуация резкой идеологической поляризации, которая в одночасье развернулась в конце февраля 2022 года, – возможно, одно из самых ярких выражений тех ситуаций, в которых имеет смысл проговаривать фундаментальные вещи и определяться по отношению к ним.

Может ли поэзия оставаться собой в период, когда идёт война? Или каждый пишущий обязан приравнять перо к штыку? Именно в такие моменты особенно принципиален выбор: быть гражданином или служить искусству? Что это значит вообще – служить искусству? В чём ценность этой позиции, не труслива ли она в ситуации, когда идёт война?

По сути, это продолжение моих субъективных размышлений о назначении поэзии в современном мире. И здесь в заголовок вынесено ещё одно определение поэзии, которое нужно рассматривать как дополнительное к тем пяти определениям поэзии на каждый день, о которых я уже писал (имеются

в виду статьи автора на сайте “Просодия”. – Н. С.). Мне кажется, сегодня поэзия нуждается не столько в новых шедеврах, сколько в переосмыслении собственного назначения. Чем больше работающих, живых определений поэзии в вашей литературной кухне и просто в жизни, тем лучше. Если они работают – значит, у вас каким-то образом получается найти органичное место поэзии в жизни. А если получается, значит, вы каким-то образом выживаете в качестве поэта. А если вы выживаете в качестве поэта, значит, выживает и сама поэзия. Такая вот нехитрая логика мотивирует это продолжение начатой ранее своеобразной методички по выживанию в условной роли поэта.

Выбор гражданина и выбор художника

Для человека, осознающего себя художником, в острые моменты истории характерно попадать в одну и ту же ситуацию, которая в эти дни оказалась растрогана в социальных сетях. “Нет, ты не юли! – говорят ему, мысленно беря за грудки. – Ты осуждаешь или приветствуешь?”, “Немедленно требую отписаться от меня тех, кто считает, что...” – такими ультиматумами наполнены социальные сети периода войны 2022 года. Примерно на том же уровне терпимость была и в 2014 году. Одни готовы разорвать отношения за неготовность осудить в нужных выражениях, другие – за неготовность в нужных выражениях поддержать. Да, действительно, нужно признать, что гражданин, какой бы стране и эпохе он ни принадлежал, в определённых ситуациях обязан делать выбор. Выбор стороны. И компромисса здесь быть не может. Это так же естественно, как защищать семью, малую и большую Родину. Нужно только учитывать, перед кем гражданин делает этот выбор. Если я разговариваю человеком, который смотрит на мой мир извне, я буду отстаивать свой мир в любой ситуации. С человеком, с которым мы разделяем большую Родину, я могу говорить о внутренних проблемах этой Родины. С тем, с кем могу разделять малую, могу говорить о проблемах малой. С тем, с кем разделяю семью, могу говорить о проблемах семьи. А с Богом я буду обсуждать пути спасения своей грешной души. Вот такая русская матрёшка. Нет ничего глупее, чем не понимать, перед кем ты в данный момент делаешь свой выбор. Так это было всего лишь про выбор, который делает гражданин. Художник делает другой выбор, он не менее сложен. И ни один гражданин не в состоянии удовлетвориться этим выбором.

Его выбор связан с независимостью. Выбирать независимость от граждан, трясущих за грудки, – это и есть служение искусству. Сами эти граждане потом спасибо скажут – если когда-либо осознают, зачем искусство вообще нужно. Очень многие сегодня называют художниками тех, кто очевидным образом отказался от независимости, кто каждый день предьявляет свою принадлежность той или иной стороне. Для меня это нонсенс. Но если подумать, то да, такую штуку, как независимость, не каждый может себе позволить – слишком дорого выходит, ребята могут не понять, нужны компромиссы. И тем не менее я лично предпочитаю не называть художниками тех, кто отказался от независимости и выбрал сторону. Художник, который сдал единственный пяточок, который обеспечивал его уникальную нишу в современном мире, должен проходить по ведомствам разного рода обслуживающего персонала, оснащённого теми или иными навыками: графического дизайнера, “сторителлинга”, “копирайтинга”, пропаганды... Я считаю, что если ты не в состоянии принести в жертву такой способ социализации как выбор стороны, если ты не готов к этим профессиональным рискам, то не надо заниматься искусством, не надо делать вид, что ты занимаешься искусством. Для художника не только не бывает хорошей власти, потому что любая власть хочет его использовать, но и не бывает хорошей стороны, потому что принадлежность к ней обязательно будет иметь следствием либо самоцензуру, либо вырождение в качестве художника, либо предательство. Этот выбор лучше осознавать заранее.

Независимость как условие гуманизма

Я постоянно слышу это от людей искусства: одни признаются, что охотно бы воевали на Донбассе, другие готовы воевать со своим государством. Одни готовы вешать либералов, другие – людей, представляющих систему.

Они торопятся занимать стороны в самых примитивных конфликтах, им важно проявить солидарность с хорошими людьми, которых не интересует реальность, а интересует только одно: мы победим или они? Все эти линии поведения совершенно нормальны для граждан, для живых людей, которые ходят по земле и имеют право на мнение о соседях и работе городского транспорта. Но когда я слышу это от людей искусства, у меня возникает ощущение, что ими потеряно понимание, в чём собственно их роль как людей искусства. А если вы потеряли такое понимание, не надо продолжать называть себя людьми искусства.

Искусство необходимо и интересно как точка независимого от любой прагматики суждения о человеке в мире. Вся прагматика в её бесконечных проявлениях – материал в руках художника, но материал не будет преодолён, если художник не имеет точки зрения вне его. Искусство невозможно без этой точки зрения. Только с этой позиции доступна сложность ситуации, в которой оказался человек. Только с этой позиции видна сложность человеческой природы. Это та точка, в которой художник может позволить себе задаваться именно теми вопросами, которыми надо задаваться, – хотя бы потому, что ими негде больше задаваться. Точно не на политических дебатах и не на свободном рынке. Художник, который добровольно сдаёт позицию внеаходимой независимости, сразу же начинает выглядеть не очень умным обывателем, голос которого будут использовать в целях, которые он слабо понимает. Он выглядит котёнком в чужой игре. Любой имеет право так выглядеть. Художник тоже человек. Но в этом смысле – когда он гражданин, он не художник.

Потому что позиция художника гуманна в силу своего интереса к человеку, в силу стремления понять то, что мало кто понимает, и в то же время не видит в этом обстоятельстве проблемы. Поэтому художник не может оправдывать убийство ни при каких обстоятельствах. А оправдание убийства человека человеком – это меньшее, что готов делать любой представитель партии войны. Они всегда знают, кого надо убить, чтобы решить свои проблемы. Они нас убеждают, что все русские писатели кого-нибудь убивали, что это нормально, это такая традиция у нас.

Партия войны работает исключительно на воспроизводство войны. Итог войны не победа, а война. И это не война между бедными и богатыми, между голодными и сытыми, между бесправными и правителями, между униженными, забитыми и сильными, самодовольными – это всегда война сильных, сытых, самодовольных за право в полной мере несправедливо распоряжаться судьбами всех остальных. И когда я вижу деятеля искусства, который занимает сторону в этой войне, я понимаю о нём только одно: что ему очень хочется быть на стороне сильных и здоровых, которые в любом случае будут жизнями бедных и больных оплачивать свои заблуждения и капризы. Мне кажется, что занимать такую сторону и называть себя при этом деятелем искусства – лицемерие. Возможно, мы все уже настолько привыкли к распространению лицемерия в современной “фейковой” медиасреде, что именно это лицемерие не кажется нам самым лицемерным. Наверное, это действительно так.

Ответственность художника

Сопrotивляемость идеологии в сообществе деятелей искусства сегодня близка к нулю. Можно попытаться подумать, почему. Возможно, не на что опереться: никакой своей большой идеи внутри искусства не осталось, вернее, никто не хочет верить ни в какие большие идеи, связанные с искусством; по этой причине прислоняться приходится к конструкциям попроче и понадёжнее, тем более что мы же как бы художники не 24 часа в сутки. Но эти надёжные конструкции заменяют гуманизм искусства антигуманизмом идеологии, отдают его на съедение механизмам насилия, которые управляют большей частью обыкновенного человеческого мозга. Эти конструкции нам говорят, что в многообразии форм насилия, которые над нами совершаются, у нас есть выбор – и это единственный выбор, который у нас есть. Так совершается подмена настоящего выбора, который должен совершить художник.

Художник должен быть сосредоточен на решении вопроса о человеке. Художник моделирует человека будущего. Субъекта, перед которым отвечает, в реальности не существует, он только должен появиться – в результате знакомства с произведением искусства. Художник берёт обывателя и корректирует

систему координат в его сознании. Открывал книгу один человек, а закрыл её другой. Таков результат соприкосновения с художественным образом. Произведение – явление иной, далёкой от идеологии природы. Художественная реальность, живущая своей жизнью. В ней есть всё для того, чтобы она разрасталась в нашем сознании, вбирала явления жизни, которые, казалось бы, лежат далеко за её пределами, и, в конечном счёте, влияла на способности нашего сознания в принципе.

Образ – форма органической жизни в неорганическом мире. И в то же время задайте вопрос: что автор хотел сказать художественным образом? Мне кажется, единственным адекватным ответом на этот вопрос был бы ответ: всё, он хотел сказать им всё. Именно художник работает на таком уровне, на котором невозможно почти ничего сказать, кроме как всё. Как он может принять чью-либо сторону, если он собирается говорить о том, как может быть устроен мир? Образ – это самая сложная для постижения штука, потому что это уже органика, даже в некотором смысле жизнь. Художник, который не понимает природы образа, не понимает своей ответственности за ненарушение его природы, он не только не способен создать образ – более того, он занимается подлогом: выдаёт за образ агитку, пользуясь тем, что многие не увидят разницы, он дурит народ, дурит “малых сих”, которые на него надеялись, но, возможно, не знали этого.

Кажется, именно в такие времена, как сегодня, становится очевидным, что только искусство в состоянии думать о человеке, переживать его драмы и трагедии независимо от его идейных, национальных и иных принадлежностей. Именно в периоды таких потрясений важно, чтобы художник не изменил своей природе под тем или иным давлением, чтобы он продолжал то своё дело, которое, кроме него, в этом мире сделать никому. Осознание художником своей миссии – своего рода присяга или клятва Гиппократа, только приходиться сегодня к её принятию приходится поодиночке. Ну ничего, всем сейчас трудно.

ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ

“КАРТИНУ С ТРОЦКИМ ПОКАЗЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ...”

(коммунистическая оппозиция в советском и российском кино)

Пожалуй, из всех сюжетов советской истории в отечественном кино скуднее всего представлена внутривластная борьба 1920-х годов. Хотя об этой эпохе снято немало картин, в основном они посвящены гражданской войне, противостоянию белых, красных, зелёных, службе чекистов и милиционеров... В некоторых фильмах отражаются мирные реалии нэпа, часто в юмористическом ключе (“12 стульев”, “Не может быть!”, “Собачье сердце” и др.). Однако по пальцам можно пересчитать киноленты, где хотя бы мельком показаны лидеры коммунистической оппозиции или их сторонники.

Значительно подробнее эта тема освещена в художественной литературе. Троцкисты и зиновьевцы действуют или упоминаются в романах “Как закалялась сталь” Николая Островского, “Мужество” Веры Кетлинской, “Вечный зов” Анатолия Иванова, “Во имя отца и сына” Ивана Шевцова, “Кануны” Василия Белова, “Ленинградская зима” Василия Ардаматского... В этих произведениях оппозиционеры представлены по-разному: это и запутавшиеся, хотя объективно честные коммунисты (“Как закалялась сталь”), и фанатики-“перегибщики” (“Кануны”), и сознательные враги советской власти, и, наконец, русофобы, для которых троцкизм – не столько политическая идея, сколько форма ненависти к России и русскому народу...

Киносудьбу Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и их соратников определил день 7 ноября 1927 года. Тогда в Москве и Ленинграде во время демонстраций в честь 10-летия Октябрьской революции сторонники объединённой (троцкистско-зиновьевской) оппозиции в последний раз попытались выйти на улицы со своими лозунгами и с портретами своих вождей. О том, как события этого дня повлияли на советское кино, написал в своих мемуарах режиссёр Г. В. Александров:

“Седьмого ноября с утра подчищали смонтированный материал. Вечером во время торжественного заседания в Большом театре планировался показ фильма “Октябрь”, а утром 7 ноября 1927 года состоялись открытые выступления троцкистской оппозиции. Представители оппозиционных сил с балконов домов обращались с речами к трудящимся Москвы, вышедшим на демонстрацию [...] Об этом мы узнали позднее: сотрудники Госкино, где мы работали, ни при каких обстоятельствах не должны были нас отвлекать [...] В четыре в монтажную вошёл И. В. Сталин. Поздоровавшись так, будто видит нас не первый раз, он спросил:

– У вас в картине есть Троцкий?

– Да, – ответил Сергей Михайлович [Эйзенштейн. – Т. Н.].

– Покажите эти части.

Сталин, строгий, задумчивый, не расположенный к беседе, молча прошёл в зал.

Механиков не было. Я сам пошёл в будку и крутил ролики, в которых присутствовал Троцкий. Эйзенштейн сидел рядом со Сталиным. После просмотра И. В. Сталин сообщил нам о выступлении троцкистской оппозиции [...] и заключил:

– Картину с Троцким сегодня показывать нельзя.

Три эпизода, в которых присутствовал Троцкий, мы успели вырезать. А две части фильма, в коих избавиться от Троцкого с помощью монтажных ножниц было затруднительно, просто отложили и перемонтировали эти части в течение ноября и декабря.

Вечером в Большом театре были показаны фактически лишь фрагменты нашего фильма**.

Оппозиция (лат. *Oppositio* – противопоставление) – это группа лиц внутри общества, партии, организации, ведущая политику противодействия, сопротивления большинству. К политической оппозиции можно отнести партию, ведущую открытую борьбу за власть, фракцию в парламенте или внутри партии. В любом случае политическая оппозиция легальна (хотя не все её действия могут быть публичными). В царское время к оппозиции можно было отнести кадетов или октябристов, представлявших солидные фракции в Государственной Думе.

После 1917 года большевики довольно быстро ликвидировали многопартийную систему, запретив одни партии (правые и “центристские”) и принудив к самороспуску другие (социалистической направленности). Однако внутри правящей партии открытая политическая борьба продолжалась вплоть до конца 1920-х годов. Коммунистическая оппозиция не была единым движением, а скорее разрозненными группировками со своими программами и лидерами.

В наши дни внутрипартийные конфликты 1920-х годов нередко сводят к банальной борьбе за власть, прежде всего, между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Такой взгляд явно преуменьшает исторический смысл противостояния. Хотя, разумеется, “воля к власти” тоже присутствовала, нельзя забывать о более глубоких причинах. Над великой страной с многомиллионным народом совершался беспрецедентный исторический эксперимент, и никто не мог в полной мере предвидеть его последствия. Затянувшаяся политическая смута, экономическая катастрофа внутри страны, провал революционных восстаний в Европе вынуждали большевиков к пересмотру собственных доктрин. Ликвидация многопартийной системы привела к сужению политического поля до размеров одной партии. Болезнь и смерть В. И. Ленина, единственного лидера, обладавшего бесспорным авторитетом, вывели на передний план вопрос о преемнике. Наконец, большевистские лидеры, лишив народ политической свободы, пока сохраняли её для себя. Вожди оппозиции занимали высокие посты в партии, государстве и армии, в ходе дискуссий предлагали свои “платформы” (программы) по экономическим, внутриполитическим и международным вопросам, излагали свои взгляды в партийных документах, брошюрах и публикациях СМИ, словом, до определённого момента вели довольно свободную политическую деятельность и имели шансы на победу. Политическая борьба проходила в обстановке относительной гласности: документы, стенограммы партийных съездов печатались в газетах, издавались отдельными книгами, причём от читателей не скрывались даже эмоциональные реакции и реплики из зала.

Разногласия внутри Российской коммунистической партии (большевиков), или РКП(б), проявились ещё в годы гражданской войны в выступлениях “левых коммунистов”, “военной” и “рабочей” оппозиции... В течение 1920-х годов партия несколько раз оказывалась на грани раскола. В 1921 году политический кризис был преодолен после введения нэпа (“новой экономической политики”). Осенью 1923 года глубокий хозяйственный упадок, рост цен, волна рабочих забастовок вызвали споры о правильности партийного курса. “Большинству” противостояла так называемая левая (троцкистская) оппозиция. В 1924 году обострившаяся борьба за “ленинское наследие”

* Александров Г. Эпоха и кино. М.: Изд-во политической литературы, 1976. С. 71-72.

вылилась в публичную дискуссию вокруг книги Троцкого “Уроки Октября”. В декабре 1925 года на XIV съезде партии выступила “новая оппозиция” в лице Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: они считали невозможным построение социализма в “лапотной” России без опоры на международные силы. Потерпев на съезде сокрушительное поражение и частично лишившись своих постов, Зиновьев и Каменев летом 1926 года создали единый политический блок (так называемую объединённую оппозицию) с Троцким, которого ещё недавно считали своим главным соперником.

К объединённой оппозиции принадлежали видные представители “ленинской гвардии”: Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Е. А. Преображенский, Н. К. Крупская, И. Т. Смилга, А. А. Иоффе, И. Н. Смирнов, Н. И. Муралов, С. В. Мрачковский, К. Б. Радек и многие другие. Помимо многочисленных сторонников в партии и комсомоле, оппозиционеры могли рассчитывать и на сочувствие “беспартийных масс”.

В течение полутора лет троцкисты и зиновьевцы вели напряжённую борьбу за первенство в партии, однако не нашли поддержки у большинства. К осени 1927 года они оказались практически вытеснены из легального политического пространства и перешли к полуподпольной деятельности (тайные собрания, копирование и распространение материалов оппозиции с помощью самиздата и т. д.). Уже упомянутые “параллельные” демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года стали последней попыткой оппозиционеров повести за собой “массы”. В дальнейшем события этого дня и последовавшие затем репрессии трактовались в СССР как законная реакция властей на антисоветское выступление со стороны троцкистов и зиновьевцев. Впрочем, поначалу наказания были относительно мягкими и затронули лишь “неразоружившихся” оппозиционеров (в частности, Л. Д. Троцкий в январе 1928 года был выслан в Алма-Ату, а год спустя — за пределы СССР). Остальные, совершив подобие религиозного покаяния, были в течение нескольких месяцев восстановлены в партии, получили более или менее значимые должности. Однако ни один из лидеров оппозиции больше никогда не поднялся на прежнюю высоту власти.

Сейчас уже не столь актуально, в чём заключались политические взгляды оппозиционеров 1920-х годов (тем более, в статье о кино). А вот их психологический образ заслуживает внимания, как несколько не устаревший и никуда не исчезнувший образец российской фронды. В этом смысле троцкисты и зиновьевцы имеют немало сходства с людьми, казалось бы, далёкими от них по политическим воззрениям, например, с советскими “шестидесятниками” или даже с современными российскими либералами. Во всех случаях идеологами движений являются представители элиты, люди, занимающие высокое положение в государстве и обществе. Для них характерно более или менее ярко выраженное чувство “избранности”, превосходства над “массами” или даже презрение к ним, а нередко — открытая декларация, даже бравирование неприязнью к России и русскому народу. Интересно, что “шестидесятники”, оставаясь в рамках советской идеологии и предпринимая своеобразные попытки ревизии марксизма-ленинизма, почти дословно воскресили лозунг троцкистско-зиновьевской оппозиции: “Назад — к Ленину”. Отсюда следовали другие принципы “шестидесятничества”: тезис о возвращении к “ленинским нормам” как образцу социалистической законности, романтизация В. И. Ленина и его “гвардии”, обвинения ошибок и преступлений советского периода искажениями ленинизма... Надо ли говорить, что эта идеология не выдержала испытания временем и потерпела крах уже в годы “перестройки”; причём первыми отреклись от “шестидесятничества” его главные проповедники.

Современные либералы тоже ностальгируют по временам смуты, но поминуют, конечно, не Ленина, а Ельцина и “лихие девяностые”, ставшие раем для олигархов, бандитов и “грантоедов”. С доводами “новой оппозиции” перекликаются современные рассуждения об экономической и политической отсталости России, не способной самостоятельно догнать передовые страны. Наконец, идеи российской фронды содержат элементы социал-дарвинизма. Если в 1920-е годы принцип вытеснения из жизни “неудачников” выражался в кричалке “Комсомолец, бей отцов!” (популярной среди комсомольцев-опозиционеров) и системе “классовой” дискриминации, то либеральная пропаганда 1990-х годов настойчиво насаждала тезис, что люди, не сумевшие приспособиться к новым (“рыночным”) реалиям, не заслуживают сочувствия

и должны как можно скорее освободить место более молодым и удачливым хозяевам жизни*. Эта циничная формула периодически звучит и в наши дни: чем скорее уйдёт поколение “совка” (людей, сформировавшихся во времена СССР), тем ближе торжество демократии. Причём по мере отдаления советской эпохи эти “пожелания” переносятся на более молодые поколения, так что теперь, по мнению либералов, социальным “балластом”, тянущим страну назад, сделались люди, которым в годы “перестройки” было 20–25 лет.

Настоящим памятником социал-дарвинизму и лозунгу “назад – к Ельцину” стал Ельцин-центр в г. Екатеринбурге, открытый в 2015 году. При входе в музей на одной из стен висят таблички с именами благоустроителей и благоукрасителей этого храма демократии на обломках самовластья: Абрамович, Прохоров, Роснефть, Газпром... Словом, все, как на подбор, радетели о земле русской и особенно о её недрах.

Можно по-разному относиться к событиям августа 1991-го или октября 1993 года, но безусловно, организаторы и спонсоры Ельцин-центра, причисляя себя к победителям, могли бы помянуть добрым словом простых москвичей, вышедших тогда на улицы. Тем более что такая благодарность стоит недорого. Между тем, жертвы “августовского путча” представлены лишь снимком Ильи Кричевского. Дмитрий Комарь и Владимир Усов, погибшие в ту же ночь на 21 августа 1991 года, отсутствуют как класс (с чего бы это?). Выпали с “корабля истории” покончившие самоубийством Борис и Валентина Пуго, маршал С. Ф. Ахромеев, член ЦК КПСС Н. Е. Кручина, поэтесса Юлия Друнина, написавшая перед смертью, что не может смотреть, “как летит под откос Россия”... А в зале, посвящённом событиям 3–4 октября 1993 года, погибшие не упоминаются даже общим списком.

Лес рубят – щепки летят. И если “закат социализма” проиллюстрирован сразу двумя декорациями (пустой магазин и скромная советская квартира), то жизнь “простых” людей в 1990-е годы практически не представлена (иначе пришлось бы напомнить о разгуле преступности, массовом обнищании, беженцах, детях-беспризорниках, закрытых заводах и фабриках...). Имеется, правда, закуток с экспозицией о чеченской войне, но он едва заметен рядом с обширным залом, где рассказывается о сердечных (вернее, кардиологических) делах Бориса Николаевича. Словом, “лихие девяностые” показаны глазами не то олигарха, не то грантоеда, как великая эпоха – настолько великая, что изломанные судьбы отдельных людей не имеют значения. По крайней мере, если они не из “гнезда Борисова”. Тут невольно вспоминаются вожди 1920-х годов с их лозунгом “назад – к Ленину” и восприятием России как полигона для политических экспериментов...

Но вернёмся к советской истории. На рубеже 1920-х и 1930-х годов политика свёртывания нэпа, форсирования индустриализации и коллективизации подверглась критике со стороны так называемых правых уклонистов, иногда тоже называемых оппозиционерами, – Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского. “Правые” быстрее, что не избавило их от печальной участи. В 1936 году Томский покончил с собой, действовали не столь амбициозно, как Троцкий или Зиновьев, да и капитулировали а Бухарин и Рыков два года спустя были приговорены к смертной казни по приговору так называемого третьего московского процесса (право-троцкистского блока).

В 1930-е годы практически все видные (и не особо видные) деятели коммунистической оппозиции подверглись репрессиям. Одно из немногих исключений – чрезвычайный и полномочный посол СССР Александра Коллонтай (1872–1952), некогда возглавлявшая “рабочую оппозицию”. Главный и самый непримиримый оппозиционер Л. Д. Троцкий был убит в 1940 году в Мексике Рамоном Меркадером.

Что же касается кино, то в 1930-е годы лидеры оппозиции практически исчезли с экранов, а если появлялись, то в образе противников партии. Например, в картине “Ленин в 1918 году” (“Мосфильм”, 1939) режиссёра Михаила Ромма тяжело раненный, умирающий чекист просит передать Дзержинскому, что “Троцкий, Каменев, Бухарин – предатели”. В другом эпизоде Ленин перед отъездом на завод Михельсона яростно спорит с Н. И. Бухариным,

---

* Подробнее об этом см.: Матюхин А. В. Элементы социал-дарвинизма российской действительности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vestnik.astu.org/temp/204509148e8575c812ce4419fdff11ce.pdf>. (Дата обращения 20.08.2021.)

обвиняя его в гибели председателя Петрочка М. С. Урицкого: “Вы разлагаете партию, вы раскалываете партию. Враг этим пользуется, стреляет в нас...” Бухарин заверяет, что отказывается от фракционной борьбы, но после отъезда Ленина отправляет прибывших чекистов вместо завода Михельсона в Лефортовский манеж, из чего зритель может сделать вывод, что “любимец партии” знал о готовящемся на вождя покушении (впоследствии эта сцена была вырезана).

Имя Троцкого упоминается в одном из финальных эпизодов истерна “Крушение эмирата” (“Мосфильм” – Ташкентская киностудия, 1955). Иностранный резидент Уолфорд, готовясь бежать из осаждённой Бухары, отдаёт последние распоряжения младобухарцам: “Дальнейшие инструкции вы получите от людей господина Троцкого”. Правда, фраза звучит двусмысленно, поскольку в 1920 году “человеком Троцкого” (председателя Реввоенсовета) был и сам командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, руководивший штурмом Бухары...

Но оппозиция – это не только лидеры, а также тысячи коммунистов и комсомольцев, так или иначе её поддержавших. В 1930-е годы оппозиционеры нередко фигурировали в фильмах о чекистах. Как правило, они показаны затаившимися врагами, которые мстят советской власти за свой политический проигрыш. Так, в картине “Высокая награда” режиссёра Евгения Шнейдера (“Союздетфильм”, 1939) тайным троцкистом является студент консерватории Анатолий Свентицкий. Когда-то он даже бывал на даче некоего общественного деятеля, “который был расстрелян по первому процессу” (вероятно Зиновьева или Каменева). Теперь же, выполняя задание иностранной разведки, Свентицкий пытается выкрасть секретные чертежи у профессора Боголюбова, пользуясь знакомством с его дочерью. Правда, действует того времени неумело, что вскоре попадает в поле зрения чекистов. Чтобы запутать следы, резидент убивает Свентицкого, инсценируя самоубийство. В картине “Честь” режиссёра Евгения Червякова (“Мосфильм”, 1938) действует троцкистско-бухаринская организация, связанная с неким подпольным центром и возглавляемая начальником депо Клычко (бывшим оппозиционером). Чекисты разоблачают и обезвреживают вредителей, когда те пытаются устроить аварию на железной дороге.

Но, как ни парадоксально, именно тогда же, в 1930-е годы появилась единственная картина (вернее, кинодиалогия), где борьба с оппозицией становится центральной темой – это “Великий гражданин” режиссёра Фридриха Эрмлера (“Ленфильм”), первая часть которой была снята в 1937-м, а вторая – в 1939 году. Понятно, что фильм соответствует идеологии того времени. Однако его нельзя назвать политическим плакатом. Персонажи, включая оппозиционеров, показаны живыми людьми со своими характерами и манерами, а средства внутрипартийной борьбы (“кадровые” передвижки, подтасовки на выборах и т. д.) вполне соответствуют историческим реалиям.

Действие первого фильма происходит в 1925–1927 годах в крупном промышленном городе; в нём нетрудно угадать Ленинград. Основные персонажи – работники партийного аппарата, а также рядовые коммунисты, в основном рабочие завода “Красный металлист” (кинообраз “Красного путиловца”).

Секретарь губкома Алексей Дмитриевич Карташёв (в другом титре фамилия написана “Карташов”) по внешности и статусу явно представляет Г. Е. Зиновьева – руководителя Петрограда–Ленинграда в 1918–1926 годах. Однако есть и различия: Карташёв – русский и, вероятно, носит свою настоящую фамилию; он неплохо образован и воспитан. По возрасту он на год моложе Зиновьева (5 сентября 1934 года ему исполняется 50 лет). Человек неглупый, амбициозный, артистичный, Карташёв (актёр Иван Берсенев) любит быть в центре внимания. Во втором фильме он, даже встав на путь терроризма и вредительства, хочет сохранить внешнюю респектабельность и возмущается словами Пятакова, когда тот цинично предлагает пожертвовать одним из сторонников.

На словах декларируя верность партии, Карташёв отрицает возможность построения социализма без помощи мировой революции в “толстозадой, неповоротливой” России. Но не только идейные разногласия побуждают его выступить против ЦК РКП(б). Вернувшись из командировки в Москву, он делится со своим единомышленником Боровским: “Они хотят нас сдать в архив... Но они забывают, что наши судьбы тесно связаны с судьбой революции”.

Карташёв преисполнен чувством личного превосходства и относит себя к “ленинской гвардии”, высшей партийной касте, которая единственная, по его мнению, вправе решать судьбы страны и народа.

Карташёва поддерживают партийный аппаратчик Боровский, редактор газеты Гладких и другие видные коммунисты. В губкоме его единственный оппонент — Пётр Михайлович Шахов (актёр Николай Боголюбов). Именно Шахов является в фильме “великим гражданином”, и даже по фамилии можно понять, что его прототип — Сергей Миронович Киров, после XIV съезда сменивший Зиновьева на посту 1-го секретаря Ленинградского губкома ВКП(б). Но если реальный Киров прибыл в Ленинград уже после осуждения “новой оппозиции”, то в фильме Шахов самостоятельно начинает борьбу со своим влиятельным противником, находясь на скромной должности секретаря райкома и одного из членов губкома партии.

В первой части отсутствует точная хронология событий, но по косвенным деталям можно понять, что действие начинается осенью 1925 года: персонажи обсуждают подготовку к XIV съезду РКП(б), который состоялся в декабре 1925 года. В последнем эпизоде показана Первомайская демонстрация, где оппозиционеры, попытавшись выйти на улицы со своими лозунгами, получили решительный отпор. Здесь выступление троцкистов и зиновьевцев перенесено с 7 мая 1927 года.

Конфликт между Карташёвым и Шаховым разгорается вокруг рационализаторских предложений двух друзей-рабочих завода “Красный металлист” Владимира Дубка и Савелия Каца. Поскольку модернизация производства неизбежно ведёт к сокращению штатов и увольнениям, это вызывает массовое недовольство. Рабочие даже избивают Каца. Губернская партийная верхушка тоже осуждает “горе-рационализаторов” (статья под таким названием появляется в местной газете). Только Шахов и секретарь заводского комитета Семён Колесников защищают Дубка и Каца. Сохраняя веру в партию, Шахов отправляет в Москву (видимо, в газету “Правда”) свою статью “Ошибка или преступление”, которую отказываются печатать в губернской газете.

С каждым эпизодом политическое противостояние нарастает. Под предлогом направления на учёбу губком снимает с должности Колесникова и назначает вместо него оппозиционера Брянцева. В город не доходит номер московской газеты с “запрещённой” статьёй Шахова. Об этом случайно узнаёт Колесников, обнаружив “пропавший” выпуск в поезде у попутчицы. Назначая важное партсобрание, “фронта” скрывает от своих оппонентов время начала. В ответ сторонники Шахова тоже применяют хитрость: устраивают совещание под видом свадьбы Колесникова и работницы Нади. По их призыву на партийное собрание завода “Красный металлист” приходят сотни рабочих других предприятий. Они срывают выступления губкомовских ораторов и единодушно поддерживают Шахова. Собрание завершается символической сценой: весь зал, поднявшись, исполняет Интернационал. Молчит лишь проигравшая фронта — Карташёв, Боровский и Брянцев, а позади на стене зловецом возвышаются их тени.

Кроме того, на помощь Шахову приходит Москва: в город прибывает представитель Центральной контрольной комиссии бывший рабочий Максим — герой популярной кинотрилогии 1930-х годов (актёр Борис Чирков). Но даже потерпев сокрушительное поражение, оппозиционеры не намерены сдаваться. “Мы должны создать впечатление, что нас больше нет... А мы существуем... — рассуждает Боровский — Что может быть сильнее, чем тайная сила, о которой никто не подозревает!...” Лидеры оппозиции призывают многих оставшихся клеветников привлекать на свою сторону недовольных, особенно молодёжь, которая “любит романтику”. Сами они готовы даже вступить в контакт с консулом некоей державы...

Во второй части показаны события 1934 года. Организованной оппозиции больше нет, но её бывшие участники не сложили оружия, перейдя от идейной полемики и бюрократических интриг к тайной войне (шпионаж, диверсии, террор). И если в первой части эти персонажи выглядят политически самостоятельными фигурами, то теперь они выродились в послушных агентов иностранных разведок. В тайной организации состоят не только бывшие оппозиционеры, но и другие враги советской власти (по словам чекиста, туда “даже один масон затесался”). Шахов, к тому времени ставший главой краевого комитета партии, вызывает у врагов особую ненависть; вдобавок зарубежные “хозяева” недовольны “вялостью” троцкистского подполья и прямо сообщают

о своей заинтересованности в убийстве Шахова. Совершить теракт во время слёта ударников соглашается Брянцев...

Образы оппозиционеров представлены реалистично, с элементами политической пародии, но без карикатурности. В конце 1930-х годов события, связанные с разгромом оппозиции, были ещё свежи в памяти современников. Можно предположить, что, по крайней мере, некоторые персонажи (Карташёв, Боровский, Пятаков и др.), похожие на своих прототипов внешностью, манерами, жестами, мимикой, выглядели узнаваемо для зрителей 1930-х годов.

Если Карташёв любит порисоваться, то Сергей Васильевич Боровский (актёр Олег Жаков), болезненный, внешне закомплексованный, мало заботится о своей привлекательности. Он обладает самолюбием иного рода, считая себя крупным политическим стратегом, незаменимым знатоком аппаратных игр. «Я знаю себе цену, — говорит он Брянцеву, — Я не хочу кончать свою жизнь контрщиком в загсе. Понимаете, не хочу и не буду». В отличие от эмоционального Карташёва, настроение которого скачет от радужного оптимизма к панике (черта, свойственная Зиновьеву), Боровский умеет владеть собой и первым предлагает новую тактику борьбы.

Боровского можно принять за прототип Г. Л. Пятакова. Но этот реальный деятель оппозиции (актёр Александр Виолинов) тоже появляется во втором фильме как один из руководителей подпольного центра, имеющего связь с Троцким. Пятаков держится с Карташёвым по-приятельски, но при этом не скрывает презрения к рядовым соратникам. Впрочем, панибратский тон не мешает ему манипулировать и Карташёвым, на которого он перекладывает неприятный разговор с резидентом.

Иначе показан оппозиционер Брянцев. При первом появлении, когда Боровский знакомит его с Шаховым, он держится вежливо и скромно, с оттенком смущения. Брянцев не принадлежит к числу партийных вождей. Ему лестно покровительство Боровского, а выдвижение на должность секретаря парторганизации крупного завода представляется первым шагом в успешной партийной карьере. Даже после поражения оппозиции его, как и Боровского, не устраивают «загсовские перспективы». Лишь к концу второго фильма Брянцев утратил всякие надежды на реванш. Разочарованный, озлобленный, потерявший работу (безработным был и убийца С. М. Кирова Леонид Николаев), этот незадачливый карьерист без лишних слов соглашается на убийство Шахова. Для него теракт — это и способ мести, и последняя возможность громко заявить о себе...

Но не все оппозиционеры представлены безнадёжными врагами. Так, рабочий Дронов, поначалу сторонник Карташёва, во втором фильме полностью отходит от троцкистов. Он искренне переживает своё исключение из партии, честно трудится, всеми силами стараясь искупить недолгое пребывание в оппозиции. Когда Боровский пытается привлечь его к вредительству, Дронов возмущённо уходит, отшвырнув в сторону своего искusstителя (за что троцкисты убивают его, подстроив несчастный случай). Хотя Дронов и Брянцев ведут себя по-разному, для вождей оппозиции оба они — «пушечное мясо», пешки, которыми можно легко пожертвовать...

Борьбе с троцкистами посвящена часть картины «Вихри враждебные» («Мосфильм», 1956) — о председателе ВЧК Феликсе Дзержинском. Став главой Высшего совета народного хозяйства СССР, Дзержинский схлестывается со своим заместителем Г. Л. Пятаковым. Формально тот отказался от оппозиционной деятельности: «Было время, когда я действительно колебался и даже числился в троцкистском уклоне. Но я же искренне раскаялся. Я честно перед партией признал свои ошибки и разоружился». Одновременно Пятаков принимает вредные для экономики директивы, деморализует рабочих и по сути занимается бюрократическим вредительством. Параллельно на заводе «Югосталь» действует подпольная троцкистская организация, в которой объединились не только оппозиционеры, но и бывшие белогвардейцы. И хотя в конце фильма эти враги разоблачены и схвачены чекистами, главные лидеры оппозиции по-прежнему недостижимы. В последнем эпизоде Троцкий и Зиновьев пытаются сорвать обличительную речь Ф. Э. Дзержинского. Когда же это не удалось, то четверо оппозиционеров во главе с Троцким демонстративно покидают зал, давая понять, что борьба не окончена.

В 1950-е — 1980-е годы появился целый ряд фильмов, где опальные вожди представлены вполне нейтрально. Так, в картине «В дни Октября» режиссёра

Сергея Васильева (“Ленфильм”, 1958) по книге Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир” присутствуют Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. В “Синей тетради” Льва Кулиджанова (к/ст. им. Горького, 1963) вождя мирового пролетариата летом 1917 года сопровождает в Разливе Зиновьев. В фильме “Доверие” Виктора Трегубовича (СССР – Финляндия, 1975) с Лениным полемизирует по вопросу независимости Финляндии Г. Л. Пятаков. Правда, нигде не показана дальнейшая судьба этих людей или их противостояние И. В. Сталину (впрочем, и Сталин в те годы появлялся, главным образом, в картинах о Великой Отечественной войне).

А как выглядят оппозиционеры в экранизациях литературных произведений? В романе “Как закалялась сталь” Николая Островского испытание оппозицией – это очередное испытание, которое проходят Павка Корчагин и его товарищи, подобно фронтам гражданской войны, борьбе с бандитизмом или строительству узкоколейки. На всех этапах поколение первых комсомольцев одерживает победы, но также несёт и потери. В раннем варианте книги Павка даже попадает в “рабочую оппозицию”, но впоследствии Н. А. Островский убрал этот эпизод. Борьбе с троцкизмом посвящена 5-я глава 2-й части романа, где описана дискуссия осени 1923 года. Среди комсомольцев, поддержавших позицию Троцкого, – не только карьерист и бюрократ Владимир Туфта, но и давние товарищи Павла – Дмитрий Цветаев, участник строительства узкоколейки Дмитрий Дубава. . . Когда-то Дубава поддерживал “рабочую оппозицию” и теперь, по выражению комсомолки Тали, снова “уронил” партийное знамя.

Оставив занятия в Харьковском коммунистическом университете, Дубава возвращается в Киев, чтобы поочерёдно обходить комсомольские ячейки, агитируя за программу оппозиции. Понимая, что находятся в меньшинстве, троцкисты используют метод концентрации всех своих сил на собраниях отдельных ячеек, но даже при таком искусственно созданном “большинстве” везде терпят провал. Не встретили они поддержки и на городской партийной конференции. В отличие от товарищей, решивших честно подчиниться большинству, Дубава предлагает временно затаиться: “Сейчас продолжать борьбу открыто. . . значит вылететь из партии, что в план наших действий не входит”. Его поддерживает Цветаев. В романе упоминается также выступление “новой оппозиции”.

Островский связывает поражение троцкистов не только с дискуссией. 5-я глава завершается вступлением в партию Артёма Корчагина, брата Павла, и Захара Брузжака, отца погибших Серёжи и Вали. Массовый приём в РКП(б) тысяч новых коммунистов после смерти Ленина (так называемый ленинский призыв) многократно увеличивает численность, силу и уверенность в правоте партийного большинства.

Павел Корчагин в этой главе как бы отходит на второй план. Лишь на городской конференции Таля зачитывает письмо о его выступлении против троцкистов на собрания в ячейке окрвоенкомата. Оппозиционеры пытаются заглушить речь Павла шумом и свистом, а затем стаскивают его с трибуны и даже разбивают в кровь лицо. Однако у членов ячейки эта картина вызвала обратную реакцию: почти все они “голосуют” против оппозиции уходом с собрания.

Но, обличая троцкистов как идейных противников, Павел по-человечески сочувствует своему старому товарищу Дмитрию Дубаве, считая, что тот “когда-то был неплохим парнем”. Придя к нему домой, Корчагин в последний раз пытается поговорить по душам. Но в комнате Дубавы находится проститутка, а от него самого несёт винным перегаром. Высказав своё раздражение приходом Павла, Дмитрий уходит, оставляя друга на лестничной площадке. Позже Павел узнаёт от Ивана Жаркого, что Дубава после исключения из партии оставил коммунистический университет. И хотя внешне его жизнь сложилась благополучно (он поступил в московский вуз и даже, “по слухам”, был восстановлен в партии), в глазах старых товарищей Дмитрий утратил прежнее уважение и доверие. “Отравленный он человек. . .” – говорит о нём Жаркий.

Из трёх советских экранизаций романа троцкисты присутствуют лишь в последней – 6-серийном телевизионном фильме “Как закалялась сталь” режиссёра Николая Машенко (к/ст. им. А. Довженко, 1973). Благодаря талантливому первоисточнику, яркой игре актёров, любимейшей народу песне, картина до сих пор привлекает внимание зрителей. Вместе с тем кинопостановке явно не хватает динамики действия, которая делает книгу захватывающей.

Ряд эпизодов необоснованно растянут, персонажи двигаются и говорят, словно на замедленной съёмке. И хотя 6-серийный формат картины позволял экранизировать роман с теми подробностями, что не уместились в прежние постановки, ряд сюжетных линий отсутствует или представлен искажённо. Например, детство Павки отражено в обрывочных фрагментах, где священник обвиняет юношу (по виду уже не ребёнка), что тот не верует в Бога, не ходит в церковь и не учит Закон Божий, тогда как в книге юный Павка получал по Закону Божию пятёрки. Священника он разозлил отнюдь не атеизмом или нежеланием учиться, а наивным вопросом, почему Библия и учитель старших классов по-разному разъясняют происхождение Земли. Комсомольского вожака Гришу Хороводько в книге убивают контрабандисты в отместку за его разоблачения, а в фильме его гибель, по сути, случайна (убийцы приняли его за Корчагина)...

Нарушена и хронология событий. Так, в книге (и в реальности) описанная Островским дискуссия с троцкистами проходила осенью 1923 года. В фильме она почему-то перенесена на два года раньше и предшествует строительству узкоколейки. В 3-й серии показана конференция, где Рита Устинович подводит итог дискуссии, а Корчагин выступает с обличительной речью. После этого комсомольцы-троцкисты (не очень юного вида) покидают зал. Но если в книге Павел в буквальном смысле бьётся за право высказаться, то здесь он произносит анитроцкистскую речь при благоговейном молчании зала. Образ Дмитрия Цветаева объединён в фильме сразу с двумя персонажами – Дмитрием Дубавой и бывшим гимназистом Развалихиным. В 5-й серии именно к Цветаеву Павел приходит домой и застаёт в обществе проститутки. В следующем кадре Дмитрия исключают из комсомола, однако не за связь с оппозицией, а за “разгильдяйство и разврат” (в книге этот эпизод относится к Развалихину). В доверительном разговоре Цветаев признаётся Павлу: “Трудно мне. Больно очень. Кажется, всему конец. Трагедия в мозгу, в каждой клетке. Но если это всё ради чистоты нашей, о которой ты говоришь, я готов пройти всё сначала – Боярку, тиф, лишения...”

Троцкисты в картине больше не появляются, но в одном из следующих эпизодов Павел, приехав в Москву на VI съезд комсомола (1924), любителю развешанными в зале транспарантами: “Вон оппортунистов из наших рядов!”, “Долой дезорганизаторов социалистического наступления!”, а в речи докладчика упоминается борьба с антипартийными уклонами.

Однако даже такие скромные штрихи отсутствуют в 7-серийном телефильме “Мужество” режиссёра Бориса Савченко (к/ст. им. Довженко, 1980–1981) по одноимённому роману В. К. Кетлинской. А, между тем, картина могла бы стать своеобразным продолжением “Великого гражданина”. Ведь в первоисточнике в Новом городе действует целая подпольная организация троцкистов во главе с заместителем начальника строительства Алексеем Гранатовым. В глазах комсомольцев он окружён романтическим ореолом: работая инженером на КВЖД, он попал в застенки харбинской контрразведки, где выдержал жестокие пытки, так и не дав показаний против советских служащих. Как свидетельствует мужество Гранатова, комсомольцы видят его изувеченные руки (в действительности результат сделанной под наркозом операции). Но, произнося пылкие речи, спекулируя на энтузиазме молодёжи, этот тайный троцкист на деле срывает поставки продовольствия, товаров и оборудования, чем обрекает рабочих на лишения и провоцирует массовое бегство со строительства...

Вокруг троцкистов как единственной крупной антисоветской силы группируются все недовольные советской властью. В этой тайной войне враги используют вредительство, диверсии, саботаж, а бывший кулак Парамонов убивает секретаря горкома Морозова.

Козням троцкистов активно противостоит архитектор Клара Каплан. Дочь крупных торговцев, она теряет родителей во время гражданской войны и вырастает фанатичной коммунисткой. Клара не лишена женского тщеславия: её тянет отнюдь не к фанатичным бессребреникам, а к успешным мужчинам-управленцам. Левицкий, её первый муж, – один из руководителей крупного института в Ленинграде; в Новом городе она сближается с начальником строительства Вернером; ухаживает за ней и Гранатов, стараясь войти в доверие.

Правда, любовь к Левицкому не помешала Кларе пойти с доносом в Контрольную комиссию, когда она узнала, что лучший друг мужа – исключённый из партии троцкист. В результате Левицкий арестован, а Клара, пытаясь

забыть ею же разбитый брак, уезжает далеко от Ленинграда. В Новом городе она противостоит Гранатову и едва не становится жертвой его клеветы (тот пытается обвинить Клару в подозрительных связях и сокрытии прошлого). В конце романа троцкисты совершают диверсию, но пожар в механическом цехе удаётся потушить, а сами враги, включая Гранатова, разоблачены и арестованы.

Иначе представлена эта линия в экранизации. Фамилия Клары не звучит вовсе (видимо, потому, что исполнительнице этой роли Ирине Алфёровой вряд ли подошла бы фамилия Каплан). Особым фанатизмом героиня не отличается, да и разоблачать ей некого. История с Левицким отсутствует, видимо, потому, что на “закате социализма” донос жены на мужа, причём виновного лишь в сохранении дружбы с исключённым из партии товарищем, вряд ли вызвал бы симпатию зрителей.

Единственный враг советской власти – бежавший из арестантского поезда кулак Парамонов – скрывается в тайге на положении затравленного волка. Морозова он убивает случайно, при неожиданной встрече. Что же касается Алексея Гранатова в исполнении Богдана Ступки, то в фильме он почему-то фигурирует под именем Николай Михайлович, а к троцкизму не имеет никакого отношения. Его попытка оклеветать Клару выглядит мстостью за мужскую неудачу. И если в книге первичная организация отстраняет Каплан от партийной работы, то в фильме положительные герои единодушно встают на её защиту. В результате должности лишается сам Гранатов. Но покидая Город вместе с Диной (непутёвой женой комсомольского вожака Андрея Круглова), он утешается словами: “Вы сохранили своё обаяние, я – партбилет”. Словом, в фильме Гранатов – никакой не оппозиционер и не вредитель, а обычный карьерист, хотя в таком контексте некоторые детали остаются неясными: например, тайна изуродованных рук (правда, в фильме он не показывает их, а постоянно носит перчатки).

Почему создатели сериала исключили занимательную “троцкистскую” интригу? Вероятно, они сочли, что зрители 1980-х годов больше заинтересуются любовными отношениями героев, чем политическим противостоянием. Но, пожалуй, главной причиной можно назвать недоверие к ситуации, описанной в романе, когда бывшие коммунисты, переродившись во вредителей и шпионов, ведут борьбу против ими же установленной советской власти. В этом смысле сериал “Мужество” предвосхитил состоявшуюся через несколько лет реабилитацию Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина и других “левых” и “правых” оппозиционеров.

Отсутствует “троцкистская” линия и в телесериале “Вечный зов” режиссёров Владимира Краснопольского и Валерия Ускова (“Мосфильм”, 1973–1983). Если в одноимённом романе А. С. Иванова бывший следователь Охранного отделения Арнольд Лахновский в 1920-е годы примыкает к троцкистской оппозиции и занимается расстановкой кадров, то в фильме он в это время возглавляет таёжную банду в Сибири, разгромленную чекистом Яковом Алейниковым (что выглядит более правдоподобно). В следующей 7-й серии упоминается о побеге Лахновского, а в 14-й серии он объявляется уже в 1943 году на оккупированной территории в качестве офицера абвера, завербованного германской разведкой на Украине в предвоенные годы.

Думается, на “закате социализма” тема оппозиции редко отражалась в кино не только потому, что её вожди не были ещё реабилитированы. На фоне однообразных съездов, речей по бумажке, дежурных оваций слишком контрастно выглядели бы дискуссии 1920-х годов, живое обсуждение коммунистами государственных и мировых вопросов...

В годы “перестройки” практически все лидеры оппозиции, подвергшиеся репрессиям, были реабилитированы. Правда, общественное восхищение этими деятелями длилось недолго. Вскоре “шестидесятническая” концепция “хорошего Ленина” (и его “гвардии”) и “плохого Сталина” затрещала по швам под напором открывавшихся исторических фактов. Лично для меня одним из главных литературных открытий времён “перестройки” стали не “Дети Арбата”, где самое интересное – пересказ мемуаров чекиста-невозвращенца А. Орлова (ещё не изданных в СССР), а повесть Владимира Зазубрина “Щепка”, опубликованная в журнале “Наш современник”. Сейчас уже давно ясно, что трагедия 1937 года началась, как минимум, в 1917 году, а при более глубоком рассмотрении – гораздо раньше...

С конца 1980-х годов появилось немало исторических фильмов о жертвах политических репрессий, осуждённых по ложным или ошибочным обвинениям: “Покаяние”, “Холодное лето пятьдесят третьего”, “Завтра была война”, “Ад, или Досье на самого себя”... Гораздо реже встречаются картины, где персонажи реально борются с советским режимом или лично со Сталиным за власть в стране. Так что и здесь “урожай” получился скудным. В киноленте “Троцкий” (“Мосфильм” и др., 1993) авторам лучше удалось мексиканские пейзажи с кактусами, чем исторические эпизоды. Снятый по сценарию Эдуарда Володарского и Леонида Марягина (он же режиссёр-постановщик), фильм выглядит типичным продуктом “перестроечной” конъюнктуры. Зрители, желающие увидеть внятный сюжет – жизненный путь Троцкого, его политическую карьеру, борьбу со Сталиным или хотя бы роман с Натальей Седовой, – будут разочарованы. Главный герой по преимуществу занят тем, что расстреливает людей и разводит кроликов. С экрана периодически звучат две фразы: “Расстрелять!” и “Отгрызу яйца!”. Первую команду отдаёт сам “красный наполеон”, не относя её разве что к кроликам. Второй перл изрекает чекист, руководитель зарубежной агентуры, видимо, за отсутствием иных средств давления на сотрудников. Складывается впечатление, что авторы фильма так спешили отправиться в Мексику, что не позаботились ни о качестве киноспециария, ни о консультантах-историках.

Более удачной получилась картина “Враг народа – Бухарин” (“Мосфильм”, к/ст. “Союз”, 1990), также снятая Леонидом Марягиным. Судьба Н. И. Бухарина предстаёт в обрывочных сценах и образах, всплывающих в его памяти во время репетиции московского процесса правотроцкистского блока (1938). Сидя на скамье подсудимых, обвинённый и опозоренный своими же товарищами, бывший “любимец партии” вспоминает свою жизнь, но не находит в прошлом ни утешения для совести, ни подкрепления для духовных сил...

Будущие политические битвы 1920-х годов проглядываются в событиях 9-серийного телевизионного фильма Сергея Колосова “Раскол” (ТО “Экран” и др., 1993). Действие происходит в 1897–1905 годах, когда В. И. Ленин начал свою борьбу – не столько за революцию, сколько за первенство в социал-демократической партии. Ради этой цели он ловко и беспринципно использует своих товарищей, затем хладнокровно отбрасывая в сторону, как это было с П. Б. Струве, Ю. О. Мартовым и даже знаменитым “отцом” русского марксизма Г. В. Плехановым... Но вот в Лондоне появляется бежавший из сибирской ссылки молодой человек – и в короткий срок становится едва ли не главным соперником Ленина. Роль Троцкого исторически и психологически верно сыграл Владимир Осипчук (к сожалению, погибший ещё до выхода сериала). Хотя в фильме снимались многие корифеи советского кино (Р. Адомайтис, А. Харитонов, А. Джигарханян, Л. Касаткина, Б. Плотников, В. Сторожик и др.), молодой актёр несколько не теряется на “звёздном” фоне. Его персонаж Лейба Бронштейн привлекает всеобщее внимание умом, талантом, энергией... И одновременно в его характере уже видны черты, что в дальнейшем способствовали его политическому краху (непомерная гордость, высокомерие и др.).

В современном российском кино тема политической борьбы 1920-х годов почти отсутствует. Опускаем сериал “Троцкий”, который смотреть невозможно из-за антиисторичности и художественной бездарности. Зато троцкисты интересно показаны в 12-серийном телефильме “Завещание Ленина” режиссёра Николая Досталы (“МакДос”, “Эталон-фильм”, 2007), посвящённом трагической судьбе писателя Варлама Шаламова. Будучи совсем молодым человеком, не состоя ни в ВКП(б), ни в ВЛКСМ, он искренне поддержал троцкистско-зиновьевскую оппозицию, за что много лет провёл в лагерях. Интересно, что отец режиссёра-постановщика, Н. В. Досталь (1909–1959), был вторым режиссёром уже упомянутой картины “Вихри враждебные”.

В “Завещании Ленина” троцкисты появляются в 3-й серии. В 1927 году Варлам, студент юридического факультета Московского университета, знакомится и сближается с однокурсницей Саррой, называющей себя “Молнией”, и её другом Ароном – “Громобоем”. Надо сказать, актриса Алиса Хазанова убедительно воплотила образ своей героини. Дочь видного партийца, девушка привыкла к привилегированному положению, а коммунистические взгляды не мешают ей покрикивать на домработницу Груню, по возрасту годящуюся ей

в матери. По себе она судит и о Варламе: приглашая его в свой круг, “Молния” уверена, что сын священника-“лишенца” ухватится за шанс сделать карьеру после прихода к власти “настоящей коммунистической молодёжи”. Между тем, у юноши совсем иные мотивы: это и врождённое чувство справедливости, которой он не видит в окружающем мире, и романтизм, и влюблённость в Сарру. Он присоединяется к кружку юных троцкистов, помогает печатать и распространять “завещание” Ленина, не отдавая себе отчёта в том, что стал пешкой в чужой борьбе за власть.

Символический эпизод на заводе Михельсона, где отец Сарры занимает высокую должность – то ли директора, то ли главного инженера. Девушка приводит туда друзей, чтобы распространить листовки среди рабочих и устроить митинг в поддержку Троцкого. Рабочие держатся вежливо с дочкой своего начальника, даже называют по имени-отчеству (Сарра Менделевна), но твёрдо дают понять, что политические амбиции им чужды. В своей настойчивости юные оппозиционеры похожи на избалованных барчат, требующих, чтобы взрослые с ними играли. А у взрослых свои дела: в цехах их ждёт работа, дома – жёны и дети, которых надо содержать. Точку в троцкистском “хождении в народ” ставит появившийся отец Сарры. Будучи не в восторге от выкрутасов доченьки, он, к облегчению рабочих, отвозит “революционеров” обратно в университет.

В другом эпизоде выразительно показано отношение Троцкого к своим рядовым приверженцам. Насколько можно судить, он умел общаться с “простыми” людьми, если хотел. Но хотел он этого редко и даже своих коллег из партийного руководства почитал ниже себя. Большинство его близких соратников тоже соответствовали поговорке “каков поп – таков и приход”. Так что рядовым троцкистам (как и современным рядовым оппозиционерам) приходилось вдвойне несладко. С одной стороны, они первыми, прежде своих вождей, изгонялись из партии, подвергались арестам. С другой – их не согревала уверенность, что вожди о них помнят, ценят и готовы в меру сил защищать. Скорее, наоборот...

После ареста “Молнии” Варлам с “Громобоем” приходят на квартиру к Троцкому, пытаются получить помощь или совет. В подъезде дома их останавливает охранник, расспрашивает, кто они, к кому и зачем пришли. После чего наведывается в квартиру и, вернувшись, сообщает, что Троцкий не может принять гостей, поскольку занят игрой в шахматы с Луначарским. Ситуация, когда амбициозный политик не счёл нужным уделить несколько минут своим последним приверженцам, возможно, уже обречённым, открывает юношам жестокую правду, как мало они значат для своего вождя.

К сожалению, в фильме мало виден исторический фон событий. Лишь один раз, в записке, посланной Варламу, “Молния” сообщает об исключении из партии коммунистов-оппозиционеров. А между тем, осенью 1927 года Л. Д. Троцкий и его соратники в последний раз попытались объединить вокруг себя силы оппозиции. Особенно активно они действовали в Москве, где практически ежедневно проходили полулегальные собрания, совещания, политические лекции, диспуты и т. д. А в фильме юные троцкисты ни с кем не встречаются, кроме друг друга, не бывают на оппозиционных “тусовках”, даже не вспоминают о происходящих вокруг бурных событиях – таких, как внутрипартийная дискуссия 1927 года, демонстрация 7 ноября (в которой В. Шаламов принимал участие), самоубийство известного дипломата А. А. Иоффе, лично друга Л. Д. Троцкого, исключение из партии “красного наполеона” и его соратников, наконец, осуждение оппозиции на XV съезде ВКП(б)... Всего этого Варлам и его товарищи (дети высокопоставленных родителей) словно не замечают. А из материалов троцкистского “самиздата” они обсуждают лишь “завещание” Ленина, хотя за 1927–1929 годы один Троцкий написал множество брошюр, статей и открытых писем, не считая работ его соратников.

В дальнейшем Варламу довелось пережить арест и предательство близких товарищей. Тем не менее он сохраняет стойкость и не отрекается от своих убеждений, за что отбывает трёхлетний лагерный срок. Позже, перед Новым, 1937 годом, Варлам случайно встречает в Москве Арона и Сарру – уже пожившихся, успешных, не желающих “отставать от новой жизни”, смекнувших, что карьеру можно сделать и без Троцкого, уверенных, что уже расплатились судьбой друга за своё краткое увлечение троцкизмом, и не знающих, что конец их близок...

На этом, пожалуй, можно закончить обзор фильмов, где так или иначе затронута тема коммунистической оппозиции. Увы, современные российские киношники почему-то разучились снимать хорошие исторические картины (и не только о Троцком). С одной стороны, голая коммерция, скорое “сляпывание” дешёвых поделок — без глубокого изучения и осмысления эпохи, без привлечения специалистов, без серьёзного вживания актёров в исторические образы... С другой — утверждение на исторических сюжетах “себя любимого” ради получения приза на каком-нибудь фестивале “арт-хауса”... В результате зрители получают либо “Тельца”, известного в народе, как “мать в зелёных тонах”, невесть за что заваленную премиями и благополучно забытую сразу после выдачи оных, либо сериал “Троцкий”, авторы которого даже не скрывали равнодушия к исторической достоверности.

Поэтому остаётся лишь надеяться, что когда-нибудь ситуация в российском кинематографе начнёт меняться к лучшему. Пока же без всяких цензурных запретов целый пласт исторических событий остаётся “за кадром”, хотя, казалось бы, содержит все признаки грандиозной исторической драмы: трагическая эпоха, ожесточённая борьба за власть между недавними товарищами, и не просто за власть — за выбор государственного пути России на целые десятилетия, жестокая расплата за поражение и перемолотые судьбы... Вечная тема борьбы, вечное столкновение идей и характеров.

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

СЛОВЕСНОЕ СИЯНИЕ СОВЕТСКОГО ДЕРЕВЕНСКОГО КОСМОСА

Мощный кряж деревенской прозы

Учитывая чрезвычайное (хотя и естественное) значение деревни в дебрях русской жизни, странно, что деревенская проза как направление оформилась только к середине 60-х годов двадцатого столетия.

Прорастая сквозь толщи литературного массива травинками очерков Валентина Овечкина, точными и острыми рассказами и зарисовками Александра Яшина, очерками Ефима Дороша, именно к сердцевине шестидесятых деревенская проза набирает ту меру художественной силы, что позволяет ей сложиться в своеобразный литературный пласт.

Колхозный опыт осмыслился критически, и страсти, бушующие внутри центральных произведений этого направления, не уступают огненным лабиринтам Достоевского.

Совесьть – альфа книг Фёдора Абрамова. Определяющий пафос “Братьев и сестёр” есть единение народной силы перед пламенеющим ликом беды. Церковь используется, как клуб; но накал стихийного горения, в результате которого председатель снят с поста, не уступает молитвословию прежних веков.

“Привычное дело” суммирует столько присущего русской деревне, что и больно и радостно становится: радостно – от блеска и плеска живой жизни, горько – от того, что так всё спутано в ней, не развяжешь, и попытки хорошее отъединить от дурного могут кончиться запоем...

Особняком стоят рассказы Юрия Казакова – с живописно прописанными образами простецких мужичков, скуласто и крепкоруко укоренённых в жизни, надоедающей им – как, например, в рассказе “В город”, где плотник деревенский даже сны видит только о городе, мечтая уехать туда, к дочери.

Несколько в стороне мощно и одиноко возвышаются “Любавины” Шукшина – деревенский эпос, где корни жизни выдираются творящейся новью...

И – точно от голоса природы самой – словно и не написанные, а чудом природной силы проявленные, возникают повести Распутина, в которых мало праздничного, но то, что были они и есть – уже праздник литературы...

Как далеко в небесных водах, в таинственных недрах неизвестного, мистического Китежа плеснувшая хвостом Царь-рыба становится классическим романом Астафьева...

Деревня тишает – когда не сходит на нет.

Иные формы работы на земле: поди, расскажи нынешним тридцатилетним, что такое колхозы. И возвышается кряж советской деревенской прозы не только эстетическим, но и историческим уже феноменом.

Млечная метафизика Василия Белова

Ложатся фразы в пазы друг другу, как тщательно обработанные плотником доски; ложатся без зазора, не вставить металлический предмет критики между ними.

Острый предмет.

Лодка плывёт – и человек, глядя в воду, видит, как гуляют по водным тропам горбатые окуни: большие, твёрдые, прохладные.

Свежесть сна – и городские дебри, что откроются чуть позже в “Воспитании по доктору Споку” Белова: писателя столь от земли русской, сколь сама она – от древности славной силы.

...девчонка в летнем платье, стоящая на большелобом камне, зовущая сновидца; летняя отрада и успокоение, и – городская комната с привычным бардачком.

Плавно разматываются круги повествования – как будет оно ткаться на ярляке старинной в этнографических очерках Василия Белова, всю жизнь собиравшего бывальщины, песни, пословицы, предметы материального быта; словно и не поэтизирующего Север, но показывающего его таким, что любая поэтизация была бы избытком.

Закаты и восходы, как духовные веера простоты и смысла, простёртые над нами; деревенский, деревянный лад, как нечто, извлечённое из недр затонувшего Китежа.

Советский Китеж затонул окончательно, оставив по себе много замечательных свидетельств.

...песня, одиноко звучащая над водой.

И снова, как в словесном, чудесном фильме, мелькают кадры “Привычного дела”: Иван Африканыч Дрынов, напившийся с трактористом Мишкой, едет на дровнях, да по пьяной лавочке не туда – беседуя с меринком Пармёном, не в ту деревню заворачивает, значит, в свою попадёт только к утру.

Привычное дело.

Жена родит девятого, а после родов тяжёлых – сразу на работу, пока не хватит удар от жизни на износ... И вспоминает Африканыч гармонь – не успел научиться на басах играть, как отобрали за недоимки.

Страшно. Привычно. И родное всё – не выбросить из бесконечной метафизики жизни, не зачеркнуть. Только и остаётся – упиваться волшебным, млеком жизни текущим языком да вспоминать чудные, цветочные красоты северной земли...

Александр Яшин как прозаик

В поэте зреет прозаическое зерно чаще, чем в прозаике поэтическое, и то, что Александр Яшин обратился к прозе, будучи уже признанным поэтом, свидетельствует и о мере его таланта, и об интенсивности внутренней работы.

Критика встретила его прозу по-разному: на разносы наслаивались утверждения, что прозой он заслонил себя как поэта; истина, как ей и полагается, находилась между полюсами.

Критике подвергся уже первый опыт Яшина в прозе “Рычаги”: мол, картина, данная в рассказе, слишком мрачна: не соответствует яви. Парадокс, однако, в том, что явь сама порою не соответствует образу, который должен бы её представлять; и сгущённая прозаическая мрачность Яшина логично вытекала из досконального его знания жизни – именно такой.

Правда поэта, перешедшего в прозу, была слишком наждачной – с одной стороны, а с другой – настолько хлебной, что невозможно было усомниться в подлинности предложенного.

Повесть “Сирота”.

Цикл маленьких рассказов – “Первый гонорар”, “Старый валенок”...

Акварельного развода зарисовки, составившие цикл “Сладкий остров”.

Александр Яшин раскрывался новой радугой: и дополнявшей его суровую, нежную, такую разную поэзию, и точно представляющей другого писателя.

Деревня – его боль и счастье, его родина и тоска – глинисто отдавала пейзажи свои бумаге, и люди, проходившие по тропам рассказов, были слишком

всамделишными для сомнений в их правоте. В их счастье-несчастье, круто смешанном в лаборатории Яшина.

Он был прозаиком соли: самой сущности дней; и крестьяне, хающие до начала собрания колхозные порядки, а потом говорящие то, что нужно, во время оно, настолько очевидны, что мысли о сознательном очернительстве кажутся кощунственными.

Поэтическое дело Александра Яшина концентрацией силы давало кристалл, сверкающий небесными гранями. Но и проза его, взятая от земли, через боль и муку поднималась вверх, суля грядущее.

Очерки Валентина Овечкина

Районные будни могут быть обнажёнными, как чертёж, страшными, как разверстая рана, а порою – вполне банальными...

Цикл из пяти очерков Овечкина сух и деловит, реалии экономической и социальной жизни тогдашних людей из глубинки становятся фактом эстетического переживания, преобразуясь в частички большой литературы.

Характер заострён – жить будет трудно.

Язык сух, как стрептоцид, однако именно таков, какой требуется для поставленной задачи: превратить районные будни в явление эстетического порядка.

Факт жизни становится фактом литературы, пусть персонажи вымышлены, но вопреки газетному “очеркизму” живы, как персонажи удачных рассказов или повестей.

Очерки или рассказы?

Очерки уровня высоких рассказов...

И деревенская проза Овечкина имела значение, но именно этот цикл загражен такую правдой, что не утратил колоритной силы и поныне.

Векторы Виктора Астафьева

Война и деревня – два полюса, определяющие махины романов и повестей Астафьева – тёртых в лапах бед и событий, достойных античного трагизма – впрочем, превосходящих его, ибо размах двадцатого века и не приснился бы розово-мраморным ветхим временам...

Деревня Астафьева – оплот жизни, корневое, земляное: гушь российская.

Война – огонь подвига безымянной плазмы людской, разлетающейся брызгами смертей; и образ воина, обезличенного ваньки-взводного, что выдержит всё, – встаёт, как из былин.

Царь-рыба плывёт, доплеснув хвостом до звёзд небесных, а брюхом касаясь волшебного Китежа, который никак не всплывёт.

“Перевал” столь же вынут из жизни, как любой из пейзажей, данных крутою солью слов.

“Прокляты и убиты” – слова, зафиксированные на одной из старообрядческих стихир, – как письмена хроник, уходящих в века.

Громоздятся тома, пропущенные через жернова боли и просеянные через сито надежд, громоздятся целостностью своею, укрепляя действительность, всё более охочую до развлечений и всё менее заинтересованную в серьёзном чтении.

Шаровая мощь Василия Шукшина

Многих современных актёров следовало бы именовать не “народными”, а “простонародными”, как ряд писателей, некогда превозносимых – “псевдо-народными”; тем не менее существует подлинная, сколько бы ныне ни подвергался осмеянию этот термин, народность – прорастающая из самых глубин, из гуши и дебрей страны и витальных её возможностей, и Василий Шукшин лучшее тому доказательство.

Все ипостаси его деятельности отмечены сим высоким знаком: и каждой было бы достаточно для величия, для того, чтобы остаться в истории культуры столько, сколько она будет продолжаться; но писательская высота Шукшина – особая: она от подлинного золота речи.

Как естественно фраза любого рассказа ложится в другую! Как просто и ясно выходят из недр жизни замечательные персонажи: хитрованы и простачки, скрипящие деды и грезящие о космосе будущего мальчишки, праздные болтуны. . . и огромный, могучий телом поп, которого пырни ножиком – по желанию пьяного глуповатого мужичка, – так поболит немного и зарастёт.

И юмор Шукшина – из деревень, от жизни, простой и необходимой, с её повседневным хлебом и подвигом ращения детей. . . Как срезал Глеб Капустин зарвавшегося московского интеллигента! и ничего, что философию перепутал с филологией, так даже забавней. . .

Простота, известно, хуже чего бывает, но у Шукшина – яркая ясность: будто воздух сгущается в волшебные рассказы, открывая новые и новые ипостаси жизни народной – той, каковою была в годы, отмеренные мастеру.

И – рассказ к рассказу – будто строится терем прозы, нет! Китеж всплывает из вод нынешнего дурновкусия и глупости, связей и торгашества премиями: Китеж, сияющий красками ума, юмора, доброты – а всё это проза Шукшина предлагает в избытке.

Но не только в рассказах великолепны мускулы мастерства Василия Макаровича: и “Любавины”, густо замешанная история рода, возвышаются над обилием разной мелкотравчатой и толсто-томной прозы; что за герои! какая великолепная гроздь характеров!

И Стенька бушует – оставшийся в веках, не прекратил ни бунта своего, ни разгула – проигравший победитель, пытаемый в конце так страшно, но смехом над палачами глумящийся, не дающий им насладиться стонами своими.

Василий Шукшин рядом с нами: вот они тома его, на многих полках; Василий Шукшин удивляется нам – как могли дойти до такой агрессивности, эгоизма, алчности; как могли дойти до не-чтения книг, или чтения макулатуры, как могли стать такими?!

Изменитесь! – призывают тома великолепного Шукшина.

Ноша и чаша Валентина Распутина

Ноша Валентина Распутина была тяжела, ибо писать вровень с классиками девятнадцатого века практически невозможно (хотя Распутину это удалось), а чаша его, подъятая к небесам, была полна как солнечной субстанции ей жизни, так и горьким полярным отваром.

Уже “Деньги для Марии” обещали писателя необычайного, редкого: и по словесному, густому и крепкому письму, и по проникновению в сердца людские, занавешенные от большинства плотью поступков. Собственно “Деньги для Марии” сама по себе замечательная повесть, ибо мощно показывает, как трагедийный излом выявляет лучшее и худшее в человеческой породе, – мощно и оригинально; но в сравнении с главной, вероятно, книгой “Живи и помни” – это ещё репетиция высоты.

“Живи и помни” даёт жизнь так плотно и веско, столь из глубин высвечивая сущность её, что полноценно встаёт в ряд с классическими произведениями лучших из лучших. . .

Несущая в себе новую жизнь: ребёнка, о котором мечтала, который не получался, Настёна тонет – топится, чтобы предупредить об опасности мужа, изъеденного собственным дезертирством и страхом войны. . . Это – как речь на могиле Илюшеньки из “Братьев Карамазовых” – та же мощь, та же сила. . .

Только. . . есть ли выход к свету через пути страданий, которыми изломисто идут герои Распутина?

Есть ли он?

Ибо отсутствие такового не может сделать книгу значительной, ибо литература существенна лишь в той мере, в какой даёт почувствовать парение души, возможность прикоснуться к облакам. А сама повесть – с её живым, хлебным языком, с нежной, такой простой Настёной, с Андреем, ощутившим, что такое жизнь в тупике, есть световое вещество жизни: ибо, как бы ни была тяжела она, это всё равно жизнь. . .

Далее накатит волны “Прощание с Матёрой”, где образы старух, пьющих чай так, будто вот-вот к ним в гости заглянет смерть, врезаются в память алмазными гранями силы и мастерства. Матёра – книга о разрушении и стойкости: могучий “царский листвень” (чуть ли не тень Мирового древа), несущий

новое, но несущий сие через разрушение, не могущий не сокрушить, как сокрушит он деревню, разорит кладбище. . .

Великолепные “Уроки французского”, в сущности, обжигающий стигмат сострадания, вырезаемый на сердце читателя; тут линии Достоевского и Некрасова причудливо переплетаются, точно вращаясь в современный материал скудости и бедности.

А как роскошно-живописен очерк о Байкале! вода его блестит, и берега чуть не прогибаются от обилия ягодных кустов; и дремотное в этот час бело-прозрачное море Байкала готово поделиться силой своей с читающим строки Распутина.

Книги – тёртые, сильные, с хлебом и гневом, правдой и жёсткостью – строил Распутин, как строили когда-то терема, и хотя в его книгах мало праздничного, сам факт, что были они – праздник русской литературы.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

ЛЮДИ СИБИРСКОЙ СТОРОНЫ

Валерий Хайрюзов много лет посвятил работе в гражданской авиации. Он преодолел все испытания сурового сибирского неба, добираясь до самых дальних посадочных площадок. Но и как писатель он так же уверенно прошёл через смуту и духовный разлад лихих 90-х годов, оставаясь на твёрдых нравственных позициях в то время, когда, по меткому определению нашего великого сибиряка, писателя Валентина Распутина, *“... из литературы и вообще из культуры постарались сделать лавочку по изготовлению острых чувств и обольстить этим товаром российского читателя. Понятно, что серьёзный писатель, признающий за литературой совсем иное качество нравственного и духовного влияния на общество, в это новое цеховое братство не вписался и вынужден был держаться от него подальше”*.

В 9-м номере “Нашего современника” была опубликована новая повесть Валерия Хайрюзова “Раскулачиха”. Если говорить без всяких литературоведческих изысков, повесть взволновала своей искренностью и напоминанием о том, что у нас ещё не перевелись замечательные люди-сибиряки!

Один из главных героев, Николай Речкин, открывается нам постепенно, с первых страниц представляя перед читателем вроде бы опустившимся ничёмным человеком, не брезгующим питием одеколона с похмелья. Но за годы лётной работы в Восточной Сибири писатель успел подружиться с жителями этих мест, понять и полюбить их. И уж он знает, сколько духовных богатств порой скрыто в неприметных внешне жителях отдалённых посёлков. Писатель наблюдает и с видимым удовольствием страницу за страницей открывает для себя и читателей новые черты сложного характера Николая Речкина.

И всё же почему Речкин так часто и много пьёт? Где причина такой, нынче самой распространённой в российской глубинке формы отчаяния? Скорее всего, она в том, что нет вокруг него близкой ему духовно ментальной среды, нет у Речкина своего дружного крепкого сообщества мастеровых, влюблённых в тайгу земляков, понимающих жизнь так же, как понимает её он сам. Не с кем затевать новое доброе дело.

Он живёт словно в злой волчьей стае, каждый день вынужденный “огрызаться”, защищая свой кусок добычи. Душа его озлобляется, не находит себе места, пробует забыться в вине. Не случайно дом Речкина автор повести назвал “*жильём одинокого волка*”. К сожалению, со своей добротой и открытостью Речкин смотрится беззащитной мишенью перед набравшей силу бесовщиной рыночных времён. А нынче нужно держать ухо востро. В нашем обществе испокон веков идёт беспощадная война двух непримиримых мировоззрений: индивидуализма и “общинности”, по сути — зла и добра.

Где надо быть добрым, а где брать в руки дубину? Новые реалии чуть не ежедневно ставят перед нами этот вопрос. Николай Речкин в своё время одолел медведя и спас зарубежных туристов. Можно быть уверенным в его

героизме во время военных действий в горячих точках. А вот в обыденной жизни Николай явно уступает, проигрывает представителям другого мировоззрения, которые стараются выстроить бытие вокруг себя и для себя, любимых, которые своей выгоды не упустят. Все обстоятельства обратят на пользу своей ненасытной натуре. И таёжные навыки превратят в браконьерство.

Коля Речкин так и не понял, что для выживания среди окружившей его “стаи язычников”, очевидно, надо перестать “жить нараспашку”. Однажды “он ушёл в тайгу промысливать соболя и не вернулся”. Его неожиданное исчезновение воспринимается мною, читателем, как трагическое, но закономерное явление. Слишком много доброты нёс он, и этим раздражал окружающих его эгоистов и приспособленцев всех мастей и оттенков. Доброта без расчётливости часто наказуема. Сейчас нужны сильные духовно и физически, уверенные в себе люди. Их можно встретить, например, в произведениях сибирского писателя Михаила Тарковского. Один из его героев вместе с семьёй отправляется в отдалённый таёжный посёлок, в котором когда-то жили геологи. Новую жизнь, новую крепкую семью герой создаёт сам. Это должна быть цельная в своей гармонии семейная жизнь.

Образ *человека созидающего* в своей повести попытался создать и Валерий Хайрюзов. Это предприниматель Росомаха. Пока беспечный Коля просто наслаждался жизнью, “бизнес-леди” Росомаха уже целеустремлённо боролась за выживание.

Аделина Рафкатовна по-своему переустраивает мир. Усадьба Росомахи – примета новых времён. Успехи в бизнесе позволяют ей приглашать к себе и содержать за свой счёт художников. У неё вообще большие планы на будущее. Мы здесь видим появление нового героя, который уже духовно не связан с местом своей деятельности. Пожалуй, это уже не сибиряки в их неповторимой духовности. Это пользователи местных природных ресурсов.

Конечно, без Коли Речкина здешние места осиротеют. Во всей безалаберности этого очень непростого человека был некий высший метафизический смысл: “блаженны нищие духом, ибо они утешатся”. Росомаха, конечно, попробует здесь всему вернуть рациональный смысл. Но то главное, духовное, что и называется жизнью, вместе с Колей исчезнет из этих таёжных мест. Надежда только на то, что такие люди, как Речкин, в сибирских краях ещё не перевелись!

ЗАЯВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

В Абхазии глубоко встревожены событиями, разворачивающимися вокруг Российской Федерации, с которой наша республика поддерживает союзнические (стратегические) отношения. Наш народ, переживший в 1992-1993 годах войну, навязанную Грузией, не понаслышке знает цену мирной жизни. Любая война – это несчастья, неисчислимые страдания, непоправимые жертвы. Пройдя через все эти суровые испытания, жесточайшую экономическую и информационную блокаду, Абхазия добилась восстановления своей многовековой государственности.

И во многом благодаря признанию Российской Федерацией независимости нашей республики в 2008 году, мы сегодня имеем реальную возможность строить своё государство, восстанавливать экономический потенциал страны.

С Россией и Украиной нас издревле связывают православные и культурные взаимоотношения. И мы не можем смотреть равнодушно на то, как заокеанские вершители судеб планеты, по принципу разделяй и властвуй, сталкивают два братских единокровных народа, чтобы, превратив территорию Украины в антироссийский плацдарм, обеспечить здесь своё геополитическое и геостратегическое господство.

К сожалению, когда стоял вопрос, быть или не быть народу Абхазии, вместо хотя бы моральной поддержки со стороны Украины, в Грузию в спешном порядке перебрасывались сотни украинских наёмников из рядов УНА-УНСО, вливавшихся в ряды грузинских агрессоров и участвовавших вместе с ними в истреблении абхазов.

Кошунственно, что, постоянно и громогласно разглагольствуя о демократии и правах человека, Запад уже восемь лет поощряет политику геноцида в отношении гражданского населения Донбасса, осуществляемую киевским режимом. И как можно верить политикам, международным правозащитным организациям, столько лет закрывающим глаза на гибель более 13 тысяч жителей ДНР и ЛНР, в числе которых дети и старики. Все эти годы наша страна оказывала Донбассу посильную гуманитарную помощь, принимала и продолжает принимать беженцев. Республика Абхазия, вслед за решением Российской Федерации, признала независимость политически самоопределившихся ДНР и ЛНР.

Ныне западные политики и их верноподданные, рядящиеся в тогу ревностных правозащитников, в нарушение общепринятых правовых норм цинично поощряют изгнание студентов - выходцев из России, обучающихся в европейских вузах, подвергают санкциям спортсменов, деятелей культуры, на которых в современном цивилизованном мире, казалось бы, не должны распространяться последствия межгосударственных политических разногласий и конфликтов.

Как можно расценивать такой прецедент, как увольнение Мюнхенским филармоническим оркестром выдающегося дирижера Валерия Гергиева за

его политические убеждения, а также разрыв отношений со звездой мировой оперы Анной Нетребко, предпринятый Баварской государственной оперой?

Дело дошло даже до такого безумия, что людей из России в европейских кафе и ресторанах отказываются обслуживать по дискриминационным признакам.

И всё это, господа “радетели” демократии, является подтверждением откровенной лживости проповедуемых вами “гуманистических” ценностей.

Уверены, что действия, предпринимаемые руководством России во главе с Президентом РФ В. В. Путиным в целях демилитаризации Украины – временная, вынужденная мера, способная упредить опасные замыслы Североатлантического альянса и защитить народы России и Украины от экспансии и военно-политического диктата Запада.

Мы желаем народам России, Украины, всем миролюбивым народам добра, спокойствия, взаимопонимания, стабильности, разрешения всех существующих военно-политических проблем мирным, дипломатическим путём. Чем быстрее сядут политики и миротворцы за стол переговоров, чтобы найти ключ к урегулированию конфликта, тем реальнее и ближе шанс на прекращение братоубийственной войны.

Мушни Ласуриа – народный поэт Абхазии, академик АНА, лауреат Государственной премии имени Д. И. Гулиа Республики Абхазия, лауреат Патриаршей литературной премии.

Вахтанг Абхазоу – поэт, лауреат Госпремии имени Д. И. Гулиа РА.

Геннадий Аламиа – поэт, лауреат Госпремии имени Т. Аджба РА и Национальной премии имени Н. Джусойты РЮО.

Денис Чачхалиа – поэт, прозаик, лауреат Госпремии имени Д. И. Гулиа РА.

Владимир Зантариа – поэт, академик АНА, лауреат Госпремии имени Д. И. Гулиа РА.

Анатолий Лагулаа – поэт, прозаик, лауреат Госпремии имени Д. И. Гулиа и имени Т. Ш. Аджба.

Гунда Квициния – поэтесса, лауреат Госпремии имени Д. И. Гулиа РА.

Анзор Мукба – писатель, драматург, член СП Абхазии.

Инна Хашба – поэтесса, член СП Абхазии.

Арда Ашуба – кандидат филологических наук, доцент АГУ, член АСП РА.

Василий Авидзба – кандидат филологических наук, член АСП РА.

И другие, всего 47 подписей.

К 70-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА АРТАМОНОВА

“Те, кто давно не бывал в Калуге, восхищаются не только обновлённым, чистым и уютным городом-садом, современным многоэтажным Правобережьем, третьим мостом через Оку, новым аэропортом, окружной дорогой с удобными развязками и эстакадами. В образцовом состоянии и районные центры.

“Мы должны, — говорилось на одном из сайтов губернатора, — приложить все усилия для того, чтобы у коренных жителей области была гордость за свою малую родину, а многие граждане России мечтали бы жить на благословенной Калужской земле”...

После сказанного можно понять, почему Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам РФ возглавляет бывший калужский губернатор. И почему члены этого комитета не раз уже побывали в нашей области. Им здесь есть чему поучиться. И Анатолию Дмитриевичу есть что рассказать и показать своим коллегам”.

Статью Виктора Боева “Честно служить своему народу”
читайте на стр. 106.

К 75-ЛЕТИЮ
СТАНИСЛАВА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗОЛОТЦЕВА

Он был одним из самых талантливых поэтов своего поколения. Выпустил пятнадцать книг стихотворений и поэм. Переводил Дилана Томаса и Рабиндраната Тагора. Написал несколько повестей и романов. Автор литературных исследований “Нет в поэзии провинций”, “Боязнь забыть слово”, “Поэзия и Смута”, блистательной книги о Сергее Маркове “Искатель живой воды”. В 1993 году отозвался на трагические события жизни государства следующими строками:

*Блажен, кто погиб в наши смутные дни
За Сербию и Приднестровье,
Блажен, кто гасил под Батумом огни
Своей негасимую кровью.
Но трижды бессмертен и трижды блажен,
Кто, грозным не внемля запретам,
Погиб в октябре у пылающих стен
Российского Дома Советов.*

Мы всегда будем помнить нашего автора и верного друга.